19437
1922

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Пров. 50

№ 12.

ДЕКАБРЬ

1894.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та
3109
им. А. И. ГЕРЦЕНА

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:
Саперный переулокъ, д. 6 *(близъ Надеждинской)*
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. ПЕРВОЕ УВЛЕЧЕНІЕ.—Записки корнета. П. Н. Краснова. 1

II. В. П. БОТКИНЪ.—Біографическій очеркъ. Ч. Вѣтринскаго 39

III. ПРОМЕТЕЙ. (Стихотвореніе). Р. Соловьева 108

IV. СѢВЕРЦЕВЪ.—Повѣсть. П. П. Булыгина. 111

V. ПО ПУСТЫНѢ АРАВІЙСКОЙ.—Путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Пьера Лоти. 166

VI. ИЗЪ Р. БОРНСА.—Стих. Н. Новича. 192

VII. КЪ СВОБОДѢ И ЛЮБВИ. Повѣсть. Е. Яблонской. 193

VIII. ВЪ ПОИСКАХЪ ПРАВДЫ «Lourdes», новый романъ Эмиля Золя. В. Ч—на. 238

IX. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ. А. К. Клоппенбурга 249

X. ВЪ ЦАРСТВѢ ТЕРПСИХОРЫ. (Очеркъ недавняго прошлаго). Вѣры Балетомановой. 264

XI. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. (Первый публичный курсъ лекцій Т. Н. Грановскаго). В. Ревелинскаго 278

XII. ВЪ МОРОЗЫ. (Стихотвореніе). С. Р-ва. 293

XIII. ВЕЛИКІЙ УРОКЪ. (Философско-историческая замѣтка). Ѳедора Шперка. 293

XIV. ОКСФОРДСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.—Поля Бурже. 294

XV. КРИТИКА. *Забытый поэтъ-реалистъ.* (Окончаніе). К. Р—дова. 322

XVI. НОВЫЯ КНИГИ.—„На озерѣ“. Повѣсти и разсказы П. Н. Краснова. О. Б.—Повѣсти и разсказы Н. П. Стахевича (изд. Ледерле). О. Б. — Стихотворенія Л. П. Трефолева, изд. 1894 г.—Сказки, преданія и легенды всѣхъ народовъ. Состав. Е. Владимірова (Европеусъ), изд. 1894 г. М. К. 352

XVII. НАШИ ЖУРНАЛЫ. М. Крыковскаго. 357

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—La ligue de la Confédération balkanique въ Парижѣ. — Турецкія звѣрства въ Арменіи. — Мадагаскарская экспедиція Франціи.—„Publicité“ парижской печати и крупный шантажъ II. М. Н—на. 377

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Мѣстные кредитные органы. Ан. Ан. Пыпина. 378

XX. ГОЛОСЪ МОСКОВСКАГО КУПЦА. (*Письмо въ редакцію*). Отношеніе русской печати къ купцу и купца къ печати.—Въ чемъ именно обвиняетъ печать купца и промышленника?—Есть-ли разница между капиталистомъ купцомъ и капиталистомъ не купцомъ?—Послѣдніе обвинительные акты печати, включая статьи „Новаго Времени“. К—ва 388

ПРИЛОЖЕНІЕ:

XXI. ГАННА. Романъ Берты Сутнеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. Е. Л. Зильберберга. (Окончаніе). 399

Объявленія.

Типо-Литографія Мулльеръ и Богельманъ, Невскій, 148.

Зюд 1894.
№ 12

ПЕРВОЕ УВЛЕЧЕНІЕ.

Записки корнета.

Посвящается Л. Ф. Б.. ....нъ.

I.

Я стою передъ большимъ маминымъ зеркаломъ у туалета и разсматриваю себя въ него. Я положительно красивъ. Золотыя портупея и перевязь, которыя перекрещиваются на моей груди, сѣро-синія рейтузы, лакированные сапоги со шпорами, и, главное, шапочка съ цвѣтнымъ верхомъ—все это далеко не худо. Я одинъ вышелъ изъ N-скаго училища въ кавалерію и на-дняхъ буду прикомандированъ къ гвардіи. Все это мнѣ устроилъ мой дядя, очень важный человѣкъ. Мнѣ уже пора ѣхать въ полкъ, но я не хочу отойти отъ зеркала и не могу вдоволь налюбоваться на себя.

Я уже офицеръ. Въ жизни моей много чего-то новаго. Уже одно то, что мнѣ отдаютъ честь, у меня будетъ лошадь, деньщикъ, казенная квартира. Скверно, что нашъ полкъ стоитъ за городомъ, а то бы... Меня страшитъ, что я изъ пѣхотнаго училища. Мнѣ вспоминаются на съемкахъ наши столкновенія съ юнкерами Николаевскаго училища. Идешь бывало по полю въ сапогахъ бутылками, смазныхъ и вонючихъ, а на встрѣчу юнкеръ кавалеристъ, въ узенькихъ штанишкахъ, въ ботинкахъ со шпорами и подъ зонтикомъ; не вытерпишь и крикнешь: „моншеръ, воткни шпоры въ спину“.

Какъ изводили они насъ своимъ щегольскимъ „собственнымъ“ видомъ. У насъ, бѣдныхъ пѣхотинцевъ, запрещали имѣть что либо свое, мы всегда ходили въ казенномъ, сшитомъ не по мѣркѣ, а по пригонкѣ. У насъ считалось дурнымъ тономъ одѣть кованые галуны на мундиръ — у нихъ всѣ ходили въ своемъ. А рейтузы, обтягивающія стройную,

молодую ногу, или наши безобразныя, вѣчно вымазанныя саломъ шаровары! Наконецъ, шпоры!

Вся жизнь ихъ была какая-то миѳически веселая. Въ чайной у нихъ подавали бифстексы и мороженое, фрукты и ягоды, торговалъ плутоватый ярославецъ, ихъ „шакалы“ *) приносили имъ въ корзинахъ шампанское и ромъ, они долго спали и мало ходили. Возвращаешься бывало со стрѣльбы по военному полю. Девятый часъ утра и солнце припекаетъ. Винтовка давитъ плечо, усталъ, разморился. Встали-то въ пять, а то и въ четыре часа утра, прошли на стрѣльбище версты три по росѣ, покрывшей военное поле, тамъ сколько дрожали на утреннемъ вѣтрѣ, ожидая очереди, и усталые идемъ командой домой, чтобы дома чистить, разбирать и собирать винтовку. Для насъ полъ-лагернаго дня уже прошло, а „моншеры“ только-только встаютъ. А какъ завидовали мы имъ на маневрахъ! Идешь послѣднія версты перехода. На спинѣ и скатка, и палатка, и котелокъ, и сумка съ мелочью, ружье стерло плечо, сапоги облипли глинистой красносельской грязью, ноги въ ней тонутъ и скользятъ, ѣсть хочется до безобразія, желудокъ подвело совсѣмъ, и вдругъ узнаешь, что батальонная кухня завязла въ какомъ-нибудь Ароппакози и раньше двухъ часовъ ночи обѣда не будетъ.

А тутъ, какъ на зло, на рысяхъ обгоняетъ ихъ эскадронъ. Съ веселымн шуточками проносятся они передъ нами, сзади ѣдетъ ихъ походная кухня, и обѣдъ готовый и горячій они получатъ сейчасъ же по приходѣ. Мы будемъ дрогнуть подъ косымъ осеннимъ дождемъ на голой землѣ, подъ дырявой tente abris, они разсядутся по избамъ, ихъ лакеи принесутъ имъ погребцы и они будутъ пить чай, заведутъ сношенія съ „мѣстными жителями“ и весело переночуютъ.

А мы, какъ собаки, сбившись кучами по шесть человѣкъ, согрѣвая другъ друга животной теплотой, проспимъ безпокойно до утра...

Много, много у нихъ щегольскаго, офицерскаго, чего нѣтъ у насъ, и мы подчасъ сильно имъ завидовали.

Но теперь и я „моншеръ“.

---

*) „Шакаломъ“ у юнкеровъ называютъ разносчика въ лагерѣ. *Авторъ.*

Я еще разъ осматриваю себя въ зеркалѣ и самодовольно думаю: корнетъ Константинъ Александровичъ Яковлевъ...

Мама не хотѣла, чтобы я служилъ въ кавалеріи. Но мама боится, что я замотаюсь. Неужели же она не можетъ понять, что то суровое воспитаніе, которое я получилъ въ N-скомъ училищѣ, достаточная порука моей неизбалованности! Я рѣшилъ, что я буду отличнымъ кавалерійскимъ офицеромъ, но совсѣмъ не буду кутить. Вѣдь у меня же есть характеръ... А потомъ я пойду въ Академію. Я докажу мамѣ, что я могу служить въ гвардейскомъ полку на тѣ пятьдесятъ рублей, что она мнѣ даетъ.

Вѣдь только три года, а тамъ Академія, полуторный окладъ содержанія, отсутствіе вычетовъ, и я поправлю свои обстоятельства.

Иногда меня обижаетъ, что дома на меня какъ-то натянуто смотрятъ. Мама любовалась моимъ мундиромъ, но не столько, сколько мнѣ хотѣлось... Лидія... моя дальняя родственница и мой лучшій другъ и пріятель, все бредитъ своимъ казакомъ. У нихъ что-то вышло съ Земсковымъ, и, кажется, Земсковъ ждетъ двадцати трехъ лѣтъ, а это будетъ черезъ годъ.

Земсковъ, мой бывшій фельдфебель въ училищѣ, навѣрное поступаетъ въ Академію. Вотъ-то зубрить будетъ!

Я завидую ему... Не скрою—Лидія всегда была моя. Мы всегда были вмѣстѣ съ ней, я дѣлился съ ней всѣми моими радостями и горемъ, и мнѣ теперь жаль отдавать ее другому... Иногда до боли жаль.

Она очень похорошѣла. У ней дивный цвѣтъ лица, ея свѣтлые волосы вьются на лбу и, расчесанные на двѣ стороны, совсѣмъ не образовали пробора. Она пополнѣла, и женщина стала въ ней замѣтнѣе, чѣмъ раньше.

Но порядочному кавалеристу грѣхъ думать о женщинѣ— и я опять сосредоточиваю свое вниманіе на зеркалѣ.

Усы маловаты. Впрочемъ корнету (какое милое слово, и развѣ можно его сравнить съ „подпоручикомъ“) и не надо длинныхъ усовъ, это больше прилично для ротмистра.

Ноги хороши, кажется, прямыя, стройныя. Онѣ немного сбиты послѣ пѣхотныхъ маневровъ, ну, да это теперь скоро пройдетъ... Талія очень хорошая, почти какъ у Земскова.

Однако пора ѣхать. Я поворачиваюсь и иду. Шпоры зве-

нять и образуютъ дивную гармонію... Горничная подаетъ мнѣ пальто, и я ѣду въ полкъ... Немного страшно—какъ-то примутъ ..

II.

Приняли меня въ полку очень хорошо. Командиръ, сѣдоусый, лихой нѣмецъ, напомнившій мнѣ почему-то знаменитаго кавалериста Зейдлица, былъ любезенъ. Распрашивалъ меня, почему я выхожу въ кавалерію, много говорилъ про моего покойнаго отца—онъ, оказывается, былъ съ нимъ товарищемъ по корпусу.

— У васъ лошадь, конечно, есть уже?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,—страшно сконфуженный, едва пробормоталъ я.

— Ну, это не бѣда. Я вамъ устрою лошадь. Тутъ въ полку продается одна—не Богъ вѣсть какая, но на первое время вамъ хороша будетъ. Цѣна всего пятьсотъ рублей.

Пятьсотъ, мелькнуло у меня въ головѣ, а мама говорила, что maximum, что можно израсходовать на лошадь, это триста. Болѣзненное чувство сжало мое сердце, но я затаилъ грусть далеко и, вспомнивъ, что я офицеръ, беззаботно отвѣтилъ:—„Слушаю-съ, я посмотрю“.

Лошадь оказалась хоть куда — я даже поѣздилъ на ней немного, потомъ прошелъ въ собраніе. Здѣсь я познакомился со многими офицерами, которые всѣ оказались премилыми людьми, и узналъ, что намъ по недостатку квартиръ отвели одну комнату на двоихъ—мнѣ и корнету Мармону.

Мармонъ тоже былъ здѣсь. Онъ уже дѣлалъ визиты всѣмъ и въ разстегнутомъ сюртукѣ игралъ теперь на бильярдѣ. Онъ одного со мною выпуска изъ училища, только я изъ N-скаго пѣхотнаго, а онъ изъ кавалерійскаго. Онъ невысокъ ростомъ, довольно красивъ. Его голубые глаза какъ-то растерянно смотрятъ. Онъ въ очень узкихъ рейтузахъ и въ модной цвѣтной рубашкѣ.

— Вы со мной будете жить?—спросилъ онъ меня.

— Да, мнѣ хотѣлось сказать „господинъ корнетъ“, и я запнулся .

— Переѣзжайте скорѣе. Веселѣе будетъ. Хотите, верхомъ будемъ вмѣстѣ ѣздить—это моя страсть. Вы Османа купили?

Я къ стыду своему не зналъ, какъ зовутъ мою лошадь.

— Да... я у командира полка пріобрѣлъ. Онъ мнѣ рекомендовалъ...

— Добрая лошадь. Только она не годится совсѣмъ на скачки. Просто строевая лошадь. Вотъ мнѣ приведутъ скоро лошадь—посмотрите. Прекрасныхъ кровей. Отъ Роксоланы и Рембрандта... Вы на бильярдѣ не играете?

Ну, какъ мнѣ было сказать, что я первый разъ въ жизни вижу бильярдъ! Я скромно отвѣтилъ: играю, только плохо, и притомъ не люблю.

— Напрасно. Отличная игра. Знаете, мѣткость глаза и руки пріобрѣтается—великолѣпная игра. Давайте партію.

Я съ трудомъ отказался.

— Ну, тогда пойдемте смотрѣть нашу квартиру.

Квартира наша состояла изъ коротенькой передней, гдѣ было помѣщеніе и для деньщика, и изъ довольно большой, страшно высокой и свѣтлой комнаты.

— У васъ мебель есть?

Я никогда не думалъ объ этомъ. Мамѣ какъ-то всегда представлялось, что мы будемъ жить непремѣнно вмѣстѣ, и я совсѣмъ не позаботился объ обстановкѣ.

— Нѣтъ, пока не купилъ еще.

— Ну, такъ купимъ вмѣстѣ. Да много-ли намъ надо. Стульевъ—штукъ пять, столъ, двѣ постели... шкапъ. Большето и не помѣстится. Да мы вѣдь дома сидѣть не будемъ. Знаете, давайте каждый день въ Петербургъ верхомъ ѣздить, втянемъ лошадей, и сами такъ будемъ ѣздить, просто прелесть!.. Хорошо? Идетъ?

Мы ходили еще на конюшню. Я разсматривалъ другихъ лошадей, съ наслажденіемъ слушалъ, какъ мнѣ рапортовали „ваше благородіе, по конюшнѣ номера третьяго эскадрона все обстоитъ благополучно“...

Только къ вечеру я собрался уѣзжать. Мармонъ остался въ полку у своего товарища.

Когда я, небрежно накинувъ на плечи пальто, проходилъ по вокзалу, мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ на меня и любуются. Состроивъ возможно болѣе небрежный видъ, я прошелъ въ вагонъ перваго класса и важно развалился на диванѣ.

Было около часу ночи, когда я пріѣхалъ домой. Мама и Лидія меня ожидали. Имъ почему-то казалось, что я долженъ

непремѣнно пріѣхать пьяный, и онѣ очень удивились, когда я совершенно трезвый пришелъ къ нимъ.

Лидіи, видимо, хотѣлось спать, но она пересилила себя и сидѣла, ожидая меня и читая книгу. Я заглянулъ на заголовокъ:—„Исторія войска Донскаго. Влад. Броневскаго".

— Интересно?—небрежно спросилъ я.

— Ахъ, очень!—съ жаромъ отвѣтила Лидія и густо покраснѣла.

Я понялъ: она читала о казакахъ, а сама думала объ одномъ... Гдѣ-то онъ? Поѣхалъ на Донъ дѣла устраивать... Я съ презрѣніемъ подумалъ о казакахъ,—какая у нихъ посадка, какія скверныя мохнатыя лошаденки,—но промолчалъ. И мама и Лидія ждали отъ меня толковаго и подробнаго разсказа о происшествіяхъ, но я нарочно ничего не говорилъ.

— Ну, что-же?

— Ничего,—отвѣтилъ я.—Усталъ очень. Мундиръ давитъ. Я пойду переодѣнусь...

— Ну, хорошо, мы подождемъ.

— Да вѣдь поздно, пожалуй. Вы бы спать ложились,—небрежно, сквозь зубы, цѣдилъ я.

Лидія съ негодованіемъ посмотрѣла на меня. Мама чуть не плакала.

И вдругъ мнѣ стало жаль ихъ. Я спокойно сѣлъ на диванъ и сталъ имъ разсказывать впечатлѣнія сегодняшняго дня. Я понемногу увлекся. Когда я сказалъ, что лошадь будетъ стоить пятьсотъ рублей, мама вздохнула и промолвила: „вотъ то-то, дружокъ, говорила я, что въ пѣхотѣ-то лучше было-бы. Много дешевле..." Потомъ я описывалъ имъ Мармона.—Это, говорилъ я, такой милый, симпатичный человѣкъ, столько въ немъ изящества, ловкости, знанія свѣта... Такой, словомъ... ну, вотъ, сейчасъ видно, что онъ хорошо воспитанъ, не то что, какъ наши, изъ пѣхоты... Тутъ лоскъ... образованіе.

— Не увлекаешься-ли ты, Костя?—тихо сказала мама.

— Ой, мама,—искренно воскликнулъ я, и дѣйствительно, въ эту минуту я почти былъ влюбленъ въ Мармона.

Мы разошлись въ третьемъ часу. Лидія задержала меня, и мы остались вдвоемъ.

— Костя... Константинъ Александровичъ,—тихо сказала она и слезы дрожали въ ея голосѣ...—Ты на опасномъ пути! Будь честенъ и добръ... Не увлекайся... Помни свою Лиду.

Вѣдь я тебя всегда, всегда любила, какъ брата, и буду любить... Не дѣлай долговъ... И, знаешь... не безпутствуй...

Она порывисто поцѣловала меня въ лобъ, нагнувъ мою голову, и быстро вышла.

— Какія глупости! — сказалъ я, но слезы туманили мнѣ глаза, и что-то торжественное подымалось выше и выше...

Я прошелъ въ свою комнату, быстро раздѣлся и кинулся въ постель.

Я долго не могъ заснуть. То мнѣ слышался однообразный стукъ поѣзда, то щелкали шары на билліардѣ, то Мармонъ смотрѣлъ на меня своими голубыми глазами. Вотъ она новая жизнь,—и вдругъ мнѣ грустно стало своей роты, товарищей, чайной, безконечныхъ споровъ, скучно стало и одиноко, въ сознаніи, что вотъ я одинъ лежу здѣсь, а часть моя далеко, за городомъ. Нѣтъ, надо, непремѣнно надо, какъ можно скорѣе переѣхать въ казармы. Заживу я тамъ съ Мармономъ, будемъ ѣздить верхомъ, читать книги... Надо себя дообразовать, а то вонъ я, оказывается, и Шекспира не читалъ, и про Шиллера ничего не слышалъ... Потомъ, тоже и языками надо заняться. Буду по вечерамъ переводить, а раза два въ недѣлю наѣзжать къ Лидіи, и она меня будетъ учить...

Хочу быть и лихимъ и весьма образованнымъ офицеромъ. Чтобы всѣ знали, каковъ корнетъ Яковлевъ!

III.

Мечты, мечты... Вотъ уже полгода прошло, какъ я живу вмѣстѣ съ Мармономъ, а нѣтъ у меня ни Шиллера, ни Шекспира, нѣтъ порядочнаго шкапа, нѣтъ письменнаго стола, такъ, что, чтобы написать письмо, мы бѣгаемъ въ офицерское собраніе. И стоитъ у насъ всего одна оттоманка, мѣсто отдохновенія отъ трудовъ—мое и Мармона, и двѣ постели. По стѣнамъ висятъ ружья, ятаганы, сабли и шашки, мы находимъ свою обстановку très chic, совсѣмъ въ кавалерійскомъ духѣ Все время я провожу въ проѣздкахъ и набѣгахъ верхомъ. причемъ мечтаю и воображаю себя партизаномъ-наѣзднико мъ и, пробираясь темной зимней ночкой по сугробамъ Коеровскаго лѣса, я жду, что вотъ-вотъ засвистятъ пули и налетитъ врагъ на меня, или ожидаю увидѣть за опушкой огни далекаго би-

вака, но все тихо и спокойно и только далеко, далеко видно блѣдное зарево надъ Петербургомъ.

Петербургъ... Я совсѣмъ забылъ про него. У мамы, у Лидіи я почти не бываю. Французскій языкъ остался въ проектѣ, да и когда имъ заниматься! Мои развѣдчики, про которыхъ на смотру начальника дивизіи, его превосходительство сказалъ: „да это не развѣдчики, а академія генеральнаго штаба“, отнимаютъ у меня все время до 4 часовъ... Въ четыре придешь разбитый, усталый и ляжешь спать... А вечеромъ изъ собранія, или изъ города налетитъ Мармонъ, веселый, оживленный, подыметъ суматоху и часовъ въ одинадцать мы уже осѣдлали коней и летимъ, свободные, какъ вѣтеръ, куда глаза глядятъ. Серебристая снѣжная пыль несется за лошадью, пріотстанешь, Мармоновъ Робъ-Рой кинетъ задними ногами комъ снѣга въ лицо... Больно и жарко, и весело, здорово и сладко на сердцѣ. Подходимъ къ дому—чуть свѣтаетъ; солдаты идутъ на чистку, мой вѣстовой Ядровъ ожидаетъ меня. Слѣзешь съ коня и не идешь домой, а смотришь, смотришь, какъ его водятъ, разсѣдлываютъ, чистятъ... Я цѣлую его пушистую нѣжную мордочку и веселый иду прилечь на часокъ, а въ девять, опять словесныя занятія съ развѣдчиками, потомъ разговоры въ собраніи, гимнастика и фехтованіе, сонъ и опять веселая поѣздка ночью при лунѣ.

— Ишь пѣхота-то наша какъ! — говорятъ поощрительно старые офицеры, другіе подтрунниваютъ, смѣются, зовутъ „партизаномъ“, „казакомъ“, но мнѣ весело, какъ только можетъ быть весело молодому, не влюбленному двадцатилѣтнему офицеру...

Вотъ и теперь. Февраль на исходѣ. Морозы стоятъ крѣпкіе, ѣхать не охота. Четыре часа дня. Я только что кончилъ свои занятія въ классѣ и, подтвердивъ, что „масштабъ есть уменьшеніе плана противу мѣстности“, вернулся домой и, сидя съ ногами на оттоманкѣ, гляжу на сверкающія брилліантами, разубранныя морозомъ стекла. На меня находитъ задумчивость, я силюсь вспомнить что-то, вспоминаю Лидію, Земскова, и вдругъ мнѣ грустно становится, что я не влюбленъ. Корнетъ и не влюбленъ... Но въ кого я влюблюсь?.. Я вызываю въ воображеніи своемъ всевозможныя женскія лица, но ничего не вижу хорошаго. Въ это время входитъ Мармонъ.

Онъ похудѣлъ за послѣднія недѣли. Ему не везетъ въ

карты—долгъ его перевалилъ за тысячу, и онъ озабоченъ. Увидѣвъ меня, мечтающимъ въ углу оттоманки, онъ напѣваетъ:

Корнетъ влюбленный въ уголку
Сидитъ мечтая на диванѣ,
И съ нимъ дежурный по полку
И пьяный юнкеръ въ доломанѣ...

Потомъ вдругъ обрываетъ и кличетъ своего деньщика: „Казанковъ, сними пальто. Зажги лампу. Офицеръ пришелъ—надо, чтобы свѣтло было".

У насъ мода говорить про себя въ третьемъ лицѣ и называть „офицеръ".

— Что офицеръ призадумался?

— Тоска.

— Глупости. Хочешь женщинъ? Съ такими познакомлю просто чудо!.. Казанковъ, офицеръ чаю хочетъ!..

— Ну... слегка оживляясь, тяну я.

— Хочешь, познакомлю съ Марьей Ѳедоровной Нордекъ... Помнишь, она была со мной на Concours hippique.

Еще-бы не помнить! Я сидѣлъ въ первой трибунѣ отъ входа на самомъ верху, съ нашимъ милѣйшимъ командиромъ второго эскадрона, штабсъ-ротмистромъ Горнымъ. И вдругъ, прямо подъ собою я увидѣлъ фуражку нашего полка и отлично знакомую мнѣ сутуловатую фигуру Мармона. Онъ былъ не одинъ. Рядомъ съ нимъ въ шляпкѣ съ сѣрой птичкой на боку, въ сѣренькой суконной кофточкѣ съ громадными черными бархатными рукавами и въ пушистомъ боа сидѣла блондинка. Почувствовала ли она наши взоры, или другое что привлекло ея вниманіе, но она быстро обернулась, и я увидѣлъ нѣжный профиль молодаго, розоваго лица, растрепавшіеся въ кудерькахъ волосы бѣлокураго оттѣнка, чуть даже пепельные, и большіе, глубокіе голубые глаза съ длинными черными рѣсницами. Я помню, я въ тотъ же день спросилъ у Мармона, кто такая? Это балетная, Марья Ѳедоровна Нордекъ... Хочешь, познакомлю?

„Балетная!.." Кто изъ насъ, юнкеровъ N-скаго пѣхотнаго училища, не мечталъ о балетѣ. Засядешь, бывало, по льготному билету за полцѣны въ балконъ, или мѣста за креслами и сидишь, глядя на красавицъ нимфъ, психей и русалокъ, что бѣгаютъ и танцуютъ на сценѣ. Для нихъ, казалось, не существовали законы тяжести, законы равновѣсія. Легкія, воздуш-

ныя, граціозныя, онѣ носились по сценѣ, какъ сонмъ духовъ и возбуждали неясныя мечты, новыя, сладкія желанія.

Со словомъ „балетная“ складывалось понятіе, какъ о чемъ то дорогомъ, требующемъ своихъ лошадей, коляски и бриллiантовъ, влекущемъ въ пучину долговъ и всевозможныхъ несчастій. Я помню, мать меня пуще всего предостерегала противъ балетныхъ и заклинала всѣмъ святымъ быть подальше отъ танцовщицъ. Все это мелькнуло у меня въ головѣ, и я не сразу отвѣтилъ.

— Мармонъ, я бы радъ... только я боюсь... ты знаешь, офицеръ не при деньгахъ...

— Какіе пустяки! На что тебѣ деньги. Онѣ живутъ съ матерью... Теперь четыре часа, въ шесть идетъ поѣздъ, мы будемъ у нихъ въ восемь, и премило проведемъ время. Я тебя оставлю тамъ, мнѣ надо повидаться съ кредиторами, а то знаешь—дѣла мои плохи... А потомъ заѣду. Въ воскресенье сдѣлаешь визитъ. И она и сестра ея Женя премилыя барышни...

Я колебался.

— Ну, чѣмъ мы рискуемъ!.. Казанковъ, живо одѣваться и извозчика...

Черезъ два часа быстрой ѣзды на извозчикѣ и желѣзной дорогѣ мы уже были въ Петербургѣ. Едва только мы вышли съ вокзала, какъ Мармона окружила толпа извозчиковъ.

— Господинъ Мармонъ, пожалуйте... Всегда со мной ѣздили... Господинъ Мармонъ!.. Сергѣй Алексѣевичъ!..

— Гдѣ Иванъ... Я съ Иваномъ поѣду, — важно сказалъ Мармонъ и рыжебородый извозчикъ подалъ санки.

Быстро пролетѣли мы черезъ Невскій и вскорѣ подъѣхали къ высокому нарядному дому въ Саперномъ переулкѣ. Какъ видно, Мармонъ часто сюда ѣздилъ, но крайней мѣрѣ Иванъ не колеблясь остановился у подъѣзда. Мармонъ небрежно кинулъ бумажку, мы раздѣлись у швейцара и позвонили въ бельэтажѣ.

Высокая, пожилая, одѣтая въ простое черное платье женщина отворила намъ дверь.

— Mesdemoselles sont visibles?—спросилъ Мармонъ.

— Entrez, Сергѣй Алексѣевичъ. Что это вы давно не были? Евгенія Ѳедоровна по васъ соскучились.

— Дѣла были, mademoiselle Marie, некогда было...

— Ну, у васъ и дѣла!—засмѣялась француженка.

Мы прошли въ ярко освѣщенную гостиную. Я никогда еще не видалъ такой роскоши. Всѣ гостиныя мнѣ представлялись вродѣ маминой—диванъ у стѣны, кресла съ ручками, кресла безъ ручекъ, круглый столъ, лампа съ колпакомъ, бронзовые часы, коверъ... Тутъ все было иначе...

Въ углу небрежно кинутъ былъ маленькій низенькій диванчикъ, окруженный трельяжами изъ искусственныхъ цвѣтовъ, роскошныя живописной работы ширмы въ плюшевыхъ рамахъ стояли тутъ же. Большой, чернаго дерева рояль, съ брошенными нотами, отдѣлялъ совершенно этотъ уголъ комнаты, а въ другомъ концѣ гостиной, на кругломъ столѣ горѣла причудливой формы лампа съ громаднымъ абажуромъ. Точеный, золотой, обитый краснымъ шелкомъ диванчикъ стоялъ здѣсь, окруженный стульями съ золочеными спинками, на тоненькихъ ножкахъ. Здѣсь изъ бумажныхъ китайскихъ вѣеровъ и зонтиковъ былъ хитро и со вкусомъ сдѣланъ навѣсъ, вѣера эти ловко скомпанованные поднимались до потолка и перевитые цвѣтными лентами скрадывали обои.

Дверь въ сосѣднюю комнату была снята съ петель и здѣсь висѣла китайская тростниковая перегородка съ бусами и сквозь нее въ полутьмѣ видны были пальмовые листья, столъ, стулья и еще что-то.

На самомъ видномъ мѣстѣ на стѣнѣ въ богатой золотой рамѣ висѣлъ портретъ Марьи Ѳедоровны. Она была написана декольте en face. Золотистые кудерьки сбѣгали на лобъ, большіе голубые глаза довѣрчиво смотрѣли, ласково улыбаясь.

На каминѣ цвѣты, вѣера и куча карточекъ въ рамкахъ и безъ рамокъ, въ безпорядкѣ, въ перемѣшку столпившихся на доскѣ.

Всѣ эти бутафорскія вещи били по нервамъ, дѣйствовали на воображеніе.

Вся комната была пропитана нѣжнымъ ароматомъ духовъ...

Пока я осматривался, Мармонъ взялъ книгу и пресерьезно сталъ читать. Книга была—театральный ежегодникъ.

— Совѣтую и тебѣ также заняться чтеніемъ. Здѣсь не скоро выходятъ.

— Вотъ ужъ неправда! Этакая прелесть этотъ Мармонъ!—раздался звонкій голосъ, китайская штора съ легкимъ стукомъ

камышинокъ другъ о друга раздвинулась, и въ комнату вошла Марья Ѳедоровна.

На ней было легкое шелковое розовое платье. Она слегка прищурилась и посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— Мой товарищъ, корнетъ Яковлевъ,—представилъ меня Мармонъ.

— Очень рада... фунтъ винограда,—ни съ того, ни съ сего добавила она.—Видите, Мармонъ, я нынче всегда риемую и ничѣмъ не рискую.

— И неважно риемуете,—замѣтилъ холодно Мармонъ.

— Нѣтъ, смотрите на него, вѣдь этакій противный. Когда „я“ говорю — все хорошо. Потому что я — Муся-дуся... И всѣ меня любятъ...

Она такъ мило кокетливо улыбалась, что я невольно въ душѣ согласился, что „очень рада, фунтъ винограда“—очень умно сказано.

Вслѣдъ за ней вышла и ея младшая сестра Женя Ѳедоровна. Мармонъ такъ просто и называлъ ее Женей. Она всякій разъ обижалась, но охотно откликалась на это имя.

Мармонъ недолго сидѣлъ и вскорѣ собрался уходить. Поднялся было и я, но на меня накинулись: „Какъ можно. Намъ скучно будетъ однѣмъ. Останьтесь“.

Я остался. На меня вдругъ нашелъ приливъ особеннаго веселья, и я сталъ необыкновенно развязенъ и разговорчивъ. Мнѣ казалось, что я остроумно говорю, барышни смѣялись, безпрерывно говорили — „этакая прелесть этотъ Яковлевъ“, „этакій восторгъ“.

Въ десять часовъ пріѣхалъ маленькій, черненькій, какъ жукъ, штатскій, Андрей Павловичъ Быковъ. Онъ сейчасъ же усѣлся съ Женей, а Марья Ѳедоровна мнѣ конфиденціально сообщала, что это Женинъ женихъ, но только что Женя не дура, она замужъ не пойдетъ, потому что у бѣдненькаго Андрея Павловича ничего нѣтъ, и онъ хочетъ, чтобы Женя послѣ свадьбы танцовала въ балетѣ. А развѣ это возможно?— Я совершенно соглашаюсь, что это никакъ невозможно... Марья Ѳедоровна подъ рукой сообщаетъ мнѣ, что я ей очень нравлюсь, что у меня красивые усы и „холетые“ волосы. Часовъ въ одиннадцать пріѣхали два стрѣлка и одинъ артиллерійскій подпоручикъ. Затѣялись petits jeux, въ веревочку, въ кольцо, въ рубль, въ телеграфъ. Сосѣдъ мой „въ теле-

графѣ“ на ухо отпускалъ совсѣмъ непозволительныя словечки, я краснѣлъ и, передѣлавъ, говорилъ Марьѣ Ѳедоровнѣ.

До 12-ти часовъ я еще помнилъ, что послѣдній поѣздъ идетъ въ половинѣ перваго, но въ двѣнадцать часовъ, когда пріѣхалъ за мной Мармонъ—мнѣ такъ не хотѣлось уѣзжать. Марья Ѳедоровна приготовилась пѣть, Андрей Павловичъ подыгрывалъ на гитарѣ, отъ говора и отъ игръ слегка кружилось въ головѣ, хотѣлось ѣсть, а въ сосѣдней комнатѣ звенѣли посудой.

— Чѣмъ я рискую, если останусь? — спросилъ я у Мармона.

— Да останемся, пожалуй!

— Мы будемъ сидѣть съ вами до перваго шести-часоваго поѣзда и проводимъ васъ, — закричала сидѣвшая въ углу съ артиллеристомъ Женя.

Артиллеристъ любезно предложилъ намъ свою квартиру для ночлега, и мы остались.

Андрей Павловичъ настроилъ гитару, и Марья Ѳедоровна, слегка ломаясь голосомъ и кривляясь, запѣла:

Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все какъ и ты соверше-е-енство,
И будемъ мы тамъ
Дѣлить попо-ламъ
И миръ... и любовь, и блаже-е-енство.

И вдругъ неожиданно образовавшійся хоръ подхватилъ— „и будемъ мы тамъ дѣлить пополамъ—и миръ, и любовь, и блаже-е-енство“.

Андрей Павловичъ пѣлъ бархатистымъ баритономъ, стрѣлки хватили тенорами, артиллеристъ взялъ октаву, Мармонъ не могъ попасть въ тонъ, но кое-какъ пристроился....

Я сидѣлъ, какъ очарованный, а пѣсни смѣняли одна другую, веселыя, про любовь, про разлуку, про свиданья, про поцѣлуи. Женя высокимъ голосомъ заводила „Письмецо“, хоръ подтягивалъ, какъ умѣлъ—я забылъ голодъ, забылъ развѣдчиковъ, забылъ все и пѣлъ съ другими, какъ умѣлъ.

Въ концѣ перваго часа вышла мамаша, толстая, рыхлая женщина, и пригласила пить чай. Это было какъ нельзя болѣе кстати, всѣ шумно встали и пошли въ столовую.

Послѣ чая и легкаго холоднаго ужина всѣ перешли въ

гостиную, и снова начались игры, начали разсказывать страшныя исторіи, про мертвецовъ, про привидѣнія; чтобы страшнѣе было, загасили лампы. На самомъ страшномъ мѣстѣ кто нибудь отчаянно крикалъ А!.. Женя и Марья Ѳедоровна пронзительно визжали и въ ужасѣ прижимались другъ къ дружкѣ. Мармонъ незамѣтно вышелъ, прокрался въ спальню барышень, съ помощью mademoiselle Marie укутался въ простыню, осыпалъ лицо пудрой и улегся на Женину постель. Mademoiselle Marie пошла звать барышень, барышни пошли, въ страхѣ пожимаясь, и черезъ минуту уже съ воплями и визгами вылетѣли изъ спальной — шутка удалась, поднялись разговоры, смѣхъ, споры. Зажгли лампы, опять стали играть.

Зимняя ночь приходила къ концу и блѣдное утро свѣтило въ замерзшія окна, когда мы прощались. Марья Ѳедоровна рѣшила, что насъ непремѣнно надо проводить, и мы всѣ гурьбой вышли на улицу.

Было тихо и морозно. Кое-гдѣ дворники со скребками въ рукахъ подскребали троттуары—движенія не было. Марья Ѳедоровна взяла мою руку, Женя шла съ Мармономъ, и мы весело шли на вокзалъ. Проходя по Николаевской мимо мамина дома, я невольно подумалъ, что бы сказала Лидія, если бы увидала насъ теперь.

Я взглянулъ на Марью Ѳедоровну. На лицѣ ея легъ отпечатокъ усталости, краски поблекли, но она все таки была прекрасна. И такъ хорошо было съ ней идти!

— Вы дивно ходите!—сказала она, сжимая мой локоть.

— Еще бы, пѣхота!—крикнулъ сзади Мармонъ.

— Какъ пѣхота?—съ удивленіемъ спросила Марья Ѳедоровна и оглянула меня.

Мармонъ ничего не отвѣтилъ.

Барышни проводили насъ до вокзала и усадили въ вагоны.

— Смотрите, не забывайте насъ,—сказала Марья Ѳедоровна.

— Приходите почаще,—привѣтливо улыбаясь, говорила Женя.

Поѣздъ тронулся и черезъ полтора часа мы были въ казармахъ.

Я раздѣлся и легъ. Черезъ часъ надо мной раздался настойчивый голосъ Казанкова:

— Ваше благородіе, время 9 часовъ, развѣдчики собраты извольте вставать!

Но я не могъ встать. Въ головѣ кружилось, ноги, руки болѣли, я послалъ Казанкова ко всѣмъ чертямъ, крѣпче укутался въ одѣяло и заснулъ мертвымъ сномъ...

IV.

Да, я положительно влюбленъ въ Марью Ѳедоровну. Въ этомъ убѣдился я на вторую недѣлю послѣ перваго посѣщенія ея, когда она переслала мнѣ съ Мармономъ свою фотографическую карточку. Она была снята въ сѣренькой шляпкѣ съ птицей, почти въ профиль, и была такъ красива! Я купилъ стеклянную рамочку, отдѣлалъ въ пасъ-парту, купилъ маленькій столикъ и поставилъ между кроватями.

— Начинается!—сказалъ Мармэнъ, когда увидѣлъ мои обзаведенія.

— Началось!—сказалъ зашедшій какъ-то ко мнѣ корнетъ Дмитріевъ, коренастый мужчина, красивый и видный, тоже бывавшій у Марьи Ѳедоровны, когда-то мой лучшій другъ и пріятель, веселый, разговорчивый, готовый на всевозможныя услуги, теперь опасный соперникъ и потому человѣкъ, на котораго я смотрю подозрительно.

— Что началось?!—обиженно восклицаю я и вскакиваю съ оттоманки, на которой было развалился.

— Не кипятитесь, пожалуйста!—нарочно на „вы“ говоритъ Дмитріевъ и флегматично закуриваетъ папиросу. Я задѣтъ за живое.

— Никакой, кажется, перемѣны во мнѣ нѣтъ?

— Какъ никакой, а это что?—показываетъ на карточку Дмитріевъ.

— Ахъ, это,—притворно равнодушно говорю я,—вотъ пустяки какіе. Что-жъ такое, хорошенькая барышня мнѣ прислала свою карточку, квартира наша такая неуютная, что я, чтобы украсить ее, поставилъ карточку на столъ—вотъ и все. Что-же тутъ удивительнаго?!

— Скажите, пожалуйста?! А отчего „примѣрный“ офицеръ манкируетъ своими занятіями? Османъ совсѣмъ соскучился и не знаетъ что дѣлать, такъ давно на него не садились.

— Да вѣдь холодно.

— Раньше было холоднѣе, а не препятствовало.

Воспоминаніе объ Османѣ заставляетъ мое сердце болѣзненно сжаться, и я задумываюсь. Дѣйствительно, я уже цѣлыхъ три дня не былъ на конюшнѣ.

— А долговъ много надѣлали?—продолжаетъ „изводить“ Дмитріевъ.

Я опять вскипаю.

— Вотъ уже Марья Ѳедоровна не такая женщина, чтобы обирать!

— Да она не возьметъ, да ты самъ подаришь. Эхъ, Яковлевъ, Яковлевъ! жаль мнѣ тебя.

— Приготовьте свои сожалѣнія для самого себя! — сухо говорю я и при нихъ переодѣваюсь въ полушубокъ, крытый сѣрымъ офицерскимъ сукномъ.

— Смотри,—показываетъ Дмитріевъ на меня Мармону—„извелся“... Онъ нарочно громко смѣется, а я ухожу на плацъ.

Морозно. Снѣгъ разсыпчатый, но твердый, скрипитъ и хруститъ. Вѣстовой торопливо сѣдлаетъ Османа. Дѣйствительно, онъ застоялся. Онъ настораживаетъ уши, морозъ и снѣгъ опьяняютъ его, онъ скачетъ прыгаетъ, и даетъ „свѣчки“.

— Ишь разыгрался... Висе-елый,—широко улыбаясь, говоритъ вѣстовой.

— Застоялся,—замѣчаю я важнымъ безапелляціоннымъ гономъ.

— По васъ соскучился!—говоритъ солдатъ и помогаетъ мнѣ сѣсть. Я выѣзжаю на плацъ и ѣду рысью. Плавныя движенія успокаиваютъ меня, я опять начинаю мечтать, съ нетерпѣніемъ жду, скоро ли поѣздъ, и легко раздражаюсь. Я толкнулъ лошадь лѣвой шпорой, Османъ заторопился и пошелъ галопомъ съ лѣвой ноги, я извелся и сильно цукнулъ его. Умное животное насторожило уши, крутнуло хвостомъ и вдругъ стало смирное, покорное и апатичное.

Я слѣзаю съ лошади и отдаю ее вѣстовому.

— Что же мало нынче, ваше благородіе?

— Такъ... некогда!—цѣжу я и иду домой.

Мармонъ съ Дмитріевымъ сидятъ и пьютъ пиво; недопитый стаканъ стоитъ подлѣ самой карточки. Я недовольно отставляю его въ сторону, зову Казанкова и раздраженно говорю ему, показывая на стаканъ:

— Чтобъ этого больше не было. Есть другіе столы.

Дмитріевъ пожимаетъ плечами и замѣчаетъ мнѣ по французски, что это онъ поставилъ свой стаканъ, никакъ не подозрѣвая, что тутъ такое священное мѣсто и алтарь любви.

— Да, здѣсь алтарь любви!—сердито, по русски говорю я и приказываю давать одѣваться.

Я золъ не на шутку.

— Куда это?—спрашиваетъ Дмитріевъ.

— Къ матери, сухо обрываю я. Я давно не былъ у ней.

— Гмъ, къ матери... — ядовито замѣчаетъ Дмитріевъ и подмигиваетъ Мармону.

Оба смѣются. Я хлопаю дверью и ухожу.

Чѣмъ ближе подъѣзжаю я къ городу, тѣмъ спокойнѣе становится на душѣ. Извощики уже знаютъ и меня. Теперь мнѣ кричатъ: „Господинъ Яковлевъ, пожалуйте!“ — это страшно льститъ мнѣ, я кидаюсь въ санки и лечу въ Саперный.

— Это вы, Константинъ Александровичъ,—когда я вхожу, говоритъ Марья Ѳедоровна изъ за двери.

— Я,—басомъ отвѣчаю я.

— Ну, къ вамъ можно и не одѣваться.

Она выходитъ въ шелковомъ розовомъ капотѣ, стройная и душистая. Я покрываю поцѣлуями ея руки, мы садимся близко, близко на диванѣ.

— Ну, разсказывайте что-нибудь!—говоритъ Марья Ѳедоровна.

Я говорю ей про свою любовь, говорю, какъ рвется къ ней мое сердце, разсказываю, какъ вмѣсто службы я мечтаю о ней, какъ она мнѣ снится всюду и вездѣ... Она меня прерываетъ по временамъ замѣчаніями вродѣ—„этакая прелесть“, или „ахъ, холетые“, а я говорю, говорю.

Я глажу ея бархатистую ручку своей, она разглядываетъ мои пальцы, находитъ, что они грубы, даетъ совѣты, какъ ихъ сдѣлать мягче, сама бѣжитъ за глицериномъ и сама натираетъ мнѣ руку. Мои щеки разгораются отъ близости къ ней, я обнимаю ее.

— Тссъ,—говоритъ она и, лукаво улыбаясь, подноситъ маленькій пальчикъ къ губамъ. — Проведите пальцемъ по спинѣ... Я люблю, это „морозъ“.

— Она разсказываетъ мнѣ при этомъ, какъ въ училищѣ

онѣ любили водить ключемъ по спинѣ. — Это такъ жутко и пріятно.

Сквозь легкую шелковую ткань я чувствую ея спину, она горбится, позвонки выступаютъ, меня охватываетъ жаръ, я крѣпче сжимаю ее и сплюсь поцѣловать.

— Только смѣйте!— шепчетъ она и глаза ея горятъ злобой и страхомъ. Она откидывается отъ меня и ловко вывертывается изъ моихъ рукъ.

— Ахъ, холетый! Никогда и думать не смѣйте сдѣлать это.—Она садится за фортепьяно, беретъ нѣсколько шумныхъ аккордовъ и громко поетъ:

Не смотри на меня, что я скученъ,
Что я грустный, усталый стою,
Я тобою на вѣки измученъ,
Но тебя лишь одну я люблю...

Я подсаживаюсь близко къ ней, начинаю ласкаться. Но она сердита.

Mademoiselle Marie проситъ насъ обѣдать.

Женя выходитъ въ домашнемъ капотѣ и съ бумажными папильотками въ волосахъ. Она смѣется и жеманно проситъ прощенія, что она такъ просто одѣта. Мамаша, разливая супъ, важно замѣчаетъ:

— Что-жъ такое, Константинъ Александровичъ свой человѣкъ, онъ не осудитъ.

— Женя! смотри — это мой братъ!—говоритъ Марья Ѳедоровна, и я чувствую, что гнѣвъ прошелъ.

Вечеромъ я провожаю Марью Ѳедоровну въ театръ. Она танцуетъ въ операѣ. Я сижу въ первомъ ряду креселъ и смотрю только на нее. Она находитъ меня и улыбается. Мнѣ становится хорошо. Мнѣ кажется, что весь театръ смотритъ на меня и завидуетъ. Я гордо оглядываюсь. Но повидимому никто даже и не замѣтилъ.

Изъ театра мы пріѣзжаемъ около часу. Я долго ожидаю Марью Ѳедоровну въ корридорѣ у кассы. Тамъ стоитъ толпа студентовъ, лицеистовъ, правовѣдовъ. Они кидаются къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, она небрежно киваетъ имъ головой, подаетъ мнѣ руку и мы выходимъ. Я чувствую на себѣ ихъ завистливые взгляды и гордый выхожу на улицу.

— Пройдемтесь немного.

Темно-синее небо покрыто звѣздами. Ярко горятъ элек-

трическіе фонари на Морской и на Невскомъ. Народу мало, больше все запоздавшіе изъ театра. На насъ смотрятъ, оглядываются.

Съ Невскаго мы беремъ извозчика. Онъ, чувствуя здоровое на чай, быстро летитъ къ дому. Мы вмѣстѣ ужинаемъ. Марья Ѳедоровна ложится на оттоманку,—она устала. Я сажусь рядомъ. Опять начинается „морозъ", объятія, я осторожно приближаю губы къ ея лицу.

— Сюда!—говоритъ она и подставляетъ щечку.

Я цѣлую ее въ щеку и вдругъ наши губы сливаются... Но сейчасъ же за первымъ поцѣлуемъ она вскакиваетъ и отталкиваетъ меня.

— Ну, успокойтесь. А то васъ потомъ не отгонишь!..

Я ухожу въ четыре часа утра и тихо бреду на вокзалъ...

V.

И такъ идутъ дни за днями. Иногда мнѣ удается вырваться въ городъ съ утра. Тогда мы идемъ гулять по Невскому, по набережной. У Марьи Ѳедоровны громадный кругъ знакомыхъ. Поминутно ей кланяются военные, статскіе. Нерѣдко я слышу сзади разговоръ: кто такая?

— Нордекъ первая. Знаешь, что у фонтана.

Мы знакомимъ другъ друга со своей жизнью.

Когда нѣтъ гостей, Марья Ѳедоровна страшно занята. Днемъ репетиція, вечеромъ въ балетъ или въ оперу, а въ промежуткѣ надо изобрѣтать костюмы, дѣлать тѣ изящныя шляпки, что прельщаютъ, по ея словамъ, весь Петербургъ. По субботамъ Марья Ѳедоровна съ Женей постоянно ходятъ въ сопровожденіи Mademoiselle Marie въ церковь. Онѣ очень набожны. Иногда я сопровождаю ихъ туда. Онѣ усердно молятся, часто становятся на колѣни и совсѣмъ не разговариваютъ между собой.

Святое настроеніе послѣ церкви проходитъ скоро, а вечеромъ въ уютной гостиной тренькаетъ гитара Андрея Павловича и звенятъ веселые голоса.

Мнѣ моя жизнь кажется чѣмъ-то такимъ лихимъ, веселымъ, кавалерійскимъ. Мнѣ кажется, что каждый кавалеристъ долженъ именно такъ жить, а не иначе.

Весна между тѣмъ вступаетъ въ свои права, прошелъ

ледъ, Нева очистилась, Лѣтній садъ покрылся почками и заблагоухалъ, и его центральная дорожка стала излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ...

Каждое воскресенье ровно въ три часа мы выходили вмѣстѣ съ Марьей Ѳедоровной и тихо шли къ саду. Въ шляпкѣ съ большими полями и съ какимъ-нибудь громаднымъ перомъ, въ кофточкѣ, разубранной кружевами и стеклярусомъ, съ зонтикомъ, одна ручка котораго стоила десятки рублей, выходила она на гулянье.

Я въ новомъ легкомъ пальто, въ свѣжей фуражкѣ слѣдовалъ рядомъ. Я сознавалъ, что мы составляли недурную парочку.

Однажды, когда мы тихими шагами проходили по аллеѣ, я увидалъ вдали фигуру Земскова. Онъ шелъ съ Лидіей.

У Земскова былъ глупый „армейскій“ шикъ носить длинные волосы и фуражку на бокъ, такъ что кудри густой волной набѣгали на околышъ. Это было очень красиво, придавало беззавѣтную лихость его юному безусому лицу, но „мое дѣло сторона“—это было неприлично. И фуражка и пальто давно требовали ремонта, голенища высокихъ сапогъ порыжѣли, а полы пальто сильно сбились. Лидія тоже была бѣдно одѣта. И какой несчастной, забитой, бѣдной показалась она мнѣ по сравненію съ шикарной Марьей Ѳедоровной, гордо несшей свою голову. „Вотъ уже никогда-бы не женился, подумалъ я—нищихъ плодить... Охота!..“

Мнѣ стыдно было встрѣчаться съ Лидіей. Но отступать было поздно, она меня уже увидала, и я долженъ былъ раскланяться.

— Кто это?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Это такъ товарищъ одинъ и его невѣста, — отвѣтилъ я и мучительно покраснѣлъ.

— Холетый какой!—сказала Марья Ѳедоровна и разсмѣялась.

Въ этотъ день я обѣдалъ у мамы. Я давно не былъ у нея и заходилъ больше затѣмъ, чтобы попросить у нея денегъ. Такъ было и теперь. Послѣ обѣда, когда въ маленькой гостиной Лидія усѣлась за шитьемъ, мама тоже достала работу, а Земсковъ, развернувъ книгу, выбиралъ, что бы почитать, я отозвалъ маму въ сторону и тихо попросилъ у ней впередъ пятьдесятъ рублей.

Мама была недовольна.

— Послушай, Константинъ,—сказала она,—ты смотришь на мать, какъ на банкирскій домъ, ты и приходишь-то только тогда, когда тебѣ нужны деньги.

Мама была права. Но я сталъ оправдываться.

— Ахъ, мамочка, ты себѣ представить не можешь, какъ много денегъ уходитъ весной. Вычеты на лагерь, такъ, кто уходитъ, обѣды, подарки, смотры...

Я бы продолжалъ и дальше, если-бы не почувствовалъ на себѣ упорный взглядъ Лидіи. Она меня сконфузила. Я покраснѣлъ и смѣшался.

Но Лидія ничего не сказала.

Мама нехотя достала и дала мнѣ деньги: „ну, смотри, дружокъ, это послѣднія. Старайся быть экономнѣе“.

Я даже не могъ посмотрѣть на Лидію. Наконецъ я приподнялъ на нее глаза. Она низко нагнулась надъ работой, покраснѣвшіе глазки налились слезами...

Но она мнѣ стала только противна. „Вотъ, подумалъ я—Маня никогда не заплачетъ—Маня молодецъ у меня... А эта просто нюня. Когда-же и жить, какъ не тогда, когда молодъ!“

Я потихоньку поднялся и вышелъ изъ дому...

Направился я, конечно, къ Маріѣ Ѳедоровнѣ, дорогой зашелъ въ кондитерскую и купилъ конфектъ, потому что зналъ, что Марья Ѳедоровна любитъ ѣсть вечеромъ сладкое.

Марья Ѳедоровна знала, что я небогатый человѣкъ, и не разъ упрекала меня за то, что я такъ трачусь на нее. Но, по совѣсти, я немного тратилъ. Конфеты и цвѣты—вотъ все, что я позволялъ себѣ подносить ей, а дорого-ли это стоило!? Что губило мои финансы, такъ это желѣзная дорога и извозчики. Ѣдешь всегда въ первомъ классѣ, потому что она встрѣчаетъ, а неловко при ней вылѣзать изъ втораго, тоже и назадъ. Извозчику не меньше рубля, всюду и вездѣ ѣзда безъ торгу...

Я уже задолжалъ въ заемный капиталъ и думалъ создать комбинаціи, чтобы пожить весну хорошо. И широкіе планы ы ли у меня на весну. Брать у Малышева коляску и вдвоемъ ѣздить на острова, можно будетъ и верхомъ. Марья Ѳедоровна говоритъ, что она умѣетъ, да и чего, чего она не умѣетъ—такая ловкая!

Да, деньги нужны будутъ—это вѣрно, но гдѣ ихъ достать!

VI.

Въ полку идетъ весенняя передсмотровая сутолока. Эскадронъ каждый день на плацу. Нашъ эскадронный командиръ, лихой ротмистръ Барскій, носится на своемъ темно-гнѣдомъ конѣ и звонко командуетъ. Кавалерійская труба протяжно звенитъ въ чистомъ весеннемъ воздухѣ, лошади шлепаютъ по несовсѣмъ просохшему плацу, и эскадронъ кружится, дѣлая перестроенія. На первомъ взводѣ у насъ ѣздитъ поручикъ Весловскій, на второмъ корнетъ Дмитріевъ, на третьемъ я, на четвертомъ поручикъ Лѣтневъ. Я немного болтаюсь еще передъ строемъ, но твердо сижу въ сѣдлѣ.

Послѣ безсонныхъ ночей, проведенныхъ у ней въ будуарѣ, и ѣзды на желѣзной дорогѣ, ученье меня освѣжаетъ и придаетъ мнѣ силы и бодрости. Я вспоминаю былыя ученья въ первой ротѣ. Ходишь съ ружьемъ, печатаешь съ носка, поворачиваешься—тоска, да и только, и какъ мнѣ могли нравиться ротныя ученья. А теперь: несешься во взводной колоннѣ, взводъ за взводомъ на полной рыси—и вдругъ раздается сигналъ: „стремглавъ друзья постройтесь, чтобы фронтомъ идти на врага“, и слышится сзади грозный топотъ наскакивающаго четвертаго взвода, скачешь и самъ—и чрезъ секунду эскадронъ идетъ рысью, вытянутый въ одну грозную линію, и только разгорячившіяся лошади недовольно фыркаютъ и мотаютъ головами, брызжа пѣной. Снова звенитъ сигналъ. Сверкнули на весеннемъ солнцѣ шашки надъ головами, перешли въ галопъ. Стрѣлой вылетаетъ Барскій—„въ карьер-ръ... маршъ—ма-аршъ!“—и сразу рванули лошади и какъ окрыленныя полетѣли на другой конецъ плаца. Поднялась высокимъ столбомъ густая пыль, толпа мальчишекъ съ визгомъ кинулась въ сторону, а ужъ гремитъ отрывистый сигналъ—„стой равняйся, стой“, и высоко поднявъ шашку надъ головой, я хриплымъ голосомъ кричу „стой“; секунда—и полная тишина и спокойствіе, только пыль уносится вѣтромъ, и тяжело дышатъ лошади. „Спаспбо, ребята-а“, кричитъ Барскій. „Рады стараться, ваше высокоблагородіе!“—обрываютъ солдаты.

Мы слѣзаемъ. Даютъ вольно, оправиться, осматриваютъ подпруги, а тѣмъ временемъ расторопные пѣшіе солдаты выносятъ барьеры и чучела и начинается проскачка...

Солнце уже сильно припекаетъ, когда мы съ пѣсенниками идемъ домой. На душѣ весело и легко. Сейчасъ переодѣться—на поѣздъ и къ Марьѣ Ѳедоровнѣ.

Я повѣряю всѣ свои сердечныя дѣла только Мармону.

Онъ флегматично выслушиваетъ меня, даетъ совѣты и указанія.

Я разсказалъ ему свои предположенія относительно весны, онъ очень одобрилъ мои планы, а насчетъ денегъ призадумался.

— Есть у меня купецъ тутъ одинъ, только беретъ большіе проценты. Ну, да чѣмъ мы рискуемъ!—воскликнулъ онъ.

„Чѣмъ мы рискуемъ“, становится нашимъ девизомъ. Мармонъ обѣщается меня познакомить съ купцомъ Днѣпровскимъ, увѣряя, что только у него я и достану денегъ.

Казанковъ съ запиской идетъ къ Днѣпровскому, и на другой день поутру въ нашей квартирѣ уже хлопочетъ невысокій, толстенькій человѣкъ, въ коротенькомъ пиджакѣ, съ маленькой бородкой на желтоватомъ лицѣ и коротко остриженными волосами. Мармонъ до неузнаваемости любезенъ съ нимъ. Въ собраніе послали за виномъ, и Никита Николаевичъ сидитъ у насъ почетнымъ гостемъ. Мармонъ разговариваетъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и больше по пустякамъ, денегъ не касаются. Я въ страшномъ нетерпѣніи ожидаю, что будетъ дальше. Такъ проходитъ почти часъ. Наконецъ, Мармонъ приступаетъ.

— Вотъ, что,—слегка запинаясь, говоритъ онъ,—добрѣйшій Никита Николаевичъ, не ссудите ли вы молодаго корнета деньгами?

Никита Николаевичъ коробится отъ этой просьбы.

— Ой, Сергѣй Алексѣевичъ, вѣдь вы знаете, ну, какія у меня могутъ быть деньги, ну, что я вамъ дамъ...

— Ну, полноте шутить, Никита Николаевичъ, тутъ—шутки босы, серьезно нужны деньги.

— Да откуда же я ихъ возьму?

— Достанете. Знаю я васъ, всегда пустыя отговорки. Ну...

— Меньше, какъ по 10 мѣсячныхъ не могу, и то не больше какъ на три мѣсяца.

Я ничего не понимаю. Мармонъ за меня торгуется — на

шесть мѣсяцевъ и по 5 проц. Никита Николаевичъ протестуетъ...

— Развѣ вотъ... и вамъ и мнѣ спокойнѣй. Я дамъ пятсотъ, а вы мнѣ вексель на тысячу и будете давать казенный процентъ и срокъ на годъ.

Мармонъ соображаетъ недолго и потомъ соглашается.

— А кто поручители?

— Кто?—я... Поручикъ Дмитріевъ.

Днѣпровскій морщится слегка, но не смѣетъ отказаться. Мармонъ достаетъ изъ кармана вексельную бумагу и пишетъ свое поручительство, деньщикъ бѣжитъ за Дмитріевымъ, я дрожащей рукой подписываю вексель.

Никита Николаевичъ достаетъ толстый бумажникъ и нехотя отсчитываетъ деньги...

Первый долгъ сдѣланъ. Я сначала не могу успокоиться. Полученныя отъ Днѣпровскаго ассигнаціи жгутъ мнѣ карманъ..

Но вскорѣ непріятное чувство улетучивается: я думаю о Марьѣ Ѳедоровнѣ и все забываю...

VII.

Нашъ полкъ стоитъ въ лагерѣ. Каждое утро эскадронъ ходитъ на стрѣльбу. Я апатично сижу на скамейкѣ, выслушиваю ежеминутные сигналы „стрѣлять“ и „отбой“, короткіе щелчки выстрѣловъ и отвѣты солдатъ: Головинъ—попалъ, Гольмсъ—промахъ, Гренеръ—промахъ, Дерябкинъ—попалъ, Дуровъ—попалъ...

Скучно. Мелкій, осенній, хотя и ранняя весна, дождичекъ мороситъ и пробиваетъ мое порыжѣлое пальто, изъ палатки сзади слышенъ разговоръ. Тамъ на буркѣ лежатъ офицеры эскадрона.

Весловскій, румяный брюнетъ, весельчакъ и задира, разсказываетъ анекдоты. Слышенъ смѣхъ.

— Правда, Весловскій,—спрашиваетъ Дмитріевъ,—что ты знаешь на память тысячу анекдотовъ?

— Ну, тысячу не тысячу, а триста наберется,—самодовольно говоритъ Весловскій.

— Яковлевъ, возьмите бурку, а то промокнете,—кричитъ мнѣ Дмитріевъ.

— Благодарю васъ, не надо,—буркаю я сквозь зубы.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, одѣньте на него, — говоритъ мой эскадронный Барскій.

Весловскій съ Дмитріевымъ подкрадываются ко мнѣ и охватываютъ меня буркой. Скамейка и я вмѣстѣ съ ней падаемъ, и мы всѣ трое летимъ на мокрую землю. Хохотъ, восклицанія. Мнѣ становится радостно на душѣ, что меня любятъ въ полку, я укутываюсь въ бурку и смотрю на валы. За валами идетъ однообразное болото, далеко, далеко синѣетъ лѣсъ, а дальше туманъ дождливаго дня. Въ ясную погоду тамъ сверкаетъ заливъ, видѣнъ куполъ Исаакія, дымъ надъ городомъ. Теперь всюду сыро и скучно.

Мой взводъ кончилъ стрѣлять. Унтеръ-офицеръ командуетъ „ружья вольно“, „справа по три“ и солдаты шлепаютъ по раскисшей дорогѣ. Подымаюсь и я.

— Куда ты, Яковлевъ, поспи съ нами, — кричитъ изъ палатки Дмитріевъ.

— Онъ къ Манечкѣ своей поѣхалъ,—замѣчаетъ Весловскій. — Яковлевъ, — кричитъ онъ въ догонку, — ты бы хоть Османа пожалѣлъ, а то загонялъ его совсѣмъ!

Я дѣлаю видъ, что не слышу, и иду къ деревнѣ. Деревня наша тутъ же близко. Я живу съ Мармономъ въ покосившейся на бокъ избушкѣ. Полы ползутъ у насъ вкось, грязные, закоптѣлые; обои, которыми мы оклеили избу, поотстали, и только двѣ койки, оружіе и амуниція на стѣнахъ, да Манина карточка на столикѣ, обитомъ клеенкой, доказываютъ, что здѣсь живутъ не мужики, а офицеры.

Я снимаю загрязнившіеся сапоги и приказываю къ двѣнадцати часамъ сѣдлать лошадь и дать одѣваться. Мармонъ, лежавшій, укутавшись съ головой въ одѣяло и еще не вставшій,—очередь стрѣльбы его эскадрона была послѣ обѣда, а пѣшее ученіе, вслѣдствіе дождя, отставили,—высовываетъ свое заспанное лицо изъ подъ одѣяла и смотритъ на меня.

— Холодно-то какъ, сыро! Брр...—говоритъ онъ.—Ты къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, что-ли?

Съ Мармономъ я откровененъ онъ—уважаетъ мои чувства къ Манѣ и никогда не „изводитъ“.

— Да, къ ней самой.

— Ну, какъ дѣла у офицера?

— Офицеръ думаетъ дѣлать предложеніе.

— Ну!

Мармонъ вскакиваетъ съ постели и, спустивъ свои голыя, волосатыя ноги на полъ, съ изумленіемъ смотритъ на меня. Онъ долго не можетъ оправиться.

— Ты шутишь?

— Нѣтъ, серьезно.

Я перечисляю доводы за бракъ. Марья Ѳедоровна такая дивная женщина, умная, ловкая, красивая, граціозная... И какъ это все хорошо будетъ. Я уйду въ училище смѣннымъ офицеромъ и буду имѣть квартиру и сто рублей въ мѣсяцъ. Маню переведутъ въ корифейки и она будетъ получать восемьдесятъ въ мѣсяцъ... И какъ мы заживемъ тогда! Небогатый офицеръ обязательно долженъ жениться на артисткѣ, на женщинѣ, которая сама зарабатывала бы себѣ хлѣбъ, своимъ трудомъ, и тогда ей не будетъ скучно...

— А дѣти?

— Дѣти,—озадаченный повторяю я,—дѣтей не будетъ.

— Гмъ...—сомнительно тянетъ Мармонъ.—Не знаю. И потомъ она за тебя не пойдетъ.

— Это почему!.. Она меня такъ любитъ!

— Все равно. Ея мечты — богатый пожилой человѣкъ, роскошная квартира, свои лошади, рауты, обѣды... Нѣтъ, Яковлевъ, глупое ты затѣваешь.

— Ты сегодня въ разочарованномъ настроеніи духа,—недовольно говорю я,—тебя погода разстроила и вотъ тызлишься...

— Слушай, Яковлевъ... Она не съ однимъ тобой цѣлуется.

— Ты почемъ знаешь?..

— Знаю!—уклончиво говоритъ Мармонъ и лѣниво потягивается.

Во мнѣ кипитъ негодованіе.

— Знаешь, Сергѣй Александровичъ, такихъ вещей не говорятъ про невѣсту товарища! — кричу я и, сердито натянувъ сапоги, иду въ собраніе.

Въ собраніи сыро, холодно. Въ единственной теплой библіотечной комнаткѣ поставлены столы и играютъ въ карты. Слышны проклятія погодѣ, жалобы эскадронныхъ на дороговизну сѣна и овса. „Помилуйте, даютъ справочныя цѣны тридцать пять копѣекъ, а его и за сорокъ не укупишь! Что же, свои приплачивать, что-ли“!

Меня ничто это не интересуетъ. Какое мнѣ дѣло до ка-

кихъ-то справочныхъ цѣнъ — эскадрономъ я не командую— все равно мнѣ, что тридцать пять копѣекъ, что сорокъ... Я сажусь въ уголъ и мечтаю о Марьѣ Ѳедоровнѣ.

Марья Ѳедоровна живетъ въ Павловскѣ въ Оранской улицѣ. Я почти каждый день бываю у нея. Мы гуляемъ по музыкѣ, тамъ уже къ намъ присмотрѣлись и всѣ насъ знаютъ. Моя любовь къ ней ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Я дѣйствительно рѣшилъ сдѣлать ей предложеніе. Мнѣ она рисуется идеаломъ всѣхъ женщинъ. Высокая, ловкая, стройная... Не даромъ танцовщица. И какъ я могъ раньше увлекаться Лидіей! Я помню, разъ Лидія заторопилась куда-то, встала изъ-за стола и бокомъ задѣла за уголъ, стаканы расплескались—а она только улыбаясь сказала „vive l'adresse". Съ Марьей Ѳедоровной этого бы никогда не случилось! Марья Ѳедоровна гдѣ-гдѣ пройдетъ и никогда не зацѣпитъ ни за что. Смѣшно: мнѣ раньше Лидія казалась изящной. Я недавно у мамы видѣлъ бѣлье Лидіи, что ей мама сама шила въ приданое—какія грубыя рубашки, изъ простого полотна,— а Маня всегда въ шелку. Отъ Лидіи иногда пахнетъ кухней—она теперь сама стряпаетъ, иногда матеріей ея платья, а Марья Ѳедоровна вся насквозь пропитана Lilas. У ней всѣ ея вещи нахнутъ Lilas, платья, стулья, одѣяла, занавѣски письма—все, все... Постель Лидіи покрыта простымъ сѣрымъ одѣяломъ, мама тогда мнѣ и ей одинаковыя справила, у Марьи Ѳедоровны чистѣйшій атласъ... И такъ во всемъ. Лидія способна часами болтать безъ умолку—совсѣмъ другое дѣло Марья Ѳедоровна. Мы съ ней иногда всю ночь просидимъ и слова не скажемъ — только цѣлуемся... А Лидія поцѣлуетъ бывало, еще когда я юнкеромъ былъ, и бѣжитъ куда-нибудь, а то еще заплачетъ,—дескать, какая я подлая, цѣлую тебя... Лидія теперь гулять ходитъ—просто срамъ,—заплатанные чулки... И вѣдь видно... Развѣ такъ у Марьи Ѳедоровны... Говорятъ, бѣдность не порокъ... но... большое свинство... Нѣтъ, что и говорить, конечно Лидія не безъ достоинствъ, но она пѣхотная, или вотъ казацкая барыня, а Марья Ѳедоровна— это изящная жена кавалериста!

Лидія ничего не боится. Она сядетъ на любую лошадь— Марья Ѳедоровна, при малѣйшемъ движеніи манежной клячи, готова визжать во все горло. Лидія говоритъ просто, какъ всѣ, каждое слово у ней отчеканено и ясно—Марья Ѳедо-

ровна свою рѣчь пересыплетъ тысячью словечекъ и восклицаній, вродѣ „этакая прелесть“, „этакій восторгъ“, она не скажетъ хорошій, а непремѣнно „холѣтый“, а какія смѣшныя прозвища даетъ она!—Меня назвала „миногой въ обморокѣ“...

Я продолжаю мечтать. Я уже вижу, какая счастливая жизнь будетъ у насъ. Одна поэзія. Цвѣты, вѣера, ароматъ духовъ—и такъ всю жизнь...

А если откажетъ?.. Чѣмъ я рискую впрочемъ? Возьму тройку и на тройкѣ махну въ церковь. Есть такіе попы. Напоимъ шампанскимъ, Мармонъ и Дмитріевъ отличные шафера. И это даже лучше будетъ, лихо—по кавалерійски!..

VIII.

Марья Ѳедоровна мнѣ отказала. Я лежу сейчасъ, укутавъ голову въ мундиръ, на непостланной постели. Мармона дома нѣтъ, онъ куда-то уѣхалъ.

Я не увезу ее на тройкѣ, я не буду дѣлать вторичной попытки—я застрѣлюсь...

Это было сегодня въ полдень. Мы были на скачкахъ. Я, Марья Ѳедоровна, Женя и тотъ артиллеристъ, что ухаживаетъ за Женей. Назадъ рѣшили идти пѣшкомъ, подъ руку, по парку. Погода была дивная, солнечная, но, какъ и всегда, въ громадномъ паркѣ было мало народу. Женя со своимъ артиллеристомъ быстро шагали и ушли далеко впередъ. „Сядемте“, сказалъ я Марьѣ Ѳедоровнѣ.

— Только не на скамейкѣ—я люблю природу. Сядемъ на травѣ.

Мы выбрали широкую лужайку съ громаднымъ дубомъ и усѣлись подъ его тѣнью. Отъ розовой кашки и длинныхъ желтыхъ цвѣтовъ, пестрымъ ковромъ покрывавшихъ лужокъ, несся сладкій ароматъ. Отъ Марьи Ѳедоровны по обыкновенію пахло Lilas, мнѣ было хорошо и уютно. Кругомъ никого не было. Я обнялъ Марью Ѳедоровну за талію и осторожно поцѣловалъ въ щеку, потомъ въ губы...

— Марья Ѳедоровна,—тихо сказалъ я.—Вы-бы вышли замужъ?

— Всякая порядочная женщина выходитъ за мужъ,—если она не уродъ!—важно сказала Марья Ѳедоровна и надула губки.

— Вы-бы вышли за офицера?—продолжалъ я пытать ее.

— Врядъ-ли.

— Почему?

— Всѣ офицеры моты и кутилы. И у нихъ денегъ нѣтъ.

— Зачѣмъ деньги? Была-бы любовь.

Марья Ѳедоровна презрительно посмотрѣла на меня.

— Чтобы весело жить, нужны деньги. Не вѣкъ же танцовать и слушать всякихъ Ганламеровъ и ихъ пошлыя замѣчанія!..

— Но вѣдь живетъ же Кумова и, кажется, счастлива.

Кумова была кордебалетная танцовщица и жена одного пѣхотнаго офицера.

— Она уже расходится съ мужемъ и нашла богатаго покровителя.

— Но все-таки, вѣдь лучше же быть замужемъ за порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ жить со старымъ покровителемъ.

— Да?..—протянула Марья Ѳедоровна... Знаете, у насъ въ училищѣ не такъ думали. Вотъ Лиза Пршебылецкая нашла себѣ богатаго покровителя, обобрала его до чиста и кинула, и теперь, смотрите, какъ живетъ. Ваша братія пресмыкается передъ ней!

Каждое слово Марьи Ѳедоровны рѣзало меня, какъ острымъ ножомъ, но я еще не терялъ надежды. Это говоритъ въ ней вліяніе подругъ, среды, ее еще можно будетъ перевоспитать.

— Марья Ѳедоровна, вы любите меня?

— Я? васъ?.. Ну, да, какъ брата... Не больше того... Вы хорошій другъ, съ вами пріятно поболтать и только...

— Марья Ѳедоровна...—сказалъ я, страшно взволнованный... будьте моею женою...

— Вы начинаете говорить глупости,—рѣзко сказала Марья Ѳедоровна, порывисто поднялась и вышла на дорогу. Я предложилъ ей руку, она отшатнулась отъ меня...

— Идите по той сторонѣ и не подходите ко мнѣ—вы съ ума сошли...

— Марья Ѳедоровна...—молилъ я,—выслушайте меня...

— Ну, что еще?

— Какъ-же, вѣдь вы любили меня... А помните въ Саперномъ на оттоманкѣ нашъ первый поцѣлуй...

— Ахъ, холёный!—воскликнула Марья Ѳедоровна,—мало ли съ кѣмъ я цѣловалась!

— Какъ?!—въ ужасѣ прошепталъ я,—вы цѣловались не съ однимъ мною?

— Смотрите, цаца какая выискалась! Да вы, Константинъ Александровичъ, водички бы выпили, а то у васъ вѣрно голова болитъ.

— Но съ кѣмъ-же, когда?—едва шепталъ я

— Смотрите, бѣдный мальчикъ съума сошелъ, крикнула нарочно громко Марья Ѳедоровна и побѣжала нагонять Женю.

— Знаешь, Женя,—еще издали кричала она,—Константинъ Александровичъ мнѣ предложеніе только что сдѣлалъ.

— Ну!—протянула Женя и съ веселой улыбкой смотрѣла на меня. Артиллеристъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Ну, ты что же?—спросила Женя.

— Я?.. конечно, отказалась. Развѣ можно мнѣ выдти за него? Вѣдь у него, бѣдненькаго, ничего нѣтъ... Вы только, Константинъ Александровичъ, пожалуйста не вздумайте застрѣлиться... Конфетка этакая...

Каждое слово ея рѣзало мнѣ уши. Мнѣ было страшно тяжело. Въ головѣ вдругъ все сдѣлалось пусто, въ природѣ будто все померкло, солнце потускнѣло, ароматъ травъ не билъ больше въ носъ, деревья стали темныя и скучныя и все нагоняло тоску. Мнѣ было стыдно и прохожихъ, попадавшихся на встрѣчу, и стороннихъ людей, какъ будто бы всѣ знали, почему мы не идемъ подъ руку, почему Марья Ѳедоровна такая надутая, а у меня слезы дрожатъ на рѣсницахъ. Артиллеристъ становился для меня почти невыносимъ. Онъ глупо улыбался, да и что могъ онъ иное дѣлать, какъ не улыбаться глупо!

По приходѣ домой Марья Ѳедоровна разсказала объ этомъ и своей мамѣ, и mademoiselle Marie, и пришедшему Андрею Павловичу и еще какимъ-то незнакомымъ мнѣ статскимъ. Всѣ смотрѣли на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ удивленіемъ, и никто не говорилъ ни слова. Всѣмъ, всѣмъ Марья Ѳедоровна разсказывала, что я бѣдный и честный мальчикъ и что, будь я богатъ, она-бы пошла за меня, а такъ ни за что!

Это была пытка, которой я не могъ перенести. Я воспользовался общимъ движеніемъ въ столовую, накинулъ на плечи пальто и вышелъ.

Весь Павловскъ, повидимому, зналъ о моемъ несчастіи. Дамы сочувственно смотрѣли на меня, мужчины иронически ухмылялись. Даже извозчикъ, котораго я нанялъ въ лагерь, поглядѣвъ на меня, сочувственно сказалъ:

— Что, баринъ, не повезло!

— Ты почемъ знаешь!—сердито спросилъ я.

— Да уже это обнаковенно, сѣдокъ, который отсюда садится, либо веселый, и ловко на чай даетъ, либо скучный, того такъ хоть и не вези.

— Да развѣ много ихъ?

— А ништо. Стра-асть.

— Да ты про что? Какіе такіе сѣдоки?—не понималъ я, занятый своими мыслями.

— А вотъ што парей на скачкахъ держатъ, которая лошадь первѣе придетъ. Выигрываютъ иные господа много,—ну другіе... Это ужъ все, какъ отъ Бога, кому Богъ какое счастье положитъ!

— Да,—протянулъ я и задумался...

Вотъ промелькнулъ Софійскій плацъ и пошли пихты по сторонамъ дороги, вотъ деревня надъ ручьемъ, собака бѣжитъ съ лаемъ, баба съ ведрами остановилась и смотритъ, протянулся возъ съ сѣномъ, и ароматный воздухъ далекой полосой сталъ за нимъ. Варшавская дорога, залегшая, какъ въ пропасти, кадки съ водой на мосту, и пошли мелькать кучи щебня да большіе бѣлые камни съ бѣлыми кругами и черными цифрами на нихъ знакомаго давно Красносельскаго шоссе. Вотъ и поворотъ у Образцовой, поросшая тиной лужа, кузница, березы и далеко влѣво синѣющій Кирхгофъ. Дневальный казакъ вытянулся подъ грибомъ, мотаются при свѣтѣ догорающаго жаркаго дня соломенныя вывѣски съ кистями, вотъ и спускъ къ станціи—сейчасъ и дома.

Я снимаю съ себя пальто и сюртукъ, отдаю Казанкову, беру съ гвоздя старый мундиръ, накрываю имъ голову и ложусь.

Въ избѣ тишина. Мармона нѣтъ дома. Солдаты ушли на ужинъ. Сумерки разливаются по комнатѣ. Вотъ закрыли онѣ уголъ съ платьемъ, вотъ и постель Мармона стала какимъ-то чудовищемъ. На дворѣ еще пожалуй свѣтло, но сквозь маленькія запыленныя окошечки свѣта нѣтъ.

Я опять накрываю голову мундиромъ и лежу тихо, тихо...

Меня какъ бы нѣтъ. Завтра меня не будетъ,—я застрѣлюсь. Развѣ написать рапортъ на имя командира полка: „застрѣлившись сего числа, службы нести не могу“. Нѣтъ, это пошло будетъ... Зачѣмъ? Хоть бы Мармонъ пришелъ. Разсказалъ-бы ему... Не стоитъ.

Входитъ Казанковъ.

— Ваше благородіе, чай будете пить?

— Нѣтъ!—рычу я изъ подъ мундира. Но деньщикъ не оставляетъ меня въ покоѣ.

— Такъ что,—говоритъ онъ,—можетъ постель постелить.

— Убиррайся къ чорту!—кричу я на него. Казанковъ исчезаетъ и я опять одинъ лежу на постели. Постель жесткая, спартанская; тюфякъ набитъ соломой, бока начинаютъ болѣть, подушка грѣетъ голову, но мнѣ лѣнь подняться. Я пересиливаю себя и все лежу. У гауптвахты стонетъ зарю кавалерійская труба, походъ, поютъ „Отче нашъ“ и „Спаси Господи“, вотъ мѣрный топотъ ногъ:—эскадроны расходятся съ зари, девять часовъ значитъ. Я снимаю мундиръ; въ комнатѣ совсѣмъ темно. Глупая рожа Казанкова снова просовывается въ дверь; онъ робко спрашиваетъ: „ваше благородіе, лампу прикажете зажечь?“

— Господи! съ отчаяніемъ говорю я, и покою-то человѣку не дадутъ. А самъ мысленно добавляю: ну, какъ тутъ застрѣлиться?

— Ну, зажги, если это тебѣ такъ нравится.

Я натягиваю мундиръ на себя, надѣваю фуражку и выхожу на дворъ.

Дивная іюльская ночь. Сильно вызвѣздило. Небо темно-синее, словно пологомъ покрыло землю. Луна придала фантастическое освѣщеніе. У хозяина моего свалено два воза сѣна передъ домомъ, и ароматъ его опьяняетъ. Я схожу на шоссе, перепрыгиваю черезъ канаву, прохожу между домовъ, иду задворками, а потомъ прямо по травѣ. Я ни о чемъ не думаю. Шаги мои медленны, голова опущена, руки заложены за спину. Жизнь прожита, счастливыя минуты прошли, больше ничего не будетъ хорошаго, стоитъ ли жить. Свѣжесть олей освѣжаетъ меня, шагъ по привычкѣ становится бойчѣе, размашистѣе, я выхожу на дорожку и бодро шагаю по ней.

Кто меня встрѣтитъ, ни за что не скажетъ, что черезъ какой-нибудь часъ я застрѣлюсь. Я иду долго. Съ ходьбой воз-

вращаются ко мнѣ мысли, но онѣ сбивчивы и отрывисты. Такъ, должно быть, и всегда у самоубійцъ,—рѣшаю я и иду дальше. Вотъ Дудергофъ... Вотъ мамина дача. Здѣсь въ позапрошломъ году Земсковъ объяснялся съ Лидіей, а я подслушивалъ. Они и теперь здѣсь живутъ... Зайти развѣ къ мамѣ.. Нѣтъ, зачѣмъ разстраивать ее, я и такъ не мало горя ей причиню... Я жалѣю себя... бѣдный, бѣдный я. Я совсѣмъ стою подлѣ дачи. Они дома, вонъ свѣтъ наверху... Звуки корнета—это Земсковъ играетъ, я знаю, у него серебряный корнетъ... Это вальсъ изъ Фауста. Какъ хороша мелодія. Вотъ здѣсь Маня дѣлаетъ поворотъ и расходится съ Головинымъ, вотъ сошлись опять, теперь идутъ задомъ, и ея маленькая ножка дѣлаетъ мелкія па.

Очарованный сажусь я на скатѣ горы и съ тяжелымъ вздохомъ опираюсь на руку. У меня показываются на глазахъ слезы, холодная дрожь прошибаетъ меня; я лихорадку, но я не могу оторваться отъ освѣщеннаго окна, не могу не слушать волшебные звуки. Лидія аккомпанируетъ жениху. Вотъ опять и опять... Я не вижу дивнаго лѣсистаго склона Дудергофа, на которомъ я сижу, я не вижу дачи: передо мной сцена Маріинскаго театра, средневѣковой германскій городокъ, горожанки и горожане танцуютъ на площади — вонъ Мефистофель-Черновъ и Фаустъ-Михайловъ сидятъ въ лѣвомъ углу... Мелодія вальса рвется и растетъ шире и шире, вотъ она словно дрогнула на высокой нотѣ, а въ это время танцовщики сдѣлали оборотъ, и опять идутъ, держась за плечи другъ друга...

Земсковъ давно уже кончилъ играть. Но въ моихъ ушахъ все еще звенитъ этотъ вальсъ, все танцуютъ и кружатся пары...

Но этого больше не будетъ. Сегодня я умру. Маня прочтетъ въ газетахъ. Что-то скажетъ она: „этакая прелесть“ или „этакій восторгъ?“ Лидія будетъ плакать, свадьбу отложитъ на январь, а можетъ и дальше. Мама выплачетъ всѣ глаза. Бѣдная, бѣдная мама! За что я ее такъ наказываю? Чѣмъ же она-то виновата? Такъ надо... Повезутъ меня хоронить. Сзади Османъ пойдетъ подъ черной траурной попоной. Вѣнки будутъ отъ товарищей по полку, отъ товарищей по училищу. Лидія съ Земсковымъ пойдутъ подъ руку... Пріѣдетъ ли Марья Ѳе-

доровна? Она, пожалуй, одѣнетъ полный трауръ, она какъ-то мнѣ говорила, что ей очень идетъ черное платье и плерезы.

Вотъ у Лидіи погасли огни... Вонъ по тропинкѣ подъ горкой идетъ Земсковъ. Если бы онъ поднялъ голову, онъ увидѣлъ бы меня, но онъ торопится домой и смотритъ въ землю. Однако, становится холодно, еще простудишься, пожалуй. Да не все ли равно, когда я рѣшилъ застрѣлиться. Однако, я встаю и иду подъ гору. Я иду тихо, осторожно, часто останавливаюсь. Кругомъ все стихло. По главному лагерю засвѣтились цвѣтные фонари, кто-то крикнулъ гдѣ-то, и опять все смолкло. Мнѣ не хочется идти къ людямъ, я дохожу до первой копны сѣна и ложусь на нее. Ночь совсѣмъ теплая... Небо синее, синее. Вонъ „Большая Медвѣдица“ и полярная звѣзда. Маня всегда называла себя полярной звѣздой. „Холетая“ моя, а развѣдчикъ Зимовновъ на вопросъ, какъ найти страны свѣта, всегда упорно отвѣчалъ: „по медвѣдицѣ“ и смѣшилъ меня. Глупо смѣяться... Для него это котелокъ, а не большая медвѣдица... Вотъ не люблю ученыхъ — они всегда съ глупостями... То ли дѣло Маня...

Звѣзды меркнутъ, небо блѣднѣетъ, холодный вѣтерокъ потянулъ откуда-то, и густой туманъ заклубился надъ озеромъ Однако, пора. Револьверъ дома остался... Я иду торопливо домой, меня трясетъ, какъ въ лихорадкѣ, я спотыкаюсь о кочки, вязну въ болотѣ и почти бѣгу... Скорѣе, скорѣе, Господи, скорѣе-бы...

Наконецъ вотъ и наша деревня. Солдаты смотрятъ... Что они думаютъ про меня? Казанковъ ждетъ, повидимому, меня. Взять револьверъ и въ поле, и тамъ конецъ...

Мармонъ спитъ. Ну, сейчасъ.

— Ваше благородіе!.. а ваше благородіе,—полушопотомъ, чтобы не разбудить спящаго, говоритъ Казанковъ.

— Ну, что такое?

— Такъ что, ваше благородіе, приносили ночью приказаніе, что вы съ его превосходительствомъ назначены въ подвижной сборъ съ пѣхотой.

Я ничего не понимаю. „Кто, что? съ какой пѣхотой“.

Казанковъ принимаетъ повелительный видъ и самъ отдаетъ приказанія:

— Такъ что—изволите одѣваться, лошадь вамъ готова, а

веща кой-какая, бѣлье и пальто ваше, въ генеральскую повозку положены, и вамъ надо сейчасъ ѣхать, генералу провели лошадь уже. Какъ бы не запоздать.

„Когда же я застрѣлюсь!“ мелькаетъ у меня въ головѣ. Казанковъ суетъ мнѣ портупею и перевязь, подаетъ перчатки, и я, совсѣмъ забывши о своемъ намѣреніи, тороплюсь, боясь опоздать на ординарцы.

Когда я подъѣзжаю къ генеральской квартирѣ, генералъ уже садится на лошадь. Я являюсь по формѣ, и мы ѣдемъ...

IX.

Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ верховая ѣзда и путешествіе. Я ѣду сзади генерала, рядомъ съ адъютантомъ, видъ у меня обтрепанный, лицо помятое.

— Пилъ что-ли?—тихо спрашиваетъ адъютантъ. Я молчу. Мнѣ еще совѣстно разстаться съ моими мрачными мечтами-какъ никакъ собирался застрѣлиться и не застрѣлился.—Но мѣрный шагъ Османа, свѣжесть ранняго утра, красивый и разнообразный пейзажъ, развертывающійся передо мною, дѣлаютъ свое дѣло и я смотрю веселѣе.

Впечатлѣнія вчерашняго дня какъ-то изглаживаются, больвъ сердцѣ утихаетъ, бѣлокурый образъ улетучивается и неспа, ряется. Хочется подѣлиться впечатлѣніями съ адъютантомъ. Я смотрю на него. Онъ ѣдетъ на сѣрой лошади и флегматично попыхиваетъ папироской. Ему скучно.

— Николай Николаевичъ,—говорю я,—ты знаешь, я вчера чуть не застрѣлился.

— А?—тянетъ онъ и приподымаетъ одну бровь.

— Нѣтъ, серьезно... говорю я. Меня обижаетъ его равнодушный тонъ, но я не могу сердиться.

— Съ чего это?

— Все изъ-за Марьи Ѳедоровны.

— Охота!

На меня находитъ приливъ откровенности, я болтаю безъ умолку. Разсказываю, какъ я дѣлалъ предложеніе, какъ она мнѣ отказала. Я сильно взволнованъ, слезы блестятъ у меня на глазахъ.

— Она умная барынька. Я не ожидалъ,—говоритъ адъютантъ.

Я задѣтъ за живое.

— То есть, почему это умная?

— Почему? Тебя бы, во-первыхъ, вышибли изъ полка... Во-вторыхъ, ну, какая она жена. Только такой пижонъ, какъ ты, могъ попасться ей въ руки; да и не такъ молода она— поди-ка, не мало пожила на бѣломъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, оставь, Маня хорошая... Не брани ее!. Она добрая!.. Я вспоминаю вечера въ Сапернома переулкѣ, шелковую ткань ея розоваго капотика, „морозъ“, и мнѣ становится опять жаль. Но жалѣть некогда. Генералъ обратился ко мнѣ:

— Слушайте, Яковлевъ, дружокъ, возьмите-ка двухъ вѣстовыхъ, да рысцой поѣзжайте въ Коськово, тамъ выберите мнѣ хатку почище, да насчетъ ужина и самоварца распорядитесь.

Я прикладываю руку къ козырьку и говорю: „Слушаю-съ“.

Забравъ съ собою двухъ генеральскихъ вѣстовыхъ, я трогаю Османа шенкелями и, чуть приподымаясь и опускаясь въ сѣдлѣ, плавной рысью ѣду впередъ. Сзади мѣрно топочутъ солдатскія лошади. Дорога идетъ легкимъ уклономъ подъ гору, начинается мелкій лѣсокъ, высокія осины шелестятъ своими листами, становится жарко. Я чувствую усталость и легкій позывъ ко сну, кромѣ того страшно хочется ѣсть. Я вспоминаю, что вчера не обѣдалъ, и прибавляю рыси.

Вотъ и Коськово—нашъ первый бивакъ. Отрядъ уже собрался. Еще за двѣ версты начались всякія бивачныя постройки. Цѣлый длинный рядъ хлѣбопекарныхъ печей вытянулся вдоль шоссе, потомъ поля были заняты маленькими пѣхотными палаточками; нарушая общую симметрію и однообразіе, стояли громадные шатры офицерскихъ собраній. Надъ озеромъ дымятся костры. Пѣхотные солдатики въ красныхъ рубахахъ возятся другъ съ другомъ:—имъ ни почемъ переходъ въ двадцать пять верстъ. Длинной вереницей стоятъ распряженныя орудія, лошади привязаны на канатныхъ коновязяхъ.

— Куда вы, Яковлевъ?—слышу молодой голосъ. Это товарищъ по училищу Парковъ. Онъ возмужалъ, на немъ высокіе, сильно запыленные сапоги и разстегнутый мундиръ. Я важно объясняю, что я ординарецъ начальника отряда. Онъ гладитъ мою лошадь.

— Славная лошадь. Ваша?

— Моя,—отвѣчаю я и треплю Османа по крутой шеѣ.

— Устали, поди-ка?—говоритъ онъ.

— Нисколько.

— Не завидую я вамъ. Разъ сѣлъ на лошадь, такъ разбился, потомъ долго ходить не могъ.

— Это всегда такъ сначала,—докторально замѣчаю я.

— То-ли дѣло, мы, ходимъ. Важно! Ни отъ кого не зависишь, идешь и идешь.

— Тоже скучно.

— Нѣтъ, ничего.—Онъ оглядываетъ меня еще разъ.—Совсѣмъ кавалеристомъ стали! Молодчина!

Я, довольный похвалой, спрашиваю у него, не знаетъ ли онъ гдѣ, здѣсь чистыя избы.

— Вамъ для генерала? возьмите у старосты, дивная хата, чистая, большая.

— Ну, до свиданья.

Мы жмемъ другъ другу руки, я трогаю лошадь и ѣду дальше.

За хлопотами объ обѣдѣ, о самоварѣ, о чистой постели проходитъ время. Надо и о лошадяхъ позаботиться, купить соломы, сѣна, овса... Тѣмъ временемъ пріѣзжаетъ генералъ. Онъ усталъ и потому сердитъ. Мы съ адъютантомъ ходимъ на цыпочкахъ. Хозяйка привѣтливо кланяется... Приходитъ деньщикъ генеральскій, генералъ переодѣвается и въ халатѣ садится подъ образа. Изба ему нравится. Чистая, дѣтей нѣтъ, насѣкомыхъ не видно. Старшій изъ командировъ пѣхотныхъ полковъ приходитъ къ нашему звать обѣдать. Генералъ извиняется, говоритъ, что усталъ; тогда зовутъ насъ. Адъютантъ и я говоримъ, что мы останемся при командирѣ. Генералъ доволенъ этимъ и черезъ часъ мы садимся обѣдать.

На чистомъ бѣломъ сосновомъ столѣ появляются тарелки, какія-то кривыя вилки, которыя сейчасъ-же замѣняются генеральскими изъ его вьюка, и горшокъ со щами. Щи жирныя, вкусныя. Я никогда такихъ не ѣдалъ. Потомъ цыпленокъ, зажаренный трубачемъ генерала Ершовымъ, бывшимъ когда-то поваромъ, и все замыкается блюдомъ красной смородины.

Командиръ обѣдомъ очень доволенъ, адъютантъ и я тоже, и мы рѣшаемъ всегда обѣдать втроемъ и спать не по избамъ, а въ палаткахъ.

— Ну, спасибо вамъ, Яковлевъ. Таковъ ординарецъ и долженъ быть, по старому, по нашему... Я старше васъ, я вамъ въ отцы гожусь, а вы самый молодой—вамъ не грѣхъ хозяюшкой быть.

Я кланяюсь и краснѣю. Дорогой генералъ купилъ газеты—„Стрекозу", „Петербургскую Газету" и „Новое Время".

— Это я для васъ,—говоритъ онъ.

Я тронутъ вниманіемъ и радъ чтенію, хотя у меня еще много хлопоть. Надо присмотрѣть лошадей, подумать объ ужинѣ и пристроить къ какому либо изъ полковъ на довольствіе вѣстовыхъ.

Генералъ и адъютантъ ложатся спать, я торгую солому, переговариваю объ обѣдѣ для солдатъ, смотрю, какъ чистятъ Османа.

Павловскъ, Марья Ѳедоровна, предложеніе, отказъ ушли куда-то далеко, забылись, ихъ смѣнили другія нужды, другія потребности.

Когда ночью, часовъ въ одинадцать я ложусь на узкую деревянную скамью и, подложивъ подъ голову мундиръ и рейтузы, накрываюсь пальто — я относительно счастливъ; мнѣ грустно, тоскливо, но въ тоже время сладко на сердцѣ. То, что жестко спать, нисколько не раздражаетъ меня, а наоборотъ радуетъ...

Я рѣшаю забыть Марью Ѳедоровну и быть бравымъ и лихимъ ординарцемъ, и въ эту минуту я больше всего люблю сѣдоусаго генерала, что спитъ на покойной желѣзной койкѣ въ сосѣдней комнатѣ. Я считаю себя принадлежащимъ ему и готовъ по его приказанію кинуться въ огонь и въ воду.

Сверчокъ надоѣдливо трещитъ за печкой, адъютантъ ворочается со стономъ съ боку на бокъ—ему жестко. А я лежу, охваченный сладкимъ чувствомъ восторга, и счастливъ тѣмъ, что я кавалеристъ, слуга Государевъ, что я солдатъ... „А бабы тутъ не причемъ", думаю я и засыпаю.

П. Красновъ (Черновъ).

В. П. БОТКИНЪ.

Біографическій очеркъ.

В. П. Боткинъ извѣстенъ въ литературѣ и въ исторіи русскаго общества, какъ авторъ высоко художественныхъ «Писемъ объ Испаніи» и какъ личный другъ Бѣлинскаго, Грановскаго и другихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ и послѣдующей эпохи. 10 октября 1894 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня его кончины, но до сихъ поръ не появлялось о немъ ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго и цѣльнаго очерка, не смотря даже на то, что обильный матеріалъ для его біографіи уже опубликованъ.

Боткинъ не занимаетъ въ исторіи русскаго общества мѣста самостоятельнаго: вліяніе его не можетъ идти въ сравненіе ни съ вліяніемъ Бѣлинскаго, ни съ вліяніемъ Грановскаго, не смотря ни на природныя дарованія его, ни на то широкое образованіе въ спеціальной сферѣ искусства, какое онъ пріобрѣлъ исключительно собственными усиліями. Но нѣкоторыя черты, свойственныя въ большей или меньшей степени почти всѣмъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ, сказались въ немъ особенно рѣзко, и пониманіе этой эпохи не можетъ быть полнымъ, если не будетъ ясенъ литературный и нравственный обликъ такихъ незаурядныхъ, хотя и второстепенныхъ представителей эпохи, какъ Боткинъ.

I.

Происхожденіе В. П. Боткина. — Развитіе въ молодости подъ вліяніемъ нѣмецкихъ книгъ. — Первое путешествіе В. П. Боткина за границу. — Увлеченіе романтическими вѣяніями.—Боткинъ въ кругѣ Н. В. Станкевича. — Сближеніе съ Бѣлинскимъ. — Личный характеръ Боткина въ молодости. — Гегелевская философія и „примиреніе съ дѣйствительностью“. — Собранія кружка у Боткина. — Боткинъ и Кольцовъ.

Василій Петровичъ Боткинъ, одинъ изъ видныхъ представителей нашего западничества сороковыхъ годовъ, происходилъ изъ чистокровной великорусской семьи, безъ примѣси иноземной крови. Прадѣдъ или дѣдъ его былъ крестьяниномъ Псковской

губерніи и переселился въ Москву для торговли. Отецъ В. П. Боткина, Петръ Кононычъ Боткинъ былъ уже зажиточнымъ купцомъ и основателемъ извѣстнаго чайнаго торговаго дома. По образованію и образу жизни Петръ Кононычъ принадлежалъ къ типу стариннаго московскаго купечества, хорошо всѣмъ извѣстному по комедіямъ Островскаго. Но это былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ не дюжиннаго ума и способностей, которыя сказались въ его дѣтяхъ. Однимъ изъ сыновей его былъ знаменитый врачъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ; имя его затмило своею популярностью имя автора «Писемъ объ Испаніи».

Василій Петровичъ Боткинъ, старшій сынъ въ семьѣ Боткиныхъ, родился въ 1810 году (день его рожденія намъ неизвѣстенъ), въ домѣ, который и понынѣ извѣстенъ въ Москвѣ, на Маросейкѣ въ Петро-Вергіевскомъ переулкѣ. Здѣсь же прошли дѣтство и юность будущаго писателя. Извѣстно только, что онъ былъ отданъ отцомъ въ пансіонъ Кряжева и здѣсь выучился французскому и нѣмецкому языкамъ и впервые познакомился съ иностранною литературою. Впослѣдствіе Боткинъ читалъ также свободно англійскія, итальянскія и испанскія книги. Долго-ли онъ былъ въ пансіонѣ, не знаемъ.

Отецъ сдѣлалъ его своимъ приказчикомъ. Цѣлые дни юношѣ приходилось проводить въ чайномъ амбарѣ, возиться съ покупателями, слѣдить за отправкою чая и т. д. Но умственные интересы были уже пробуждены въ немъ настолько сильно, что среди этого однообразнаго дѣла юноша умудрялся учиться и умственно развиваться. Все свое свободное время онъ употребляетъ на чтеніе иностранныхъ книгъ; нѣмецкія—преобладали, и развитіе его шло такимъ образомъ подъ вліяніемъ германской литературы, которое стало первенствующимъ, когда онъ сблизился съ извѣстнымъ кружкомъ Станкевича.

«Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи,—вспоминаетъ самъ В. П. Боткинъ въ письмѣ 1862 г.:—всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь, всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я, или точнѣе сказать — воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохого), я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ «Фіеско» и «Разбойниковъ» Шиллера, да еще переводы Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей... Виноватъ-ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія

о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ моей душѣ все, что ей до сихъ поръ дорого». (Фетъ, Мои воспоминанія, I, 402—403).

Болѣе или менѣе связныя свѣдѣнія о жизни В. П. Боткина имѣются лишь съ 1835 года, со времени его путешествія въ Парижъ и по Италіи. Тогда онъ, кажется, не былъ еще своимъ человѣкомъ въ кругѣ Станкевича. Нѣкоторыя подробности о первомъ заграничномъ путешествіи Боткина сохранились въ его печатныхъ письмахъ.

Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Русскій въ Парижѣ», появилось вскорѣ послѣ путешествія, именно въ «Телескопѣ» 1836 года (№ 14), гдѣ сотрудничалъ и Бѣлинскій. Въ одномъ письмѣ 1842 года къ Краевскому Боткинъ замѣчаетъ, что во время путешествія былъ подъ вліяніемъ сенсимонизма. Но это вліяніе можно уловить развѣ только въ симпатіи Боткина къ парижской жизни.

Это письмо написано съ увлеченіемъ, почти восторженно. Въ немъ ярко обрисовывается авторъ его, еще юноша, жадно наблюдающій кипучую жизнь Парижа вскорѣ послѣ іюльской революціи, жизнь такъ не похожую на русскую дѣйствительность. Онъ какъ будто растерянъ отъ разнообразія и полноты этой жизни и готовъ благоговѣть предо всѣмъ. Особенно поражаетъ его «жизнь народа, трепещущая всѣми своими нервами, прорывающаяся изъ каждаго отверстія своего», удивляетъ его въ народѣ «юность кипучая, страстная, бѣшеная, увлекающаяся, вся преданная первому впечатлѣнію»...

Въ общественно-литературныхъ парижскихъ кругахъ того времени кипѣла борьба за романтизмъ, отраженіе борьбы политической: ниспроверженіе установившихся литературныхъ формъ такъ называемаго лжеклассицизма занимало парижанъ столько же, сколько политика. Имя Виктора Гюго въ особенности было на устахъ у всѣхъ. Нашъ молодой москвичъ еще дома зачитывался «Соборомъ Парижской Богоматери», (романъ вышелъ въ свѣтъ въ 1831 году). Противорѣчивые толки о личности Гюго взманили Боткина лично познакомиться съ авторомъ «дивнаго романа». Предварительно онъ осмотрѣлъ соборъ, еще разъ перечиталъ романъ и тогда только счелъ себя достойнымъ увидѣть прославленнаго писателя. Онъ засталъ Гюго за самымъ прозаическимъ занятіемъ: поэтъ обѣдалъ; но это нисколько не умалило энтузіазма гостя, который вѣроятно позабавилъ Гюго.

«Еще полный впечатлѣнія «Notre Dame de Paris», увидалъ я предъ собою Гюго,—разсказываетъ Боткинъ:—и вы поймете при-

чину, отчего я уставился на него съ глупымъ любопытствомъ, разсматривая это полное свѣжее лицо, это чело, ознаменованное печатью генія. Смѣйтесь надо мною, но когда я увидѣлъ предъ собою великій талантъ, перваго поэта современной Франціи, неопредѣленное, доселѣ незнакомое мнѣ чувство наполнило меня». Послѣ непродолжительнаго разговора, въ которомъ Гюго распрашивалъ гостя о народныхъ пѣсняхъ и о русскихъ цыганахъ, Боткинъ съ замѣшательствомъ просилъ поэта написать ему на память свое имя. «Eh, avec un grand plaisir, M-r»,—отвѣчалъ тотъ, вышелъ въ кабинетъ и черезъ минуту вынесъ бумажку, на которой было написано: «Qui sperat vivit — Victor Hugo».

Въ письмахъ изъ Италіи и изъ Рима также достаточно ярко обрисовывается восторженный туристъ. Онъ разсказываетъ, напр., какъ по переѣздѣ чрезъ Симплонскій горный хребетъ почувствовалъ, что передъ нимъ Италія: «и надобно испытать такое чувство! Мнѣ стало легко, весело, я легъ на траву и съ упоеніемъ нѣжилъ глаза на очаровательной долинѣ, которая, какъ чаша, лежала между горами, покрытыми темною густою зеленью. — Италія, Италія! я наконецъ вижу тебя! — повторялъ я; чудная, блаженная минута!»

Эта расточительность на знаки восклицанія зачастую затемняетъ самый разсказъ о видѣнномъ.

Извѣстно, какъ романтики начала вѣка увлекались средневѣковыми реминисценціями, средневѣковымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, культомъ рыцарства и женщины. Письмо Боткина изъ Италіи очень хорошо характеризуетъ его именно съ этой стороны. Въ Миланѣ на него произвела чарующее впечатлѣніе внутренность готическаго собора. Въ этой обстановкѣ онъ переносится воображеніемъ въ средніе вѣка, и ему кажется, что изъ душнаго города онъ переходитъ на просторъ полей и лѣсовъ. Его тянетъ «въ эту поэтическую эпоху броженія общественныхъ стихій, между этихъ желѣзныхъ характеровъ, среди общества, чуждаго наукъ и просвѣщенія, отвергавшаго образованность древняго міра, какъ имя діавола. Любо тамъ смотрѣть на борьбу кастъ, общинъ, власти духовной и политической, любо воображенію бродить по этимъ развалинамъ, памятникамъ среднихъ временъ.—Нѣтъ, среднія времена ближе моему сердцу, восклицаетъ онъ:—долго томясь въ формахъ древняго міра, вырвался онъ наконецъ на свѣжій воздухъ новой жизни и отдался всему ея волненію.»

Въ столь же романтическомъ восторгѣ онъ вспоминаетъ въ Венеціи нѣмецкаго романтика, пользовавшагося у насъ едва-ли не большею популярностью, чѣмъ на родинѣ, Гофмана. «своего

волшебнаго Гофмана, съ его нѣжною Аннунціатою и удалымъ гондольеромъ» (герои повѣсти «Дожъ и Догаресса»).

Такимъ образомъ можно думать, что Боткинъ былъ уже въ достаточной степени романтикомъ по своему настроенію, когда по возвращеніи въ Москву сошелся ближе съ кругомъ Станкевича, гдѣ романтизмъ былъ также преобладающимъ настроеніемъ. Мы считаемъ поэтому необходимымъ выдѣлить наиболѣе характерныя черты этого настроенія, отмѣтившаго собою на западѣ цѣлую четверть вѣка.

Какъ литературно-общественное теченіе, романтизмъ имѣлъ на западѣ двойственный характеръ.

Съ одной стороны онъ былъ протестомъ во имя правъ личности противъ установившихся формъ и традицій жизни, которыя сковывали личность, противъ абсолютныхъ общественныхъ и политическихъ формъ, противъ догматизма въ области философіи и религіи, противъ лже-классицизма. Эта сторона первоначально была на первомъ планѣ и долго романтизмъ былъ явленіемъ не только прогрессивнымъ, но даже революціоннымъ, именно у нѣмецкихъ писателей—въ «періодъ бури и натиска». Типичнѣйшее и наиболѣе талантливое изъ произведеній этого рода—«Разбойники» Шиллера, за которое поэтъ былъ удостоенъ званія почетнаго гражданина французской республики. То же значеніе романтизмъ сохранилъ и тогда, когда перешелъ во Францію и Англію, гдѣ явился разрушителемъ традиціонныхъ представленій о формахъ искусства (Викторъ Гюго), объ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ (Байронъ, Шелли, Жоржъ Зандъ) и т. д. И до сихъ поръ многія произведенія романтической школы ранняго періода ея не утратили поэтическаго живого интереса.

Не то приходится сказать о послѣдующей порѣ романтизма, вполнѣ выразившейся лишь въ Германіи, гдѣ наиболѣе развилась другая сторона романтизма. Въ самой сущности своей онъ носилъ зародышъ вырожденія. Дѣло въ томъ, что протесты романтизма противъ дѣйствительности носили черезъ-чуръ отвлеченный характеръ, оторванный отъ жизни. Романтики протестовали не во имя конкретной личности, стоящей въ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ условіяхъ, а во имя представленія объ личности, какъ о чемъ-то абсолютномъ и самодовлѣющемъ. И мало-по-малу такое самодовлѣніе получало рѣшительный перевѣсъ надо всѣмъ другимъ: исканіе личнаго счастья и наслажденія, эпикурейство романтиковъ выступили на первый планъ. Смутное стремленіе и тоска по какому-то таинственному и невѣдомому идеалу, романтическое «Sehnsucht» заслоняетъ собою то, что было живого въ первоначальномъ настроеніи. Романтикъ недоволенъ жизнью,

трезвою и равнодушною природою, бѣжитъ отъ нихъ и въ мистическомъ углубленіи въ свои ощущенія, въ «гемютѣ», ищетъ и не находитъ себѣ удовлетворенія. Въ своемъ темномъ и вяломъ настроеніи, теряя всякую опору для дѣятельной жизни, романтикъ весь отдается созерцанію жизни, и мало по-малу примиряется со всѣмъ, что раньше вызывало въ немъ протестъ.

Замѣчательно и характерно пристрастіе романтиковъ къ музыкѣ, къ самому непосредственному изъ искусствъ. Романтики—меломаны по преимуществу. Она для нихъ искусство всѣхъ искусствъ, она богаче слова. Ежеминутно утопать до самозабвенія въ музыкальныхъ ощущеніяхъ, томительныхъ, раздражающихъ и неопредѣленныхъ—для истаго романтика такое-же естественное состояніе, какъ для смертнаго, у котораго не вскружена голова,—ходить, пить и ѣсть. Инструментальная музыка, не знающая слова, т. е. элемента искусства, который требуетъ болѣе или менѣе трезваго сознательнаго отношенія къ себѣ, такая музыка въ особенности чтилась романтиками. «Она есть наиболѣе романтическое изъ всѣхъ искусствъ,—говоритъ Гофманъ устами своего героя Крейслера:—можно даже сказать, что въ ней одной дышетъ романтизмъ, потому что она имѣетъ своимъ предметомъ только безконечное».

Указанныя черты романтизма мы могли-бы обстоятельно прослѣдить на молодыхъ представителяхъ нашей литературы за 30-ые годы. Религіозная мечтательность, романтическія представленія о дружбѣ, о любви къ женщинѣ, резиньяція и т. д.—все, съ чѣмъ соединяется представленіе о такомъ типѣ романтика, какъ Владиміръ Ленскій Пушкина или Яковъ Пасынковъ Тургенева, — можно въ изобиліи найти въ письмахъ тридцатыхъ годовъ Огарева и Герцена, Станкевича и Грановскаго, Бѣлинскаго и Боткина.

В. П. Боткинъ, черпавшій свой романтизмъ, благодаря знакомству съ языками, изъ его непосредственныхъ источниковъ, личными своими качествами, мягкостью и отзывчивостью какъ нельзя лучше подошелъ подъ настроеніе кружка Станкевича.

Бѣлинскій первый изъ этого кружка познакомился съ Боткинымъ чрезъ типографа П. С. Селивановскаго. Это было въ 1835 и 1836 году. Чрезъ нѣсколько дней Бѣлинскій былъ уже на «ты» съ Боткинымъ, какъ вообще съ друзьями того времени. Молодой купецъ, почти самоучка, и уже знатокъ западно-европейской литературы, не могъ не представить живого интереса для энтузіастовъ, какими были тогда Станкевичъ, Бѣлинскій, М. Бакунинъ, К. Аксаковъ, и другіе; отзывы ихъ и особенно Бѣлинскаго характеризуютъ Боткина, какъ натуру чрезвычайно мягкую.

Станкевичъ писалъ ему изъ-за границы: «Ты вѣрно давно

знаешь, что я тебя люблю и что ты принадлежишь къ немногимъ людямъ внѣ моего семейства, дѣлающимъ мнѣ возвращеніе въ Россію пріятнымъ». Отзывы Бѣлинскаго, приведенные въ книгѣ Пыпина, еще восторженнѣе. Бѣлинскій старался приходить къ Боткину такъ, чтобы быть съ нимъ только вдвоемъ, шелъ къ нему, по его собственному выраженію, «какъ на свиданіе любви, съ какимъ-то мистическимъ волненіемъ». Въ одномъ изъ писемъ (отъ 16 авг. 1837 г. къ Бакунину) Бѣлинскій говоритъ о Боткинѣ: «Его безконечная доброта, его тихое упоеніе, съ какимъ онъ въ разговорѣ называетъ того, къ кому обращается, его ясное, гармоническое расположеніе духа во всякое время, его всегдашняя готовность къ воспринятію впечатлѣній искусства, его совершенное самозабвеніе, отрѣшеніе его отъ своего *я*—даже не производятъ во мнѣ досады на самого себя: я забываюсь, смотря на него... Меня въ особенности восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столькоже честный, сколько и благородный человѣкъ... По дѣламъ торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія приказчика къ своему хозяину. Да, это единственный способъ быть независимымъ отъ внѣшней жизни и людей — быть вполнѣ свободнымъ. Гармонія внѣшней жизни человѣка съ его внутреннею жизнью есть идеалъ жизни, и только въ Васильѣ нашелъ я осуществленіе этого идеала. Онъ умѣетъ отказать себѣ во всемъ, исполненіе чего вовлекло-бы его въ обязательство и зависимость отъ людей; онъ не займетъ денегъ для своихъ издержекъ, даже похвальныхъ—и входитъ въ долги для того, чтобы помочь негодяю своему пріятелю». Въ послѣднихъ словахъ Бѣлинскій хотѣлъ осудить свою собственную непрактичность.

Очень скоро Боткинъ вошелъ во всѣ духовные интересы и дѣла кружка. Въ только что цитированномъ письмѣ Бѣлинскій между прочимъ говоритъ: «Онъ шелъ по ложному пути: встрѣтилъ людей, которые лучше его понимали истину, и тотчасъ призналъ свои ошибки, не почитая себя нисколько чрезъ это униженнымъ». Здѣсь идетъ рѣчь, вѣроятно, о нѣкоторомъ увлеченіи Боткина французскими писателями, къ которымъ кружокъ Станкевича относился съ антипатіей, уже увлекаясь гегелевскою философіею. Съ осени 1837 года и въ 1838 году Бѣлинскій былъ фактическимъ редакторомъ «Московскаго Наблюдателя», и друзья дѣятельно поддерживали журналъ. Онъ шелъ плохо, потому что ему былъ приданъ черезъ-чуръ отвлеченный философскій характеръ. Боткинъ неустанно хлопоталъ для журнала. Въ немъ онъ помѣстилъ свои переводы изъ Гофмана «Донъ-Жуана» и «Капельмейстера Крейслера» и рядъ музыкальныхъ реценцій.

Вообще онъ всегда считался авторитетомъ въ истолкованіи музыки. Въ качествѣ истаго романтика онъ упивался ею. Музыкальные вечера, которые онъ устраивалъ у себя, приглашая на нихъ любителей и знатоковъ музыки, пользовались извѣстностью. Объ одномъ такомъ вечерѣ Бѣлинскій писалъ осенью 1837 года, что Боткинъ походилъ «на Пиѳію на треножникѣ и былъ на небѣ отъ одного адажіо, лучшаго, какъ говоритъ онъ, какое только написалъ Бетховенъ». Тутъ воспроизвели однажды мрачно-романтическую музыкальную фантазію, программа которой дана Гофманомъ во второй части «Крейслера».

Основательное знаніе языковъ давало Боткину много преимуществъ въ кружкѣ, и по объему литературно-эстетическихъ свѣдѣній онъ считался однимъ изъ первыхъ. Однако, было бы трудно указать, какія именно черты, отличавшія этотъ удивительный кружокъ, сложились подъ его вліяніемъ. Чрезъ 20 лѣтъ Боткинъ справедливо самъ замѣчалъ это (въ письмѣ Дружинину отъ 8 марта 1857 г.), указывая на единство и совокупность общей умственной работы. «То время было то, что нѣмцы называютъ Sturm und Drang Periode,—говоритъ онъ:—Все въ насъ кипѣло, и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго. Одинъ меньше, другой больше,—но какъ теперь разберешь?» Боткинъ болѣе вдавался въ вопросы искусства, которое было прибѣжищемъ отъ внѣшняго суроваго и черствaго міра, какимъ была тогда общая русская дѣйствительность; въ изученіи же философіи Боткинъ былъ менѣе самостоятеленъ.

Письмо Бѣлинскаго, писанное въ ноябрѣ 1837 года, живо характеризуетъ Боткина въ этотъ періодъ. Критикъ выражаетъ даже зависть своему другу, на все отзывчивому, всегда свѣтло-настроенному и жизнерадостному.

«Онъ всегда въ гармоніи и всегда въ интересахъ духа,—говоритъ Бѣлинскій тогдашнимъ нѣсколько условнымъ философскимъ языкомъ:—ко всѣмъ внимателенъ, со всѣми ласковъ, всѣми интересуется; читаетъ Шекспира, нѣмецкія книги, хлопочетъ о судьбѣ и положеніи книжекъ «Наблюдателя» часто больше меня, покупаетъ очерки къ драмамъ Шекспира, по субботамъ и воскресеньямъ даетъ квартеты, въ которыхъ участвуетъ собственною персоною, со скрипкою подъ подбородкомъ, ѣздитъ въ театръ русскій и французскій,—словомъ, живетъ рѣшительно внѣ своего конечнаго *я*, въ свободномъ элементѣ бытія, всегда веселый, ясный, свѣтлый, доступный мысли, чувству; ежели груститъ временемъ, то все таки безъ подавляющаго духа страданія. Смотрю на него и дивлюсь».

Въ то время, какъ Боткинъ окончательно сошелся съ Бѣлинскимъ и со всѣмъ кружкомъ, глава котораго, Станкевичъ, уѣхалъ въ 1837 году за-границу, гегелевская философія стала въ занятіяхъ кружка на первомъ мѣстѣ. «Примиреніе съ дѣйствительностью» во имя непреложныхъ требованій философіи въ теченіе нѣкотораго времени явилось альфою и омегою всѣхъ взглядовъ молодыхъ москвичей.

Въ сущности это увлеченіе носило тотъ же отвлеченный романтическій характеръ, какъ и прежніе «прекраснодушные» порывы, которыми такъ полны, напр., «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго. «Примиреніе съ дѣйствительностью»—во имя ли философіи, или же во имя положительной религіи, какъ оно проповѣдывалось Жуковскимъ и позднѣе Гоголемъ — было несравненно болѣе чуждо реальнаго содержанія, чѣмъ предыдущее отрицаніе. Когда въ Германіи безпочвенный идеализмъ сталъ уступать мѣсто болѣе положительному направленію, Арнольдъ Руге въ своихъ «Hallesche Jahrbücher» съ полнымъ правомъ указалъ на романтичность примиренія съ дѣйствительностью, будто бы требуемаго философіею. «Романтикомъ,—говорилъ Руге,—называется писатель, который во всеоружіи нашего образованія (т. е. овладѣвшій философскимъ методомъ Гегеля) возстаетъ противъ эпохи просвѣщенія и революціи, отвергаетъ въ области искусства, морали и политики принципъ самодовлѣющей гуманности (т. е. конкретной личности, стоящей въ опредѣленныхъ соціальныхъ условіяхъ) и борется противъ него».

У насъ примиреніе съ дѣйствительностью впервые провозгласилъ, какъ извѣстно, М. Бакунинъ, послѣ отъѣзда Станкевича считавшійся въ кружкѣ первымъ авторитетомъ по части Гегеля.

Увлеченный обаятельною діалектикою Бакунина, Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ о Менцелѣ и Бородинской Годовщинѣ явился ярымъ защитникомъ того же направленія, явился имъ въ то время, какъ «прекрасная русская дѣйствительность» *) показывала ему себя съ самой непривлекательной стороны, когда матеріальное положеніе его было наиболѣе ужасно.

Боткинъ не остался чуждъ этого направленія. Онъ до извѣстной степени оппонировалъ Бакунину въ его безграничномъ оптимизмѣ, какъ это указываетъ Анненковъ, но далекъ былъ отъ мысли считать этотъ оптимизмъ совершенно неумѣстнымъ. Когда Бѣлинскій переѣзжалъ осенью 1839 года въ Петербургъ, чтобы работать въ «Отеч. Запискахъ», Боткинъ опасался, что въ Пе-

*) Выраженіе М. Бакунина.

тербургѣ Бѣлинскій увлечется французскими мыслителями и отрѣшится отъ широкаго философско-примирительнаго взгляда на вещи.

Статья Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ не понравилась Боткину, не содержаніемъ, впрочемъ, а изложеніемъ, За то другая статья той же тенденціи (о Менцелѣ) пришлась ему вполнѣ по вкусу. Въ письмѣ отъ 9—12 февраля 1840 онъ писалъ Бѣлинскому: «сейчасъ дочиталъ твою статью о Менцелѣ—одна изъ самыхъ живыхъ, одушевленныхъ статей, какія я когда либо читалъ. Спасибо тебѣ, ты мнѣ ею доставилъ много пріятныхъ минутъ».

Но и отдавшись этому безграничному оптимизму, который совпадалъ во многомъ, если не во всемъ, съ пышною оффиціальною программою «народности», кружокъ рѣзко выдѣлялся изъ всей тогдашней общественной жизни: беззавѣтная увѣренность въ силахъ человѣческаго разума, все объясняющаго, всему дающаго смыслъ, и восторженный подъемъ духа, общій членамъ кружка—были явленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ исключительнымъ. «Дѣйствительность», предъ которою преклонялись они, конечно не была дѣйствительностью, изображенною, напр., въ «Ревизорѣ»: эту послѣднюю они называли «призрачною», искаженіемъ того идеала, который грезился имъ въ основахъ русскаго быта. Очень скоро они признали, что на самомъ дѣлѣ «призрачное» черезчуръ реально. Но и теперь занятія философіей, искусствами и наукой ставили ихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими взглядами. Любопытно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что «Московскій Наблюдатель» со своимъ примирительно-консервативнымъ направленіемъ не пользовался симпатіею со стороны подлинныхъ представителей консерватизма. Въ біографіи Погодина г. Барсуковъ сообщаетъ, что статья Бакунина въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 г., провозглашавшая необходимость примиренія съ прекрасною русскою дѣйствительностью, не смотря на кажущуюся благонамѣренность, «пришлась не по сердцу православнымъ кіевскимъ философамъ» (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, V, 153).

Собранія кружка у Боткина носили, кажется, особенно оживленный характеръ, полный поэтическаго колорита. Домъ Боткиныхъ расположенъ на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Москвы. Изъ флигеля, выходившаго въ садъ, изъ за кустовъ зелени открывалась часть Замоскворѣчья. Садъ былъ расположенъ на горѣ, въ серединѣ его бесѣдка, вся окруженная фруктовыми деревьями. Восторженный хозяинъ, всегда находившійся «въ интересахъ духа», встрѣчалъ гостей или здѣсь или въ своемъ кабинетѣ, во флигелѣ. Анненковъ рисуетъ его, какъ «молодого чело-

вѣка въ красивомъ парикѣ съ чрезвычайно умными и выразительными глазами, въ которыхъ меланхолическій оттѣнокъ постоянно смѣнялся огоньками и вспышками, свидѣтельствовавшими о физическихъ силахъ, далеко не покоренныхъ умственными занятіями. Онъ былъ блѣденъ, очень строенъ, и на губахъ его мелькала добродушная, но какъ-то осторожная улыбка,—словно врожденный его скептицизмъ, по отношенію къ людямъ, сохранялъ надъ нимъ свои права и въ области безграничнаго идеализма, въ которой онъ тогда находился» (Анненковъ, «Замѣчательное десятилѣтіе», Воспомин. и Крит. очерки, III, 45).

Кромѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ былъ особенно близокъ въ эту пору Кольцовъ. Разсказъ Анненкова, переданный со словъ Бѣлинскаго, живо рисуетъ свѣтлое настроеніе кружка, захватывавшее и поэта. Въ разгарѣ московскаго философскаго настроенія, собрался однажды у В. П. Боткина кружокъ друзей, занимавшихся наукой наукъ, и притомъ собрался въ самомъ счастливомъ и веселомъ расположеніи духа. Тогда еще существовали для людей *радости* по вычитанной идеѣ, по открытію новаго фактора въ духовной жизни, по пріобрѣтенію новаго горизонта для мысли и т. д. Кружокъ ликовалъ одною изъ этихъ не матеріальныхъ, отвлеченныхъ и теперь уже немногимъ понятныхъ радостей. Случайно попалъ на него и Кольцовъ, конечно, не вполнѣ уразумѣвавшій основанія восторженныхъ рѣчей своихъ друзей, но общее настроеніе подѣйствовало на него обаятельно. Онъ самъ просвѣтлѣлъ и, удалившись въ кабинетъ хозяина, сѣлъ за письменный его столъ и возвратился чрезъ нѣсколько минутъ къ пріятелямъ съ бумажкой въ рукахъ. «А я написалъ пѣсенку»,—сказалъ онъ робко, и прочелъ стихотвореніе: «Пѣсня Лихача-Кудрявича», пьесу, которой по своему какъ бы отвѣчалъ и вторилъ шумной рѣчи молодыхъ московскихъ энтузіастовъ (Анненковъ. Ibid.)

Цѣлый рядъ религіозно-философскихъ думъ былъ навѣянъ Кольцову міросозерцаніемъ кружка и особенно Бѣлинскимъ. Но полеты по туманной области идеалистической философіи были несвойственны реалистическому таланту Кольцова. Удачнѣе «думъ» стихотворенія, посвященныя изображенію кружка: «Поминки» (Памяти Н. В. Станкевича), «На новый 1842 г.» и др.

Кольцовъ посвятилъ лично В. П. Боткину стихотвореніе «Дума сокола» съ извѣстнымъ четверостишіемъ:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Послѣ отъѣзда Бѣлинскаго въ концѣ 1839 года въ Петербургъ, московскіе друзья его были еще года два въ томъ же оптимистическомъ настроеніи. Бѣлинскій первый изъ нихъ созналь безповоротно, что оно-то и связываетъ крылья мысли и заказываетъ пути для той дѣятельности, къ которой влекла его сущность его природнаго характера. Боткинъ явился посредникомъ между нимъ и остальными членами кружка; послѣдній уже распадался съ тѣмъ, чтобы войти въ составъ болѣе обширнаго круга лицъ, получившихъ тогда же прозвище западниковъ.

II.

Ссора между Боткинымъ и Бѣлинскимъ предъ отъѣздомъ второго изъ Москвы. — Примиреніе между ними и начало переписки. — Перемѣна въ міровоззрѣніи Бѣлинскаго и вліяніе ея на Боткина.—Враждебныя отношенія Боткина къ славянофильству.

Предъ отъѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ у него была какая-то ссора съ Боткинымъ. Ближайшимъ поводомъ къ ней, насколько можно судить на основаніи отрывочныхъ намековъ, попавшихъ въ печать, послужило увлеченіе обоихъ друзей двумя сестрами М. Бакунина; хотя она и не кончилась ничѣмъ, но захватила ихъ сильно. Полуфилософскій, полумистическій колоритъ мнѣній и настроенія въ этой замѣчательной семьѣ сперва поразилъ Бѣлинскаго, но потомъ онъ трезвѣе отнесся къ этому настроенію, и изъ за этого, кажется, и имѣлъ столкновеніе съ Боткинымъ, болѣе податливымъ женскому вліянію.

Романтическое пониманіе правъ дружбы также играло роль въ этомъ столкновеніи. Въ кружкѣ ужъ черезчуръ привыкли распоряжаться въ душѣ пріятеля, какъ въ своей собственной. Въ письмѣ къ Фету (Фетъ, «Мои Воспоминанія», II, стр. 94) Тургеневъ вспоминаетъ забавную остроту завсегдатая литературныхъ кружковъ того времени, М. А. Языкова, о дружеской безцеремонности, которая долго господствовала въ нихъ: «друзья соберутся, разлягутся, да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой». Бѣлинскій первый запротестовалъ противъ этихъ обычаевъ и преувеличеній, убивавшихъ наконецъ свободныя дружескія отношенія. Ссора его съ Боткинымъ удалила весь этотъ романтическій хламъ и скоро между ними установилась прежняя задушевность.

Разсказъ Бѣлинскаго въ письмѣ къ Станкевичу о томъ, какъ состоялось это примиреніе, характеризуетъ Боткина въ чрезвычайно симпатичномъ свѣтѣ. Бѣлинскій былъ у кого-то изъ знакомыхъ. «Входитъ Боткинъ,—передаетъ далѣе критикъ:—и безъ

всякихъ вычуръ начинаетъ со мною дружески разговаривать о прочитанной имъ недавно драмѣ Шекспира «Ричардъ II». Несмотря на все мое желаніе держать камень за пазухой и быть какъ можно холоднѣе, я съ досадою замѣчалъ, что увлекся разговоромъ до одушевленія и никакъ не могъ удержаться отъ спокойно дружественнаго тона. Мы пошли ходить, Боткинъ заговорилъ о ссорѣ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто бы дѣло шло о чьей-то чужой ссорѣ; я невольно впалъ въ тотъ же тонъ, и Боткинъ заключилъ, что мы, наконецъ, такъ поносили другъ друга, что сквернѣе другъ о другѣ говорить уже не можемъ, слѣдовательно, новой ссоры опасаться нечего, — и оба начали смѣяться. Вражда пожрала самое себя—и кончилась: все гадкое и дѣтское въ прежнихъ отношеніяхъ всплыло на верхъ. Оно-то и было причиною вражды».

Точно также И. И. Панаеву Бѣлинскій писалъ объ этой ссорѣ и примиреніи, что она «уничтожила бездну пошлаго» въ ихъ отношеніяхъ. «Вообще въ нашей ссорѣ много семейнаго, только для насъ понятнаго»,—замѣчаетъ онъ.

При отъѣздѣ Боткинъ ссудилъ Бѣлинскаго деньгами. Разлука вышла, вѣроятно, именно вслѣдствіе этого, «ледовито-холодною», по словамъ самого Бѣлинскаго. Но затѣмъ оба одновременно почувствовали потребность обмѣняться мыслями, и первыя письма ихъ встрѣтились. О первомъ письмѣ Боткина Бѣлинскій говорилъ: «Въ каждой строкѣ его, въ каждомъ словѣ я видѣлъ, чувствовалъ, что такое для меня этотъ человѣкъ и что я для него. Получаю отъ него отвѣтъ на письмо мое—начинаю читать — нѣтъ, у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить это впечатлѣніе. Я былъ и взволнованъ, и восторженъ, и умиленъ: я никогда не могъ предполагать въ человѣкѣ столько любви и такой любви».

Такъ завязалась между ними частая и пространная переписка, составляющая, даже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ она извѣстна, въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго общественнаго и литературнаго развитія. Друзья обмѣниваются въ ней новостями о друзьяхъ и литературными мнѣніями по вопросамъ литературы и философіи, не стѣсняясь ни формою, ни предметами. О томъ, какъ задушевна и искренна была эта переписка, можно судить хотя бы по такому заявленію Бѣлинскаго (въ письмѣ за іюнь 1840 г.): «есть у меня на душѣ многое, чего я никому не скажу и никому не имѣю охоты сказать, кромѣ тебя. Не говоря уже о моихъ внутреннихъ скорбяхъ и терзаніяхъ, которыя, кромѣ тебя, никому не понятны, у меня и объ искусствѣ какъ-то мало охоты говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ тебя».

Такою же откровенностью отвѣчаетъ ему и Боткинъ. Въ письмахъ послѣдняго романтическія изліянія о самоотреченіи, объ идеальной дружбѣ, объ отношеніяхъ къ женщинѣ и т. д. занимаютъ не мало мѣста. Въ письмѣ отъ 9 февраля 1840 г. онъ выражаетъ увѣренность, что Бѣлинскій найдетъ себѣ теплое женское сочувствіе и счастье, если больше и глубже разовьетъ въ себѣ таинственное Entsagung, «этотъ высокій актъ нравственнаго духа... который, какъ красная тоненькая, часто совсѣмъ незамѣтная снаружи ниточка въ снастяхъ англійскаго королевскаго флота, проходитъ сквозь всѣ почти большія произведенія Гете, и которой апотеоза такъ поразительно и могущественно представлена въ «Wahlverwandschaften». Боткинъ находилъ въ эту пору большимъ недостаткомъ Пушкина, что у него мало рефлексіи. Стихотвореніе Лермонтова «На смерть князя А. И. Одоевскаго» понравилась Боткину—очевидно меланхолическими размышленіями своими—болѣе «Терека». Бѣлинскій, мало-по-малу переходившій отъ романтическаго примиренія къ дѣйствительности, къ иными болѣе плодотворнымъ воззрѣніямъ, рѣшительно запротестовалъ противъ этихъ мнѣній. Боткинъ, вѣроятно, въ видѣ комплимента Бѣлинскому, заявлялъ, что у того рефлексіи столько же, сколько у Бакунина. «Такъ да не такъ,—отвѣчалъ Бѣлинскій (въ письмѣ отъ 24 февраля 1840 г.):—я резонеръ и рефлектировщикъ, правда,—но за то какъ скоро представали предъ меня дивныя явленія дѣйствительности, въ искусствѣ и жизни, я посылалъ къ чорту свою рефлексію, и никогда не мѣнялъ человѣка на книгу». Боткинъ уклонился было отъ полемики съ Бѣлинскимъ по вопросу о рефлексіи, и Бѣлинскій съ досадою писалъ другу (отъ 16 мая 1840 г.): «О! вы все тѣ же, о московскія души! Кто несогласенъ съ вами да съ нѣмецкими книжками, съ тѣмъ нечего и толковать — тотъ ничего не понимаетъ. Ты, Боткинъ — тебѣ всѣхъ стыднѣе».

Въ перепискѣ находимъ указанія и на прежнее увлеченіе Боткина, приходившее къ концу. Любовь, чувство естественное и робкое, не хотѣло разыгрываться такъ, какъ того требовалъ романтическій кодексъ. Вмѣшательство М. Бакунина не мало запутывало странныя отношенія Боткина къ предмету его увлеченія. Впослѣдствіе Тургеневъ, придавшій Рудину многія черты характера Бакунина, не обошелъ и этой склонности его вмѣшиваться въ сердечныя дѣла своихъ друзей. Словомъ, «сродство душъ» никакъ не вытанцовывалось у Боткина. Бѣлинскій сочувствовалъ его горестямъ, но старался въ письмахъ 1840 г. охладить романтическую его экзальтацію, совѣтовалъ бросить нѣмцевъ а читать Купера, Скотта или Шекспира, или заняться практиче-

скими дѣлами. «Тебя сгубило то же, что и ее—фантазмъ», говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ отъ 13 марта 1841 г., снова возвращаясь къ этой старой любовной исторіи: — ты имѣлъ о любви самыя экстатическія и мистическія понятія. Это лежало въ самой твоей натурѣ... Марбахъ и Беттина (отъ которыхъ ты съ ума сходилъ) развили это направленіе до чудовищности».

Въ это время умеръ Станкевичъ. Въ Москвѣ Грановскій еще не занялъ того виднаго мѣста, которое принадлежало ему съ Герценомъ нѣсколько позднѣе. Вслѣдствіе этого кружокъ остался безъ руководителя. «Москва въ литературной жизни совсѣмъ устарѣла, выжилась, — писалъ объ этомъ Кольцовъ въ началѣ 1841 г. Бѣлинскому: — Можетъ, и есть кружки молодыхъ людей, но я ихъ не знаю. Въ ней остается одинъ Василій Петровичъ. Забрось онъ и послѣдніе обломки—стараго талантливаго, горячаго вдохновеннаго кружка какъ не бывало. Все разсыпется врозь и едва-ли когда-нибудь опять соберется».

Извѣстное меланхолическое настроеніе сказывалось въ письмахъ Боткина также и вслѣдствіе этого временнаго оскудѣнія жизни въ его кружкѣ. Стараясь отрезвить Боткина отъ романтическихъ фантазій, Бѣлинскій уговаривалъ его дѣятельно работать для «Отечеств. Записокъ», доказывалъ, что у него несомнѣнный литературный талантъ, оспаривалъ высказанное другомъ о себѣ мнѣніе, что у него «непроизводительная натура», и находилъ, что Боткинъ скромничаетъ, берясь лишь за мелкія извлеченія. Неохоту Боткина работать критикъ объясняетъ не «непроизводительностью» его, но сонным состояніемъ общества, которое своимъ индифферентизмомъ не поддерживаетъ въ писателѣ охоты къ дѣятельности. Всѣ эти убѣжденія видимо подѣйствовали на Боткина. Съ осени 1840 г. онъ является довольно дѣятельнымъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ».

Занятія для «От. Зап.» мало по малу, вѣроятно, и ввели Боткина въ кругъ новыхъ идей, сложившихся у Бѣлинскаго въ концѣ 1840 и началѣ 1841 года. Онѣ такъ расходились съ послѣдними московскими взглядами его, что онъ не разъ выражаетъ опасеніе, какъ бы не пришлось подраться съ Боткинымъ изъ-за этого переворота во мнѣніяхъ. Многократно цитированное въ статьяхъ о людяхъ 40-хъ годовъ, письмо отъ 1-го марта 1840 г. наиболѣе полно изображаетъ новое направленіе Бѣлинскаго, полное отреченіе во имя правъ конкретной личности отъ примиренія съ дѣйствительностью и отъ философіи, искажающей жизнь ради логической красоты своихъ построеній.

«Ты, я знаю, будешь надо мною смѣяться» — читаемъ здѣсь. Эти слова показываютъ, какъ еще чуждъ былъ Боткинъ новому

строю мыслей Бѣлинскаго. «Но смѣйся, какъ хочешь, а я—свое,— продолжаетъ «непстовый Виссаріонъ», раздѣлываясь со своимъ нынѣ рухнувшимъ міровоззрѣніемъ: — судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit)! Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься, падай—чортъ съ тобой—таковскій и былъ сукинъ сынъ... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ (Гегель)— кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идеи дисгармоніи».

Новое представленіе о личности требовало перестройки и всѣхъ другихъ представленій о нравственности, объ обществѣ, о семьѣ и т. д. Западники сороковыхъ годовъ исходили именно отсюда, отъ личности, ея достоинства и правъ. «Личность и сообразное ея требованіямъ общество» — такъ формулировали они сущность своего широкаго индивидуализма (напр. Грановскій, соч. т. II, стр. 220). Съ того момента, какъ эта идея начинаетъ укрѣпляться въ ихъ сознаніи, собственно и можно считать начало сороковыхъ годовъ.

Какъ разъ въ это время и противники новаго литературно-общественнаго теченія выступили съ заявленіями своего credo. Въ 1841 году начинаетъ выходить «Москвитянинъ» и въ первой же статьѣ первой книги новаго журнала проф. Шевыревъ провозглашаетъ гніеніе Запада, который заражаетъ насъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ за-живо разложившагося трупа. Это было объявленіемъ войны со стороны оффиціальной народности и со стороны славянофиловъ, тогда еще не совсѣмъ обособившихся отъ защитниковъ status quo. «Отечеств. Записки» въ лицѣ Бѣлинскаго подняли брошенную имъ перчатку, и скоро завязалась полемика, горячая и полная глубокаго смысла.

Боткинъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, хотя закулисное.

Помимо постоянныхъ хлопотъ по дѣламъ московской конторы «О. З.», онъ всячески старается добывать въ Москвѣ интересныя статьи для журнала, напр. пристаетъ безъ конца къ профессорамъ Крюкову и Рѣдкину, къ Е. Ѳ. Коршу, чтобъ только «отвлечь ихъ отъ поганаго Москвитянина» заранѣе радуясь, «какая это будетъ пакость вонючему Москвитянину», если статьи названныхъ лицъ появятся въ петербургскомъ журналѣ.

Эта ненависть Боткина къ «славянофиламъ», какъ окрестили тогда людей круга Погодина и Шевырева, Хомякова и Кирѣевскихъ, совершенно понятна, какъ реакція романтическому настроенію, которое такъ сильно захватило московскіе кружки тридцатыхъ годовъ и очень сильно повліяло на возникновеніе и складъ славянофильскихъ воззрѣній. Нѣсколько позднѣе, по поводу полемики изъ-за «Мертвыхъ Душъ», Боткинъ говорилъ въ письмѣ Бѣлинскому, что надо дать урокъ «московскимъ философамъ, въ которыхъ выразилась вся темная, аскетическая, душная, сидячая, абстрактная сторона нѣмецкаго философствованія». Лѣтомъ 1841 г. Боткинъ передалъ К. Аксакову письмо отъ Бѣлинскаго, которое прекращало прежнія дружескія отношенія и было началомъ полнаго разрыва между обѣими сторонами. «Ну, ну! Вотъ до чего дошло! — писалъ Боткинъ Бѣлинскому по поводу этого письма:—Но меня это нисколько не удивило. Въ Аксаковѣ лежала всегда возможность того, чѣмъ онъ теперь сталъ, и я благодарю свою натуру, которая никакъ не могла симпатизировать съ нимъ», т. е. съ его мнѣніями.

Въ началѣ 1842 года Боткинъ ѣздилъ по дѣламъ въ Харьковъ, гдѣ познакомился съ молодымъ литераторомъ Кульчицкимъ, впослѣдствіе пріятелемъ Бѣлинскаго, съ которымъ самъ и свелъ его.

Въ это время мы видимъ Боткина уже вполнѣ раздѣляющимъ новыя воззрѣнія.

III.

Начало сороковыхъ годовъ въ Москвѣ.—Рецензія Боткина на книгу Зедергольма.—Новое настроеніе Боткина.—Увлеченіе лѣвою гегелевскою школой.—Статьи о германской литературѣ. — Чувство изолированности общее людямъ сороковыхъ годовъ. — Неудачный романъ Боткина, какъ характерный эпизодъ изъ интимной жизни дѣятелей этой эпохи.

Эти новыя воззрѣнія нѣкоторое время носили въ средѣ русской интеллигенціи названіе «новаго романтизма». Боткинъ, написавшій (по указанію Анненкова) страницы о романтизмѣ для статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ, по крайней мѣрѣ именно такъ опредѣляетъ сущность новыхъ взглядовъ, въ отличіе отъ роман-

тизма стараго, «средневѣковаго», который принимаетъ на вѣру всѣ традиціонныя особенности догматическаго міросозерцанія.

Переходъ къ «новому романтизму», т. е. къ болѣе трезвому міровоззрѣнію, признающему высшимъ критеріемъ лишь достоинство и права реальной человѣческой личности, давался, однако не легко. Душевная борьба сопровождалась тяжелыми колебаніями, желаніемъ какъ нибудь забыться отъ нея, и иногда разрѣшалась разгуломъ. Разгулу этому еще придавали нѣкоторый романтическій характеръ. Боткинъ писалъ въ эту пору Бѣлинскому, что «лучше замереть въ развратѣ, чѣмъ въ прямичной любви». Въ письмѣ отъ 14 марта 1842 года Бѣлинскій пишетъ: «Боткинъ—чудовище! Старый развратникъ, козелъ грѣхоносецъ! Съ ужасомъ прочелъ я нечестивое письмо твое, съ ужасомъ выслушалъ разсказы Кульчицкаго о вашемъ общемъ непотребствѣ пьянствѣ, плотоугодіи, чревоненавистничествѣ и прочихъ седьми смертныхъ грѣхахъ. Покайтеся!»

Но каковъ бы ни былъ этотъ внѣшній характеръ тогдашней жизни московской интеллигенціи, объясняемый нравами и привычками крѣпостнаго права, здѣсь въ эту раннюю пору сороковыхъ годовъ ставились и впервые уяснялись общіе насущные вопросы, впослѣдствіе получившіе жизненное практическое значеніе. В. П. Боткинъ занималъ здѣсь въ кругу Грановскаго, Герцена и др. постоянно не послѣднее мѣсто.

Въ 1842 г. вышли «Мертвыя Души» и произвели сильное впечатлѣніе не только, какъ художественное произведеніе, но и какъ общественная сатира. «Ревизоръ»,—съ его эпиграфомъ: «На зеркало неча пенять, коли у самого рожа крива» и съ его знаменитою фразою городничаго: «Чему смѣетесь? — Надъ собою смѣетесь!»,—дополнялся «Мертвыми Душами». Художественное воспроизведеніе жизни, если оно удачно, дѣйствуетъ сильнѣе всякой преднамѣренной сатиры. Такъ было и съ произведеніями Гоголя. Послѣ «Мертвыхъ Душъ», разоблачившихъ мертвенность и пустоту русской дѣйствительности, реалистическое направленіе получило у насъ первенствующее значеніе. Новое направленіе критики Бѣлинскаго, сліяніе въ Москвѣ бывшаго круга Станкевича съ кружкомъ Герцена и Огарева въ одинъ общій кругъ западниковъ, новое реалистическое истолкованіе философіи Гегеля, принятое у насъ вслѣдъ за лѣвою гегеліанскою школою Герценомъ и другими, публичныя лекціи Грановскаго, начатыя въ концѣ 1843 года, ожесточенная вражда между славянофилами и западниками—вотъ наиболѣе видные признаки времени, возникшіе на почвѣ сознанія, что крѣпостная русская дѣйствительность совсѣмъ не прекрасна.

Нѣкоторые факты изъ біографіи Боткина прекрасно оттѣняютъ многія черты этого времени, страстное увлеченіе людей новыми вѣрованіями, увлеченіе борьбою мнѣній, происходившей въ московскихъ салонахъ Свербѣевыхъ, Елагиной и др.

Въ началѣ 1842 г. въ Москвѣ вышла «Исторія древней философіи» Карла Зедергольма. Введеніе къ ней было написано въ кругѣ славянофиловъ, Кирѣевскимъ и Хомяковымъ. Піэтистическая тенденція книги за живое задѣла западниковъ, и Боткинъ написалъ довольно ѣдкую рецензію о ней. Онъ указывалъ, что авторъ не разграничилъ сферы философіи и теологіи (какъ не разграничивали ихъ и славянофилы и наши философы-романтики въ пору «примиренія съ дѣйствительностью»), и потому не могъ не впасть въ противорѣчія и путаницу. Философія, — говоритъ Боткинъ,—не есть сборъ какихъ нибудь, хотя и прекрасныхъ, но принятыхъ на вѣру или произвольныхъ мнѣній, положеній, представленій и т. п., но «она есть великая и важная наука, основанная на имманентномъ началѣ, развивающаяся изъ него по законамъ внутренней, самодѣйствующей необходимости, — наука, исключающая всякую произвольность субъективныхъ мнѣній, всякую особенность, принадлежащую индивидуальности человѣческой; ибо предметъ ея—бытіе, какъ сущность міра явленій, и абсолютная истина, отрѣшенная отъ временности, страстей и уклоненій жизни человѣческой—истина, которая есть новѣйшій fatum всего конечнаго, ибо она рано или поздно, въ той или другой формѣ, но разражается надъ конечнымъ и призываетъ къ суду своему». Эта тирада, написанная еще довольно таки птичьимъ условнымъ языкомъ, все таки живо передаетъ настроеніе, непроложную увѣренность, что философіи доступна абсолютная истина, что конечное, напр. временные традиціонные взгляды на міроустройство или русская дѣйствительность, должно уступить свое мѣсто новымъ болѣе разумнымъ воззрѣніямъ и устройству.

Весь тонъ статьи Боткина прекрасно вторилъ новому направленію «Отеч. Зап.». Въ той же книжкѣ журнала, гдѣ была эта статья, появился ѣдкій памфлетъ Бѣлинскаго «Педантъ», направленный противъ проф. С. Шевырева, образецъ безпощадной иронiи, къ которой бывалъ способенъ Бѣлинскій. Памфлетъ произвелъ въ Москвѣ цѣлую бурю, и Боткинъ съ живѣйшимъ наслажденіемъ описывалъ въ письмѣ Краевскому, какъ суетились противники «Отеч. Записокъ», собираясь протестовать печатно и жаловаться высшему начальству, какъ Граповскій публично обѣщалъ обнять Бѣлинскаго за эту статью на любой площади и т. д. Боткинъ, впрочемъ, ошибочно приписалъ памфлетъ, появившійся подъ

псевдонимомъ «Петръ Бульдоговъ», не Бѣлинскому, а другому лицу (И. П. Клюшникову).

Увлеченный «Римомъ» Гоголя, Боткинъ послалъ въ «О. З.» статью о своемъ путешествіи 1835 года, намѣренно помѣтивъ ее 1842 г. во избѣжаніе нареканій со стороны публики, что ее угощаютъ такими устарѣлыми воспоминаніями.

По своему содержанію, въ которомъ чисто художественный романтическій интересъ къ древнему городу былъ на первомъ планѣ, статейка эта очень была далека отъ новаго строя мыслей, увлекшаго Боткина. Онъ зачитывается теперь сочиненіями писателей, принадлежавшихъ къ лѣвой гегелевской школѣ, Фейербахомъ, Бруно Бауэромъ и др. Новое настроеніе и направленіе взглядовъ Боткина, общее и многимъ другимъ западникамъ 40-хъ годовъ, живо характеризуется его письмомъ къ Бѣлинскому отъ 22-го марта 1842 г.

Про свою новую жизнь Боткинъ говоритъ теперь: «она есть ничто другое, какъ отрицаніе мистики и романтики, къ которымъ особенно была склонна моя натура, но въ которыхъ я совершенно потонулъ въ продолженіи отношеній моихъ къ NN (къ Бакуниной). Все, на чемъ лежитъ печать мистики и романтики, пробуждаетъ во мнѣ теперь враждебное чувство».

Съ этимъ признаніемъ можно сопоставить слова Боткина въ письмѣ къ Бѣлинскому, написанномъ тогда же, по поводу посѣщенія Боткинымъ М. В. Орловой, будущей жены Бѣлинскаго. Орлова, дѣвушка уже не первой молодости, чрезвычайно понравилась Боткину, но относительно женитьбы на дѣвушкѣ такихъ лѣтъ, хотя бы и самыхъ высокихъ внутреннихъ достоинствъ, онъ откровенно признается, что въ немъ для этого слишкомъ много непосредственнаго чувства пластической красоты; послѣдняя имѣетъ для него цѣну независимо отъ своего содержанія. Эти признанія, конечно, проще и естественнѣе и потому симпатичнѣе прежнихъ напряженныхъ романтическихъ мечтаній о сродствѣ душъ и т. п.

Возвращаемся къ письму отъ 22 марта, за которое Бѣлинскій горячо благодарилъ своего друга, потому что оно опредѣленно и живо высказывало то же, къ чему самостоятельно приходилъ и критикъ.

«Въ настоящее время начинается въ Европѣ новая эпоха, — писалъ Боткинъ:—Міръ среднихъ вѣковъ *), міръ непосредствен-

*) Напомнимъ читателю о томъ условномъ значеніи, которое придали у насъ понятію «средніе вѣка»; оно означаетъ господство принимаемаго извнѣ традиціоннаго догматическаго взгляда на вещи въ сферахъ религіозной, политической, общественной и т. д.

ности, патріархальности, туманной мистики, авторитетовъ, вѣрованій вступаетъ въ бой съ мыслію, анализомъ... и вступаетъ въ борьбу не въ одинокихъ разбросанныхъ явленіяхъ — что было и въ средніе вѣка,—а цѣлыми массами.. Во Франціи совершилось отрицаніе среднихъ вѣковъ въ сферѣ общественности; въ Байронѣ явилось оно въ поэзіи, и теперь является въ сферѣ религіи, въ лицѣ Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра... Духъ новаго времени вступилъ въ рѣшительную борьбу съ догмами и организмомъ среднихъ вѣковъ... Новые люди съ новыми идеями о бракѣ, религіи, государствѣ, — фондументальныхъ основахъ человѣческаго общества, — прибываютъ съ каждымъ днемъ: новый духъ, какъ кротъ, невидимо бѣгаетъ подъ землею, и копаетъ ее — чудный рудокопъ. Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit, und neues Leben steigt aus den Ruinen *)».

Переходя къ русской литературѣ Боткинъ указываетъ на Лермонтова, какъ на представителя этого новаго духа. Лермонтовъ никакъ не укладывался въ схемы гегелевской эстетики и не мало доставилъ хлопотъ и Бѣлинскому и друзьямъ его, такъ какъ непосредственное чувство горячей симпатіи къ поэту подсказывало о несостоятельности теоретическаго отрицательнаго взгляда на его произведенія, чуждыя «примиренія». Теперь — новое реалистическое воззрѣніе признавало законность лермонтовскаго направленія и отводило ему чрезвычайно важное мѣсто. Боткину особенно понравился «Договоръ» Лермонтова. «Въ меня онъ особенно вошелъ потому,—говоритъ онъ,—что въ этомъ стихотвореніи жизнь разоблачена отъ патріархальности, мистики и авторитетовъ». Далѣе Боткинъ очень мѣтко указываетъ различіе между паѳосами Пушкина и Лермонтова, т. е. между господствующими существенными настроеніями ихъ. У перваго паѳосомъ является «земная человѣчность», у второго—«титаническій духъ протеста». И вотъ какъ Боткинъ объясняетъ реальный смыслъ этого протеста. «Паѳосъ его (Лермонтова) — пишетъ онъ Бѣлинскому, — какъ ты совершенно справедливо говоришь, есть «съ небомъ гордая вражда». Другими словами, отрицаніе духа и міросозерцанія, выработаннаго средними вѣками, или еще другими словами — пребывающаго общественнаго устройства».

Мимоходомъ Боткинъ возмущается пушкинскою Татьяною, «добровольно осуждающей себя на проституцію съ своимъ старымъ генераломъ».

Лѣтомъ 1842 года Боткинъ былъ въ Петербургѣ, останавли-

*) „Старое рушится, мѣняется время, и изъ развалинъ подымается новая жизнь“. Стихи изъ „Вильгельма Телля“ Шиллера.

вался у Бѣлинскаго и кажется въ это время впервые познакомился и сошелся съ Тургеневымъ, который былъ уже извѣстенъ, какъ авторъ «Параши».

«Весело намъ было очень,—вспоминаетъ Кавелинъ о тѣсномъ кружкѣ, сгруппировавшемся тогда около Бѣлинскаго:—насколько можно было веселиться, при отвратительной тогдашней обстановкѣ сверху и кругомъ. Каждый литературный кружокъ, въ томъ числѣ и нашъ, былъ тогда похожъ на секту, въ которую новые члены принимались трудно, по испытаніи и рекомендаціи. Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разсказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало (или должно было слѣдовать), что апокалипсическій звѣрь не долго провоеводствуетъ, также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены». (Вѣст. Евр., іюнь 1886 г.).

Новое направленіе, которому отдался Боткинъ, конечно, еще болѣе укрѣпилось въ немъ при совмѣстной жизни съ Бѣлинскимъ. Въ письмѣ отъ 9 декабря 1842 г., когда Боткинъ былъ уже снова въ Москвѣ, Бѣлинскій вспоминалъ съ наслажденіемъ, какъ весело и спокойно жилось ему въ то время, когда у него гостилъ Боткинъ, когда, бывало, возвращаясь одинъ, онъ видѣлъ со двора привѣтный огонекъ въ своихъ окнахъ и находилъ Боткина, знатока гастрономической науки, «священнодѣйствующимъ» за чаемъ или за другимъ смакованіемъ.

«Ты счастливѣе меня — съ тобою Герценъ», замѣчаетъ здѣсь Бѣлинскій. Дѣйствительно, переѣздъ въ Москву Герцена, издавна знакомаго съ французскою общественнополитическою литературою, страстнаго поклонника Фейербаха, человѣка, обладавшаго изумительнымъ даромъ критическаго анализа въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія, имѣлъ не малое значеніе въ исторіи московскаго западничества. Неутомимый и обаятельный діалектикъ, онъ началъ съ ожесточенныхъ споровъ противъ славянофиловъ, безпощадно разоблачая логическія несообразности въ ихъ философско-богословскихъ построеніяхъ. Онъ, не менѣе Бѣлинскаго, вліялъ на раздѣленіе московской интеллигенціи на двѣ группы западниковъ и славянофиловъ, и первая всецѣло сплотилась около него и Грановскаго. Въ «Былomъ и Думахъ» онъ набросалъ ослѣпительныя поэтическія картины жизни людей этого времени.

Боткинъ занимаетъ въ этихъ картинахъ второстепенное мѣсто. Повидимому онъ сближался съ Герценомъ болѣе чрезъ Грановскаго, но еще не было и тѣни той вражды, которая появилась

позднѣе. Боткинъ дѣлилъ всѣ интересы круга. Осенью въ 1842 г. появилась его статья о Шекспирѣ, какъ человѣкѣ и лирикѣ, и затѣмъ онъ принялъ на себя составленіе статей по текущей германской литературѣ. Онѣ чрезвычайно завлекали его, какъ ни трудно было составлять ихъ при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ.

«Признаюсь, очень неловко составлять, — жаловался онъ 29 декабря 1842 г. Краевскому: — Litterarische Zeitung издается въ самомъ сухомъ, тупо-ученомъ, филистерскомъ прусскомъ духѣ, а новый теологическій и критико-философскій духъ германской науки, какъ ни вертишь, никакъ нельзя приложить къ нашимъ условіямъ. Думалъ было составить разборъ Новой исторіи Лео, да вопросы тутъ все такіе жизненные, что и страшно приниматься... Цѣль моя выбирать такія книги, по поводу которыхъ можно сказать что-нибудь о современномъ. Теперь въ Германіи самыя замѣчательныя сочиненія выходятъ лишь по части теологіи и философіи, и движеніе философско религіозное теперь въ Германіи такъ сильно, что во всякое философское сочиненіе входитъ опредѣленіе и метафизика религіи и обратно. Что прикажете говорить объ такихъ книгахъ?.. Вотъ напримѣръ, теперь читаю я нѣмецкое сочиненіе чрезвычайно умнаго нѣмца Штейна о соціализмѣ и коммунизмѣ нынѣшней Франціи. Книга во всѣхъ отношеніяхъ превосходная. Съ удивительнымъ вниманіемъ наблюдаетъ онъ біеніе внутренняго пульса новаго французскаго общества, анализируетъ и излагаетъ его съ глубиною и тактомъ человѣка, стоящаго на вершинѣ современной цивилизаціи,—и не смотря на все мое желаніе, на новость предмета для русской публики, нельзя сказать ничего объ этой книгѣ. По неволѣ надо переливать изъ пустого въ порожнее».

Чувство безплодности усилій, струйка досады, которая прорывается въ послѣднихъ словахъ, въ той или иной формѣ подмѣчается у всѣхъ представителей того же кружка. Искусство, театръ, новыя книги и новыя идеи, дружба и т. д. всѣ эти предметы горячаго увлеченія людей сороковыхъ годовъ носятъ на себѣ отраженіе, болѣе или менѣе рѣзкое, чего-то тоскливаго, болѣзненнаго, что навѣвалось изолированнымъ положеніемъ этихъ людей въ обществѣ. Надъ «безпредметною тоскою» не разъ подсмѣивались, въ нее драпировались гамлеты щигровскаго и другихъ уѣздовъ, «лишніе» люди, но на дѣлѣ это было явленіемъ далеко не комическимъ: праздность Рудиныхъ, въ дѣйствительности, была чаще слѣдствіемъ подлинной невозможности приложить куда-нибудь свои силы, чѣмъ слѣдствіемъ недѣятельной на-

туры. Дневникъ Герцена прекрасно оттѣняетъ эту особенность въ настроеніи его друзей и единомышленниковъ.

Подъ 10-мъ апрѣля 1843 года читаемъ: «Вчера такъ тихо, мирно сидѣли мы вечеръ у Грановскаго, мы, они, Кетчеръ и Боткинъ, какая благородная кучка людей, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго, ловить, ловить, все ловить и всѣмъ упиваться: дружбой, виномъ, любовью, искусствомъ. Это значитъ жить. Впередъ смотрѣть отрадно и страшно, тучи, волканическія гибели и хорошая погода послѣ тучъ... да можетъ солнце этихъ дней посмотрить на могилы наши. А это скверно. Нѣтъ столько самоотверженія, чтобъ отказаться отъ участія въ наградѣ, когда не отказываемся ни отъ какого труда. И часто то грядущее и отрадно, и страшно». Чрезъ недѣлю послѣ записанныхъ здѣсь думъ о будущей борьбѣ за свои идеи, кружокъ собрался 18 апрѣля у В. П. Боткина. Послѣ оживленнаго и веселаго обѣда, Грановскіе, Герцены, Кетчеръ, Коршъ, проф. Крюковъ писали коллективное письмо Огареву *), который былъ за границею, смѣялись, шутили, спорили, пили на общее братское «ты», забывая о враждебной окружавшей ихъ дѣйствительности, примиреніе съ которою было уже давно не мыслимо. Но проходилъ восторженный порывъ и «апокалипсическій звѣрь», какъ выражался Кавелинъ, т. е. дѣйствительность снова холодно смотрѣла въ глаза. Всего чрезъ день послѣ только-что упомянутой вечеринки Герценъ записалъ (21 апрѣля): «Спорили, спорили и какъ всегда кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей и наше дѣло — отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, неоцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія неестественно, даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть тоже отчаянное положеніе».

У Грановскаго эта болѣзненная нотка постоянно звучитъ въ письмахъ. Humeur noire, навѣваемая бездѣятельностью и мелочами жизни, преслѣдуетъ его. «Напряженная дѣятельность истомила бы меня гораздо менѣе, чѣмъ это стремленіе безъ имени и цѣли», такъ пишетъ онъ своему берлинскому другу и учителю, професс. Вердеру, въ началѣ сороковыхъ годовъ. И аналогичныхъ мѣстъ полна его переписка. Даже у Бѣлинскаго, наименѣе склоннаго

*) „Изъ переписки недавнихъ дѣятелей". Р. М. 18.

поддаваться унынію, можно найти не мало тѣхъ же тоскливыхъ жалобъ.

Боткинъ, рядовой членъ круга, конечно, могъ поддаваться этому настроенію сильнѣе другихъ. «Конечно, я лѣнивъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Краевскому (отъ 20 мая 1843), — но, вѣрьте, эта лѣность пропала бы передъ возможностью говорить о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ общій интересъ». Распущенная до извѣстной степени жизнь подобныхъ среднихъ литературныхъ дѣятелей, кромѣ общаго распущеннаго характера жизни въ тогдашнемъ верхнемъ слоѣ, объяснялась до извѣстной степени и этой невозможностью тратить свои силы болѣе производительно. «Вы ужъ, ради Бога, не очень меня ругайте,—писалъ тотъ же Боткинъ Краевскому, нѣсколько ранѣе (1 февраля):—что дѣлать! добраго-то желанія у меня много, да воли и терпѣнія нѣтъ выполнять его, а при томъ хочется прочесть то то, то другое, а передъ тобою проходитъ нѣкоторая, такъ сказать, сладость жизни, т. е. и порядочный обѣдъ, и бургиньонъ, и шампаньонъ и добрые пріятели; день идетъ за днемъ, а въ итогѣ душевная пустота».

Особыя обстоятельства еще болѣе содѣйствовали тому, что Боткинъ отстранялся отъ дѣятельной литературной работы. Въ мартѣ онъ сообщалъ Краевскому, что собирался было написать двѣ статьи о паденіи язычества, «да нѣкоторыя чувствительныя обстоятельства,—говоритъ онъ,—мутятъ голову и погружаютъ въ романтическое бездѣйствіе, весьма впрочемъ, пріятное». Эти слова относятся къ новому любовному роману Боткина, кончившемуся неудачною женитьбою и имѣвшему огромное вліяніе на характеръ его.

Предметъ привязанности Боткина, француженка-модистка «съ Кузнецкаго моста», явилась въ Россію дѣлать фортуну, какъ являлись и являются сотни ея соотечественницъ, и о законномъ бракѣ, вѣроятно, и не помышляла до тѣхъ поръ, пока Боткинъ, въ заключеніе случайнаго сближенія, не сдѣлалъ ей по рыцарски предложенія.

Въ посмертномъ своемъ очеркѣ «Базиль и Армансъ» Герценъ подробно разсказалъ исторію женитьбы Боткина; самъ онъ не зналъ никакихъ колебаній, когда рыцарски увезъ изъ Москвы свою невѣсту, противъ воли родни и вопреки запрещенію выѣзжать изъ Владиміра, и онъ не пощадилъ красокъ, чтобъ представить всѣ колебанія Боткина въ самомъ смѣшномъ видѣ. «Резонеръ въ музыкѣ и философъ въ живописи,—говоритъ Герценъ не безъ преувеличенія,—онъ былъ изъ самыхъ полныхъ представителей ультра-гегеліанцевъ. Онъ всю жизнь носился въ эстетическомъ небѣ, въ философскихъ и критическихъ подробностяхъ. На жизнь

онъ смотрѣлъ такъ, какъ Ретшеръ на Шекспира, возводя все въ жизни къ философскому значенію, дѣлая скучнымъ все живое, пережеваннымъ все свѣжее,—словомъ, не оставляя въ своей непосредственности ни одного движенія души».

«И такъ,—продолжаетъ Герценъ,—влюбленный сорокалѣтній философъ, щуря глазки, сталъ сводить всѣ спекулятивные вопросы на «демоническую силу любви», равно влекущую Геркулеса и слабаго отрока къ ногамъ Омфалы, началъ уяснять себѣ и другимъ нравственную идею семьи, почву брака. (Гегелевой философіи права, глава Sittlichkeit). Препятствій не было со стороны Гегеля. Но призрачный міръ случайности и кажущагося, — міръ духа, не освободившагося отъ преданій, не былъ такъ сговорчивъ. У Базиля былъ отецъ, Петръ Кононычъ, богачъ, который самъ былъ женатъ послѣдовательно на трехъ, и отъ каждой имѣлъ по трое дѣтей. Узнавъ, что его сынъ, и притомъ старшій, хочетъ жениться на католичкѣ, на нищей, на француженкѣ, да еще съ Кузнецкаго моста, онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ благословеніи. Безъ родительскаго благословенія, Базиль, принявшій шикъ и манеры скептицизма, какъ-нибудь и обошелся бы; но старикъ связывалъ съ благословеніемъ не только послѣдствіе jenseits (на томъ свѣтѣ), но и diesseits (на этомъ свѣтѣ), а именно наслѣдство.—Препятствіе старика, какъ всегда, двинуло дѣло впередъ, и Базиль сталъ подумывать о скорѣйшей развязкѣ. Оставалось жениться, не говоря худаго слова, а впослѣдствіи заставить старика принять un fait accompli, или скрыть отъ него бракъ, въ ожиданіи, что скоро онъ не будетъ ни благословлять, ни клясть, ни распоряжаться наслѣдствомъ».

Для соблюденія тайны, рѣшено было вѣнчаться въ деревнѣ, с. Покровскомъ, гдѣ жили лѣтомъ Герцены. Назначенный день истекъ, а пара не являлась. Поздно ночью, наконецъ, подъѣхалъ тарантасъ, и изъ него вылѣзъ Базиль, а за нимъ—не Армансъ, а Бѣлинскій.

Оказалось, что Боткинымъ овладѣла вдругъ томительная нерѣшительность, и онъ тянулъ дѣло до пріѣзда Бѣлинскаго. Тотъ только плечами пожалъ, выслушавъ рефлексіи и сомнѣнія друга. По его совѣту, Боткинъ написалъ невѣстѣ письмо съ изложеніемъ своихъ сомнѣній; вѣроятно, въ родѣ того, что писалъ Обломовъ Ольгѣ. Армансъ отвѣтила на такое письмо, какъ и слѣдовало ожидать, отказомъ въ своей рукѣ. «Я васъ буду помнить съ благодарностью,—писала она,—и нисколько не виню васъ: я знаю, вы чрезвычайно *добры*, но еще болѣе слабы. Прощайте-же и будьте счастливы».

«Исторія Боткина отравила почти все время,—записалъ Гер-

ценъ 30 іюня въ своемъ дневникѣ по поводу пребыванія въ Покровскомъ Бѣлинскаго, Боткина, а также Грановскаго:—она поселила неловкость между нами и покрыла чѣмъ-то тяжелымъ все время.» Въ то время Герценъ находилъ еще, что «слабость Боткина испугалась въ самомъ дѣлѣ страшнаго. Онъ содрогнулся отъ слова бракъ: истинная любовь не содрогнулась бы, но все же бракъ страшенъ. Контрактованіе себя—кабала, цѣпь и т. д.».

Въ концѣ концовъ Боткинъ все таки женился. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву, 6 августа, онъ писалъ женѣ А. И. Герцена: «Тѣ двѣ недѣли, (т. е. отъ разрыва съ невѣстой) были великой школой для меня, и я впродолженіе ихъ уразумѣлъ много такого, о чемъ прежде не имѣлъ и понятія,—я уразумѣлъ, что сердце живетъ само по себѣ, независимо отъ нашего ума и размышленія, что у него есть свои законы, которые оно налагаетъ на него деспотически,—страшный подземный міръ, мистическая ночь, которая рождаетъ и судьбу, и любовь, и ненависть. Я помню: ужасъ охватилъ меня, когда я почувствовалъ въ сердцѣ пустоту и ледяную, непріязненную холодность». Ужасъ этой пустоты, одиночества, повидимому совершенно овладѣлъ имъ, ему опять казалось, что привязанность къ Армансъ могла бы наполнить эту пустоту. «Я боролся съ собою изъ всѣхъ силъ, — разсказываетъ Боткинъ,—подалъ просьбу о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта, гналъ всякую мысль, всякое желаніе увидѣть ее. Двѣ недѣли почти продолжалась эта борьба, и я, утомленный, измученный, разслабленный, съ мучительною болью въ груди проспалъ свиданія и сказалъ, что я не могу, не имѣю силъ уѣхать отъ нея».

О всемъ своемъ поколѣніи Боткинъ съ отчаяніемъ говорилъ: «въ насъ рефлексія убила возможность истинной полноты чувства«. Въ данномъ случаѣ, истинная полнота чувства была дѣйствительно доступна не многимъ изъ представителей тогдашней интеллигенціи, кажется, впрочемъ, что такъ было не отъ рефлексіи, а отъ того, что въ эту пору женщины интеллигентнаго класса въ общемъ ужъ очень отставали въ своемъ общемъ развитіи отъ мужчинъ. Очеркъ Салтыкова въ «Пошехонской Старинѣ» «Валентинъ Бурмакинъ» прекрасно передаетъ трагическое одиночество средняго интеллигентнаго мужчины въ тогдашнемъ обществѣ. Лизы изъ «Дворянскаго Гнѣзда» для жизни не годились, а такіе типы, какъ Елены изъ «Наканунѣ», появились позднѣе. Глубокая пропасть лежала между умственными развитіями мужчины и женщины и мысль связать свою жизнь съ женщиною, съ которою имѣешь мало общаго, не могла не смущать многихъ. «Знаете, какую женщину полюбилъ бы я совершенно безъ всякой рефлек-

сіи?—спрашивалъ Боткинъ, и слова его, на нашъ взглядъ, живо передаютъ настроеніе многихъ людей сороковыхъ годовъ:—Женщину, которая умѣла бы вездѣ ставить $2 \times 2 = 4$, женщину, съ которой я не долженъ бы былъ обращаться, какъ съ дитятею, съ которой могъ бы я мѣняться всѣми своими убѣжденіями и вѣрованіями, женщину, которая имѣла бы смѣлость презирать общественное мнѣніе, презирать его не вслѣдствіе скоропреходящаго экстаза чувства, но вслѣдствіе размышленія, вслѣдствіе сознанія тѣхъ лживыхъ и лицемѣрныхъ законовъ, на какихъ зиждется его пошлое устройство... До сихъ поръ цѣнятъ въ женщинахъ невинность и непосредственность. Какакая эгоистическая оцѣнка,—оцѣнка, въ которой такъ и просвѣчиваетъ отношеніе повелителя къ рабу! Я знаю, романтики строятъ на этихъ двухъ безтолковыхъ качествахъ свою сантиментальную кабалистику. Но изъ этой кабалистики нельзя построить ни матерь Жанно, ни Шарлотту Корде».

Армансъ, конечно, не могла бы ни въ чемъ удовлетворить этимъ требованіямъ, во всякомъ случаѣ вполнѣ законнымъ. Но развязка наступила гораздо даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать при различіи характеровъ и развитія обѣихъ сторонъ. Въ Петербургѣ Боткинъ обвѣнчался съ Армансъ и молодые немедленно отправились заграницу. Но уже на пароходѣ они поссорились; по увѣренію Герцена, ссора вышла изъ-за разнорѣчія молодыхъ относительно героя жоржъ-зандовскаго романа «Jacques», читаннаго ими въ дорогѣ. Въ Гаврѣ Армансъ бросила мужа. Впослѣдствіе она вернулась въ Россію, и въ поискахъ фортуны исчезла гдѣ-то въ Сибири.

Боткинъ, называвшій въ цитированномъ письмѣ къ Н. А. Герцену свое предстоящее путешествіе съ Армансъ — «праздникомъ своей жизни», остался за границею одинъ.

IV.

Тяжелое нравственное состояніе Боткина послѣ разрыва съ женою. — Жизнь русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ въ Парижѣ. — Черезчуръ отвлеченный, оторванный отъ жизни, характеръ умственныхъ интересовъ.—Погоня за наслажденіями, какъ выходъ изъ этой оторванности.

Свѣдѣнія о первомъ времени пребыванія Боткина за-границею послѣ разрыва съ Армансъ—крайне скудны. Но понятно, какъ тяжело было его нравственное состояніе. Оно произвело въ немъ даже рѣшительный переломъ, развило до крайности скептицизмъ въ отношеніяхъ къ людямъ, вызвало наружу все, что таилось непривлекательнаго въ его характерѣ и что ранѣе не всплывало наружу, заслоненное живыми интеллектуальными интересами. Несомнѣнно,

хотя порою и печально, что взгляды человѣка бываютъ подчинены его настроенію и аффектамъ. То-же случилось и съ Боткинымъ. Разочарованный въ людяхъ, онъ мало по малу скептически начинаетъ смотрѣть и на проведеніе въ жизнь того или иного взгляда на вещи; мало по малу онъ становится въ рѣзкую оппозицію тѣмъ общественнымъ теченіямъ, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ взглядовъ и стремленій его собственной молодости. Въ періодъ отъ половины сороковыхъ годовъ до начала шестидесятыхъ и происходилъ мало по малу полный переворотъ въ нравственной личности Боткина.

Всю осень 1843 года и до половины 1844 г. Боткинъ ни разу не обмѣнялся письмами даже съ Бѣлинскимъ. Въ іюнѣ этого года Боткинъ отъ другихъ узналъ о женитьбѣ критика. Столь-же сдержанъ былъ онъ и съ друзьями. Они другъ отъ друга узнавали о странствованіяхъ В. П.—если не ошибаемся, главнымъ образомъ въ Италіи; этими кочеваніями онъ видимо хотѣлъ заглушить свою душевную тоску. Напомнимъ, что неудачная любовь совпала съ окончательнымъ отрѣшеніемъ Боткина отъ прежняго традиціоннаго и романтическаго міровоззрѣнія.

«Вас. Петр. много измѣнился, — сообщалъ друзьямъ въ іюнѣ 1844 года Огаревъ, получившій за-границею отъ него нѣсколько писемъ:—его характеръ принялъ странный оттѣнокъ желчности, и лучшая его натура только изрѣдка пробивается симпатически, какъ и прежде. Онъ теперь въ Италіи. Пишетъ, что впечатлѣнія природы не имѣютъ въ немъ отголоска, чему я не вѣрю; должно быть онъ натягиваетъ на себя это расположеніе духа. Какъ бы то ни было, онъ страдаетъ». («Изъ переписки». Р. М. 1890, IX).

Тогдашнее душевное состояніе свое Боткинъ ярко изобразилъ въ письмѣ Огареву отъ 17 февраля 1845 года, имѣющемъ большой интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ живой и правдивый «человѣческій документъ» эпохи:

«Со мною случилось словно перерожденіе, словно съ души спала кора, и я нашелъ себя послѣ долгой, долгой потери, — говоритъ Боткинъ:—Теперь мнѣ все хочется уединенія, чтобы привести хоть немного въ какой-нибудь порядокъ эту безсознательно стремящуюся полноту души. Мнѣ кажется, что я выбрался изъ длиннаго, душного подземнаго прохода, и не надышусь свѣжимъ воздухомъ. Засохнувшая душа подаетъ признаки жизни и съ любовью, хотя и стыдливо и съ робостью смотритъ на все, чѣмъ прежде дорожила, къ чему стремилась и отъ чего оторвана была потокомъ горькихъ обстоятельствъ. Можетъ быть, это мучительное чистилище и нужно было, но оно, все-таки, было такъ тяжело, такъ долго продолжалось, что страшно подумать, что я снова могу впасть въ него.

Причина его была не одна только практическая, но всего болѣе теоретическая. Разрушеніе всего прежняго міросозерцанія; полное искреннее отрицаніе такъ называемаго бога, жалкій жребій человѣка, преданнаго произволу силы и случайности, шаткость или точнѣе сказать разстройство большей части прежнихъ моральныхъ и мнимо-нравственныхъ законовъ, — словомъ, полный Untergang *) всего, на чемъ держится практически и теоретически современное общество,—охватывая постепенно душу и умъ, погрузили ихъ въ хаосъ и выбили ихъ изъ нормальной колеи. Я чувствовалъ, что я потерялся, ибо не чувствовалъ подъ собой никакой основы; я внутренно слѣдовалъ только одному закону—закону произвола. Чувство долга я потерялъ даже изъ созерцанія; aucune de mes sentiments et même de sensations n'avaient ni intensite, ni intimité **), все внутри не шло, а переваливалось какъ-то механически; мысли апатически сидѣли въ головѣ и не переходили въ сердце... Жизнь казалась мнѣ, какъ говоритъ Гамлетъ, пустымъ полемъ, покрытымъ пзсохшею травою, надъ которымъ носится смерть, какъ самый отрадный другъ. Страшно, Огаревъ, такое состояніе; я томился, чувствуя на себѣ какія-то тяжкія и неуловимыя оковы, мнѣ было душно —и въ душѣ никакихъ потребностей, никакой вѣры, никакой надежды. Я отдалъ бы жизнь свою за грошъ, за пустую ссору, отдалъ бы свою будущность первой . . . . , которая бы мнѣ полюбилась... въ чувствахъ были только желчь и сарказмъ. И въ такомъ состояніи промаялся я почти годъ. Экая живучесть во мнѣ мерзости! Прошу послѣ этого имѣть обо мнѣ порядочное мнѣніе». (Р. М. 1891 г., VIII).

Это душевное настроеніе сгладилось въ Парижѣ, куда Боткинъ пріѣхалъ осенью 1844 года. Здѣсь онъ нашелъ не мало знакомыхъ и въ богатой умственной жизни Парижа того времени, въ городѣ, который такъ прельщалъ его въ годы ранней молодости, ожилъ.

Изъ русскихъ, съ которыми встрѣтился Боткинъ, въ Парижѣ были въ это время М. Бакунинъ, Сазоновъ, русскій помѣщикъ, проведшій всю жизнь въ разговорахъ среди кружковъ русской эмиграціи, супруги Панаевы, наконецъ Огаревъ,—уѣхавшій потомъ снова въ Германію.

Огаревъ и раньше еще былъ близокъ съ Боткинымъ; близость ихъ достаточно видна и изъ цитированнаго только что письма. Натуры ихъ, по русски расплывчатыя, были родственны. Сближала ихъ также одинаковая страстная любовь къ музыкѣ. Огаревъ прекрасно проникъ въ характеръ Боткина и въ одномъ изъ писемъ

*) Гибель, крушеніе.

**) Боткинъ пишетъ по французски не безъ ошибокъ.

этого времени освѣщаетъ черту жесткости, которая въ Боткинѣ приняла впослѣдствіе отталкивающее выраженіе. «Энергическая слабость моей практической жизни, — писалъ Огаревъ Герцену отъ 29/17 декабря 1844 года:—убійственна; она всегда меня перебрасываетъ изъ глупости въ жесткость или жестокость. Не смѣйся надъ этимъ. Это черта слабыхъ характеровъ. Милый Вас. Петр. самый рѣзкій примѣръ».

Самая внѣшность парижской жизни, «парижская улица», живо занимала кружокъ русскихъ. Улицу иные изъ нихъ изучали до того пристально, что попадали въ скандальные процессы, какъ то случилось съ какимъ-то капитаномъ Клыковымъ, вертѣвшимся здѣсь. Болѣе серьезные бросались на политику, на искусство, на науку.

Собственно политическіе вопросы мало интересовали Боткина. По увѣренію Головачевой-Панаевой, чрезвычайно впрочемъ враждебно относящейся къ Боткину въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ былъ мученикомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Бакунинъ, Сазоновъ или Панаевъ начинали гдѣ нибудь въ ресторанѣ, не стѣсняясь, разсуждать другъ съ другомъ или даже съ французами о политическомъ положеніи Европы. Ему всюду мерещились шпіоны, которые будто-бы слѣдятъ за русскими въ Парижѣ, и въ каждомъ посѣтителѣ, обѣдающемъ одиноко, онъ видѣлъ шпіона и страшно сердился на спорящихъ. Его воображеніе разыгрывалось иногда до того, что онъ отъ страха убѣгалъ изъ ресторана.

Новыя научныя теченія болѣе занимали Боткина. Вмѣстѣ съ Н. Г. Фроловымъ (другъ Грановскаго, впослѣдствіе переводчикъ «Космоса» Гумбольдта и издатель «Магазина землевѣдѣнія и путешествій»), Боткинъ съ восторгомъ слушалъ лекціи О. Конта, развивавшаго свою систему положительной философіи. Въ это время славились также лекціи Коста (Coste) по эмбріологіи. Массу слушателей привлекали, наконецъ, Кэне и Мишле. Фроловъ писалъ о послѣднихъ, что «они твердятъ молодежи, что и ей нужно жить и дѣйствовать, что она дитя революціи, а церковь уже три вѣка не въ состояніи принести людямъ что либо живое и питательное». Боткина живо интересовали также новыя вѣянія въ Германіи, родной его душѣ. Пріѣхавшій изъ Берлина членъ герценовскаго кружка Н. М. Сатинъ привезъ друзьямъ новые разсказы о Германіи. «Германія не спитъ,—съ воодушевленіемъ писалъ Боткинъ Огареву въ томъ-же письмѣ отъ 17 февраля:—Нѣтъ, философія не даромъ прошла по Германіи; конечно, теоретическая смѣлость далеко не есть еще практическая, но важно то, что Германія воспиталась теоретическою отвагою, а это необходимо должно вести къ практической отвагѣ, особенно, когда Германія убѣдится, что философія не сама себѣ цѣль, и отдѣльный философствующій субъектъ не есть еще

воплощающій міровой духъ; что цѣль ея сдѣлать свободнымъ не субъекта (и что важнаго во внутренно абстрактной свободѣ?).—Теперь не то; вѣчная проблемма снова становится во всей своей неумолимой дикости, и человѣкъ выступаетъ изъ фантастическаго царства своего въ свою тяжкую философскую сферу и въ ней долженъ завоевать свое положительное царство и достоинство».

Въ поясненіе къ этимъ словамъ мы могли бы привести нѣсколько стиховъ изъ четвертаго «монолога» Огарева, гдѣ то же настроеніе—переходъ отъ безплоднаго скептицизма къ дѣятельному міровоззрѣнію во имя правъ и свободы человѣка — передано въ видѣ освобожденія отъ Мефистофеля.

Боткинъ, какъ передаетъ Огаревъ въ одномъ тогдашнемъ письмѣ, называлъ такое настроеніе, бодрое, не смотря на то, что въ міровоззрѣніи рухнули прежніе призраки: «смотрѣть чорту въ глаза». Такая «негація», какъ выражались тогда, конечно, оставляетъ человѣку увѣренность въ его силахъ и въ правотѣ его стремленій. «Мефистофель—чистое безсиліе, негація—чистая сила»,—говоритъ Огаревъ.

Къ сожалѣнію люди сороковыхъ годовъ чувствовали ежеминутно, что прилагать къ чему-либо только-что выработанные ими идеалы дѣятельности зачастую совершенно не мыслимо, или по крайней мѣрѣ не мыслимо въ той широтѣ, какую идеалы имѣли въ теоретической сферѣ. Тѣмъ болѣе чувствовалось отсутствіе почвы для дѣятельности за границею, и расхолаживающе дѣйствовало на энтузіастовъ, особенно на тѣхъ, въ комъ жилка дѣятельности была сильна.

Н. Г. Фроловъ, очень симпатичный постояннымъ своимъ стремленіемъ не ограничиваться теоретическими разговорами, и переходить къ практической дѣятельности, къ широкому распространенію пріобрѣтаемыхъ знаній, мѣтко указываетъ отрицательную сторону господствовавшаго въ парижскомъ кружкѣ отношенія къ жизни. «Какъ намъ спастись отъ этой умственной болѣзни, которая снѣдаетъ наше поколѣніе? — спрашиваетъ онъ Огарева въ письмѣ отъ 8 марта 1845 года:—отъ этого броженія мысли, въ минуту готовой строить и разрушить міръ и не внушающей ни сильныхъ, ни плодотворныхъ подвиговъ, ни истинно живыхъ ощущеній и дѣйствій, связныхъ, глубоко обозначающихъ себя?.. Послѣ всѣхъ этихъ разборовъ, преній, криковъ и возгласовъ, которыми наполнено наше время, съ какою тоскою возвращаешься въ свой уголъ, бросаешься на постель въ безсиліи и изнеможеніи! Одно меня поддерживаетъ и утѣшаетъ въ этомъ угрюмомъ взглядѣ на наше безплодно бьющееся поколѣніе, что сзади насъ подрастаютъ болѣе живые и свѣ-

жіе умы, и собою веселѣе, и крѣпче, утвердительно созидая, будутъ продолжать наши глухія усилія».

Подобнымъ же образомъ писалъ Огареву и Сатинъ: «George Sand права, Огаревъ! Въ наше время экспатріація несчастье даже для русскаго. Я въ этомъ убѣдился, смотря на всѣхъ нашихъ пріятелей и знакомыхъ въ Парижѣ». Протестуя противъ того, что Фроловъ уклонялся отъ нравственно-философскихъ собесѣдованій, Сатинъ замѣчаетъ: «Дѣйствительно, эти толки большею частью обращаются въ празднословіе, а потому я не могъ согласиться и съ Боткинымъ, который сдѣлалъ свою жизнь изъ этихъ толковъ». Повидимому въ Боткинѣ появилось теперь также не мало самоувѣренности, вызванной сознаніемъ, что міровоззрѣніе его окрѣпло. «Ты обвиняешь меня въ недовѣріи къ самому себѣ, — писалъ Сатинъ Огареву (4 марта 1845 г.): — Душа моя, радъ бы въ рай! Но на чемъ же основать это довѣріе, не оправданное поступками. Это своего рода безсиліе и самонадуваніе».

Весь новый складъ мыслей Боткина, такимъ образомъ, висѣлъ въ воздухѣ. Отвлеченно-философскіе интересы, которымъ онъ отдавался съ жаромъ, сводились на своего рода умственную гимнастику. Негація, которою онъ проникался, оставалась сама по себѣ, а жизнь—сама по себѣ тоже: скептикъ во взглядѣ на людей, онъ не чувствовалъ, въ противоположность даже Фролову, не говоря о Бѣлинскомъ, Герценѣ или Грановскомъ, стремленія распространять новые свои взгляды, настоятельной необходимости того, чтобъ слова обращались въ дѣло. Выработка подробностей новаго міровоззрѣнія, наиболѣе характеризующаго людей сороковыхъ годовъ, доставляла ему чисто дилетантское наслажденіе. Какъ истый эпикуреецъ онъ жупровалъ и въ умственной сферѣ, разъ разрѣшивши себѣ всяческое жупрованіе.

Иногда жупрованіе прерывалось въ Парижѣ тѣми прискорбными послѣдствіями, которыми оно обыкновенно сопровождается и о которыхъ говорить обыкновенно не принято иначе какъ со спеціалистами. Любопытно письмо Сатина отъ 3 марта 1845 года, писанное какъ видно въ одинъ изъ подобныхъ гигіеническихъ перерывовъ, когда услаждаться и ему и Боткину можно было только искусствами. Сатинъ разсказываетъ, какъ онъ въ полъ-пьяна послѣ завтрака съ капитаномъ получилъ письмо Огарева, разнѣжился, пошелъ слушать «Пуританъ» и какъ томился жаждою любви къ женщинѣ. У колонны театральныхъ сѣней онъ запримѣтилъ какую-то молодую красавицу, которая показалась ему столь же растревоженною музыкой. «Съ другой стороны, не замѣчая меня, стоялъ Боткинъ,—разсказываетъ Сатинъ:—и тоже съ грустною улыбкою впился въ эту дѣвушку. Я подошелъ къ нему... Милый Бот-

кинъ, его волновали тѣ же чувства, тѣ же страданія! «Милое, свѣтлое видѣніе», сказалъ онъ: «Да, и мы должны смотрѣть на него, какъ падшіе ангелы на врата рая!» Боткинъ сжалъ мою руку: «я плакалъ, Сатинъ, я давно такъ не плакалъ, какъ нынче; зачѣмъ васъ не было подлѣ меня, зачѣмъ тутъ нѣтъ Огарева?» Мы замолчали и снова смотрѣли на наше видѣніе; наконецъ, она вышла, сѣла въ карету съ двумя старушками и исчезла. Боткинъ проводилъ меня до дому, и мы разстались, крѣпко обнявшись и не сказавши двухъ словъ въ продолженіи получаса».

По увѣренію Анненкова, путешествія по Испаніи, памятникомъ котораго остались извѣстныя письма, было совершено Боткинымъ въ одинъ изъ подобныхъ гигіеническихъ перерывовъ.

V.

Путешествіе Боткина по Испаніи. — «Письма объ Испаніи» съ художественной стороны и какъ матеріалъ для характеристики личности Боткина. — Намеки въ «Письмахъ объ Испаніи» на русскіе общественные вопросы.—Возвращеніе въ Россію.

Мы затрудняемся съ точностью опредѣлить время путешествія Боткина по Испаніи. Первое изъ «писемъ объ Испаніи» помѣчено: Мадритъ—май. Между тѣмъ Сатинъ писалъ Огареву 11 августа изъ Барежа (въ Пиринеяхъ), какъ о событіяхъ вчерашняго дня: «Боткинъ и Тургеневъ проводили меня до Барежа (изъ Парижа). Тургеневъ шляется по Пиринеямъ, а Боткинъ, пробывъ со мною два дня, отправился въ Испанію. Мы очень веселились въ Бордо, купались въ океанѣ около Байонны и вообще совершили это путешествіе очень не дурно».

Какъ бы то ни было, не имѣетъ никакихъ основаній басня, которую пустили въ шестидесятыхъ годахъ, будто Боткинъ никогда не бывалъ въ описанной имъ Испаніи, такъ что Щербина возглашалъ въ акаѳистѣ своемъ:

Радуйся, въ Испаніи не бываніе,
Радуйся, Испаніи описаніе,
Плѣшивый чаепродавче, донъ-Базиліо, радуйся!

«Письма объ Испаніи» безспорно до сихъ поръ не утратили своего интереса. Помимо талантливаго, живого, нисколько не вычурнаго изложенія, своимъ успѣхомъ они обязаны были тому, что не были только болтовнею о первыхъ попавшихся на глаза предметахъ. Предпринимая свою поѣздку, Боткинъ основательно готовился къ изученію страны. Онъ уже ранѣе зналъ ея языкъ и читалъ въ подлинникахъ испанскихъ писателей старыхъ и новыхъ. Первоначально

онъ не предполагалъ писать объ Испаніи. Книга его была составлена мало по малу изъ частныхъ писемъ въ Россію, пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ. Но и не собираясь еще описывать путешествія, Боткинъ прочелъ нѣсколько сочиненій по исторіи Испаніи, познакомился съ испанскими политическими изданіями, запасся рекомендательными письмами къ представителямъ различныхъ партій и т. п. Благодаря этому «письма» получили солидный характеръ. По увѣренію Дружинина, въ его статьѣ о «Письмахъ» (Библіотека для чтенія, 1857 г.), они «обратили на себя вниманіе германскихъ журналовъ, переведены по частямъ и встрѣтили заграницею общее одобреніе». Мы не могли, впрочемъ, провѣрить это сообщеніе.

Оцѣнка «писемъ» съ художественной стороны, сдѣланная Дружининымъ въ упомянутой статьѣ, очень полна и вполнѣ справедлива. «Книга Боткина», — говоритъ Дружининъ: — долго останется любимою книгою читателя поэтически-развитого. Артистическій духъ, ее проникающій, всегда свѣжъ и плѣнителенъ. Въ ней родники поэзіи, которыхъ мы всегда жаждемъ. Она явилась во время и сдѣлала довольно пользы». «Въ письмахъ этихъ, не смотря на предметъ ихъ, такъ отдаленный отъ насъ и отъ интересовъ нашихъ, смѣло сказалось слово человѣка, цѣнящаго наслажденія и умѣющаго наслаждаться, слово писателя, всю жизнь любившаго солнце и цвѣтъ жизни, свято чтившаго правду и законность высшей поэзіи».

Дѣйствительно, Боткинъ любилъ «солнце и цвѣтъ жизни» и любовно рисовалъ теплыя картины южной жизни и природы. Спокойный, сочувственный, жизнерадостный интересъ къ испанской жизни налагаетъ особый поэтическій колоритъ на все, что разсказываетъ Боткинъ. Бой быковъ, море, берега Африки и Гибралтара, особенно же Гранада и Альгамбра и т. д. частью попали уже и въ христоматіи, какъ образцы художественной описательной прозы. Наблюденія надъ нравами иллюстрируются народными пѣснями, картинами природы, очерками о произведеніяхъ искусства и т. п.

Но вездѣ и всегда въ этихъ письмахъ чувствуется авторъ ихъ. Тонкая скептическая улыбка эпикурейца особенно сквозитъ въ описаніяхъ женщинъ, севильянокъ, кадиксянокъ и т. д. «Южная Андалузка представляетъ собою самый совершенный типъ женской артистической натуры,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ:—Можетъ быть, вслѣдствіе этого, здѣсь на женщинъ смотрятъ исключительно съ артистической стороны. Но, вѣдь, это безнравственно, — замѣтите вы мнѣ. Что-же дѣлать! подите, убѣдите южнаго человѣка въ томъ, что духовныя отношенія выше чувственныхъ, что недостаточно только любить женщину, а надобно еще уважать ее, что чувственность

страхъ какъ унижаетъ нравственное достоинство женщины... увы! ничего этого не хочетъ знать страстная натура южнаго человѣка». (Соч. т. I, 233).

Для характеристики Боткина далѣе слѣдуетъ отмѣтить то мечтательное расплывчатое упоеніе, которому онъ отдается въ созерцаніи красотъ природы, «ненасытную нѣгу», по его собственному выраженію, которой онъ проникается среди ласкающей южной природы. Особенно любопытно описаніе томительно сладкихъ ощущеній, навѣяныхъ на Боткина Гранадою.

«Гранада!! — восклицаетъ онъ въ послѣднемъ письмѣ: если-бъ это слово могло передать вамъ хоть часть ея красоты, если-бъ я могъ перенести васъ въ маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце». Отказываясь въ концѣ концовъ отъ попытки нарисовать обаятельную картину этого заката, Боткинъ восклицаетъ: «Да нѣтъ! этой красоты нельзя передать, и все, что я пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно-ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! Описывать можно только тогда, когда счастіе сдѣлается воспоминаніемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ, таки совершенно ни о чемъ не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать...

«Мнѣ кажется, что я растеніе, которое изъ душной темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ нибудь подъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Ну что, если-бъ вся жизнь прошла въ такомъ счастіи!» (Соч. I, 283).

Этотъ недѣятельный, созерцательный, исключительно артистическій идеалъ счастья становится у Боткина мало-по-малу преобладающимъ.

Возвращаясь къ «Письмамъ объ Испаніи», считаемъ нужнымъ отмѣтить въ нихъ еще нѣкоторыя черты, любопытныя для стѣсненной литературы того времени и можетъ быть содѣйствовавшія успѣху «писемъ» въ то время, какъ они печатались въ «Современникѣ». Дѣло въ томъ, что Испаніею и Италіею въ сороковые годы у насъ интересовались не мало, не только потому, что жизнь этихъ странъ привлекала, какъ вообще заграничная малодоступная тогда жизнь, но и потому, что въ исторической судьбѣ ихъ видимо искали косвенныхъ апалогій съ положеніемъ Россіи. Къ историческимъ аналогіямъ у насъ чувствовали особенную симпатію, благодаря между

прочимъ Грановскому, защищавшему ихъ, какъ спеціальный историко-публицистическій методъ. Послѣдній былъ довольно благодарнымъ средствомъ для того, чтобъ обходить бдительность цензуры. Самъ Грановскій въ началѣ своей профессорской карьеры былъ живо заинтересованъ Испаніею. Кудрявцевъ написалъ диссертацію по исторіи Италіи. Объ Испаніи и Ирландіи, странахъ застоя, собирался писать въ сороковыхъ годахъ неизмѣнный членъ кружка Грановскаго, Е. Ѳ. Коршъ. Не будетъ преувеличеніемъ съ нашей стороны предположить, что и «Письма объ Испаніи», особенно первыя изъ нихъ, когда цензура не такъ еще свирѣпствовала, какъ въ смутный періодъ 1848—1855 годовъ, привлекали разсѣянными тамъ и сямъ намеками, вкрадывавшимися въ нихъ, можетъ быть, совершенно невольно.

Путевыя впечатлѣнія отъ Бургаса до Мадрита, географическія условія мѣстности навѣяли на путешественника впервые мысль о томъ, что въ Испаніи найдется кое что общее съ Россіею. «Сколько разъ говорилъ я про себя, — читаемъ въ одномъ мѣстѣ: — да это наши безконечныя равнины Россіи — только дальняя синяя полоса горъ разрушала сходство».

Испанія — для Боткина — «мало знаемая сторона, которая до сихъ поръ продолжаетъ представлять одну изъ печальнѣйшихъ политическихъ задачъ нашего времени». Контрастъ между природнымъ богатствомъ страны и даровитостью обитателей съ одной стороны, и между матеріальнымъ и духовнымъ обнищаніемъ ея съ другой—особенно поражаетъ туриста. «Въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человѣка, стоитъ только наклониться за нимъ; но испанцы еще не любятъ наклоняться». «Все здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное, возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произноситъ, не прибавивъ: «несчастная!..» «Вотъ уже тридцать лѣтъ Испанія постоянно находится въ судорожныхъ конвульсіяхъ. Она хочетъ оторваться отъ своего прошедшаго и хочетъ въ то-же время сохранить всѣ свои старыя, завѣтныя преданія». «Главное несчастіе Испаніи въ томъ, что она отстранена была отъ того движенія, которое составляетъ почву новой исторіи Европы, и не только это движеніе здѣсь не проникло въ народъ, даже высшіе классы остались ему чужды. Вотъ существенная причина этой удивительной неопредѣленности всѣхъ политическихъ движеній Испаніи. Она хочетъ и ищетъ формы, не уяснивъ себѣ сначала сущности, не усвоивъ содержанія; а потому — не смотря на всѣ внѣшнія реформы, не смотря на то, что нигдѣ теперь правительство не составляетъ больше законовъ и проектовъ для всякаго рода улучшеній—несмотря на нескончаемыя рѣчи, которыя говорятся въ пала-

тахъ кортесовъ,—финансы, судопроизводство, администрація остаются въ томъ же видѣ, какъ они были при блаженной памяти испанскихъ короляхъ, — и продажность, подкупъ, взятки властвуютъ по прежнему». (I, 128—129).

Все это — мотивы, хорошо знакомые русской интеллигенціи и впервые громко раздававшіеся и въ печати, а еще болѣе въ обществѣ, именно въ сороковые годы. Отъ патріархальнаго: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ» и отъ восклицанія Пушкина, которое вырвалось у него при чтеніи ему Гоголемъ «Мертвыхъ Душъ»: «Боже, какъ грустна наша Россія»!—до споровъ между квасными защитниками россійской самобытности и до безчисленныхъ и безплодныхъ тогдашнихъ мѣропріятій искоренить у насъ взяточничество и водворить дѣйствительный порядокъ въ управленіи — во всемъ этомъ есть дѣйствительное сходство съ тѣмъ, что Боткинъ говоритъ объ Испаніи, и современники, конечно, жадно ловили подобныя совпаденія.

Какъ въ произведеніи, написанномъ въ состояніи духа до извѣстной степени переходномъ, въ «Письмахъ» слѣдуетъ отмѣтить еще скептическія сомнѣнія Боткина въ самой способности рода человѣческаго къ совершенствованію, сомнѣнія, которыя впослѣдствіе привели его къ враждебному отношенію ко всякому дѣятельному жизненному идеалу. «Если подумать,—говоритъ онъ объ испанскихъ маврахъ:—что это блестящее арабское племя, за 1000 лѣтъ до насъ совершившее столько доблестныхъ подвиговъ, возвысившееся до такой образованности и оставившее по себѣ столь изящные памятники, теперь погружено въ такое глубокое варварство, — то право трудно не усомниться въ этомъ такъ называемомъ безконечномъ совершенствованіи, особенно когда еще видишь, что на мѣстѣ исчезнувшей цивилизаціи владычествуютъ дикость, невѣжество и изувѣрство». (I, 93).

Такъ, въ путешествіи Боткина по Испаніи эпикурейско-созерцательное отношеніе къ жизни и желчный скептицизмъ по отношенію къ многому, что раньше влекло его къ себѣ, уже преобладаютъ въ его характерѣ.

Изъ Испаніи Боткинъ пробрался въ Италію, а лѣтомъ 1846 г. странствовалъ по Рейну со своимъ братомъ Николаемъ Петровичемъ, всю жизнь проводившимъ въ путешествіяхъ. Этимъ же лѣтомъ Боткинъ встрѣтился за границею съ П. В. Анненковымъ и путешествовалъ съ нимъ по Тиролю и Ломбардіи. Анненковъ привезъ обстоятельные разсказы о внутреннихъ событіяхъ, которыя московскій кругъ западниковъ пережилъ за время отсутствія Боткина, о поворотѣ къ изученію народа вслѣдъ за славянофилами, о размолвкѣ между Герценомъ и Грановскимъ, который не рѣ-

шался идти въ новыхъ реальныхъ нравственно-философскихъ воззрѣніяхъ до конца. Эти разсказы переданы Анненковымъ въ его «замѣчательномъ десятилѣтіи». Боткинъ, можетъ быть именно увлеченный Анненковымъ, возобновляетъ сношенія съ московскими друзьями; готовясь возвратиться на родину, онъ снова знакомится съ ихъ литературными работами, особенно обильными у Герцена и Бѣлинскаго.

Въ октябрѣ 1846 года Боткинъ былъ въ Женевѣ, куда попалъ на другой день послѣ внутренней революціи въ городѣ, которую и описываетъ въ письмѣ Анненкову.

Въ ноябрѣ Боткинъ былъ уже въ Петербургѣ.

VI.

Практическое направленіе Боткина.—Боткинъ въ роли защитника западно-европейской буржуазіи.—Раздоръ съ «Современникомъ».—Боткинъ объ „Антонѣ-Горемыкѣ“ и „Запискахъ охотника“.

«Встрѣча моя съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна,—такъ Боткинъ писалъ изъ Петербурга П. В. Анненкову:—Изъ нихъ разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему».

Такимъ образомъ первая встрѣча Боткина, настроеннаго по новому, съ петербургскими друзьями еще не привела къ разрыву или сильному охлажденію. Бѣлинскій надѣялся, что Боткинъ поселится въ Петербургѣ и будетъ сотрудникомъ тогда только что устроеннаго подъ новою редакціею «Современника». Помѣшали тому собственныя дѣла Боткина въ Москвѣ и еще, какъ сообщаетъ г. Пыпинъ, «личное недоразумѣніе съ однимъ изъ издателей новаго журнала (кажется, съ И. И. Панаевымъ).

«Скажу тебѣ правду,—писалъ Боткину, когда тотъ уже былъ въ Москвѣ, Бѣлинскій (29 янв. 1847 г.):—твое новое практическое направленіе, соединенное со враждою ко всему противоположному, произвело на всѣхъ насъ равно непріятное впечатлѣніе, на меня перваго». Но Бѣлинскій надѣялся, что Боткинъ лишь въ теоретическомъ спорѣ придаетъ такое значеніе ультра-практическому направленію. Это направленіе—вывезенный изъ за границы взглядъ на важную роль, которую должна сыграть въ русской жизни просвѣщенная буржуазія. Къ ней, повидимому, и причисляетъ себя теперь Боткинъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что Боткинъ нашелъ въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что кругъ западниковъ начиналъ въ ней уже терять свой прежній поэтическій и одушевленный характеръ. Упи-

верситетъ и главнымъ образомъ Грановскій достигли уже въ обществѣ извѣстнаго признанія, и вліяніе университета стало уже обычнымъ факторомъ московской умственной жизни. Столкновенія со славянофилами еще продолжались, но споры приняли уже менѣе острую окраску: западники овладѣвали темами славянофиловъ и историческая роль послѣднихъ закончилась бы гораздо ранѣе, если бы періодъ съ 1848 по 1855-й годъ не задержалъ послѣдовательнаго развитія обоихъ направленій мысли. Съ другой стороны, въ средѣ самихъ западниковъ появлялись новыя теченія какъ слѣдствіе прежняго. Разрывъ между Герценомъ и Грановскимъ, вслѣдствіе несогласія по нравственно-философскимъ вопросамъ, предвѣщалъ еще болѣе рѣзкія столкновенія между людьми сороковыхъ годовъ и послѣдующими поколѣніями.

«Съ отъѣздомъ Герцена кружокъ нашъ какъ-то оспротѣлъ»,—жаловался Боткинъ Анненкову. Это было понятно, потому что никто такъ сильно, какъ Герценъ, не заставлялъ идти впередъ, мѣшая замыкаться въ готовые кружковые взгляды. Теперь все получало извѣстную опредѣленную форму, и Боткинъ справедливо жаловался на узкій кружковый отпечатокъ, который легъ на лицъ и мнѣнія ихъ, на оффиціальность въ смыслѣ общихъ идей, на рутину мысли и чувства (Письмо Анненкову отъ 20 марта 1847 г.).

Письма Боткина къ Анненкову за этотъ періодъ чрезвычайно любопытны, какъ матеріалъ для характеристики московскихъ нравовъ и событій. Здѣсь находимъ отклики на «Переписку» Гоголя съ друзьями, къ которой Боткинъ отнесся, конечно, вполнѣ отрицательно; на университетскія дѣла, изъ за которыхъ вышли въ отставку профессора Рѣдкинъ и Кавелинъ и едва не вышелъ Грановскій; на славянофильствую проповѣдь, за которою Боткинъ теперь вполнѣ признаетъ ея отрицательное значеніе.

Но политико-экономическіе вопросы привлекаютъ его болѣе всего; по крайней мѣрѣ онъ возвращается къ нимъ почти въ каждомъ письмѣ, отстаивая западно-европейскую буржуазію. Статьи Милютина въ «Отеч. Запискахъ» о пауперизмѣ, письма Герцена изъ Avenue-Marigny въ «Современникѣ» начали у насъ литературу по соціальному вопросу. Боткинъ, самъ капиталистъ, становится на оппортунистическую точку зрѣнія. Онъ протестуетъ противъ отрицательнаго отношенія къ западно-европейской буржуазіи, потому что оно можетъ быть на руку реакціонерамъ. «Я вовсе не поклонникъ буржуазіи,—рѣшительно заявляетъ онъ въ письмѣ отъ 12 октября 1847 года, повторяя то, что говоритъ и въ другихъ мѣстахъ писемъ:—и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ и ея сильный прозаизмъ; но въ настоящемъ слу-

чаѣ для меня важенъ фактъ *). Я скептикъ; видя въ спорящихъ сторонахъ, въ каждой, столько же дѣльнаго сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя въ качествѣ угнетеннаго классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія!» Уже такое двойственное отношеніе къ предмету, въ которомъ надо стать рѣшительно на ту или другую сторону, предвѣщало въ будущемъ еще большія разногласія между Боткинымъ и представителями новаго направленія въ литературѣ.

Любопытно, что свою новую политико-экономическую точку зрѣнія Боткинъ примѣнилъ было и къ литературѣ, измѣряя ее достоинство тѣмъ, насколько она стоитъ на высотѣ практическихъ промышленныхъ интересовъ страны. Это было своего рода «экономическимъ матеріализмомъ», о которомъ такъ много говорятъ въ настоящее время. Тутъ онъ пошелъ было дальше Бѣлинскаго, который въ эту пору все болѣе склонялся къ приданію критикѣ исключительно публицистическаго характера. Боткинъ находилъ, что русская литература уже сдѣлала крупные шаги въ этомъ направленіи. «Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности... Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ». Впрочемъ, онъ тутъ же оговаривается, что должно быть «вретъ». «Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеалогіи. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи». (Письмо Анненкову отъ 20 ноября 1846 г.).

Антипатія Боткина къ «художественности» оказалась ужъ очень преходящею. Очень скоро онъ начинаетъ отрицательно относиться къ Бѣлинскому именно за то, въ недостаткѣ чего упрекаетъ критика сначала.

Размолвкѣ между Бѣлинскимъ и Боткинымъ содѣйствовало и чисто внѣшнее обстоятельство: личная симпатія втораго къ издателю «Отеч. Зап.», къ Козьмѣ Рощину—какъ называлъ Краевскаго Бѣлинскій, столько времени на него работавшій. Бѣлинскій требовалъ, чтобъ и московскіе друзья его оставили «Отеч. Зап.», какъ журналъ, обязанный своимъ успѣхомъ исключительно ему, и перешли бы въ «Современникъ». Тѣ не согласились, — кажется, благодаря больше всего Боткину, доказывавшему, что надо поддержать оба журнала: онъ, напримѣръ, усиленно старался втянуть

*) Т. е. извѣстное совершенство общественныхъ формъ, сравнительно съ болѣе отсталыми странами, котораго достигла буржуазія.

въ «О. З.» Соловьева и т. п. На литературное поприще Бѣлинскаго онъ смотрѣлъ, какъ на покончепное, о чемъ прямо заявляетъ въ письмѣ къ Краевскому отъ 3 апр. 1847 г.

Лѣтомъ Бѣлинскій ѣздилъ за границу для леченія на средства, собранныя, между прочимъ, и Боткинымъ. Здѣсь, въ Зальцбруннѣ, онъ блистательно опровергъ опасенія друзей на счетъ паденія его таланта своимъ знаменитымъ письмомъ къ Гоголю, быстро распространившимся по всей Россіи въ многочисленныхъ спискахъ. Новый характеръ приняло и послѣднее написанное имъ обозрѣніе литературы (за 1847 годъ). Бѣлинскій дѣлалъ теперь рѣшительный шагъ вслѣдъ за Герценомъ, чисто-художественная сфера уже не удовлетворяла его. «Въ умѣ его,—говоритъ Анненковъ,—созрѣвали цѣли и планы для литературы, которые должны были измѣнить ея направленіе, оторвать отъ почвы, гдѣ она укоренилась, и вызвать враговъ другой окраски и, конечно, другаго, болѣе рѣшительнаго и опаснаго характера, чѣмъ всѣ прежніе враги, хотя и горячіе, но уже обезсиленные на-половину и безвредные...» т. е. Булгарины, Сенковскіе, Шевыревы и проч. (Анненковъ, Замѣч. Десят., стр. 179). Боткину, скептику-созерцателю, нечего было дѣлать въ новой дѣятельной сферѣ, къ которой стремилась литература, а Бѣлинскій жаждалъ этой сферы для русскихъ, мечталъ о новомъ Петрѣ Великомъ и надѣялся подготовить литературно-критическою дѣятельностью хоть нѣкоторую почву для настоятельно-необходимой полной реформы всего крѣпостнаго строя.

Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій придавалъ особенное значеніе живой цѣпкой бѣллетристикѣ, которая можетъ касаться такихъ предметовъ, говорить о которыхъ прямо по меньшей мѣрѣ затруднительно. Онъ, напримѣръ, высоко поставилъ извѣстную повѣсть Григоровича «Антонъ-Горемыка», произведеніе, имѣющее нынѣ, конечно, лишь историческій интересъ. Боткинъ, недовольный реалистическимъ, тенденціознымъ направленіемъ подобной народнической литературы, остался недоволенъ «Антономъ Горемыкою». «Ты спбаритъ, сластена,—писалъ ему на это Бѣлинскій въ декабрѣ 1847 года:—тебѣ, вишь, давай поэзіи, да художества—тогда ты будешь смаковать, да чмокать губами, а мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ на столько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала бы въ аллегоріи или не отзывалась диссертаціею». За то Боткинъ съ восторгомъ встрѣтилъ «Записки охотника», относясь къ нимъ съ чисто эстетической стороны. «Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ,—говоритъ онъ,—съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини». Въ другомъ письмѣ Анненкову онъ говоритъ, что смакуетъ разсказы Тургенева, какъ великолѣпные персики Виченцы, гдѣ жилъ одно время съ Анненковымъ.

Такимъ-то образомъ чисто созерцательныя наклонности получали въ Боткинѣ, эпикурейцѣ и скептикѣ, мало по малу перевѣсъ надъ другими сторонами его характера. Темный періодъ 1848—1855 гг., положившій почти полный конецъ какимъ бы то ни было дѣятельнымъ стремленіямъ общественнаго характера, могъ только укрѣпить въ немъ эти уже выразившіяся рѣзко наклонности.

VII.

Оскудѣніе умственной жизни въ эпоху 1848—1855 гг.—Статьи Боткина объ Огаревѣ, о Шекспирѣ, увлеченіе Карлейлемъ.—Боткинъ въ своей семьѣ и въ коммерческой сферѣ.—Переписка съ Дружининымъ и статья о Фетѣ.—Эстетическіе взгляды Боткина.—Полная неподготовленность его къ шестидесятымъ годамъ.

Мы не будемъ останавливаться на подробной характеристикѣ пред-севастопольской эпохи. Извѣстно, что событія 1848 года въ Европѣ вызвали у насъ ничѣмъ не оправдываемую панику и рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью совершенно прекратить притокъ изъ-за границы освободительныхъ идей и положить предѣлы внутреннему умственному броженію. Дневникъ цензора Никитенки, «Очерки по исторіи русской цензуры» Скабичевскаго и другіе матеріалы могутъ дать достаточно ясное представленіе о тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена литература, подчиненная чуть не дюжинѣ разнообразныхъ цензуръ. Журналы страшно упали и съ охотою печатали статьи—какъ острили неунывающіе россіяне—по исторіи кочерги и о значеніи ухвата. Даже сохранившіяся письма этого времени становятся совершенно безцвѣтными, такъ что могутъ служить лишь доказательствомъ, какъ замерла въ эту пору умственная жизнь.

Она почти изсякла и въ Москвѣ, гдѣ постоянно жилъ Боткинъ. Пріѣздъ танцовщицы Фанни Эльслеръ былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ событіемъ, которое дѣйствительно расшевелило московское общество. Среди интеллигенціи на первомъ планѣ были мелочные дрязги и сплетни, въ родѣ скандала между супругами Павловыми. Прежніе блестящіе салоны Елагиной, Свербѣевыхъ и пр. частью закрылись, частью потеряли свое прежнее обаяніе. Такія явленія, какъ защита прогремѣвшей диссертаціи (Грановскаго, Кудрявцева), какимъ-то чудомъ разрѣшенныя публичныя лекціи (1851 г., лекціи Грановскаго, Рулье, Соловьева и Шевырева), изрѣдка выходъ дѣльной книги («Пропилеи» Леонтьева, имѣвшія успѣхъ въ качествѣ изданія, которое шло въ разрѣзъ тогдашнему подозрительному отношенію къ классической древности),—такія явленія

были и рѣдки и ужъ не возбуждали въ обществѣ прежняго плодотворнаго энтузіазма.

«Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ были прежде, и чѣмъ стали теперь,—писалъ Грановскій Герцену о своемъ кругѣ, къ которому Боткинъ принадлежалъ еще по прежнему:—Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ». Онъ же повторялъ съ тоскою: «Благо Бѣлинскому! Онъ умеръ во время». Боткинъ и другіе часто повторяли теперь четверостишіе изъ Гете, переведенное Грановскимъ:

Приди и сядь со мной на пиръ,
Грустить о вздорѣ перестанемъ:
Гніетъ, какъ рыба, дряхлый міръ—
Мы въ прокъ его солить не станемъ.

Глубокіе нравственно-философскіе и литературно-общественные вопросы теперь уже не затрогиваются Боткинымъ. Онъ обрабатываетъ для печати свои «Письма объ Испаніи» и снова отдается музыкѣ—искусству, наименѣе соприкасающемуся съ дѣйствительностью. Но и тутъ выходили столкновенія: въ 1849 году цензура задержала отчетъ Боткина объ итальянской оперѣ въ Петербургѣ.

Въ «Современникѣ» 1850 г. Боткинъ напечаталъ небольшую статью объ Огаревѣ. Она интересна потому, что характеризуетъ до извѣстной степени ту «чистую художественность», которой увлекается Боткинъ и изъ-за которой—особенно по поводу Фета—у насъ переломали въ шестидесятые годы не мало копій.

Стихотворенія Огарева печатались въ «От. Зап.» первой половины сороковыхъ годовъ, и уже въ пятидесятые годы были забыты, потому что долго не было отдѣльнаго изданія ихъ. Изданіе пятидесятыхъ годовъ не повторялось, и потому Огаревъ забытъ нынѣ, все-таки незаслуженно, почти совершенно. Боткинъ относитъ его къ числу очень небольшому дѣйствительно оригинальныхъ русскихъ поэтовъ. «Огаревъ,—читаемъ въ статьѣ:—по самостоятельности таланта, истинѣ и простотѣ выраженія, задумчивой прелести и оригинальности колорита и глубокому поэтическому чувству, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между современными поэтами послѣ Лермонтова. Дѣйствительно, ни у одного изъ пишущихъ теперь поэтовъ не заключается столько музыкальности въ ощущеніяхъ, и никто не выражаетъ такъ эту беззвучную музыкальность чувства, какъ г. Огаревъ. Мы разумѣемъ подъ этими словами то состояніе души, когда она, вся погруженная въ свои внутреннія явленія, отдается имъ вполнѣ, не разбирая ихъ значенія, не стараясь сосредоточить ихъ въ какую-либо опредѣленную мысль,—когда она передаетъ эти затаенныя движенія чувства въ томъ самомъ видѣ, какъ проходятъ они въ сердечной глубинѣ, во

всей ихъ безъискусственности и искренности». Особенно Боткинъ симпатизируетъ тому, что у Огарева впечатлѣнія природы, музыки, жизни,—все пріобрѣтаетъ какую-то задушевность, понятную только сердцу читателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенную музыкальную неопредѣленность, которую всего лучше можно сравнить съ паромъ, облегающимъ вечеромъ нашу сѣверную природу и который сообщаетъ полю и лѣсу какую-то неопредѣленную воздушность и что-то мечтательное, меланхолическое». Эта неуловимая меланхолическая мечтательность, воздушная фантастичность образовъ и настроеній, самодовлѣющая музыкальность особенно и привлекаютъ Боткина. Онъ и лично всегда симпатизировалъ мягкой, расплывчатой романтической натурѣ Огарева, симпатизируетъ и романтической задушевности (нѣмецкому Gemüth) его поэзіи; какъ Огаревъ и какъ истый сынъ романтической Германіи, онъ готовъ ежечасно предаваться сладкому и самодовлѣющему упоенію музыкальными ощущеніями.

Интересно, какъ къ этимъ же стихотвореніямъ Огарева отнесся человѣкъ уже иного склада характера. Въ 1856 году они были изданы отдѣльной книжкой и въ «Современникѣ» появилась о нихъ небольшая статья Н. Г. Чернышевскаго. Послѣдній не останавливается на поэтическихъ достоинствахъ стихотвореній и особенностяхъ таланта Огарева, такъ милыхъ Боткину. Чернышевскій подчеркиваетъ лишь психологическій интересъ стихотвореній, ихъ важное историко-литературное значеніе, какъ будто желая сказать: мы можемъ понять психологическое настроеніе поэта, сочувствовать ему, какъ предшественнику нашему, страдавшему отъ невольнаго бездѣйствія, но упиваться по-долгу мотивами, меланхолическими и однообразными, которыми проникнуты его стихотворенія—мы не въ силахъ; намъ нужно и въ поэзіи что-нибудь болѣе разнообразное, что захватывало бы не только созерцательные элементы нашего характера, но и активныя стремленія, въ насъ развитыя.

Нечего и говорить, что литературныя условія того времени не давали возможности развитію этихъ активныхъ стремленій. Отъ того-то такъ и процвѣтало въ эти годы такъ называемое «искусство для искусства», «чистое искусство», «чистая художественность».

Боткинъ занялся въ это время снова статьями о Шекспирѣ. Впрочемъ написано изъ нихъ было только двѣ, широко-же задуманный планъ дать картину времени Шекспира, охарактеризовать литературныя теченія эпохи и англійскій театръ, критически разобрать произведенія Шекспира и т. д. остался не выполненъ. Причиною тому были частью недостатокъ времени изъ-за торговыхъ дѣлъ, частью болѣзнь, которая теперь постоянный спутникъ Боткина.

Написанныя статьи «Литература и театръ въ Англіи до Шекспира» и «Первые драматическіе опыты Шекспира» читаются съ большимъ интересомъ. Здѣсь и слѣда нѣтъ той философской шумихи, которой не чужды прежнія статьи Боткина о Шекспирѣ. Онъ указываетъ, вслѣдъ за Гервинусомъ, на несостоятельность метафизическихъ объясненій англійскаго драматурга, и на то, что несмотря на всѣ бывшіе, настоящіе и будущіе критическіе разборы Шекспира, ясное и отчетливое пониманіе его произведеній возможно только въ ихъ сценическомъ представленіи, потому что для сцены единственно они были писаны *). Мимоходомъ Боткинъ иронизируетъ надъ узко-моралистическимъ взглядомъ на литературу вообще и на Шекспира въ частности, надъ взглядомъ, особенно развитымъ у англичанъ, которымъ «хотѣлось, чтобъ любимецъ ихъ и какъ человѣкъ остался бы безъ упрека — черта, безъ сомнѣнія, дѣлающая честь нравственному чувству націи, хотя съ другой стороны, затемняющая истину и вредящая вѣрному пониманію человѣка» (Сочинен. т. II, стр. 60 и 85).

Боткинъ въ это время охладѣлъ къ французамъ и къ прежней своей симпатіи, къ Жоржъ-Зандъ. Произведенія ея ему перестали нравиться своимъ дидактизмомъ. Симпатіи его теперь переходятъ мало по малу къ англичанамъ. Онъ особенно полюбилъ Карлейля, такъ что одно время у него было высшею похвалою для книги сказать, что она доставляетъ ему такое же наслажденіе, какъ Карлейль. Онъ перевелъ съ нѣкоторыми сокращеніями и напечаталъ въ «Современникѣ» первую и третью лекціи Карлейля «о герояхъ и почитаніи героевъ». Въ предисловіи къ нимъ онъ говоритъ съ восторгомъ о блестящей импровизаторской манерѣ Карлейля. «Этотъ— такъ сказать — осязательный процессъ глубокой, самостоятельной пытливой мысли, постоянно устремленной на высокое, прекрасное и таинственное въ природѣ и человѣкѣ—составляетъ величайшее очарованіе въ Карлейлѣ», — читаемъ мы въ предисловіи Боткина: — «При томъ мысль его выражается всегда съ необыкновеннымъ, увлекательнымъ одушевленіемъ». «Мы не знаемъ писателя, — говоритъ Боткинъ:—который съ глубочайшею серьезностью содержанія соединялъ бы такую суровую простоту и такую наивную характерность изложенія». (Соч. т. II, 4).

П. В. Анненковъ передаетъ въ «Замѣч. Десятилѣтія», что основу своихъ консервативныхъ воззрѣній Боткинъ и почерпнулъ въ Карлейлѣ. Дѣйствительно, скептикъ Боткинъ могъ найти много сим-

*) Боткинъ, впрочемъ, подобно Гервинусу преувеличиваетъ трудности постановки шекспировскихъ пьесъ.

патичнаго себѣ въ Карлейлѣ, въ писателѣ, тоже романтикѣ на свой ладъ, такъ враждебно относящемся ко всякимъ готовымъ политическимъ доктринамъ, принимаемымъ на вѣру, ко всякому узко-кружковому взгляду, или къ книжному, не самостоятельному, черезъ чуръ отвлеченному воззрѣнію на вещи.

Лѣтомъ 1853 года умеръ Петръ Кононычъ Боткинъ. По завѣщанію, четверо изъ его 9 сыновей, въ томъ числѣ и Василій Петровичъ, были оставлены распорядителями наслѣдства. Торговыя занятія теперь почти совершенно отвлекаютъ Боткина отъ литературы; какъ главѣ семьи и какъ главѣ торговой фирмы, ему было долгое время не до литературныхъ занятій.

Фетъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Боткинѣ, какъ старшемъ въ семьѣ. «Даже самый ненаблюдательный человѣкъ не могъ бы не замѣтить того вліянія, которое Василій Петровичъ незримо производилъ на всѣхъ окружающихъ. Замѣтно было, что насколько всѣ покорялись его нравственному авторитету, настолько же старались избѣжать рѣзкихъ его замѣчаній, на которыя онъ такъ же мало скупился въ кругу родныхъ, какъ и въ кругу друзей. Кромѣ того, всѣ только весьма недавно испытали его педагогическое вліяніе, такъ какъ, вліяя въ свою очередь и на покойнаго отца своего, Василій Петровичъ младшихъ братьевъ провелъ черезъ университетъ, а сестрамъ нанималъ на собственный счетъ учителей, по предметамъ, знаніе которыхъ считалъ необходимымъ». (Фетъ, I, стр. 188).

Поддерживая свой безусловный авторитетъ въ семьѣ, В. П. Боткинъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно отстаивалъ репутацію своей солидности въ коммерческомъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ слѣдующій эпизодъ.

Боткинъ въ эти годы очень привязался къ Тургеневу. 26 сентября 1850 г. онъ писалъ Анненкову, что ждетъ свиданія съ Тургеневымъ, какъ съ любимою женщиной. Эта дружба была даже косвенною причиною извѣстной непріятности съ Тургеневымъ, когда онъ написалъ послѣ смерти Гоголя теплый некрологъ, не пропущенный петербургскою цензурою, и переслалъ его Боткину, а тотъ поспѣшилъ напечатать фельетонъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». За это Тургеневъ просидѣлъ три недѣли на съѣзжей и былъ высланъ въ свое село Спасское. Лѣтомъ 1855 года у Тургенева собралось много гостей: Боткинъ, Дружининъ, Григоровичъ. Для собственнаго развлеченія общими силами сочинили и разыграли фарсъ, въ которомъ игралъ и Боткинъ, въ молодости участвовавшій въ спектакляхъ въ домѣ Огаревыхъ. Дружининъ вздумалъ изобразить это времяпрепровожденіе въ своихъ фельетонахъ, печатавшихся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Это намѣреніе

привело Боткина въ ужасъ: онъ телеграфировалъ Краевскому, а потомъ писалъ и Краевскому и Дружинину, чтобъ его имя—Боже упаси—не появилось въ этихъ фельетонахъ, рисуя его, главу торговаго дома, въ столь легкомысленномъ свѣтѣ. Въ письмѣ къ Дружинину онъ называлъ поѣздку къ Тургеневу «свѣтлымъ оазисомъ своей жизни», тѣмъ не менѣе—говорилъ онъ:—«находясь въ значительныхъ торговыхъ дѣлахъ, я долженъ держать въ строгости свое имя, въ противномъ случаѣ—это можетъ произвесть бурное впечатлѣніе на тотъ классъ, съ которымъ я связанъ по положенію моему». По всей вѣроятности, это опасеніе за свою репутацію не слишкомъ пріятно подѣйствовало на друзей его. Между нимъ и особенно редакціею «Современника» накоплялось не мало такихъ обостренныхъ отношеній «Современникъ распускаетъ обо мнѣ ужаснѣйшія клеветы»,—жаловался Боткинъ покойному Краевскому еще въ 1853 г.

Къ 1855 и 1856 гг. относится переписка Боткина съ Дружининымъ, тогда еще сотрудникомъ «Современника», а потомъ редакторомъ «Библіотеки для чтенія», и статья о Фетѣ, интересныя, какъ матеріалъ для характеристики эстетическихъ воззрѣній Боткина.

Нельзя, однако, безусловно причислить воззрѣній Боткина въ этой сферѣ къ взглядамъ защитниковъ чистаго искусства. Въ пятидесятые годы такими защитниками у насъ были Дружининъ и отчасти Анненковъ. Въ статьѣ о Пушкинѣ Дружининъ отрицательно отнесся къ гоголевскому реалистическому направленію литературы, какъ къ направленію дидактическому и потому ложному; искусство должно смотрѣть на жизнь тихо, спокойно и радостно, идиллически должно примирять насъ съ жизнью, сфера его—изображеніе психологической жизни, чуждой бурныхъ и грязныхъ волнъ дѣйствительности. Дидактическое направленіе Дружининъ совершенно напрасно приписалъ и критикѣ Бѣлинскаго, требовавшаго лишь, чтобъ писатель стоялъ на всей высотѣ нравственныхъ, философскихъ и общественныхъ идей своего времени. Какъ въ произведеніяхъ писателей сороковыхъ годовъ, Тургенева, Гончарова, Герцена, Достоевскаго и пр. слились пушкинское и гоголевское теченіе, такъ и Боткинъ стоялъ за равноправность и синтезъ обоихъ направленій, изъ которыхъ защитники чистаго искусства одно прославляли въ ущербъ другому.

«По моему мнѣнію,—говоритъ Дружинину Боткинъ:—если русскій писатель любитъ свою страну и дорожитъ ея достоинствомъ, онъ не въ состояніи впасть въ идиллію. Намъ милы ясныя и тихія картины нашего быта, но онѣ могутъ быть для насъ только кратковременнымъ отдыхомъ, потому что въ сущности мы окру-

жены не ясными и не тихими картинами. Нѣтъ, не протестуйте, любезный другъ, противъ Гоголевскаго направленія—это необходимо для общественной пользы, для общественнаго сознанія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы задушевный взглядъ Пушкина на русскую жизнь—былъ не нужнымъ—о, напротивъ! Но сохрани Богъ исключительно слѣдовать одному изъ нихъ». (Письмо 6 авг. 1855 г.).

Дружининъ заподозрилъ въ Боткинѣ симпатію къ дидактическому и тенденціозному направленію въ искусствѣ, и Боткинъ счелъ нужнымъ рѣшительно отвергнуть это подозрѣніе.

«По моему мнѣнію,—говоритъ Боткинъ ясно и опредѣленно:—не направленіе дѣлаетъ произведеніе дидактическимъ, а тупая, мелкая мысль, придуманная мысль, резонерскій умъ, холодное чувство, безталанность. Истинный поэтическій талантъ никогда не сдѣлаетъ свое произведеніе дидактическимъ, и Гоголь только тогда впадалъ въ дидактику, когда выходилъ изъ своего рода». (Боткинъ имѣетъ въ виду вторую часть «Мертвыхъ Душъ»). «Если наша литература впадетъ въ дидактику — это будетъ рѣшительнымъ признакомъ бездарности. Нѣтъ, я терпѣть не могу пошлаго; но съ другой стороны—я вовсе не врагъ гоголевскаго направленія. Писуны могутъ опошлить всякое направленіе,—но дѣло критики всегда отдѣлять направленіе отъ бездарности. Къ сожалѣнію, общественная дидактика, по легкости своей, представляетъ большой просторъ для бездарныхъ писуновъ. Вы видите, что въ сущности мы сходимся, но вы, имѣя въ виду пошлыхъ представителей гоголевскаго направленія, осуждаете и самое направленіе. Я только въ томъ смыслѣ называю направленіе нашей литературы гоголевскимъ, что она, подобно ему, стремится воспроизводить дѣйствительность во всей ея реальности; но дидактизма въ ней я пока не замѣчаю». Такимъ образомъ, намъ кажется, что взглядъ Боткина на искусство былъ достаточно широкъ и во всякомъ случаѣ шире взглядовъ Дружинина, который со своимъ примирительнымъ направленіемъ строилъ одну изъ узкихъ и резонерскихъ теорій, ненавистныхъ Боткину и дѣйствительно вредныхъ въ сферѣ искусства, если онѣ навязываются художнику.

«Мы живемъ въ эпоху непомѣрнаго резонерства и необузданнаго стремленія все приводить къ теоріи, — писалъ Боткинъ Дружинину:—Не положительность и матеріяльность составляютъ болячку нашего времени, а резонерство и тупая страсть къ теоріямъ и системамъ. Онѣ однѣ подтачиваютъ современное чувство: онѣ убили талантъ Ж. Занда, убили талантъ Гоголя. Духовный горизонтъ человѣка пересталъ имѣть просторъ и свободная игра фантазіи стѣснена разными всюду насъ окружающими тенетами теорій, системъ и резонерства».

Если переписка Боткина съ Дружининымъ интересна, какъ матеріалъ для характеристики его взгляда на широту содержанія искусства, то статья о Фетѣ любопытна тѣмъ, что показываетъ, подобно статьѣ объ Огаревѣ, въ какую сторону склоняются личныя симпатіи Боткина. По собственнымъ его словамъ, онъ увлекался нѣкоторыми стихотвореніями Фета до сладострастія, но онъ далекъ отъ того, чтобъ придавать поэзіи Фета значеніе всеобъемлющее и безусловное.

Статья, появившаяся въ «Современникѣ» 1857 года, распадается на двѣ части. Въ первой изъ нихъ Боткинъ хотѣлъ развить общія свои воззрѣнія на сущность поэзіи, но самъ признавался, въ письмѣ Дружинину отъ 26 іюля 1856 г., что безпрестанно путается въ глубинахъ эстетическихъ опредѣленій. Дѣйствительно эта часть очень туманна. Она начинается цѣлымъ рядомъ оговорокъ, имѣющихъ въ виду опровергнуть возможное подозрѣніе со стороны читателей, что авторъ, собираясь говорить о поэтическихъ потребностяхъ, отрицательно относится къ болѣе насущнымъ вопросамъ экономическаго благосостоянія. Онъ заявляетъ, что съ радостью привѣтствуетъ тяготѣніе общественнаго мнѣнія къ этимъ вопросамъ и къ такому матеріальному направленію, но привѣтствуетъ—не ради одного только матеріальнаго довольства, которое разольетъ это направленіе въ европейскомъ обществѣ, а потому, что «если это общество имѣетъ великую историческую будущность, то увеличившееся благосостояніе народовъ непремѣнно поведетъ за собою и возвышеніе нравственныхъ потребностей ихъ». Одна изъ такихъ вѣчныхъ нравственныхъ потребностей безкорыстное чувство наслажденія красотою, сущности поэзіи. Боткинъ пытается опредѣлить, что такое красота и чувство красоты, но не выходитъ здѣсь изъ сферы чисто метафизическихъ представленій. Чувство красоты, разлитое, какъ намъ кажется, въ природѣ, онъ не пытается проанализировать такъ, какъ это дѣлается современными изслѣдованіями эстетики, стоящими на психофизіологической почвѣ. «Мы живемъ тѣмъ же духомъ, которымъ живетъ природа,—говоритъ Боткинъ въ одномъ мѣстѣ:—мы та же самая природа, но одухотворенная и сознающая себя. Нѣмая поэзія природы есть наша сознательная поэзія: намъ дано высказывать эту нѣмую поэзію природы. Отсюда наше чувство природы и вѣчной красоты ея. Красота эта не есть только случайная принадлежность какихъ-либо единичныхъ явленій въ природѣ: красота составляетъ вѣчную основу явленій мірового духа, основу всей неизслѣдимой творческой силы вселенной». Эти туманныя и ничего не говорящія опредѣленія на разные лады повторяются во всей первой части, причемъ въ одномъ мѣстѣ Боткинъ договаривается наконецъ до того, что называетъ чувство природы шестымъ человѣ-

ческимъ чувствомъ. Словомъ, понятіе о красотѣ представляется ему чѣмъ-то элементарнымъ, чуждымъ вліянія другихъ областей человѣческаго духа, независимымъ, напр., отъ моральныхъ представленій.

Признавая прежде всего крайнюю ограниченность сферы таланта Фета, Боткинъ этимъ самымъ обезоруживаетъ всѣхъ противниковъ «чистаго искусства», если-бъ они обратились противъ его восхищенія поэтомъ любви и весны. Затѣмъ въ статьѣ указаны отличительныя черты поэзіи Фета: искренность и задушевность, музыкальность неуловимыхъ ощущеній, къ которымъ чувствуетъ симпатію поэтъ, наконецъ въ особенности—свѣтлая и спокойная жизнерадостность, проникающая большинство произведеній Фета. Мимоходомъ Боткинъ высказываетъ чрезвычайно мѣткую мысль, именно что стихи Фета могутъ служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія, есть-ли эстетическое чувство въ человѣкѣ. Пресловутое стихотвореніе: «Шопотъ, робкое дыханье», вызвавшее столько пародій и столько насмѣшекъ надъ Фетомъ, отнесено Боткинымъ, по справедливости, къ числу произведеній очень удачныхъ. Словомъ, статья должна быть признана удачною характеристикою Фета; къ произведеніямъ его Боткинъ чувствуетъ теплую симпатію, но онъ далекъ отъ мысли видѣть въ нихъ альфу и омегу поэзіи. Сказать мимоходомъ, это послѣднее мнѣніе часто приписывается тѣмъ, кто защищаетъ *Фета* отъ нападокъ, направленныхъ собственно противъ землевладѣльца Шеншина.

Къ 1857 г. относится небольшая, довольно интересная въ своемъ родѣ статейка: «Объ употребленіи розы у древнихъ». Она появилась въ «Журналѣ садоводства», издаваемомъ зятемъ Боткина, проф. Пикулинымъ, и пожалуй любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Боткинъ далекъ уже былъ въ эту пору отъ тогдашняго общаго оживленія литературы, предвѣстника шестидесятыхъ годовъ.

Это оживленіе такъ рѣзко отличалось отъ прежняго застоя, что онъ, подобно многимъ людямъ предшествовавшаго застоя, былъ просто оглушенъ новыми бодрыми голосами: они казались ему черезъ чуръ громки. Въ это время общее вниманіе привлекали между прочимъ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» Чернышевскаго, печатавшіеся въ «Современникѣ» и объяснявшіе обществу историческое значеніе и общественный смыслъ дѣятельности Бѣлинскаго. Боткину сдержанная рѣчь Чернышевскаго показалась черезъ чуръ громкою. Онъ просилъ дружинина въ письмѣ отъ 9 окт. 1856 г. передать редактору «Современника» Панаеву, чтобъ онъ остановилъ Чернышевскаго отъ дальнѣйшаго развитія послѣдней статьи его: потому что москвичи возмущены-де «ея несвоевременностью и ребяческою откровенностью».

Такимъ образомъ, Боткинъ, весь ушедшій въ свои торговые интересы и въ эпикурейское созерцаніе жизни, спектически относившійся ко всякимъ системамъ и теоріямъ, былъ застигнутъ шестидесятыми годами въ расплохъ. Міровоззрѣніе его сложилось въ тяжелую для русскаго общества пору и годилось для дилетанта, любителя и тонкаго цѣнителя искусствъ. Теперь—жизнь настоятельно требовала отъ всякаго, чтобъ онъ опредѣлилъ свое отношеніе къ совершающимся вокругъ него общественнымъ событіямъ. Боткинъ же перенесъ пассивное созерцательное отношеніе къ жизни и вражду къ системамъ и въ новую сферу, вдругъ открывшуюся для общества. А между тѣмъ здѣсь нельзя было обойтись безъ системы, безъ опредѣленнаго взгляда на общественныя отношенія. Растерянный, оглушенный общимъ порывомъ къ дѣятельности, Боткинъ нѣсколько времени еще увлеченъ освободительнымъ движеніемъ, но затѣмъ, не умѣя разобраться въ немъ, рѣзко отворачивается отъ него, не хочетъ признать его необходимымъ слѣдствіемъ своихъ собственныхъ вѣрованій.

VIII.

Боткинъ въ Парижѣ и Римѣ.—Начало реформъ.—Проэкты журнала и общества распространенія грамотности.—Симпатіи къ Англіи.—Антипатія къ журналистикѣ.—Боткинъ о положеніи Россіи послѣ севастопальскаго разгрома.—Сближеніе къ Катковымъ.—Воспоминанія.—Музыка.—Эпикурейскій созерцательный идеалъ жизни, какъ причина сравнительной безплодности талантовъ Боткина.

Предъ восшествіемъ на престолъ Государя Александра II, путешествія за границу были у насъ очень затруднены. При измѣнившихся обстоятельствахъ, Боткинъ, какъ только позволили дѣла, поспѣшилъ за границу. Съ этого времени и до самой смерти онъ почти ежегодно на долго уѣзжаетъ изъ Россіи; болѣзни заставляютъ его скитаться по курортамъ, и эти болѣзни и скитанія чуть ли не главное содержаніе его жизни за послѣднія 12 лѣтъ.

Главный біографическій матеріалъ для этого періода данъ перепискою Боткина съ Фетомъ, который въ 1857 г. женился на одной изъ его сестеръ. Матеріалъ этотъ долженъ быть признанъ очень богатымъ, особенно же онъ рисуетъ лично Боткина, его симпатіи и антипатіи, перемѣнчивое настроеніе его и т. д. Съ этой стороны мы и будемъ преимущественно пользоваться письмами Фета, оставляя частью въ сторонѣ иногда очень тонкіе критическіе отзывы Боткина о литературныхъ произведеніяхъ, разсѣянные тамъ сямъ, и путевые наброски, часто не уступающіе по живости «Письмамъ объ Испаніи.»

Лѣто 1857 года Боткинъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ жили тогда

Тургеневъ и Гончаровъ, а также и Фетъ, потомъ художникъ Ивановъ. Наблюдая парижскіе нравы, наслаждаясь музыкою и художествами, Боткинъ прожилъ здѣсь и осень, и въ ноябрѣ перебрался вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ Римъ. «Изъ Марселя ѣхали мы на Ниццу и потомъ берегомъ моря до Генуи,—разсказываетъ Боткинъ:—Я съ разныхъ сторонъ въѣзжалъ въ Италію, но ни откуда не являлась она въ такомъ сладкомъ чарующемъ видѣ, какъ со своей горной стороны.

„Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры!“

«И рощи пальмъ, и огромные олеандры, и сады апельсинныхъ деревьевъ, а возлѣ всего этого голубое море. Есть мѣста, передъ которыми остаешься въ нѣмомъ экстазѣ». Самый Римъ и особенно дорога отъ Чивита-Веккіи произвели на него сначала гнетущее впечатлѣніе. «Я думаю, на всей землѣ нѣтъ ничего унылѣе тѣхъ мѣстъ, которыми ѣдешь отъ Чивита-Векіи до Рима. Это какая-то прокаженная проклятая земля. И въ народѣ, какъ въ землѣ этой, все выгорѣло, все выродилось. Я не знаю, причиною-ли тому воображеніе или что другое, но ни одна страна, ни одинъ городъ не производитъ на мою душу такихъ впечатлѣній, какъ этотъ грязный, засаленный, унылый Римъ». Но ужъ черезъ двѣ недѣли онъ освоился съ нимъ и снова, какъ въ дни молодости, готовъ былъ восхищаться всѣмъ. Онъ пишетъ, что не замѣчаетъ, какъ летитъ время, которое проходитъ въ задумчивомъ созерцаніи величавыхъ развалинъ старины и грязной современной нищеты. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ онъ изучаетъ вѣчный городъ во всѣхъ подробностяхъ, и Тургеневъ называетъ его въ этомъ отношеніи неоцѣненнымъ товарищемъ.

Личный характеръ Боткина, однако, уже не былъ въ эту пору симпатиченъ Тургеневу. 12 ноября н. с. 1857 г. послѣдній писалъ Анненкову: «Боткинъ здоровъ; я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность; эпикуреецъ въ немъ то и дѣло пищитъ и киснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ».

Кромѣ Тургенева, въ Римѣ Боткинъ нашелъ Иванова, князя Черкасскаго, молодого Ростовцева (сына извѣстнаго дѣятеля крестьянской реформы) и еще нѣсколькихъ русскихъ. Вѣсти съ родины скоро заставили этотъ кружокъ почти забыть о томъ, что было интереснаго на мѣстѣ. Въ іюлѣ 1857 г. членомъ секретнаго комитета по крестьянскому вопросу былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. 20 ноября послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя литовскаго дворянства съ разрѣшеніемъ устраивать губернскіе комитеты для составленія проэкта «объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ». Въ дополнительномъ «секретномъ» от-

ношеніи министра внутреннихъ дѣлъ уже прямо говорилось объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, правда не вдругъ, а постепенно. Въ одну ночь, знаменитую ночь 20 ноября, по иниціативѣ Великаго Князя и при дѣятельнѣйшемъ участіи Н. А. Милютина, рескриптъ и циркуляръ были отпечатаны и утромъ уже разосланы по всѣмъ губерніямъ съ поспѣшностью, которая вполнѣ оправдывалась глухими усиліями крѣпостниковъ тормазить реформу. Гласность, приданная такимъ образомъ дѣлу, сразу поставила его въ опредѣленное положеніе, и трудно передать восторгъ, охватившій лучшую часть русскаго общества, когда стало ясно, что поворота назадъ уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Стихотвореніе И. С. Аксакова «на новый 1858 годъ» живо передаетъ тогдашнее бодрое и радостное настроеніе:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Въ Римѣ въ русскомъ кружкѣ сами собою составились сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны великаго вопроса, рѣшавшагося тамъ — въ Петербургѣ. Произносились рѣчи; особеннымъ краснорѣчіемъ отличался князь В. А. Черкасскій, впослѣдствіе лично принявшій дѣятельнѣйшее участіе въ крестьянской реформѣ, какъ членъ редакціонной комиссіи. Боткинъ также сбросилъ здѣсь съ себя стариковское брюзжаніе. Возникла мысль объ основаніи журнала, посвященнаго спеціально реформѣ. Сообща обсудили и составили программу журнала; объяснительную записку къ ней написалъ И. С. Тургеневъ (помѣчена 9-мъ января 1858 г.). Цѣлью журнала должно было быть содѣйствіе правительству со стороны науки и литературы, т. е. со стороны тѣхъ силъ — говорилось въ запискѣ:—«которыя до сихъ поръ были поставлены въ недовѣрчивое отдаленіе отъ правительства — и готовы теперь съ радостью открыто, безъ всякихъ заднихъ мыслей и тайныхъ намѣреній, отдаться въ распоряженіе власти, явно стремящейся къ водворенію и упроченію общаго блага». «Мы идемъ къ Власти, — говорилось здѣсь далѣе: — не потому, что она Власть, а потому, что она желаетъ истины и добра, и не налагаетъ на насъ никакого отреченія, не принуждаетъ насъ къ лукавству. Мы вѣримъ ей — пусть и она повѣритъ намъ!»

Задуманный журналъ, однако, не былъ разрѣшенъ. Тѣмъ не менѣе только благодаря допущенной гласности, которою широко и

умѣло воспользовалась литература шестидесятыхъ годовъ—особенно «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ», — реформа была осуществлена наперекоръ упорному сопротивленію крѣпостниковъ: голосъ послѣднихъ былъ дискредитированъ именно русскою литературою.

Въ началѣ 1858 г. рескрипты объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ были распубликованы въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и эта мѣра сразу успокоила возбужденное состояніе народныхъ массъ; среди послѣднихъ ходили слухи, что помѣщики прячутъ волю. Вслѣдствіе приданной дѣлу гласности крестьяне повсемѣстно спокойно дождались 1861 года.

«Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи,—писалъ въ эту пору Боткинъ:—...уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслью въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины». (Фетъ, I, 232).

Послѣ путешествія весною по Италіи, Боткинъ лѣтомъ 1858 г. былъ въ Англіи. Симпатія къ Карлейлю влекла его сюда уже давно. Англія, по его словамъ, превзошла всѣ его ожиданія *) и на нѣкоторое время онъ становится рѣшительно англоманомъ, настолько, что когда слабость зрѣнія стала ему мѣшать читать, онъ заводитъ себѣ для чтенія компаньонку, именно англичанку. Для Англіи Боткинъ снова берется за перо и помѣщаетъ, нѣсколько позднѣе, двѣ статейки въ англофильствовавшемъ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Двѣ недѣли въ Лондонѣ» и «Пріютъ для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ».

Въ этихъ статьяхъ Боткинъ противопоставляетъ, между прочимъ англійскій идеалъ джентльмена—внутренно распущеннымъ русскимъ людямъ. Особенно пріятно поражаетъ его, что гордый духъ независимости, живой интересъ къ общественной жизни вошли въ плоть и кровь народа, что ужъ стали дѣломъ чисто домашнимъ и обыденнымъ. Онъ не закрываетъ глазъ на отрицательныя стороны англійской жизни, но указываетъ на то, что ни одинъ англичанинъ не пытается, подъ предлогомъ любви къ родинѣ, недостатки которой надо будто бы скрывать, затушевывать эти отрицательныя черты. «Ни одна страна въ мірѣ,—говоритъ Боткинъ,—не подвергается такому неумолимому процессу анализа и критики отъ сыновъ своихъ, какъ Англія, и дай Богъ, чтобы каждый изъ насъ

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ Фетъ почему-то выпустилъ ту часть письма Боткина изъ Лондона, въ которой говорилось о политической и общественной жизни въ Англіи (I, 243). Можетъ быть, тутъ была параллель съ русскою дѣйствительностью, не понравившаяся Фету.

любилъ Россію, какъ англичанинъ любитъ свою Англію». (Соч. т. I, 337).

Въ это же время Боткинъ побывалъ на островѣ Уайтѣ, гдѣ жилъ Тургеневъ. Здѣсь былъ обработанъ проектъ общества грамотности, задуманнаго очень широко, но не осуществленнаго, подобно журналу, за неполученіемъ разрѣшенія.

Объ отношеніяхъ Боткина къ Герцену, жившему въ это время въ Лондонѣ и уже издававшему «Колоколъ», ничего опредѣленнаго мы сказать не можемъ: кажется, они видѣлись другъ съ другомъ и разошлись, какъ и слѣдовало ожидать, холодно.

Осенью 1858 г. Боткинъ вернулся въ Россію. Весною слѣдующаго 1859 г. онъ жаловался Дружинину на русскіе журналы, особенно на «Современникъ». «Ужъ не знаю, какъ и что сказать о немъ. Такого пошлаго панибратства со всѣми предметами, конечно, никогда еще не видано было въ русской литературѣ. Правда, что молодая редакція покойнаго «Москвитянина» оказывала подобное же панибратство, но только въ однихъ литературныхъ вопросахъ,—а «Современникъ» распространилъ эту пошлую безцеремонность на всѣ сферы и на всѣ возможные предметы. Это именно должно нравиться нашей публикѣ, и особенно нашей молодежи, потому что озадачиваетъ и льститъ нашему невѣжеству, которое изстари привыкло презирать и плевать на все, чего не понимало» *).

Эта странная антипатія Боткина именно къ манерѣ тогдашней публицистики, какъ мы ужъ говорили, достаточно объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ привыкнуть къ свободной рѣчи, всюду раздававшейся тогда въ печати, хотя и подцензурной. Самъ онъ въ своихъ письмахъ, для печати не предназначавшихся, говоритъ пока рѣшительно то же, что и антипатичные ему публицисты «Современника» **). Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Боткина отъ 17 іюня 1859 г. Здѣсь онъ рѣзко подчеркиваетъ значеніе севастопольскаго разгрома, совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ понимали его и всѣ сторонники реформъ шестидесятыхъ годовъ.

«Для русскаго человѣка все европейское имѣетъ таинственное обаяніе. Такъ и быть должно, иначе мы были бы осуждены вѣчно коснѣть, подобно финнамъ и другимъ низшимъ племенамъ, въ на-

*) Далѣе въ письмѣ пропускъ. XXV лѣтъ, сборникъ, стр. 508.

**) Совершенно подобнымъ же образомъ цензоръ Никитенко, крайне враждебный къ печатно высказываемымъ мнѣніямъ „Современника“ или „Русскаго Слова“, въ своемъ дневникѣ, самъ того не замѣчая, является во многомъ рѣшительно солидарнымъ съ ними.

шемъ—не скажу варварствѣ,—а въ тупости и младенчествѣ. Собственно говоря, всякій народъ, все равно европейскій или азіатскій, тупъ и младенецъ *). Послѣдняя война сняла плеву съ нашихъ глазъ; она показала, что съ тупостью и младенчествомъ народа въ наше время далеко не уѣдешь. Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ, или потерять всякое значеніе. Мы тридцать лѣтъ боролись съ европейскимъ духомъ и опомнились, очутившись у бездны. Мы только теперь начинаемъ понимать, что мы государство бѣдное, истощенное всяческою неурядицею, что мы не по одежкѣ протягивали ножки, что мы почти наканунѣ новаго банкротства, что наша полицейская роль въ Европѣ была безумствомъ. Да и многіе ли понимаютъ это теперь? Но великое счастье въ томъ, что это, наконецъ, поняло правительство. Винить тутъ некого: виновата та же тупость и младенчество;—вѣдь онѣ ходятъ не въ армякѣ только, но и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Мы дѣйствительно самое еще младенческое государство въ Европѣ, и наши такъ называемые «образованные» напрасно съ такимъ презрѣніемъ смотрятъ на «необразованныхъ». Тутъ опять разница въ одномъ только платьѣ и внѣшности; внутренно же та же самая дичь, только подъ другими формами». (I, 298).

Чрезъ Фета Боткинъ близко сошелся съ редакціею «Русскаго Вѣстника». Съ Катковымъ онъ былъ близокъ въ дни романтической молодости. Потомъ они разошлись, когда Катковъ вернулся изъ-за границы проповѣдникомъ шеллинговой философіи откровенія. Катковъ «сталъ очень похожъ на вошь», читаемъ въ письмѣ Боткина къ Краевскому отъ 20 мая 1843 года. Теперь отношенія ихъ приняли очень дружескій характеръ. Каткову Боткинъ уступилъ вышеупомянутыя статьи объ Англіи, на которыя претендовалъ Дружининъ. Съ симпатіей Боткинъ отнесся и къ Леонтьеву.

Во второй половинѣ лѣта 1859 г. Боткинъ снова уѣхалъ за границу. Въ этихъ безпрестанныхъ переѣздахъ онъ иногда какъ будто хотѣлъ заглушить чувство пустоты, его охватывавшее. «Въ душѣ моей тихо и душно, какъ передъ грозой,—жаловался онъ Фету въ письмѣ изъ Парижа:—но грозы ни откуда не предвидится, а потому вѣрнѣе будетъ сравнить ее со стоячимъ болотомъ...»

Недовольный сутолокой и мелочностью, какъ ему казалось, тогдашней жизни, онъ охотно обращается къ воспоминаніямъ о своемъ прошломъ. Особенно поразили и взволновали его извѣстныя литературныя воспоминанія И. И. Панаева, печатавшіяся въ «Совре-

*) Только подъ этою фразою и не подписалась бы редакція „Современника“.

менникѣ«. «Они произвели на меня такое впечатлѣніе,—пишетъ онъ 20 марта 1860 года Фету:—что я цѣлый вечеръ проходилъ, словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я скучаю, но я часто вспоминаю это «прошлое», и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ прошломъ заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ—увы!—я не могу. Къ сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ «общемъ», въ отвлеченномъ. Но всему этому уже теперь не поможешь». (I, 319).

Мимоходомъ отмѣтимъ, что въ этомъ же письмѣ Боткинъ спрашиваетъ Фета о дѣлахъ литературнаго фонда, основаннаго за годъ передъ тѣмъ по мысли Дружинина и при дѣятельномъ содѣйствіи Тургенева. Боткинъ относился пока къ новому учрежденію очень сочувственно.

Лѣто и осень 1860 г. прошли у него въ борьбѣ съ болѣзнью, онъ побывалъ въ Лондонѣ, въ Италіи и снова вернулся въ Парижъ. Здѣсь онъ и встрѣтилъ объявленный 5 марта манифестъ 19 февраля. Боткинъ лежалъ въ постели и не могъ принять участія въ томъ радостномъ празднованіи великой реформы, которое устроила часть русской колоніи въ Парижѣ, И. С. Тургеневъ, Н. И. Тургеневъ (декабристъ) и другъ.

Боткинъ въ эту пору съ трудомъ двигался, не могъ писать, потому что ослабѣло зрѣніе и т. п. Но не смотря на жестокія физическія страданія, онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобъ не пополнять «пробѣлы» своего образованія, какъ онъ выражается. слушаетъ, напр., съ живѣйшимъ интересомъ книгу Гиббона, необходимую для него, чтобъ познакомиться съ Византійскою исторіею; позднѣе читаетъ съ увлеченіемъ исторію Индіи или увлекается археологическими сочиненіями и т. п.

Особенно страстно онъ предается слушанію музыки, устраиваетъ у себя квартеты, приглашаетъ слушать ихъ знакомыхъ, особенно И. С. Тургенева съ г-жею Віардо. «Музыка теперь преобладающій элементъ моей жизни,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ этого періода: —можетъ быть, это причиной того, что я не впадаю въ хандру. Это самый животворный источникъ для души». Въ концѣ концовъ, музыка стала для него, кажется, чѣмъ-то въ родѣ охмѣляющаго и возбуждающаго средства.

Переписываясь преимущественно съ Фетомъ, съ этимъ «Іереміею южной части Мценскаго уѣзда», какъ называлъ его Тургеневъ за безконечныя жалобы на злокозненность мужиковъ, Боткинъ отъ него, повидимому, и получалъ всѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи и начиналъ смотрѣть на вещи его глазами. Онъ сочувствуетъ трудному положенію Фета въ хозяйствѣ, изливаетъ ему скорбь на великое «безобразіе» русскихъ журналовъ и т. п.

8 октября н. с. 1861 г. Тургеневъ, всегда нецеремонный въ своихъ письмахъ, сообщаетъ изъ Парижа Анненкову: Боткинъ—entre nous soit dit—окончательно превратился въ безобразно-эгоистическаго, циническаго и грубаго старика. Дѣйствительно, подобное впечатлѣніе не могъ не производить человѣкъ, весь ушедшій исключительно въ исканіе пріятныхъ ощущеній, даваемыхъ музыкою и другими искусствами. Съ этой стороны очень характерны признанія его въ письмѣ отъ 28 января 1862 г. Описавши свое болѣзненное состояніе, онъ говоритъ: «Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grüne Gefühle, о которомъ говоритъ Жанъ-Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну, да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но за то Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ 50 лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе виденъ пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ чему стремилась душа въ юности, то оказывается непзмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастье, то и теперь даетъ ей счастье. Непзслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что существуетъ что-то, называемою людьми мыслью, что-то называемою поэзіею, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастіе и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы органы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнью вселенной, — но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ способность испытывать непзреченныя наслажденія.

Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, что мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастіе. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіямъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами». (Фетъ. Соч. т. I, 386—387).

На самомъ дѣлѣ, Боткинъ великими средствами достигалъ ничтожныхъ эффектовъ: отъ того такъ скоро и забытъ онъ былъ, не оставивъ по себѣ, какъ о человѣкѣ, памяти сколько нибудь прочной. Чтобъ еще разъ оттѣнить полную безплодность усвоеннаго Боткинымъ исключительно эпикурейски-созерцательнаго взгляда на жизнь, мы позволимъ себѣ напомнить слова человѣка, тоже не первостепенныхъ талантовъ, умѣвшаго цѣнить чувственно-прекрасную сторону жизни, но оставившаго по себѣ прочный слѣдъ въ жизни цѣлаго народа, слова Дидро:

«Я не пренебрегаю чувственными наслажденіями; у меня также нёбо, которому доставляютъ удовольствіе тонкія явства и прекрасныя вина; у меня есть сердце и есть глаза, и мнѣ пріятно видѣть хорошенькую женщину. Иногда я съ удовольствіемъ принимаю участіе въ обществѣ друзей въ такихъ пирушкахъ, которыя бываютъ шумны. Но я не хочу скрывать отъ васъ, что мнѣ гораздо болѣе пріятно помочь какому-нибудь несчастному, окончить какое-нибудь щекотливое дѣло, дать спасительный совѣтъ, прочесть что-нибудь поучительное, сдѣлать прогулку въ обществѣ дорогихъ для меня мужчины или женщины, провести нѣсколько часовъ въ занятіяхъ съ моими дѣтьми, написать хорошую страницу, исполнить обязанности моего положенія, сказать той, которую я люблю, что-нибудь столь нѣжное и пріятное, что она за это обовьетъ своими руками мою шею. Есть такія дѣянія, что я отдалъ бы все что имѣю, за то, чтобъ быть въ состояніи ихъ совершить. «Магометъ»— великое произведеніе, но я предпочитаю ему возстановленіе чести Каласа». (Племянникъ Рамо).

Весною 1862 года Боткинъ (вмѣстѣ съ Тургеневымъ) пріѣхалъ въ Россію. Реакція не завершеннымъ еще реформамъ уже носилась въ воздухѣ, но въ литературѣ было еще въ полномъ разгарѣ выясненіе нравственнаго содержанія ихъ, шелъ дѣятельный пересмотръ старыхъ формъ и воззрѣній на всѣ области человѣческаго вѣдѣнія. Но все это не могло уже встрѣтить такого сочувствія со стороны эпикурейца, чуждаго стремленій какъ бы то ни было вмѣшиваться въ общественную жизнь и не видѣвшаго въ ней никакого человѣческаго смысла.

IX.

Послѣдніе годы жизни Боткина.—Польскій вопросъ.—Мнѣнія Боткина о журналистикѣ.—Тяжелое сознаніе одиночества и неудачно прожитой жизни.—Послѣдняя болѣзнь и смерть Боткина.—Л. Толстой о смерти Боткина.—Завѣщаніе Боткина.—Фетъ и Тургеневъ о Боткинѣ.—Заключеніе.

Въ половинѣ мая 1862 г. Боткинъ былъ въ Москвѣ и затѣмъ въ Степановкѣ у Фетовъ, куда явился вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Фетъ передаетъ объ этой встрѣчѣ, что она ознаменовалась ожесточеннымъ споромъ между нимъ и двумя западниками по вопросу о грамотности. Тургеневъ, горячо поддерживаемый Боткинымъ, представлялъ будто бы Россію въ видѣ параличнаго тѣла, которое надо де «буравить» для оживленія его всякими буравами, въ томъ числѣ и распространеніемъ грамотности. Воспоминанія Фета, особенною достовѣрностью не отличающіяся, въ данномъ случаѣ говорятъ только, что Боткинъ далеко не былъ похожъ на заурядnаго ретрограда, въ родѣ самого Фета.

«Въ Москвѣ пусто и скучно»,—писалъ Боткинъ тогда же осенью, собираясь снова за границу:—отвожу душу только у Каткова, съ которымъ вижусь часто». Отводить душу имъ было можно, конечно, на воспоминаніяхъ о прошломъ, къ которымъ Боткинъ отдается теперь съ особенною любовью.

Въ августѣ онъ былъ проѣздомъ въ Берлинѣ, и здѣсь на родной душѣ нѣмецкой почвѣ воспоминанія нахлынули на него съ особенною силою. Осматривая городъ, посѣщая театры и наслаждаясь въ нихъ классическими произведеніями германской литературы, онъ невольно противопоставляетъ германскую культуру славянской. «Дорогой я все вспоминалъ васъ и вашу Степановку,—пишетъ онъ Фетамъ:—Какъ обработана эта бѣдная почва, сколько кладется навоза на эти скудныя поля! Что бы сдѣлали нѣмцы съ почвой Степановки? Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гоголя за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго—увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно».

«Да, здѣсь es wird mir behaglich zu Muthe,—продолжалъ онъ:—это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіею. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу». Онъ вспоминаетъ Станкевича, Грановскаго, свои первыя увлеченія нѣмецкимъ романтизмомъ. «И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ моей душѣ все, что ей до сихъ поръ

дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется человѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней".

«Чѣмъ болѣе вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія».

Это признаніе самого Боткина подтверждаетъ то, что мы выше уже говорили по поводу статьи объ Огаревѣ: нѣкоторыя стороны нѣмецкаго романтизма—особенно эта созерцательная задушевность (Gemüth)—уцѣлѣли въ характерѣ Боткина.

Увлеченный воспоминаніями, онъ одно время мечталъ даже завести себѣ гдѣ-нибудь въ Германіи спокойный chalet, чтобъ имѣть постоянный уголъ на то время, когда врачи совѣтовали ему покидать Россію.

Зиму Боткинъ проводилъ опять въ Парижѣ. Но здѣсь спокойствіе его было нарушено польскимъ возстаніемъ 1863 года. Онъ даже прекратилъ свои квартеты, потому что потерялъ на время охоту къ музыкѣ, поглощенный чтеніемъ газетъ. За границею, какъ извѣстно, сочувствовали польскому возстанію, и особенно сильно это сочувствіе было въ Парижѣ. Въ виду этого русскимъ парижская жизнь была не особенно пріятна, и Боткинъ хотѣлъ поскорѣе вернуться въ Россію.

Къ тѣмъ русскимъ газетамъ и журналамъ, которые пытались по этому щекотливому вопросу сохранить свое мнѣніе и занять примирительную позицію, Боткинъ отнесся съ озлобленіемъ, которое можно объяснить вѣроятно только непріятностями, случавшимися въ Парижѣ съ русскими. Въ своихъ письмахъ онъ то и дѣло честитъ русскихъ журналистовъ—«пустоголовыми прогрессистами», «мальчишками», «легкомысленными головами» и т. п. «Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такой національной струны, которая теперь обнаружилась,—говоритъ онъ:—все другое замерло во мнѣ».

Знаменитыя катковскія статьи, съ громами и молніями противъ поляковъ, были встрѣчены Боткинымъ съ полнымъ восторгомъ. «Вотъ настоящій государственный взглядъ на дѣло,—говорилъ онъ: Наши безмозглые прогрессисты не могутъ понять его, драпируясь въ свой абстрактный и пустой либерализмъ»... «Цѣль поляковъ вовсе не конституція,—твердитъ Боткинъ на разные лады обычное тогдашнее обвиненіе противъ польскихъ замысловъ:—а прогнать и забить насъ въ Азію и обратить Россію въ слабое второстепенное государство.

Вотъ этой-то цѣли не понимаютъ мальчишки-прогрессисты» (Фетъ, I, 414—416).

Въ концѣ апрѣля 1863 г. Боткинъ снова въ Петербургѣ, гдѣ снова ужасается «безсмыслію» русской литературы и умиляется «Московскими Вѣдомостями». По пріѣздѣ въ Москву, онъ прежде всего спѣшитъ повидаться съ Катковымъ и, кажется, принимаетъ участіе въ торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь Каткова въ англійскомъ клубѣ. «Имя Каткова уже вошло въ исторію нашего общественнаго развитія»—замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ былъ и Фетъ. Вмѣстѣ съ Боткинымъ они бывали у Каткова и ужасались и ахали тлетворной проповѣди «Современника» и особенно прогремѣвшаго тогда романа Чернышевскаго «Что дѣлать?». Фетъ вызвался написать для «Русскаго Вѣстника» разборъ романа и принялся за него лѣтомъ, съ одобренія Боткина. Но кажется разборъ вышелъ и для Каткова черезъ чуръ ужъ охранителенъ, такъ что онъ и не принялъ его въ свой журналъ *).

Тургеневъ, переписывавшійся въ эту пору съ Боткинымъ,—писалъ ему 8 іюля 1863 года, съ тонкою ироніею:—Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ. Видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его волнахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи «Времени»—журнала во всякомъ случаѣ «умѣреннаго» Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ» (Фетъ, I, 433).

Боткинъ, какъ видно изъ этого письма, выражавшій удовольствіе по поводу запрещенія журнала, уже настолько удалился отъ литературной сферы, что осенью этого года, поселившись въ Петербургѣ, писалъ Фету: «Знакомыхъ у меня здѣсь много, и слава Богу не изъ литературнаго круга». Симпатія къ новому направленію Каткова, къ фетовскимъ «письмамъ изъ деревни» и т. д. все это отдѣляло Боткина отъ прежнихъ знакомыхъ и друзей. Онъ поддерживаетъ лишь сношенія съ литераторами, занимавшими второстепенное и третьестепенное мѣсто въ тогдашней журналистикѣ, съ П. В. Анненковымъ, А. Д. Галаховымъ, Дудышкинымъ, Тютчевымъ. Къ литературному фонду онъ охладѣлъ, находя, что тамъ дѣлами завѣдуютъ какіе-то нигилисты. Привычная жизнь стараго холостяка протекала незамѣтно и безплодно.

---

*) Фетъ увѣряетъ, будто Боткинъ иллюстрировалъ разборъ „коммунистическими эпизодами парижской жизни, коихъ былъ въ 1848 году свидѣтелемъ“. На дѣлѣ, Боткинъ преспокойно жилъ въ 1848 г. въ Россіи.

Весною (1864 г.) онъ снова собрался заграницу, при чемъ непремѣнно вздумалъ взглянуть на Варшаву, «на это гнѣздо убійствъ и ненависти къ Россіи». До Варшавы онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и пробылъ здѣсь 10 дней, но дальнѣйшее путешествіе было не совсѣмъ благополучно. «Жгучій польскій вопросъ я чувствовалъ тамъ во всей его ядовитой силѣ,—писалъ онъ Фету:—Въ этой мрачной картинѣ не обошлось и безъ комическаго. Я поѣхалъ изъ Варшавы на Бромбергъ, т. е. чрезъ еще небезопасную мѣстность. Какой чортъ вздумаетъ этой дорогой ѣхать заграницу! И дѣйствительно меня приняли за поляка, ѣдущаго съ фальшивымъ паспортомъ, арестовали, до гола раздѣли и обыскали, держали подъ карауломъ. Вся эта исторія продолжалась часовъ пять, пока не получена была отвѣтная телеграмма изъ ближайшаго городка, что я вовсе не тотъ, кого слѣдовало арестовать, и проч. Варшавскія впечатлѣнія имѣли для меня тотъ результатъ, что я цѣлую недѣлю прохворалъ въ Берлинѣ. Куда мнѣ съ моими хилыми нервами пускаться на такія впечатлѣнія, какъ, напр., застрѣленный и плавающій въ крови русскій жандармъ, котораго увидѣлъ въ Вилановѣ, верстъ 5 или 7 отъ Варшавы, куда я съ нѣсколькими знакомыми поѣхалъ запасшись револьверами и взявши человѣкъ семь конвоя, (Фетъ, II, 10—11).

На лѣто Боткинъ снова вернулся въ Россію и проводилъ его у Фетовъ. Къ характеристикѣ среды, гдѣ онъ вращался тамъ, да и къ его собственной характеристикѣ можетъ служить слѣдующій анекдотъ, обязательно передаваемый Фетомъ, о какомъ-то помѣщикѣ, просвѣщенномъ консерваторѣ и благодѣтелѣ крестьянъ, по увѣренію Фета. Боткинъ съ Фетомъ были въ гостяхъ у этого помѣщика и съ удивленіемъ замѣтили у него на столѣ книжку «Современника». «Какъ это вы, Ѳедоръ Ивановичъ,—спросилъ Боткинъ:—при строго-охранительномъ характерѣ всей вашей дѣятельности, выписываете такой красный журналъ?»—«Да развѣ онъ красный?—воскликнулъ Барыковъ (фамилія помѣщика):—«я усердно читаю его отъ доски до доски и этого не замѣчалъ».—«Въ настоящее время это самый красный»,—отвѣчалъ Боткинъ.—«Ахъ онъ, свинья»!—воскликнулъ Барыковъ, швырнувъ подъ столъ «Современникъ».

Въ Степановкѣ Боткинъ получилъ между прочимъ тургеневское письмо отъ 6 іюня 1864 г., «соборное посланіе двумъ обитателямъ Степановки отъ смиреннаго Іоанна». Въ немъ говорится о неизвѣстномъ намъ письмѣ Боткина, гдѣ послѣдній описывалъ женщину-медика. Что это было за описаніе, легко вообразить себѣ по словамъ Тургенева (повидимому, тоже склоннаго видѣть въ женщинахъ, впервые занимавшихся у насъ тогда медициною, какихъ-то Кукшиныхъ). Почтенный Боткинъ!—говоритъ Тургеневъ:—Мнѣ слѣ-

довало-бы ударить въ струны лиры, чтобы достойно воспѣть письмо твое, сейчасъ полученное мною, въ которомъ ты такъ графически описалъ женщину-медика! Да, братъ, новыя пошли безобразія! Видно, судьба какъ только замѣтитъ, что люди признали какую-нибудь штуку каррикатурой, безобразіемъ, она сейчасъ распорядится такъ, чтобы эту же штуку поставить на пьедесталъ: покланяйтесь, молъ, дурачье! Воображаю я твою фигуру передъ этой Дульцинеей»!

Мы приведемъ еще рядъ выписокъ изъ писемъ Боткина, характеризующихъ его отношеніе къ шестидесятымъ годамъ, какъ къ ненужному хаосу. Къ литературѣ онъ присматривается все съ тѣмъ же брезгливымъ негодованіемъ. Изъ представителей журналистики только Некрасовъ не прерываетъ съ нимъ сношеній. «Дѣло въ томъ,—пишетъ Боткинъ 20 марта 1865 г.:—что его вонючая лавочка «Современника» дѣлается ему самому гадкою. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не чувствовать ея омерзительность». На дѣлѣ, кажется, было не совсѣмъ такъ, и Некрасовъ являлся къ Боткину съ заднею мыслью, вывѣдывать отъ него, каково настроеніе въ сферахъ, наблюдающихъ за духомъ литературы. Боткинъ самъ признается въ одномъ письмѣ, что близокъ къ этимъ сферамъ, не стыдится даже признаться въ томъ, что пользуется знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, чтобы поддерживать ихъ энергію въ преслѣдованіи «Современника» и «Русскаго Слова» (Письмо отъ 1 февраля 1866 г.). Новый законъ печати, давшій просторъ чисто административнымъ мѣропріятіямъ противъ литературы, былъ встрѣченъ Боткинымъ съ большимъ сочувствіемъ; онъ радуется, что теперь изъ «Современника» «выкурятъ его нигилистическо-коммунистическій духъ» и что «Русское Слово» находится при послѣднемъ издыханіи. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ онъ прямо обвинялъ названные журналы въ прикосновенности къ извѣстному преступленію 4 апрѣля.

Это письмо было писано изъ Баденъ-Бадена, гдѣ жили тогда также Тургеневъ и опальный уже Н. А. Милютинъ. Между прежними друзьями ужъ не было тѣни прежняго единства. «Великій Моголъ», какъ прозвалъ Тургеневъ Боткина, вѣроятно, за непререкаемость его сужденій, видимо раздражалъ своею нетерпимостью Тургенева. Нѣсколько позднѣе Тургеневъ поручалъ Анненкову изъ Баденъ-Бадена подписаться для него на крѣпостническую «Вѣсть», газету, отъ чтенія которой одичалъ щедринскій помѣщикъ. «Нужно знать, что наши враги думаютъ и говорятъ,—замѣчаетъ Тургеневъ и добавляетъ:—Боткинъ, который, я полагаю, любитъ ее («Вѣсть») даже до двѣнадцатиперстной кишки, вѣроятно, похвалитъ меня».

Къ этому же времени относится комическій эпизодъ встрѣчи въ Швейцаріи Боткина съ Герценомъ, передаваемый Ге со словъ Гер-

цена. Боткинъ, подъѣзжая къ Женевѣ на пароходѣ, увидѣлъ на берегу Герцена, испугался, засуетился, схватилъ мѣшки, и, обращаясь къ своей компаньонкѣ - чтицѣ, сталъ бѣгать по палубѣ, повторяя: «Ma chère, ma chère!» А Герценъ стоялъ на пристани и говорилъ; «Василій Петровичъ, стыдно! Василій Петровичъ, стыдно!» Но онъ таки убѣжалъ.

Но порою Боткинъ сознавалъ, какъ видно, свое обрюшенное положеніе и тяготился пустотой своего существованія. «Признаюсь откровенно,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ:—всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе — внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь (въ Петербургѣ) всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость—да я чужой въ нихъ». (10 февраля 1866 г.). Объ этихъ вопросахъ онъ говоритъ, что они необходимы, «какъ насущный хлѣбъ, но не этотъ хлѣбъ питаетъ его душу».

Зиму 1867 г. Боткинъ проводилъ въ Петербургѣ и сошелся особенно съ семействомъ графа А. К. Толстаго. Взгляды послѣдняго—аристократически-консервативные—достаточно понятны по такимъ стихотвореніямъ его, какъ «Потапъ - богатырь» или по повѣсти «Князь Серебряный». Съ Боткинымъ его сблизила сверхъ того симпатія къ искусствамъ. «Надо сказать,—пишетъ Боткинъ:—что домъ Толстыхъ есть единственный домъ въ Петербургѣ, гдѣ поэзія не есть дикое безсмысленное слово, гдѣ можно говорить о ней; и къ удивленію, здѣсь же нашла себѣ пріютъ и хорошая музыка. Правда, здѣсь много занимаются музыкой, но какъ-то странно, по петербургски; на этой почвѣ все принимаетъ отвлеченный характеръ, головной, совершенно односторонній, тенденціозный. Я дорожу искусствомъ за наслажденіе, которое оно мнѣ доставляетъ, а до всего прочаго мнѣ нѣтъ дѣла».

Лѣтомъ 1868 г. Боткинъ въ послѣдній разъ отправился за границу уже полуумирающимъ, скитаясь по лечебнымъ мѣстамъ. Лѣто 1869 г. онъ проводитъ на островѣ Исхіи. Здѣсь онъ прочиталъ между прочимъ «Войну и Миръ» Толстого и «Обрывъ» Гончарова. Первый романъ восхитилъ его, но произведеніе Гончарова онъ называлъ «длинной, многословной расподіей, утомительной до тошноты». Это замѣчаніе до извѣстной степени справедливо, но замѣчательно, что о героѣ романа Райскомъ онъ отзывается такъ: «Райскій есть просто нелѣпость». Въ сущности, Боткинъ быть можетъ узнавалъ себя въ Райскомъ, въ этомъ дилетантѣ сороковыхъ годовъ, безплодно растратившемъ свою жизнь въ эпикурейскомъ отношеніи и къ наукѣ, и къ искусству, и къ жизни.

Осенью Боткина лечилъ въ Ахенѣ его братъ, Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Здѣсь былъ и Анненковъ, читавшій ему какъ-то

одно изъ старыхъ писемъ Бѣлинскаго. В. П. нѣсколько разъ останавливалъ чтеніе, говоря: «Погодите, дайте отдохнуть... это меня ужасно волнуетъ... Господи, какъ интересно!.. Если бы вы знали, какое это было славное время!» Память уже значительно измѣняла ему; онъ говорилъ съ трудомъ и на всѣ вопросы объ этомъ времени отвѣчалъ отрывисто, общими фразами, на иное говорилъ просто, что не помнитъ. «Моя жизнь не удалась,—сознавался онъ въ это время:—мнѣ бы надо быть профессоромъ», и задумывалъ, какъ только нѣсколько оправится, диктовать исторію искусства.

Изъ Ахена Боткина, по его желанію, перевезли въ Петербургъ съ большими предосторожностями. Всѣ сочлененія и въ особенности руки были у него сведены, его переносили съ мѣста на мѣсто на кожѣ съ прикрѣпленными къ ней ручками. Въ Петербургѣ по его распоряженію нанята была великолѣпная квартира, убранная со всевозможною роскошью и комфортомъ. Повара онъ нанялъ изъ кухни Цесаревича и ежедневно самъ просматривалъ обѣденную карту. Онъ опять завелъ у себя великолѣпные квартеты, приглашалъ къ себѣ ежедневно на роскошные обѣды знакомыхъ и, присутствуя на нихъ какъ зритель, настойчиво рекомендовалъ имъ то или другое блюдо, казавшееся ему наиболѣе удачнымъ. «Райскія птицы поютъ у меня на душѣ»—говорилъ онъ предъ концомъ, ребячески услаждаясь всѣмъ этимъ роскошествомъ. Кажется, и окружавшіе его забывали, что имѣютъ дѣло съ умирающимъ.

«За три дня до смерти,—читаемъ въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ», выписку изъ чьего-то частнаго письма:—во вторникъ, онъ какъ бы на прощальный пиръ пригласилъ обѣдать старыхъ друзей своихъ... Самого его принесли на рукахъ и помѣстили на хозяйскомъ мѣстѣ; онъ не владѣлъ руками и печать смерти видимо уже лежала на немъ, но глаза блистали огнемъ полнаго и живаго сознанія. Ѣлъ онъ мало, но съ видимымъ удовольствіемъ. Въ серединѣ обѣда онъ опустилъ голову и легъ ею на свою тарелку, на которую тотчасъ же положили маленькую кожаную подушку; служившіе ему люди уже привыкли къ этимъ внезапнымъ défaillances. А вокругъ него шелъ все тотъ же веселый и живой разговоръ, который такъ любимъ былъ имъ и въ которомъ онъ чувствовалъ необходимость до самыхъ предсмертныхъ своихъ минутъ. Къ дессерту онъ велѣлъ вновь приподнять себѣ голову, съѣлъ какой-то фруктъ, потомъ перенесли его на диванъ, и гости его продолжали вокругъ него смѣяться и болтать. Наканунѣ смерти онъ заказалъ себѣ къ слѣдующему утру квартетъ, и долго обсуждалъ его программу: «музыку надо выбрать пояснѣе, я вѣдь слабъ, сложное утомитъ меня».

Онъ умеръ утромъ въ 7 часовъ, 10 октября 1869 г., такъ не-

замѣтно, что ухаживавшій за нимъ камердинеръ не замѣтилъ агоніи.

Смерть Боткина въ такой обстановкѣ, напоминающей нравы римскихъ патриціевъ, глубоко возмутила между прочимъ Льва Толстаго. «Если правда, что разсказываютъ, это ужасно,—писалъ онъ Фету:—какъ не нашлось между всѣми друзьями ни одного, который бы придалъ этому высочайшему моменту въ жизни тотъ характеръ, который ему подобаетъ!» Въ сущности же смерть Боткина была по своему характеру достойнымъ завершеніемъ его эпикурейскаго міровоззрѣнія. Традиціонное міровоззрѣніе было ему чуждо и такъ называемая смерть христіанина невозможна, но невозможна была и стоическая смерть, въ сознаніи исполненнаго долга какою умеръ! напримѣръ, дѣятель, тоже не изъ первоклассныхъ, извѣстный педагогъ Водовозовъ, скончавшійся съ прекрасными словами: «Что-же, я работалъ!»

Боткинъ погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Покровскаго монастыря.

Онъ оставилъ завѣщаніе, по которому назначилъ 70000 рублей въ пользу различныхъ учрежденій и самъ распредѣлилъ это пожертвованіе слѣд. образомъ: Московскому университету—15000 рубл., изъ нихъ по 5000 рублей—на стипендіи студентамъ филологическаго факультета, на премію каждые 2—3 года за лучшее сочиненіе по классической древности, и въ художественный музей при университетѣ на пріобрѣтеніе художественныхъ произведеній; въ обѣ консерваторіи, Московскую и Петербургскую, по 15000 рублей; въ С.-Петербургское Общество Поощренія Художествъ, на выдачу каждые 2—3 года премій за лучшія картины изъ русскаго жанра или пейзажа—5000 руб.; въ Московское Художественное Общество на тотъ же предметъ—5000 руб.; въ московскій художественно-промышленный музей на пріобрѣтеніе художественно промышленныхъ произведеній—5000 руб.; въ московское мѣщанское училище на воспитаніе двухъ мальчиковъ—5000 руб.; въ училище глухонѣмыхъ—5000 рублей.

Фетъ написалъ на погребеніе В. П. Боткина стихотвореніе, въ которомъ намекаетъ на враждебное отношеніе покойнаго къ тогдашнимъ общественно-литературнымъ вѣяніямъ и на его пожертвованія.

Но въ своихъ пожертвованіяхъ Боткинъ обошелъ литературный фондъ, и это очень обидѣло Тургенева, который писалъ Аннекову: «Смерть Боткина навела на меня философическія разсужденія, которыя я сообщаю вамъ, потому что убѣжденъ, что и вы

таковымъ же предавались. Au bout du fossé la culbute! какъ говорятъ французы, и никто изъ насъ не можетъ знать, когда ему придется кувыркнуться! Давно не исчезало съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью; это былъ своего рода талантъ; но неумолимая судьба не щадитъ и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими и пр. онъ поступалъ хорошо; но наше бѣдное общество осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынкѣ. Не хуже любого прусскаго юнкера или николаевскаго генерала... Литература для него все таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта. Миръ его праху.»

Отзывъ Тургенева вполнѣ справедливъ. Дѣйствительно, именно инстинкты и предубѣжденія, привычки ограничивать свою умственную жизнь одною художественною сферою, отталкивали Боткина отъ теченій, господствовавшихъ въ послѣднюю эпоху его жизни и оставившихъ такой плодотворный слѣдъ въ исторіи русскаго общества. Эта неполнота міровоззрѣнія, отсутствіе связи съ жизнью, окружавшею его, и была причиною того, что всѣ таланты его оказались, не соотвѣтственно размѣрамъ ихъ, безплодны для русскаго общества. И жизнь его—примѣръ, у насъ къ сожалѣнію не рѣдкій, какъ то, что должно бы было двигать жизнь, не только не исполняетъ этого, но ложится бревномъ на дорогѣ ея нормальнаго развитія.

«Письма объ Испаніи» и переписка Боткина, съ которою мы здѣсь имѣли дѣло, достаточно говорятъ, что это былъ человѣкъ не заурядный, и въ спеціальной своей сферѣ проявившій и тонкій критическій тактъ и широту пониманія. Но и въ ней онъ не оставилъ слѣда настолько самостоятельнаго, чтобъ мы имѣли возможность говорить о вліяніи Боткина въ такомъ же смыслѣ, какъ напр. говоримъ о Бѣлинскомъ или Грановскомъ.

Ч. Вѣтринскій.

ПРОМЕТЕЙ.

Какъ звѣря дикаго всклокоченная грива,
Бѣлѣли гребни водъ, шумя у береговъ,
И на крутой утесъ кипящаго залива
Съ безумной яростью несли ряды валовъ.
Огнистой молніи гигантскіе зигзаги,
Какъ будто лентою, обвили небосводъ
И волновалися, какъ вражескіе стяги,
Сѣдые гребни разъяренныхъ водъ,
Когда измученный, обремененъ цѣпями,
Къ утесу дикому великій Прометей,
Прикованнымъ къ скалѣ, былъ осужденъ богами
Томиться и страдать до окончанья дней.
Тяжелымъ молотомъ его Гефестъ покорный
На вѣки приковалъ, но все-жъ роптalъ титанъ,
И местью возмущенъ жестокой и позорной
Съ участіемъ къ нему склонялся Океанъ.
Толпились нимфы водъ вокругъ скалы въ смущеньѣ,
Приплывши для него съ кристальной глубины,
Гдѣ не доходятъ къ нимъ ни бури, ни волненье,
Гдѣ царствуетъ всегда блаженство тишины.
Лишь только коршунъ злой, внимая бури звукамъ,
Какъ духъ и демонъ зла, неотразимъ виталъ
И сердце чуткое къ страданіямъ и мукамъ
Онъ Зевса волею безжалостно терзалъ.
Терзалъ его за то, что силу роковую,
Державшую людей въ тревожной темнотѣ,
Похитилъ у боговъ и эту жизнь земную
Всѣмъ показать хотѣлъ въ небесной красотѣ.
За то, что у небесъ живой огонь познанья,
Огонь, пылавшій тамъ предъ высшимъ алтаремъ,
Назначенный сперва для силы заклинанья
И совмѣстившій все: и молнію, и громъ,
Похитилъ для земли и возвѣстилъ онъ міру
Путь къ истинѣ и, какъ борьбы залогъ,

Прозрѣнье къ прежнему и богу, и кумиру
Толпѣ безсмысленной внушить онъ смѣло могъ.

* * *

Въ минуту-жъ ту, когда изъ облачной божницы
Огонь познанія сошелъ на родъ людской,
Раскрылись передъ нимъ вдругъ новыя страницы,
Разсѣялся туманъ нежданно вѣковой.
И понялъ человѣкъ, что онъ съ богами равенъ
По сущности своей, что будетъ такъ-же онъ
Надъ всѣмъ повелѣвать, могущественъ и славенъ,
Держа въ своихъ рукахъ безтрепетный законъ.
Со свѣтлой искрою все передъ нимъ открылось;
Всѣ тайны прежнія развѣнчанныхъ небесъ,
Все то онъ разрѣшилъ, чѣмъ сердце такъ томилось
И, разорвавъ покровъ молитвенныхъ завѣсъ,
Повсюду онъ проникъ съ тревогою сомнѣнья.
Мерцанье дальнихъ звѣздъ и тайный блескъ свѣтилъ,
Души неясныя и смутныя стремленья
На части человѣкъ пытливый разложилъ.
Мы знаемъ все теперь . . . . . .
. . . . . Промчались надъ землею
Вѣка съ тѣхъ поръ, какъ намъ божественный титанъ
Далъ искру свѣтлую и смѣлою рукою
Путь первый указалъ и разогналъ туманъ.
Прошли съ тѣхъ поръ вѣка, но все какъ въ день ненастья
Надежды прежнія не могутъ разцвѣсти.
И съ пламенемъ боговъ однихъ законовъ счастья
Лишь только, только ихъ не можемъ мы найти.
Глядя съ тоской вокругъ, готовъ спросить въ безсильѣ,
Зачѣмъ-же тонетъ міръ, какъ раненый въ крови?
И если разумъ далъ для смѣлой мысли крылья,
То отчего-же онъ не могъ создать любви?
Зачѣмъ такъ много зла, зачѣмъ такъ много муки,
Зачѣмъ такъ много слезъ и безпросвѣтной лжи?
И слышны почему страданья только звуки,
Великій Прометей, земной титанъ, скажи?
Скажи, не небо-ли, пылая жаждой мщенья,
Давно готовилось родъ смертныхъ поразить
И, давши все познать, въ минуту наслажденья
Безсильемъ наказать и счастія лишить?
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но только волны бьютъ въ сѣдую грудь утеса
Кипящей пѣною нагроможденныхъ водъ,
И звукъ томительный тревожнаго вопроса
Уходитъ сквозь туманъ въ далекій небосводъ,
Гдѣ боги вѣчные въ сіяющей лазури
Съ перистыхъ облаковъ глядятъ на родъ людской
И въ чистой радугѣ давно затихшей бури
Вкушаютъ сладостно божественный покой.

Р. Соловьевъ.

СѢВЕРЦЕВЪ.

(Повѣсть).

I.

Въ Быстринскомъ уѣздѣ есть одно мѣсто, гдѣ сохранилось нѣсколько дворянскихъ устроенныхъ имѣній съ домами, годными для жилья, усадьбами, съ инвентаремъ, съ запашками. Среди этихъ имѣній домъ Козельскихъ представлялъ въ своемъ родѣ центръ, куда считали долгомъ заглядывать интеллигенты уѣзда. Бывшій владѣлецъ Митина, Всеволодъ Игнатьевичъ Козельскій долгое время служилъ безсмѣннымъ предводителемъ уѣзда, отличался радушіемъ и хлѣбосольствомъ, и благодарная память о немъ еще не успѣла развѣяться. Но еще болѣе, чѣмъ благодарность къ покойному, тянула въ Митино мужчинъ и преимущественно молодыхъ, красавица Маріанна Всеволодовна, дѣвушка лѣтъ двадцати восьми во всемъ разцвѣтѣ молодости.

Вдова Козельскаго, Катерина Николаевна, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ со слѣдами былой красоты, потеряла мужа назадъ тому лѣтъ двадцать и осталась въ весьма незавидномъ положеніи. Имѣніе было разстроено чрезмѣрно гостепріимнымъ хозяиномъ и давало незначительный доходъ; наличныя оказались частію въ долгахъ, а между тѣмъ, дѣти подростали, надо было платить въ школы, нужны были деньги на поправку имѣнія. Никогда ранѣе того не входившая въ мелочи жизни, Катерина Николаевна увидала себя вынужденной совершенно перемѣнить привычки, воззрѣнія и самый образъ жизни. Овдовѣла она молодой, красивой женщиной, привыкшей давать тонъ, держаться слегка покровительственно, немножко съ высока; она привыкла холить и нѣжить тѣло, за-

нимать умъ французскимъ романомъ, привыкла стоять далеко отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, но нашла въ себѣ силы сразу забыть все это и стать будто новымъ человѣкомъ. Ея гордое, холодное лицо съ большими темными глазами и прекрасной черной косой измѣнилось до неузнаваемости. Оно приняло выраженіе искательства, угодливости, нѣкоторой жалкой кокетливости. Самый голосъ ея измѣнился, сталъ нѣжнѣе, тоньше, въ немъ слышались жалобныя ноты, а глаза такъ и глядѣли въ самую душу нужнаго ей въ данную минуту человѣка.

Ее теперь постоянно видали у губернатора, предводителей, членовъ крестьянскаго управленія, мировыхъ судей. И вездѣ принимали и выслушивали и торопились помочь, кто изъ жалости къ безпомощной женщинѣ, кто для того, чтобы отвязаться отъ назойливости просительницы. Она пускала въ ходъ слезы, тонкую, но понятную лесть, игру глазъ, чуть замѣтные намеки, почти обѣщанія. Она глядѣла прямо въ глаза, ловила мимолетное выраженіе, не смущаясь гримасой, и шла къ цѣли съ настойчивостью фанатика. Она льстила нужнымъ людямъ, унижалась передъ ихъ женами, искала въ канцеляріяхъ, задабривая самыхъ незначительныхъ писарей; она, казалось, не остановилась бы ни передъ чѣмъ ради достиженія цѣли, не пожалѣла бы чести, стыдливости. Легко-ли ей было самой—неизвѣстно, но выраженіе льстивой угодливости, жалкой ласки запечатлѣлось навсегда на рано поблекнувшемъ прекрасномъ лицѣ. Выраженіе это осталось, хотя въ настоящее время уже нечего было искать, добиваться: имѣніе устроилось, долги давно собраны, два сына и дочь воспитались на казенный счетъ и первые служатъ въ блестящихъ полкахъ. И кромѣ того, неожиданно точно съ неба свалилось наслѣдство отъ умершей бездѣтной сестры.

Маріанна, выйдя изъ института, безотлучно жила при матери. Она напоминала лицомъ мать. Та же правильная красота, тѣ же черные большіе глаза съ матовымъ блескомъ, но ростъ выше, фигура стройнѣе, безъ наклонности къ полнотѣ, а главное, выраженіе лица совершенно иное. Красота Маріанны была жестокая, неумолимая; отъ дѣвушки вѣяло холодомъ, почти презрѣніемъ ко всему, что ни окружало ее.

Двоюродный братъ Козельской, старый кавказскій маіоръ Кириллъ Борисычъ Соминъ, жившій въ небольшой усадьбѣ

въ верстѣ отъ Митина, частенько говаривалъ племянницѣ, не смущаясь ея видимымъ гнѣвомъ:

— А ты, душечка, не гордись, не заносись высоко-то. Дѣвушкѣ приличествуетъ скромность, субординація, невинность, страхъ...

Маріанна вставала и уходила изъ комнаты, а старый маіоръ жевалъ беззубымъ ртомъ и чувствовалъ себя исполнившимъ свой долгъ.

Но это былъ единственный человѣкъ, который не пасовалъ передъ ней. Остальные родственники и знакомые чувствовали къ ней почтеніе, граничащее со страхомъ. Когда она появлялась въ праздники въ городской церкви, куда ѣздила почти каждое воскресенье, не довольствуясь службой въ сельскомъ храмѣ, и становилась впереди всѣхъ у лѣваго клироса, величавая, строгая, красиво крестясь изящной бѣлой рукой и съ достоинствомъ отвѣчая на кадило дьякона легкимъ склоненіемъ головы, окружающая публика проникалась невольнымъ чувствомъ уваженія къ прекрасной особѣ, и дьяконъ съ особеннымъ почтеніемъ выносилъ ей просфору. Послѣ службы знакомые спѣшили подойти къ дѣвушкѣ, всѣхъ встрѣчала она, какъ королева, и всѣ чувствовали себя въ эту минуту ея подданными. Полицейскій бѣжалъ позвать ея экипажъ, предводитель съ любезной улыбкой спѣшилъ подать ей локоть и изогнувшись велъ къ выходу, исправникъ махалъ рукой, давая знаки, чтобы публика разступилась.

А когда королева уѣзжала, знакомые, принявшіе за услуги легкій серьезный поклонъ прекрасной головки, поглядывали другъ на друга и говорили:

— Вѣдь, это, батенька, что? царевна...

— Достоинства-то, гонору!

И всѣ, кромѣ того, соглашались, что она писаная красавица.

Ей уже исполнилось двадцать восемь лѣтъ, а она еще и не думала о замужествѣ, и никто не могъ сказать, чтобы у ней было хоть что-либо похожее на романъ. Предложеній она получила множество; говорили, что кто-то изъ-за несчастной любви къ ней сдѣлалъ попытку къ самоубійству, и довольно счастливо, такъ какъ самоубійство не удалось, а несчастный влюбленный въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе дочери городскаго протопопа и получилъ согласіе;

говорили, что другой влюбленный сошелъ съ ума, что третій съ отчаянія уѣхалъ на англійскомъ пароходѣ описывать сѣверный полюсъ.—Но либо не было „партіи“, либо Маріанна еще не чувствовала потребности обзавестись гнѣздомъ. Во всякомъ случаѣ она уже давно перестала получать предложенія. Она страшила мужчинъ, по ней вздыхали молча, издалека.

И тѣмъ большее было изумленіе общества, когда разнеслась вѣсть, что Маріанна помолвлена за Зуброва.

Настасья Петровна Сомина, жена отставнаго майора, питала къ дѣвушкѣ страхъ, но иногда ненавидѣла ее, насколько это чувство было вообще доступно кроткой ея душѣ. Причина ненависти заключалась въ томъ, что единственная дочь Настасьи Петровны семнадцатилѣтняя Аночка казалась совершенно незамѣтной рядомъ съ великолѣпной кузиной. Аночка, презираемая Маріанной, какъ „ничтожество“, была въ сущности прехорошенькой дѣвушкой-ребенкомъ, небольшаго роста, тоненькой, стройной, съ роскошной темной косой, спускавшейся до поясницы и, казалось, тяготившей миніатюрную головку съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и большими глазами. Несомнѣнно, что Аночка къ тому времени только-только вышла изъ ребячества, но, во всякомъ случаѣ, ея слегка смуглое лицо съ румянцемъ дѣтства и маленькій ростъ, дѣйствительно, терялись около высокой, бросающейся въ глаза фигуры кузины... Аночку просто не замѣчали. Маленькая, пухленькая, всегда чисто, но просто, почти по-мѣщански одѣтая, Настасья Петровна отъ души порадовалась, услыхавъ, что племянница помолвлена. Если Маріанна выйдетъ замужъ, для Аночки очистится поле. Тогда замѣтятъ, какъ хороша и мила ея дочь.

Сватовство же совершилось такимъ образомъ. Разочаровавшись въ своемъ призваніи быть историкомъ, потомъ этнографомъ, затѣмъ политико-экономомъ, Александръ Григорьевичъ Зубровъ въ отчаяніи махнулъ рукой на германскіе университеты, попробовалъ было попытать счастья на парижскихъ бульварахъ, но тотчасъ же понявъ, что Парижъ не для него, направился прямымъ путемъ въ свои Осоки, имѣнье, лежавшее верстахъ въ десяти отъ Митина. Онъ давно понималъ, что душа его, мягкая, нѣжная, жаждетъ не науки, для которой у него нехватало дарованій, огонька, а тихаго семейнаго счастія, любви женщины. Зубровъ рано остался сиротой, мыкался по чужимъ людямъ, привязывался къ нимъ, привязы-

вался къ товарищамъ и очевидно тяготился тѣмъ, что у него нѣтъ того гнѣзда, къ которому онъ могъ бы сносить запасы своей любящей кроткой души.

Познакомившись по пріѣздѣ въ Осоки съ Козельскими и Сомиными, Зубровъ сразу, несмотря на близорукость и поражающую разсѣянность, былъ очарованъ красотой Маріанны. Онъ не думалъ о томъ, можетъ ли понравиться дѣвушкѣ, а пошелъ къ цѣли прямо и въ одинъ прекрасный апрѣльскій вечеръ робко и застѣнчиво сказалъ ей о любви. Сначала дѣвушка, задумчиво сидѣвшая на балконѣ, будто не обратила вниманія на его слова, когда же Зубровъ еще тише и неувѣреннѣе повторилъ свое предложеніе, она повернула голову и пристально поглядѣла на него. Передъ ней стоялъ высокій, худой, слегка сутулый человѣкъ лѣтъ тридцати, съ добродушнымъ некрасивымъ лицомъ, покрытымъ жидкой растительностью, съ прищуренными глазами, съ волосами почти бѣлаго цвѣта и совершенно прямыми. Дѣвушка молча поднялась и медленно прошла въ комнаты. Зубровъ недоумѣвалъ и ужъ конечно не догадывался, что предложеніе его разсердило дѣвушку. Онъ рѣшился обратиться къ Катеринѣ Николаевнѣ. Козельская вся вспыхнула отъ радости, взяла обѣими руками голову Зуброва, наклонила ее къ себѣ, поцѣловала и сказала, роняя двѣ искреннія слезы:

— Отъ имени дочери обѣщаю вамъ полное, полное согласіе.

Это была импровизація довольно рискованная, и Козельская немного страшилась за послѣдующее, но все обошлось благополучно. Часа два Козельская стояла передъ постелью дочери, плакала, цѣловала руки Маріанны, говорила, что чувствуетъ скорую смерть, что она мало обезпечена, что у Зуброва прекрасное имѣніе, намекала на года дочери и добилась, наконецъ, что дочь сказала:

— Ну, пускай приходитъ... Я посмотрю... Только пусть и не думаетъ, что женихъ. Еще права вздумаетъ предъявлять... Я себя ничѣмъ не связываю...

Разумѣется, Катерина Николаевна передала разговоръ въ совершенно иномъ видѣ, и Зубровъ почувствовалъ себя счастливымъ. Онъ не смѣлъ говорить съ Маріанной о любви, но хотѣлъ вѣрить, что холодная невѣста въ душѣ расположена къ нему. Онъ каждый день являлся къ Козельскимъ и

Сомпнымъ и очень подружился съ Аночкой, которая, подмѣтивъ его замѣчательную разсѣянность, безжалостно мучила его, причемъ Зубровъ сносилъ ея шалости добродушно и даже съ удовольствіемъ.

Немного спустя ему разрѣщили цѣловать два раза въ сутки руку невѣсты и онъ исполнялъ это почтительно и робко.

II.

Въ томъ же уголку на высокомъ берегу Оки, гдѣ раскинулись усадьбы Козельской и Сомина, стоитъ окруженный большимъ запущеннымъ садомъ старый полуразвалившійся домъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ послѣ смерти полковника Сѣверцева его сыну Ивану Николаевичу. Гдѣ находился нынѣшній владѣлецъ Высокаго, никто не зналъ. Самъ онъ пріѣзжалъ въ годъ смерти отца изъ Петербурга молодымъ человѣкомъ, студентомъ, но видѣли его одни лишь Сомины. Молодой Сѣверцевъ, какъ было слышно, воспитывался въ столицѣ у богатой тетки генеральши Покатиловой и по ея смерти оказался человѣкомъ съ хорошими средствами. Говорили, что онъ какой-то чудакъ, что ѣздитъ по всему свѣту, ни къ чему не приспособился, не захотѣлъ даже окончить университета. И вотъ, весной того года, когда Зубровъ сдѣлалъ предложеніе Маріаннѣ, разнеслась вѣсть, что Сѣверцевъ пріѣзжаетъ въ Высокое, что онъ намѣренъ поселиться въ уѣздѣ, служить по выборамъ и даже жениться.

Однажды Зубровъ засталъ у Козельскихъ оживленныя пренія на тему ожидаемаго пріѣзда Ивана Николаевича. Даже Маріанна вышла изъ обычнаго ей равнодушно спокойнаго состоянія и съ интересомъ прислушивалась къ разговорамъ. Катерина же Николаевна такъ и впилась въ сидѣвшаго передъ ней отставнаго уланскаго корнета Сеню Кувшинова, который, развалясь въ креслахъ, крутилъ длинный усъ, поглядывая безцвѣтными глазами на дамъ.

— Ну, что же, что же,—волновалась хозяйка.—Знали вы Сѣверцева?..

Обычное состояніе Сени Кувшинова было болѣе или менѣе трезвое. На этотъ разъ онъ находился, повидимому, въ состояніи болѣе трезвомъ, а потому, закрутивъ еще разъ усъ,

слегка ткнулся впередъ корпусомъ, щелкнулъ каблуками и произнесъ:

— Madame... какъ будто зналъ...

Но сейчасъ же всѣмъ стало при этомъ замѣтно, что неосторожное движеніе приводитъ улана въ состояніе менѣе трезвое.

— И гдѣ же, гдѣ?...

— А вотъ, madame... Это было, было... въ 18... году... Эскадронъ стоялъ въ О... рѣш... ковѣ.. Да. Су... дарыня, доложу я вамъ, это... просто удивительно, что за бутончики эти жидовочки... Parole d'honneur... какъ честный офецеръ...

— Ну, ну,—вся трепетала отъ нетерпѣнія Козельская.

— Вахмистръ у насъ былъ, доложу-съ вамъ... А ужъ эскадронный, comprenez vous, насчетъ женщинъ... такая шельма...

— Ахъ, вы все не то,—перебила Катерина Николаевна,—ну, что же Сѣверцевъ?

— Сѣверцевъ?.. а, да... Это кто Сѣверцевъ?

— Да вы же сказали, что знали его.

— Parole d'honneur, нѣтъ... Я думалъ, Свиристѣлкинъ... Это былъ юнкеръ и удивительный, доложу я вамъ, мастеръ щелкать языкомъ... Какъ честный...

— Ахъ, какой вы скучный,—чуть не плача перебила его Козельская, а Маріанна нетерпѣливо вздернула плечами и вышла.

— А я хорошо помню Ивана Николаевича,—воскликнула сидѣвшая въ-сторонѣ Аночка и вся закраснѣлась.

Да, она хорошо помнитъ этого тихаго, задумчиваго юношу, который пріѣзжалъ давно, давно къ нимъ. Ей было тогда лѣтъ шесть-семь, но въ ея памяти сохранился образъ этого человѣка съ большими, грустными и добрыми глазами и ясной улыбкой, которая такъ краспла его. Онъ любилъ ходить къ старому полковнику и играть съ дѣвочкой въ кубики, изъ которыхъ они строили такія чудесныя башни. Аночка и сейчасъ убѣждена, что башни занимали ихъ обоихъ въ равной степени.

— Да вѣдь это, должно быть, Ваня Сѣверцевъ,—сказалъ, наконецъ, Зубровъ, щуря свои близорукіе глаза.—Я теперь припоминаю. Мы съ нимъ въ прошломъ году встрѣтились въ Петербургѣ. Онъ тогда говорилъ, что у него здѣсь

земля. Ну, да, да, конечно это онъ. Какъ это я могъ забыть?..

Зубровъ страшно взволновался и съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда Сѣверцова. Онъ припомнилъ теперь незабвенный для него образъ того существа, которому отдалъ нѣкогда всю любовь своего дѣтскаго сердца, котораго такъ страстно поджидалъ бывало по праздникамъ, о которомъ мечталъ даже во снѣ. Судьба будто смѣялась надъ Зубровымъ, отнимая у него всѣхъ, къ кому онъ привязывался. Умеръ его отецъ, когда ему было лѣтъ пять, умеръ старшій братъ, замѣнившій его. Въ гимназіи лучшіе его товарищи или умирали, или переходили въ другія школы, и, наконецъ Ваня Сѣверцевъ, тотъ, кого онъ полюбилъ страстно, слѣпо, уѣхалъ, исчезъ куда-то. Много лѣтъ спустя Зубровъ опять встрѣтился съ нимъ ненадолго и опять очаровался имъ.

Нѣсколько дней послѣ разсказа Сени Кувшинова о Сѣверцевѣ, во дворъ дома Зуброва въѣхалъ тарантасъ и на балконъ дома входилъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, средняго роста, худощавый, обросшій красивой окладистой бородой съ блѣднымъ изящнымъ лицемъ, съ задумчивыми сѣрыми глазами, въ которыхъ таилось что-то нѣжное, ласковое и будто немного загадочное.

— Саша, милый, не узналъ?—говоритъ гость, и Зубровъ сразу почувствовалъ, что въ душѣ его всплываютъ тѣ чувства далекаго прошлаго, которыя, казалось, погребены подъ тяжестью лѣтъ. Передъ нимъ опять стоитъ этотъ обаятельно сердечный человѣкъ, который завладѣлъ когда-то имъ вполнѣ.

— Развѣ тебя можно забыть,—воскликнулъ Зубровъ, обнимая Сѣверцева.—Кто тебя разъ узнаетъ, тотъ не забудетъ...

Сѣверцевъ не противорѣчилъ этимъ словамъ. Онъ зналъ это свойство своей натуры и только смущался тѣмъ, что не знаетъ, чѣмъ отплатить за симпатіи, которыми его вездѣ дарили, куда бы онъ ни появлялся.

Онъ росъ заброшеннымъ ребенкомъ въ домѣ отца Николая Степановича Сѣверцева. Ни для кого не составляло тайны, что отставной полковникъ былъ деспотъ и тиранъ семьи и что его молодая, тихая, кроткая жена скончалась преждевременно, обезсиленная не столько болѣзнями, сколько нравственными страданіями.

Высокій, сухой, съ тщательно выбритыми щеками, съ

маленькими недобрыми глазами, полковникъ дѣлалъ на всѣхъ впечатлѣніе близкое къ страху. Послѣ смерти жены онъ замкнулся въ усадьбѣ и зажилъ той жизнью, которую уже раньше намѣтилъ себѣ.

Сердце шестилѣтняго Вани трепетало, волнуемое тремя преобладающими чувствами. Первымъ чувствомъ была страстная, ноющая любовь къ чему-то чистому и прекрасному. что носило въ душѣ его имя мамы. Уже подростая, уже сознавъ, что никогда не вернется то дорогое существо, которое умѣло любить и ласкать, Ваня не въ силахъ бывалъ сдержать порывовъ тоскующаго сердца и часто, особенно проснувшись ночью, или въ печальныя сумерки зимняго вечера, когда такъ рано начинало темнѣть, а въ домѣ томительно долго не зажигали огня, протягивалъ куда-то впередъ, вдаль слабыя руки и, чувствуя, что въ груди все болитъ, что сердце тоскуетъ, проситъ ласки, любви, шепталъ голосомъ, полнымъ печали:

— Мама, мама, гдѣ ты?..

Но словъ этихъ никто не слыхалъ, а если и слышалъ, то не обращалъ на нихъ вниманія.

Другимъ чувствомъ Вани было желаніе отцовской любви, но это чувство смѣшивалось съ паническимъ ужасомъ передъ холоднымъ, черствымъ старикомъ. Хотя въ сознаніи мальчика и осталось воспоминаніе о слезахъ матери, вызванныхъ отцомъ, о томъ страхѣ, которымъ бывалъ проникнутъ въ иныя минуты весь домъ и особенно она, забившаяся въ отдаленную, полутемную каморку и держащая на рукахъ плачущаго мальчика; хотя порой и подымалось въ сердцѣ Вани что-то смутное, похожее на гнѣвъ противъ отца за слезы матери, — но теперь, когда уже спитъ вѣчнымъ сномъ мама, онъ страстно мечтаетъ, что вотъ-вотъ все перемѣнится, и старикъ, гладко причесанный, со злыми глазами на худощавомъ бритомъ лицѣ, подойдетъ и поцѣлуетъ мальчика и приласкаетъ его. И тогда все сразу перемѣнится и будетъ такъ хорошо, какъ невозможно и придумать.

Но тщетны были ожиданія ребенка. Все по прежнему не замѣчалъ сына высокій сухой старикъ, проходя по унылымъ, мрачнымъ комнатамъ стараго дома, который болѣе и болѣе наполнялся запахомъ плѣсени, принималъ видъ руины...

И, наконецъ, третьимъ чувствомъ, которымъ проникался мальчикъ, были ужасъ и отвращеніе къ тому непонятному,

еще не сознанному, но уже чуемому, что творилось въ домѣ. Это чувство появилось еще при жизни матери. Временами пріѣзжали какія-то женщины, иногда одѣтыя нарядно, иногда по мѣщански, и наполняли отдаленныя комнаты дома хихиканьемъ, дурачествомъ, чѣмъ-то безстыднымъ, что безсознательно тревожило мальчика. Въ тѣ дни не только мать, но и сама Глафира Гордѣевна, главный предметъ ужаса и отвращенія матери, хмурилась и вздыхала и чувствовала себя не хорошо. Но эти незнакомыя женщины исчезали также быстро, какъ и появлялись, и Ваня забывалъ бы о нихъ и о тревожномъ чувствѣ, вызываемомъ ими, если-бы не та же Глафира Гордѣевна, высокая, полная женщина съ черными волосами, съ энергичнымъ и красивымъ лицомъ. Ея присутствіе въ домѣ, свободное до дерзости обращеніе съ хозяевами питало въ ребенкѣ ужасъ и тоску. Не сознавая того, что творится въ домѣ, Ваня инстинктомъ угадывалъ мракъ.

III.

А когда увезли мать и зарыли въ холодную землю, когда чаще стали появляться въ уныломъ со скрипучими полами домѣ непзвѣстныя женщины; когда Глафира Гордѣевна стала несомнѣнной хозяйкой дома,—тогда сердце ребенка наполнилось страхомъ передъ всѣми, кто ни наполнялъ дома. Ваня боялся отца, боялся Глафиры, боялся незнакомыхъ женщинъ, хотя послѣднія не только не обижали мальчика, но даже ласкали его, а иныя изъ крестьянокъ „жалѣли“.

Въ долгія осеннія и зимнія сумерки, когда мрачныя, унылыя комнаты казались особенно печальными, мальчику представлялось, что тоска находитъ сверху на него и давитъ, гнететъ его. И ему становилось тяжело до отчаянія, и улыбка, смѣхъ перестали появляться на дѣтскомъ лицѣ.

Маятникъ старинныхъ часовъ мѣрно отбивалъ свой тактъ; подъ сгнившимъ поломъ скреблись мыши; вылъ вѣтеръ и бился въ трубахъ, морозъ заплеталъ узоры на зеленыхъ пузырчатыхъ стеклахъ оконъ, и все говорило о смерти, о тоскѣ. Ваня сидѣлъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу комнаты, и никто не замѣчалъ его, никому не было до него дѣла...

Временами отецъ начиналъ выказывать тревогу; она смѣнялась унынiемъ и переходила потомъ въ необузданный гнѣвъ.

Черезъ комнаты летѣли стулья, посуда; всѣ въ домѣ чувствовали себя виновными въ чемъ-то и прятались, примолкали. Старый полковникъ кричалъ, лѣзъ драться, и тогда только одна Глафира имѣла смѣлость подходить къ нему. Затѣмъ старикъ погружался на нѣсколько дней въ пьянство, и въ это-то время появлялись въ домѣ неизвѣстныя женщины. Если-бы Глафира Гордѣевна противилась послѣднему, то рисковала бы сильно. Старикъ свирѣпѣлъ, грозилъ ножомъ, хватался за ружье. Но какъ только появлялись женщины, онъ усмирялся, впадалъ въ разслабленіе, и тогда начиналось нѣчто до того безобразное, что сама Глафира не выдерживала и уходила въ людскую, куда уводила и Ваню. Но Глафиры Ваня боялся больше всего. Она никогда не ударила его, не прикрикнула на него, она помнила о томъ, чтобы накормить его, одѣть, а впослѣдствіе наняла дьячка обучать мальчика грамотѣ, но изъ красивыхъ глазъ женщины на Ваню вѣяло чѣмъ-то до того холоднымъ, жесткимъ, что ребенокъ притихалъ, когда чувствовалъ на себѣ ея взглядъ. Однажды, когда Ваня долго плакалъ въ своей кроваткѣ и не хотѣлъ заснуть, не смотря на уговоръ Дуняши, дубоватой и недалекой дѣвушки, приставленной къ нему, проходившая мимо Глафира на минуту остановилась, поглядѣла и пошла дальше, проворчавъ сквозь зубы:

— У, волченокъ, видно въ него пошелъ...

И столько было ненависти въ тонѣ ея голоса, что ребенокъ весь похолодѣлъ и съежился въ своей неуютной и неопрятной постелькѣ...

Ванѣ было восемь лѣтъ, когда совершилась перемѣна въ его судьбѣ. Къ старому полковнику заѣхала, при возвращеніи изъ Крыма въ Петербургъ, сестра его, вдовая генеральша Покатилова. Проживъ въ Высокомъ два дня, она уѣхала и увезла съ собой мальчика, который съ тѣхъ поръ уже не навѣщалъ отца вплоть до годовъ студенчества. Отецъ, повидимому, забылъ о немъ, не писалъ ему, не справлялся о немъ у сестры.

Никто не прощался съ мальчикомъ при его отъѣздѣ, никто не заплакалъ, кромѣ дурковатой Дуняши, но ребенокъ трепеталъ, и сердце его болѣло.

Тогда старый домъ сталъ дряхлѣть все болѣе и болѣе, какъ будто молодость, олицетворявшаяся Ваней, унесла изъ него послѣднія жизненныя силы. Все могучѣе разрастался

густой садъ и плотнѣе, тѣснѣе охватывалъ дряхлыя стѣны. Заросли бурьяномъ, лопушникомъ, молодыми побѣгами березы, липы, тополя нѣкогда расчищенныя дорожки, наклонились подъ тяжестью вѣтвей яблони, сирени, и акаціи густымъ строемъ преграждали доступъ къ стѣнамъ. Въ высокихъ, пушистыхъ вязахъ свободно заплели гнѣзда грачи и вороны, темныя липы тѣсно въ рядъ сомкнулись плечомъ, а промежутки между аллеями заняли одинокіе тополи, и разбросался повсюду, раскинулся въ буйной свободѣ репейникъ, лопушникъ, побѣги дикаго плюща, шиповникъ, боярышникъ. Какъ будто людская жизнь остановилась въ непробудномъ снѣ въ стѣнахъ покривившагося, дряхлаго дома, а вѣчно молодая природа, шагнувъ черезъ обезсилѣвшаго врага, человѣка, спокойно и равнодушно работала свою неустанную работу.

Года неслись надъ старой руиной, и все гуще разростался огромный садъ. Деревья закрыли всѣ службы, взбѣжали на стѣны полуразвалившихся каменныхъ погребовъ, амбаровъ, на ступени балкона. Разошлись почти всѣ люди, и только неизмѣнная Глафира да старый кучеръ Савелій одни стерегли уже недалекую смерть хозяина. А старый полковникъ все боролся со смертью и по прежнему держался прямо, не сгибая слабѣющаго стана. По прежнему пускался онъ изрѣдка въ отвратительный запой, но уже не свирѣпѣлъ, какъ раньше, а слезливо молилъ Глафиру о ласкѣ. Но постарѣвшая и суровая Глафира молча, угрюмо укладывала въ постель обезсилившаго старика и иногда наказывала его, плачущаго и хныкающаго, тяжелыми ударами сильной руки и заставляла умолкать и засыпать...

Года бѣжали и садъ заполонилъ усадьбу, заглушивъ все, что ни носило слѣда человѣческой работы. Теперь проѣзжій съ трудомъ могъ различить сквозь гущи разросшихся деревьевъ верхушки крышъ строеній и заросшую травой дорогу къ обрушившимся воротамъ. До слуха его доходило старческое хрипѣнье двухъ собакъ, едва волочившихъ ноги, глазъ различалъ бѣлаго, сгорбленнаго старика Савелія, который, едва передвигая ноги, выходилъ на скамейку передъ домомъ, чтобы понѣжить на солнцѣ усталое тѣло. Зато въ майскія свѣтлыя ночи отъ зари до зари заливался, пѣлъ соловей и пышно цвѣли сирени, наполняя окрестность ароматами.

Года бѣжали. Садъ все росъ, закрывая отъ взоровъ людскихъ догоравшее существованіе старика, какъ бы стыдясь за него, какъ бы прикрывая тайной послѣдніе нерадостные дни позорно проведенной жизни...

IV.

Покатилова увезла Ваню въ Петербургъ, окружила его гувернантками, учителями, одѣвала его по послѣдней модѣ, заботилась о его здоровьѣ, манерахъ, приличіи, но не дала ему того тепла, котораго жаждалъ мальчикъ. Тетка по своему любила его; она дошла до того, что нерѣдко вставала ночью, шла въ комнатку Вани и тревожно прислушивалась, хорошъ ли у ребенка сонъ, нѣтъ ли въ головкѣ жара, но за всѣмъ тѣмъ на Ваню вѣяло холодомъ отъ этой высокой, сухощавой, чопорно, чисто одѣтой во все черное старухи, которая цѣлыми днями сидѣла въ креслахъ у окна, то съ работой, то съ книгой въ рукахъ и, кажется, ни разу за все время пребыванія у ней племянника не улыбнулась. Холодомъ вѣяло отъ высокихъ стѣнъ богатаго дома, отъ мебели, чинно разставленной по стѣнамъ, отъ зеркальнаго паркета, на которомъ нельзя было бы найти ни соринки, отъ прислуги, беззвучно проходившей по покоямъ, отъ вѣчнаго молчанія этой будто уснувшей обители. Часами не слышно было ни звука человѣческой рѣчи, только маятникъ часовъ да рабочій крючекъ въ искусныхъ рукахъ старухи нарушаютъ безмолвіе. Гувернантки строги и молчаливы, учителя вполголоса преподаютъ урокъ. И самъ мальчикъ, примѣняясь къ торжественной тишинѣ, научился ходить безшумно и говорить чуть слышно.

Ваню не отдавали въ школу, а готовили прямо въ высшее учебное заведеніе. Но, чтобы мальчику было съ кѣмъ поиграть, его стали возить по праздникамъ въ домъ бывшаго сослуживца покойнаго генерала, Сухонова, гдѣ росъ сирота мальчикъ Саша Зубровъ. Но старшіе напрасно думали, что дѣти играютъ. Они проводили цѣлые дни у окна, глядя на что-то странное, что виднѣлось вдали поверхъ желѣза и камней домовъ. Тамъ въ этой манящей, зовущей дали стояли вѣчные туманы, а сквозь нихъ вырисовывались очертанія синяго лѣса. Тамъ былъ воздухъ, просторъ, что-то такое, о чемъ и Ваня и Саша уже успѣли забыть, проживая и лѣто, и зиму въ

мертвящихъ камняхъ большаго города. И сердца бились у дѣтей непонятной тревогой и тоска по чемъ-то прекрасномъ, что называется природой, но чего они постичь не могли, охватывала ихъ. Смутныя воспоминанія о поляхъ и лѣсахъ, о жаворонкѣ въ небѣ, о жужжащей пчелѣ, о воздухѣ, пахнущемъ ароматами цвѣтовъ, перемѣшивались съ представленіями неукротимой фантазіи Вани, и въ разговорахъ дѣтей являлось что-то непонятное, но прекрасное въ той чистотѣ и тоскѣ, которой полны были ихъ грезы.

Саша Зубровъ былъ года на полтора старше своего пріятеля, но совершенно подчинился ему. Онъ, вообще, охотно и любовно подчинялся товарищамъ и былъ почему-то прозванъ въ гимназіи Мумрой. Надъ нимъ смѣялись, но добродушно и никогда не обижали. Но больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ друзей, Зубровъ полюбилъ своего новаго друга Ваню Сѣверцева и страшно тосковалъ, когда онъ не приходилъ почему либо въ праздничный день.

Года пробѣжали незамѣтно и тихо; Зубровъ перешелъ въ университетъ, куда вскорѣ поступилъ и Сѣверцевъ, а дружба между ними не уменьшалась. По прежнему сходились они, или у Зуброва, жившаго теперь на частной квартирѣ, или въ домѣ Покатиловой и строили несбыточные планы путешествій по свѣту. Зубровъ старался увлечься наукой; Сѣверцевъ о ней не думалъ, а все мечталъ уйти туда, „гдѣ хорошо“. Онъ не могъ опредѣлить, гдѣ же хорошо и что дурно здѣсь, но его томилъ городъ, и мысль рвалась въ тѣ туманы отдаленія, къ которымъ приглядывался онъ нѣкогда изъ окна высокой квартиры Сухонова.

Робкое почтеніе, къ которому привыкъ Сѣверцевъ въ отношеніи тетки, не позволяло ему дѣлать попытокъ распорядиться самостоятельно собой. Онъ жилъ какъ въ монастырѣ подъ постояннымъ надзоромъ гувернера, лишенный права уйти куда-нибудь безъ разрѣшенія тетки. Ему дозволялось посѣщать театры, концерты, но всегда въ сопровожденіи гувернера. Что такое настоящая жизнь, Сѣверцевъ не зналъ и не пытался узнать. Его фантазія создавала ему особую жизнь, полную красоты и нѣги, а дѣйствительность скрыта была заботливой рукой усыновившей его женщины. И вдругъ, все рушилось. Передъ переходомъ на второй курсъ Сѣверцевъ потерялъ тетку, которая, однако, позаботилась сдѣлать его сво-

имъ наслѣдникомъ. Впечатлѣніе отъ этой смерти было ужасно для оспротѣвшаго Сѣверцева. Онъ ходилъ, какъ лишенный разсудка, не могъ ни спать, ни ѣсть и только благодаря своей молодости и заботамъ Зуброва перенесъ эту потерю.

Теперь онъ былъ свободенъ, могъ распорядиться собой по усмотрѣнію, но такъ велико было вліяніе воспитанія тетки, что онъ даже не подумалъ о свободѣ и это лѣто провелъ по прежнему въ городѣ, въ скромныхъ посѣщеніяхъ приличныхъ мѣстъ и людей. За то наступившія осень и зима поразили его чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, чего онъ не могъ и представить себѣ до того времени. Благодаря завязавшимся знакомствамъ, онъ сталъ понемногу проникать за ту таинственную завѣсу, которая отдѣляла до сихъ поръ его отъ реальной жизни, а заглянувъ однажды, онъ уже не въ силахъ былъ опять вернуться къ созданному имъ фантастичному міру. Онъ пробрался въ вертепы разврата, опустился въ бездны нищеты и совершенно упалъ духомъ. Знакомясь все болѣе и болѣе съ фактами паденія человѣка, онъ омрачилъ свою душу, и жизнь разъ навсегда представилась ему однимъ сплошнымъ мракомъ, безвыходной подземной тюрьмой. Наука, искусство, все потеряло свою цѣну. Сѣверцевъ бросился сыпать деньгами, чтобы уничтожить видимую нищету и развратъ по необходимости, но деньги оказались у него въ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ по завѣщанію онъ вступалъ въ полное распоряженіе наслѣдствомъ лишь по достиженіи двадцати пяти лѣтъ. Была минута такой душевной тяжести, что онъ сдѣлалъ попытку отравиться, и лишь предусмотрительность простодушнаго Зуброва спасла его отъ смерти. Мало по малу впечатлѣнія отъ реальной жизни улеглись; голова стала работать спокойнѣе, но апатія надолго охватила его. Полное выздоровленіе явилось уже на третьемъ курсѣ. Сѣверцевъ поддался дѣйствительности, понялъ, что жить все таки надо, а послѣ новаго года былъ неожиданно вызванъ отцомъ въ Высокое.

V.

Старикъ писалъ видимо ослабѣвшей рукой своему „любезному и непочтительному сыну“, что онъ, „мальчишка забылъ сыновнія обязанности“ и проводитъ жизнь въ „прохладахъ столицы“, а объ отцѣ и думать забылъ.

Сѣверцевъ почувствовалъ давно неиспытанное волненіе. Въ сердцѣ всколыхнулось все то, что, казалось, давно замерло, забылось. Ему страшно было ѣхать туда, гдѣ прошли первые томительные дни его жизни. Тамъ въ этомъ родномъ уголкѣ, казалось ему, стоитъ вѣчный полумракъ, неизмѣнная гнетущая тоска.

Однако, отказаться отъ приглашенія престарѣлаго отца представлялось невозможнымъ, и спустя нѣсколько дней Иванъ Николаевичъ уже входилъ черезъ покривившіяся сѣни въ полутемную прихожую, а оттуда въ унылыя комнаты со скрипучими полами, гдѣ огромныя щели служили выходомъ для полчищей мышей, съ обоями, отставшими отъ стѣнъ и висѣвшими, какъ надутые паруса. Онъ повернулъ въ коррндоръ и заглянулъ въ „дѣвичью“, гдѣ жила Глафира Гордѣевна, но комната оказалась пустой. Тогда, повинуясь внезапно родившемуся чувству, онъ, никѣмъ не замѣченный, прошелъ дальше по корридору, миновалъ „гардеробную“, нежилую комнату, съ давнихъ временъ полную всякой ветошью, провіантомъ, какими-то старыми книгами съ пожелтѣвшими листами, паутиной, вязанкой дровъ, и вступилъ въ тотъ завѣтный уголокъ, куда въ былое время пряталась Сѣверцева съ своимъ мальчикомъ, спасаясь отъ бѣшеныхъ выходокъ мужа. И едва прибывшій переступилъ порогъ этой маленькой комнатки, наполненной тяжелыми кованымп сундуками, какъ что-то поднялось съ самой глубины его души, что-то будто схватило за горло. Почти безсознательно упалъ онъ на колѣни, припалъ къ сундуку, на которомъ, бывало, ютились они съ матерью, и шепталъ въ рыданіяхъ: „мама, мама“. Все, что успѣло, повидимому, изгладиться изъ памяти, улетѣть вмѣстѣ съ годами, все вернулось назадъ, и будто вчера только переживались тяжелыя ощущенія нерадостныхъ дней дѣтства. И чудилось пришельцу, что на мгновеніе все исчезло изъ глазъ его, разступились стѣны дома, и онъ гдѣ-то далеко, далеко, и чья-то нѣжная, милая рука легла на его голову, и кто-то говоритъ ему, какъ въ далекіе дни дѣтства:

— Мой мальчикъ, мое дитя.

Онъ сѣлъ на кованый сундукъ и задумался. Свѣтъ морознаго яснаго дня едва проходилъ въ маленькое оконце съ желѣзнымъ переплетомъ. Кругомъ стояла полная тишина. Сколько прошло времени, минута ли, часъ ли,—Сѣверцевъ

не помнилъ. Онъ забылъ настоящее, уносясь душой въ давно минувшіе дни. Но вотъ, изъ синѣющей дали торжественно и чудно, какъ призывъ къ прощенію и любви, донесся величавый ударъ вечерняго колокола. Медленно поплыла по чистому морозному воздуху мѣдная волна звука и замерла, затихла. И, вслѣдъ за ней, наплыла, нашла другая и еще не затихла, какъ нахлынула новая, и удары колокола полились и наполнили воздухъ торжественнымъ звукомъ.

Тогда будто чей голосъ проникъ въ душу Сѣверцева, будто научилъ его. Вся злоба противъ отца за поруганную жизнь матери, за его собственное тоскливое дѣтство утихла, успокоилась. То непріязненное чувство, съ которымъ онъ ѣхалъ сюда, разошлось, и онъ поднялся съ облегченнымъ сердцемъ и, будто чувствуя около себя присутствіе дорогой матери, улыбнулся радостный, умиротворенный. Безъ недавняго страха и безъ отвращенія прошелъ онъ опять въ „дѣвичью“, ожидая встрѣтить Глафиру, но тамъ на старыхъ отрепанныхъ креслахъ съ торчащими наружу пружинами сидѣла грязная, засаленная до нельзя женщина съ красными слезящимися глазами, съ оплывшимъ лицомъ. При входѣ Сѣверцева, женщина встала и тупо уставилась на него посоловѣлыми, очевидно, нетрезвыми глазами.

— Кого надо-ть? — спросила она, вглядываясь въ гостя.

Въ свою очередь и Зубровъ вглядывался въ женщину, стараясь припомнить черты ея лица и, наконецъ, воскликнулъ вмѣсто отвѣта:

— Дуняша, ты ли это?..

Дуняша подошла ближе и, вдругъ, припала къ его плечу и залилась слезами.

— Ваничка, голубчикъ ты мой, дитятко ненаглядное...

Она до такой степени разошлась въ слезахъ и причитаніяхъ, наполовину искреннихъ и наполовину пьяныхъ, что Иванъ Николаевичъ принужденъ былъ, наконецъ, отстранить ее отъ себя, тѣмъ болѣе, что запахъ перегорѣлой водки, шедшій отъ нея, вызывалъ въ немъ тошноту. Но Дуняша не могла успокоиться сразу и для подкрѣпленія тотчасъ же выпила рюмку спиртнаго.

— Вотъ, я, Ваничка, какъ больна стала, — продолжала она,—ужъ такъ-то больна, нездорова, что и сказать невозможно. Дунь на меня—пропаду. Просто дитя малое, неповинное.

— Послушай, Дуняша,—прервалъ Сѣверцевъ,—что отецъ, какъ?

— Папашечка-то твой? голубчикъ-то нашъ сизокрыленькій?.. Охъ, и плохъ онъ сталъ, Ваничка, плохъ... Ужъ и ноженьки не ходятъ.

— Вотъ что, Дуняша, мнѣ бы Глафиру повидать.

Дуняша даже отскочила и вытаращила на него оловянные глаза.

— Какую те Глафиру?

— Ну, Глафиру Гордѣевну.

— Да ты окстись, непутевый! — въ испугѣ замахала руками Дуняша,—да она, чай, еще въ Петровки преставилась.

Тогда въ свою очередь изумился Сѣверцевъ. Онъ почему-то никакъ не ожидалъ этого и больше всего боялся встрѣчи съ Глафирой. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось для него, что Глафира скончалась внезапно и передъ смертью кляла все на свѣтѣ, а больше всего себя за то, что „загубила жизнь съ проклятымъ старикомъ“ и не умѣла перевести имѣніе на себя. Она призывала изъ деревни Кондратія, красиваго, рослаго мужика, просила у него въ чемъ-то прощенія, проспла не поминать ее лихомъ. Скончалась она въ страшныхъ мученіяхъ и все кляла „постылый домъ“, весь родъ Сѣверцевыхъ и даже неповиннаго передъ ней Ивана Николаевича.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Гость послалъ Дуняшу къ отцу узнать, приметъ-ли онъ его. Минуты черезъ двѣ Дуняша вернулась уже совершенно пьяная и, какъ-то безнадежно махнувъ рукой, проговорила:

— Пожалуйте.

Молодой Сѣверцевъ быстро прошелъ двѣ нетопленныя комнаты и, отворивъ послѣднюю дверь, очутился въ спальной отца, большой комнатѣ устланной войлокомъ, жарко натопленной и наполненной запахомъ травъ, спиртнаго и табаку. Дуняша вошла вслѣдъ за нимъ и остановилась у стѣны, вся пригорюнившись и нерѣдко всхлипывая и сморкаясь въ грязный фартухъ.

Старикъ сидѣлъ въ креслахъ, обложенный подушками; его ноги лежали на стулѣ и были обернуты въ теплое ватошное одѣяло. Когда-то злые маленькіе глазки потухли и глядѣли какъ стекляные, все лицо съежилось и обросло

острымъ полусѣдымъ волосомъ. Старикъ долго глядѣлъ въ сторону двери, но сынъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что взглядъ отца устремленъ на стѣну. Ему стало жутко.

— Батюшка,—тихо проговорилъ онъ, сдѣлавъ шагъ впередъ.—Вы меня вызвали, я пріѣхалъ.

Изъ глубины кресла послышалось сначала какое-то клокотанье, потомъ хрипѣнье и, наконецъ, сиплый, еле слышный голосъ произнесъ:

— Не... вижу.

— Стань, голубчикъ, передъ глазками-то его золотыми, ста-а-ань,—пропѣла Дуняша и залилась пьяными слезами.

Сѣверцевъ подался вправо, влѣво и, наконецъ, поймалъ на себѣ взглядъ старика.

— Вотъ, я, батюшка,—прошепталъ онъ, смущаясь все болѣе и болѣе и чувствуя, что робѣетъ подъ взглядомъ стеклянныхъ, будто мертвыхъ глазъ.

— Пріѣхалъ?.. меррзавецъ... — прохрипѣлъ старикъ, — думаешь, скоро помру?.. врреш, тебя переживу.

И потомъ, забывая сказанное, добавилъ уже слезливымъ голосомъ:

— Ваня, одинъ ты у меня остался... Сирота я, сынъ мой единый, сирота...

Въ эту минуту Дуняша, уже не будучи въ силахъ сдержать чувствъ, заревѣла, схвативъ животъ руками и нагнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ. Старикъ захрипѣлъ, заплевался...

— Дура, погань проклятая!... — крикнулъ онъ сипло и, уставшій, задохнувшійся, добавилъ шопотомъ:—микстурки!..

Дуняша бросилась къ шкафу, достала оттуда графинъ водки, чайную чашку и, наливъ ее, подала старику. Полковникъ взялъ дрожащими, до ужаса худыми пальцами и медленно маленькими глотками выпилъ содержимое; потомъ крякнулъ и, не закусывая, только потянулъ носомъ изъ чашки. Онъ, видимо, успокоился, подкрѣпился.

Полились безсвязныя жалобы на судьбу. Вспоминался польскій походъ, кутежи въ полку, неблагодарность и черствость жены, произносились проклятія сестрѣ, „вѣдьмѣ“ Покатиловой, которая „вообразила, что носъ можетъ задирать, потому что генеральша“. Рѣчь прерывалась ради подкрѣпленія „микстурой“ и опять шла безцѣльная, безсвязная и отвратительная своей хрипящей безсильной злобой. Потомъ старикъ

опять перешелъ въ слезливый тонъ, вспоминалъ про какую-то „Настечку, кошечку бѣленькую Настюшечку“, и плакалъ, и рыдалъ. А сынъ съ ужасомъ вслушивался въ безсвязную рѣчь.

VI.

Потянулись дни похожіе одинъ на другой, разнообразившіеся лишь поѣздками къ Сомнымъ, гдѣ Иванъ Николаевичъ находилъ удовольствіе играть въ пикетъ съ хозяиномъ и еще большее слушать разговоръ шестилѣтней съ плутоватыми глазками Аночки.

Сѣверцевъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что отецъ какъ будто привязался къ нему, хотя и ругалъ его, особенно за то, что онъ не хотѣлъ пить съ нимъ и говорить про столичные вертепы. Старикъ пилъ съ утра до ночи и почти ничего не ѣлъ. Его мысли поражали сына крайнимъ цинизмомъ, чудовищнымъ въ умирающемъ человѣкѣ. Иногда сыну казалось, что онъ попалъ въ душное, мрачное подземелье, полное гадовъ и призраковъ. Хотѣлось бѣжать изъ этого дома, вырваться на свѣжій воздухъ, забыть про все, что страшило и мучило въ родномъ гнѣздѣ, и Сѣверцевъ уже постановилъ было уѣхать въ началѣ поста, но на масляницѣ все круто измѣнилось.

Въ понедѣльникъ старикъ не перешелъ съ кровати въ кресло. Его голосъ сталъ еще болѣе хриплымъ, лицо побагровѣло; онъ усиливался откашлянуть, но только сипѣлъ, и злоба душила его вмѣстѣ съ кашлемъ. Было мгновеніе, когда сынъ думалъ, что старикъ уже умираетъ, но больной приподнялся и еле слышно проговорилъ, съ ненавистью глядя на растерявшуюся Дуняшу:

— Дура... микстурки...

Онъ выпилъ водки и сталъ дышать свободнѣе, а къ вечеру уже опять заговорилъ и вспоминалъ о „душечкѣ Настенькѣ“. Такъ прошла недѣля. Больной не вставалъ съ постели и видимо слабѣлъ. Пріѣзжавшій нѣсколько разъ по вызову Ивана Николаевича врачъ прописывалъ какія-то средства, которыхъ больной не хотѣлъ принимать, но не скрывалъ, что надежды онъ, врачъ, не имѣетъ. Въ воскресенье къ вечеру Иванъ Николаевичъ ушелъ въ комнату съ сундуками, куда взялъ привычку уходить каждый разъ, когда ему становилось особенно нехорошо на душѣ. Онъ сидѣлъ, ничего не

думая, ни о чемъ не вспоминая. Ему всегда казалось, что въ этой низенькой полутемной комнаткѣ-кладовой вѣетъ надъ нимъ что-то бѣлое, чистое и прекрасное, что должно быть матерью, которая свѣтлымъ ангеломъ прилетаетъ сюда успокоить и ободрить сына.

Сквозь низкое, рѣшетчатое оконце до слуха сидѣвшаго донесся издалека мѣрный ударъ колокола; звонили къ вечернѣ уныло, по великопостному. Сѣверцевъ перекрестился и въ ту же минуту почувствовалъ, что въ сердцѣ его будто что оборвалось. Въ душу проникъ страхъ, ему казалось, что онъ опоздалъ, что свершилось что-то невѣдомое, но страшное. Торопливо вскочилъ онъ и пошелъ къ комнатѣ отца, но въ залѣ попалась на встрѣчу перепуганная Дуняша.

— Никакъ кончается, — всхлипывая проговорила она и побѣжала дальше.

Сѣверцевъ вошелъ въ спальную и сталъ у постели, прислушиваясь къ дыханію больного. Старикъ лежалъ навзничь, закрывъ глаза, и дышалъ чуть слышно съ легкимъ хрипомъ. Сквозь окна душной комнаты, то усиливаясь, то слабѣя, доходили рѣдкіе, будто зовущіе, будто молящіе удары колокола.

Прошло нѣсколько минутъ. Больной открылъ глаза, взглянулъ удивленнымъ взоромъ налѣво, направо и, прохрипѣвъ: „микстурки“, опять закрылъ вѣки. Вернувшаяся Дуняша бросилась къ шкафу и, наливъ дрожащими руками водки, поднесла къ устамъ умирающаго. Старикъ поднялъ вѣки, взглянулъ, кося глазами, на рюмку, потомъ какъ-то особенно грустно на Дуняшу, и прошепталъ:

— Не надо... будетъ...—и впалъ въ забытье.

Стало темнѣть. Изъ прихожей дошелъ звукъ шаговъ; это прибылъ приглашенный священникъ. Умирающій опять открылъ глаза и что-то прошепталъ. Сѣверцевъ нагнулся къ нему.

— За маму... прости... забудь...—послышался шопотъ, и слова эти были для сына такъ неожиданны и показались ему такъ трогательны, что слезы навернулись на глаза. А старикъ опять будто дремалъ.

Больному дали глухую исповѣдь.

Ночь опустилась мрачная, черная. Въ комнатѣ тускло горѣла свѣча; передъ образомъ зажгли давно забытую лампаду.

Около полуночи умирающій началъ хрипѣть, не открывая

глазъ, не давая другихъ признаковъ жизни. Хрипѣніе тянулось безустанно, безъ перерывовъ, однообразное и страшное, подавляющее душу. Хотѣлось, чтобы скорѣе наступилъ конецъ, чтобы смерть прекратила этотъ страшный звукъ, но онъ продолжался. Пробило полночь, а умирающій все хрипѣлъ Сѣверцевъ, наконецъ, не выдержалъ и ушелъ въ другую комнату, но и тамъ ему все слышалось хрипѣніе больнаго. Тогда Сѣверцевъ взялъ свѣчу и ушелъ въ свою комнату-кладовую, чтобы хоть немного, хоть на минуту отдохнуть отъ истомившаго его душу ужаснаго, подавляющаго хрипѣнія. Онъ сѣлъ на сундукъ, прислонился къ другому, стоявшему поверхъ, и мгновенно уснулъ.

Проснулся онъ изломанный, разбитый и съ ужасомъ замѣтилъ, что уже начинается день. Сквозь тусклое стекло пробивались первые слабо-лиловые лучи утренняго свѣта. Свѣча почти совсѣмъ догорѣла. Сѣверцевъ спѣшно пошелъ къ комнатѣ отца. Тамъ сидѣла въ креслахъ Дуняша и сладко спала. Около нея стоялъ на подоконникѣ пустой графинъ и недопитая рюмка, а старикъ лежалъ навзничь на кровати, и открытые глаза глядѣли стекляннымъ таинственнымъ взглядомъ...

Схоронивъ отца, Сѣверцевъ тотчасъ же собрался въ дорогу. Ему не хотѣлось оставаться ни дня въ печальномъ, уныломъ домѣ, полномъ тяжелыхъ воспоминаній. Но ѣхать въ Петербургъ въ университетъ не хотѣлось. Тянуло вдаль, за зубья синѣющаго лѣса; хотѣлось простора, воли; хотѣлось дышать всей грудью, хотѣлось летѣть дальше, все дальше. Чувство свободы, жажда впечатлѣній охватила его съ страшной силой. Онъ выѣхалъ изъ Высокаго и въ тотъ же день мчался на поѣздѣ на югъ.

VII.

Онъ сидѣлъ противъ Зуброва и вглядывался въ черты дорогаго ему лица. Передъ нимъ былъ все тотъ же, почти неизмѣнившійся Саша, длинный, съ руками доходящими до колѣнъ, со впалой грудью, неловкій, неуклюжій, смѣшно щурящій близорукіе глаза. Этотъ человѣкъ, казалось, говорилъ своимъ видомъ: „берите, весь вашъ“. Сѣверцевъ припоминалъ себѣ, сколько разъ этотъ смѣшной Саша Зубровъ не спалъ ночей, ухаживая за нимъ во время болѣзней, какъ охотно

бѣжалъ по первому его намеку хоть на край города, чтобы исполнить какое нибудь порученіе.

Только одинъ разъ въ жизни Зубровъ вышелъ изъ себя, разсвирѣпѣлъ до пѣны у рта, до желанія подраться, и это было тогда, когда кто-то изъ товарищей позволилъ себѣ отозваться о Сѣверцевѣ съ насмѣшкой, какъ о баричѣ бѣлоручкѣ, о кисейномъ созданіи. А какъ онъ удивлялся способностямъ своего друга, какъ преклонялся передъ его умомъ.

— Сѣверцевъ—это восходящая звѣзда,—любилъ повторять онъ въ кружкахъ, причемъ таинственно подымалъ кверху палецъ. И какъ огорчало его равнодушіе Сѣверцева къ наукѣ; какъ журилъ онъ его, стыдилъ; какое страданіе слышалось при этомъ въ его голосѣ.

— Ахъ, ты милый мой Мумрикъ!—въ порывѣ нахлынувшихъ воспоминаній воскликнулъ Сѣверцевъ и еще разъ обнялъ товарища.

— Ну, что, — продолжалъ онъ, оглянувшись на книжные шкафы,—продолжаешь увлекаться науками? Пишешь?

Зубровъ грустно махнулъ рукой.

— Нѣтъ, братъ, кишка что-ли тонка... Я, впрочемъ, вотъ, гляди, какую штуку выписалъ... Это, братъ, рѣдкость; это, братъ, не у всякаго ученаго найдешь... а?.. Хочу немножко проштудировать...

Онъ указалъ на какой-то фоліантъ.

— Дѣло недурное,—равнодушно отвѣтилъ Сѣверцевъ.

— Ну, а ты скоро подаришь насъ чѣмъ-нибудь, эдакъ, вродѣ изысканія какого нибудь, а?

Сѣверцевъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, не скоро.

— Послушай, Ваня, вѣдь эдакъ же нельзя. Ты что это время дѣлалъ? По университетамъ ходилъ?

— И не заглядывалъ.

Зубровъ взволнованно и размахивая правой рукой заходилъ по комнатѣ.

— Ни на что не похоже. Такія дарованія и плевать на нихъ. Понимаешь ли ты, Россія вправѣ ожидать...

— Пущай ждетъ.

— Э! Ты все шутишь, а тутъ не до шутокъ. Эдакая эта наша славянская лѣнь!..

— Не волнуйся, голубчикъ. Я знаю, ты меня давно произ-

велъ въ геніи, но что же мнѣ дѣлать, если ни геніальности, ни охоты къ ней у меня не имѣется. Полно, пожалуйста, я самый заурядный и самый негодный ни къ чему человѣкъ...

Зубровъ сердито махнулъ на него рукой, какъ будто говоря: „Ну, пошелъ свое“, и добавилъ вслухъ:

— Сюда-то ты какъ вздумалъ пріѣхать?

— А не знаю,—задумчиво отвѣтилъ Сѣверцевъ, потирая привычнымъ жестомъ высокій, далеко закинутый назадъ лобъ,— не знаю, зачѣмъ и надолго ли. Я ѣздилъ по цѣлому свѣту и все меня тянуло дальше и дальше. Вспомнилось, вдругъ, что есть родина и есть свой уголъ. И подумалъ я, что, быть можетъ, найду въ родныхъ мѣстахъ тишину и покой. Если бы нашелъ, я поселился бы здѣсь навсегда.

Зубровъ пришелъ въ восхищеніе отъ послѣдней мысли Сѣверцева. Конечно, ему, Сѣверцеву, надо жить въ родномъ гнѣздѣ. Онъ познакомится съ сосѣдями, увидитъ, что за чудное существо его Маріанна, а тамъ, авось, и самъ женится, и будутъ они жить счастливые и любящіе. Зубровъ не зналъ теперь, къ кому онъ больше привязанъ, къ Маріаннѣ, или къ Сѣверцеву.

А черезъ нѣсколько дней, когда Иванъ Николаевичъ уже познакомился съ сосѣдями, Зубровъ восторженно спрашивалъ у Козельскихъ и Соминыхъ:

— Ну, что, каковъ на вашъ взглядъ Иванъ Николаевичъ, а?..

На что Катерина Николаевна отвѣчала:

— Очень, очень милый молодой человѣкъ.

А старикъ Сминъ добавлялъ:

— Молодъ еще, неустановился, а ничего. Подростетъ, выравняется, прокъ будетъ...

Настасья Петровна не говорила ничего, но втайнѣ молилась усердно, не пошлетъ ли судьба Аночкѣ счастія. Женихъ во всемъ казался подходящимъ. Что думали о Сѣверцевѣ Маріанна съ Аночкой, того Зубровъ не узналъ, но Маріанна замѣчала за собой что-то странное. Уже въ третье посѣщеніе ихъ дома Иваномъ Николаевичемъ, она съ удивленіемъ спрашивала себя, отчего она съ этимъ человѣкомъ не та холодная, свысока глядящая на каждаго красавица, какой всегда была. Его, Сѣверцева, она не могла встрѣчать безъ ласковой, странной у нея улыбки, безъ привѣтливости радушной хо-

зяйки. А между тѣмъ, этотъ изящный, немного задумчивый, немного печальный человѣкъ, повидимому, и не думалъ преклоняться передъ ней, какъ другіе. Онъ былъ привѣтливъ, вѣжливъ, но ничего исключительнаго не проявлялъ. И Маріанна не обижалась на его равнодушіе.

Однажды она шла съ нимъ по темной аллеѣ старыхъ черныхъ липъ. Аллея сразу кончалась глубокимъ обрывомъ и открывала видъ на широкую гладь Оки, за которой тянулись безконечные луга, испещренные озерами и купами лѣсовъ. Мѣстахъ въ двухъ на горизонтѣ сверкали бѣлыя церкви; коегдѣ можно было различить сѣрыя деревушки. По рѣкѣ бѣжали пароходы и медленно ползли барки.

— Сядемте,—сказала Маріанна, подходя къ скамейкѣ у самаго обрыва.

Они сѣли и замолчали, любуясь открывшейся панорамой.

— Васъ, я думаю, не удивишь этой картиной, — сказала дѣвушка.

— Да,—отвѣтилъ Сѣверцевъ,—я видалъ картины и лучше, но иногда мнѣ кажется, что нѣтъ милѣе этихъ родныхъ картинъ.

— Вы патріотъ, видно?

Онъ задумался.

— Не знаю. Не знаю даже, есть ли патріотизмъ, не воображеніе ли онъ. Сейчасъ я люблю эти широкія глади, а потомъ подумаешь, что это лишь настроеніе, самообманъ.

— А непосредственное чувство?

— Да вѣдь и чувства-то вещь условная. Хочешь чувствовать такъ, а не иначе, и чувствуешь. Я, впрочемъ, за слова свои не стою.

Маріанна посмотрѣла на него искоса. Онъ сидѣлъ, будто забывъ про нее, задумчивый, съ какой-то мучительной мыслью, отражавшейся на красивомъ, изящныхъ линій лицѣ. И дѣвушку опять удивило, что вотъ, этотъ человѣкъ, очевидно, почти не замѣчаетъ ея, а она думаетъ о немъ и не только не обижена, но, во что бы то ни стало, хочетъ поддержать съ нимъ разговоръ. И она, дѣйствительно, спросила:

— Иванъ Николаичъ, можно задать вамъ вопросъ?..

Онъ оторвался отъ мыслей и взглянулъ на нее съ обычной привѣтливой улыбкой.

— Пожалуйста.

— Вы сказали, что чувства условны. Но вы любили ли когда нибудь?

Онъ задумался на мгновеніе.

— Кажется, любилъ.

— И... васъ любили?

— Кажется.

— Вамъ все только кажется. Если бы любили, то не говорили бы такъ.

— Нѣтъ, я любилъ. Я думаю, что любилъ.

Онъ помолчалъ, устремивъ глаза въ синѣющую даль горизонта, и потомъ продолжалъ, будто для себя, будто забывъ про сосѣдку:

— Это было давно и подъ болѣе жаркимъ небомъ. Я былъ тогда моложе, отзывчивѣе. Мы встрѣтились на праздникѣ и опьянѣли отъ музыки, аромата цвѣтовъ и красоты южнаго, ночнаго неба. Мы шли съ вечера одной дорогой, и луна обливала насъ своимъ свѣтомъ. И какъ-то случилось такъ, что рука моя протянулась и встрѣтила ея руку. Это было невольно, безъ уговору. И также невольно мы поцѣловали другъ друга...

— А дальше встрѣчались?

— Да. И намъ обоимъ казалось, что мы любимъ другъ друга.

— Ну?

— Потомъ она уѣхала ненадолго. А я...

— А вы что?

— А я подумалъ: какъ странно — ея нѣтъ, а я ѣмъ, сплю, веселъ. Я живу, какъ жилъ, а мнѣ казалось, что сама жизнь должна была остановиться безъ нея. И я подумалъ, что, пожалуй, ошибся, что любви у меня нѣтъ.

— Какъ же вы убѣдились?

— Я не убѣдился; я уѣхалъ.

— Боже мой! И не встрѣчались болѣе?

— Нѣтъ. Уже лѣтъ пять я не видалъ ея.

— Но это жестоко съ вашей стороны.

— Не знаю. Мнѣ кажется, что она была бы несчастна со мной тогда. Это было время, когда я особенно тосковалъ и не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Я мыкался по свѣту; сердце болѣло. Я сожалѣю объ одномъ, что встрѣтился съ нею, что полюбилъ. Знаете, вы мнѣ ужасно напомнили ее.

Маріанна вся вспыхнула и взглянула на него, но Сѣвер-

цевъ уже задумался, глядя на ширь прекрасной рѣки. На аллеѣ послышались шаги и голоса. Подошли Зубровъ и Аночка.

— Послушайте,—заливаясь смѣхомъ, говорила Аночка,—я спрашиваю Александра Григорьевича, далеко ли до Оки, а онъ говоритъ—десять верстъ. Это онъ думаетъ, что до Оки въ его Осокахъ.

Зубровъ добродушно смѣялся, садясь на другую скамью и съ восхищеніемъ глядя на невѣсту и Сѣверцева.

— Еще одинъ вопросъ, Иванъ Николаевичъ,—продолжала Маріанна, не обращая вниманія на прибывшихъ,—она хороша собой?

— Очень. Красота строгая, царственная. Она похожа на васъ, если позволите откровенность.

Онъ взглянулъ на нее съ виноватой улыбкой и добавилъ:

— Что это я все о себѣ?... Перемѣнимъ разговоръ.

Онъ началъ, оживившись, веселую болтовню, а Зубровъ думалъ, что и это шло къ его пріятелю.

VIII.

— Кирилушка, — сказала Настасья Петровна, входя къ мужу, который въ военномъ кителѣ безъ погонъ сидѣлъ за газетой,—Кирилушка, чтой-то Аночка у насъ будто нездорова.

Кириллъ Борисовичъ озабоченно поглядѣлъ на свою маленькую супругу.

— Что же бы это могло быть?—тревожно спросилъ онъ, тревожно поднявъ очки на лобъ.—Не скушала ли чего-нибудь?

— Нѣтъ. Ужъ я и сама думала, да нѣтъ.

— А ты, мамаша, слушала, какъ она спитъ?

— Слушала, Кирилушка, слушала. Все будто мечется...

Старый маіоръ медленно приподнялся, отворилъ шкафъ, порылся тамъ и вытащилъ домашній лечебникъ 44-го года, испещренный по полямъ замѣтками. Перелиставъ нѣсколько страницъ, Кириллъ Борисовичъ прочиталъ вполголоса, что было нужно, и успокоился.

— Давай ты, мамаша, Аночкѣ настоя крыжовника. Пускай дѣвочка пьетъ на ночь. Пройдетъ.

Настасья Петровна успокоилась тоже.

Когда вечеромъ того же дня Аночка вошла къ отцу, чтобы по обычаю поцѣловать передъ сномъ его руку и подставить го-

ловку подъ благословеніе, старикъ пристально поглядѣлъ на нее поверхъ очковъ, откинулъ темный локонъ съ ея виска и приподнялъ хорошенькую, слегка поблѣднѣвшую головку дѣвушки.

— А ты, видно, хвораешь? озабоченно спросилъ онъ съ нѣжностью, пробивавшеюся наружу сквозь напускную суровость.

Отецъ рѣдко ласкалъ Аночку, справедливо полагая, что нужно внушать дисциплину, но Аночка не вѣрила въ его суровость. На этотъ разъ пристальный взглядъ заставилъ дѣвушку покраснѣть, и она смущенно спрятала головку на груди отца. Кириллъ Борисовичъ чувствовалъ, что дисциплина колеблется, но не имѣлъ силъ поддержать ее и, гладя русую головку, довѣрчиво прижавшуюся къ нему, спрашивалъ голосомъ, невольно становившимся мягкимъ:

— Ну, что же такое съ моей дѣвочкой?..

Но Аночкѣ нечего было отвѣчать; ей хотѣлось плакать, а почему—она и сама не знала.

Аночка сидѣла въ ту ночь въ своей чистой, бѣдно убранной комнаткѣ и съ непонятнымъ для нея чувствомъ глядѣла сквозь отворенное окно въ садъ, полный аромата и свѣжести майской ночи. Цвѣла сирень и пѣлъ соловей. По чистому небу скользила луна; на западѣ догорала зорька, а на другомъ краѣ неба уже готовился народиться молодой, ясный день.

Аночка знаетъ эти волшебныя ночи весны. Всегда онѣ уносили дѣвушку въ міръ неясныхъ грезъ, но никогда не томили сердца такой непонятной болью. Глядя на кущи облитыя цвѣтомъ яблонь и вишень, на сирень, будто дышащую во снѣ, на темную зелень лужка, Аночка всегда представляла себѣ, что ея тѣло становится легкимъ, какъ облачко, что она отдѣляется отъ земли и летитъ въ пространствѣ, вся въ цвѣтахъ и блескѣ луны. Гдѣ-то далеко внизу поетъ соловей, цвѣты улыбаются ей сквозь дремоту. Очнется на минуту, сознаетъ, что сидитъ у окна, что небо надъ ней высоко, но снова глаза покрылись будто дымкой, не видать ничего и она опять въ синевѣ небесъ, подъ непонятнымъ взглядомъ мѣсяца.

И часто засыпала она, опершись на подоконникъ, и звуки колокола, ударяющаго къ утрени, будили ее. Тогда она почти въ забытьи сбрасывала съ ногъ туфли, ложилась въ свою чи-

стую постель и сладко засыпала, прежде чѣмъ голова касалась подушки.

Но теперь все будто иначе. Аночка уже не уносится въ манящую высь неба, а цвѣты не говорятъ ей ничего. Тихая боль сосетъ сердце, хочется плакать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жаль разстаться съ этой болью...

Короткая лѣтняя ночь убѣгаетъ; сорвался откуда-то и прошелъ легкій вѣтеръ; щебечутъ воробьи; за садомъ подымается съ пѣсней жаворонокъ. Изъ села дошелъ первый ударъ колокола. Скрипнула дверь и въ комнату заглянуло озабоченное и добродушное лицо Настасьи Петровны.

— Аночка, ты это что же не спишь, голубчикъ?

Дѣвушка хотѣла отвѣтить, но слова не шли съ языка и она съ плачемъ кинулась на грудь матери. Аночка не умѣла объяснить, о чемъ ея слезы; онѣ лились безпричинно, и отъ нихъ на сердцѣ становилось томительно и сладко.

И мать, и дочь долго сидѣли при окнѣ, одна—волнуемая неясными грезами, другая—унесшись уже ослабѣвшей мечтой въ давно минувшіе дни любви и молодости...

Зубровъ все больше и больше чувствовалъ, что на душѣ у него скопляется тревога. Онъ не зналъ, откуда рождается это чувство, но предвидѣніе горя, уже будто носящагося вокругъ, тяготило его. Онъ шелъ къ Козельскимъ, чтобы развѣять печаль, но именно тамъ тоска всего болѣе томила его.

Однажды онъ сидѣлъ у Сѣверцова. Хозяинъ тоже казался грустнымъ, озабоченнымъ.

— Что-то тяжело на сердцѣ,—проговорилъ Зубровъ.

Сѣверцевъ оторвался отъ своихъ мыслей и вздохнулъ.

— Ужасно тяжело,—отвѣтилъ онъ и добавилъ: —надо ѣхать.

— Куда, зачѣмъ?!

— Куда—не знаю, и зачѣмъ—не знаю. Но ѣхать надо. Здѣсь тяжело, душно... Какая-то тревога.

— А посмотри, какъ кругомъ хорошо.

— Да, все хорошо, все прекрасно, а сердце болитъ. И такъ всегда со мной. Отовсюду я бѣжалъ и теперь бѣгу. Зачѣмъ зло: болѣзни, смерть, нищета? Если ты знаешь, успокой.

Въ его голосѣ звучала тоска.

— И что хуже всего,—продолжалъ Сѣверцевъ,—это то, что и самъ я вношу зло. Я хотѣлъ бы любить весь міръ, а сколько слезъ уже вызвалъ. Почему такъ,—не знаю. Видно

мало любить, надо умѣть любить, надо силъ душевныхъ, а ихъ у меня нѣтъ... Вѣришь ли, давно, давно, еще юношей я сталъ искать истины, той лучезарной чудесной правды, при которой ночь становится днемъ, съ которой ничто не страшитъ, ничто не смутитъ, которая свѣтомъ солнца озаряетъ душу, разрѣшаетъ сомнѣнія, дѣлаетъ жизнь вѣчной весной, печали обращаетъ въ радости, смѣется надъ смертью... Знаешь ли ты, гдѣ она, укажи мнѣ ее...

Зубровъ не зналъ и молчалъ смущенно.

— Да, продолжалъ съ тоскою въ голосѣ Сѣверцевъ,—тамъ, гдѣ неравенство, гдѣ человѣкъ принижаетъ человѣка, гдѣ голодный съ завистью глядитъ, какъ сытый наслаждается жизнью, тамъ, гдѣ тревога необезпеченнаго существованія, гдѣ опасеніе за завтрашній день, тамъ нечего искать правды, а безъ нея, безъ этой чудной правды, я не хочу, не могу жить. Господи! и силъ-то нѣтъ ничему помочь, и не знаешь, что дѣлать, какъ поступить... Твоя невѣста удивилась и возмутилась, когда я разсказалъ ей, что убѣжалъ отъ любимой женщины. Это было жестоко, но, вѣришь ли, я и любить не смѣю. Я все думаю, что тамъ, далеко, далеко, за той линіей, гдѣ небо сошлось съ землей, тамъ правда, тамъ истина, тамъ примиреніе съ жизнью, тамъ возможность ѣсть и пить, дышать и любить безъ угрызеній совѣсти... Тамъ истина, Богъ. И мнѣ хочется вѣрить, что я найду пути къ ней... Но только, Боже, какъ тяжело быть безсильнымъ.

Онъ замолчалъ и задумался.

— А можетъ быть, вотъ что надо,—съ трудомъ припоминая слышанное, сказалъ Зубровъ,—отдать... то есть, все отдать людямъ, ну, словомъ...

Лицо Сѣверцева озарилось улыбкой и глаза загорѣлись свѣтомъ.

— Другъ,—тихо промолвилъ онъ,—я уже... почти ничего не имѣю.

Зубровъ хотѣлъ крикнуть: „какъ, вѣдь ты же богатъ!“ но почему-то не могъ произнести этихъ словъ и молчалъ.

— А иногда хочется личнаго счастья, хочется забыть все на свѣтѣ и любить,—проговорилъ Сѣверцевъ,—пусть ночь, пусть мракъ и ненастье, у меня тепло, и свѣтло, и уютно. Что мнѣ до жизни, до людей! У меня свѣтло и тепло, я хочу любить, хочу счастья...

— Голубчикъ,—отвѣтилъ Зубровъ,—такъ и надо разсуждать. Къ чему безплодныя мечтанья, порывы... Человѣкъ имѣетъ право на счастье и ищетъ его...

— Да,—задумчиво продолжалъ Сѣверцевъ,—пускай ненастье, пускай бредутъ подъ бурями, вихрями въ стужу голодные и иззябшіе,—у меня здѣсь тепло и свѣтло, и отчего мнѣ не наслаждаться этимъ? Я никого не обидѣлъ, я не отнялъ ничего и ни у кого. Отчего же бы не брать радостей жизни?

— Голубчикъ, поживи здѣсь, приглядись къ жизни, увидишь, что надо жить и любить, не мучая себя несбыточнымъ.

Сѣверцевъ откинулся на спинку кресла и весело поглядѣлъ на гостя.

— Да,—уже другимъ тономъ сказалъ онъ,—на свѣтѣ много хорошаго. Вотъ хоть-бы здѣсь, экая прелесть барышни... Козельская, Сомина. Ты это хорошо постигъ, злодѣй.

Зубровъ обрадовался веселому тону друга, но упоминаніе о Козельской больно задѣло его сердце.

IX.

Нѣсколько дней спустя онъ печально сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, тускло освѣщенномъ одинокой свѣчей. Александръ Григорьевичъ начиналъ понимать причину непонятной до сихъ поръ тоски, которая все сильнѣе и сильнѣе захватывала его. Да, сомнѣній нѣтъ, Маріанна не только не любитъ его, она чуждается его, она почти враждебна ему. И за что, за что?—думалось ему,—я ли не люблю ее, я ли не отдалъ ей всего сердца?

Мѣсяцъ тихо скользилъ сквозь густую листву зелени; деревья дремали пышно разросшимися вѣтвями; въ глубинѣ сада было темно и мрачно.

— Господи,—думалъ Зубровъ,—ни въ чемъ мнѣ нѣтъ и не было счастья. Съ самаго дѣтства уходятъ отъ меня близкіе люди; кого я любилъ, каждый покидалъ меня. И теперь сердце также, какъ двадцать лѣтъ назадъ, жаждетъ ласки и также нѣтъ ея.

Онъ закрылъ окно и потушилъ свѣчу. Холодъ началъ охватывать его; тѣло просило отдыха. Зубровъ раздѣлся и легъ въ постель. Мысли его начали мѣшаться, пронеслись какія-то

давно забытыя картины, воспоминанія прошлаго, перемѣшанныя съ настоящимъ. Сонъ смежалъ отяжелѣвшія вѣки. И вдругъ, будто что толкнуло Зуброва. Онъ вскочилъ съ кровати и сѣлъ испуганный, дрожащій, покрытый холоднымъ потомъ, близкій къ отчаянію. Страшная мысль налетѣла откуда-то на дремлющій мозгъ и поразила, ужаснула.

— Неужели, неужели?—шепталъ Александръ Григорьевичъ горячими губами и въ припадкѣ отчаянія схватился за голову и рвалъ волосы и чувствовалъ, что все зданіе его личнаго счастья валится въ бездну и нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды. Онъ начиналъ перебирать воспоминанія, старался разбить налетѣвшую мысль, доказать себѣ, что она ошибочна, что предположеніе его не имѣетъ реальной почвы, что это бредъ больного воображенія, но все было напрасно. Изъ самой глубины сердца подымались иныя мысли, и предположеніе становилось подкрѣпленнымъ, и горе охватывало Зуброва.

— Если такъ,—шепталъ онъ,—то все пропало. Тогда надежды нѣтъ... А это такъ, такъ... И онъ бросился лицомъ въ подушку и зарыдалъ отчаянно, тяжело...

Уже день совсѣмъ осилилъ ночную тьму и солнце радостно и торжественно подымалось изъ-за легкой утренней тучки, когда онъ заснулъ, наконецъ, разбитый, уничтоженный. Онъ проснулся только къ полудню и тотчасъ же вспомнилъ все, что терзало его въ теченіе ночи. Онъ надѣялся, что день принесетъ успокоеніе, что при свѣтѣ солнца сердце подскажетъ иное, но съ ужасомъ замѣтилъ, что отрады и успокоенія нѣтъ.

Наскоро напившись чаю, онъ торопливо вышелъ изъ дома и пошелъ пѣшкомъ къ усадьбѣ Козельскихъ. Но чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ все сильнѣе чувствовалъ, что мужество покидаетъ его. И такъ, сейчасъ долженъ разрѣшиться мучительный вопросъ. Сейчасъ Зубровъ удостовѣрится, миражъ или нѣтъ его робкая надежда на долю личнаго счастья, на любовь. Но ноги не шли, сердце ужасалось предстоящаго испытанія. Зубровъ машинально свернулъ въ сторону и, зайдя въ березовую рощу, присѣлъ у корня дерева и просидѣлъ почти до самаго вечера безъ мыслей въ головѣ, безъ ощущеній, съ тупой мертвящей тоской. Солнце уже близилось къ закату. Зубровъ вскочилъ вдругъ на ноги.

— Надо кончать, надо рѣшить,—шепталъ онъ, подбадри-

вая себя, и зашагалъ къ усадьбѣ Козельскихъ. Но передъ самымъ домомъ мужество опять покинуло его; онъ не рѣшился войти въ комнаты и, свернувъ за уголъ, прошелъ черезъ дверцы въ садъ и побрелъ медленно къ обрыву боковой дорожкой. И вдругъ, остановился какъ вкопанный. Въ двухъ шагахъ отъ него за гущей кустовъ послышался голосъ Маріанны. Зубровъ притаилъ дыханіе и со звѣриной осторожностью, которой и не подозрѣвалъ въ себѣ, подкрался еще ближе и, раздвинувъ неслышно вѣтви, слушалъ и смотрѣлъ. На лавкѣ сидѣли Маріанна и Аночка, а нѣсколько въ сторонѣ на травѣ — Сѣверцевъ. Маріанна такъ и впилась черными глазами въ Сѣверцева, и ея взглядъ все сказалъ Зуброву. Только любовь умѣетъ такъ глядѣть. Да, Зубровъ не сомнѣвался уже въ этомъ, дѣвушка полюбила, а Сѣверцевъ не выпуститъ ея изъ своей власти.

Сидѣвшіе молчали нѣсколько мгновеній.

— Знаете,—проговорилъ Иванъ Николаевичъ,—мнѣ часто приходитъ на этомъ мѣстѣ желаніе кинуться туда, внизъ, въ эту пропасть. Мнѣ представляется, что я все-бы летѣлъ, вѣчно-бы летѣлъ. Духъ бы замеръ, сердце перестало-бы биться.

— И выкупались-бы въ концѣ концовъ, — замѣтила Маріанна.

Сѣверцевъ весело разсмѣялся.

— Что правда, то правда.

— А вы ужасно вѣрно подмѣтили,—сказала Аночка,—это чувство и я часто испытываю. Ужасно хочется броситься внизъ.

— Нѣтъ, вотъ что мнѣ часто думается,— продолжалъ Сѣверцевъ послѣ минутнаго молчанія, будто забывъ про собесѣдницъ,—мнѣ представляется, что гдѣ-то далеко, далеко, за лѣсомъ, тамъ, гдѣ небо опустилось на землю и куда никто никогда не доходилъ, есть озеро чистое и глубокое. И тамъ надъ озеромъ стоитъ лѣсъ старый и прекрасный, и деревья глядятъ въ свѣтлыя воды и что-то думаютъ, и что-то говорятъ. У нихъ есть тайна и эту тайну они хранятъ и не хотятъ сказать ея никому. И только волна чистая и свѣтлая набѣгаетъ иногда на берегъ и знаетъ тайну и шепчетъ о ней. А меня влечетъ и манитъ туда; оттуда зоветъ иногда серебряный колоколъ, и я слышу его и тоскую. И если-бы я дошелъ туда, то понялъ-бы, въ чемъ тайна, и узналъ-бы, что такое радость и счастье...

Онъ замолчалъ и задумался.

— Я что-то не могу понять вашихъ мечтаній,—замѣтила Маріанна.

— И въ правду я уже черезчуръ въ поэзію вдался, да притомъ и не умно,—съ веселой улыбкой отвѣтилъ Сѣверцевъ и прибавилъ:—однако, Катерина Николаевна, я думаю, ждетъ меня не дождется съ шахматами, иду на свой постъ. До свиданія...

X.

Онъ пошелъ къ дому лѣнивой походкой, а Маріанна, не отрываясь, глядѣла ему вслѣдъ горячимъ взоромъ. Потомъ неожиданно закрыла лицо руками и заплакала.

— Марочка, что ты?—изумленно проговорила Аночка, дотрогиваясь до руки кузины.

— Оставь, что тебѣ до того,—пересиливая слезы, сказала Маріанна.—Тебѣ-ли понять меня?

— Я пойму, Марочка, я все пойму...

Маріанна встала, гордая и холодная.

— Иди своей дорогой, и радуйся своими мелкими радостями. Оставь насъ, дѣвочка.

Она хотѣла идти, но въ эту минуту изъ-за куста выступилъ блѣдный, весь дрожащій Зубровъ.

— Сядьте,—почти крикнулъ онъ, и въ голосѣ его было что-то такое повелительное, что Маріанна невольно опустилась на лавку.

— Отвѣчайте,—опять не своимъ голосомъ глухо проговорилъ Зубровъ,—давно-ли вы меня... разлюбили?

Маріанна усмѣхнулась и хотѣла встать.

— Стойте, подождите, ради Господа подождите,—уже съ рыданіями въ груди воскликнулъ онъ,—отвѣтьте, вы уже меня не любите?

— А вы еще сомнѣваетесь?

— Вы любите его?

— Что вамъ до того?..

— Боже мой!.. вѣдь я уже и самъ вижу и знаю... но зачѣмъ же, зачѣмъ такъ насмѣяться... Маріанна, вѣдь вы у меня душу вынули...

Она съ усмѣшкой поглядѣла на него.

— И вы тоже... Жалкіе вы люди... Ищите того, что для васъ и для чего вы... Бѣдный вы человѣкъ...

— О, я бѣдный, дѣйствительно, я бѣдный...

— Смотрите, что передъ вами и что внизу. Вверхъ не глядите: закружится голова...

Судорога передернула лицо Зуброва.

— Но я-жъ ему не уступлю, не отдамъ, — со страшной злобой крикнулъ онъ. Маріанна опять усмѣхнулась.

— Пигмей! и вы равняетесь съ нимъ?!.. Онъ мальчикъ съ своими мечтаньями, но мальчикъ гордый, великій. А вы хотите стать на одну съ нимъ доску! Куда вамъ... поскользнетесь...

— Маріанна! гдѣ-же ваше сердце? зачѣмъ глумиться?

Волненіе ея улеглось; она уже спокойно поглядѣла на него и молча повернулась, чтобы идти.

— Господи!—съ тоской въ голосѣ крикнула Аночка,— да онъ-то, онъ развѣ любитъ тебя?!

Маріанна поглядѣла на нее черезъ плечо.

— Не знаю. Но помни, что люди должны искать равныхъ себѣ.

Ея шаги уже замолкли, а Зубровъ все сидѣлъ, неподвижный, будто окаменѣлый. Онъ глядѣлъ въ землю и не видалъ, и не слыхалъ ничего вокругъ себя. Потомъ машинально всталъ и, не простившись съ Аночкой, пошелъ, не зная куда и зачѣмъ. Остановился онъ въ полѣ у дороги и безсознательно сѣлъ на большой камень, обросшій лопушникомъ. Надъ нимъ звенѣли въ небѣ жаворонки; заходящее солнце золотило окрестность, а онъ сидѣлъ и прислушивался къ тоскѣ, которая сосала сердце...

Сомовъ и маленькая Настасья Петровна торопливо пришли къ Козельскимъ звать домой Аночку. Ночь наступала черная, мрачная. Съ востока надвигались тучи, сверкала зарница. Старики боялись грозы и торопились взять Аночку въ минуты ожиданія бури подъ свое крыло.

— Позвольте мнѣ проводить васъ,—сказалъ имъ Сѣверцевъ. Они тронулись въ путь, едва различая дорогу среди надвинувшагося мрака. Незамѣтно Аночка и Сѣверцевъ отошли впередъ и затѣмъ разстояніе, отдалявшее ихъ отъ стариковъ, все болѣе и болѣе увеличивалось.

— Возьмите меня подъ руку,—сказала Аночка, и слова

ея удивили и обрадовали Сѣверцева, какъ знакъ довѣрія со стороны дичившейся его до тѣхъ поръ дѣвушки. Онъ радостно прижалъ къ себѣ ея руку и сознавалъ, что ему эта дѣвушка все болѣе и болѣе дорога. Эта тоненькая, миніатюрная Аночка съ большими, будто робкими глазами привлекала его, и онъ признавался себѣ, что лишь изъ-за нея откладываетъ свой отъѣздъ. Нѣсколько минутъ они шли молча. Наконецъ, рука дѣвушки слегка дрогнула.

— У меня къ вамъ просьба, Иванъ Николаевичъ,—проговорила Аночка робкимъ голосомъ.

— Приказывайте, Анна Кирилловна.

— Я не знаю, какъ и сказать... Вы меня не выдадите?..

— Никогда, будьте увѣрены.

— Видите, мнѣ ужасно жалко Александра Григорьича...

— А что такое съ нимъ? онъ дѣйствителько что-то невеселъ послѣднее время.

— Видите, Марочка ему сегодня отказала.

— Да неужели?—воскликнулъ искренно удивленный Сѣверцевъ.—Что же за причина?

Аночка хотѣла бы сказать ему причина отказа, но слезы стали душить ее.

— А знаете что,—продолжалъ Сѣверцевъ, — отчасти за него можно порадоваться. Ну, какая же они пара?..

— Иванъ Николаевичъ, вы ему помогите. Уговорите его. Мнѣ, право, такъ страшно за него.

— Но что-же, въ самомъ дѣлѣ, за причина ея отказа. Такъ, вдругъ...

Аночка остановилась передъ калиткой дома, высвободила свою руку и какъ будто не своимъ голосомъ сказала:

— Догадайтесь сами...

Потомъ торопливо простилась и ушла въ калитку. Она опять плохо спала эту ночь. Она плакала, но на этотъ разъ знала причину слезъ.

— Что-жъ,—думала она,—пускай. Теперь уже нѣтъ препятствій для него. Конечно, онъ уже любитъ Марочку; развѣ можно не полюбить такую красавицу? И пусть, пусть...

Она утѣшала себя, а слезы такъ и лились...

Сѣверцевъ задумчиво шелъ по дорогѣ къ своей усадьбѣ. Онъ не обратилъ вниманія на послѣднія слова Аночки, но въ душѣ у него было неспокойно. Онъ еще не сознавалъ, но

предчувствовалъ, что мѣшаетъ кому-то, что изъ-за него дѣла усложняются.

Ночь становилась темнѣй и грознѣй. Тучи обложили все небо, поминутно сверкала молнія, вдали уже гремѣлъ громъ. Вдругъ, Сѣверцевъ остановился, какъ вкопанный. Передъ нимъ выросла высокая фигура.

— Кто это?—невольно крикнулъ онъ.

Отвѣта не было.

— Чего-жъ стоишь, какъ столбъ?—повторилъ онъ и хотѣлъ обойти, но незнакомецъ сдѣлалъ движеніе и очутился передъ нимъ. Сѣверцевъ начиналъ сердиться. Протянувъ руку, онъ хотѣлъ отвести незнакомца въ сторону, но послѣдній схватился обѣими руками за его локоть и сталъ трясти его.

— Да что это за сумасшедшій!—крикнулъ Сѣверцевъ, вырывая руку и хватая неизвѣстнаго за грудь, но послѣдній бросился на него и судорожно сжалъ его, будто стараясь повалить. Нѣсколько мгновеній длилось что-то вродѣ борьбы.

— Навѣрное сумасшедшій,—съ ужасомъ думалъ Сѣверцевъ, чувствуя, что слабѣетъ подъ крѣпкими объятіями этого человѣка. Онъ хотѣлъ уже крикнуть, зная, что усадьба его должна быть въ двухъ шагахъ, какъ вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія и озарила предполагаемаго сумасшедшаго.

— Саша,—крикнулъ Сѣверцевъ,—да что ты!?.. Онъ выпустилъ его и тотчасъ-же упалъ подъ натискомъ Зуброва, но послѣдній въ ту-же минуту нагнулся и съ силой поднялъ лежащаго.

— Вотъ такъ единоборство,—засмѣялся Сѣверцевъ,—ты что меня за пьянаго принялъ? Зубровъ упорно молчалъ и шагалъ около него, опустивъ голову.

— Да что съ тобой, Саша? началъ опять Сѣверцевъ, чувствуя, что сердце его сжимается тоской и ужасомъ.

— Саша,—уже инымъ голосомъ продолжалъ онъ, останавливаясь противъ своей усадьбы,—Саша, неужели?

Тогда Зубровъ закрылъ лицо руками и, тяжело зарыдавъ, опустился на землю. Съ нимъ начиналась истерика. Немного спустя онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ Сѣверцева. Иванъ Николаевичъ сидѣлъ у него въ ногахъ.

— Забудь ее,—сказалъ послѣдній,—забудь; она не дала бы тебѣ ни капли счастья.

— Никогда, никогда не забуду,—съ отчаяніемъ въ голосѣ

отвѣтилъ Зубровъ и потомъ прибавилъ: Грустно на душѣ...

— Грустно,—повторилъ и Сѣверцевъ,—трижды грустно. И странный мы народъ: какой бы ни былъ размахъ радости, всегда позади стоитъ наша неизмѣнная, вѣрная грусть... Да, грустно, и пусть Богъ проститъ намъ нашу тоску...

XI.

А тоска на сердцѣ скопляется все болѣе и болѣе. Бѣгутъ дни и недѣли, наступаетъ іюль, а Сѣверцевъ не можетъ найти душевнаго спокойствія и мучается нерѣшительностью. Ѣхать надо и какъ можно скорѣй и дальше, но что-то держитъ его, и самая мысль объ отъѣздѣ мучительна. И кругомъ все измѣнилось, надъ дружнымъ нѣкогда и беззаботнымъ кружкомъ будто виситъ бѣда. Зубровъ совсѣмъ, повидимому, перемѣнился въ своихъ чувствахъ относительно Ивана Николаевича, не ѣздитъ къ нему, а если встрѣтится случайно, то смущается, торопится окончить свиданіе. У Козельскихъ и Соминыхъ тоже невесело.

Сѣверцевъ понималъ причину своей личной душевной тревоги и недоумѣвалъ только, какъ это могло случиться, что онъ, никому въ свѣтѣ не хотѣвшій причинить горя, служитъ причиной печали Зуброва. А что, если и не для одного Зуброва онъ будетъ вѣстникомъ зла? Надо ѣхать, ѣхать, надо забыть все, что привязало его къ этой мѣстности, къ этимъ людямъ.

Земля, онъ чувствовалъ это, притягивала его къ себѣ. Какъ въ туманѣ носился передъ нимъ уже поблѣднѣвшій образъ той первой женщины, которая овладѣла нѣкогда его сердцемъ, а рядомъ съ этимъ образомъ вставалъ новый, безконечно милый, дорогой. Отказаться отъ счастья, бѣжать отъ любви? Но это больно, невыносимо тяжело. И къ чему, зачѣмъ?

На колокольнѣ ударилъ ночной сторожъ; вдали пропѣлъ пѣтухъ...

— Ужели,—думалъ Сѣверцевъ,—ужели здѣсь конецъ моимъ скитаніямъ? ужели я найду, наконецъ, тихую пристань, радости мирной жизни?

И онъ представлялъ себя въ мечтахъ въ кругу милой семьи. Тоска одинокаго существованія, порывы къ чему-то далекому, чудно прекрасному, исканіе невѣдомаго, все улетѣло прочь и

вмѣсто того при немъ тихая, спокойная радость, довольство жизнью, миръ уравновѣшенной, наслаждающейся настоящимъ души. Онъ хочетъ любви, онъ имѣетъ право на личное счастіе. Отчего ему не брать своей доли въ радостяхъ; зачѣмъ лишать себя того, что дается каждому человѣку? Но это все не то, не то; Сѣверцевъ не умѣетъ, не можетъ выразить своихъ ощущеній. Онъ знаетъ лишь то, что никогда, никогда радости любви женщины, радости семейныя, личное счастье не успокоятъ его, не дадутъ тишины его душѣ, не заглушатъ тоски, навѣваемой окружающей жизнью, не остановятъ порывовъ прочь отсюда, въ погоню за призракомъ, за несуществующимъ идеаломъ. Жить, радоваться, наслаждаться любовью семьи, когда кругомъ нищета, голодъ, неравенство, неправда, тоска, обиды, угнетенія, когда зло глумится надъ добромъ, когда ненависть уже осилила любовь! Никогда, никогда! Но вѣдь это же вездѣ; вѣдь не найдется уголка, гдѣ не творилось бы то же самое. О, Сѣверцевъ хорошо это знаетъ и знаетъ, что нигдѣ не найдетъ того, къ чему такъ страстно рвется сердце, но онъ не въ силахъ успокоиться на личномъ счастьѣ, купить его цѣною слѣпоты на окружающее. Бороться? Но онъ давно знаетъ и то, что бороться не можетъ. А бѣжать отъ любви, забыть ту женщину, которая овладѣла его сердцемъ, хоть нужно, но тяжело, невыносимо. Онъ слабъ, позорно слабъ и въ этомъ горе не для него одного. А ѣхать надо, бѣжать скорѣе и дальше, хотя цѣною мученій души.

Но вмѣсто этого онъ томился нерѣшительностью и, будто поддаваясь какой-то чужой волѣ, продолжалъ оставаться въ Высокомъ. Онъ забылъ о Зубровѣ и о Козельскихъ; онъ жилъ одною думой объ Аночкѣ и о томъ, что надо бѣжать отсюда, уничтожить въ самомъ началѣ зарождавшееся чувсово.

Почти не сознавая, какъ это случилось, онъ прошелъ однажды вечеромъ въ садъ Соминыхъ и засталъ Аночку на скамейкѣ у стѣны сиреней, вязавшую какую-то работу. Онъ сѣлъ около нея и оглянулся кругомъ. Солнце садилось, по саду протянулись длинныя тѣни, въ полѣ перекликались перепела. Миромъ и тишиной повѣяло на душу, хотѣлось жить и любить тихимъ, радостнымъ чувствомъ.

— Что мы такъ молчимъ?—проговорила Аночка.

Сѣверцевъ усмѣхнулся.

— Не сердитесь на меня. Я такой чудакъ, пришелъ и молчу...

Но Аночка и не думала сердиться. Ея сердце болѣло; хотѣлось плакать. И опять они молчали, задумчивые, грустные. Тѣни вечера становились гуще; на небесахъ зажигались огни.

— Бѣжать надо, бѣжать скорѣе,—мучительно думалъ Сѣверцевъ,—зачѣмъ я здѣсь, зачѣмъ я тревожу покой этого ребенка?—И онъ сидѣлъ, и чувствовалъ, что не уйдетъ отсюда ни за что. Дѣвушка еще ниже опустила голову и слезы полились изъ ея глазъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь?.. зачѣмъ не уѣзжаете? — шопотомъ проговорила она, повторяя его мысли.

Да, надо уйти, надо прервать струю чувства. И будто въ отвѣтъ на это онъ взялъ, покорный волѣ сердца, обѣ руки дѣвушки и покрылъ ихъ поцѣлуями. Аночка не отнимала рукъ; она сидѣла молча и только слезы бѣжали одна за другой по поблѣднѣвшимъ щекамъ. И помнила она еще, что въ душѣ ея не было радости; тамъ гнѣздилась печаль, предчувствіе чего-то.

Слова любви не было сказано между ними, да имъ и не надо было словъ. И когда онъ вернулся въ тотъ вечеръ домой, на душѣ его было тяжело; онъ будто совершилъ что-то преступное.

— Зачѣмъ вы не уѣзжаете,—припомнилось ему, и онъ чувствовалъ въ словахъ этихъ страшный упрекъ. Онъ не уѣхалъ, поддался сердцу, обезсилѣлъ, а въ этомъ страданіе.

XII.

— Когда же, наконецъ? — думала Маріанна, не видя со стороны Сѣверцева рѣшительнаго шага къ сближенію. Она припоминала себѣ, какъ робѣли передъ ней всѣ ея ухаживатели и добавила мысленно: — надо его ободрить. — Ея самолюбіе страдало. Вѣдь, въ сущности, она и такъ выказываетъ Сѣверцеву исключительное вниманіе, но горячка народившейся страсти заглушала шопотъ самолюбія.

Въ первый же послѣ долгаго промежутка приходъ Сѣверцева Маріанна позвала гостя въ садъ, сама дивясь своей настойчивости и стыдясь ея. Маріанна дошла до того, что взяла

его подъ руку и чувствовала, что рука ея дрожитъ, а сердце робко бьется. Она готова была крикнуть: — смотрите, что вы сдѣлали со мною!

Она не сомнѣвалась, или не хотѣла сомнѣваться въ томъ, что Сѣверцевъ увлеченъ ею: кто до сихъ поръ проходилъ мимо нея равнодушно? Но какъ вызвать его на объясненіе, какъ ободрить его, не теряя достоинства?

— Иванъ Николаичъ,—проговорила она, робко взглядывая на него,—я продолжаю напоминать вамъ вашу первую любовь?

— Да,—просто и спокойно отвѣтилъ Сѣверцевъ,—иногда очень...

— Мнѣ это лестно... А вамъ пріятно?..

Сѣверцевъ не отвѣтилъ ничего, онъ не слышалъ вопроса, сдѣланнаго робко и чуть слышно. Онъ былъ весь полонъ собственными мыслями и ощущеніями.

— И самъ я не знаю,—задумчиво сказалъ онъ,—что со мной творится. Будто кто другой во мнѣ. То, что волновало прежде, уходитъ прочь, а въ душѣ новыя чувства, новые порывы...

— Что-же именно?

— Жизнь манитъ къ себѣ. Хочется любви, счастія...

— Любите, — прошептала Маріанна и ждала отвѣта, но отвѣта не было.

Они подошли къ обрыву и остановились.

— Любите,—еще тише проговорила Маріанна, чуть склоняя голову къ плечу спутника.

— Любить? но всякій ли имѣетъ на то право?

— Спросите... вамъ скажутъ...

Онъ упорно не понималъ ея, отдавшись своимъ мыслямъ.

— Да,—задумчиво проговорилъ онъ,—она стоитъ любви...

Маріанна вся вспыхнула и отпрянула отъ него.

— Кто о н а?

— Ваша кузина,—невольно смущаясь, отвѣтилъ Сѣверцевъ.

Страшная боль сжала сердце Маріанны.

— Вы... любите ее? — проговорила она поблѣднѣвшими губами и, не дожидаясь отвѣта, боясь его, круто повернулась и почти побѣжала къ дому.

Она не помнила, какъ провела эту ночь, и очнулась только тогда, когда сѣрое, холодное утро глядѣло въ окно ея ком-

наты, брызгая въ стекла дождемъ. Дѣвушка раздѣлась и легла въ постель, но и тогда сонъ не скоро успокоилъ ее.

Потянулся унылый дождливый день, наступилъ часъ обѣда. Маріанна не выходила изъ своей комнаты и молча сидѣла въ креслахъ, неподвижная, блѣдная. Въ сердцѣ гнѣздилась неотвязная мысль о томъ, что человѣкъ, ради котораго впервые загорѣлась страстью ея кровь, увлеченъ не ею, а другой, и кѣмъ же?

Она оглядывала свое роскошное тѣло и съ плачемъ думала, что ея красота не достанется никому, никогда... Но, нѣтъ, это еще не конецъ; надо бороться, хотя самолюбіе страдаетъ ужасно.

Наступилъ холодный, ненастный вечеръ. Маріанна встала, накинула на плечи осеннее пальто и, никѣмъ не замѣченная, вышла черезъ балконную дверь въ садъ, а оттуда на дорогу. Вѣтеръ билъ ей въ лицо, ноги вязли въ липкой грязи, тьма увеличивалась, но дѣвушка шла увѣренной походкой къ дому Сомныхъ. Черезъ незапертую калитку вошла она во дворъ усадьбы и, не обращая вниманія на лай собакъ, подошла къ окну комнаты Аночки и тихонько постучала въ стекло.

— Кто тутъ?—послышался испуганный голосъ.

— Это я, Маріанна, отвори окно.

Встревоженная, недоумѣвающая откинула Аночка занавѣску и раскрыла окно, но тотчасъ же испуганно вскрикнула. Маріанна стояла въ свѣтѣ озарявшей ее лампы блѣдная, исхудалая, съ лихорадочнымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ. Это была тѣнь прежней Маріанны.

— Заверни лампу.

— Марочка, что съ тобой?—съ мукой въ сердцѣ прошептала Аночка, гася лампу, но Маріанна не отвѣчала и угрюмо стояла у окна. Потомъ придвинулась ближе и вперила взоръ въ чуть бѣлѣвшее лицо кузины... Борьба между самолюбіемъ и страстью окончилась.

— Аночка,—прошептала она,—Аночка, оставь мнѣ его...

Аночка въ тоскѣ молчала.

— Послушай,—продолжала Маріанна,—ты еще дитя, у тебя много впереди молодости... А у меня... Это первое и послѣднее чувство. Я не могу, я не вынесу... оставь мнѣ его... Аночка, ты молчишь... Или ты не слышишь моихъ мукъ, Аночка?..

Она протянула въ темноту дрожащія, холодныя руки, нашла руку Аночки и прильнула къ ней страстными поцѣлуями.

— Слушай, — рыдая и стараясь вырвать руку, говорила Аночка,—я не знаю, я ничего не знаю. Вѣрь мнѣ, я ничего не жду, ни на что не надѣюсь... Онъ не можетъ любить меня... Правда, онъ показалъ мнѣ, что я ему нравлюсь...

Маріанна отшатнулась, и голосъ ея зазвучалъ сурово.

— Что же было, что?... Говори сейчасъ.

— Онъ... взялъ мои руки.

— Ну?

— Онъ цѣловалъ ихъ...

— Онъ цѣловалъ твои руки!—уже гнѣвно крикнула Маріинна,—и ты вообразила себѣ...

— Я ничего не вообразила... Ахъ, ничего, ничего...

— Не смѣй думать о немъ, не смѣй глядѣть на него! Я запрещаю тебѣ, негодная!

— Опомнись, что ты?—въ ужасѣ крикнула Аночка,—что я тебѣ сдѣлала?

— Говори правду, не лги, онъ просилъ твоей руки?

— Нѣтъ.

— И не будетъ просить. Слышишь? Онъ мой и я его не отдамъ никому...

Тогда въ сердцѣ Аночки что-то забилось, затрепетало. Ей хотѣлось крикнуть: „неправда, онъ мой!“, но спазма перехватила горло, и дѣвушка безпомощно опустилась на стулъ. Въ сердцѣ гнѣздились обида, горечь, почти сознанная безнадежность и вмѣстѣ радость отъ увѣренности въ любви дорогаго человѣка.

Маріанна не слышала ея слезъ. Она уже шла къ своей усадьбѣ. Теперь дѣвушка не могла бы отвѣтить, зачѣмъ ходила: но она знала только, что не могла не идти къ кузинѣ.

И опять прошла безсонная тяжелая ночь и протянулся томительный, долгій день. Когда солнце уже садилось за далекіе зубья лѣсовъ и на разъяснившемся небѣ зажигались первыя звѣзды, у воротъ дома Сѣверцева показалась высокая женская фигура въ широкомъ манто и густой вуали на лицѣ. Женщина окликнула проходившаго рабочаго и повелительно приказала вызвать Ивана Николаевича на Лупановскую дорогу. Потомъ повернулась, прошла вдоль высокаго частокола и скры-

лась за березовой рощей. Прошло минуты двѣ, и Сѣверцевъ торопливо направился туда же.

— Что прикажете, Маріанна Всеволодовна? — смущенно проговорилъ онъ, подходя къ женщинѣ.

Маріанна, казалось, колебалась. Потомъ рѣшительнымъ жестомъ откинула вуаль, робко умоляюще протянула красивую бѣлую руку и искала руки Сѣверцева.

— Ужели вы не понимаете? — чуть слышно прошептала она,—я уже все потеряла: самолюбіе, гордость... я... пришла сказать вамъ... Нѣтъ, это ужасно... Догадайтесь же...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Маріанна Всеволодовна,—смущенно началъ Сѣверцевъ.

— Послушайте,—перебила его дѣвушка,—что же играть въ загадки? Я люблю васъ. Я еще никого не любила и только теперь узнала, что это значитъ, что это за сила. Я ждала вашего слова и не дождалась. Вы готовы были увлечься другой... Я понимаю, васъ страшила моя холодность; вы не понимали меня. Только это и заставило меня забыть про самолюбіе и сказать вамъ... Ну, вотъ, ну, видите, ну, нехорошій мой, злой... Теперь все выяснилось... не правда-ли, и вы... меня... хоть... немножко?..

Она опять протянула руки съ жалкой улыбкой, въ которой уже виднѣлась мольба. Она хотѣла надѣяться, что онъ бросится къ ней, покроетъ ея руки поцѣлуями и скажетъ, наконецъ, это такъ страстно ожидаемое „люблю“. Но онъ стоялъ молча, съ низко опущенной головой. Тоска сжала сердце дѣвушки, но Маріанна еще не хотѣла вѣрить, она еще боролась.

— Что вы молчите? — прошептала она поблѣднѣвшими губами.

— Маріанна Всеволодовна,—проговорилъ ошеломленный, потерявшійся Сѣверцевъ,—вѣдь вы уже невѣста...

Радость надежды озарила на мгновеніе душу дѣвушки. О, если только это его останавливаетъ!

— Будьте спокойны, я ему отказала. Я его никогда, никогда не любила и не могла любить...

— Послушайте,—прервалъ Сѣверцевъ, овладѣвъ, наконецъ, собою,—вышла грустная ошибка. Я не могу отвѣтить вамъ на ваше чувство. Простите меня, но я не властенъ въ своемъ сердцѣ. Я васъ всегда буду...

Она не дала ему докончить и съ крикомъ отчаянія закрыла лицо руками.

— Не договаривайте, пожалѣйте...

— Маріанна Всеволодовна, зачѣмъ мнѣ обманывать васъ? Я...

Она уже оправилась и отняла отъ лица руки. Это прекрасное лицо казалось теперь постарѣвшимъ лѣтъ на десять.

— Договорите,—тихо сказала она.

— Я не могу любить васъ, какъ вы хотите того...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію своего дома, но потомъ повернулась и опять подошла къ Сѣверцеву.

— Погодите,—сказала она и, положивъ руки на его плечи, долго глядѣла въ его лицо. Потомъ опустила вуаль.

— Прощайте, прощайте, — проговорила она быстро и пошла прочь.

Когда на другое утро она вышла изъ своей комнаты, лицо ея попрежнему было строго и холодно. Ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не выдала она того, что пережила въ эти два дня. Но лицо было блѣдно, и въ черныхъ густыхъ волосахъ уже пробивалось серебро.

XIII.

Зубровъ чувствовалъ, что опускается, погружаясь въ тупую, мертвящую апатію, но не имѣлъ силы отвязаться отъ нея. Онъ цѣлые дни проводилъ въ бездѣйствіи, лежа неодѣтымъ, неумытымъ на старомъ кожаномъ диванѣ. Мысли путались, голова занималась пустыми вопросами, а сердце тупо болѣло. Нѣсколько разъ заѣзжалъ къ нему Сѣверцевъ, но Зубровъ встрѣчалъ его угрюмо и, видимо, тяготился его присутствіемъ.

Однажды ночью онъ вдругъ проснулся и сразу сѣлъ на кровати, спустивъ ноги на полъ. Сердце у него стучало, духъ будто замеръ. Зуброву что-то снилось, но что,—онъ не помнилъ. Онъ зналъ одно, что надо идти, спѣшить. Торопливо накинулъ онъ на себя платье и зажегъ свѣчу. Было за полночь. Онъ вышелъ въ людскую, разбудилъ работника и велѣлъ запречь лошадь въ бѣговыя дрожки. Ночной воздухъ освѣжилъ его, заставилъ соображать. Куда онъ спѣшилъ и зачѣмъ? И онъ далъ себѣ отвѣтъ: конечно, къ Козельскимъ. Но зачѣмъ? этого онъ не зналъ. Онъ старался увѣрить себя, что

безумствуетъ, что надо опомниться и отложить поѣздку, но непонятная тревога пересиливала голосъ разсудка.

Онъ ѣхалъ во тьмѣ ночи, ничего не различая кругомъ, отдавшись чутью лошадей, и ему становилось стыдно. Онъ рѣшилъ проѣхать мимо усадьбы Козельскихъ, постараться, чтобы сторожъ не замѣтилъ его, и повернуть назадъ.

Зубровъ повернулъ влѣво и выѣхалъ изъ-за опушки рощи. Днемъ отсюда можно было видѣть фасадъ дома Козельскихъ. И вдругъ, Зубровъ вздрогнулъ; его прищуренные близорукіе глаза широко раскрылись. Изъ оконъ дома блестѣлъ свѣтъ; тамъ, очевидно, не спали; тамъ что-то совершалось.

Зубровъ сильнѣе погналъ лошадь, которая понеслась уже вскачь, и минуть черезъ десять подъѣхалъ къ воротамъ.

— Что такое у васъ?—крикнулъ онъ передъ дверями какому-то человѣку, торопливо проходившему черезъ дворъ.

— У насъ-то?—отвѣтилъ вопросомъ мужской голосъ.

— Что у васъ случилось?

— Да бѣда у насъ...

— Какая бѣда? Говори...

— Бѣда-то? Да вы кто такіе будете?

— Я Зубровъ, Александръ Григорьичъ. Неузналъ что-ль?

— Гдѣ узнать, сударь; виноватъ. Сами изволите видѣть, какая темь. То есть...

— Да говори, разбойникъ, что у васъ такое.

— У насъ-то? Барыня померла.

Зубровъ почти бѣгомъ бросился къ двери. Онъ вошелъ въ прихожую и потомъ осторожно, будто боясь нарушить вѣчный сонъ умершей, двигался далѣе. Въ домѣ все было тихо; не слышалось ни говора, ни движенія, какъ будто подкравшаяся смерть сковала молчаніемъ жизнь всего дома. Въ гостиной, озаренной свѣтомъ одиночной свѣчи, полулежала на диванѣ Маріанна. Она съ удивленіемъ, но, какъ показалось Зуброву, съ благодарностью взглянула на него и, опустивъ съ дивана ноги, сѣла, указавъ гостю рукой на кресло.

— Какое несчастіе,— началъ было Зубровъ и не зналъ, что сказать далѣе. Ему хотѣлось броситься на колѣни, заплакать вмѣстѣ съ ней, разсказать, какъ онъ страдаетъ за нее. Но холодное лицо Маріанны было спокойно; онъ не видалъ на немъ и признаковъ слезъ. Будто равнодушно разсказала дѣвушка, какъ все произошло. Катерина Николаевна поужи-

нала сегодня съ аппетитомъ, но жаловалась, что у ней голова болитъ, будто мѣшается. „Мелькаетъ все что-то", объясняла покойная. Уйдя передъ сномъ въ кабинетъ, она долго сидѣла за счетами и все не могла досчитаться мѣры гречихи. Часовъ въ одиннадцать горничной показалось, что въ спальной барыни что-то застонало. Она хотѣла встать, но сонъ одолѣлъ ее. Однако черезъ часъ она все-таки встала и пошла въ спальную. А Катерина Николаевна уже охолодѣла и полулежала въ креслахъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, безжизненно свѣсивъ голову и руки. Послали за фельдшеромъ, но онъ засвидѣтельствовалъ смерть.

Маріанна разсказала все это сжато, неохотно, но сердце Зуброва болѣло за нее.

Дни передъ похоронами онъ почти не выходилъ изъ дома Козельскихъ, уѣзжая къ себѣ лишь на ночлегъ, распоряжался, приводилъ въ извѣстность оставшееся имущество и, не сознаваясь самому себѣ, втайнѣ надѣялся, что, быть можетъ, Маріанна еще перемѣнится къ нему, что, быть можетъ, еще не все для него потеряно. Но Маріанна оставалась холодной и равнодушной. Она почти не выходила изъ своей комнаты.

Въ день погребенія Зубровъ, стоя у гроба, пристально взглянулъ на усопшую, и его поразило ея лицо. Оно было прекрасно и носило выраженіе того холоднаго и гордаго равнодушія, которое было у Маріанны. Смерть сбросила маску, которой много лѣтъ прикрывалась Козельская, и вернула ея лицу настоящее выраженіе.

Маріанна внимательно слушала богослуженіе, крестилась, становилась на колѣни, но никто бы не подумалъ, что осиротѣвшая дочь скорбитъ о матери. И только, когда хоръ зарыдалъ подъ старыми сводами храма, призывая дать уснувшей послѣднее цѣлованіе, что-то дрогнуло въ углахъ губъ дѣвушки и красивое лицо передернулось на мгновеніе судорогой. Но это былъ краткій мигъ и вновь спокоемъ и холодомъ сковало прекрасныя черты...

— Маріанна Всеволодовна,—говорилъ Зубровъ, стоя передъ дѣвушкой въ кабинетѣ покойной, — дозвольте мнѣ быть вашимъ вѣрнымъ, непзмѣннымъ другомъ. Я ничего больше не добиваюсь, ни на что не надѣюсь, но дайте мнѣ служить вамъ.

Она поглядѣла на него и что-то жесткое, почти злое проскользнуло по ея лицу.

— Мнѣ не нужно друзей.

Сердце его мучительно сжалось, но онъ хотѣлъ еще вѣрить.

— Я понимаю васъ: вы удручены, вы измучены; ваша потеря...

— Я не жалѣю умершей.

— Полноте, это нервы говорятъ.

— Нервы мои крѣпки, крѣпче вашихъ.

— Вы вернетесь къ жизни, къ надеждамъ. Ваша молодость...

— У меня нѣтъ и не было молодости.

— Маріанна Всеволодовна, не разрывайте моего сердца. Я желаю для васъ одного, чтобы вы были счастливы, чтобы полюбили достойнаго васъ.

— Любить?! Никогда, никогда.

— Но дайте же мнѣ дружбу, дайте служить вамъ!

Она встала и холодно поглядѣла на него.

— Что мнѣ до вашего сердца; на что мнѣ ваша дружба?

И пошла изъ комнаты, но въ дверяхъ остановилась, еще разъ посмотрѣла на Зуброва и добавила уже мягче:

— За ваши заботы благодарю... Навѣщайте иногда въ Москвѣ; буду рада...

Она протянула ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ. Этотъ небольшой знакъ вниманія ободрилъ и утѣшилъ Зуброва. Хотя недѣли черезъ двѣ Маріанна и уѣхала въ Москву, чтобы поселиться въ Плетенкахъ, въ небольшомъ домикѣ, доставшемся ей отъ тетки, но Зубровъ уже не томилъ себя отчаяніемъ. Почти каждый день отправлялся онъ къ Сомнымъ и тамъ черпалъ силы въ разговорахъ о Маріаннѣ, объ ея умѣ и красотѣ.

XIV.

Дни бѣжали за днями. Близилась осень; листъ опадалъ и вѣтры пѣли жалобныя пѣсни. Сѣверцевъ по прежнему часто навѣщалъ Сомныхъ, но по прежнему не говорилъ съ Аночкой о любви. Что творилось въ его душѣ, онъ и самъ того не могъ понять. Но дѣвушка знала, что онъ любитъ ее; она видѣла это въ пристальныхъ, полныхъ восхищенія взглядахъ его, которые онъ бросалъ на нее, въ пожатіяхъ его руки.

Однажды онъ заснулъ послѣ обѣда тяжелымъ сномъ и

проснулся уже передъ закатомъ солнца, весь охваченный забытымъ старымъ чувствомъ.

Онъ одѣлся и пошелъ къ Соминымъ. Онъ зналъ, что наступаетъ нѣчто роковое въ его жизни, но не пытался отсрочить минуты встрѣчи съ этимъ роковымъ. Онъ прошелъ на балконъ, гдѣ Аночка сидѣла съ работой. Онъ поздоровался и сѣлъ около дѣвушки. Оба были печальны и молчаливы; слова не шли съ языка.

День клонился къ вечеру; печальная блѣдная заря гасла въ дымкѣ облаковъ. Да, несомнѣнно, осень близка; конецъ грезамъ весны и лѣта, конецъ пѣснямъ и цвѣтамъ.

Сѣверцевъ взялъ руку дѣвушки и молча держалъ въ своихъ рукахъ. Аночка тоже молча пожала его руку; ей хотѣлось, чтобы всѣ чувства ея маленькаго, бѣднаго сердца передались ему въ этомъ пожатіи. А когда онъ нагнулся и припалъ къ ея рукѣ долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ и когда изъ глазъ его капнула слеза, она шепотомъ спросила:

— Уже?

Онъ молча кивнулъ головой. Потомъ онъ началъ говорить торопливо, неясно о томъ, что душа его рвется прочь отсюда, что онъ не въ силахъ противиться этому влеченію.

— Я люблю васъ,—говорилъ онъ, и Аночка знала, что это правда,—но я долженъ уйти, бѣжать (о, Аночка знала и это съ самой первой минуты сближенія).

Онъ говорилъ о томъ, что боролся съ этимъ призывомъ, страдалъ, но обезсилѣлъ. Она тихо плакала и молча наклоняла головку, давая ему понять, что согласна съ нимъ, что одобряетъ его.

— Я смутилъ вашъ покой,—говорилъ онъ дальше,—но, вѣрьте, я не знаю, какъ это случилось. Я полюбилъ васъ раньше, чѣмъ понялъ, что надо было бѣжать. Простите за напрасныя муки...

О, она все, все понимала, но къ чему онъ жалѣетъ о случившемся, къ чему мучитъ себя напрасными упреками? За всѣ радости жизни Аночка не отдастъ боли восторга, когда поняла, что любитъ и любима.

— Не вините себя, — сказала она, я знала, что такъ будетъ; никогда не думала я, что любовь наша закончится бракомъ. Я чувствовала, что вы уйдете отъ меня и, вѣрьте, я ни минуты не винила васъ. Уѣзжайте, я не задержу васъ, не

остановлю... Но... вспомнпайте иногда о вашей бѣдной, маленькой Аночкѣ...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Сѣверцевъ, поцѣловавъ еще разъ ея руку, всталъ и ушелъ черезъ садъ домой. Онъ не оглянулся и не видалъ, какъ Аночка глядѣла ему вслѣдъ безумными глазами, и не слыхалъ крика отчаянія, который вырвался изъ ея груди, когда обезсиленная она тихо соскользнула всѣмъ тѣломъ съ кресла и упала на полъ блѣдная, безъ чувствъ...

XV.

Пробѣжали мѣсяцы и опять была осень съ ея туманами и дождями. Зубровъ постоянно бывалъ теперь у Соминыхъ, игралъ со стариками въ карты и говорилъ съ Аночкой о Маріаннѣ. Аночка сильно измѣнилась за этотъ годъ, стала тиха, задумчива, но отецъ съ матерью понемногу привыкли къ мысли, что ихъ дочь „поумнѣла“, и не безпокоили себя. Передъ приближающейся могилой старикамъ тяжело было обременять себя опасеніями.

Зубровъ зналъ о короткомъ романѣ дѣвушки, но никогда не заговаривалъ съ Аночкой по поводу его, а съ наступленіемъ второй послѣ отъѣзда Сѣверцева зимы замолчалъ и о Маріаннѣ. Онъ былъ въ Москвѣ, посѣтилъ свою бывшую невѣсту и замолчалъ о ней.

Маріанна безвыѣздно жила въ Москвѣ въ своемъ небольшомъ домѣ въ обществѣ старушки няни. Дѣвушка принимала кое-кого изъ знакомыхъ, наѣзжавшихъ въ городъ и считавшихъ долгомъ навѣстить бывшую царицу уѣзднаго мірка, но сама не выѣзжала, не посѣщала ни театровъ, ни выставокъ. Она проводила дни въ работѣ вышиванья для церкви, читала книги исключительно духовнаго содержанія и неизмѣнно посѣщала всѣ церковныя службы. Въ приходскомъ храмѣ можно было видѣть у лѣваго клироса высокую фигуру всю въ черномъ еще недавней, но теперь уже блекнувшей красавицы, строго, но холодно слушающей молитвы. Какъ и въ Быстринѣ, дьяконъ почтительно выносилъ ей просфору, а священникъ подавалъ крестъ для цѣлованія, звалъ откушать чайку; какъ и раньше, толпа разступалась передъ ней почтительно, но уже безъ былаго восхищенія. Все уважало ее, чтило въ ней силу, но по прежнему отъ человѣка этого вѣяло холодомъ.

Съ трепетомъ и восторгомъ входилъ Зубровъ въ маленькій домикъ на Плетешкахъ, но ни одинъ лучъ привѣта не озарилъ лица Маріанны при взглядѣ на преданнаго человѣка, и Зубровъ понялъ, наконецъ, что ничто уже не вольетъ тепла и жизни въ мраморъ души этой женщины.

Однажды Аночка во время посѣщенія Зуброва была какъ-то особенно нервна и раздражительна. Она нѣсколько разъ уходила въ свою комнату и плакала. Уже вечеромъ передъ уходомъ Зуброва она отозвала его въ-сторону и, не глядя ему въ глаза, отрывисто проговорила:

— Ну, что же, разсказывайте же!

Зубровъ по обычаю не понималъ ничего.

— Ахъ, какой вы! — уже со слезами на глазахъ продолжала она,—о н е м ъ говорите. Вѣдь вы же имѣете извѣстія!

Но Зубровъ не могъ разсказать ничего вѣрнаго. Недавно прошелъ слухъ, что имѣніе Сѣверцева продано и затѣмъ, дѣйствительно, въ старинную усадьбу пріѣхалъ новый владѣлецъ изъ купцовъ, который разсказалъ, будто Сѣверцевъ постригся въ монахи, на Аѳонѣ или въ Соловкахъ. Нѣсколько дней спустя кто-то въ городѣ разсказалъ Зуброву, что Иванъ Николаевичъ въ Римѣ и вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Зубровъ не вѣрилъ этимъ слухамъ...

Аночка не проронила ни слова, слушая этотъ разсказъ и, повидимому, осталась спокойной, но Настасья Петровна видѣла далеко за полночь свѣтъ въ комнатѣ дочери и тревожилась, не смѣя, однако, входить къ ней. Сердце матери чуяло, что дѣвушку надо оставить въ покоѣ...

Когда наступили первые весенніе дни и прилетѣвшія птицы будили лѣса и поля, Зубровъ впервые послѣ двухлѣтняго періода почувствовалъ, что жизнь еще не кончена и неотступно зоветъ къ себѣ. Въ ясный апрѣльскій день онъ стоялъ у окна въ домѣ Сомныхъ и изо всѣхъ силъ работалъ, выставляя первую раму. Ему удалось, наконецъ, сдвинуть ее съ мѣста и звенящую стеклами передать на руки служанкѣ. Тогда Аночка смела съ подоконника песокъ, очистила косяки и раскрывъ окно, съ наслажденіемъ вдохнула чистый, еще свѣжій воздухъ. Задумался и Зубровъ, стоявшій около дѣвушки. Въ окно вмѣстѣ съ запахомъ свѣжей влаги земли ворвался звукъ колоколовъ. Была Святая Недѣля; торжественный звонъ наполнялъ воздухъ и замиралъ подъ лазурью чистыхъ небесъ.

И Зубровъ и Аночка долго стояли у окна взволнованные, радостные. Потомъ, будто сговорившись, взглянули другъ на друга, улыбнулись и подали другъ другу руки. Обоимъ было сладко и грустно. Они не хоронили минувшихъ чувствъ; они вспоминали о нихъ, благодарные за настоящее.

— Мы были не для нихъ,—сказалъ немного спустя Зубровъ, подразумѣвая Маріанну и Сѣверцева,—мы здѣшніе, мы хотимъ жить и умереть здѣсь. Ихъ тянуло иное небо...

А Аночка, прижавшись головкой къ его плечу, прошептала сквозь слезы:

— Любите хоть вы меня...

XVI.

И опять пробѣжали года. Въ дождливый холодныйоктябрьскій день Зубровъ садился въ вагонъ втораго класса на одной изъ большихъ станцій въ черноземной полосѣ. Александръ Григорьевичъ съ наслажденіемъ думалъ о томъ, что еще немного, именно поѣздка по дѣламъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи, и онъ помчится прямо въ Осоки, гдѣ его уже съ нетерпѣніемъ ожидаетъ чуть-чуть пополнѣвшая Аночка и двѣ удивительно на нее похожія дѣвочки, одна трехъ, другая двухъ лѣтъ. Опять можно будетъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, наслаждаться настоящимъ, глядѣть на свою умненькую, всегда серьезную и занятую жену и слушать забавный лепетъ дѣтей.

Зубровъ уже входилъ въ вагонъ, когда до его слуха долетѣла фамилія Сѣверцева, произнесенная однимъ изъ пассажировъ.

— Извините, пожалуйста,—проговорилъ Зубровъ, подсаживаясь нѣсколько робко къ незнакомцу,—вы давеча упомянули фамилію Сѣверцева. Если бы вы знали, какъ меня онъ интересуетъ...

Незнакомецъ пристально устремился на него.

— А скажите, какъ ваша фамилія?..

— Моя? Зубровъ...

— Ба, ба, ба... А не помните Костюхина?..

Зубровъ приглядѣлся къ нему, щуря близорукіе глаза, и узналъ одного изъ университетскихъ товарищей.

— Что-же вы о Сѣверцевѣ знаете, гдѣ онъ?—спросилъ Зубровъ, выказывая нетерпѣливость.

— А чортъ его знаетъ. гдѣ онъ. Я не больно-то имъ интересуюсь. Въ позапрошломъ году, когда началась голодовка, онъ, вдругъ, точно съ неба къ намъ свалился. Пріѣхалъ, imaginez-vous, изъ Южной Америки. Сейчасъ у него пошли столовыя, раздачи, ну, можно подумать, милліоны человѣкъ привезъ. И что же вы думаете? Къ половинѣ лѣта у него обтрепанная пара на себѣ, одна сорочка и больше... ха-ха-ха,—ничего...

— Ну?..

— Ну, повертѣлся, покрутился. Все же, знаете, нашъ братъ, дворянинъ. Отецъ у него, слышно было, человѣкъ съ именемъ; ну, пристроили его...

— Куда же?

— Къ земскому въ письмоводители.

— Вотъ какъ! Ну, и что-же?

— Вліять, представьте, началъ на земскаго. Я говорю Зыбину (это земскій начальникъ; мы съ нимъ пріятели): пори, братецъ, пори. Въ поркѣ альфа и омега; безъ розогъ пропадешь. А этотъ Сѣверцевъ-то ему: ду-ду-ду, ду-ду-ду. И мужикъ-то дитя; обидѣть-то его все равно, что обидѣть ребенка. Да коли ребенокъ, такъ тутъ-то розги и нужны. Ну, жалованье все сталъ раздавать; кто ни приди—изволь. Да вѣдь это прилично было бы попу, а не дворянину, особенно голому. Мужики къ нему валомъ валятъ. Просто волненіе какое-то сдѣлалось. У насъ даже на Зыбина коситься начали.

— И что-же дальше?

— Да что? Самому, видно, надоѣло. Мѣсяца черезъ три ушелъ отъ Зыбина. Исчезъ куда-то! Прощалыга изъ него вышелъ, больше ничего...

Вскорѣ поѣздъ подошелъ къ той станціи, гдѣ Зубровъ долженъ былъ слѣзть, чтобы ѣхать двадцать верстъ на лошадяхъ до уѣзднаго города. Подскакивая на телѣжкѣ, купаясь въ мелкомъ, неустанно лившемъ дождѣ, Зубровъ все думалъ о Сѣверцевѣ. Гдѣ жъ онъ теперь? до какой степени обнищанія дошелъ, если окончательно истратилъ все, что имѣлъ?

Кругомъ тянулись черныя поля, сѣрое безъ оттѣнковъ небо лило и лило дожди. Сырость проникала тѣло, хотѣлось

отдыха, уютной комнаты, огня въ печи, присутствія близкаго, милаго человѣка...

— Ишь ты, отдыхать гдѣ вздумалъ... — замѣтилъ старичекъ ямщикъ, указавъ кнутовищемъ въ сторону.

Зубровъ посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи. Тамъ подъ оголенными березами, закинувъ безпомощно голову, сидѣлъ прямо на землѣ какой-то человѣкъ, одѣтый почти нищенски въ старое дырявое пальто и худые сапоги. Лицо незнакомца казалось страшно блѣднымъ.

— Да это, должно быть, больной,—воскликнулъ Зубровъ.

— И то не помираетъ-ли сердешный,—сострадательно замѣтилъ ямщикъ, останавливая лошадей.

Зубровъ слѣзъ съ экипажа и пошелъ къ сидѣвшему.

— Что съ вами?—началъ онъ, нагибаясь къ нему, и потомъ крикнулъ не своимъ голосомъ: „Господи, да это Сѣверцевъ!..“

Больной, раскрывъ глаза, поглядѣлъ на Зуброва и сдѣлалъ попытку улыбнуться, но она не удалась и глаза опять сомкнулись устало.

Зубровъ съ помощью ямщика перенесъ больнаго въ тележку, сѣлъ около него и, обнявъ его рукой, тронулся далѣе. Къ счастію для нихъ, до города оставалось меньше версты...

Въ тепломъ номерѣ, разогрѣтый одѣяломъ, Сѣверцевъ немного пришелъ въ себя. Онъ пожалъ слабой рукой руку Зуброва и прошепталъ чуть слышно:

— Всегда ты мнѣ помогой...

И сейчасъ же закашлялся мучительнымъ кашлемъ.

— Что, братъ, конецъ пришелъ,—шепталъ онъ уже поздно вечеромъ, придя немного въ себя, послѣ томительнаго бреда, въ которомъ пролежалъ нѣсколько часовъ.

— Зачѣмъ, Ваня, зачѣмъ? докторъ вонъ тутъ прописалъ тебѣ лекарство. Поправишься.

Онъ едва сдерживался отъ того, чтобы не разрыдаться, не броситься на колѣни передъ этимъ человѣкомъ, котораго опять любилъ страстною, дѣтскою любовью. То охлажденіе къ нему, которое онъ испыталъ нѣсколько лѣтъ назадъ, давно прошло. Сѣверцевъ по прежнему былъ для него чѣмъ-то высшимъ, недосягаемымъ.

— Не надо,—отстранилъ больной лекарство,—не поможетъ... Мнѣ хорошо, легко...

— Ваня, голубчикъ, какъ ты себя довелъ до этого? хоть бы написалъ... Я бы тебѣ все, все...

Онъ не выдержалъ и заплакалъ. Сѣверцевъ поглядѣлъ на него благодарнымъ взглядомъ.

— Не плачь, мнѣ было хорошо .. Я ходилъ, училъ, разсказывалъ... Простой человѣкъ мягокъ и ласковъ... Кормили, любили...

Онъ опять сталъ бредить, а къ утру скончался.

П. Булыгинъ.

ПО ПУСТЫНѢ АРАВІЙСКОЙ.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія. ПЬЕРА ЛОТИ.

Переводъ съ французскаго С. Небольсиной.

(Продолженіе).

Кочевники прошли мимо насъ и скрылись изъ вида. Вотъ и вода, настоящій ручей. Правда, вода эта съ примѣсью нефти и на поверхности ея маслянистыя пятна, но тѣмъ не менѣе она оживляетъ все окружающее, тутъ и трава по берегамъ ея, тамаринды, высокія пальмы съ зеленью почти голубого цвѣта; все это расположилось въ глубокихъ впадинахъ розоваго гранита. Впродолженіе получаса мы находимся въ райской обстановкѣ, съ пѣніемъ, вмѣсто музыки, множества маленькихъ пташекъ.

Но при новомъ поворотѣ каменныхъ корридоровъ исчезаетъ ручеекъ, а съ нимъ волшебная растительность. Опять кругомъ все отчаянно сухо, тихо и мертвенно. Въ узкой полосѣ открывающагося неба, между высокими вершинами, показывается солнце; оно мечетъ на насъ такіе палящіе лучи, что только что видѣнныя нами голубыя пальмы и свѣжая вода представляются сномъ...

Къ часу наконецъ мы начинаемъ замѣчать сквозь нѣсколько болѣе широко открытое надъ обширной пустой мѣстностью пространство, горизонтальную полосу великолѣпнаго голубаго цвѣта, о которомъ мы уже почти забыли въ этомъ морѣ розоваго гранита. Это заливъ Акаба; мы подошли къ нему съ другой стороны Синайскаго полуострова.

Горизонтъ становится все шире; угрюмыя стѣны раздвигаются, отступаютъ назадъ и опускаются; мы подходимъ къ самому берегу этого голубаго, какъ лазурь, моря и вступаемъ въ соляную пустыню его береговъ.

Въ противоположность Суэцскому заливу, въ которомъ перебывали корабли со всего свѣта, Акаба не видалъ ни облачка дыма, ни

одного паруса. Путь къ нему заброшенъ цѣлую тысячу лѣтъ; теперь море это, ни на что не нужное, безъ всякой пользы прорывается въ непроницаемыя пустыни. По ту сторону его водъ сверкаетъ почти невѣроятный по своей прелести, восхитительный берегъ Великой Аравіи; онъ очень далеко отъ насъ и въ то же время кажется очень близко, благодаря необыкновенной отчетливости его зубчатыхъ вершинъ; онѣ похожи на стоящую въ небѣ, чтобы закрыть весь Востокъ земли, высокую стѣну розоваго коралла, оторочennаго тоненькой голубой полоской.

Еще часъ идемъ по злополучному сверкающему морскому берегу, вдоль безконечной голубой полосы, надъ которой вздымается также безконечная розовая громада—отраженіе Аравіи.

Вдругъ открылся передъ нами, на берегу спокойной воды, оазисъ съ букетами пальмъ и бѣлой, человѣческими руками воздвигнутой постройкой; послѣднее поразило насъ.

Это маленькій передовой постъ Н'Нуэбіа, цитадель съ деревушкой, охраняемыя египетскимъ губернаторомъ съ дюжиной солдатъ.

Приближаясь къ оазису, мы очень удивились, что наши палатки уже были поставлены между пальмъ, тогда какъ мы говорили бедуинамъ сдѣлать сегодняшній переходъ какъ можно длиннѣе, а теперь едва три часа, слишкомъ рано отдыхать... Но шейхъ нашего каравана, подойдя къ намъ съ жестами, показывавшими, что не его вина, объяснилъ, что каймакамъ (губернаторъ) задержалъ его и приказалъ остановиться тутъ до утра.

— Гдѣ же этотъ каймакамъ?

— Тамъ, въ цитаделп!

Сторожевые солдаты, красавцы-арабы въ длинныхъ вуаляхъ отвѣтили мнѣ, что онъ отдыхаетъ, спитъ, утомленный постомъ.

Но я былъ такъ не сдержанъ, выражая мое негодованіе, что его все-таки будятъ и онъ выходитъ ко мнѣ. Это маленькій, смѣшной, очень некрасивый старичекъ, одѣтый будто бы по европейски; между красивыми задрапированными солдатами онъ напоминаетъ обезьяну въ курткѣ. Это одинъ изъ тѣхъ неотесанныхъ чиновниковъ, которыхъ такъ много на Востокѣ; судя по нимъ, можно возненавидѣть безъ всякой причины всѣ восточныя благородныя расы. Эти маленькіе людишки, непріятные даже и въ обитаемыхъ странахъ, въ пустынѣ дѣлаютъ себя царьками и, вмѣсто того чтобы оказывать покровительство караванамъ, останавливаютъ ихъ, выманиваютъ деньги и становятся для проѣзжающихъ опаснѣе разбойниковъ и дикихъ звѣрей.

Окруженные солдатами въ бурнусахъ, мы вступаемъ съ губерна-

торомъ въ жаркій споръ; ему просто хочется забраться въ нашъ карманъ; если онъ удержитъ насъ, то дастъ на ночь караульныхъ и заставитъ дорого заплатить имъ. Словомъ, представляетъ изъ себя власть; онъ могъ бы преслѣдовать насъ и надѣлать непріятностей на нѣсколько послѣдующихъ дней; нельзя раздражать его. Наконецъ я предлагаю ему во всякомъ случаѣ заплатить ему за ночную стражу и дать еще *на чай*, если онъ отпуститъ насъ теперь же—и онъ соглашается.

Но въ спорѣ у насъ потерянъ цѣлый часъ, уже поздно собирать палатки и идти дальше...

Приходится остаться добровольными плѣнниками этого дурака до утра и принимать его ненужную стражу.

Правду сказать, плѣнъ этотъ очень привлекателенъ, такъ какъ Н'Нуэбія восхитительный, тихій оазисъ.

Арабская деревушка съ глиняными домиками немного далеко отъ насъ, за цитаделью, и нашъ полотняный городокъ расположился у моря, на мелкомъ пескѣ. Берегъ усѣянъ краснымъ коралломъ, большими кропильницами, раковинами цвѣта кожи или блѣднаго персиковаго цвѣтка.

Наступаетъ вечеръ; неподвижныя воды залива становятся цвѣта зеленаго перламутра съ блестящимъ металлическимъ отливомъ, напоминающимъ шею рѣдкихъ птицъ; а надъ ними гранитъ Аравіи такого розоваго цвѣта, для котораго нѣтъ словъ; гранитъ этотъ поднимается къ зеленоватому ясному небу, перерѣзываемому оранжевыми облаками.

Все, что я до сихъ поръ видѣлъ великолѣпнаго, не похоже на картину, представшую мнѣ сегодня...

Теперь солнце скрылось отъ насъ за горами того берега, гдѣ мы находимся; но на противоположной сторонѣ Великой Аравіи его навѣрно видно, потому что оно блеститъ какъ бенгальскій огонь, представляя собою какой-то хаосъ раскаленнаго угля, розоваго, нагроможденнаго стѣною на потемнѣвшемъ уже небѣ, между тѣмъ какъ подъ ногами его одинокое море сдѣлалось какъ бы само по себѣ свѣтящимся, будто снизу освѣщенная изумрудная долина.

А впереди этой громадной фантасмогоріи, тянущейся все въ томъ же видѣ безконечной лентой до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ, еще рельефнѣе выступаютъ силуэты пальмъ съ ихъ чудными перьями, которыя кажутся еще легче и тоньше.

Приходятъ наши караульные, съ важной осанкой, съ красивыми, почти божественными лицами, въ бѣлыхъ вуаляхъ съ шнурами изъ черной шерсти; они молчатъ, потому что приближается часъ святаго

Могреба, садятся группами на пескѣ передъ костромъ, который зажигаютъ на ночь—и ожидаютъ...

Внезапно для насъ съ маленькой одинокой цитадели раздается громкій, ясный голосъ муэззина, своимъ заунывнымъ и мягкимъ тономъ напоминающій гобой; голосъ этотъ приводитъ въ трепетъ и заставляетъ молиться; онъ паритъ въ воздухѣ, будто летитъ и разсѣкаетъ его своими крыльями... Посреди всего этого великолѣпія неба и земли, приводящаго въ смущеніе человѣка, голосъ все поетъ, прославляетъ бога ислама, который вмѣстѣ и богъ великой пустыни.

Затѣмъ спускается въ голубоватомъ туманѣ ночь, а тамъ внизу, еще свѣтятся слегка граниты Аравіи. Вокругъ насъ зажигаются костры, освѣщая тамъ и сямъ стволы финиковыхъ деревьевъ, пальмы и арабовъ сидящихъ подъ большимъ ночнымъ куполомъ, сверкающимъ золотыми точками...

Наконецъ во второй разъ раздается голосъ муэззина еще прекраснѣе, еще болѣе располагая къ молитвѣ, уже въ такое время когда мы, растянувшись на пескѣ, готовы отойти ко сну...

XXII.

Воскресенье, 11 марта.

Чтобы сдѣлать болѣе длинный переходъ и наверстать потерянное время, мы встаемъ очень рано; едва начало свѣтать, бедуины закопошились около насъ подъ высокими пальмами. Передъ костромъ горѣвшимъ всю ночь, стоятъ наши великолѣпные караульные въ бѣлыхъ вуаляхъ и черныхъ мантіяхъ. Тутъ же набралось нѣсколько деревенскихъ ребятишекъ съ женщинами въ вуаляхъ. Вѣроятно, воспоминаніе о насъ долго будетъ жить въ нихъ.

Когда верблюды готовы принять насъ на свои горбы, сторожа наши подходятъ, пожимаютъ намъ руки и точно дѣти требуютъ непомѣрное, не по заслугамъ, вознагражденіе; но и сами улыбаются своимъ невозможнымъ требованіямъ, которыя они предъявляютъ намъ въ перемежку съ пожеланіями добраго пути.

Идемъ вдоль берега моря; чудный оазисъ кончился и огромная пустыня снова завладѣла нами.

Все горѣвшее вчера вечеромъ краснымъ свѣтомъ погасло и перемѣнило видъ. Берегъ Великой Аравіи отошелъ въ непроглядную даль; онъ такъ жарко горѣлъ наканунѣ, что теперь отдыхаетъ въ чудной утренней прохладѣ, наполовину погрузясь въ сырой туманъ. Теперь онъ свѣтло-сѣрый, прозрачный, неопредѣленный; одинъ хребетъ его только съ верхними зубцами нѣсколько отчетливѣе вы-

дѣляется съ прицѣпившимися къ нимъ крошечными облачками блестящаго бѣлаго съ золотистымъ отливомъ цвѣта; они какъ будто собрали въ себя весь запасъ свѣта этого скромнаго, подернутаго туманомъ утра.

Въ противоположность этимъ туманнымъ сѣрымъ предметамъ, берегъ, по которому мы идемъ, начинаетъ ослѣплять насъ своимъ блескомъ.

Воздухъ прямо одуряющъ; грудь, кажется, расширяется, чтобы больше вдохнуть его. Мы точно окунулись въ другую, болѣе молодую жизнь и ощущаемъ чисто физическое наслажденіе отъ сознанія, что живемъ...

Это тихое, безмятежное море, съ берегами усѣянными по мелкому песку краснымъ коралломъ, не видало ни одного паруса и не имѣетъ ни одной гавани; на всемъ своемъ протяженіи оно окружено пустынями. Тѣмъ не менѣе, море это, какъ бы ни считали его безконечно пустыннымъ, все-таки является источникомъ жизни; около него уже не чувствуешь той мертвенности и отчаянія, какое навѣваетъ пустыня-земля.

По мѣрѣ восхожденія солнца, Аравія той стороны сбрасываетъ свой утренній туманный покровъ и выдѣляется яснѣе; тѣни ея оживляются и разогрѣваются для того, чтобы постепенно перейти въ громадный великолѣпный пожаръ, который вечеромъ перейдетъ въ чудную фантасмагорію.

Теперь мы ходимъ по раковинамъ, какихъ еще никогда не видали. На цѣлые километры тянутся огромныя церковныя кропильницы, расположенныя то рядами, то какъ попало, по волѣ капризной природы; за ними идутъ громадныя *strombes*, похожія по формѣ на широкія открытыя руки, цвѣта розоваго фарфора, затѣмъ гигантскія *turritelles*. На солнцѣ весь берегъ сверкаетъ какъ бѣлый перламутръ. Тутъ видишь такое множество жизней, молчаливыхъ и медленныхъ, которыя были выброшены тамъ послѣ вѣковыхъ усилій скрыть всю безполезность своихъ формъ и красокъ...

Я припоминаю, какъ, будучи совсѣмъ ребенкомъ, въ переходное время когда мною овладѣла страсть къ естественной исторіи, я мечталъ объ экзотическихъ морскихъ берегахъ, усѣянныхъ изумительными раковинами; я видѣлъ ихъ во снѣ и стоило только нагнуться, чтобы набрать ихъ... Но изобиліе, которое я видѣлъ теперь, превосходило все, что могло рисовать дѣтское воображеніе.

По воспоминанію-ли о дѣтствѣ, или по дѣйствительному рябечеству, я останавливаю иногда верблюда, чтобы полюбоваться раковинами. Кромѣ трехъ названныхъ мною сортовъ, тутъ есть конусы,

ужовки, скалы, арфы, всѣ самой разнообразной красивой формы и необыкновенно изящныхъ рисунковъ; въ большинствѣ ихъ скрывается крошечное насѣкомое—пустынникъ, которое убѣгаетъ во всю прыть своихъ маленькихъ лапокъ, какъ только хочешь взять раковину. Мѣстами большія груды корала ложатся краснымъ пятномъ на этомъ разноцвѣтномъ или перламутровомъ фонѣ.

Къ полудню все становится такъ ярко, что и представить себѣ что нибудь подобное невозможно. Всѣ видимые предметы не походятъ ни на что до сихъ поръ видѣнное. Кажется, какъ будто присутствуешь на какомъ нибудь великомъ безмолвномъ представленіи первыхъ геологическихъ временъ,—неизвѣстно даже на землѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ... Все розово, но какъ будто перерѣзано по срединѣ безконечной темносиней, почти черной полосой, которую можно было-бы на рисункѣ изобразить краской Bleu de Prusse, съ легкими штрихами изумрудной зелени. Полоса эта—море, невѣроятное море Акаба; оно перерѣзываетъ пустыню, но совершенно отчетливо и рѣзко, на двѣ половины чуднаго розоваго цвѣта гортензіи, напоминающаго розовое вечернее облако, въ которомъ, какъ контрастъ съ слишкомъ рѣзкимъ цвѣтомъ воды и грубыми очертаніями, все кажется туманнымъ и неопредѣленнымъ, все блеститъ перламутромъ, гранитомъ и слюдой, все дрожитъ отъ теплоты и миража...

Одна изъ двухъ половинъ—это противоположный берегъ. Великая Аравійская пустыня, громадная стѣна въ тысячу метровъ высоты изъ гранита цвѣта кармина; она прямо стоитъ въ небѣ и скрывается въ глубокой, воздушной дали.

Другая половина—морской берегъ, по которому двигаются наши верблюды; она вся сплошь изъ розоваго песку, коралловъ и перламутровыхъ раковинъ.

Удивительно, непостижимо это единственное море Акаба, никогда не видавшее паруса, вѣчно безмолвное, вѣчно теплое; прячетъ оно въ своихъ слишкомъ синихъ водахъ этотъ міръ коралловъ и раковинъ, въ своихъ неизмѣнно-розовыхъ, пустынныхъ и почти наводящихъ ужасъ берегахъ, куда изрѣдка человѣкъ попадаетъ только набѣгомъ и то дрожитъ за свою жизнь...

Въ полуденный отдыхъ мы ставимъ палатку и разстилаемъ ковры посреди тысячъ самыхъ разнообразныхъ раковинъ.

Уснувъ тяжелымъ сномъ, снова пускаемся въ путь при еще болѣе розовомъ и золотистомъ свѣтѣ. Утромъ мы прошли пять часовъ и пройдемъ еще четыре вечеромъ посреди все такого же великолѣпія. По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся, море Акаба все

болѣе сжимается, а та сторона Аравіи ближе подходитъ къ намъ.

Все время послѣ полудня меня преслѣдуетъ заблудившаяся трясогузка; слегка попискивая, она порхаетъ даже между ногъ моего верблюда; пискъ ея и шаги каравана по раковинамъ кажутся почти большимъ шумомъ въ этомъ чудномъ мірѣ безмолвія.

Въ сумерки останавливаемся на морскомъ берегу, гдѣ верблюды нашли тощую травку.

Какъ только поставили мою палатку, трясогузка явилась у двери, точно просясь войти и поѣсть, ища защиты отъ пустыни...

Мы стоимъ очень близко отъ моря, въ сжатой полосѣ, на которую уже пала ночная тѣнь, тогда какъ напротивъ, за водами, сдѣлавшимися цвѣта павлиньяго хвоста, весь этотъ хаосъ гранита, называющійся Аравіей, еще не сбросилъ свою вечернюю фантасмагорію: между зеленымъ моремъ и такимъ же небомъ тянутся фіалетовыя въ основаніи горы, а вершины неопредѣленнаго желтовато-розоваго цвѣта, оставшагося отъ зашедшаго солнца, какъ будто внутри ихъ скрывался огонь, какъ будто все должно скоро расплавиться и громадная печь космическихъ породъ снова загорѣлась для того, чтобы произвести крушеніе и перевернуть міръ...

Но кругомъ все такъ тихо, все дѣйствуетъ такъ успокоительно на человѣка, указывая, что всѣ эти ужасы ничто иное, какъ игра свѣта и миражей...

Съ наступленіемъ таинственной ночи, мѣсто это кажется такимъ дикимъ. Какъ далекъ нашъ маленькій лагерь отъ современнаго намъ міра!

За нами гранитныя громады сдѣлались какими-то черными щитами, странной и грубой формы; онѣ вздымаются къ звѣздному небу, съ котораго спустился на нихъ тоненькій рогъ восточной луны, точно страшная печать Ислама...

Однако Аравія скрылась, и за водой, начавшей понемногу шумѣть отъ поднявшагося вѣтра, она кажется сѣроватой полосой, внезапно отошедшей очень далеко.

Верблюды боятся темноты и бродящихъ звѣрей, потому улеглись около огня; бедуины, какъ бѣлые или черные призраки, распростершись на пескѣ, оканчиваютъ молитву на сонъ грядущій. А вѣтеръ, вдругъ сдѣлавшійся холоднымъ и рѣзкимъ, начинаетъ волновать наши палатки...

XXIII.

Понедѣльникъ, 12 марта.

Великая Аравія еще не сняла своего туманнаго покрова и отъ верблюдовъ нашихъ стелется очень длинная тѣнь, когда мы выступаемъ въ путь чуднымъ прохладнымъ утромъ.

Вчера мы сдѣлали отъ 50 до 60 километровъ и предстоитъ пройти еще столько до Акаба, единственнаго города въ этой мѣстности. Въ немъ останавливаются святые караваны.

Дорога точно такая-же какъ наканунѣ; мы дышемъ тѣмъ же сочнымъ, живительнымъ воздухомъ. Атмосфера до того прозрачна и легка, что кажется будто ея вовсе и не существуетъ, до такой степени все далеко и ясно видно; разстояніе становится обманчивымъ и трудно оріентироваться. Одно только море, съ слишкомъ темной водой и слишкомъ рѣзкими очертаніями, кажется реальнымъ и осязаемымъ; но и оно какъ будто виситъ въ пустомъ пространствѣ, посреди громадной тучи розоваго необъятнаго видѣнія, какимъ представляется этотъ страшный и суровый гранитный хаосъ пустыни...

Около трехъ часовъ нашимъ отвыкшимъ отъ человѣческаго жилья глазамъ предстали на небольшомъ прибрежномъ островкѣ развалины цитадели, съ черными зубцами, во вкусѣ саррациновъ. Вѣроятно, это былъ когда-нибудь монастырь въ родѣ Синайскаго, убѣжище покинутое уже сто лѣтъ.

Мы съ нетерпѣніемъ спѣшимъ увидать Акаба, бывшій нѣкогда Эзіонгаберъ, гдѣ высадилась королева Саба и гдѣ останавливались корабли царя Соломона, направляясь въ дальній Офиръ. Позднѣе это была Элана римлянъ, еще цвѣтущая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Теперь это даже и не гавань; уже цѣлые вѣка сюда забыта дорога, и Исламъ наложилъ свою печать безмолвія. Говорятъ, здѣсь нѣчто въ родѣ каравансерая, гдѣ останавливаются и забираютъ продовольствіе идущіе въ Мекку богомольцы. Но, по разсказамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ путешественниковъ, здѣсь еще сохранились двери, украшенныя арабесками, прекрасные костюмы, красные бурнусы.

Часа черезъ два или три мы будемъ въ этомъ привлекающемъ насъ мѣстечкѣ, судя по тому, что начинаетъ показываться длинная зеленая полоса пальмъ; тамъ, вѣроятно, и скрывается оазисъ, на которомъ построенъ городъ.

При скрещеніи двухъ пустынныхъ, безмолвныхъ долинъ, караванъ нашъ проходитъ по идеально грустному мѣсту. Обѣ эти до-

лины смерти одновременно кончаются около морскаго берега. И здѣсь, какъ раньше, посреди всего неопредѣленнаго, красноватаго и розоваго, посыпаннаго пепломъ, одно только море кажется дѣйствительно существующимъ. Какъ исключеніе изъ общей картины попадаются деревья, которыя налагаютъ еще большую печать уныніе; двѣ или три тонкія финиковыя пальмы и еще другія, какой-то странной формы, вытянули свои длинныя нелѣпыя вѣтви съ букетомъ пожелтѣвшихъ вѣеровъ. Дремавшій на одной изъ нихъ аистъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ за нами вмѣстѣ съ вчерашней трясогузкой.

Еще часъ идемъ по этимъ берегамъ и достигаемъ конца залива, который тянулся три дня. Вода цвѣта bleu de Prusse дѣлаетъ кривую линію, вливается въ пески въ родѣ конечнаго круга, который мы огибаемъ, чтобы вступить наконецъ въ оазисъ Акаба.

Но если кончается море, то двѣ стѣны горъ, въ которыхъ оно заключалось, не кончились еще; онѣ тянутся параллельно къ сѣверу до послѣднихъ отдаленныхъ видимыхъ точекъ; только вмѣсто воды, замыкаютъ пески, и заливъ Акаба продолжается чѣмъ-то въ родѣ безконечной долины, величественной по своей пустотѣ, съ нѣсколькими дроками и одинокими финиковыми пальмами.

Долина эта—начало пустыни Пѣтра. Проводники наши уже начинаютъ волноваться, вступая во владѣнія великаго шейха.

Тѣмъ временемъ мы приближаемся къ Акабѣ, который представляетъ собою сплошной пальмовый лѣсъ, такой-же безмолвный, какъ все окружающее. Ни одного домика въ деревняхъ, ни души кругомъ, ни одного паруса на водѣ, за то вездѣ изсохшія кости, черепа животныхъ и позвонки.

Наступилъ, такъ сказать, золотой часъ вечера. Золото чрезмѣрно разлито еще по стволамъ цвѣтущихъ пальмъ и по склонившимся длиннымъ вѣтвямъ деревьевъ, растущихъ въ одиночку; а стоящій вдали мрачный и прозрачный лѣсъ уже погруженъ въ мракъ.

Мы входимъ въ лѣсъ, и пальмовый сводъ окутываетъ насъ своею тѣнью. И опять ни души, ни малѣйшаго движенія, ни шороха; маленькія стѣнки, старыя, готовыя обрушиться, образуютъ тутъ ограды и аллеи, по которымъ мы и идемъ на удачу. Такъ это и есть Акаба, здѣшній великій городъ!.. Но вотъ показались нѣсколько человѣкъ, бедуины расположившіеся лагеремъ въ оградѣ, въ сѣроватыхъ палаткахъ; они съ небрежнымъ любопытствомъ смотрятъ на насъ. Въ просвѣтахъ между черными пятнами пальмъ виднѣется чудное небо, точно въ отдаленномъ апаѳеозѣ.

Въ концѣ концовъ приходимъ въ какое-то центральное мѣсто, гдѣ есть цитадель, дома и люди. Палатки наши уже тамъ, и на насъ обращаются не то любопытные, не то недовѣрчивые взоры. На цитадели, вѣроятно въ честь насъ, развѣвается красный флагъ съ полумѣсяцемъ. Совершенно низенькіе домики изъ глины похожи на какія-то дикія берлоги. Небольшое общество, собравшееся посмотрѣть на насъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ регулярныхъ турецкихъ и арабскихъ солдатъ; они великолѣпны въ своихъ черныхъ плащахъ поверхъ бѣлаго, съ вуалями, скрѣпленными на лбу черными или золотыми шнурами. Когда мы сошли съ верблюдовъ, турецкіе солдаты подошли къ намъ съ добрымъ, привѣтливымъ видомъ; я говорю съ ними на языкѣ Стамбула, пожимаю руки, довольный сознаніемъ, что мы находимся не во враждебной странѣ.

Затѣмъ ко мнѣ приводятъ слугу шейха Пѣтра, который со вчерашняго дня стоялъ въ ожиданіи насъ на караулѣ и долженъ въ эту-же ночь отправиться къ великому грабителю, предупредить его о нашемъ прибытіи.

— Попроси шейха Могаммеда-Яль, говорю я ему, придти завтра и привести двадцать человѣкъ и двадцать верблюдовъ, которыхъ я найму, чтобы пройти его владѣніями.

— Верблюдовъ, верблюдовъ! какъ-то слезно, по французски, повторяетъ нашъ проводникъ, который относится къ нему съ недовѣріемъ,—какихъ онъ тамъ приведетъ верблюдовъ, кто его знаетъ... Можетъ быть такихъ, что не будетъ никакой сбруи, ни повода, чтобы вести ихъ.

Этотъ скептикъ и злой предсказатель добавляетъ еще, что каймакамъ, т. е. турецкій губернаторъ въ Акаба, ожидаетъ меня завтра утромъ для серьезныхъ переговоровъ, вѣроятно чтобы воспретить мнѣ проходъ черезъ Пѣтра.

Устроивъ лагерь, мы остаемся одни, такъ какъ вся публика, удовлетворивъ любопытство, разошлась.

Я нахожусь въ нѣкоторой тревогѣ отъ предстоящаго на утро разговора и печально посматриваю, сидя около палатки, на сгущающіяся сумерки.

Почти одновременно по всѣмъ направленіямъ мгновенно загорѣлись звѣзды, и мѣсяцъ, хотя еще очень слабо, но уже свѣтитъ. Вся эта сѣровато-розовая пустыня, съ ея песками и гранитными горами, поднимается высоко, высоко на ясномъ небѣ, надъ жалкими дикими домишками и кажется прозрачнымъ, туманнымъ видѣніемъ, такимъ тихимъ, почти непостижимымъ и не имѣющимъ перспективы. Въ этой обширной пустотѣ, представляющейся какъ-бы сплош-

нымъ облакомъ, безшумно, медленно проходятъ нѣсколько призраковъ, закутанныхъ въ бѣлое или черное; это пастухи ведутъ запоздавшихъ верблюдовъ, тѣни которыхъ кажутся невѣроятно великими при лунномъ свѣтѣ.

На первомъ планѣ этой маленькой площадки Акаба являемся мы сами со всѣми нашими аттрибутами, спящими верблюдами, бедуинами на кортчокахъ или въ растяжку; тутъ-же сбруя, одѣяла, мѣшки и т. п.

А за мною черная стѣна пальмъ съ большими пучками перьевъ закрываетъ собою пустынный берегъ, гдѣ море потихоньку шумитъ среди безконечной тишины...

Меня тянетъ къ этому берегу, и я зову изъ палатки Лео, чтобы прогуляться всѣстѣ съ нимъ.

Прежде всего надо пройти темнымъ пальмовымъ лѣсомъ, по песчанымъ тропинкамъ, между каменныхъ стѣнъ. Благоговѣйно настроенные, сосредоточенные точно при входѣ въ храмъ, мы проникаемъ въ мрачный лѣсъ, оба похожіе на арабовъ, въ шерстяныхъ покрывалахъ, схваченныхъ на лбу шнурами; мы похожи отчасти и на привидѣнія, благодаря тому, что въ туфляхъ неслышно шагаемъ по песку. Въ этомъ лѣсу свой какой-то особенный ароматъ, теплый воздухъ моря, пустыни и чего-то дикаго. Надъ головами нашими вздымаются суровыя черныя перья, не колеблемыя ни малѣйшимъ вѣтеркомъ.

Вотъ и берегъ, еще розовый точно днемъ, и, конечно, совершенно пустой кругомъ. Вдоль берега таинственный, великолѣпный лѣсъ распространяетъ самую глубокую тьму, кое-гдѣ какая-нибудь вѣточка, отдѣлившись отъ высокаго дерева, склоняетъ пучекъ перьевъ, который такъ чудно отражается въ водѣ. Въ этотъ ночной часъ море необыкновенно прозрачно и луна отражается въ немъ блѣдной полосой блестокъ. Отъ такой безмолвной обстановки вѣетъ чѣмъ-то волшебнымъ, но это не томное упоеніе тропической ночи, а нѣчто болѣе сокровенное и гнетущее, чему трудно подыскать имя, тоска свойственная только странѣ мусульманъ и пустынѣ. Всюду царитъ неподвижность Ислама и спокойствіе смерти. Какую-то неизъяснимую прелесть составляетъ стоять тутъ, какъ безмолвныя бѣлыя привидѣнія, при свѣтѣ аравійской луны, подъ черными пальмами, на берегу уединеннаго моря, не имѣющаго гавани, не видавшаго ни рыбака, ни корабля...

XXIV.

Вторникъ, 13 марта.

Непріятный день.—Утромъ отправляюсь къ каймакаму въ тревогѣ по поводу дошедшаго до меня слуха о его намѣреніяхъ относительно насъ.

Дуетъ вѣтеръ, но вмѣсто свѣжести палитъ, вздымая песокъ и саранчу.

Къ жилищу каймакама ведетъ что-то въ родѣ маленькой улицы между дикихъ лачужекъ одного цвѣта съ землей. Его домъ такой-же какъ и всѣ другіе; меня ввели въ низенькую залу, тоже отдающую пустыней: неправильныя стѣны, грубо раскрашенныя известью; брусья изъ пальмовыхъ стволовъ, крыша изъ сухихъ пальмъ.

Входитъ губернаторъ, турокъ съ сѣдой бородой, улыбающійся, вѣжливый, но съ такимъ выраженіемъ упрямства на благородномъ лицѣ, что невольно представляется, какъ въ этомъ, отдаленномъ отъ всего живаго мѣстѣ, онъ можетъ играть съ нами, какъ кошка съ мышью. Подъ рукой у него триста покорныхъ ему регулярныхъ турокъ; да помимо этого мы не можемъ вступать въ открытую войну съ оттоманской властью.

— Идти въ Петра?—говоритъ онъ,—нѣтъ, туда болѣе не ходятъ. Уже годъ какъ Египетъ уступилъ эту мѣстность Турціи, и для того чтобы пройти черезъ нее, нужно разрѣшеніе Меккскаго паши, который теперь завѣдуетъ этой пустыней.

А разрѣшенія такого у насъ нѣтъ. Къ тому-же, по его словамъ, путешествіе это было-бы очень опасно для насъ, такъ какъ сѣверныя племена взбунтовались; около Керака дерутся, и правительство послало туда три тысячи регулярнаго войска изъ Дамаска.

Тогда я предлагаю ему отправить на верблюдѣ посланца въ Каиръ испросить у его превосходительства Мухтара-паши особаго разрѣшенія для насъ; а мы недѣли двѣ подождали-бы здѣсь отвѣта.

И въ этомъ онъ отказываетъ, объясняя, что иностранцы ни подъ какимъ видомъ не могутъ оставаться въ Акаба больше сутокъ.

И такъ, завтра мы должны вернуться тѣмъ-же путемъ въ Сэуцъ, откуда пришли; таково его рѣшеніе.

Очевидно, онъ боится за насъ и не хочетъ брать на себя отвѣтственности. А можетъ быть, онъ имѣетъ тайныя предписанія не пропускать этимъ путемъ нѣкоторыхъ враждебныхъ иностранцевъ и распространяетъ это распоряженіе и на насъ, не подозрѣвая, что мы большіе друзья Турціи.

Мы предвидѣли всякія затрудненія и неудобства при проходѣ пустыней Петра во время возмущенія, но никакъ не ожидали оби-

ціальнаго запрещенія султанскаго правительства, тѣмъ болѣе, что въ Каирѣ никто, даже любезные паши, интересовавшіеся и принимавшіе участіе въ нашемъ путешествіи, не сказалъ намъ ни слова по поводу того, что Пётра теперь въ зависимости отъ Турціи.

Я возвращаюсь въ палатку совсѣмъ разстроенный. А Магоммедъ-Яль, который придетъ къ намъ въ эту ночь, понапрасну обезпокоенный нами, вѣроятно потребуетъ еще выкупъ.

Вѣтеръ все сильнѣе и палатки полны песку и мухъ. А проводники изъ Акаба, узнавъ о нашихъ недоразумѣніяхъ съ губернаторомъ, начинаютъ подозрительно смотрѣть на насъ.

Теперь одна надежда на самого Магоммеда-Яли. У насъ является мысль совершенно отдаться въ его распоряженіе, притвориться, что возвращаемся въ Суэцъ и сказать ему, чтобы чтобы онъ черезъ два или три дня пути отсюда пришелъ за нами и провелъ въ свою пустыню. Но согласится-ли онъ и за какую плату? Но тогда, пройдя насильно, не смотря на запрещеніе, турецкія владѣнія, намъ уже не отъ кого ждать поддержки; что сталось-бы съ нами, напримѣръ, если-бы мы попались этимъ тремъ тысячамъ регулярнаго каракскаго войска, которое навѣрно отправитъ насъ въ плѣнъ къ тому-же каймакаму Акаба?..

Но все лучше, чѣмъ возвращаться такъ печально въ Суэцъ! И вотъ, этотъ шейхъ Пётра, котораго еще такъ недавно мы боялись, является нашимъ спасителемъ и мы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ его.

Насъ увѣряютъ, что въ часъ Могреба онъ непремѣнно явится.

Послѣ полудня, каймакамъ дѣлаемъ мнѣ визитъ въ моей палаткѣ. Несмотря на жару, онъ одѣтъ въ зеленый суконный кафтанъ на куньемъ мѣху. По прежнему любезный, онъ еще разъ извиняется, что принужденъ отказать въ нашей просьбѣ, но рѣшеніе его неизмѣнно, и онъ разрѣшаетъ намъ только днемъ позднѣе выступить въ путь.

Когда жаръ спалъ, я печально направляюсь къ берегу; онъ такъ-же какъ и наканунѣ вечеромъ великолѣпенъ и унылъ.

Какой-то райскій, волшебный свѣтъ разливается по гигантскому амфитеатру розоваго гранита, гдѣ только что уснуло лазоревое небо, одинокое и вѣчно пустынное. Завѣса чудныхъ зеленыхъ пальмъ колеблется отъ вѣтра; маленькія известковыя стѣнки, покрытыя изсохшими костями отъ разныхъ частей тѣла, крошатся отъ жара и сухоты. На пескѣ коралловыя вѣтви и грядки рѣдкихъ раковинъ. И опять ни души, все мертво.

Въ часъ Могреба великаго шейха еще нѣтъ. Вѣроятно, говорятъ, придетъ ночью, и мы продолжаемъ ожидать его съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ.

Часовъ въ десять вечера я иду одинъ къ берегу, проходя по тропинкѣ, усѣянной спящими бедуинами и верблюдами; бѣдные люди и животныя, мы уже освоились съ ними, а завтра они уйдутъ, сдавъ насъ незнакомымъ, которыхъ приведетъ Магоммедъ-Яль.

Вечеромъ море таинственно шумитъ. Тонкое очертаніе луны рамадана блеститъ между звѣздъ.

Подъ пальмами на кампѣ спятъ два турецкіе солдата.

Я разговорился съ ними. Въ Акаба они чувствуютъ себя такими-же одинокими какъ я. Они предлагаютъ мнѣ пройтись съ ними.

Они братья изъ Смирны, гдѣ оставили двухъ младшихъ братьевъ. Ссылка ихъ должна продолжаться два года. Разъ въ годъ сюда приходитъ турецкое судно смѣнять гарнизонъ и черезъ пять мѣсяцевъ возьметъ ихъ...

Вдругъ на насъ пахнуло трупомъ... Мы увидали мертваго верблюда, единственнаго обитателя этого берега. «Еще нѣтъ недѣли, какъ онъ палъ, говорятъ турки, а собаки и шакалы почти совсѣмъ съѣли его».

Я обѣщаю имъ придти завтра вечеромъ поговорить еще о ихъ родинѣ и ухожу въ палатку, чтобы лечь, но не заснуть, въ ожиданіи прихода шейха, который рѣшитъ нашу участь.

XXV.

Среда, 14 марта.

Около трехъ часовъ утра съ турецкой цитадели раздается звукъ трубы, слабый, дребезжащій, протяжный звонъ, который теряется въ ночной тишинѣ. Слушая этотъ звонъ, какъ ясно вспоминаю я трубу Стамбула. Я знаю, что это означаетъ: теперь рамаданъ, и правовѣрнымъ возвѣщаютъ наступленіе часа поста и молитвы.

Вскорѣ издали слышится сухой деревянный звукъ барабана, потомъ онъ приближается къ нашему лагерю и обходитъ его кругомъ. Какъ дико и печально раздается онъ въ ночной тишинѣ. Медленно выбиваются удары и медленность эта заставляетъ вздрагивать отъ незнакомыхъ размѣровъ.

Вѣроятно, это Магоммедъ-Яль пришелъ. Такая музыка можетъ быть только для него одного. Выхожу изъ палатки и спрашиваю караульныхъ:

— Что это такое?

— Ничего,—отвѣчаютъ они; барабанный бой по случаю рамадана, передъ началомъ молитвы.

Вѣстникъ два раза обходитъ наши палатки, оглашая воздухъ деревяннымъ мертвымъ звукомъ, и идетъ дальше по темнымъ тропинкамъ оазиса, гдѣ скоро музыка эта и прерывается.

Проходитъ еще часъ. Тогда я уже отчетливо слышу шумъ пришедшихъ верблюдовъ, которыхъ ставятъ на колѣна крикомъ «цс! цс!», потомъ слѣзаютъ люди, подходятъ къ нашимъ караульнымъ и обмѣниваются съ ними церемонными «саламалекъ» (здравствуй); а чей-то голосъ тихонько, съ трепетомъ, произноситъ имя Магомеда-Яли. На этотъ разъ это несомнѣнно онъ, и я ожидаю, что отворится дверь моей палатки. Но вдругъ, побѣжденный сномъ, теряю сознаніе всего окружающаго..

Это дѣйствительно былъ Магоммедъ-Яль; онъ не хотѣлъ, чтобы меня будили и, узнавъ отъ нашего проводника о нашихъ неожиданнымъ непріятностяхъ, обѣщалъ въ три часа утра идти хлопотать за насъ у каймакама, не ложась спать по случаю рамадана.

Переводчикъ сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія и предупредилъ, что въ восемь часовъ утра великій шейхъ придетъ въ мою палатку.

Онъ явился ко мнѣ съ улыбкой на лицѣ и протянутой рукой, въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей, сына и племянника; онъ сѣлъ въ кресла съ манерами большаго барина, а я послалъ сказать моимъ спутникамъ о пришедшемъ гостѣ.

У него худощавое красивое лицо разбойника съ сѣдой бородой и бровями; профиль точеный; блестящіе глаза, которые каждую секунду мѣняютъ выраженіе, дѣлаясь то жестокими, то добрыми. Платье изъ красной Брусской шелковой матеріи съ желтыми искорками; длинные рукава висятъ почти до земли; поверхъ этого платья—толстая бедуинская рубашка изъ холста песочнаго или пыльнаго цвѣта и наконецъ овечья шкура; на головѣ покрывало изъ толстаго Мекскаго шелка съ густыми складками, придерживаемое на лбу обручемъ изъ толстаго шнурка съ черными кисточками; очень маленькія босыя ноги и кожаныя подошвы на нихъ; совсѣмъ дѣтскія руки и неизбѣжная палка, какъ у погонщика верблюда; очень хитрый, онъ отлично умѣлъ владѣть собою; глаза его смотрѣли иногда повелительно и сердито, иногда избѣгали взгляда другаго и наоборотъ пристально всматривались, какъ только собесѣдникъ отворачивался отъ него.

Онъ былъ именно такой, какимъ я представлялъ его себѣ, выработанный пятьюдесятью или больше годами разбойничества высшей школы. Молодые люди сопровождавшіе его имѣли видъ трусливыхъ, покорныхъ и безобидныхъ дѣтей.

Поздоровавшись со мною, онъ выражаетъ удивленіе по поводу упорства каймакама и сожалѣніе, что не можетъ принять меня въ Пѣтра.

Я рѣшился иначе заговорить съ нимъ и спросилъ:

— А не можешь-ли ты сдѣлать видъ, что ведешь насъ въ Суэцъ, а черезъ два дня отсюда... никто не узнаетъ...

Онъ останавливаетъ меня, схвативъ за руку, и подвижные глаза его приняли грустное выраженіе попавшагося въ западню звѣря. «Ахъ, отвѣтилъ онъ,—правда, прежде я былъ хозяинъ, но теперь, видишь, турки пришли, и уже цѣлый годъ какъ я подчиненъ имъ и далъ каймакаму слово повиноваться ему».

Я понялъ, что пропала послѣдняя надежда.

Настаивать было безполезно, потому что данное слово, такъ мало значащее у насъ, образованныхъ западниковъ, священно для разбойниковъ пустыни.

Тогда онъ предлагаетъ мнѣ пойти въ Египетъ, но не черезъ Синай, а дорогой, по которой ѣдутъ богомольцы въ Мекку (черезъ Накель и пустыню Ти); на это намъ нужно всего десять дней; конвоировать насъ будутъ проводники, приготовленные намъ въ Пѣтра; они придутъ вечеромъ, въ часъ Могреба.

— Отправь своихъ людей и верблюдовъ, предлагаетъ онъ мнѣ; возьми моихъ, они лучше.

Я соглашаюсь и потому еще, что отказываться было-бы безполезно, такъ какъ теперь я нахожусь въ его когтяхъ.

И такъ, это вопросъ рѣшеный и остаются только второстепенные переговоры, въ родѣ платы людямъ и за животныхъ, которую онъ назначаетъ очень скромно. Затѣмъ разговоръ о выкупѣ: «Прежде, говорилъ онъ,—когда путешественники проходили черезъ Пѣтра, я бралъ съ каждаго двѣнадцать турецкихъ лиръ (около ста рублей); съ васъ возьму только по шести, такъ какъ вы едва успѣли вступить на мою землю». И такъ, мы разстались, пожавъ другъ другу руки, самыми лучшими друзьями.

Приходилось отпустить бѣдныхъ бедуиновъ, приведшихъ насъ сюда. Они ожидали этого, зная о моемъ недоразумѣніи съ шейхомъ Пѣтра; собравшись на скоро и наполнивъ свѣжей водой свои мѣшки, они пришли проститься съ нами, поцѣловали руку и поспѣшили удалиться отъ могущей встрѣтиться опасности.

Вообще, впрочемъ, они были довольно смѣлы, такъ какъ родились въ еще менѣе гостепріимной пустынѣ Синая. Смотря вслѣдъ

нимъ, намъ кажется, что съ ихъ уходомъ прерывается послѣдняя связь наша съ міромъ.

Завтра утромъ мы выступимъ въ Египетъ съ двадцатью людьми и столько же верблюдовъ отъ стараго Яль. Намъ кажется ужасно непріятнымъ возвращаться опять въ Капръ. Что скажутъ наши друзья, предполагающіе, что мы находимся въ дальнемъ путешествіи, когда увидятъ, что насъ вернули точно безпаспортныхъ бродягъ. Мы рѣшаемъ по пути подкупить людей Пѣтра и повернуть въ Палестину; но такое нарушеніе предписанія турецкаго представителя создастъ намъ, конечно, множество новыхъ затрудненій. Обсуждая эти обстоятельства, мы сидимъ уныло въ палаткахъ. День тянется безконечный, скучный, а въ оазисъ, совершенно по близости къ намъ, начинаютъ прибывать какіе-то подозрительные люди: вооруженные бродяги, подходящіе все ближе къ нашимъ палаткамъ, бедуины съ острымъ профилемъ или негры съ плоскимъ лицомъ, привлекаемые нашими съѣстными припасами и золотомъ; всѣ они собираются около насъ, точно мухи около кушанья. А нѣжный вѣтеръ нагоняетъ еще крупную желтую саранчу...

Однако, послѣ полудня, благодаря участію стараго Яль, у насъ завязываются новые переговоры съ обитателемъ дома съ пальмовой крышей, отъ котораго зависитъ наша дальнѣйшая судьба. Посланные бѣгаютъ взадъ и впередъ по душной улицѣ съ земляными стѣнами, принося намъ надежду.

Каймакамъ раскаявается въ причиненныхъ намъ безпокойствахъ; пропустить насъ черезъ Пѣтра онъ не можетъ, боясь отвѣтственности передъ его и нашимъ правительствомъ; дѣйствительно, это было бы рискованно въ то время, какъ говоритъ самъ Магоммедъ Яль, который можетъ отвѣчать за насъ только до границы своихъ владѣній и съ нѣкоторой тревогой сообщаетъ о происшедшемъ вчера сраженіи въ окрестностяхъ Керака и Тафиле.

Но можетъ быть онъ пропуститъ насъ прямо въ Газа, черезъ пустыню Ти, на что потребуется десять или двѣнадцать дней, черезъ мѣста еще менѣе посѣщаемыя нежели Пѣтра и Мертвое море, и дастъ офицера и двухъ турецкихъ солдатъ съ цитадели Акаба, за содержаніе которыхъ, также какъ за верблюдовъ и выкупъ, мы, конечно, заплатимъ. Это послѣднее условіе особенно доказываетъ его недовѣріе къ намъ, подозрѣніе въ шпіонствѣ, можетъ быть, на которое наводитъ его наше настойчивое желаніе, безъ спеціальнаго разрѣшенія, проникнуть въ запрещенную страну, гдѣ Турція на-

чала военныя дѣйствія; но, говоря правду, нельзя особенно претендовать на него за это, такъ какъ пустыня Пѣтра не представляетъ собою ничего такого, что могло бы оправдать наше упорство.

Къ вечеру дѣло, повидимому, приняло хорошій оборотъ. Каймакамъ, котораго мы не могли видѣть по случаю рамадана, приказалъ сказать, что онъ, будучи утомленъ постомъ и молитвою, проситъ насъ подождать до часа Могреба, когда онъ можетъ закусить и выпить кофе и тогда въ состояніи будетъ лучше обсудить и принять рѣшеніе относительно насъ. Теперь мы стали покойнѣе и уже предвидимъ дорогу въ Палестину черезъ пустыню.

На закатѣ солнца, мы идемъ съ Лео выкупаться въ пустынномъ морѣ. Нѣсколько вооруженныхъ бродягъ продолжаютъ шнырять около нашихъ палатокъ; дорога въ пальмовомъ лѣсу какъ всегда безлюдна; берегъ также мертвъ, море вѣчно голубое у подножія вѣчно розовыхъ горъ.

Выкупавшись, мы растянулись на травѣ и услышали позади топотъ множества ногъ; цѣлая сотня барановъ приближалась къ намъ и два пастуха, турецкіе солдаты въ формѣ, вооруженные съ головы до ногъ; увидя меня, они улыбаются, и я узнаю въ нихъ моихъ вчерашнихъ знакомцевъ, Гассана и Мустафу, братьевъ изъ Смирны.

— Вѣрно ваши бараны очень сердиты, что вы такъ вооружаетесь, сопровождая ихъ,—спросилъ я.

— О! Это не для барановъ,—отвѣчаютъ воины, а для бедуиновъ! Здѣсь не безопасно; на разстояніи полчаса отъ Акаба могутъ перерѣзать горло!..

Они собрали стадо и повели его на отдыхъ, а я обѣщалъ придти поговорить съ ними въ послѣдній разъ, на берегу, черезъ два часа послѣ Могреба...

Въ восемь часовъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, изъ маленькаго ремлянаго переулочка надвигается на наши палатки высокій пазадный свѣтильникъ фонарь. Каймакамъ приглашаетъ меня къ себѣ для переговоровъ съ шейхомъ Пѣтра, и мы отправляемся съ надеждою въ душѣ.

Первымъ приходитъ и садится старый шейхъ; потомъ мы важно усаживаемся по стѣнамъ, слабо освѣщеннымъ стоящимъ въ углубленіи фонаремъ. Каймакамъ, не смотря на жару, въ мѣховомъ кафтанѣ; онъ кажется дѣйствительно очень утомленнымъ. Негръ приноситъ на подносѣ сигары, кофе въ китайскихъ чашкахъ; послѣ обычныхъ привѣтствій и пожатій руки, водворяется молчаніе.

Дверь отворяется и въ нее входятъ медленнымъ шагомъ и съ важной осанкой старцы съ сѣдыми бородами, въ мѣховыхъ кафтанахъ, съ мекскими покрывалами на головахъ; лица у нихъ суровыя и неумолимыя; сразу старцы эти производятъ по своей красотѣ впечатлѣніе пророковъ, но скоро вы замѣчаете дикіе горбатые носы и орлиные глаза. Судя по пріему каймакама, надо полагать, что это именитые люди пустыни, съ которыми приходится считаться; по очередь ихъ по дѣлу наступитъ послѣ насъ, такъ какъ они сѣли въ сторонѣ, почти въ тѣни, вдоль стѣнъ.

Наконецъ каймакамъ заговорилъ своимъ пріятнымъ голосомъ и рѣшился сказать, что можетъ быть пропуститъ насъ прямо въ Палестину; но все-таки у него являются опасенія... Колебаніе... Ахъ, эта восточная медлительность!.. Разговоръ идетъ по турецки; проводникъ нашъ стоитъ передъ нимъ на колѣнахъ, въ подобострастной позѣ, смотритъ на него и умоляюще и лукаво, выжидая, вытягивая это рѣшительное *da,* которое дастъ намъ возможность продолжать путь. Но это могущественное *da* каймакамъ произноситъ не ранѣе какъ черезъ полчаса.

Остается записать его и наши имена по турецки и французски установить нѣкоторыя подробности и, наконецъ, мы уходимъ счастливые послѣ двухъ мучительныхъ дней.

Ночь была восхитительна. Я не забылъ обѣщанія и пошелъ побесѣдовать съ турецкими солдатами; они ожидали меня, но уже начинали отчаяваться. Прохаживаясь взадъ и впередъ по берегу, мы разговариваемъ о Стамбулѣ, Измирѣ, стараясь обходить мертваго верблюда...

Но вотъ издали раздался протяжный, заунывный, подобный голосу муэззина, звукъ трубы, и они поспѣшно удаляются по направленію крѣпости, указывая мнѣ лѣсную тропинку: «Иди тутъ, прямо, это самая короткая дорога къ твоему лагерю:»

Оставшись одинъ, я не могъ найти дороги, хотя лѣсъ и не великъ. Для Акаба время было очень позднее, около полуночи. Проблуждавъ порядочно такимъ образомъ, не знаю какъ я очутился на кладбищѣ; тутъ мѣсто открыто, и я легче могу оріентироваться...

Какое-то животное, собака или шакалъ, грызшее въ какой-то дырѣ неизвѣстно что, выбѣжало, испугавшись меня, съ смертельно страшнымъ визгомъ. Пальмовый лѣсъ отошелъ на задній планъ; надъ стѣнами кладбища возвышаются мягко очерченныя отдаленныя гранитныя горы. Перспективы какъ бы не существуетъ вовсе, точно земля, превратившись въ туманъ, поднялась для того, чтобы сейчасъ опуститься. Но все стоитъ неподвижно, все замерло въ

безконечномъ спокойствіи. И все-таки это мрачное уныніе нагоняетъ пустыня и Исламъ, дивное уныніе, для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ...

Звѣрь не убѣжалъ; онъ кружится между могилъ, то разстилаясь по землѣ отъ страха моего присутствія, то испуская опять страшный визгъ...

Наконецъ я увидалъ палатки, въ видѣ почти бѣлыхъ конусовъ между красноватыми стѣнами деревушки. Другаго прохода съ кладбища, кромѣ того, которымъ я вошелъ, не было, и я рѣшился перелѣзть черезъ стѣну изъ каменьевъ и глины. Подъ тяжестью моею все это посыпалось, образовавъ брешь въ два или три метра длиною и я побѣжалъ опрометью, чтобы бедуины, привлеченные шумомъ паденія стѣны, не накрыли меня на мѣстѣ преступленія и не подвергли наказанію за святотатство...

Въ лагерѣ я засталъ большое волненіе и полное отчаяніе. Оказывается, что пришли изъ пустыни Петра бедуины съ верблюдами и, разбудивъ нашихъ слугъ, съ обнаженными саблями потребовали, чтобъ имъ былъ приготовленъ ужинъ изъ лучшей нашей провизіи, и созвали на него всѣхъ бродягъ.

Слуги наши въ отчаяніи восклицали:

— Это дьяволы, настоящіе дьяволы! и съ ожесточеніемъ разводили огни и жарили нашихъ цыплятъ и барановъ.

Все это мы предвидѣли, и воровство, и грабежъ, и выкупъ пока не нападаютъ на насъ самихъ, остается только идти спокойно спать и еще съ благосклонной улыбкой пожелать хорошаго аппетита всѣмъ этимъ разбойникамъ...

XXVI.

Четвергъ, 15 марта.

Въ три часа утра снова раздались звуки маленькаго деревяннаго барабана, возвѣщавшіе о наступленіи поста.

Съ восходомъ солнца около лагеря нашего собралась огромная безпокойная толпа; тутъ были вожаки верблюдовъ, которыхъ мы сами просили у Магоммеда-Яль, и еще много совершенно лишнихъ людей, подошедшихъ слѣдомъ за великимъ разбойникомъ въ надеждѣ сорвать что-нибудь съ насъ. Изъ подъ ихъ шелковыхъ и шерстяныхъ покрывалъ смотрятъ мрачныя лица и сверкаютъ злые глаза. Всѣ они обвѣшены множествомъ оружія, которое, переходя

изъ рода въ родъ, вѣроятно, перерѣзало и перестрѣляло не мало человѣческихъ жертвъ и животныхъ.

Самый большой шумъ около палатки съ провизіей; тутъ въ кружкѣ сидятъ люди, другіе стоятъ передъ ними, и всѣ спорятъ, хватаютъ одинъ другаго за руки, за голову и неистово кричатъ, наступая другъ на друга съ страшными угрозами. Посреди ихъ я увидалъ Магоммеда-Яль, съ палкой въ рукахъ, которую онъ держалъ точно скипетръ; глаза его, прикрытые дорогимъ покрываломъ съ золотыми шнурками, сверкали гнѣвомъ; онъ рычалъ какъ левъ, еще бывшій въ силѣ. Окружающіе его люди въ лохмотьяхъ—«вельможи» его пустыни; онъ дѣлилъ между ними нашъ выкупъ, стараясь оставить какъ можно больше себѣ.

Между тѣмъ, арабы изъ Акаба, караулившіе насъ впродолженіи трехъ почей, сгруппировавшись около переводчика, требуютъ денегъ за свою услугу. Есть и другіе претенденты—одинъ одолжалъ верблюда для ходьбы въ Петра, другой писалъ шейху за насъ, третій наполнялъ водой наши боченки... Затѣмъ, являются продавцы; кто предлагаетъ курицу, кто барана, и все это по цѣнѣ осажденнаго города, съ оружіемъ въ рукахъ; при этомъ они хватаютъ за платье нашихъ слугъ, точно хотятъ сорвать его съ нихъ.

Часъ проходитъ, дѣло не подвинулось нисколько, а деньги уходятъ.

Въ это утро не выходилъ изъ цитадели ни одинъ турецкій солдатъ, который могъ-бы сколько-нибудь пособить намъ. А каймакамъ все еще спитъ, а мы ждемъ его подписи!

Верблюды наши лежатъ въ сторонѣ, вытянувъ шеи; они неподвижны точно мертвые. Проводникъ нашъ пощупалъ ихъ и замѣтилъ, что они по крайней мѣрѣ восемь дней не ѣли.

До сихъ поръ странная толпа нападала только на нашихъ слугъ, не затрогивая насъ. Однако, голодные грабители все прибываютъ и шумъ усиливается.

Но наступила минута, когда одна группа подошла слишкомъ близко ко мнѣ; я стараюсь казаться спокойнымъ и улыбаюсь подъ моимъ бѣлымъ покрываломъ. Тогда подходитъ Магоммедъ-Яль съ поднятой палкой; однимъ повелительнымъ жестомъ онъ разгоняетъ толпу, потомъ беретъ меня за руку съ граціей вельможи и самымъ спокойнымъ образомъ ведетъ выбрать верблюда. Онъ самъ осмотрѣлъ нѣсколько животныхъ, приказалъ примѣрять мое сѣдло и ружье. Я хотѣлъ выбрать бѣлаго верблюда, чистенькаго и красиваго, но Яль презрительно пожалъ плечами и выбралъ молодаго, похожаго по тонкой шеѣ и ногамъ на страуса.

Въ лагерь нашъ собрались, кромѣ рычавшихъ какъ дикіе звѣри бедуиновъ, и собаки, и бараны, и овцы, и наконецъ ребятишки со

всего Акаба, одни совершенно нагіе, другіе въ бурнусахъ со шлейфомъ; личики ихъ и глаза покрыты мухами. Не смотря на крайне неряшливый видъ, нѣкоторые изъ малютокъ прелестны по своему тѣлосложенію и черпымъ глазамъ. А вѣтеръ загоняетъ па всю эту безпорядочную толпу въ лохмотьяхъ желтую саранчу; она съ трескомъ, подобнымъ граду, ударяется по головамъ, оружію и всякому предмету, на который налетитъ.

Каймакамъ проспулся и за ночь, благодаря Аллаху, не измѣнилъ своего рѣшенія. Мы идемъ въ Палестину. Пока медленно пишутся па арабскомъ языкѣ условія съ Магоммедъ-Яль, приступаютъ къ сборамъ въ нашемъ лагерѣ. Начинаютъ сѣдлать верблюдовъ, но видно, эта исторія не скоро кончится: разъ десять случилось, что когда уже все было готово, появлялся какой-нибудь вооруженный человѣкъ, съ глазами дикаго звѣря и сверкающими бѣлыми зубами и сбрасываетъ все, съ проклятіями, на землю. Иногда Магоммедъ-Яль, за которымъ я слѣдилъ по палкѣ, всегда поднятой кверху, налеталъ на меня и тащилъ въ свидѣтели, что нашъ проводникъ не хорошо распоряжался: то изъ экономіи навьючилъ слишкомъ сильно верблюда, чтобы взять однимъ меньше, то не сходился въ цѣнѣ насчетъ барана или не далъ кому нибудь обѣщаннаго вознагражденія. Когда онъ обращается ко мнѣ для этого разбирательства, взглядъ его и манеры тотчасъ становятся мягче.

Наконецъ все готово; спутники мои на верблюдахъ, а я только что собирался тоже взобраться на своего, какъ меня позвали для какихъ-то еще переговоровъ съ великимъ шейхомъ.

Обернувшись назадъ, я увидалъ шейха идущимъ изъ переулочка отъ дома каймакама; онъ былъ очень возбужденъ, взоръ его былъ страшенъ; справа и слѣва около него шли два старика, которыхъ онъ держалъ за руки; это были шейхи, величественные въ своемъ гнѣвѣ и развѣвавшемся отъ усиленной ходьбы платьѣ. Всѣ трое рычали, представляя собою группу furiй. За ними слѣдовали нѣсколько другихъ, не менѣе подозрительныхъ по угрожающему виду лицъ... Что еще случилось и что имъ отъ меня надо?..

По счастію, непріятности мнѣ не предстояло и все дѣло объяснилось тѣмъ, что великій разбойникъ привелъ своего сына Гассана, котораго даетъ мнѣ въ спутники до Палестины. Отстранивъ рукою старцевъ, онъ далъ знакъ молодому шейху приблизиться и сказалъ мнѣ: «Вотъ ты просилъ другихъ рекомендовать тебя мнѣ, а я рекомендую тебѣ и поручаю моего сына Гассана».

Довольный, что все такъ благополучно кончилось, я беру за плечи Гассана и, согласно существующему въ пустынѣ обычаю, дотрогиваюсь своимъ лбомъ до его лба. Магоммедъ отвѣчаетъ мнѣ такимъ-же привѣтствіемъ и такимъ образомъ, при одобрительномъ крикѣ толпы, мы скрѣпляемъ на всегда нашъ союзъ дружбы.

Повидимому, «публика» вся довольна нами, подарками нашими, судя по тому, что насъ провожаютъ дружескіе возгласы и добрыя пожеланія мгновенно смолкнувшей толпы. Мы удаляемся медленнымъ шагомъ, довольные наступившимъ для насъ отдыхомъ отъ оглушительнаго шума, и благодаримъ судьбу, что ушли отъ этой разбойничьей шайки, не давъ ей раздѣть насъ, опустошить наши кошельки и не сложивъ подъ ихъ оружіемъ наши головы. На сборы ушло три часа.

На долго, вѣроятно, ушли мы отъ оазиса и не скоро увидимъ гостепріимную тѣнь пальмъ.

Мой новый другъ молодой шейхъ Пѣтра приблизился ко мнѣ, чтобы ѣхать со мною рядомъ. Въ знакъ дружбы мы пожали другъ другу руки.

Онъ совсѣмъ не похожъ на отца, меньше ростомъ, худощавый, очень стройный; кожаный поясъ сильно стягиваетъ его талію. Ему отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ; цвѣтъ лица бронзовый, маленькая бородка; черты некрасивы и неправильны, но не лишены нѣкоторой прелести и напоминаютъ женское лицо; онъ скроменъ и кротокъ на видъ въ той-же степени, какъ отецъ его суровъ; при всемъ этомъ, онъ такой-же какъ его предки грабитель и при случаѣ разбойникъ.

У него красивое оружіе и амулеты; рукава его платья, какъ у всего ихъ племени, длинные до земли на ходу и развѣвающіеся по вѣтру, когда онъ на верблюдѣ.

Скоро оазисъ представляется намъ простой зеленой линіей у подножія розоваго гранита. И море вытягивается въ линію, становится все тоньше и наконецъ исчезаетъ. Путь намъ опять лежитъ среди пепельныхъ долинъ и такихъ-же горъ, все отчаянно однообразно сѣрое и розовое.

Изрѣдка попадаются въ скалахъ впадины, окруженныя высохшими костями; это пещеры пантеръ; въ этотъ часъ онѣ спятъ и при нашемъ приближеніи, вѣроятно, открываютъ свои зеленые глаза.

Ужасно жарко и особенно страшно; но тишина пустыни такъ пріятна намъ послѣ невзгодъ Акаба.

Караванъ нашъ увеличился однимъ турецкимъ офицеромъ и двумя солдатами, посланными каймакамомъ; они тоже переодѣлись бедуи-

нами, и еще пять или шесть туземныхъ путешественниковъ изъ сѣверныхъ неизвѣстныхъ племенъ ради безопасности просили разрѣшенія присоединиться къ нашему каравану.

Наши новые конвойные совершенно не похожи на безобидныхъ и ничтожныхъ вожаковъ, нанятыхъ нами въ Суэцѣ; эти, настоящіе, не такъ бѣдны, красивѣе и сильнѣе, но за то и суровѣе и непріятнѣе тѣхъ. Теперь намъ кажется, что только въ Акаба начинается настоящая пустыня...

Вечеромъ остановку мы устроили между горъ, въ глубокомъ гранитномъ ущельи съ вертикальными стѣнами; въ такихъ мѣстахъ любятъ останавливаться караваны, потому что здѣсь чувствуется нѣкоторая защита отъ вѣтра и ночныхъ невзгодъ.

Слуги наши усѣлись маленькими группами около огня; турки тутъ же; тамъ бедуины изъ Пѣтра; дальше, наши сирійскіе арабы и наконецъ незнакомые случайные спутники. Тридцать штукъ верблюдовъ спятъ тутъ же между людей.

Всѣ эти группы расположились на различномъ разстояніи и даже различной высотѣ; нѣкоторыя взобрались на скалы и веселый огонекъ прелестно освѣщаетъ мрачныя лица, бѣлые зубы, блестящія сабли, длинные бурнусы, величественныя позы и вообще всю эту живописную картину.

Сегодня время печенія хлѣбовъ, безъ закваски, на цѣлую недѣлю, твердыхъ какъ камень. Пекутся они подъ золою, для чего нужно сильнѣе обыкновеннаго огонь, который и получается отъ великолѣпныхъ душистыхъ вѣтвей, и пламя, поднимающееся отъ костровъ, распространяетъ зарево на окружный гранитъ и беззвѣздное небо.

Хлѣбы испечены и огни погашены; граниты становятся по прежнему черными, и блѣдная луна вступаетъ въ свои права.

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ находимся въ Аравіи, мы услышали стрекозу, забравшуюся въ тощій кустарникъ съ едва замѣтной растительностью.

Насталъ часъ молитвы и вся наша свита, бедуины Пѣтра и другіе, обращаютъ взоры къ Меккѣ, отстоящей такъ близко, и единодушно призываютъ Бога пустыни. Передъ величіемъ этой молитвы все стихаетъ и представляется такимъ ничтожнымъ...

XXVII.

Пятница, 16 марта.

Пройдя горы, давшія намъ пріютъ въ продолженіи ночи, мы вступимъ въ большую пустыню Ти, необозримую и плоскую какъ море, по словамъ нашихъ проводниковъ, и наполненную безпрерывными миражами.

Относительно населенія этой пустыни мы узнали, что это самые дикіе и нелюдимые изъ всѣхъ бедуиновъ и всѣ разбойники. Они потомки амалекитянъ и вѣроятно походятъ на нихъ и лицомъ и по костюму, такъ какъ здѣсь страна, въ которой все остается неизмѣннымъ, увѣковѣченный востокъ.

Чтобы достигнуть пустыни амалекитянъ, намъ надо подняться сегодня на вершину цѣпи Джебель-Ти. Подъемъ слишкомъ крутъ для верблюдовъ и пропасти подъ нашими ногами становятся все глубже.

Къ великому удивленію нашему мы увидали подобіе дороги, вьющейся по направленію одинокихъ вершинъ и огражденной отъ пропасти кучами камней, а на высохшемъ ручьѣ встрѣтили даже мостъ, правда, очень грубой, первобытной работы, но тѣмъ не менѣе мостъ составляющій въ этой мѣстности совершенно неожиданный, невѣроятный предметъ. Здѣсь, гдѣ самыя древнія вещи замѣчательно хорошо сохраняются, а новѣйшія наоборотъ быстро обращаются въ пепелъ, трудно опредѣлить лѣта этого моста. Балдуинъ-ли I, царь Іерусалимскій, построилъ его, когда завладѣлъ нынѣшней Акаба, или царь Соломонъ?.. Нѣтъ, говорятъ, что этому мосту не болѣе тридцати лѣтъ; современные намъ арабы построили его одновременно съ дорогой, потому что здѣсь проходятъ богомольцы въ Мекку, и всѣ идущіе съ запада и сѣвера каравапы встрѣчали все болѣе затрудненій на этомъ пути въ горахъ, все чаще осыпавшихся.

По немногу добрались мы до вершины. Позади насъ пустынная Арабія, а справа пустыня Пѣтра и страшныя горы Эдомскія.

Небо заволокло туманомъ и къ полудню передъ нами разстилается совершенно новая, еще глубже и мертвеннѣе всего окружающаго пустыня, точно море, поднявшееся надъ общимъ уровнемъ и застывшее въ своей неподвижности: это Ти, пустыня Амалекитянъ.

На площадкахъ, куда мы подходимъ, видпѣются тропинки, вѣками протоптанныя караванами. Онѣ раздваиваются и идутъ одна

къ западу, другая къ сѣверу, первая указываетъ путь вѣрующимъ къ Египту и Могребу, другая, наша, въ Палестину и Сирію. Этотъ страшный перекрестокъ, по которому каждый годъ проходятъ отъ двадцати до тридцати тысячъ богомольцевъ, теперь до безконечности пустъ, и все въ немъ какъ бы застыло въ своей величественной грусти подъ темнѣющимъ сводомъ неба. Вслѣдствіе того, что въ этомъ мѣстѣ обыкновенно останавливаются для отдыха путешественники-богомольцы, оно усѣяно могилами, которыя узнаются по неотесаннымъ камнямъ, разставленнымъ парами—одинъ въ головахъ, другой въ ногахъ.

Проводники наши часто нагибаютъ и поднимаютъ разсыпанные по дорогѣ камешки въ родѣ бирюзы, ни что иное какъ бисеръ, которымъ украшаютъ головы верблюдовъ. Мода эта существуетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ лѣтъ.

Вотъ отрывокъ разговора съ моимъ новымъ вожакомъ.

— А твоя сторона далеко?—спрашиваетъ онъ.

— О! да, очень далеко.

— Бейрутъ? Дамаскъ?

— Нѣтъ, еще гораздо дальше, по ту сторону большаго моря.

Онъ размышляетъ нѣсколько минутъ, потомъ спрашиваетъ, съ удивленіемъ смотря на меня:

— По ту сторону большаго моря? А какъ-же проходятъ туда?—вѣдь по морю не ходятъ?

Этотъ бедуинъ Пѣтра видѣлъ одно только море въ Акаба, по которому не ходятъ суда. Я стараюсь объяснить ему, что есть для этого плавающія доски.

Далѣе его недовѣрчивый умъ знать не желаетъ и онъ опять молчитъ.

Время проходитъ совершенно однообразно, не принося ничего новаго: мы просто двигаемся въ пустомъ пространствѣ.

Одинъ разъ пересѣкла намъ дорогу ехидна, проводники убили ее съ криками, на минуту нарушившими тишину.

Вечеромъ, пока мы устраиваемся лагеремъ, издали показывается небольшая группа людей, вооруженныхъ ружьями.

Завидя ихъ, шейхъ Гассанъ, приложивъ руку ко лбу и всмотрѣвшись въ приближавшихся, проговорилъ подозрительно:

— Пѣшіе, безъ верблюдовъ; ни палатокъ, ни женщинъ.—Это воры пустыни!

ИЗЪ Р. БОРНСА.

—

РОБИНЪ.

Жилъ въ Кайлѣ парень молодой;
Онъ былъ красавчикъ, да какой!
Родился онъ... вопросъ пустой,
Давно-ль родился Робинъ.
Робинъ — парень весельчакъ,
Онъ къ унынью не способенъ;
Робинъ — парень весельчакъ,
Славный малый Робинъ!
А кто желаетъ знать, давно-ль,
Тотъ самъ высчитывать изволь:
Былъ близокъ къ смерти нашъ король,
Когда родился Робинъ.
Кума, въ ладонь смотря ему,
Сказала... «Знайте, по уму
Плутъ не уступитъ никому;
Пусть онъ зовется Робинъ.
«Онъ много встрѣтитъ въ жизни бѣдъ,
Но не поддастся имъ, о нѣтъ!
И прогремитъ на цѣлый свѣтъ
Своею славой Робинъ.
«Но я ручаюсь головой,
По рѣзкой линіи одной,
Что пола нашего большой
Поклонникъ будетъ Робинъ.
«И изъ красавицъ ни одна
Вѣнка имъ будетъ лишена...
Пусть Богъ проститъ его: вина
Большая въ этомъ, Робинъ!»
Робинъ — парень; весельчакъ,
Онъ къ унынью не способенъ,
Робинъ — парень весельчакъ;
Славный малый Робинъ!

Н. Новичъ.

Къ свободѣ и любви.

(Повѣсть).

Порывъ увлеченія—развѣ не та-же ракета, которая взовьется и такъ хорошо разрывается, мелькая огоньками въ темнотѣ?

— А жизнь безъ увлеченій—какая скука! разсуждала я, брошенная судьбою, какъ челнокъ среди волнъ, безъ руля, безъ матроса.

Не зная, что съ собою дѣлать, спасаясь отъ всего пошлаго и оскорбленій, неизбѣжныхъ въ жизни бѣдной дѣвушки, я поселилась въ семьѣ одного профессора, изучать англійскую литературу.

Квартира мистера Сноба, въ Сергіевской улицѣ, отличалась комфортомъ, коллекціями старинныхъ гравюръ и библіотекой въ красивыхъ переплетахъ. Жена профессора, маленькая, полная англичанка, съ злыми глазами, готовила пуддинги и смотрѣла на своего супруга, какъ на божество. Впрочемъ и самъ мистеръ Снобъ не менѣе восхищался собою.

Высокій, съ начесанными на виски волосами, старый шотландецъ, преподавая мнѣ литературу, больше всего говорилъ о себѣ. Ему казалось, что людская зависть помѣшала ему блистать своимъ именемъ, среди поэтовъ, и, разочарованный, онъ горевалъ, что священный огонь въ его груди горѣлъ напрасно. Когда-же мистеръ Снобъ во время урока декламировалъ стихи, то приходилъ въ такой азартъ, что становилось страшно...

Но я любила этого чудака, а кабинетъ его казался мнѣ какимъ-то святилищемъ, гдѣ надъ полками книгъ стояли бюсты Шекспира и Байрона; этажерки съ античными статуэтками, стѣны, украшенныя картинами изъ древняго міра, уносили воображеніе въ золотые дни Аѳинъ и Рима. Къ тому-же,

старикъ, при всей своей эксцентричности, бесѣдуя со мной у камина, помогалъ понять прелести байроновскаго генія, а читая съ нимъ Шекспира, я находилась въ очарованіи, дивилась, сколько фантазіи, поэзіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ правды въ твореніяхъ великаго Bard of Avon!

Такимъ образомъ, время шло не дурно въ убѣжищѣ у старыхъ Снобовъ, если-бъ не одинъ случай, внезапно измѣнившій мое намѣреніе не покидать англійскій home.

Разъ, въ майскій вечеръ, я поздно засидѣлась у своего окна, гдѣ влюбленно ворковали голуби, а изъ-за высокихъ крышъ виднѣлся край голубаго неба. Вдругъ дверь моей комнаты отворилась и появился мистеръ Снобъ, въ ночномъ бѣльѣ, въ чулкахъ и съ растрепанными волосами. Остановясь посреди комнаты, онъ развелъ руками и слабымъ голосомъ началъ:

Я духъ огня передъ тобой,
Зачѣмъ меня терзаешь тьмой?

Выраженіе лица его было странное. Я сидѣла притаясь, а онъ продолжалъ декламировать байроновскаго Манфреда, все громче и громче.

Тогда вбѣжала миссисъ Снобъ въ ночномъ чепцѣ, въ туфляхъ на босую ногу. Она казалась сильно огорченною.

Быстро взявъ подъ руку свое земное божество, она заставила его сдѣлать пируэтъ, и оба супруга, молча, вышли изъ комнаты.

На слѣдующее утро англичанка, извиняясь передо мною, старалась оправдать выходку мужа и со слезами на глазахъ говорила:

— Вы видите, my dear miss, вслѣдствіе разочарованій, мистеръ Снобъ страдаетъ сплиномъ, который заставляетъ его пить портвейнъ. Вчера-же я крѣпко заснула и не слыхала, какъ онъ вышелъ изъ спальни...

Бѣдный старый профессоръ!

Однако, случай этотъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что мнѣ захотѣлось уѣхать изъ его дома,—куда, все равно, но только уѣхать скорѣе.

* *
*

Желаніе исполнилось какъ нельзя лучше, когда я обратилась къ одной знакомой француженкѣ, которая отличалась маніей оказывать всѣмъ услуги. Неизвѣстно, извлекала-ли она изъ этого выгоду, но упрековъ madame Бонасъ получала много.

Тѣмъ не менѣе, француженка и во мнѣ приняла участіе.

Выслушавъ разсказъ о моемъ образѣ жизни, она сначала расхохоталась, потомъ болѣе серьезно продолжала съ материнскою любовью:

— Вамъ слѣдуетъ заняться какимъ-нибудь дѣломъ... Взять мѣсто гувернантки. Это очень легко.

— Неужели? и у васъ есть мѣсто въ виду?

— Э, Боже мой! ихъ всегда много. Скажите, желаете вы получать большое вознагражденіе?

— У меня есть une rente, и если возможно получать еще...

— Конечно! Но въ большомъ домѣ родители требовательны. Какіе ваши таланты? Voyons.

— Мои таланты?

— Eh bien, oui. Есть у васъ дипломъ?

— Нѣтъ.

— Такъ вы не держали экзамена?

— Никогда.

— Но вы хорошо знаете математику?

— Нѣтъ.

— Музыку?

— Нѣтъ.

— Какъ? совсѣмъ не музыканша?

— Училась пѣть.

— Этого недостаточно. Необходимо чѣмъ-нибудь блеснуть.

Подумавъ немного, француженка сказала:

— Вы владѣете иностранными языками; я найду вамъ мѣсто въ провинціи.

Дѣйствительно, madame Бонасъ сдержала свое обѣщаніе и такъ скоро, что не успѣла я опомниться, какъ она уже отправила меня воспитывать единственную дочь у вдовца, въ Курскую губернію.

Провожая меня на вокзалъ, она дала письмо къ своей пріятельницѣ, M-lle Пюре:

— Познакомтесь, чтобъ вамъ развлекаться тамъ.

Неожиданный отъѣздъ мой весьма удивилъ мистера Сноба, а супруга его, на увѣреніе, что я покидаю ихъ, боясь проводить лѣто въ городѣ, только проговорила съ англійскою гордостью: oh, yes!

* * *

Быстро катилъ поѣздъ во внутрь Россіи.

Ѣхать въ деревню весною, дышать свѣжимъ воздухомъ, въ рощѣ слушать соловья—какая прелесть!

Ученица моя сирота, бѣдняжка! Ей нужны забота и ласки... Я сама рано лишилась матери... Отецъ взялъ въ домъ англичанку... но я любила ее... какъ хорошо она пѣла:

The last rose of summer...

Между тѣмъ поѣздъ приближался къ Курску, гдѣ на станціи меня ожидалъ экипажъ.

Когда тройка почтовыхъ лошадей съ бубенчиками подкатила къ помѣщичьему дому, на крыльцо вышелъ пожилой мужчина и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Привѣтствую васъ!

За нимъ выбѣжала его дочь, полная, румяная дѣвочка, лѣтъ десяти. Она повела меня въ комнату, гдѣ старуха няня, сдѣлавъ низкій поклонъ, принесла чай, и лишь только поставила подносъ на столъ, какъ со всѣхъ угловъ начали вылѣзать кошки, которая потягиваясь, которая горбя спину.

Я въ это время разговаривала съ ученицей. Ее звали Сима.

Дѣвочка, съ толстыми губами, съ толстымъ носомъ и маленькими глазами, отвѣчала кривляясь и не переставая играть съ кошками.

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела я на свою ученицу, но мнѣ эта сирота не понравилась, да и вся обстановка вызвала какое-то удручающее чувство!

Утромъ вѣтеръ шумѣлъ деревьями, трепля ихъ во всѣ стороны; на дворѣ въ лужахъ дождевыя капли прыгали пузырями.

Желая поближе сойтись съ Симой, я предложила ей помогать мнѣ раскладывать вещи изъ дорожнаго сундучка, причемъ подарила ей нѣсколько бездѣлушекъ.

Но неуклюжая дѣвочка разбила мнѣ любимую вазочку и вообще раздражала дурными манерами.

Когда мы вышли къ обѣду, ея отецъ, Измаилъ Терентьевичъ, протянулъ мнѣ руку. О, что это была за рука! большая, красная, съ пальцами какъ колбасы! Лицо коричневаго цвѣта, съ свѣтлыми глазами, а носъ и губы такіе-же какъ у дочери, но еще грубѣе.

— Сегодня, началъ онъ, подвязывая салфетку подъ под-

бородокъ, моя свояченница не кушаетъ съ нами, оттого, что нездорова.

— Надѣюсь, ничего нѣтъ опаснаго,—спросила я.

— Нѣтъ; объѣлась холодной простоквашей.

Shocking! подумала я.

Къ столу подавалъ лакей въ розовомъ галстукѣ.

Появились кошки, которыхъ Сима кормила своими остатками и ѣла не только съ ножа, но просто руками. Папаша тоже ѣлъ неопрятно, а послѣ обѣда, вставая, сказалъ: Извините, я пойду отдыхать.

Мы снова остались съ Симой вдвоемъ, и къ вечеру она мнѣ надоѣла до отчаянія!

Неужели эта дѣвчонка вѣчно будетъ торчать передъ моими глазами?—думала я, когда та наконецъ уснула. И какъ все некрасиво, дико кругомъ! О, куда это я попала?

* * *

Вѣтеръ стихъ, погода прояснилась. Голубое небо, яркое солнце, луга пестрѣвшіе цвѣтами и свѣжій воздухъ оживили душу.

По дорогѣ, среди полей, быстро проносились легкія тѣни отъ уходившихъ облаковъ.

Ученица моя какъ жеребенокъ прыгала, рѣзвилась, перелѣзала черезъ заборы.

Слѣдовало-бы останавливать ее, но казалось естественнѣе дать ей рѣзвиться на свободѣ, чѣмъ заставить чинно идти подлѣ себя.

— Здравствуй, тетя Паша!—крикнула Сима фигурѣ, глядѣвшей на насъ изъ окна, когда мы возвращались съ прогулки.

— Здравствуй, отвѣчала та, гнуся; что, ты не промочила ноги, шлепая по грязи?

— Нѣтъ! сегодня не грязно.

Тогда тетя Паша вышла къ намъ.

Мы поздоровались довольно сухо. Прасковья Кузминишна. съ длинной головой на сутулыхъ плечахъ, напоминала козу...

Неопрятная, съ блуждающими взглядами, она отвела Симу въ сторону и громко спросила:

— Что, нравится тебѣ мадемуазель?

— Да, ничего...

Тогда, возвращаясь ко мнѣ и гримасничая:

— Для практики я буду говорить съ вами по-французски.

— Не надо, тетя, это скучно! Лучше дайте орѣшковъ.

— Вотъ выдумала! А впрочемъ, отчего не дать? Ступайте и вы, venez ici, я и вамъ дамъ.

— Нѣтъ, благодарю.

Я рада была остаться одна. Тетя Паша своею невоспитанностью навела на меня страхъ...

А кругомъ все поля и лѣсъ.

О, мадамъ Бонасъ! Что это она со мной сдѣлала! Быть гувернанткой въ поляхъ, вѣдь это очень трудно! И какое же стокое одиночество...

Ку-ку-реку-у, — закричалъ пѣтухъ позади меня и такъ громко, что я вздрогнула. Противный, испугалъ! Никогда въ Петербургѣ пѣтухи такъ не кричатъ.

Я встала со скамьи и ушла въ свою комнату. Тамъ меня окружали любимыя вещицы изъ Петербурга, тамъ я могу отдохнуть.

Но почти сейчасъ же Сима за дверью:

— Можно?

— А! замѣчаніе прошло не безслѣдно... а то по утру Сима влетѣла ураганомъ...

— Войдите.

И она, толкнувъ дверь ногою, вошла, держа обѣими руками вазу съ орѣхами.

* * *

Блаженна та, которой не приходилось жить въ чужой семьѣ, не приходилось съ сердечнымъ замираніемъ ждать оскорбленія самолюбію, или съ спартанскою улыбкою исполнять чужія желанія.

Гувернантки, горемычныя скиталицы! Горько ихъ бѣдная жизнь идетъ и какъ степной огонекъ замираетъ.

Какъ-то разъ, по случаю земскаго собранія, къ обѣду собрались гости. Что за типы! Какіе разговоры! Претензіи на прогрессъ, а при этомъ сожалѣніе о крѣпостномъ правѣ!

„Тетя Паша“, подмазавъ глаза и взбивъ волосы на лбу, съ ужимками угощала кавалеровъ.

А хозяина съ коричневымъ лицомъ, повидимому, гости изводили! На ихъ разговоры онъ, какъ Отелло, поводя глазами, восклицалъ:

— Ну, ужъ извините! Сдѣлайте ваше одолженіе! Какимъ это родомъ!

По окончаніи обѣда мы ушли съ Симой въ поле, а оттуда въ лѣсъ. Собирая фіялки, я запѣла французскую пѣсенку:

Ah! Monsieur le corbeau,
Que vous êtes bien mis
Vous vous êtes fait, sans doute habillé á Paris,
Sur l'air de tra-la-la-la-la,
Sur l'air de tra-la-la-la-la.

Симѣ понравилось; она просила пѣть еще и еще.

Такъ бродили мы, и я, утомленная, съ умиленіемъ посмотрѣла на мужичка, который терпѣливо, напрягая всю свою силу на соху, проводилъ длинную борозду въ полѣ.

* * *

Не имѣя опредѣленной методы воспитанія, я руководилась идеей, что дѣти нуждаются въ радости и движеніи. Время проходило въ лѣтнихъ прогулкахъ, чтеніи сказокъ и пѣніи дѣтскихъ пѣсенокъ, подъ аккомпаниментъ рояля, который, къ удивленію, былъ хорошъ.

Измаилъ Терентьевичъ казался довольнымъ такой педагогичкой, тѣмъ болѣе, что въ его глазахъ я имѣла престижъ столицы. Но тетя Паша не одобряла такого рода воспитанія и совсѣмъ не кстати въ моемъ присутствіи высказала ему свое мнѣніе.

Вдовецъ разсердился.

— Ты ничего не смыслишь! Прошу не вмѣшиваться въ дѣло, которое тебя не касается.

— Вотъ прекрасно! А ктожъ воспиталъ вашу дочь, какъ не я?

— Чтожъ изъ этого? Теперь другая статья.

Тетя Паша нахмурилась.

— Ахъ, эти женщины! — продолжалъ Измаилъ Терентьевичъ,—у нихъ волосъ длиненъ, а умъ коротокъ.

— Это у васъ допотопное понятіе. Теперь не то: женщины не уступятъ любому мужчинѣ!

— Ну, ужъ извините ..

Но тетя Паша вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Вдовецъ посмотрѣлъ на меня, и видя, что я снижу

взволнованная, кусая губы, со слезами на глазахъ, онъ, подошелъ и конфиденціально сказалъ:

— Вы, пожалуйста, не обращайте на нее вниманія. Все, что она говоритъ, я въ одно ухо впускаю, въ другое выпускаю. Сима васъ полюбила; она весела, здорова, и я доволенъ... Ну, полноте, утрите слезы... Сима! а Сима, гдѣ ты?

И отворивъ захлопнутую дверь, онъ вышелъ изъ комнаты.

Ученица моя вбѣжала, держа двухъ кошекъ.

— Mademoiselle,—серьезно спросила она,—которая вамъ больше нравится: Бѣлянка или Манька?

— Больше всѣхъ нравитесь мнѣ вы,—улыбаясь отвѣчала я и поцѣловала озадаченную дѣвочку.

* * *

„Рѣшите не думать о томъ, что больно“,—говаривалъ добрый мистеръ Снобъ. Ахъ, это было не легко при безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ Прасковьей Кузьминишной, которая разумомъ была простовата, какъ выразился Катошихинъ, изображая женскій полъ московскаго государства.

Помѣщица намѣревалась обращаться со мною, какъ съ слугами, про которыхъ сказала: Ce sont mes esclaves de jadis!

Тогда единственнымъ спасеніемъ отъ нея служилъ лѣсъ, гдѣ Сима плела корзиночки или лазала по деревьямъ, а я отдыхала и, глядя въ даль небесъ, слушала соловья.

Въ одну изъ дальнихъ прогулокъ нашихъ послышался конскій топотъ и на проселочной дорогѣ показалась амазонка, довольно молодая брюнетка красивой наружности.

— Симочка, развѣ ты не узнаешь меня?—ласково кивнувъ головой, начала она.

— Узнаю.

— Познакомь меня съ твоей mademoiselle.

Сима молчала.

Я приблизилась къ амазонкѣ и та, протянувъ мнѣ руку, продолжала:

— Очень пріятная встрѣча! Я ваша ближайшая сосѣдка, скучаю ужасно и въ восторгѣ, когда узнала о вашемъ пріѣздѣ: образованная особа изъ Петербурга—вѣдь это, въ глуши, манна небесная!

— Вы очень любезны... боюсь, что разочаруетесь...

— О, нѣтъ! Знаете, я тоже жила въ Петербургѣ и такъ

пріятно поговорить объ этой дивной столицѣ! Измаилъ Терентьевичъ обѣщалъ привезти васъ съ Симой ко мнѣ,—говорила сосѣдка, съ любопытствомъ осматривая меня. — Не откладывайте въ дальній ящикъ, пріѣзжайте сегодня же ко мнѣ пить чай! Слышишь, Сима, попроси папу, онъ добрый, дастъ вамъ дрожки. Согласны, mademoiselle?

— Благодарю васъ...

— Ну-съ, такъ до свиданья. А какъ вы далеко заходите, не боитесь?

И, хлестнувъ свою толстобокую лошаденку, амазонка поскакала дальше.

— Какая любезная дама!

— Она не дама, она дѣвица,—поправила Сима.

— Живетъ одна?

— Нѣтъ, съ папашей, съ мамашей; у нихъ есть качели и они даютъ мнѣ бомбошки...

— Какъ ее зовутъ?

— Ольга Кириѣковна.

— Кириѣковна? Какое оригинальное имя! Встрѣчается въ Новгородскомъ Вѣчѣ... Кириякъ...—твердила я, взволнованная неожиданнымъ знакомствомъ.

Придя домой, Сима разсказала за обѣдомъ о встрѣчѣ и приглашеніи.

— Ну, voilà encore! des bêtises!—заговорила тетя Паша.— Нельзя же всѣмъ ѣздить въ Затишье! Довольно того, что отецъ твой ѣздитъ часто туда.

— Папочка, отпусти!

— Поѣзжайте съ Богомъ, если мадмуазель желаетъ! А послѣ я за вами пріѣду.

Такимъ образомъ тетя Паша съѣла грибъ вмѣсто десерта.

* * *

Деревня, гдѣ скучала Ольга, была прелестный уголокъ. Старый садъ, гдѣ надъ прудомъ склонялись ивы, сѣренькій домикъ съ бѣлыми колоннами представлялись мнѣ такимъ помѣстьемъ, въ какомъ жили Ларины. Такъ и казалось, что вотъ выйдетъ откуда-нибудь задумчивая Татьяна... Но вмѣсто нея вышла развязная Ольга Кириѣковна.

Познакомивъ меня со своими родителями, она безцеремонно отправила стариковъ наблюдать, какъ Сима будетъ

качаться на качеляхъ, меня же увела въ свою комнату, уютно убранную старинной мебелью. На стѣнахъ висѣли акварели, у окна стоялъ мольбертъ съ неоконченнымъ пейзажемъ, а подлѣ, на столѣ, палитра, кисти и краски.

— Вы занимаетесь живописью,—сказала я, разсматривая плохой пейзажъ Швейцаріи.

— Да, отъ скуки. Надо же чѣмъ-нибудь наполнять жизнь! особенно въ деревнѣ! То ли дѣло въ столицѣ: тамъ масса развлеченій, театръ...

— За то въ деревнѣ люди серьезнѣе; можно больше читать.

— Ахъ, нѣтъ, и книги надоѣдаютъ.

Ольга, угощая вареньемъ, болтала, отводя душу на свѣжемъ знакомствѣ, и между прочимъ, призналась:

— Меня удивляетъ, mademoiselle, какъ рѣшились вы ѣхать въ далекую провинцію и ко вдовцу? Конечно, какъ мнѣ извѣстно, у васъ нѣтъ родителей, которые бы нашли это неприличнымъ.

— Но вѣдь онъ не одинъ; тамъ есть...

— Ахъ, эта дурковатая Прасковья! Она даже не можетъ служить ширмою, а вы такъ молоды и неопытны. Что если Измаилъ Терентьевичъ станетъ ухаживать за вами?

— Онъ? такой пожилой, такой неинтересный? сорвалось у меня.

— О, да вы разборчивая, какъ я посмотрю.

Мы начали разсматривать альбомъ фотографій. Ольга, называя своихъ сосѣдей, критиковала почти всѣхъ:

— Вотъ семейство Бояровыхъ; онъ—съ султанскими наклонностями; и гувернантка, m-lle Пюре, его любимая одалиска...

— Неужели?! А жена развѣ не ревнуетъ?

— Что же дѣлать! Иногда приходится надѣть намордникъ на свое чувство... Боярова находитъ утѣшеніе въ благотворительныхъ дѣлахъ. Ахъ, теперь не въ диковину un ménage à trois...

— Кто эта головка Греза?—спросила я, продолжая разсматривать фотографіи.

— Неонилла, дочь мироваго судьи; всѣ находятъ ее хорошенькой, а по моему, ничего особеннаго,—кокетка и страшно желаетъ выйти замужъ за вами забракованнаго вдовца.

— Что-же, и она ему нравится?

— Не думаю; слишкомъ пуста, чтобы замѣнить мать Симѣ. А вотъ, посмотрите: камергеръ въ pince-nez. Мы съ нимъ большіе друзья, но онъ не любитъ деревню—предпочитаетъ жить въ столицѣ. Впрочемъ, въ концѣ лѣта пріѣдетъ получать доходы съ имѣнія.

Въ альбомѣ оказались еще женскія фигуры, которыя, по словамъ Ольги, мѣтили на вдовца. Когда-же этотъ лакомый кусочекъ пріѣхалъ, Ольга замѣтно перемѣнилась, стала неестественна и сантиментальна. А папаша Симы таращилъ глаза еще больше и казался еще неуклюжѣе, стараясь быть любезнымъ.

— Дайте мнѣ слово, что вы пріѣдете на мои именины и привезете съ собой Симу съ mademoiselle, просила она.

— Этотъ вопросъ должна рѣшить сама m-lle.

Ольга слегка нахмурила брови.

* * *

— Ну, quoi, c'etait bien la bas?—спросила тетя Паша на слѣдующее утро,

— Да... Ольга Кириковна пригласила насъ на именины,

— Ахъ, n'allez pas! она такая хитрая. Лучше познакомиться съ m-lle Пюре. Вѣдь у васъ есть письмо.

Но я не сочла нужнымъ послѣдовать совѣту, послѣ разговора съ Ольгой.

Встрѣча съ амазонкой, ея критика сосѣдей, ея метаморфоза съ появленіемъ вдовца, вызвали во мнѣ какую-то боязнь къ новымъ знакомствамъ и сожалѣніе, зачѣмъ люди такъ неискренни, зачѣмъ ими руководитъ всегда задняя мысль. Вѣдь истина такъ хороша, а какъ рѣдко она торжествуетъ!

— M-lle, вы носите въ карманѣ кочерыжки? — прервала мою философію Сима.

— Нѣтъ; а вы?

— Ношу и ѣмъ; няня мнѣ даетъ.

— Напрасно; въ карманѣ надо носить только платокъ...

— Фр-р-р-р! смотрите!

И она вытаскивала изъ кармана столько невозможныхъ вещей, что я строго ей говорила, хотя въ душѣ и было смѣшно:

— Сима, если я еще разъ увижу это, я серьозно разсержусь...

— Вы-то разсердитесь? ну, ужъ не повѣрю!

И дѣйствительно, на эту забавную дѣвочку я не умѣла сердиться, хотя она часто мнѣ надоѣдала.

Тогда, въ прогулкахъ нашихъ, украдкой зѣвая, я старалась любоваться красотою сельской природы. Нѣтъ, развѣ дурно тутъ? Вотъ ручей журчитъ... овечки бродятъ; въ тиши уединенія, подъ тѣнью березы, сидитъ пастухъ... хотя-бы онъ поигралъ на свирѣли! зачѣмъ онъ не такой, какъ на картинахъ Ватo!

* * *

Вернувшись однажды съ идиллической прогулки, мы сѣли на крыльцо составлять букетъ изъ принесенныхъ цвѣтовъ. Вдругъ раздались звуки не свирѣли, а нашего рояля: кто-то игралъ „Aufschwung“ Шумана. Окна были раскрыты, и звуки неслись, полные энергіи и увлеченія.

Когда очаровательная музыка смолкла, на крыльцо вышелъ вдовецъ, а съ нимъ блондинъ средняго роста и не первой молодости; лицо его было серьезное, блѣдное; tournure élégante. Вдовецъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— Позвольте познакомить васъ: господинъ Штольцъ.

Тотъ довольно разсѣянно продолжалъ слушать разсказъ хозяина о какой-то ссорѣ за карточной игрой. Измаилъ Терентьевичъ окончилъ вопросомъ:

— А вы по прежнему не играете въ карты?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ блондинъ.

— Вѣроятно, опять отправитесь въ чужіе края?

— Не знаю... вѣроятно.

— Собственно говоря, вамъ-бы слѣдовало пожить въ Россіи; въ сущности и у насъ хорошо, продолжалъ добродушно помѣщикъ.

Разговоръ длился самый обыкновенный, но Штольцъ отвѣчалъ пріятнымъ голосомъ, отъ него вѣяло хорошимъ тономъ—отрадное явленіе среди провинціальной простоты.

Сима, боязливо поглядывая на гостя, шопотомъ твердила:

— Уйдемте, m-lle, уйдемте!

Я встала и, стряхнувъ съ себя траву, ушла съ маленькой мучительницей и доконченнымъ букетомъ въ свою комнату.

Ахъ, какъ справедлива пословица: „нѣтъ розы безъ шиповъ“.

И теперь: розы—это было веселое чувство, съ которымъ

я подмѣчала устремленный на меня взглядъ блондина, шипы— это была моя Сима!

Когда насъ позвали къ ужину, я тайно надѣялась снова увидѣть блѣдное, серьезное лицо; въ этой надеждѣ я даже поправила свою прическу, но, увы! отрадное явленіе исчезло. Вдовецъ, со своею физіономіей abrutie, казался еще грубѣе.

— Ну, матушка! ссорился онъ по обыкновенію съ belle-soeur; съ тобой говорить, все равно, что мочалу жевать—замолчи Бога ради...

— Какой скифъ! думала я.

А тетя Паша, дѣлая видъ, что не обращаетъ на него вниманія, спросила меня:

— Слыхали вы, какъ играетъ на роялѣ Штольцъ?

— Да. Кто этотъ господинъ?

— Нашъ сосѣдъ и онъ живетъ въ разводѣ со своей женой. Ахъ, il touche bien!—добавила она, закатывая глаза.

* * *

Насталъ іюль. Липы цвѣли, благоухая въ воздухѣ, а луна своимъ чуднымъ свѣтомъ, придавала всему какой-то волшебный видъ. Въ теплыхъ сумеркахъ соловей робко пѣлъ. Хотѣлось рыдать, хотѣлось участія... Но даже природа кругомъ словно дремала. Въ день именинъ Ольги, когда мы очутились въ Затишьѣ, тамъ уже собралось не мало гостей. Одни сидѣли за карточными столами, другіе бесѣдовали на террасѣ, передъ которой двѣ расфуфыренныя дѣвицы гуляли подъ руку.

Сама именинница, въ красномъ платьѣ, съ бѣлымъ бантикомъ, въ видѣ бабочки, на черныхъ волосахъ, порхала, суетилась, а когда отецъ Симы, поздравляя ее, поцѣловалъ ей руку, она покраснѣла отъ восторга. Сима дичилась, крѣпко держалась за мою юбку, и наконецъ, поднявъ свои маленькіе глаза, тихонько попросила:

— Пойдемте на качели!

Никто, повидимому, не обратилъ на насъ вниманія, а потому намъ скоро удалось пробраться въ глухую часть сада, гдѣ между двумя столбами, на толстыхъ веревкахъ, висѣла длинная доска; около нея уже возились мальчикъ и дѣвочка, тоже гости.

При видѣ насъ они сконфузились, но дѣти легко знако-

мятся, и мы, черезъ нѣсколько минутъ, помѣстившись всѣ на доскѣ, старались раскачать ее.

Но вотъ позади насъ раздался чей-то голосъ:

— Позвольте вамъ помочь!

Затѣмъ, перепрыгнувъ черезъ канаву съ легкостью тигра, передъ нами остановился молодой человѣкъ въ свѣтлой одеждѣ.

— Ахъ, Миша! здравствуйте,—крикнула моя ученица, въ то время, какъ тотъ, приподнявъ свой бѣлый беретъ, весело намъ раскланивался.

— Это тотъ силачъ,—объяснила мнѣ Сима,—про котораго я вамъ разсказывала. Онъ насъ раскачаетъ.

— Съ удовольствіемъ. Можно? — вѣжливо обратился онъ ко мнѣ.

— Пожалуйста.

— Но только, не лучше-ли и вамъ стать на конецъ?

— Я боюсь.

— Ничего нѣтъ страшнаго, попробуйте!

— Встаньте, встаньте! просили и дѣти.

Тогда я начала подшпиливать свой шлейфъ, при чемъ Миша посматривалъ на мои модныя туфельки—у него-же ноги были большія, ростъ богатырскій.

— Держитесь крѣпче, ребята,—крикнулъ онъ, когда мы стали на качели, и онъ, сначала слегка, потомъ все быстрѣе, раскачалъ ихъ.

Весело было взлетать на высоту! Сила могучая чувствовалась въ этомъ добромъ молодцѣ. Сѣрые глаза изъ подъ длинныхъ рѣсницъ блестѣли такъ хорошо. Дѣти вскрикивали, смѣялись.

Однако, на ихъ голоса; къ намъ спѣшила, хромая, старуха въ чепцѣ и, махая рукою, издали кричала:

— Будетъ! будетъ! ишь какъ высоко!

— Это что за Баба-Яга?—спросилъ Миша.

— Наша няня,—отвѣчалъ мальчикъ;—она не позволяетъ качаться.

— Долго-ли до грѣха,—ворчала приближаясь хромоножка.

Миша спрыгнулъ на землю и остановилъ качель.

Лѣтняя одежда свободно обрисовывала красивую фигуру; на курчавой головѣ беретъ, слегка сдвинутый на бокъ, придавалъ ему смѣлый видъ, не лишенный шика.

Дѣти начали ссориться съ няней, зачѣмъ она помѣшала

нашему веселью, и вся сценка казалась такою забавною, что нельзя было не смѣяться.

* * *

Обѣдъ, сервированный на террасѣ, вполнѣ удался. Почти всѣ мужчины сначала ѣли и пили молча, съ какою-то звѣриною поспѣшностью. Дамы тоже не отставали отъ нихъ. Разныя закуски, пироги, дичь и рыба исчезали быстро съ блюдъ; бутылки съ наливками и виномъ переходили изъ рукъ въ руки, наполняя старинныя рюмки, которыя большинство гостей выпивали залпомъ. На лицахъ сіяло удовольствіе, такъ что сердца гостепріимныхъ хозяевъ могли радоваться.

Передъ террасой зеленѣла большая площадка.

— Господа,—громко сказала Ольга,—здѣсь на лужайкѣ мы будемъ танцовать сегодня.

— Ура! превосходно! ай да пиръ!—раздались восклицанія.

— А музыка? какая-же музыка?—спросилъ офицеръ тьмутараканскаго полка и въ синихъ очкахъ.

— Это мой секретъ,—отвѣчала Ольга.

— Надо выпить за здоровье именинницы, предложилъ уродливый студентъ въ бѣлой рубашкѣ, вышитой русскимъ швомъ.

— Да, да!—подхватили гости. Началось чоканье рюмокъ, отодвиганіе стульевъ, крики: Ура!

Обѣдъ кончился; всѣ подходили благодарить хозяевъ, а ко мнѣ приблизились разряженныя дѣвицы, изъ которыхъ одна была та самая Неонилла изъ альбома, что напоминала головку Греза. Не даромъ всѣ находили ее хорошенькой! Завидно было смотрѣть на ея прелестный цвѣтъ лица, правильныя черты и роскошный бюстъ. Но, къ моему утѣшенію, фигура ея была лишена граціи; руки и ноги—какъ у деревенской дѣвки, а голосъ—пискливый, непріятный! Не даромъ пѣвецъ Авоны замѣтилъ: пріятный голосъ у женщины—превосходная вещь.

— Какъ мнѣ жарко,—жеманно говорила Неонилла, бросая томный взглядъ въ ту сторону, гдѣ ея соперница Ольга разговаривала съ Измаиломъ Терентьевичемъ и Мишей.

Тогда къ намъ присоединился офицеръ въ синихъ очкахъ; онъ старался прибодриться, поворачивался на каблукахъ, крутилъ усы.

— Не хотите-ли покататься на лодкѣ, mesdames?—предложилъ онъ.

Пожалуй... на водѣ не такъ жарко...

Офицеръ кликнулъ по фамиліи студента въ бѣлой рубашкѣ, и всѣ мы направились къ пруду. Вечеръ былъ дивный; солнце величественно опускалось на золотистомъ небосклонѣ. Наша лодка, отчаливъ отъ берега, плыла медленно, не смотря на усилія офицера, взявшагося за весла. Неонилла тоже гребла, необыкновенно выгибая станъ; а студентъ, управляя рулемъ, острилъ. громко смѣялся и подтрунивалъ надъ офицеромъ:

— Посмотрите, какъ онъ гребетъ, безъ оглядки! Припустилъ во всѣ лопатки! Въ кавалерію годится!

А тотъ повторялъ:

— Не всякая острота удачна. Не всякая пустота — прозрачна!

Когда мы причалили и вернулись на террасу, Ольга, захлопавъ въ ладоши, крикнула:

— Вотъ и они!

Я думала, это относится къ намъ, но ошиблась: на лужайкѣ появились еврей со скрипкой и арфянка, въ круглой шляпѣ, сама неся большую арфу.

Настроивъ свои инструменты, евреи заиграли веселую польку. Тогда именинница первая открыла танцы, сама пригласивъ Мишу. За ней послѣдовали прочія пары; танцующихъ оказалось много. Вскорѣ составился кадриль и мы пустились въ плясовую. Вторую фигуру танцовали на мотивъ:

Казачинка, казачекъ,
Коротеньки ножки!

Одицеръ благимъ матомъ дирижировалъ:

— Z'en avant, les dames! Cette côté commence!

Оживленіе было полное.

* * *

Послѣ небольшаго промежутка, во время котораго разносили фрукты, евреи заиграли хорошенькій вальсъ.

Миша подошелъ пригласить меня. Охвативъ мою талію, онъ ловко началъ вальсировать со мной, какъ вдругъ я увидѣла, что на террасѣ стоитъ Штольцъ и внимательно смотритъ на насъ.

— Довольно! —шепнула я своему кавалеру и опустилась на ближайшій стулъ.

— Что съ вами?

— Я устала; мнѣ жарко...

Онъ взялъ мой вѣеръ и началъ обмахивать меня имъ, тихо говоря:

— Какъ бы я хотѣлъ быть этимъ вѣеромъ...

— Вотъ фантазія!

— Чтобы служить вамъ...

— Вѣеръ охлаждаетъ, тогда ужъ лучше зонтикомъ,—смѣялась.

— Чтобъ защищать; но нѣтъ, все это предметы не одушевленные, а мнѣ хочется защищать васъ—вы кажетесь такою безпомощною.

— Въ сравненіи съ вами. Но вѣдь вы сами еще почти дитя!

— Что-жъ, вы находите, что я не довольно высокъ?

Мы оба засмѣялись.

— Хотѣлось бы мнѣ доказать вамъ, что я ужъ не дитя...

— Симочка! нельзя ѣсть сырой крыжовникъ съ кустовъ!— раздался голосъ Ольги съ террасы.

Она сидѣла рядомъ со вдовцомъ и хотѣла показать свою заботу. Мнѣ стало неловко. Миша, замѣтивъ это, сердито посмотрѣлъ въ ея сторону. Но я не желала показать Ольгѣ сознаніе своей вины, что забыла объ ученицѣ. Чувство задора охватило меня, когда Ольга подъ руку со вдовцомъ спустилась съ террасы и подходя къ намъ, спросила:

— Весело вамъ, mademoiselle?

— Да, очень; но я нахожу, что Симѣ пора домой. Нельзя-ли намъ экипажъ, Измаилъ Терентьевичъ?

Ольга пристально слѣдила за нами.

— Какъ? развѣ вы желаете уѣзжать?—прохрипѣлъ вдовецъ.

— Если вы позволите, — кокетливо заглядывая ему въ глаза, отвѣчала я.

— Разумѣется... если вамъ только угодно... я сейчасъ распоряжусь. И онъ оставилъ насъ.

Музыка играла; гости продолжали танцовать. Ольгу тоже пригласилъ кто-то.

Я поспѣшила отыскать свою воспитанницу, и хотя та заупрямилась, но черезъ нѣсколько минутъ мы уѣхали.

— Все произошло отъ того, что вы ѣли сырой крыжовникъ,—сказала я Симѣ въ экипажѣ.

— Онъ былъ не сырой!—отвѣчала та и заплакала.

Дома, при видѣ насъ, тетя Паша испугалась:

— Ахъ! Боже, ахъ! что-жъ это такое, вернулись безъ отца...

Сима заплакала еще сильнѣе.

— Ну, voilà, я говорила: n'allez pas!

— Да, да, вы были правы, а теперь дайте Симѣ чаю; она устала, ей пора спать, серьезнымъ тономъ сказала я.

Старая няня, укладывая дѣвочку въ постель, глубоко вздыхала, вѣроятно считая меня за тиранку.

Въ ночной тишинѣ я припоминала les événements du jour. Зачѣмъ только Ольга отравила веселье! Она какъ хлыстомъ ударила меня... Теперь буду осторожнѣе... надо строже относиться къ обязанностямъ. О, я докажу, что я не сивка, которую можно хлестать... Досадно, что все это произошло на глазахъ у Штольца!

Качели и танцы, однако, давали себя чувствовать; усталость и сладкій сонъ помогли забыться, и я уснула, воображая, что кружусь съ богатыремъ, подъ звуки стариннаго вальса.

* *
*

Домъ нашъ стоялъ на горѣ, подъ которой протекала рѣка. Рано утромъ, пока еще всѣ спали, я ушла выкупаться и, освѣженная, съ распущенной косой, въ утреннемъ négligé, медленно поднималась на гору, любуясь солнечнымъ эффектомъ, который придавалъ радостный видъ сельскому пейзажу; подъ изгородью, красивый пѣтухъ съ курами клевали свалившіяся вишни; хорошенькія бабочки порхали а на цвѣткахъ блистала роса.

Поднявъ глаза, я увидала, что на встрѣчу мнѣ спускается охотникъ съ ружьемъ, яхташемъ и держа на привязи собаку. Тропинка была узкая, скрыться въ моемъ négligé — некуда; оставалось только скорѣй пройти мимо.

Охотникъ остановился, чтобъ дать мнѣ дорогу, а я, взглянувъ на него, вся вспыхнула. Это былъ Штольцъ.

Онъ улыбнулся, слегка приподнимая картузъ.

Прибѣжавъ къ себѣ въ комнату, я прежде всего бросилась къ зеркалу. Ахъ! что онъ обо мнѣ подумаетъ? Видъ у

меня неприличный! Но кто-жъ могъ снова ожидать такой apparition subite?.. А какъ хорошо его лицо, когда онъ улыбается...

И мысли кружились въ головѣ и какъ бы поднимали меня въ высоту.

День былъ жаркій. Измаилъ Терентьевичъ уѣхалъ осматривать поля, а Сима красила картинки.

Раскрывъ рояль, я пѣла въ полголоса привезенные изъ Петербурга романсы.

Вошла тетя Паша и своимъ утинымъ голосомъ спросила:

— Что вы тихо поете?

— Боюсь безпокоить васъ.

— Des bêtises! Пойте! Развеселите меня. Мнѣ что-то грустно.

Она встала передо мной, готовясь слушать, въ позѣ, которой позавидовалъ бы лучшій клоунъ.

— Не могу, сказала я, слишкомъ жарко!

— Ну, comme vous êtes! Что это я хотѣла сказать, припоминала она.—Да! письмо къ мамзэли отослали?

— Нѣтъ. Кстати, надо написать въ Петербургъ.

— Пишите; j'en ai les marques.

— Les timbres, поправила я.

Такъ разговаривали мы, когда вернулся вдовецъ, въ присутствіи котораго тетя Паша становилась раздражительна и въ свою очередь выводила его изъ терѣнія.

Вечеромъ, за чаемъ, она спросила:

— Не посолить-ли грибы въ банкахъ, вмѣсто кадки?

— Дѣлайте, какъ знаете; мнѣ все равно.

— Очень жаль, что вамъ все равно, что дѣлается въ вашемъ домѣ. Вамъ, кажется, только интересно, что дѣлается въ Затишьѣ.

Вдовецъ хотѣлъ что-то возразить, какъ за дверью послышался голосъ Ольги Кирiяковны: „Можно войти“? Лицо тети исказилось гримасой, а хозяинъ бросился на встрѣчу гостьѣ. Но она была не одна; за ней слѣдовалъ Штольцъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Измаилъ Терентьевичъ спросилъ:

— Какъ это вы явились не слышно?

— Мы слѣзли съ дрожекъ у мельницы, — отвѣтила Ольга; мнѣ хотѣлось пройтись; а главное, мнѣ

хотѣлось узнать, здорова-ли Симочка? Вотъ, я ей привезла бомбошекъ. Les beaux restes, обратилась она ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, съ улыбкой.

Сима съ любопытствомъ начала развертывать пакетъ, а Ольга, въ то время какъ вдовецъ разговаривалъ со Штольцемъ, взяла меня подъ руку.

— Ma chère, начала она, уводя меня въ залу, вы не обидѣлись вчера? Вѣдь я изъ желанія вамъ добра позволила себѣ...

— Надѣюсь! — взволнованно отвѣчала я, сильно желая уколоть ее, и еслибъ не Штольцъ, ей бы попало...

— Знаете, я тоже должна предупредить васъ относительно Миши... Онъ, хотя мой племянникъ, но говоря откровенно, это отчаянный молодой человѣкъ.

— Неужели?

— Да; будьте съ нимъ осторожны.

Я не знала, что сказать. Она такъ безцеремонно вмѣшивалась во все... и все изъ добраго чувства! Какъ бы тамъ ни было, прежде всего слѣдовало соблюдать приличіе, и я, стараясь побороть себя, молча слушала.

— Въ началѣ, когда Миша пріѣхалъ гостить сюда, то принялся ухаживать за мною, но я на него—ноль вниманія. Конечно, это его обозлило, и теперь мнѣ приходится держать его за рога...

Тутъ Сима вбѣжала съ коробкою, предлагать намъ конфектъ, а Штольцъ, войдя въ залъ, приблизился къ роялю.

— Чьи это ноты?—спросилъ онъ.

— Моей mademoiselle, —отвѣчала расшалившаяся ученица Она поетъ чудесно!

— Вотъ какъ,—подхватила Ольга.—О! вы должны непремѣнно намъ спѣть.

Штольцъ, раскрывъ рояль, началъ разыгрывать лежавшій на пюпитрѣ романсъ изъ Линды.

Въ дверяхъ показался Измаилъ Терентьевичъ, и когда Ольга почти бѣгомъ очутилась подлѣ него и стала ему что-то шептать, онъ безсмысленно выпуча глаза, пробормоталъ:

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила...

Штольцъ пересталъ играть и, обращаясь ко мнѣ, заговорилъ:

— Какая хорошенькая арія! Вы поете ее?

— Пою.

— Позвольте вамъ проаккомпанировать?

Сердце мое сильно билось, когда я подошла къ роялю.

Затѣмъ, подъ дивные аккорды, я пропѣла Adio Савояра. Ольга захлопала въ ладоши, а вдовецъ спросилъ:

— Нѣтъ-ли чего-нибудь русскаго?

Тогда я пропѣла цыганскій романсъ „Время минувшее“.

Штольцъ оживился:

— Съ какимъ огонькомъ вы пропѣли это! И какъ музыкально!

— Мнѣ пріятенъ вашъ комплиментъ, потому,—рѣшилась заговорить я,—что вы сами играете такъ хорошо.

— Развѣ вы слышали?

— Да; Aufschwung Шумана; вы играли здѣсь.

Ольга, трещавшая какъ сорока, вышла съ вдовцемъ и съ Симой въ садъ.

* * *

Мы остались одни.

Штольцъ, слегка откинувъ голову, мелодичными аккордами переходилъ изъ тона въ тонъ и быстрымъ темпомъ запгралъ Балладу Шопена.

Настала трудная минута! Лицо его вдохновилось, какъ у талантливаго артиста; казалось, идеальная музыка Шопена оторвала его отъ всего окружающаго и уносила въ мятежный міръ любви и слезъ.

Окончивъ, онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, всталъ и, отойдя къ окну, молча закурилъ папиросу. Но, минуту спустя, снова вернулся:

— Какъ вы рано встаете, mademoiselle,—началъ онъ.

— И вы тоже... Я никакъ не ожидала встрѣтить кого-нибудь въ моемъ... невозможномъ видѣ!

— Большая бѣда... Зачѣмъ стѣсняться? Особенно здѣсь. Въ деревнѣ нужна свобода!

— Ахъ! и не только въ деревнѣ,—тихо вздохнувъ, проговорила я.

Штольцъ посмотрѣлъ на меня тепло и продолжалъ:

— Да, жизнь безъ свободы—скучна. Впрочемъ, она и на свободѣ не весела.

— Развѣ? вѣдь жизнь такъ прекрасна, такъ интересна! Какъ хороша музыка, поэзія, природа...

— И любовь, — добавилъ онъ. Да, все это хорошо. Но, къ сожалѣнію, въ природѣ есть какой-то тайный законъ, по которому за все приходится платиться. Въ любви, за одну радость, сколько терзаній, сколько мукъ переносишь! жестокій законъ!

Милый Гамлетъ, думала я. Мнѣ весело съ тобой!

А онъ продолжалъ:

— Настрадавшись, намучавшись, достигнешь наконецъ желаемаго—но не успѣешь насладиться, а оно исчезаетъ передъ тобой, какъ миражъ. И такъ безпрестанно. Не даромъ Шопенгауеръ сказалъ: Le fond de notre existence est le renoncement.

— Ахъ! не читайте Шопенгауера, я слышала, онъ наводитъ на черныя мысли.

Штольцъ улыбнулся:

— А у васъ онѣ розовыя? Счастливы вы. Вамъ можно позавидовать.

— Меня научили рѣшиться не думать о томъ, что больно,— серьезно замѣтила я.

— Философія мудрая; желаю вамъ съ успѣхомъ слѣдовать ей.

Въ саду раздавался голосъ Ольги, и я, опасаясь какой-нибудь новой выходки отъ нея, посмотрѣла на свои часы, а потомъ сказала:

— Извините, моей ученицѣ пора спать.

Штольцъ молча поклонился.

Вскорѣ затѣмъ, я увела Симу въ наши комнаты.

Тамъ, тетя Паша, не обращая вниманія на дѣвочку, въ возбужденномъ состояніи твердила:

— Я поражена! какое нахальство! пріѣхать съ чужимъ мужемъ, ко вдовцу! разгуливать по саду, хохотать! Удивляюсь!

— Ольга Кириловна сказала, что на мои именины привезетъ мнѣ большую куклу и останется на цѣлый день,—объявила Сима.

— Что-о-о? Ну, dites de grâce!

У тети Паши даже сдѣлалась икота:

— Господи! отчего это? Не знаю. Я совсѣмъ больна... Нянька, принеси квасу.

Старуха исполнила приказаніе и нечаянно плеснула квасомъ.

— Какая дура!—нетерпѣливо отдернула руку тетя;—ужасно неловкая! Поди скажи, что я къ ужину не выйду.

— И я тоже,—прибавила я.

Было уже поздно, когда отъѣзжавшій экипажъ Ольги съ Штольцемъ прокатилъ мимо нашихъ оконъ.

* * *

До сихъ поръ время среди полей ползло, медленно поглощая день за ночью. Только Ольга вносила оживленіе въ тихое захолустье.

Правда, задавшись мыслью овладѣть вдовцомъ, она не щадила ни чьихъ чувствъ, но за то и сама, вѣроятно, не мало терзалась.

Измаилъ Терентьевичъ что-то медлилъ вкусить яблоко, которое эта Ева предлагала ему такъ усердно.

Сердце его оставалось неуязвимо, не то что пятка Ахилеса!

А крылатый купидонъ, гдѣ только не ютится онъ со своей прицѣленной стрѣлой! Вотъ и теперь,—о, богъ любви безжалостный! кого-же вздумалъ ранить ты? Прасковью Кузминишну!

Это произошло съ нею оттого, что въ домѣ гостилъ одинъ безобразный сплетникъ, какая-то пародія на мужчину, и предложилъ ей не руку, а чистить ягоды и вмѣстѣ варить варенье...

Амуръ уже не разъ заставлялъ страдать тетю Пашу, но должно быть забылъ, и теперь пустилъ стрѣлу опять...

Дошло до того, что увлеченная тетушка рѣшилась помѣстить своего Арлекина подлѣ себя, въ проходной комнатѣ... Тогда этотъ арлекинъ протестовалъ:

— Пардонъ, вѣдь тутъ часто пробѣгаетъ Серафима Измаиловна?

Коломбина отвѣчала:

— У насъ есть ширмы, 7 половинокъ, только онѣ не обтянуты.

— То есть какъ? значитъ дырки?

— Ахъ, да!

И онъ и она стояли въ нерѣшительности.

— Ну, такъ какъ же?—снова начала она.

Но тутъ злой рокъ натолкнулъ Измаила Терентьевича и вскорѣ послышался его приговоръ.

— Что ты вздоръ мелешь? Неразѣвай рта! Этого не полагается.

Подобныя сценки казались смѣшными, напоминая балаганъ. Но грубый тонъ, царившій въ домѣ, причинялъ мнѣ какую-то физическую боль въ душѣ, хоть и говорятъ, что привычка притупляетъ все.

Тогда переписка съ m-me Бонасъ поддержала мою падающую энергію. Добрая старушка въ отвѣтъ на мои жалобы говорила, между прочимъ: не жалѣйте, что розы съ шипами, а думайте: какъ хорошо, что у шиповъ есть розы!

Да, она была права. Надо на все смотрѣть съ хорошей стороны, а не съ изнанки. Что-бы я дѣлала въ душномъ Петербургѣ лѣтомъ? А здѣсь, какой просторъ! Широко разстилались поля, холмы и желтѣющія нивы. Тишина какая-то величественная вечеромъ, при закатѣ солнца; только гдѣ-то далеко промычитъ корова. Въ воздухѣ пахнетъ скошеннымъ сѣномъ.

* * *

Сима шалила съ Бѣлянкой въ саду, заставляя ее кувыркаться на травѣ, кошка чихала и пыталась бѣжать, поднявши хвостъ.

Я сидѣла тутъ-же на скамьѣ, просматривая англійскій журналъ, когда изъ за густой аллеи показалась милая фигура Гамлета... Онъ подошелъ къ намъ:

— Извините, я безпокою васъ, можетъ быть?

— Нисколько!

— Мнѣ нужно видѣть по дѣлу Измаила Терентьевича, но домъ у васъ пустой, — говорилъ Штольцъ, садясь подлѣ меня.—Здравствуй, Сима, гдѣ папа?

Дѣвочка отвѣтила, что папа скоро вернется съ постройки, и пустилась въ погоню за убѣжавшей Бѣлянкой, а Штольцъ заговорилъ нервно:

— Вы не можете себѣ представить, до чего безпеченъ нашъ русскій народъ! Я положительно изнемогаю, когда принужденъ управлять своимъ имѣніемъ...

— Тяжела шапка Мономаха,—шутливо замѣтила я.

Штольцъ разсѣянно сказалъ: да! Онъ былъ чѣмъ-то раздраженъ.

— А мнѣ, — продолжала я,—нравится русскій народъ, такой терпѣливый, добродушный и притомъ, сколько въ немъ удали! Напримѣръ, ямщикъ съ тройкой—какая прелесть!

— Особенно если на этой тройкѣ умчаться отсюда, подъ звуки бубенчиковъ,—сказалъ онъ.

Мы оба замолкли.

— Какъ здѣсь тихо, — началъ снова онъ.—Эта безпредѣльная ширь не наводитъ на васъ унынiе?

— Еще какое!

Штольцъ слегка улыбнулся:

— Но вы продолжаете философствовать и не думать, что вамъ скучно, не такъ-ли?

— Я думаю о чемъ-то болѣе для меня интереснomъ...

— Напримѣръ?

Сильно покраснѣвъ, я взволнованно заговорила:

— Отчего такъ грустны вы? Отчего въ вашихъ словахъ, въ вашей игрѣ на роялѣ, чувствуется отчаяніе?

Я замолчала, испугавшись своихъ словъ. Штольцъ сдѣлался мраченъ.

— Не стоитъ думать объ этомъ!—сказалъ онъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, онъ продолжалъ:

— Вы такъ свѣжи, такъ зелены въ этомъ дряхломъ мірѣ... Моя-же пѣсня спѣта... скорѣй-бы только покончить съ собою...

— Зачѣмъ такъ говорить? грѣшно... лучше молиться Богу и вѣрить...

— Блаженъ, кто вѣруетъ... кто не испыталъ разочарованій...

И когда Штольцъ снова заговорилъ о своемъ разбитомъ сердцѣ, на выразительномъ лицѣ его отразилась печаль такъ трогательно, что у меня навернулись слезы и горячими каплями скатились на руку.

— Вы плачете?—воскликнулъ Штольцъ изумленно.

Онъ взялъ мою руку и, прижавъ ее къ губамъ, оставался съ минуту неподвиженъ.

— Чуткая душа!—сказалъ онъ, поднявъ просіявшее лицо. Такія слезы могутъ утѣшать, какъ молитва!..

Я молчала, предаваясь какому-то невѣдомому чувству.

— Папа ѣдетъ!—раздался голосъ Симы, рѣзко заставивъ очнуться.

Штольцъ медленно всталъ:

— Простите, если я смутилъ вашу веселость...

— Мнѣ вовсе не грустно!

— Счастливица! До свиданья!—уходя сказалъ онъ симпатичнымъ голосомъ.

* * *

Тѣмъ временемъ, въ домѣ Измаила Терентьевича произошла перемѣна. „Дылда", какъ онъ прозвалъ пріятеля тети Паши, уѣхалъ, и покинутая грѣшница, чтобъ утѣшиться, отправилась на богомолье въ монастырь.

— Какъ хорошо, что у насъ теперь свободно, не правда-ли, mademoiselle,—щебетала моя ученица.

Нельзя было въ душѣ не согласиться съ ней, хотя теперь она шалила еще болѣе.

— Вы должны выучить урокъ непремѣнно сегодня,— вмѣсто отвѣта сказала я ей.

Сима, вертя книгу въ рукахъ, продолжала:

— Какъ душно! пойдемте въ лѣсъ за грибами. Вы обѣщали...

— Если вы отвѣтите безъ ошибокъ.

Сима принялась учить громко:

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо вьетъ...

— Не свиваетъ!—поправила я.

— А жаль, что нельзя идти сейчасъ... правда? Очень было-бы весело...

— Ne bavardez pas!

Наконецъ урокъ выученъ, а потому, вскорѣ, мы уже очутились въ лѣсу.

Грибы, виднѣясь со всѣхъ сторонъ, увлекали насъ и помѣшали замѣтить, что на небо надвигалась туча.

Лѣсъ вдругъ потемнѣлъ, поднялся бурный вѣтеръ, взвивая сухіе листья, съ трескомъ ломая сучья.

Сима, увѣренная, что это лѣшій зашумѣлъ, страшно испугалась, и мы бросились спасаться изъ чащи, спотыкаясь и цѣпляясь за вѣтви.

Едва успѣли мы выбраться къ опушкѣ лѣса, какъ разразилась гроза. Громъ ударилъ оглушительнымъ раскатомъ, на черныхъ тучахъ мелькали огненные зигзаги молніи. Полился сильный дождь. И дѣвочка, прижимаясь ко мнѣ, повторяла: что намъ дѣлать, охъ, что намъ дѣлать?

Но, къ счастію, буря стихла скоро, положивъ конецъ нашему трагическому положенію.

Когда-же выглянуло солнце, на душѣ стало особенно легко, послѣ сильныхъ ощущеній среди бушевавшей природы.

— Вотъ-бы намъ попало отъ тети Паши, если-бъ она видѣла, какъ мы измокли, — говорила Сима на возвратномъ пути.

— И по дѣломъ!—отвѣчала я, хотя тоже радовалась, что не услышу замѣчаній отъ этой гримасницы.

Однако, свободой наслаждаться не пришлось вполнѣ. Ольга Кирiяковна, узнавъ о путешествіи нашей пилигримки, налетѣла на насъ какъ бомба и разразилась допросами, къ тому-же дѣловымъ тономъ:

— Сима, ты не знаешь, на долго тетя Паша уѣхала?

— Не знаю. Кажется, на мѣсяцъ.

— И вы все время будете однѣ?

Подозрѣнія ея росли съ каждымъ отвѣтомъ дѣвочки, и я уже начинала терять терпѣніе, когда она сказала:

— Сима, поди къ нянѣ; мнѣ надо поговорить съ mademoiselle. Знаете-ли,—продолжала она, когда ученица моя убѣжала, — Измаилъ Терентьевичъ компрометируетъ и васъ и себя...

— Почему?

— Какъ вы наивны, mademoiselle! Я слышала, напримѣръ, что вчера вы уѣзжали съ нимъ куда-то на цѣлый вечеръ!

— Мы ѣздили осматривать новую постройку.

— Можетъ быть... но между сосѣдями идутъ толки... Что вы на это скажете?

— Что все это очень... глупо.

— Ахъ, такъ? Конечно... какъ столичная барышня, вы стоите выше всего этого... Вѣроятно, съ этой высокой точки зрѣнія вы и Симу такъ балуете и потакаете всѣмъ ея выходкамъ, а между тѣмъ, сегодня въ лѣсу, гроза васъ чуть не убила!

— А все-же не убила,—небрежно замѣтила я.

Ольга замолчала. Сообразивъ что-то, она перемѣнила тонъ:

— Вѣрите-ли, я сама не могу понять, почему я такъ привязана къ Снмѣ и такъ безпокоюсь объ этой сироткѣ.

— Вы были-бы для нея хорошая мачиха.

Ольга вспыхнула при этихъ словахъ, а можетъ быть и оттого, что въ сосѣдней комнатѣ показался вдовецъ; онъ послѣ обѣда отдыхалъ у себя и теперь шелъ привѣтствовать сосѣдку, протирая глаза:

— Кого я вижу? Мое почтенье!

* * *

Пользуясь тѣмъ, что Ольга все вниманіе обратила на хозяина, я вышла, и съ намѣреніемъ запереться у себя въ комнатѣ, торопливо переходила черезъ залу, но тутъ меня остановилъ Штольцъ:

— Что случилось? Какой взволнованный видъ! Глаза горятъ... руки холодныя, — сжимая мнѣ ихъ, говорилъ онъ.— Вы сердитесь?

— Да! Хотѣла-бы въ эту минуту разбить что-нибудь въ дребезги!

— Разбейте мою голову.

— Ахъ! вамъ смѣшно... а мнѣ...

— А вамъ?

— Мнѣ... больно. Я точно въ какомъ-то кошмарѣ,—сказала я, проводя рукою по лбу.

— Хотите, я васъ разбужу музыкой?

Шутливо сказавъ эти слова, онъ уже стоялъ у рояля когдъ изъ дальней комнаты послышался смѣхъ.

— М-lle Ольга здѣсь? Какъ странно... неужели она причина...

— Да! да! И мы въ эту минуту изображаемъ квартетъ изъ „Риголетто“,—насмѣшливо замѣтила я.

— Измаилъ Терентьевичъ не особенно напоминаетъ короля французскаго.?.

— За то цыганка...

— А я? неужели для васъ—старый Риголетто?

Неудачное сравненіе мое смутило меня окончательно.

— Ахъ, не обращайте вниманія на мои слова... сегодня день такой несчастливый!

Услыхавъ приближавшіеся голоса вдовца и Ольги, я поспѣшила скрыться, на прощанье съ улыбкой кивнувъ головою Штольцу.

— Гдѣ Сима?—спросила я, увидавъ, что няня сидитъ одна и вяжетъ чулокъ.

— Съ ключницей ушли въ кладовую.

— Няня, если меня спросятъ, скажите, что у меня мигрень.

— Мнѣ не выговорить, матушка, кака-така...

— Скажите, что голова болитъ.

И я заперлась у себя.

Тамъ въ длинномъ письмѣ къ мадамъ Бонасъ я приняласъ жаловаться, какія огорченія приходится терпѣть безпріютнымъ скиталицамъ, но письмо показалось мнѣ банальнымъ, а Ольга—смѣшною.

Неужели она все еще боялась, что я разрушу ея воздушные замки?

* * *

Утро вечера мудренѣе, говорятъ, и мы съ Симой на слѣдующее утро сидѣли за урокомъ.

Но что можетъ быть непріятнѣе урока каллиграфіи?

Сима, надувъ губы, съ ожесточеніемъ мокала перо въ чернильницу, выводя каракули, дѣлая кляксы въ тетради.

— Противныя мухи! мѣшаютъ!—отмахиваясь, говорила она и украдкой поглядывала на меня.

Я сидѣла невозмутимо.

Измаилъ Терентьевичъ вошелъ и, поглядѣвъ на насъ, добродушно засмѣялся.

— Полно вамъ, труженицы! Въ такую духоту можно лодарничать!

— Ахъ! папа, милый!..

— Постой! пусти! не запачкай чернилами. Поди, умой руки!

— Но, Измаилъ Терентьевичъ, нельзя же все гулять... Что скажутъ про меня сосѣдки?

— Э, сударыня моя! мнѣ на всѣхъ наплевать! была бы моя доченька здорова, вѣдь она у меня одна. А относительно

сосѣдокъ!.. развѣ угодишь женскому полу? У нихъ только волосъ длиненъ—глупыя созданія!

— Est il galant,—подумала я.

— Кстати: вчера у васъ болѣла голова, такъ Ольга Кириковна не могла лично пригласить васъ, она ждетъ насъ къ себѣ вечеркомъ.

Сначала я рѣшила не ѣхать... но скучно жить, какъ въ пустынѣ! Сердце наше слишкомъ нуждается въ любви, чтобы люди могли обходиться другъ безъ друга. Лучше постараться переносить en bon enfant аттаки задорной сосѣдки, какъ это дѣлалъ мудрый мой хозяинъ.

* * *

Домъ Затишья составлялъ пунктъ, куда сосѣди стекались играть въ карты и сплетничать. На террасѣ первое среди гостей бросилось въ глаза то, что красавица Неонилла сидитъ, принявъ живописную позу, и слушаетъ, что ей говоритъ Штольцъ, сидя рядомъ съ ней на диванѣ... Увидя насъ, онъ небрежно поклонился и продолжалъ разговоръ.

Сердце мое мучительно сжалось.

— Mademoiselle, Миша здѣсь,—радостно шепнула Сима, и тотчасъ послышался его голосъ:

— Здравствуйте! какъ я радъ! Сколько разъ я намѣревался прикатить на велосипедѣ, но попасть къ вамъ невозможно, какъ грѣшнику въ рай.

— Бѣдный грѣшникъ! — говорила я, стараясь уловить взглядъ Штольца,—какъ же вы сюда попадаете? Здѣсь развѣ адъ?

— Только не въ эту минуту, когда передо мной ангелъ и херувимъ... а? каково сказано?—весело говорилъ Миша.

Измаилъ Терентьевичъ тоже теперь подсѣлъ къ Неониллѣ. Глаза ея смотрѣли такъ томно, красивый ротъ улыбался, образуя ямочки на щекахъ; сквозной корсетъ едва прикрывалъ роскошный бюстъ.

Сознавая, что эта дѣвушка хороша, я тоскливо отвернулась къ Мишѣ, который болталъ съ моей ученицей.

— Я тебѣ приготовилъ собаку,—говорилъ онъ.

— Какую? Какую?

— Маленькую.

— Какого цвѣта? какія уши? какой хвостикъ?

— Зачѣмъ ей собачку? еще укуситъ, замѣтила Ольга, а потомъ обратился къ Неониллѣ:

— Слыхали вы новость? Боярова устраиваетъ благотворительный концертъ.

— Слыхала,—тоненькимъ голоскомъ отвѣчала красавица,—даже приглашена участвовать!

— Мы съиграемъ что-нибудь въ четыре руки, объявилъ Штольцъ.

— Кто еще участвуетъ? интересовалась Ольга, подходя къ своей соперницѣ.

Разговоръ о музыкальномъ вечерѣ интересовалъ и меня, а Миша въ это время болталъ:

— Сима, давай устроимъ концертъ... Выпустимъ твоихъ кошекъ! Мы можемъ также пригласимъ эту красивую дѣвицу, понизивъ голосъ прибавилъ онъ; она намъ станцуетъ... ножки у нея, какъ...

— У Сандрильонъ, сказала Сима.

— Ну, нѣтъ, побольше.

— Хорошенькія у нея руки? спросила я Миша сдѣлалъ уморительную гримасу:

— Какъ у гуся лапы!

Сима захохотала, а я подумала:

— Пусть она ими съиграетъ съ Штольцемъ, и громко сказала:

— Ахъ! Mr. Michel, какой вы веселый!

Онъ отвѣчалъ:

— Не всегда!

И, плутовски заглянувъ мнѣ въ глаза, тихо прибавилъ:

— Я веселъ, потому что вы грустны.

Сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, я отвѣтила:

— Васъ не напрасно считаютъ бѣдовымъ!

Между тѣмъ Ольга, замѣчая, что прелестная блондинка слишкомъ завладѣла ея вдовцомъ, предложила идти всѣмъ играть въ крокетъ.

Штольцъ отказался, онъ предпочелъ бесѣду съ Измайломъ Терентьевичемъ и не взглянулъ на меня ни разу!

— Что бы это значило?—думала я, ударяя по шарамъ крокета.

Послѣ первой партіи Неонилла устала. Она вернулась на террасу еще интереснѣе, съ нѣжнымъ румянцемъ и слегка растрепавшейся прической густыхъ волосъ пепельнаго цвѣта.

Красота и молодость—вѣдь это сила! Ольга какъ бѣсъ крутилась передъ своей пріятельницей, за которой вдовецъ началъ ухаживать, хотя также ловко, какъ бы медвѣдь игралъ на органѣ. Затишье изображало въ тотъ вечеръ маленькій адъ, не смотря на то, что въ темнотѣ чудно блистали звѣзды, а Миша, облокотясь на террасу подлѣ меня, напѣвалъ романсъ:

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво;
Когда и лѣсъ, и степь, весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.
Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Но вотъ ссора за карточной игрой прекратилась; гости вставали со своихъ мѣстъ, и когда всѣ начали прощаться съ хозяевами Затишья, Штольцъ, проходя мимо меня, насмѣшливо проговорилъ:

— Вы побѣду одержали!.. Интересный молодой человѣкъ

* * *

Измаилъ Терентьевичъ измучилъ няню на слѣдующій день заставляя ее доставать изъ сундуковъ разныя части своей одежды, все не рѣшаясь остановить выборъ. Няня, неся цѣлую охапку невыразимыхъ, ворчала:

— Это все ко злу...

— Какому козлу?—спросилъ лакей.

— Не къ добру баринъ наряжается.

А вдовецъ надушеннымъ франтомъ сѣлъ въ дрожки и укатилъ, не смотря на то, что наканунѣ Ольга сказала, прощаясь:

— Завтра я пріѣду рисовать видъ изъ вашихъ оконъ, который мнѣ такъ нравится.

Надо было видѣть ея лицо, чтобы понять ея негодованіе, когда Сима сказала:

— Папа уѣхалъ!

Ящикъ съ красками чуть не выпалъ у нея изъ рукъ.

— Все равно!—тряхнувъ головой обратилась она ко мнѣ.—Пойдемте со мною. Я хочу нарисовать въ вашъ кипсэкъ.

Испытывая тоже сердечную тревогу, я обрадовалась ея ласкѣ. Несчастіе сближаетъ людей!

Ольга акварелью принялась снимать видъ, вовсе не живописный. За то какихъ синихъ васильковъ насадила она кистью во ржи! Какихъ верблюдовъ на небѣ вмѣсто облаковъ нарисовала она, чтобы оживить пейзажъ.

Сима вертѣлась около художницы, трогая краски, кисти палитру, словомъ, надоѣдала, и Ольга, топнувъ ногой, воскликнула:

— Какъ несносно! Толкнула меня въ локоть! Ну, на что теперь похожа птица?

Сима испугалась и убѣжала.

— Пусть побѣгаетъ,—сказала Ольга,—и безъ нея тошно

* * *

— Нравится вамъ Неонилла?—вдругъ спросила она, продолжая рисовать.

— Я ее мало знаю.

— Ничего не потеряли! Не интересная! Воображаетъ о себѣ—а кто она? дочь мироваго судьи, воспитывалась въ прогимназіи въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ.

— Да, но она хорошенькая.

— За то глупа.

— Многимъ мужчинамъ особенно нравится, если дѣвушка хороша и къ тому-же глуповата, утѣшала я ее.

— Неужели? Вѣрно и Штольцъ принадлежитъ къ нимъ.. Вотъ Миша, онъ ею не восхищенъ!

— Отчего онъ здѣсь не бываетъ?—спросила я.

— Измаилъ Терентьевичъ его ревнуетъ... то есть ревновалъ...

Ольга вздохнула, добавляя:

— Вчера, однако, онъ пригласилъ его сюда... но это потому, что Симѣ онъ нравится—Миша любитъ дѣтей.

Художница, рисуя, продолжала разсказывать подробности о сосѣдкахъ и сосѣдяхъ — а я, слушая ее, удивлялась, сколько вещей говорится о насъ за спиной, которыя совершенно вѣрны!

Послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа; черезъ минуту изъ окна въ перспективѣ, показался силуэтъ вдовца и если-бы

Ольга срисовала фигуру въ свѣтлой одеждѣ, съ лицомъ коричневаго цвѣта и голубыми, выпуклыми глазами — это не было-бы de trop въ ея пейзажѣ.

Измаилъ Терентьевичъ оживленно сталъ разсказывать, какъ Штольцъ затащилъ его на репетицію концерта.

— Жаль только, что музыка скучная, — замѣтилъ онъ. — Знаете, я этого Бетховена, и Шопена взялъ-бы, да ихъ-же нотами отдулъ! чего наводить на людей хандру?

Ольга неестественно смѣялась, ревниво разспрашивая вдовца о Неонилѣ, а отвѣты его, какъ-бы рикошетомъ, задѣвали и меня.

* * *

Прошло нѣсколько дней, и Штольцъ не показывался; видно; занятъ былъ репетиціями... За то Миша, воспользовавшись приглашеніемъ, вскорѣ пріѣхалъ на велосипедѣ и привезъ Симѣ собачку.

— Какъ-бы назвать ее?—суетилась обрадованная дѣвочка.

— Туту, рѣшилъ ея любимецъ и сталъ разспрашивать ее, какъ мы живемъ, что подѣлываемъ.

— Мы живемъ хорошо, читаемъ—вотъ, посмотрите, картинка въ книжкѣ: русалка на днѣ морскомъ вплетаетъ жемчугъ въ мокрыя косы...

— Что это? сказка? Охота тебѣ читать такую ерунду!

— Ахъ, нѣтъ, интересно! Витязи, вѣдьмы, царевна...

— Вы должно быть большой реалистъ,—сказала я.

— А вы идеалистка?

— Нѣтъ, но я нахожу въ народныхъ сказкахъ поэзію, а реализмъ убиваетъ все... милое, граціозное...

— Ну, такъ я не буду любить реализмъ, а то онъ убьетъ для меня—васъ!

Я посмотрѣла на него строго.

— У! какъ страшно! настоящая гувернантка! Грифель!

— А вы? знаете, кто?

— Ну, кто?

— Monsieur Sans Gêne! Поглядите, какъ Сима удивленно смотритъ на насъ!

— Ахъ! Сима, Сима! давай возпться съ Туту. Давай дрессировать твоихъ кошекъ; можетъ, и насъ пригласятъ въ благотворительный концертъ. — Только, нѣтъ! Боярова больше

меня не пригласитъ.—Я разъ участвовалъ въ ея спектаклѣ и оскандалился. Вообразите, заставили меня взять роль Бориса Годунова, Пушкина. Для храбрости я выпилъ вина и запутался! Вмѣсто того чтобъ съ достоинствомъ сказать Маринѣ: „Довольно! Стыдно мнѣ предъ гордой полькой унижаться". Я проговорилъ быстро. „Довольно стыдно мнѣ предъ гордой полькой унижаться"... Тогда поднялся смѣхъ и Марина разсердилась...

— Еще-бы, смѣясь сказала я, играть съ актеромъ, у котораго, вмѣсто роли, въ головѣ...

— Сухая мадера! докончила Миша.

* * *

Съ этого дня Миша сталъ часто бывать въ домѣ Измаила Терентьевича, то съ Ольгой, то ея гонцомъ съ порученіемъ. Сосѣдка уже не остерегала меня и вообще сильно измѣнилась.

Борьба за вдовца между Алой и Бѣлой розой была въ самомъ разгарѣ.

Конечно, я была партизанкой Алой розы, хотя всѣ шансы на побѣду имѣла Неонилла, судя по той заботѣ, съ которою вдовецъ началъ заниматься собою! Онъ даже приказалъ нянѣ сварить какую-то траву для умыванія лица. Первый опытъ неудался, и бѣдная няня, получивъ нагоняй, снова шла къ барину съ какимъ-то сосудомъ, говоря:

— Ну, теперь попробуйте, кака?..

Между тѣмъ, лѣто близилось къ жатвѣ; настала дѣятельная пора для сельскихъ хозяевъ. Но владѣтельница Затишья оставалась равнодушною къ урожаю, боясь казаться матерьялисткой. Все хозяйство вели ея родители, добродушные, но скучные старики. Ольга грустила, чего только не придумывая, чтобы достигнуть своей цѣли—выйти замужъ. Бѣдняжка! развѣ это не простительно? виновата-ли она, что природа создала женщину быть матерью и что сердце ея всю жизнь естественно тянется къ любви, какъ цвѣтокъ къ свѣту? О, что можетъ быть печальнѣе участи старой дѣвы? безъ всякихъ надеждъ, безъ дѣтей, безъ средствъ? Никому не мила ея слеза изъ потухшихъ глазъ, которые горѣли полные жизни когда-то!

* * *

А Штольца все не было видно...

Теперь мы съ Симой не рѣдко бывали въ Затишьѣ, гдѣ Ольга становилась ко мнѣ все добрѣе.

Бесѣдуя со мною, она разъ сказала сентиментально:

— Меня мучитъ совѣсть, что въ началѣ нашего знакомства я такъ недружелюбно относилась къ вамъ!

— Тогда и я платила вамъ тѣмъ-же, смѣясь отвѣтила я. Все это хотя не похвально, а я скажу, какъ „Синяя Борода“ въ опереткѣ:

Je devrais avoir des remords, mais je n'ai pas!

Ольга разсмѣялась.

— Какая вы веселая!

— Ахъ! не хвалите меня... я слишкомъ беззаботная...

Ольга отвѣчала.

— Какъ и у всѣхъ есть темныя стороны, безпечность— c'est le défaut de vos qualités!

Мы философствовали въ такомъ родѣ въ саду, когда пришла мать Ольги съ Симой, звать насъ посмотрѣть новыхъ коровъ, которыхъ привели на скотный дворъ.

— Для mademoselle это не интересно, мама.

И меня оставили одну.

Въ это время, съ террасы сошелъ Миша и черезъ лужайку направился ко мнѣ.

— Здравствуйте! гдѣ всѣ?

— На скотномъ дворѣ.

—А! протянулъ онъ и опустился на скамью, подлѣ меня.

— На какомъ скучномъ обѣдѣ я былъ сейчасъ! Собрались схимники... все время бранили женщинъ и вино... а я имъ сказалъ: кто не любитъ вина и женщинъ, такъ дуракомъ и умретъ! Вѣдь это, кажется, сказалъ Шекспиръ, не правда-ли?

— Можетъ быть... англичане любятъ вино...

Я вспомнила про мистера Сноба и мнѣ стало смѣшно.

— Чему вы смѣетесь? Вы надъ всѣмъ смѣетесь, что я говорю.

Онъ вздохнулъ.

— Ахъ! неужели вамъ будетъ тоже смѣшно, если я скажу, что съ того дня, какъ мы качались на качеляхъ... какъ здѣсь на лужайкѣ мы вальсировали... я унесъ въ своемъ сердцѣ одинъ образъ... о! вы догадываетесь, чей, неправда-ли?

— Нѣтъ! у васъ столько знакомыхъ...

— Этотъ образъ—вашъ!

— Не говорите мнѣ вещей, которыхъ я не должна слушать...

— Я говорю, что чувствую.

— О, нѣтъ! не вѣрю...

— Я не лгу! страстно воскликнулъ онъ—отъ него пахло виномъ—я васъ люблю!

Рука его уже охватила меня; но я быстро вскочила; гордость во мнѣ возмутилась.

— Вы забываетесь! вспомните, я не крестьянка, а вы не кацапъ!

Миша съ безсмысленнымъ взглядомъ проговорилъ:

— Вы бѣдовая полька... о! не глядите на меня такъ сурово... простите...

И этотъ громадный дѣтина, склонясь предо мной на колѣно, напомнилъ мнѣ древняго героя Омфаловой прялки.

Сказать или не говорить Ольгѣ объ этой глупой сценѣ? Не стоитъ. И безъ того всѣ мы почти перессорились... Затишье опустѣло, и Ольга отъ тоски, какъ Сафо, не находила себѣ мѣста.

— Показать вамъ одинъ живописный обрывъ? — угрюмо спросила она меня.

Я испугалась: ужъ не задумала-ли и она, какъ классическая поэтесса, сдѣлать прыжокъ со скалы!..

Мы отправились.

Мѣстность, куда меня привела Ольга, была необыкновенно красивая, съ вѣковыми дубами и стариннымъ домомъ, который возвышался надъ обрывомъ. Внизу протекала рѣка.

— Это имѣніе жены Штольца,—сказала мнѣ Ольга.

— Она здѣсь живетъ?

— О, нѣтъ... Странная была эта особа! Красивая, образованная. Штольцъ ей понравился, она влюбила его въ себя, и бракъ былъ по страсти. Но, Боже мой, какъ она мучила его своимъ ужаснымъ характеромъ! Онъ пытался укрощать ея буйную голову, но не стало силъ, особенно когда они уѣхали за-границу, гдѣ онъ надѣялся, что красота итальянской природы, произведенія художества сдѣлаютъ ея чувства болѣе изящными, займутъ ее; но, увы! ее заняла только рулетка. Она стала обманывать мужа, вела безпутную жизнь и до того разстроила свое здоровье, что ее пришлось по-

мѣстить въ сумасшедшій домъ... гдѣ доктора находятъ ея помѣшательство неизлечимымъ. А бѣдный Штольцъ любилъ ее!

Ольга задумалась. Старый домъ, въ вечернемъ полумракѣ, казался невыносимо печальнымъ...

— Уйдемте отсюда,—попросила я.

***

Когда мы вернулись въ Затишье, наше грустное настроеніе было прервано неожиданнымъ пріѣздомъ m-elle Пюра. Это была высокая, худая, блѣдная, съ блестящими глазами француженка.

— Я пріѣхала съ порученіемъ отъ благотворительнаго общества,—начала она, послѣ того, какъ Ольга насъ представила. — Пѣвица, которая назначена въ программѣ концерта, заболѣла, и мы, узнавъ, что у васъ, mademoiselle, хорошій голосъ, рѣшили просить васъ принять участіе dans notre oeuvre de charité.

При видѣ моего замѣшательства, Ольга поспѣшила отвѣтить:

— Конечно mademoiselle не откажетъ... и я увѣрена, что споетъ не хуже этой больной, какъ ее зовутъ.

— Avdotia Praskoviewna, je crois...

Мы засмѣялись.

— Вотъ программа, — продолжала француженка, давая мнѣ ее.

Просмотрѣвъ, я сказала:

— Здѣсь назначена: арія soprano dramatique, а я ничего не пою драматичнаго...

— Тѣмъ лучше,—подхватила m-elle Пюре;—спойте что-нибудь веселое.—Если позволите, я пришлю вамъ хорошенькій романсъ, пѣтый Жюдикъ. Согласны?

Я согласилась, не имѣя времени колебаться, такъ какъ живая француженка спѣшила успокоить распорядительницу концерта, мадамъ Боярову.

— Прислать за вами экипажъ? — спросила меня m-elle Пюре, прощаясь.

— Не надо,—сказала Ольга.—Я сама привезу mademoiselle. Когда назначенъ концертъ?

— Послѣ завтра, въ 8 часовъ вечера.

***

Мыза Бояровыхъ ютилась въ привѣтливомъ мѣстечкѣ; съ одной стороны тянулся паркъ, съ другой —примыкали крестьянскія избы съ красивою рѣзьбою. Передъ фасадомъ барскаго дома, пестрѣлъ роскошный цвѣтникъ, со статуей молодого Сатира.

Супруги Бояровы радушно встрѣчали гостей, которыхъ подвозили самые разнообразные экипажи къ ихъ подъѣзду. Общество собралось довольно большое, и m-elle Пюре, у входа залы, раздавала билеты благотворительной публикѣ.

Комната для участвующихъ была наполнена хоромъ въ цыганскихъ костюмахъ, и когда распорядитель далъ звонокъ для начала концерта, всѣ разступились на двѣ стороны, чтобы дать дорогу:

Штольцъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, велъ подъ руку Неонилу, въ голубомъ платьѣ, съ открытой шеей и короткими рукавами. Такъ они вошли на эстраду, гдѣ публика встрѣтила ихъ апплодисментами. Запграли Шопена, котораго Измаилъ Терентьевичъ желалъ побить нотами...

По окончаніи снова раздались апплодисменты, и Неонила вернулась съ огромнымъ букетомъ.

Я сѣла въ темный уголъ комнаты и закрылась вѣеромъ, чтобы не попадаться на глаза Штольцу.

На эстраду, между тѣмъ, вышелъ баритонъ, онъ пѣлъ какъ любитель арію изъ Руслана, крича во все горло: О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?

* *
*

У одной изъ стѣнъ комнаты стоялъ буфетъ съ фруктами, лимонадомъ и виномъ. Артисты прохлаждались, разговаривая въ полъ-голоса. Но вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, всѣ стихли: Штольцъ игралъ Aufschwung Шумана...

Я встала, живо припомнивая первую встрѣчу... Знакомые звуки, исполненные страстной тоски, проникали все глубже и глубже въ душу!..

— Онъ не ударитъ лицомъ въ грязь и въ Питерѣ,—заговорилъ распорядитель, когда публика бурнымъ апплодисментомъ награждала артиста.

Неонилла слушала у дверей, окруженная поклонниками въ цыганскихъ костюмахъ.

Когда Штольцъ вернулся, она пискливымъ голосомъ сказала:

— Браво! я даже завидую вамъ! А теперь проведите меня въ залу.

Тутъ, означенный въ программѣ хоръ любителей запѣлъ, подъ аккомпаниментъ гитаръ:

Милая, ты услышь меня!

И мелодія неслась стройно; голоса хора, то возвышаясь, то понижаясь, звучной волной словно уносили куда-то, гдѣ хорошо...

Вдругъ меня тронула за рукавъ Ольга:

— Вы опять витаете въ облакахъ! Посмотрите, на что похожа ваша прическа! Шлейфъ измятъ,—говорила она, прикалывая бѣлую розу къ моему корсажу.—Теперь будетъ 10 минутъ антракта, вы не забыли? Второе отдѣленіе начнетъ Неонилла, а затѣмъ—ваша очередь. Но я главное пришла сказать, что въ залѣ сидитъ мой камергеръ — помните, котораго я показывала въ альбомѣ? Мнѣ весело съ нимъ. Смотрите же, отличитесь сегодня!

И Ольга убѣжала.

Когда послѣ антракта раздался звонокъ распорядителя, и Неонилла вторично выступила передъ публикой, выражавшей ей свой восторгъ, во мнѣ проснулся какой-то демонъ!..

Сначала выйдя въ свою очередь на эстраду, я остановилась en face массы публики, чувствуя, что сердце и виски мои бьются въ нервномъ affollement, а глаза точно рѣжетъ яркій свѣтъ залы.

Но въ ту минуту, какъ піанистъ прелюдировалъ романсъ, я замѣтила въ первомъ ряду Штольца, а подлѣ него, господина, который смотрѣлъ на меня въ pince-nez. Все это помогло мнѣ овладѣть собой, и шансонетка Жюдикъ пропзвела эффектъ!

— Bravo! bravissimo!—первый воскликнулъ господинъ въ pince-nez, когда я, стараясь подражать великой французской артисткѣ, наивно закончила:

Grand'maman, dans votre jeune âge
Vous avez dû passer par là!

И на мою долю выпала овація съ требованіемъ bis!

Программа концерта того вечера была еще длинная, когда я вернулась въ комнату, ожидать Ольгу.

Вошелъ Штольцъ; онъ искалъ кого-то глазами и, увидя меня, приблизился:

— Мы еще не здоровались сегодня; я васъ не узналъ. Вы такъ измѣнились! Прежняя застѣнчивая педагогичка изчезла—вмѣсто нея, передо мною артистка!

— О! вы находите? А мнѣ кажется, что вы не узнали меня по другой причинѣ... Вы ослѣплены красотою и граціей піанистки!

— Нѣтъ, ошибаетесь, улыбнулся Штольцъ и продолжалъ серьезно: Мнѣ нужно съ вами поговорить. Накиньте на плечи mantelet и пойдемте въ паркъ; здѣсь такъ душно.

Мы вышли въ аллею, гдѣ на деревьяхъ висѣли разноцвѣтные фонари. Окна дома свѣтились въ темнотѣ яркимъ свѣтомъ.

— Слушайте внимательно, — началъ Штольцъ — я буду проповѣдовать... то-же, что проповѣдуетъ христіанство: любовь къ ближнему и свободу!

Онъ былъ необыкновенно интересенъ въ своемъ изящномъ костюмѣ; въ голосѣ его чувствовалось волненіе:

— Мнѣ нужна сестра милосердія, которая съумѣла бы заглушить во мнѣ эту злобу къ судьбѣ... Я хочу, чтобы душа моя ощутила покой... Когда я снова услышалъ сегодня ваше пѣніе, я почувствовалъ, что жизнь безъ васъ для меня будетъ еще невыноснѣе, а между тѣмъ... я долженъ уѣхать отсюда черезъ нѣсколько дней... Уѣдемъ вмѣстѣ! Я помогу вамъ усовершенствовать ваше пѣніе, и передъ вами откроется жизнь артистическая, а съ нею—свобода!..

Ахъ, какъ дрожала я отъ волненія — Штольцъ задѣвалъ мою слабую струну! Но все же рѣшиться на важный шагъ не было силъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ страшно!—прошептала я.

Штольцъ молча опустился на скамью и откинулъ голову. При радужномъ свѣтѣ фонарей, блѣдное лицо казалось еще прелестнѣе!

Не помня себя, я приблизилась къ нему и, поцѣловавъ его въ лобъ, убѣжала въ залу, гдѣ Ольга уже ждала меня, чтобы вернуться домой.

*
* *

Ольга болтала оживленно, хотя вдовца ея не было на концертѣ.

— Какъ вамъ понравился мой камергеръ? — спрашивала она дорогою.

— Très correct,—отвѣчала я, удивляясь, какъ быстро она утѣшалась и, какъ за соломку утопающій, хваталась за господина въ pince-nez.

Въ послѣдніе дни, по случаю передѣлокъ въ домѣ Измаила Терентьевича, мы съ Симой гостили въ Затишьѣ, гдѣ старики баловали ее и просили называть себя дѣдушкой и бабушкой.

Сима, однако, соскучилась въ чужомъ домѣ по своимъ Туту и Бѣлянкѣ и начала проситься домой. Желаніе ея тотчасъ же исполнилось: папаша ея не замедлилъ прислать за нами дрожки.

Между тѣмъ, погода сдѣлалась пасмурная, и вдовецъ почему-то былъ также скученъ, какъ дождливый день въ деревнѣ. Передавая мнѣ письмо отъ мадамъ Бонасъ, онъ на-скоро сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о вечерѣ у Бояровыхъ и снова вернулся къ работникамъ, которые оканчивали что-то въ его кабинетѣ, стуча молоткомъ.

Няня ссорилась съ лакеемъ, за то, что онъ, снимая со стѣны портретъ покойной барыни, расцарапалъ его.

Мимо насъ проходили работники, перенося мебель; сапоги ихъ были намазаны дегтемъ.—Ахъ! какъ неуютно стало въ домѣ Измаила Терентьевича!—Къ тому же, Сима не переставая возилась, то съ кошкой, то съ собакой, а когда я заставила ее читать, она зѣвала, повторяя:

— Скорѣй бы пріѣхала тетя Паша!

А я думала:

— Какъ скучно здѣсь будетъ зимою!

И думы мои путались, составляя какъ бы аккомпанементъ печальной мысли: бросить все и вернуться въ Петербургъ. Но какъ это сдѣлать? Тутъ, полученное письмо отъ француженки помогло рѣшить вопросъ.

Сердце мое сильно билось, когда я вдругъ сказала:

— Измаилъ Терентьевичъ, письмо, которое вы мнѣ передали, требуетъ, чтобы я немедленно съѣздила въ Петербургъ...

— Какимъ это родомъ?

— Семейныя дѣла...—лгала я.

Вдовецъ нахмурился и долго разговаривалъ, пока, наконецъ, заключилъ:

— Ну, дѣлать нечего. Только возвращайтесь скорѣе. Мы къ вамъ привыкли, и я надѣюсь, что вы докончите воспитаніе Симы, а тамъ мы ее съ вами выдадимъ замужъ,—мечталъ вдовецъ, который самъ готовился въ скоромъ времени повѣнчаться съ красавицей Неонилой.

Судьба устроила такъ, что въ тотъ же вечеръ явился прощаться Штольцъ.

— Вотъ кстати!—добродушно воскликнулъ Измаилъ Терентьевичъ,—не подвезете ли вы нашу мадмазель въ Курскъ?

* *
*

Тройка мчится,звеня бубенчиками, среди полей, мимо лѣса, крестьянскихъ селъ и вѣтряныхъ мельницъ, на которыхъ вертятся огромныя крылья.

— Вотъ она свобода!—шепчетъ Штольцъ, склонясь ко мнѣ въ экипажѣ.

А мнѣ такъ весело, такъ весело, что я готова вскрикнуть!

. . . . . .

Шопенгауеръ говоритъ... впрочемъ, пусть его что угодно говоритъ!

Е. Яблонская.

Въ поискахъ правды.

(«Lourdes», новый романъ Эмиля Золя).

Всякому новому произведенію извѣстнаго писателя предшествуютъ многочисленные и разнообразные толки его поклонниковъ и противниковъ. Не обошлось безъ такихъ толковъ и появленіе послѣдняго романа французскаго натуралиста. По поводу «Мечты» говорили, напр., что Золя, или «радость вонять» (Zola oder die Freude zu stinken), какъ его обозвалъ Ницше, измѣнилъ себѣ, уйдя въ свѣтлую область романтическихъ идеаловъ. Точно также, по поводу «Лурда» говорили, что писатель отрекается въ этомъ произведеніи отъ прежняго своего міровоззрѣнія, что онъ «обращенъ» чудесами, которыя во-очію видѣлъ въ современномъ святилищѣ католицизма. Въ противоположность тому, что было при появленіи «Разгрома», Золя былъ на этотъ разъ сдержанъ съ интервьюерами, какъ бы выжидая, чтобъ новое произведеніе судили въ его цѣломъ; это увеличивало интересъ еще болѣе.

Для тѣхъ, кто хорошо знакомъ со всею литературною дѣятельностью Золя, предположеніе объ «обращеніи» казалось, конечно, черезъ-чуръ поспѣшнымъ. И дѣйствительно, писатель подошелъ въ новомъ произведеніи къ религіозно-нравственному вопросу во всеоружіи того-же анализа, при помощи котораго онъ создавалъ широкія картины нравовъ второй имперіи и съ которымъ подходилъ къ вопросу соціальному въ такихъ вещахъ своихъ, какъ «Assomoir» и «Germinal».

Такъ называемый «натуралистическій» методъ въ романѣ—т. е. сведеніе психологической и соціальной жизни къ немногимъ первичнымъ явленіямъ, объясненіе всѣхъ жизненныхъ явленій естественно-историческими вліяніями расы и общественной среды—получилъ особое развитіе послѣ 1870 года. Литература отразила въ себѣ то состояніе нравственной прострацiи, въ которомъ росли молодыя поколѣнія разгромленной Франціи. Послѣ катастрофъ 1848 и 1870 гг., казалось, навсегда угасло одушевленіе, захватывавшее

людей во времена соціальныхъ утопистовъ: Фурье, Сенъ-Симона и проч., во время Жоржъ-Занда, Виктора Гюго и т. д. Общественно-прогрессивные идеалы, осуществленіе которыхъ казалось такъ близко въ концѣ сороковыхъ годовъ, потускнѣли, ушли въ прошедшее. Только чистая наука осталась на прежней высотѣ и по прежнему продолжала покорять природу. Люди литературы пытались перенести мощный объективный научный методъ и въ свою область, старались стать безпристрастными учеными, изучающими детерминизмъ явленій человѣческой жизни. Какъ извѣстно, Тэнъ былъ теоретикомъ этого направленія, Золя—однимъ изъ наиболѣе видныхъ его представителей.

Первоначально оно носило рѣзко пессимистическій характеръ, что и понятно. Если «добродѣтель и порокъ такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ», то постоянное созерцаніе явленій человѣческой жизни съ такой отвлеченной точки зрѣнія ни въ какомъ случаѣ не можетъ содѣйствовать развитію въ человѣкѣ охоты и энергіи къ дѣятельности. Крайняя отвлеченность натуралистической теоріи сказалась очень скоро уже въ томъ фактѣ, что самъ Золя, какъ это неоднократно показывала критика, постоянно противорѣчилъ себѣ въ своихъ произведеніяхъ.

Натуралистическій пессимизмъ имѣлъ не мало отголосковъ, сливаясь съ матеріалистическими философскими теоріями. Однимъ изъ такихъ отголосковъ мы считаемъ такъ называемый марксизмъ, это міровоззрѣніе, столь странное по своей механичности и отвлеченности, хотя и построенное на основаніи геніальной экономической теоріи. Соціальный вопросъ — твердятъ намъ,— вопросъ желудка; рѣшеніе вопроса придетъ съ такою-же естественною необходимостью, съ какою рождается отъ матери ребенокъ; массы, движимыя своими классовыми интересами, неминуемо дадутъ это рѣшеніе именно въ такомъ-то видѣ.

Самая жизнь опровергала и опровергаетъ такой односторонній взглядъ на современное состояніе цивилизованнаго человѣчества. Если намъ твердятъ, что въ человѣкѣ по прежнему живъ первобытный звѣрь, который и руководитъ всѣмъ, если безпощадная борьба за существованіе постоянно предъ нашими глазами, то рядомъ съ нею мы видимъ, какъ упорно занята человѣческая мысль исканіемъ новыхъ идеаловъ взамѣнъ старыхъ, которые уже не удовлетворяютъ человѣчество, какъ не удовлетворяютъ его современныя матеріальныя условія жизни. Соціальный вопросъ представляется такимъ образомъ не только вопросомъ желудка, но и вопросомъ психологическимъ, нравственно-философскимъ.

Въ XVIII вѣкѣ борьба новыхъ идеаловъ со старыми представлялась главнымъ образомъ борьбою раціонализма противъ догма-

тизма. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ догматизмъ болѣе и болѣе падалъ въ глазахъ просвѣщенной части общества, борьба эта принимала менѣе опредѣленный характеръ. Если католицизмъ и ортодоксальное лютеранство и метали громы противъ невѣрія и новыхъ вѣяній, то все-таки эти громы особаго дѣйствія не производили: чистый разумъ, отрѣшившійся отъ догматическихъ узъ, долго торжествовалъ по всей линіи, предполагая, что разумное пониманіе своихъ выгодъ и невыгодъ достаточно для того, чтобъ обезпечить счастье человѣчеству. Оказалось, однако, что догматизмъ, въ лицѣ католической церкви, не думаетъ еще положить оружія, по прежнему остается воинствующимъ и порою увлекаетъ массы. Это заставило представителей новыхъ вѣяній внимательнѣе приглядѣться къ сущности массовыхъ религіозныхъ увлеченій. Обманъ со стороны духовенства, прежде бывшій ходячимъ объясненіемъ дѣла, оказался объясненіемъ слишкомъ ужъ простымъ и недостаточнымъ. Источника новыхъ завоеваній того же католицизма приходилось искать глубже, именно въ самой психологіи человѣка.

Завоеванія католичества во вторую половину XIX вѣка были не незначительны. Установленіе двухъ новыхъ догматовъ: о непогрѣшимости папы и о непорочномъ зачатіи Богоматери, было само по себѣ доказательствомъ живучести римской церкви, относительно которой полагали было, что завѣтъ Вольтера: «Ecrasez l'infâme» уже исполненъ. Живучесть сказывается и въ политическомъ значеніи, которое католическія партіи успѣли получить во многихъ странахъ съ парламентарнымъ управленіемъ. Характернымъ признакомъ того, какъ католицизмъ умѣетъ приспособляться къ вѣяніямъ времени, являются также такъ называемый христіанскій соціализмъ, высказанный съ высоты папскаго престола, и мечты создать повсюду католическую демократію.

Золя остановился въ своемъ романѣ на увлеченіи чудесами, производимыми въ Лурдѣ, на увлеченіи, которое охватило не только Францію, но и другія страны и торжественно выставлялось, какъ доказательство побѣды церкви надъ невѣріемъ.

Лурдъ—маленькій городокъ въ Пиринеяхъ, до конца пятидесятыхъ годовъ ничѣмъ не обращавшій на себя вниманія. Если читателю знакомъ прелестный разсказъ А. Додэ: «Перпиньянскій кюре», онъ можетъ живо представить себѣ нравы обитателей Лурда въ пору его неизвѣстности, ихъ искреннюю вѣру въ Бога и въ чорта и ихъ готовность видѣть чудо во всемъ, что будетъ признано таковымъ ихъ кюрэ или молвою. Въ февралѣ 1858 года, истеричная четырнадцатилѣтняя дѣвочка изъ Лурда, Бернадетта Субиру, на берегу рѣки Гавъ, противъ естественнаго грота въ скалѣ, имѣла видѣніе, какое—она сама хорошенько не знала. Обстоятельная

исторія этого видѣнія и вся жизнь бѣдной дѣвушки съ глубокою симпатіею переданы въ романѣ Золя, и на подробностяхъ мы не будетъ останавливаться. Подъ вліяніемъ настойчивыхъ разспросовъ у Бернадетты сложилась полная опредѣленная картина видѣнія, которое повторялось неоднократно. Назвавшись «непорочнымъ зачатіемъ», Богоматерь указала дѣвочкѣ источникъ въ гротѣ, велѣла строить церковь и т. д. Молва о видѣніи быстро распространилась Источникъ сталъ производить чудесныя исцѣленія, привлекать паломниковъ. Встревоженныя власти и духовенство пробовали сначала пойти противъ теченія, но религіозное броженіе вспыхнуло съ такою силою, что духовенство сочло болѣе благоразумнымъ признать его и воспользоваться народнымъ энтузіазмомъ въ пользу вящаго прославленія римской церкви. Въ то время, какъ виновница этого религіознаго движенія угасала отъ чахотки въ монастырѣ въ Бельгіи, куда ее удалили, гротъ въ Лурдѣ привлекалъ уже десятки и сотни тысячъ паломниковъ, и нынѣ это одна изъ наиболѣе чтимыхъ святынь католическаго міра.

Время дѣйствія романа Золя—наши дни. Содержаніе—картина національнаго паломничества, которое ежегодно организуется въ августѣ мѣсяцѣ. Золя совершилъ это паломничество лично и описаніе во всѣхъ подробностяхъ образецъ точности и вѣрности.

Манера Золя достаточно извѣстна. Обыкновенно онъ даетъ рядъ широко и блестяще набросанныхъ картинъ, которыя связаны между собою душевными движеніями главнаго дѣйствующаго лица, наблюдающаго ихъ. Обыкновенно въ исторіи душевной борьбы героя и развита главная идея произведенія.

Герой «Лурда»—католическій священникъ Пьеръ. Сынъ ученаго, онъ попалъ въ священники благодаря настоянію матери, страстной католички, желавшей, чтобъ сынъ искупилъ невѣріе своего отца. Изъ любви къ матери и побуждаемый впечатлѣніемъ, которое было произведено на него несчастнымъ случаемъ съ его подругою дѣтства, Пьеръ сталъ священникомъ, хотя уже въ первой молодости чувствовалъ инстинктивный страхъ предъ тѣмъ, къ чему онъ себя обязывалъ. Послѣ смерти матери онъ ближе узналъ, чѣмъ былъ его отецъ, когда ознакомился съ бумагами и съ библіотекою, оставшимися послѣ него. Мать пріучила сына видѣть въ отцѣ нѣчто въ родѣ одержимаго злымъ духомъ. Теперь онъ увидѣлъ въ отцѣ кроткаго, тепло привязаннаго къ людямъ и вѣрившаго въ нихъ гуманиста. Это было началомъ умственнаго переворота въ Пьерѣ: онъ весь отдался жаждѣ изслѣдованія, которую сдерживали въ семинаріи и которою жилъ его отецъ. Мало по малу въ душѣ его является страшная пустота: прежняя наивная вѣра исчезаетъ

подъ сознаніемъ, что природѣ чуждо сверхъестественное, но онъ еще не знаетъ, чѣмъ наполнить эту пустоту.

Изъ бумагъ отца онъ узнаетъ, что тотъ одно время интересовался Бернадеттою и лурдскими чудесами, и съ своей стороны пораженъ тѣмъ, что слышитъ о новоявленной святынѣ. Въ немъ загорается надежда, что здѣсь, быть можетъ, онъ найдетъ исходъ изъ мучительной душевной борьбы и въ толпѣ наивно и страстно вѣрующихъ въ чудо снова найдетъ потерянную наивную вѣру. Его подруга дѣтства, вся парализованная послѣ паденія съ лошади, какъ полагаютъ вслѣдствіе поврежденія спинного мозга, наслушавшись разсказовъ о лурдскихъ чудесахъ, отправляется въ Лурдъ искать исцѣленія. Пьеръ сопровождаетъ ее.

Въ первой части романа, дѣйствіе которой происходитъ въ вагонѣ, Золя сразу рисуетъ съ неподражаемою силою картину отчаянныхъ человѣческихъ страданій, противъ которыхъ безсильна наука и которыя своею массою и наготою обращаютъ вагонъ въ адъ. Ракъ, лупусъ, параличъ, чахотка въ послѣднемъ градѣ,—все здѣсь есть. Грохотъ поѣзда, потрясающій больныхъ, невыносимая жара лѣтняго дня, пронизывающій больничный воздухъ, неустанное пѣніе молитвъ сливаются въ одно оглушающее и отупляющее нервы цѣлое. И всѣ страдальцы одинаково охвачены страстною жаждою исцѣленія, всѣ живутъ одною надеждою, равно сближающею ихъ. Пьера охватываетъ уже здѣсь безконечное чувство жалости къ людскому страданію, чувство, которое укрѣпляется и просвѣтляется въ немъ по мѣрѣ того, какъ предъ нимъ развертывается весь Лурдъ.

Нѣсколько разъ Золя съ безпощаднымъ реализмомъ—близкимъ къ реализму «Смерти Ивана Ильича» — рисуетъ грандіозныя картины массоваго страданія. Щеголяя точнымъ описаніемъ самыхъ ужасныхъ болѣзней, онъ рисуетъ тотъ экстазъ, въ которомъ постоянно находится толпа больныхъ, заглушая этимъ свои муки. Экзальтированная толпа, увлекаемая патерами къ молитвамъ о воскрешеніи паломника, умершаго дорогою; описаніе бассейна, въ которомъ купаютъ отчаянно больныхъ, одного за другимъ, въ одной и той-же холодной водѣ, изрѣдка лишь мѣняя ее; ночное шествіе со свѣчами ко гроту Богоматери; процессія св. Даровъ, когда религіозное изступленіе достигаетъ наибольшей силы, — едва-ли не наиболѣе сильныя мѣста новаго произведенія Золя. Особенно поразительно описаніе послѣдней названной процессіи. Только въ «Саламбо» Флобера мы знаемъ столь-же яркую и сильную картину неистоваго экстаза, именно картину принесенія дѣтей въ жертву Молоху.

Общее настроеніе массы не можетъ всецѣло захватить Пьера, настроеннаго критически. Онъ чувствуетъ себя чуждымъ толпѣ. Его

оскорбляетъ эта грубость увлеченія и пріемы, которыми оно поддерживается: попытка воскресить умершаго вызываетъ въ немъ настоящее отвращеніе. Онъ невольно всматривается во все, что ни дѣлается вокругъ, и ореолъ, окружавшій святыню католичества даже въ его глазахъ, пока онъ былъ далеко отъ нея, теперь разлетается, какъ мишура.

Религіозное наивное настроеніе становится для Пьера все менѣе доступно, по мѣрѣ того, какъ онъ вглядывается въ толпу, которая вращается около предполагаемаго чуда. Онъ видитъ, какъ самые обыденные житейскіе инстинкты ежеминутно берутъ верхъ надъ минутными спиритуалистическими порывами меньшинства. Пьеръ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что здѣсь, у святыни, католическая религія для тѣхъ, кто наиболѣе заявляетъ себя вѣрующими, является лишь маскою и средствомъ для устройства собственныхъ дѣлишекъ. Организаторъ паломничества, какой-нибудь легитимистъ Берто, оказывается, занятъ имъ въ пику республиканскому правительству. Представительницы буржуазіи въ Лурдъ являются, подъ видомъ сестеръ милосердія, для ловли женишковъ. Какая нибудь г-жа Вольмаръ пріѣзжаетъ въ Лурдъ съ единственною цѣлью вырваться на свободу отъ нелюбимаго мужа и провести безъ помѣхи нѣсколько дней со своимъ любовникомъ. Наплывъ паломниковъ до нельзя развратилъ когда-то чистые первобытные нравы обитателей Лурда. Личная погоня за наживой бьетъ въ глаза на каждомъ шагу. Какой нибудь куаферъ Казабанъ, современный Фигаро, атеистъ и республиканецъ, тоже не брезгаетъ ничѣмъ, чтобъ поживиться отъ святыни, предоставляя себѣ право на чемъ свѣтъ стоитъ поносить духовенство за корыстолюбіе. На улицахъ посѣтителя Лурда преслѣдуютъ слишкомъ молодыя и красивыя продавщицы цвѣтовъ, свѣчекъ, четокъ и всякихъ бездѣлушекъ, покупаемыхъ на память. Характерная черта этихъ бездѣлушекъ—полное отсутствіе чего-бы то ни было, напоминающаго о художественномъ вкусѣ или религіозномъ настроеніи. Изготовленіе ихъ давно стало мертвеннымъ рутиннымъ ремесломъ и стоитъ, очевидно, на одномъ уровнѣ съ изготовленіемъ китайскихъ и индѣйскихъ идоловъ, которые, говорятъ, массами фабрикуются въ Англіи. Словомъ, все говоритъ, что Лурдъ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется со стороны—ничто иное, какъ искусственно поддерживаемое увлеченіе, временная вспышка прежней, когда-то разлитой въ массахъ, но угасшей уже вѣры. Зрѣлище это можно сравнить съ гальванизируемымъ трупомъ.

Золя въ своихъ романахъ часто прибѣгаетъ къ символическимъ картинамъ. Такъ и въ «Лурдѣ» торжество плоти надъ отрицающимъ жизнь догматизмомъ, наружно столь побѣдоноснымъ, символически представлено колосальною картиною обжорства, которому предаются

всѣ паломники, проголодавшіеся послѣ утомительной дороги и нервныхъ потрясеній. Эта картина (читатель найдетъ ее въ «днѣ третьемъ» романа) достойна стать рядомъ со знаменитымъ гомерическимъ поѣданіемъ гуся въ романѣ «Assomoir».

Остатки прежней вѣры Пьера, не находя поддержки въ массѣ, ему чуждой своею наивностью или грубостью инстинктовъ, жадно цѣпляются въ немъ за тѣ чудеса, которыя онъ жаждетъ увидѣть въ Лурдѣ. Но здѣсь его точно также ждетъ разочарованіе; оно и понятно, такъ какъ чудо само по себѣ не можетъ быть доказано и требуетъ такой-же вѣры, какъ и то, что оно должно доказать. Въ Лурдѣ существуетъ медицинское бюро, цѣль котораго засвидѣтельствованіе происшедшихъ исцѣленій. Пьеръ прекрасно понимаетъ ложное положеніе науки въ этомъ бюро. Руководитель его, д-ръ Бонами (католикъ) увѣряетъ, что 10% больныхъ, бывающихъ въ Лурдѣ, исцѣляется. Посторонніе врачи, приглашаемые въ Лурдъ, не оспариваютъ самыхъ исцѣленій, лишь уменьшаютъ ихъ число, но рѣшительно не хотятъ видѣть чуда и, къ торжеству Бонами, уклоняются отъ преній. Бонами комически доволенъ уже тѣмъ, что наука, значитъ, посрамлена, хотя онъ и самъ, конечно, не можетъ доказать, что-бы чудо дѣйствительно произошло. Тѣ случаи, когда Бонами торжествуетъ наиболѣе, нисколько не увлекаютъ Пьера. Исцѣленіе Маріи, его подруги дѣтства, это послѣднее и великое торжество Лурда (болѣзнь ея признана была свѣтилами науки вполнѣ неизлечимою), довершаетъ разочарованіе Пьера. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ докторовъ, лечившихъ Марію, совершенная неизвѣстность, не соглашавшійся со знаменитостями, предсказалъ во всѣхъ деталяхъ, какъ можетъ произойти выздоровленіе: мгновенно, подъ вліяніемъ религіознаго аффекта.

Пьеръ покидаетъ Лурдъ въ глубокомъ нравственномъ потрясеніи. Онъ видѣлъ страдальцевъ, которые всѣ были уравнены общимъ своимъ безсиліемъ предъ бездушною холодностью законовъ природы. Онъ видѣлъ, какъ среди нихъ возникаетъ искреннее и трогательное чувство взаимнаго довѣрія и сочувствія. Богатые и бѣдные, всѣ равны предъ непосредственнымъ чувствомъ, охватывающимъ ихъ, предъ чувствомъ своего личнаго безсилія и предъ жаждою справедливости, которую они ждутъ отъ чуда, отъ сверхъестественнаго вмѣшательства. Вѣра въ чудо, въ сверхъестественное навсегда и безвозвратно разрушена въ Пьерѣ самымъ Лурдомъ, но онъ выноситъ изъ своего паломничества то, безъ чего мертва всякая религія, живое непосредственное сознаніе своей близости къ людямъ, жгучее сочувствіе и состраданіе ко всему страждущему люду, и вмѣстѣ съ тѣмъ широкую терпимость, идея которой такъ чужда католицизму.

Въ своемъ новомъ настроеніи Пьеръ не можетъ уже отнестись

съ предвзятымъ чувствомъ нерасположенія ни къ чему, что раньше возмутило бы его. Онъ не можетъ отнестись со словомъ осужденія ни къ упомянутой г-жѣ Вольмаръ, ни къ доктору Шассеню, который, будучи охваченъ скорбью о разлукѣ съ умершими женою и дочерью, отрекается отъ правъ разума (что для Пьера уже невозможно и представляется измѣною высшему, что дано человѣку) и возвращается къ католицизму. Онъ съ грустнымъ сочувствіемъ относится и къ своеобразной личности пессимиста «командора», измученнаго жизнью и рвущагося къ нирванѣ, и особенно къ скорбному образу Бернадетты, жертвы міровоззрѣнія, отрицающаго жизнь. То же чувство удерживаетъ его, когда подъ совнаніемъ своего одиночества онъ чуть было не попытался раскрыть Маріи глаза на совершившееся съ нею чудо. Онъ не хочетъ нарушить ея душевнаго мира, какъ Лаврецкій въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» не дерзнулъ нарушить религіознаго настроенія Лизы Калитиной. Въ сознаніи ложности своего положенія Пьеръ все таки не отказывается отъ званія священника, добровольно становится въ ряды защитниковъ проигранаго дѣла, движимый надеждою, что онъ все таки въ силахъ приносить утѣшеніе страждущимъ, хотя бы самъ онъ втайнѣ и не вѣрилъ.

Эта послѣдняя черта звучитъ диссонансомъ и дѣйствуетъ до извѣстной степени отталкивающе. Золя—пессимистъ, онъ не вѣритъ, чтобы массы когда-нибудь могли возвыситься цѣликомъ до философскаго пониманія жизни и чтобъ это пониманіе безъ помочей догматическаго ученія могло руководить народомъ. Онъ мечтаетъ вмѣстѣ съ Пьеромъ о новой религіи, которая была бы болѣе терпима къ жизни, чѣмъ католицизмъ, менѣе сталкивалась бы съ наукою, идеи которой все болѣе проникаютъ въ массы. Такой взглядъ на догматическое вѣроученіе является отголоскомъ извѣстной фразы Вольтера относительно того, что для народа нуждо было бы выдумать Бога, если бъ Онъ не существовалъ. Съ такой точки зрѣнія католическій священникъ, потерявшій вѣру и все таки стоически не покидающій своего сана, можетъ пожалуй предстaвиться фигурою героическою.

Оставляя въ сторонѣ эту неудачную подробность, мы кажется должны признать «Лурдъ» высоко замѣчательнымъ произведеніемъ не уступающимъ по значительности и серьезности своего содержанія такимъ признаннымъ шедеврамъ Золя, какъ «Assomoir» или «Germinal». Нравственно-философская идея произведенія не можетъ представиться ни мало основанною, ни неожиданною. Романы Достоевскаго и произведенія Льва Толстого давно пріучили насъ встрѣчать въ литературѣ тѣ-же тревожные вопросы о смыслѣ и цѣли нашего существованія. Содержаніе «Лурда» не будетъ

слишкомъ неожиданно и на западѣ, гдѣ Достоевскій и Левъ Толстой писатели уже очень извѣстные. Можно даже отмѣтить, какъ любопытное совпаденіе, что основной нравственно философскій вопросъ трактуется въ романѣ Золя почти совершенно такъ-же, какъ напр. въ непереведенной на русскій языкъ драмѣ Бьернштерне-Бьернсона: «Свыше силы». И тамъ, и здѣсь—дѣло идетъ о чудѣ.

Такимъ образомъ обращенія въ томъ смыслѣ, какъ это говорили о Лурдѣ передъ появленіемъ романа, читатель въ немъ не найдетъ. Устами своего героя, авторъ страстно протестуетъ противъ посягательствъ на верховныя права разума со стороны всѣхъ, кто-бы ни хотѣлъ отвести ему подчиненное мѣсто.

«Нѣтъ, нѣтъ!—восклицаетъ онъ:—если люди не знаютъ всего, если даже они никогда не будутъ знать всего, это не аргументъ въ пользу прекращенія изслѣдованій. Дурно, что неизвѣстное разростается вслѣдствіе нашего незнанія. Напротивъ того, мы должны питать вѣчную надежду, что объяснимъ когда-нибудь необъясненное. И не можетъ быть здраваго идеала внѣ этого шествія къ неизвѣстному съ цѣлью познанія его, внѣ этой медленной побѣды разума наперекоръ нашимъ физическимъ и умственнымъ страданіямъ... О! Разумъ! отъ него-то я и жду всей силы своей! Когда онъ гибнетъ, погибаетъ все бытіе. Рискуя своимъ счастіемъ, я страстно жажду лишь одного: утолять мой разумъ все болѣе и болѣе».

Но жажда познанія одна сторона человѣческихъ стремленій, обнимающихъ также жажду справедливости. Критическій научный анализъ и художественное воспроизведеніе жизни въ романѣ Золя одинаково приводятъ насъ къ тому взгляду, что эта жажда справедливости лежитъ въ основѣ всякой догматической религіи, что религіозное настроеніе можетъ быть приведено къ первичному своему источнику, къ непосредственному чувству общей солидарности, которое и было основою морали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Это чувство можетъ быть воспитываемо, можетъ развиваться и дѣйствительно развивалось въ исторіи (постепенное распространеніе понятія «ближній» на все человѣчество). Въ этомъ чувствѣ, ростъ котораго въ отдѣльномъ человѣкѣ ярко представленъ въ произведеніи Золя, всегда былъ и будетъ залогъ того, что будущее человѣчества не безнадежно, что въ поискахъ правды, т. е. одновременно знанія и справедливости, оно неуклонно движется ко всему доступному, для него физическому, умственному и въ то же время нравственному удовлетворенію.

Помимо того, что «Лурдъ», по своему идейному содержанію является однимъ изъ замѣтныхъ признаковъ времени, онъ долженъ быть признанъ произведеніемъ, занимающимъ важное мѣсто въ ряду

другихъ сочиненій Золя. Глава французскаго натурализма не застылъ на томъ, что вонистинно провозглашалось имъ въ началѣ литературной дѣятельности. Міровоззрѣніе его расширялось по мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ своимъ талантомъ. Когда то онъ восхищался «Жерминіею Ласертэ» братьевъ Гонкуровъ, потому что находилъ въ этомъ произведеніи слѣдующія наиболѣе симпатичныя ему черты: «несокрушимую энергію, побѣдоносное презрѣніе къ мнѣнію глупцовъ и трусовъ, великую и гордую смѣлость, необычайную силу красокъ и мысли, наконецъ художественную отдѣлку и добросовѣстность, рѣдкія въ наши дни шарлатанства». Эти же качества находимъ мы разлитыми въ романахъ самого Золя. Но лишь въ послѣднихъ изъ нихъ, начиная съ «Germinal», мы замѣчаемъ черту вполнѣ выразившуюся нынѣ въ «Лурдѣ», душевную въ сущности мягкость писателя, охватывающую все болѣе широкіе круги человѣчества, широкую и неистощимую терпимость. Она поэтически смягчаетъ когда то столь рѣзкій пессимизмъ Золя.

В. Ч—нъ.

Земельный кредитъ.

VI.

Судьбы земельнаго кредита во Франціи въ высшей степени любопытны и поучительны. Иго ипотечныхъ долговъ, тяготѣвшее надъ земледѣльцами и сельскими хозяевами, было во Франціи предметомъ постоянныхъ жалобъ и самыхъ злостныхъ пророчествъ. По оффиціальнымъ документамъ числилось въ 1832 году ипотечныхъ долговъ на 11.233.265,778 франк., а въ 1840 г. уже 12.554.098,600 фр. Такая задолженность при постоянномъ возрастаніи до 500 милл. фр. въ годъ казалась, дѣйствительно, необъятною, и будущность сельскаго хозяйства при этихъ условіяхъ представлялась самою роковою.

Тѣмъ не менѣе, при постоянно высокихъ продажныхъ цѣнахъ на землю и имѣнія во Франціи, общій ипотечный долгъ составлялъ приблизительно только одну седьмую цѣнности земельной собственности. Такимъ образомъ оказывается, что для французскихъ собственниковъ были не столько обременительны размѣры ипотечныхъ долговъ, сколько условія, на которыхъ они заключались, и обязательства, которыя заемщики принимали на себя въ отношеніи къ кредиторамъ. Если сравнять ежегодные доходы, получаемые съ земельной собственности, и проценты, уплачиваемые заимодавцамъ, то получается пропорція далеко неблагопріятная: по среднимъ исчисленіямъ ежегодный размѣръ процентовъ достигаетъ 600 милл. франк., въ то время какъ весь земельный доходъ не превышаетъ двухъ милліардовъ (т. е. пропорція 1:4), а слѣдовательно четвертая или даже третья часть всѣхъ доходовъ идетъ на уплату долговыхъ обязательствъ, безъ малѣйшаго даже погашенія самаго долговаго фонда. Въ то же время ипотечные долги постоянно возрастали, а съ ними и ежегодные проценты, а земельный доходъ, при медленности успѣховъ сельскаго хозяйства во Франціи, увеличивался не столь быстро. Такая несоразмѣрность

ипотечныхъ обязательствъ къ доходамъ землевладѣльцевъ происходитъ преимущественно отъ чрезвычайной высоты процента роста по ипотечнымъ долгамъ во Франціи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для парламентскихъ преній въ 1851 г., цифру процентовъ, ежегодно выплачиваемыхъ ипотечными должниками, въ средней сложности на всемъ пространствѣ Франціи опредѣляли отъ 9 до 10 проц. на занятый капиталъ, въ то время когда почти во всей сосѣдней Германіи средній процентъ по частнымъ ипотечнымъ займамъ не превышалъ 5 проц. и правительства и частныя лица напрягали усилія, чтобы съ помощью ипотечныхъ учрежденій понизить и этотъ размѣръ процентовъ. Еще болѣе печальными являются такіе результаты потому, что Франція страна богатая капиталами, огромными пространствами самой плодоносной почвы при колоссальномъ развитіи промышленности и образцово устроенной магистратурѣ и судопроизводствѣ.

Высота роста и другихъ расходовъ при заключеніи займовъ подъ залогъ недвижимой собственности во Франціи объясняется преимущественно характеромъ, который приняли тамъ съ давнихъ временъ такія кредитныя сдѣлки. Всѣ онѣ заключаются черезъ посредство мѣстныхъ нотаріусовъ, маклеровъ и разныхъ комиссіонеровъ, которые берутъ на себя всѣ хлопоты по договору объ условіяхъ займа и по исполненію всѣхъ законныхъ формальностей и затѣмъ по взысканію процентовъ и долговой суммы. За эти услуги они берутъ большое вознагражденіе и стараются извлечь возможно болѣе для себя выгодъ съ обѣихъ сторонъ. Весьма естественно, что вся тяжесть такихъ условій обрушивается преимущественно на заемщиковъ. Издавна образовался этимъ путемъ во Франціи особенный классъ людей, живущихъ и обогащающихся единственно на счетъ стѣсненныхъ обстоятельствъ землевладѣльцевъ, особенно сельскихъ и мелкихъ. Этотъ классъ сдѣлался мало по малу средоточіемъ всѣхъ сдѣлокъ по закладнымъ и никакой случай займа не могъ миновать ихъ рукъ. Промыселъ этихъ людей основанъ на возможно большемъ возрастаніи ипотечныхъ займовъ, которые, подъ ихъ вліяніемъ, умножались и учащались посредствомъ краткосрочныхъ условій и пересрочекъ до неисповѣрности. Много французскаго воображенія, краснорѣчія и остроумія изощрено на описаніе продѣлокъ и хищничества этихъ людей, въ особенности среди сельскаго и крестьянскаго народонаселенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ипотечныхъ долговъ заключались для покупки земли и меньшая часть для болѣе выгодной и тщательной ея обработки. При постоянномъ стремленіи пріобрѣтать во что бы то ни стало земельную собственность или увеличить уже пріобрѣтенную, при вѣчной заботѣ округлять свои

владѣнія (s'arrondir), вошедшей въ плоть и кровь народа, при значительномъ равнодушіи къ самому пользованію землею, къ системѣ ея обработки, при постоянномъ народномъ предпочтеніи къ извлеченію возможно большихъ гражданскихъ выгодъ изъ права земельной собственности, передъ извлеченіемъ возможно большихъ промышленныхъ выгодъ изъ пользованія землею или ея воздѣлыванія, весьма естественно, что поземельная собственность во Франціи должна была войти въ неоплатные долги, безпрестанно дробясь и переходя изъ рукъ въ руки.

Въ тѣсной связи съ этимъ направленіемъ земельнаго кредита во Франціи на пріобрѣтеніе собственности находится, какъ извѣстно, крайнее измельчаніе и затѣмъ чрезвычайное дробленіе кредита и постоянное преобладаніе въ массѣ ипотечныхъ должниковъ Франціи мелкихъ заемщиковъ. Такимъ образомъ исчисляли, что ежегодно заключается во Франціи до 250,000 ипотечныхъ займовъ въ 300 франковъ или около этой суммы. Между тѣмъ расходы и проценты по долгамъ и вообще тяжесть ихъ для должниковъ въ страшной прогрессіи возрастаютъ отъ крупныхъ заемщиковъ къ мелкимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сроки займовъ обыкновенно тѣмъ короче, чѣмъ меньше долговая сумма и чѣмъ бѣднѣе заемщикъ; а постоянная пересрочки долговъ возобновляютъ каждый разъ всѣ расходы.

Такое положеніе огромной массы народонаселенія не могло не озабочивать съ давнихъ поръ французскаго правительства.

Уже іюльское правительство обратило вниманіе на организацію земельнаго кредита, который оставался въ рукахъ нотаріусовъ и комиссіонеровъ и не имѣлъ, не смотря на свое огромное развитіе, ни одного средоточія или спеціальнаго учрежденія. Задача правительства сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы открыть кредитъ съ постепеннымъ погашеніемъ занятаго капитала, чего недоставало французской земельной собственности, страдавшей особенно отъ безпрестанныхъ востребованій уплатъ займовъ со стороны кредиторовъ. Затѣмъ, условія существующихъ обязательствъ должны быть замѣнены болѣе выгодными для заемщиковъ, и въ видахъ улучшенія экономическихъ обстоятельствъ земледѣлія должны быть предоставлены способы къ заключенію новыхъ займовъ. Кромѣ собственно финансовой стороны земельнаго кредита, юридическая представляла огромныя трудности вслѣдствіе чрезвычайной недостаточности французскихъ ипотечныхъ законовъ. Ипотечные законы Code Napoléon весьма мало поддавались экономическимъ требованіямъ новѣйшаго времени и земельнаго кредита. Переходъ недвижимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому сопряженъ по этимъ законамъ съ величайшими формальностями и запутанностью, не ограждающею ни собственника, ни его кредитора. Впослѣдствіе затрудненія ипотеч-

наго закона были разрѣшены Людовикомъ-Наполеономъ, отчасти исправившимъ запутанность Code Napoléon. Вообще іюльское правительство, медленно подвигаясь въ дѣлѣ земельнаго кредита, собрало чрезвычайно богатые и драгоцѣнные матеріалы, подготовившіе почву для всей позднѣйшей дѣятельности. Лучшіе авторитеты и hommes spéciaux Парижа были призваны къ разрѣшенію вопроса. Были отправлены правительствомъ для изученія устройства земельнаго кредита въ Европѣ и въ особенности въ Германіи Ройе и Жоссе. Плодомъ этихъ ученыхъ экспедицій были извѣстныя сочиненія, занимающія почетное мѣсто въ литературѣ земельнаго кредита.

Въ 1848 году національное собраніе принялось за организацію земельнаго кредита съ особенною энергіею. Составленный въ 1851 г. докладъ коммиссіи общественнаго призрѣнія (de l'assistance publique) является однимъ изъ замѣчательныхъ документовъ для земельнаго кредита. Тогда же министръ земледѣлія и торговли Дюма представилъ въ національное собраніе проектъ закона для земскихъ банковъ, по поводу котораго начались пренія между приверженцами различныхъ способовъ практическаго разрѣшенія даннаго вопроса.

Первымъ законодательнымъ актомъ, положившимъ основаніе къ организаціи земельнаго кредита во Франціи, является декретъ президента республики 28 февраля 1852 года.

Декретъ этотъ любопытенъ, какъ продуктъ самыхъ тщательныхъ изысканій въ области земельнаго кредита, какъ послѣдствіе всесторонняго изученія практики и теоріи вопроса первыми авторитетами науки и административнаго дѣла, а также замѣчателенъ какъ обращикъ административныхъ воззрѣній на организацію земельнаго кредита. Можно сказать, что этотъ законодательный актъ достаточно соотвѣтствовалъ настоятельнымъ требованіямъ въ организаціи земельнаго кредита и ожиданіямъ французскаго общества.

Вслѣдъ за декретомъ 28 февраля образовалась въ Парижѣ компанія капиталистовъ съ 25 милл. франк. основнаго капитала (50.000 акцій). Этой компаніи была предоставлена исключительная привиллегія операцій земельнаго кредита въ семи департаментахъ, подвѣдомственныхъ парижскому аппеляціонному суду. Срокъ привиллегіи былъ опредѣленъ въ 20 лѣтъ. На каждые 5 милл. основнаго капитала могло быть выпущено компаніею до 100 милл. закладныхъ листовъ (obligations foncières). 30-го іюля 1852 года былъ утвержденъ правительствомъ уставъ парижской компаніи, получившей названіе *Парижскаго земельнаго Банка* (Banque foncière de Paris). Уставъ этотъ заключалъ въ себѣ всѣ изложенныя выше основанія декрета 28 февраля, и кромѣ того были и нѣко-

торыя новыя правила. Такъ компанія обязалась выдавать ссуды чистыми деньгами, складочный капиталъ служитъ обезпеченіемъ кредита компаніи и преимущественно ея облигацій. Ссуды не могутъ быть выдаваемы подъ залогъ театровъ, рудниковъ и каменоломенъ, а также подъ части имѣній, находящихся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, и подъ недвижимыя имущества, не находящіяся въ полной собственности заемщиковъ. Ссуды выдаются въ размѣрѣ 50 проц. стоимости имуществъ, но подъ залогъ лѣсовъ и виноградниковъ выдаются только въ размѣрѣ $^1/_3$, но при этомъ процентные взносы не должны превышать цифры доходовъ съ имѣній. Maximum ссудъ одному лицу опредѣленъ въ 1 милл. франк., minimum—въ 300 фр. Проценты по ссудамъ устанавливаются правленіемъ, но не выше 5 проц.; кромѣ того заемщикъ вноситъ проценты на погашеніе капитальнаго долга, разсрочиваемаго на сроки отъ 20—50 лѣтъ и $^6/_{10}$ проц. на расходы по управленію. Закладные листы выпускаются достоинствомъ отъ 100—1000 фран., по нимъ уплачиваются компаніею проценты въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ правленіемъ для каждаго выпуска отдѣльно и выкупаются изъ обращенія тиражами. Каждая серія закладныхъ листовъ имѣетъ свой погасительный фондъ. Съ выкупомъ соединены преміи или выигрыши разныхъ суммъ въ пользу ихъ владѣльцевъ. Взносы, поступающіе отъ заемщиковъ, употребляются, послѣ покрытія расходовъ управленія, прежде всего на уплату процентовъ по закладнымъ листамъ, на уплату капитала по вышедшимъ въ тиражъ закладнымъ листамъ и на премію и выигрыши для послѣднихъ. Образующійся за симъ остатокъ составляетъ чистую прибыль компаніи. Изъ этой суммы выдается обязательный дивидендъ по 25 фр. на акцію (5 проц.), затѣмъ до 20 проц. остальной суммы идетъ въ резервный капиталъ и на добавочное содержаніе директора и вице-директора. Наконецъ, послѣдній остатокъ распредѣляется въ качествѣ добавочнаго дивиденда между всѣми акціонерами. Когда резервный капиталъ составитъ $^1/_5$ основного, то онъ болѣе не накопляется и опредѣленныя на его составленіе суммы идутъ въ пользу заемщиковъ и на погашеніе. Въ случаѣ недостаточности доходовъ на выдачу 25 фр. дивиденда акціонерамъ, недостающая сумма покрывается на счетъ резервнаго капитала. Управленіе дѣлами компаніи сосредоточено въ совѣтѣ (conseil d'administration), а вся исполнительная власть принадлежитъ директору, избираемому совѣтомъ. Совѣтъ состоитъ изъ 20 акціонеровъ, избранныхъ общимъ собраніемъ и не получающихъ вознагражденія. Директоръ долженъ быть владѣльцемъ 100 акцій и получаетъ жалованье по назначенію совѣта, равно какъ и его помощники вице-директора. Общее собраніе выбираетъ

изъ своей среды 3-хъ цензоровъ, обязанныхъ наблюдать за дѣйствіями совѣта. Общему собранію ежегодно представляется отчетъ, и оно разсматриваетъ и повѣряетъ всѣ операціи банка.

По примѣру парижскаго земельнаго банка возникли совершенно подобныя учрежденія въ Ліонѣ, Тулузѣ, Марсели, Неверѣ, Орлеанѣ, Пуатье, Лиможѣ, Руанѣ, Бордо и въ другихъ мѣстахъ.

Уже въ концѣ 1852 года парижскій земельный банкъ превратился въ исключительное привиллегированное ипотечное учрежденіе подъ названіемъ земельнаго кредита Франціи (Crédit foncier de France). Дѣйствіе этого учрежденія было распространено на всѣ тѣ департаменты, въ которыхъ еще не учредилось компаній, съ правомъ присоединить (de s'incorporer) къ себѣ всѣ уже учредившіяся компаніи въ видѣ своихъ конторъ (succursales) подъ управленіемъ своихъ директоровъ. Мотивами для такого превращенія были указаны слѣдующія обстоятельства. Подъ вліяніемъ биржевой спекуляціи, акціи парижскаго банка вскорѣ послѣ выпуска поднялись съ 500 фр. до 1200 фр., капиталы приливали къ этому банку быстро, между тѣмъ какъ операціи учредившихся провинціальныхъ компаній развивались медленно. Такимъ образомъ, при болѣе обширныхъ размѣрахъ операцій и капиталовъ, явилась-бы возможность понизить процентъ по ссудамъ въ облегченіе земельной собственности. Слитіе произошло всецѣло и Crédit foncier de France съ этого времени получилъ монополію ипотечныхъ операцій на всемъ пространствѣ Франціи. Результатомъ этой мѣры, по словамъ правительственныхъ лицъ, должно явиться полное освобожденіе Франціи отъ вѣковаго рабства ипотечнаго долга.

Складочный капиталъ парижскаго земельнаго банка былъ увеличенъ до 60 милл. фр. и отъ правительства поступило 10 милл. фр. вспоможенія, предполагавшихся первоначально къ раздачѣ всѣмъ мѣстнымъ компаніямъ земельнаго кредита. Срокъ привиллегіи былъ опредѣленъ съ 1852 г. на 99 лѣтъ. Компанія обязалась выдавать въ ссуды французскимъ землевладѣльцамъ до 200 милл. фр. изъ 5 проц., считая въ этой суммѣ процентъ роста, погашенія и расходы управленія, съ погашеніемъ въ 50 лѣтъ. Указанные 200 милл. фр., собранные путемъ выпуска акцій, облигацій и казеннаго вспоможенія, должны быть распредѣлены по всѣмъ департаментамъ пропорціонально ихъ ипотечнымъ долгамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ компанія обязалась принять всѣ мѣры и принести всѣ жертвы, чтобы выдавать ссуды постоянно (и болѣе, чѣмъ на 200 милл. фр.) на тѣхъ же условіяхъ. Въ 1854 г. директоръ и вице-директора, назначаемые компаніею, были замѣнены назначеннымъ отъ правительства и такимъ образомъ привиллегированное монопольное ипотечное учрежденіе изъ частнаго превратилось въ правительственное.

Съ 1854 г. земельный кредитъ Франціи сталъ выдавать краткосрочныя ипотечныя ссуды безъ погашенія процентными взносами. Эти операціи были установлены въ интересахъ парижскихъ землевладѣльцевъ, возводившихъ новыя зданія и согласно высшимъ предначертаніямъ вознамѣрившихся перестроить Парижъ. Предполагалось также, что краткосрочныя ссуды дадутъ землевладѣльцамъ время выждать болѣе благопріятныхъ условій кредита, вѣроятнаго пониженія процента на капиталы, чтобы впослѣдствіи превратить краткосрочныя ссуды въ долгосрочныя съ погашеніемъ по болѣе выгодному проценту. Мѣра эта, какъ говорятъ, имѣла хорошіе результаты. Кромѣ украшенія Парижа, чему она не мало способствовала, замѣчалось также нѣкоторое возрастаніе ссудъ и даже особенно провинціальныхъ и сельскихъ.

Въ настоящее время Crédit foncier de France гигантское ипотечное учрежденіе, выдающее ссуды подъ залогъ земельной и городской недвижимости подъ первую ипотеку, а также—ссуды департаментамъ, городамъ и общинамъ безъ ипотечнаго обезпеченія. Оно имѣетъ основной капиталъ въ 170.000,000 фр. и разрѣшеніе на увеличеніе его до 200.000,000 франк. и выпускаетъ облигаціи на сумму въ 20 разъ превышающую основной капиталъ. Закладные листы выпускаются—а) съ преміями до 20 проц. и съ выигрышами, б) съ выигрышами и безъ премій и в) въ самое послѣднее время—безъ выигрышей и премій. Означенные листы приносятъ 3 проц. годовыхъ, не считая премій и выигрышей.

Таковъ окончательный результатъ многолѣтнихъ операцій Crédit foncier.

VII.

Въ Англіи и Шотландіи вовсе нѣтъ чисто ипотечныхъ или земельныхъ банковъ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ бы сельскіе хозяева имѣли болѣе свободный доступъ къ кредиту и гдѣ бы пользованіе кредитомъ было болѣе распространено въ земледѣльческомъ быту, нежели въ Великобританіи. Кредитныя сдѣлки до такой степени вошли въ правы и обычаи даже въ низшихъ слояхъ сельскаго народонаселенія, что даже арендаторы, которыхъ весь годичный оборотъ составляетъ не болѣе 60 фунт. стер., производятъ всѣ свои операціи черезъ посредство банкирскихъ домовъ и имѣютъ въ нихъ открытые счеты, по которымъ пользуются личнымъ открытымъ (à découvert) кредитомъ на значительныя суммы. Личный кредитъ въ Великобританіи достигъ такого обширнаго развитія, что онъ поглощаетъ собою ипотечный или вещественный кредитъ, который уже является дѣломъ второстепеннымъ. Промышленная личность хозяина, его личная состоятельность сдѣлалась

сама по себѣ прочнымъ обезпеченіемъ для его кредита. Капиталистъ кредиторъ принимаетъ въ соображеніе преимущественно коммерческую состоятельность своего дебитора, и потому возможность обратить взысканіе долга на ту или другую часть его имущества не имѣетъ для него большой важности. Банки или банкирскіе дома до крайности локализированы въ Англіи и Шотландіи, т. е. разсѣяны по всей странѣ. При такомъ положеніи дѣла банкъ находится въ болѣе тѣсномъ и непрестанномъ соприкосновеніи со своимъ кліентомъ и всегда знаетъ его коммерческое положеніе, можетъ за нимъ всегда слѣдить безъ особенныхъ вещественныхъ доказательствъ цифры его имущества. Банкиръ обращается при этомъ какъ-бы въ казначея или кассира каждаго сосѣдняго сельскаго хозяина, дѣлается посредникомъ всѣхъ его предпріятій и только въ особенныхъ случаяхъ беретъ отъ него закладную запись для обезпеченія кредита. Такимъ образомъ нѣтъ никакой возможности отдѣлить ссуды англійскихъ и шотландскихъ банковъ подъ ипотечныя обезпеченія отъ цѣлаго ряда кредитныхъ сдѣлокъ, въ которыя банки входятъ съ сельскими хозяевами. По изложеннымъ причинамъ въ Великобританіи не могли и возникнуть спеціальныя кредитныя учрежденія для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Къ тому же земельная собственность, какъ извѣстно, чрезвычайно рѣдко переходитъ здѣсь изъ рукъ въ руки и еще менѣе дробится. Каждый житель Великобританіи старается употребить свой капиталъ на пріобрѣтеніе земли въ собственность—или на обработку ея, на хозяйство, или на свои обороты по промышленному предпріятію. Поэтому здѣсь совершенно отпадаетъ назначеніе земельнаго кредита—служить способомъ къ пріобрѣтенію земельной собственности, къ раздѣламъ наслѣдства, къ округленію владѣній и т. д.—назначеніе кредита, играющее столь важную роль на континентѣ. Въ Великобританіи потребность въ оборотномъ капиталѣ въ сельскомъ хозяйствѣ совершенно преобладаетъ надъ потребностью въ основномъ и постоянномъ капиталѣ.

VIII.

Устройство земельнаго кредита въ Царствѣ Польскомъ во многихъ отношеніяхъ признается образцовымъ.

Послѣ продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ переворотовъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій недвижимыя имѣнія въ Польшѣ были обременены огромными долгами. Землевладѣльцы были въ самомъ критическомъ положеніи. Для облегченія этого положенія было учреждено сеймомъ и Высочайше утверждено въ 1825 году земское кредитное общество Царства Польскаго. Цѣль

учрежденія этого общества, заключалась: а) въ оказаніи пособія землевладѣльцамъ, обремененнымъ долгами, путемъ пониженія процента долга и разсрочки уплаты капитала и б) въ обезпеченіи правъ заимодавцевъ путемъ совокупной гарантіи цѣлаго общества. Такимъ образомъ главною цѣлью общества было обращеніе прежнихъ долговъ въ обязательства болѣе выгодныя для владѣльцевъ имѣній и болѣе прочныя для заимодавцевъ.

Въ видахъ осторожности общество приняло на себя лежавшіе на имѣніяхъ долги только на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Общество выдавало ссуды подъ залогъ имѣній, внесенныхъ въ губернскія ипотечныя книги, и по которымъ владѣльцы платили не менѣе 15 руб. сер. ежегодной подати (офяры).

2. Ссуды выдавались въ размѣрѣ $^2/_3$ установленной кредитнымъ обществомъ оцѣнки.

3. Всѣ постройки, находящіяся въ имѣніи, подлежатъ обязательному страхованію.

4. Упрощенное производство взысканій путемъ административныхъ мѣръ.

Всѣ владѣльцы имѣній, получившіе ссуды, были членами общества. Вначалѣ общество дѣйствовало принудительно. Каждый землевладѣлецъ, получивъ ссуду изъ общества закладными листами, могъ уплатить ими причитающуюся часть долговъ своему кредитору, если даже послѣдній и не былъ на это согласенъ. Со своей стороны, заимодавецъ могъ требовать отъ своего должника уплаты долга закладными листами и потому могъ его принудить вступить въ общество. При учрежденіи общества всѣ ссуды были 28-лѣтнія. Заемщики обязаны были уплачивать 6 проц. годовыхъ, въ томъ числѣ 2 проц. на погашеніе капитала. По закладнымъ листамъ уплачивалось 4 проц. Въ размѣрѣ погасительнаго фонда производился ежегодный тиражъ закладныхъ листовъ, причемъ въ тиражѣ участвуютъ предпочтительно закладные листы, представленные къ обмѣну ихъ владѣльцами. Закладные листы выпускаются разнаго достоинства отъ 20.000 злот. (3.000 руб.) до 200 злот. (30 р. сер.) безъименные или именные по желанію. Въ первое время курсъ закладныхъ листовъ былъ ниже пари. Но затѣмъ курсъ закладныхъ листовъ постоянно подымался. Въ 1826 г. курсъ былъ 75 злот. за 100 (т. е. 11 р. 25 к. за 15 р. с.); въ 1838 г.—$90^5/_{10}$ злот. за 100, въ 1853 г.—$98^6/_{10}$ злот. за 100, а послѣдующіе года давали за 100 злот.—$101^8/_{10}$ злот. Въ періодъ низкихъ курсовъ кредиторы, удержавшіе въ своихъ рукахъ закладные листы, получили сполна свои капиталы изъ общества, при поступленіи ихъ въ тиражъ.

Въ 1838 г. требованіе обязательнаго вступленія должниковъ въ

члены общества и пріема кредиторами закладныхъ листовъ былъ отмѣненъ, т. е. иначе говоря,—принудительный курсъ былъ уничтоженъ.

По первоначальному уставу общество это должно было прекратить свои дѣйствія по истеченіи 28 лѣтъ, т. е. въ 1854 году, но въ 1834 г. былъ разрѣшенъ второй выпускъ закладныхъ листовъ также на 28 лѣтъ для выдачи ссудъ подъ залогъ имѣній мелкихъ, платящихъ менѣе $7^1/_2$ руб. сер., а также для выдачи дополнительныхъ ссудъ или возобновленія тѣхъ частей долга, которыя уже погашены владѣльцами. Въ 1853 г. былъ дозволенъ обществу третій выпускъ закладныхъ листовъ также на 28 лѣтъ, т. е. по 1881 г. Слѣдуетъ отмѣтить это различіе въ выпускѣ листовъ между польскимъ обществомъ и большею частію германскихъ, которыя не имѣютъ никакихъ періодовъ для выпуска, а изготовляютъ и выдаютъ закладные листы по мѣрѣ требованія ссудъ.

Всякій членъ общества, получившій ссуду, отвѣчаетъ за свой долгъ только своимъ залогомъ: дальнѣйшая отвѣтственность лицомъ и имуществомъ не имѣетъ мѣста. Общество не имѣетъ основаніемъ для своихъ операцій никакого разсчета на барышъ и старается доставить своимъ членамъ капиталъ по тѣмъ самымъ процентамъ, какіе оно само выплачиваетъ владѣльцамъ листовъ, тѣмъ не менѣе изъ незначительнаго излишка, ежегодно выплачиваемаго членами (около 51 коп. на 30 р. с.) изъ пеней за просрочку платежей и изъ сбереженій по расходамъ управленія образовался значительный резервный капиталъ, который можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ противъ всякихъ случайностей, такъ что круговая отвѣтственность членовъ кредитнаго общества является только номинальною.

Управленіе общества сосредоточивается въ главной и окружныхъ дирекціяхъ. Предсѣдатель главной дирекціи назначается Высочайшею властью. Всѣ прочіе члены дирекцій избираются обществомъ. Окружныя дирекціи, поставленныя наравнѣ съ губернскими присутственными мѣстами, принимаютъ объявленія отъ желающихъ вступить въ общество, приготовляютъ закладные листы, составляютъ въ ипотечныхъ книгахъ закладныя записи, исключаютъ изъ нихъ погашенные долги и взимаютъ всѣ сборы и платежи въ пользу общества. Окружныя дирекціи находятся подъ наблюденіемъ прокуроровъ гражданскихъ губернскихъ трибуналовъ. Высшее управленіе сосредоточено въ главной дирекціи въ Варшавѣ. Окружныя дирекціи составляются изъ мѣстныхъ членовъ общества; главная дирекція—изъ депутатовъ отъ каждаго округа. Главная дирекція разсматриваетъ и разрѣшаетъ представленія окружныхъ дирекцій о выдачѣ ссудъ, производитъ тиражъ закладныхъ листовъ и пла-

тежи процентовъ по невыкупленнымъ листамъ и платежи капиталовъ по выкупаемымъ, наконецъ—вообще разрѣшаетъ всѣ вопросы и сомнительные случаи. За дѣйствіями главной дирекціи имѣетъ наблюденіе прокуроръ апелляціоннаго суда, который можетъ приносить жалобы на главную дирекцію особому комитету общества. Комитетъ составляетъ высшую инстанцію общества и избирается имъ изъ своей среды на окружныхъ собраніяхъ. Комитетъ не имѣетъ никакой власти распорядительной, а только высшее наблюденіе за общимъ ходомъ дѣлъ. Кромѣ всѣхъ указанныхъ учрежденій, существуетъ еще комитетъ, состоящій изъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ, который охраняетъ ихъ интересы, но не имѣетъ никакого вмѣшательства въ дѣла общества, а можетъ только заявлять о встрѣчающихся недоразумѣніяхъ и приносить жалобы на распоряженія общества.

Основаніемъ для оцѣнокъ имѣній принималась подать офяры. Сумма этой подати, получаемая съ каждаго имѣнія, умноженная на 100, принимается за цѣну имѣнія. Хотя такая оцѣнка далеко не совершенна, но, при отсутствіи кадастра, подать уплачиваемая съ имѣнія являлась довольно прочнымъ основаніемъ для оцѣнокъ общества.

IX.

Въ каждой изъ нашихъ остзейскихъ губерній существуетъ свой дворянскій ипотечный банкъ или кредитная система (Creditsystem). Эстляндскій банкъ называется также Garantirende Gesellschaft или Esthländische adelige Credit-Casse. Всѣ эти банки учреждены мѣстнымъ дворянствомъ на основаніи Высочайшаго указа 1802 г. по образцу германскихъ кредитныхъ обществъ землевладѣльцевъ.

Назначеніе всѣхъ остзейскихъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ—содѣйствовать кредиту землевладѣльцевъ путемъ выпуска обязательствъ, обезпеченныхъ совокупнымъ ручательствомъ землевладѣльцевъ, членовъ общества.

Для примѣра мы разсмотримъ здѣсь организацію лифляндскаго дворянскаго банка, самаго старѣйшаго изъ трехъ.

Каждый владѣлецъ дворянскаго имѣнія въ Лифляндіи можетъ быть членомъ или заемщикомъ общества. Закладные листы (Pfandbriefe), выпускаемые обществомъ, обезпечиваются имѣніями всѣхъ членовъ, заложившихъ свои имѣнія въ обществѣ. Закладные листы сто рублеваго достоинства выдаются на предъявителя. Листы высшаго достоинства—именные, но каждый владѣлецъ закладнаго листа можетъ посредствомъ бланковой надписи открыть свободное для него обращеніе отъ одного лица къ другому или, посредствомъ объ-

явленія въ дирекцію общества, перевести его на другое имя. Закладные листы общества принимаются въ залогъ казною по всѣмъ казеннымъ подрядамъ, поставкамъ, откупамъ, арендамъ и проч.

Управленіе дѣлами общества сосредоточено въ главной и подчиненныхъ ей уѣздныхъ дирекціяхъ. Дирекціи въ свою очередь подчинены общему собранію членовъ общества. Общія собранія происходятъ одновременно съ собраніями дворянства (ландтагъ), но кромѣ того по требованію главной дирекціи могутъ быть созываемы и чрезвычайныя общія собранія. Членъ, не явившійся въ общее собраніе безъ законныхъ причинъ, подвергается штрафу въ 100 р. сер. Въ случаѣ болѣзни, занятій по службѣ и прочихъ законныхъ причинъ, отсутствующій можетъ подать голосъ письменно. Объ открытіи общаго собранія доводится черезъ депутатовъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Открывается собраніе главнымъ директоромъ, но въ предсѣдатели избирается, по большинству голосовъ, каждый разъ другое лицо, которое не можетъ быть въ то же время членомъ дирекціи. Общее собраніе разсматриваетъ докладъ главной дирекціи о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ею во исполненіе рѣшеній послѣдняго общаго собранія, о положеніи дѣлъ общества, о новыхъ требующихъ разрѣшенія вопросахъ, о поступившихъ жалобахъ и просьбахъ, о заявленныхъ посторонними лицами желаніяхъ. Всякое предложеніе общему собранію представляется предсѣдателю, который передаетъ его на предварительное разсмотрѣніе особой коммиссіи или частнаго собранія членовъ (Enge-Ausschuss). Затѣмъ, общее собраніе членовъ само возбуждаетъ разные вопросы и даетъ наставленія въ руководство главной дирекціи или въ измѣненіе существующаго порядка операцій, если такое измѣненіе не противорѣчитъ уставу. Общее собраніе также избираетъ членовъ дирекцій и частнаго собранія. Это послѣднее собраніе состоитъ изъ пяти членовъ и разрабатываетъ всѣ вопросы для общаго собранія. Въ засѣданіяхъ частнаго собранія присутствуютъ всѣ директора общества и предсѣдатель общаго собранія, но безъ права голоса. Общее собраніе должно состоять не менѣе какъ изъ 15 наличныхъ членовъ. Землевладѣльцы, не принадлежащіе къ числу членовъ общества, могутъ присутствовать въ общихъ собраніяхъ, но безъ права голоса. Всѣ владѣльцы закладныхъ листовъ, которые принадлежатъ къ лифляндскому дворянству, имѣютъ право голоса въ общихъ собраніяхъ. Члены общества, имѣнія которыхъ вслѣдствіе взысканія недоимокъ находятся подъ секвестромъ, не имѣютъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ и противъ этихъ рѣшеній не допускается никакихъ жалобъ и протестовъ со стороны членовъ. Несогласные могутъ лишь подать особое мнѣніе.

Въ члены дирекціи выбираются члены общества, не опорочившіе себя никакими предосудительными поступками и не растроившіе своихъ имѣній безпорядочнымъ хозяйствомъ. Члены дирекцій не должны занимать никакой другой должности на коронной или земской службѣ. Никто изъ членовъ общества не имѣетъ права отказываться отъ должности, въ которую будетъ избранъ. Въ выборахъ членовъ главной дирекціи участвуютъ всѣ члены общаго собранія, а въ выборахъ для уѣздныхъ дирекцій—только принадлежащіе каждому округу. Всѣ члены дирекціи и прочія должностныя лица получаютъ содержаніе отъ общества.

Главная дирекція въ г. Ригѣ состоитъ изъ главнаго директора (Ober-Director) и двухъ совѣтниковъ; при ней особый синдикъ изъ ученыхъ юристовъ. Членами главной дирекціи могутъ быть только тѣ лифляндскіе дворяне, на имѣніяхъ которыхъ состоитъ долговъ не болѣе $^2/_3$ ихъ стоимости. Они избираются на 3 года, по истеченіи которыхъ могутъ быть вновь избраны. Всѣ три члена главной дирекціи должны непремѣнно быть въ Ригѣ во время общихъ собраній и засѣданій коммиссіи, къ срокамъ платежей процентовъ, а въ остальное время они могутъ чередоваться. Главная дирекція руководитъ всѣми операціями общества и наблюдаетъ за окружными дирекціями, ей подаются всѣ жалобы на должностныхъ лицъ общества и она рѣшаетъ всѣ дѣла противъ нихъ административнымъ порядкомъ, ни въ какомъ случаѣ не прибѣгая къ формѣ процесса. Недовольные ея рѣшеніями могутъ обращаться въ общее собраніе, которое составляетъ высшую инстанцію. Главная дирекція разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія относительно оцѣнки имѣній и ежегодно производитъ ревизію кассъ окружныхъ дирекцій.

Каждая уѣздная дирекція (Districte-Direction) состоитъ изъ одного директора и трехъ ассессоровъ. Уѣздныхъ дирекцій двѣ: въ Ригѣ и Дерптѣ (Юрьевъ). Въ члены этой дирекціи избираются члены общества, имѣнія которыхъ находятся въ томъ округѣ. Всѣ они должны проводить большую часть года при своей должности, въ которую избираются на 3 года. На обязанности уѣздной дирекціи лежитъ вообще завѣдываніе операціями общества въ своемъ уѣздѣ и охраненіе въ его предѣлахъ всѣхъ интересовъ общества. Такимъ образомъ къ обязанностямъ уѣздныхъ дирекцій относится: а) изслѣдованіе состоятельности землевладѣльцевъ, желающихъ заложить свои имѣнія, б) изготовленіе, надписаніе и выдача закладныхъ листовъ, в) оцѣнка имѣній, подъ которыя выдаются ссуды, г) пріемъ платежей отъ заемщиковъ и уплата процентовъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ, д) взысканіе недоимокъ и наложеніе необходимыхъ для того секвестровъ, е) надзоръ за имѣніями, находящимися подъ секвестромъ и завѣдываніе отчетностью по нимъ,

ж) наблюденіе за общимъ ходомъ хозяйства въ заложенныхъ имѣніяхъ и своевременное принятіе мѣръ къ предупрежденію всякихъ злоупотребленій, могущихъ нанести ущербъ залогамъ общества. Съ этой цѣлью уѣздныя дирекціи должны освѣдомляться о всѣхъ арендахъ по заложеннымъ имѣніямъ и требовать отъ помѣщиковъ устраненія арендъ, разстраивающихъ имѣнія. Въ этомъ случаѣ помѣщики могутъ приносить жалобы на уѣздныя дирекціи въ главную дирекцію. Послѣ каждаго платежнаго срока (въ маѣ и въ ноябрѣ) дирекція составляетъ полную вѣдомость о состояніи своихъ оборотовъ для главной дирекціи. На одного изъ ассессоровъ возлагается, спеціально, завѣдываніе осеквестрованными имѣніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ назначается даже куратором къ имѣнію, вмѣсто найма посторонняго лица.

Кромѣ главной дирекціи состоитъ въ обществѣ особый контрольный комитетъ подъ названіемъ кредитъ-конвентъ (Kredit-Konvent). Членами его состоятъ: главный директоръ общества, ландраты, губернскій предводитель дворянства и окружные депутаты отъ дворянства. Кредитъ-конвентъ собирается въ іюнѣ и декабрѣ и передъ общими собраніями. Онъ разсматриваетъ дѣйствія главной дирекціи, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ контроль надъ нею и преимущественно печется о состояніи денежныхъ суммъ и финансовой части общества. Въ крайнихъ случаяхъ можетъ онъ замѣнить собою общее собраніе.

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ коммиссаровъ, которые по истеченіи каждаго года разсматриваютъ дѣйствія главной дирекціи и представляютъ свои отчеты кредитъ-конвенту.

Ссуды и закладные листы могутъ быть выдаваемы только подъ частныя имѣнія, въ томъ числѣ и подъ маіораты и фиденкоммисы, но не подъ казенныя, городскія и всякія иныя публичныя имущества. Если имѣніе принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то каждое изъ нихъ, съ согласія остальныхъ, можетъ получить ссуду подъ свою часть, если только имѣніе по оцѣнкѣ не ниже 4,500 руб. Мелкія имѣнія (менѣе одного гакена) и отдѣльные дворы не могутъ получать ссудъ. Въ большихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ одному лицу, не можетъ быть закладываемо только извѣстное количество земли, съ оставленіемъ свободною отъ залога остальной земли. Подъ имѣнія ссуда выдается въ размѣрѣ $^2/_3$ стоимости по оцѣнкѣ. Каждый лифляндскій дворянинъ можетъ поступить въ члены общества и не требовать въ то же время ссуды подъ свое имѣніе, а предоставить себѣ это право на будущее время; онъ можетъ также получить ссуду или закладные листы и сохранить ихъ у себя, не выпуская въ обращеніе до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится въ томъ надобности, но все-таки долженъ уплачивать проценты слѣдующіе

съ него, какъ съ заемщика, хотя въ то же время получаетъ проценты, слѣдующіе ему, какъ владѣльцу закладныхъ листовъ. Каждый заемщикъ можетъ во всякое время выплатить часть своего долга взносомъ въ кассу закладныхъ листовъ, выпущенныхъ подъ его имѣніе, или же всякихъ другихъ листовъ общества. Въ случаѣ погашенія части или всего долга наличными деньгами, заемщикъ обязанъ заявить о томъ за 6 мѣсяцевъ; пропорціонально произведенному досрочному погашенію уменьшаются и платежи причитающихся съ него процентовъ. Закладные листы выдаются такого достоинства, какъ пожелаютъ заемщики отъ 1,000 руб. до 100 руб. каждый. Мелкихъ закладныхъ листовъ (ниже 500 р.) выдается каждый разъ не менѣе какъ на $^1/_{20}$ всей ссуды. Къ закладнымъ листамъ прилагаются особые купоны для полученія процентовъ. Закладной листъ можетъ быть предъявленъ въ кассу общества къ обмѣну на наличныя деньги, которыя и выдаются владѣльцу закладнаго листа черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ его требованія.

Землевладѣлецъ, желающій получить ссуду подъ свое имѣніе, обращается о томъ съ просьбою въ главную дирекцію, которая сначала допускаетъ его въ члены общества, если онъ еще не состоитъ членомъ. Послѣ того производится главною дирекціею публикація въ теченіи трехъ мѣсяцевъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, съ вызовомъ всѣхъ кредиторовъ такого землевладѣльца, котораго долги не вписаны въ ипотечныя книги, по его имѣнію и вообще съ вызовомъ всякихъ могущихъ возникнуть претензій противъ заключенія новаго займа. Послѣ публикаціи производится, по просьбѣ заемщика, уѣздною дирекціею мѣстное обслѣдованіе его имѣнія. Затѣмъ представляются уѣздной дирекціи всѣ документы на право владѣнія имѣніемъ; эти документы передаются на храненіе въ главную дирекцію. Всѣ собранныя свѣдѣнія уѣздная дирекція представляетъ въ главную. Заемщикъ составляетъ закладной актъ на имѣніе установленнымъ порядкомъ и вмѣстѣ съ инвентарною описью представляетъ въ уѣздную дирекцію, а послѣдняя въ главную. Окончательное рѣшеніе о выдачѣ ссуды зависитъ отъ главной дирекціи. На выдаваемыхъ закладныхъ листахъ, судебныя мѣста (Hofgerichte) совершаютъ подпись о внесеніи ихъ въ ипотечныя книги. Затѣмъ уже закладные листы, по окончаніи всѣхъ указанныхъ формальностей, выдаются уѣздной дирекціей заемщику или кому онъ прикажетъ. Вмѣсто закладныхъ листовъ общество выдаетъ заемщику, когда признаетъ это для себя удобнымъ, и наличныя деньги, отъ принятія которыхъ онъ не можетъ отказаться.

Размѣръ ссуднаго процента опредѣляется главною дирекціею, съ утвержденія кредитъ-конвента, или общаго собранія. Проценты вносятся заемщиками въ кассу уѣздныхъ дирекцій или главной ди-

рекціи, два раза въ годъ. За просрочку процентныхъ взносовъ за первый мѣсяцъ уплачивается ½ проц. пени; при просрочкѣ болѣе одного мѣсяца взыскивается 3 проц. пени.

Въ тѣ же сроки, въ которые поступаютъ взносы процентовъ отъ заемщиковъ, уплачиваются обществомъ проценты владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Кромѣ того, послѣдніе могутъ получать проценты и послѣ срока, во всякое время. Проценты по каждому закладному листу выдаются безъ различія въ кассѣ каждой дирекціи.

Въ случаѣ неисправности своихъ должниковъ, общество налагаетъ на имѣнія ихъ секвестръ. Окружная дирекція можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ даже тотчасъ по истеченіи платежныхъ сроковъ. Подлежащія судебныя мѣста, къ которымъ обращаются требованія дирекцій, обязаны немедленнымъ безпрекословнымъ ихъ исполненіемъ. Если по изслѣдованію уѣздной дирекціи окажутся обстоятельства, причинившія неисправность заемщиковъ и совершенно независѣвшія отъ ихъ предусмотрѣнія, то такимъ должникамъ дѣлаются отсрочки. Уѣздныя дирекціи не могутъ давать отсрочки болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ; болѣе продолжительныя отсрочки разрѣшаются кредитъ-конвентомъ. За неправильныя отсрочки отвѣтствуютъ члены уѣздныхъ дирекцій. Секвестръ имѣнія заключается въ безусловной передачѣ всего хозяйства и наличнаго имущества по имѣнію, въ руки лица, уполномоченнаго обществомъ. Управленіе арестованнымъ имѣніемъ можетъ быть поручено и прежнему управителю имѣнія, съ отвѣтственностью передъ обществомъ. Всякій уполномоченный отъ общества за управленіе имѣніемъ получаетъ денежное вознагражденіе. Секвестръ продолжается до тѣхъ поръ, пока общество не покроетъ изъ доходовъ имѣнія всѣ свои недоимки и расходы. Вообще секвестръ съ управленіемъ отъ общества не долженъ продолжаться болѣе одного года; по истеченіи года, если недоимки не покрыты, имѣніе отдается въ многолѣтнюю аренду. Неисправный заемщикъ можетъ оставаться на жительствѣ и въ арестованномъ имѣніи безъ права какого-либо вмѣшательства въ хозяйство, но если присутствіе его неудобно для правильнаго хода управленія, то онъ удаляется вовсе изъ имѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ общество выдаетъ ему отъ 50 до 150 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ и кромѣ того на содержаніе въ небольшомъ количествѣ разные припасы въ натурѣ, а именно: около 7½ четвериковъ ржи, 1¼ четверика гречневой крупы, ½ четверти гороха, 7½ четвертей овса и на 6 коровъ сѣна ежемѣсячно. Для наблюденія за секвестрованнымъ имѣніемъ и его управленіемъ приглашается одинъ изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ—заемщиковъ общества, въ качествѣ куратора или попечителя, отъ каковой обязанности никто изъ членовъ не можетъ отказываться. Попечитель от-

вѣчаетъ своимъ имуществомъ за всѣ ущербы по имѣнію и получаетъ 5 проц. чистаго дохода въ вознагражденіе за свои труды. Всѣ отчеты по арестованному имѣнію сообщаются его владѣльцу, который можетъ дѣлать уѣздной дирекціи всякія представленія относительно управленія имѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ всегда право на полученіе всякихъ свѣдѣній о состояніи своего имѣнія. Вообще же попечитель и управитель ни въ чемъ не подчиненъ владѣльцу, который не иначе входитъ съ ними въ соприкосновеніе, какъ чрезъ дирекцію. Всякое неудовольствіе на уѣздную дирекцію можетъ быть заявляемо въ самой дирекціи, которая обязана произвести разслѣдованіе. Наконецъ, владѣлецъ можетъ обращаться съ жалобами въ кредитъ-конвентъ и въ общее собраніе. Если арестованное имѣніе такъ разстроено, что доходы съ него не покрываютъ слѣдуемыхъ процентовъ, то таковые покрываются изъ фондовъ общества, или же имъ заключается заемъ. Имѣніе можетъ быть арестовано обществомъ даже въ томъ случаѣ, если онъ исправенъ въ платежахъ передъ обществомъ, но на него предъявляются взысканія со стороны постороннихъ его кредиторовъ. Никакое взысканіе не можетъ быть обращено на имѣніе, заложенное въ обществѣ помимо послѣдняго, и всѣ такія взысканія удовлетворяются обществомъ по очищеніи собственныхъ его недоимокъ. Если никакія мѣры, ни хозяйственное управленіе, ни отдача въ аренду, принимаемыя обществомъ относительно арестованнаго имѣнія, не покроютъ лежащихъ на немъ долговъ, то имѣніе продается съ публичнаго торга.

Если общество обязано производить обмѣнъ закладныхъ листовъ на наличныя деньги, то въ свою очередь общество имѣетъ право выкупить изъ обращенія листы, заявивъ о своемъ намѣреніи за шесть мѣсяцевъ впередъ. Общество имѣетъ слѣдующіе способы къ возврату капиталовъ по предъявляемымъ ему листамъ: 1) выкупъ листовъ заемщиками, подъ имѣнія которыхъ они выпущены и, которые изъявили желаніе получить ихъ обратно, т. е. погасить часть своего долга наличными деньгами, 2) собственный фондъ общества, 3) денежные вклады въ общество. Собственный фондъ общества, на счетъ котораго производятся всѣ его расходы, составляется изъ слѣдующихъ источниковъ; а) пошлина на изготовленіе закладныхъ листовъ, взыскиваемая съ каждаго заемщика при выдачѣ ему ссуды, а именно за каждый листъ въ 500 руб. и выше по 2 р. 5 к. и въ 100 руб. по 1 руб. 5 к., б) пошлина съ заемщиковъ за квитанціи въ полученіи полугодовыхъ платежей по 5 к. съ каждаго листа; в) пошлина за полученіе званія члена по 10 руб. съ каждаго гакена; г) сборъ на расходы по управленію, ежегодно распредѣляемыя на всѣхъ заемщиковъ, пропорціонально ихъ долгамъ. Общество принимаетъ вклады,

превышающіе 27,000 рублей, только съ разрѣшенія общаго собранія и лишь въ крайнихъ случаяхъ — съ разрѣшенія кредитъ-конвента. Вкладчикамъ выдаются по возможности закладные листы, предъявленные къ обмѣну, но могутъ быть, въ случаѣ надобности, заключаемы обществомъ займы и съ выдачею отъ его имени другихъ долговыхъ обязательствъ. Общество заключаетъ такіе займы на продолжительное время, по возможности на 10 лѣтъ. Общество принимаетъ вклады и съ условіемъ уплаты вкладчикамъ процентовъ на проценты, но послѣднее не иначе, какъ если вклады сдѣланы закладными листами. Такіе вклады могутъ быть возвращаемы обществомъ по востребованію, но уже не чистыми деньгами, а закладными листами. Общество принимаетъ также въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ депозиты, въ закладныхъ листахъ, или въ монетѣ, т. е. капиталы частныхъ лицъ для храненія въ своихъ помѣщеніяхъ.

Въ Лифляндскомъ кредитномъ обществѣ не постановлено обязательнаго погашенія занятыхъ капиталовъ ежегодными процентными платежами, но, конечно, каждый заемщикъ, имѣя во всякое время право вносить всякія суммы въ уплату своего капитальнаго долга и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя право на соразмѣрное этимъ взносамъ уменьшеніе суммъ слѣдуемыхъ съ него процентовъ, можетъ самъ устроить для себя постепенное погашеніе своего долга, который при его исправности никогда не требуется отъ него разомъ.

Всѣ остзейскіе дворянскіе банки устроены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и лифляндскій. Въ послѣднее время эстляндскій банкъ установилъ у себя обязательное ежегодное погашеніе по $^2/_3$ проц. и кромѣ того въ уставѣ эстляндскаго общества болѣе опредѣлительно выражено круговое обезпеченіе закладныхъ листовъ всѣми имѣніями его членовъ.

Такимъ образомъ изъ изложеннаго видно, что остзейскіе ипотечные банки имѣютъ исключительный сословный характеръ, закрывающій доступъ къ кредиту мелкимъ землевладѣльцамъ, не принадлежащимъ къ остзейскому дворянству.

Кромѣ дворянскихъ банковъ, существуетъ въ Остзейскомъ краѣ крестьянскій банкъ для выкупа крестьянскихъ надѣловъ. О немъ мы скажемъ впослѣдствіи.

А. Клоппенбургъ.

Въ царствѣ Терпсихоры*).

(Очеркъ недавняго прошлаго).

II. На сценѣ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа обыкновенно начинаются репетиціи предстоящему новому балету. Отдохнувшія за лѣто отъ всѣхъ театральныхъ дрязгъ, танцовщицы вновь являются на репетиціи; вновь начинается традиціонная борьба „изъ-за мѣстъ“ **), зависть, пересуды и пр. прелести тяжелой театральной карьеры.

На повѣсткахъ начало репетиціи обозначается обыкновенно въ $12^1/_2$ часовъ; но гг. балетмейстеры рѣдко исполняютъ свои собственныя распоряженія и являются очень неаккуратно; танцовщицы-же всегда во время, но, въ случаѣ опозданія, съ нихъ взимается довольно солидный денежный штрафъ. Впрочемъ это наказаніе распространяется только на массу, первыя-же танцовщицы и танцовщики благополучно избѣгаютъ его, преисправно опаздывая, и искупая свою неаккуратность признанной талантливостью...

Въ послѣдніе годы всѣ безъ исключенія танцовщицы должны были являться на репетиціи обязательно въ балетныхъ платьяхъ (тюникахъ). Надо-ли, нѣтъ, танцуетъ-ли танцовщица соло, или стоитъ „съ кувшиномъ“ въ позѣ каріатиды, все равно— должна одѣваться въ „танцовальное“. Есть въ труппѣ танцовщицы, которымъ въ спектаклѣ не приходилось одѣвать платья выше щиколотки, а на репитицію онѣ все-таки должны одѣваться воздушными феями. Всѣмъ этимъ танцовщицы обя-

*) См. № 11 „Новое Слово“.

**) Въ танцахъ, группахъ, па и пр.

заны новому режиссеру, большому любителю хорошенькихъ ножекъ.

Иногда, для своего собственнаго удовольствія этотъ господинъ устраиваетъ форменный смотръ, который танцовщицы мѣтко прозвали: „выборомъ невѣстъ“. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: требуется, напр., въ какое-нибудь па—всего двѣнадцать, восемнадцать танцовщицъ; но отдается распоряженіе собрать всю труппу, предварительно приказавъ почти раздѣться, потому что въ глазахъ этого сатира, съ его присными помощниками, чѣмъ голѣе—тѣмъ милѣе. И вотъ начинается постыдный выборъ.

Танцовщицъ выкликаютъ, какъ солдатъ на вечерней перекличкѣ, по одной, ставятъ въ одинъ рядъ въ восемь-десять человѣкъ; балетмейстеръ, режиссеръ и весь остальной синклитъ отступаютъ отъ этой линіи. Перешептываются и тычатъ пальцами то въ одну, то въ другую, старающуюся стройнѣе стоять, фигуру. Вотъ одинъ не выдерживаетъ, подходитъ къ болѣе ему понравившейся фигурѣ, беретъ за обнаженное плечо и отводитъ въ сторону; эта, значитъ, выбрана, но прикосновеніе къ бѣлому красивому плечу распаляетъ отвратительное воображеніе сатира, онъ вновь подходитъ и начинаетъ безцеремонно вертѣть во всѣ стороны танцовщицу; та краснѣетъ, слезы выступаютъ на глазахъ и, если не боится его гнѣва, то поворачивается, наконецъ, спиной и уходитъ изъ залы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, теряетъ и „мѣсто“. Другая-же, перенеся до конца подобныя издѣвательства, въ видѣ награды получаетъ мѣсто въ хорошенькомъ па. Третья, хотя и пройдетъ безропотно всѣ эти мытарства, но все-же бываетъ не выбрана и, безцеремонно выкинутая изъ ряда, со стыдомъ шествуетъ черезъ залъ, подъ насмѣшливыми взглядами подругъ. А сатиръ продолжаетъ разглядывать, тыкать пальцами, брать за голыя руки, мысленно раздѣвать наиболѣе красивыя фигуры. Всѣ эти похотливыя желанія отражаются на его жирномъ лоснящемся лицѣ, въ отвратительной улыбкѣ, въ сонныхъ глазахъ, въ дрожащихъ рукахъ. Что должна переживать каждая изъ этихъ женщинъ, нерѣдко—жена и мать, стоя подъ подобными взглядами, перенося столько незаслуженныхъ оскорбленій?..

Въ былые годы тоже вѣдь существовалъ балетъ, тоже выбирались танцовщицы въ то или другое па. Но дѣлалось это прилично, осторожно, съ пощадою самолюбія танцовщицы, за

которою все-таки признавали достоинство женщины. Прежній режиссеръ зналъ свое дѣло, зналъ свою труппу, любилъ ее; зналъ силы и способности каждой, начиная съ первой танцовщицы до послѣдней стоящей „у воды“. Ставилъ каждую на извѣстное мѣсто, по заранѣе составленному списку и плану, безъ этого позорнаго разглядыванія и циничной оцѣнки. Въ описываемое здѣсь время нравы перемѣнились: режиссеромъ балета былъ назначенъ человѣкъ, который понимаетъ въ этомъ дѣлѣ столько-же, сколько китайскій богдыханъ въ организаціи арміи. Въ юные годы онъ занимался выдѣлываніемъ соломенныхъ шляпъ, а потомъ былъ жалкимъ сценаріусомъ въ одной изъ упраздненныхъ драматическихъ труппъ. Человѣкъ безъ образованія, безъ воспитанія, безъ самыхъ основныхъ, элементарныхъ правилъ чести. Чѣмъ и кому онъ можетъ быть полезенъ въ образцовой балетной труппѣ? Кѣмъ-то изъ заправилъ балета было выражено мнѣніе, что въ труппѣ не хватаетъ хорошаго администратора, что труппа распущена, что въ ней нѣтъ порядка и пр. Послѣ долгихъ поисковъ нашли подобнаго администратора въ видѣ вышеописаннаго господина. Насколько онъ оправдалъ ожиданія своихъ покровителей — вопросъ остается открытымъ. Конечно, если считать, что подобное „выбираніе невѣстъ“ есть порядокъ, то онъ подтянулъ труппу. Всѣ его распоряженія отличаются удивительнымъ тупоуміемъ, напримѣръ о „разрѣшеніи болѣть“. Вотъ этотъ любопытный документъ: „Замужнимъ танцовщицамъ, въ извѣстномъ отношеніи, позволяется съ разрѣшенія начальства хворать четыре, пять, иногда и больше мѣсяцевъ, а незамужнимъ только два“. Какъ будто въ этомъ случаѣ могутъ быть какія-нибудь привиллегіи, какъ будто танцовщица, будучи не легальной женой, можетъ измѣнить свою физическую организацію и перестать быть женщиной. Такія мѣры могутъ привести лишь къ преступленіямъ, но никакъ не къ поднятію уровня нравственности, какъ заявлялъ режиссеръ, донося начальству о своемъ остроумномъ распоряженіи и желая стать передъ власть имущими въ позу ревнителя нравственности.

Можно было-бы подумать, что въ балетѣ замужнія женщины дѣйствительно пользуются уваженіемъ, что собственно было-бы лишь справедливо, такъ какъ что ни говори, несмотря на то, что теперь вообще артисты не пользуются общественнымъ презрѣніемъ, но „балетныя“ далеко не до-

стигли того, чтобы бракъ съ ними не считался-бы предосудительнымъ. Слѣдовательно, замужество далеко не всѣмъ и очень не легко дается, а поэтому и слѣдовало-бы замужнихъ дѣйствительно уважать, въ виду того, что онѣ съумѣли удержаться и составить себѣ положеніе. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ и о хорошей нравственности и хотя бы о внѣшней порядочности. Но на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Замужнія, напротивъ, кромѣ глупой льготы хворать въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, пользуются еще чѣмъ-то вродѣ общаго презрѣнія, какъ всего начальства, такъ и большинства товарокъ.

Вотъ новенькая, только что выпущенная изъ училища, танцовщица; начальство, публика, подруги — всѣ ее любятъ, наперерывъ стараются ей угодить, сулятъ блестящую будущность. Годъ—два она пользуется полнымъ успѣхомъ. На третій—ей пришла несчастная идея выйти замужъ. Публика встрѣчаетъ ее холодно, подруги—нѣкоторыя съ завистью, другія съ насмѣшкой; начальство ее не замѣчаетъ. И вотъ она или застыла на томъ окладѣ жалованья, который получала до замужества (это въ лучшемъ случаѣ), или-же „покатила внизъ“, а иногда, если выслужила десять лѣтъ, ей даютъ пенсію въ окладѣ половиннаго жалованья.

Не то происходитъ съ другой „новенькой“. Она выпущена почти на самый послѣдній окладъ. Публика ее еще не знаетъ, начальство еще не успѣло замѣтить, подругамъ она не опасна, и о ней ничего не говорятъ. Проходитъ годъ; ее уже замѣтилъ кто-то изъ публики, черкнулъ о ней въ газетѣ, начальство обратило вниманіе и дало мѣсто получше. Еще годъ—и изъ незамѣтной корифеечки образовалась уже „звѣздочка“; звѣздочка начинаетъ замѣчать, что двое „перворядниковъ“ съ нея не сводятъ глазъ. Начинаются „легкія овація“: присылка на домъ цвѣтовъ, конфектъ и не по нѣсколько фунтовъ, а чуть не цѣлыми пудами. Наконецъ, одинъ изъ конкурентовъ беретъ перевѣсъ и—звѣздочка превращается въ „звѣзду“. Общій почетъ и уваженіе. Такова „средняя“ карьера балетной—не замужней.

Бывали случаи самой обыкновенной купли и продажи. Сидятъ въ первомъ ряду два ярыхъ балетомана. Одинъ двадцать, другой тридцать лѣтъ, изо дня въ день, сидятъ они по вечерамъ въ балетѣ и, какъ волки намѣтивъ изъ стада ка-

кую-нибудь хорошенькую овечку, пожираютъ ее глазами. Но годы берутъ свое. Одинъ изъ волковъ такъ состарился, что „видитъ око, да зубъ нейметъ“, а между тѣмъ высмотрѣлъ, старый, хорошенькую, вновь выпущенную корифеечку. Что тутъ дѣлать, какъ тутъ быть? Думалъ, думалъ старый грѣховодникъ и придумалъ: обратиться за совѣтомъ и помощью къ товарищу помоложе. И вотъ происходитъ діалогъ въ слѣдующемъ родѣ:

— Мамонтъ Михайловичъ, замѣтили вы новенькую хорошенькую Подгурскую?—спрашиваетъ старый волкъ.

— Э, батенька, сказали! давно уже! гудитъ въ отвѣтъ, точно іерихонская труба, товарищъ волка—огромная безобразная туша.

— Не вредно-бы позаняться на старости лѣтъ такой хорошенькой игрушечкой. Хе, хе... что вы на это скажете, Мамонтъ Михайловичъ?

Огромный животъ туши начинаетъ колыхаться, толстяку смѣшно и лестно, что пѣсенка стараго волка спѣта, и что безъ его помощи ничего не подѣлаешь.

— Что-жъ, Мамонтъ Михайловичъ, вижу, безъ вашей помощи не обойтись, ужъ помогите, ничего не пожалѣю. Что хотите, просите.

— Будто ужъ ничего? рычитъ Мамонтъ.

— Сказалъ, вы знаете—мое слово свято.

— Ну, хорошо. Черезъ три недѣли она будетъ моя, ну а потомъ отдамъ вамъ ее съ рукъ на руки. Но за это вы должны доставить мнѣ мѣсто въ своемъ департаментѣ, хорошо?

— Идетъ, по рукамъ!

Торгъ состоялся. И вы думаете, это съ глазу на глазъ? Ничуть не бывало, волки эти слишкомъ нахальны, чтобы кого нибудь бояться. Они дѣлаютъ это открыто, на глазахъ у массы публики. И ревутъ вѣдь на весь театръ.

Потомъ начинается усиленная аттака на корифеечку. Ей посылаютъ пудами конфекты, осыпаютъ цвѣтами, всѣ газеты начинаютъ бѣшено восхвалять ея красоту, грацію; находятъ въ ея танцахъ что-то необычайное, почти сверхъестественное. Начальство въ недоумѣніи и совершенно сбито съ толку всѣми этими отзывами, начинаетъ давать ей хорошія „мѣста“. Тогда, подготовивъ почву, на сцену является мастодонтъ. Онъ начинаетъ напѣвать вновь испеченной знаменитости „фуги“... „Только

благодаря его силѣ, его рецензіямъ она достигла такой высоты, и что также быстро какъ она вознеслась, она можетъ и внизъ полетѣть. А если она будетъ къ нему благосклонна, то славѣ ея не будетъ конца, и она затмитъ всѣхъ".

У молоденькой дѣвушки, отъ этого ѳиміамнаго дыма, конечно, кружится голова, и послѣ недолгой борьбы жажды славы съ долгомъ чести, первая беретъ верхъ.

Корифеечка формально признана звѣздой крупной величины; ей прибавлено жалованье... почетъ полный.

Да, великая вещь слава, лавры, ѳиміамъ. Но какою дорогою, ужасною цѣной все это покупается! Цѣною позора, цѣною страданія своего и другихъ близкихъ танцовщицѣ людей. А публика, сидящая въ театрѣ и съ удовольствіемъ взирающая на этихъ, яко-бы весело порхающихъ воздушныхъ созданій, не знаетъ, сколько жестокого горя, оскорбленнаго самолюбія, стыда, скрывается иногда въ этой беззаботно порхающей фигуркѣ, которой хочется вмѣсто того, чтобы улыбаться, подчасъ горько разрыдаться, сорвать съ себя и бросить въ лицо довольной, сытой и равнодушной публикѣ всѣ эти блестящіе лохмотья фей, царицъ, снѣжинокъ и леденцовъ. Впрочемъ, если въ „Царствѣ Терпсихоры" такъ все мрачно, тяжело и непривѣтно, то въ этомъ много виноваты и сами жрицы веселой богини.

Въ балетѣ нѣтъ товарищества. Если всѣхъ артистовъ вообще упрекаютъ въ холодномъ отношеніи другъ къ другу, то балетъ въ этомъ смыслѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Нельзя сказать, чтобы происходило это изъ зависти или изъ боязни передъ начальствомъ. Въ балетѣ есть много танцовщицъ, которыя представляютъ изъ себя enfants terribles для балетнаго начальства. Но нѣтъ общности. Всякъ за себя. Какое-то тупое равнодушіе, точно забитость. А между тѣмъ „балетныя" могли бы больше всякихъ другихъ артистокъ представлять изъ себя одну дружную семью, потому что онѣ вмѣстѣ проводятъ юность, молодость и почти старость, тогда какъ въ другихъ труппахъ этого нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ разъединенность доходитъ до того, что двѣ танцовщицы, видящіяся каждый день утромъ и вечеромъ въ театрѣ, танцующія почти рядомъ, встрѣчаясь на улицѣ, на балахъ, въ обществѣ, даже не кланяются; въ упоръ смотрятъ другъ на друга и продолжаютъ стоять, какъ совершенно случайно встрѣтившіяся и совсѣмъ

чужія особы. На репетиціяхъ и спектакляхъ происходитъ то-же. Кланяются только „подругамъ“, а съ прочими обращаются, какъ будто только что пріѣхали изъ Америки—никого и ничего не знаютъ. Особенно рѣзко замѣтно это на отношеніяхъ первыхъ танцовщицъ къ кордебалету.

Встрѣчаются на Невскомъ, во время гулянья, двѣ танцовщицы, одна—изъ первыхъ, другая—кордебалетная и къ тому же новенькая. Вторая не знаетъ еще традицій балета и очень привѣтливо раскланивается съ первой. Та въ удивленіи раскрываетъ глаза, начинаетъ часто моргать, какъ будто увидала призракъ, и величественно отворачивается.

Иногда бывали случаи, когда двѣ танцовщицы другъ отъ друга отрекались. Гдѣ же послѣ всего этого искать сплоченности, тѣснаго товарищества?

Когда же дѣло касается танцевъ, то всѣ придерживаются традиціоннаго правила танцовать только со своими, т. е. съ „подругами своего разряда“. Конечно, если, напримѣръ, корифейку заставятъ танцовать съ первыми танцовщицами — она будетъ этому очень рада, но если ее поставятъ первою съ кордебалетомъ, то она предпочтетъ быть послѣднею съ корифейками. Впрочемъ, это старая традиція, теперешнее начальство изъ танцовщицъ дѣлаетъ „окрошку“. Сегодня такая-то танцуетъ чуть что не соло, а завтра она-же рискуетъ летѣть „на полетѣ“ или изобразить вѣдьму въ какомъ-нибудь страшномъ костюмѣ.

Въ прежніе года танцующія никогда не попадали въ „выходныя“, развѣ только при концѣ службы, да и то рѣдко, а изъ выходныхъ еще рѣже дѣлались танцовщицами. Теперь же это пустяшное дѣло. И дѣлается все это опять-таки просто, открыто и необычайно нагло.

Спрашиваетъ, напримѣръ, какая-нибудь изъ порядочныхъ танцовщицъ главнаго режиссера, почему она, которая до сихъ поръ имѣла хорошія мѣста, вотъ уже въ третьемъ балетѣ получаетъ чуть что не выходное мѣсто? Кому или чему она этимъ обязана?

И что-бы вы думали отвѣчаетъ этотъ блюститель балетной нравственности и великій администраторъ, прямо въ лицо молодой дѣвушкѣ?

— Если-бы Лизочка была добрѣе, позволила себя иногда

поцѣловать, по щечкѣ потрепать, то она могла бы расчитывать на очень, очень хорошее мѣсто.

И этой Лизочкѣ приходится глотать обиду — вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ.

Нахальство режиссера доходило до того, что онъ позволялъ себѣ принимать танцовщицъ, когда онѣ приходятъ къ нему за какими либо объясненіями или по дѣлу на домъ, въ халатѣ и въ весьма небрежномъ видѣ.

Во всемъ этомъ танцовщицы отчасти виноваты сами. Конечно, это вина не всѣхъ. Нѣкоторыя же изъ нихъ, чтобы хотя чѣмъ-нибудь подслужиться и этимъ пробить себѣ дорогу, вздумали пѣть диффирамбы этому отвратительному господину.

Какъ-то онъ разсердился на одну корифеечку и нѣсколько дней съ ней не говорилъ. Это ужасно тревожило „подхалимку“. Она слѣдила за нимъ шагъ за шагомъ, ни на минуту не выпускала его съ глазъ. Наконецъ, поймала его благосклонный взглядъ, случайно брошенный на нее. Она срывается какъ сумасшедшая съ мѣста, летитъ къ нему, хватаетъ за руку, и въ умиленіи, заикаясь, пришепетывая, произноситъ слѣдующій монологъ:

— Голубчикъ, дорогой, наконецъ вы на меня взглянули, наконецъ я вызвала на вашихъ чудныхъ устахъ улыбку. Знаете ли, всѣ эти дни, пока я чувствовала на себѣ гнетъ вашей немилости, я потеряла аппетитъ, я потеряла сонъ. Но вотъ вы улыбнулись и я счастлива, я довольна. Да знаете-ли вы, что вашъ взглядъ, ваша улыбка—это блаженство, это солнце. Нѣтъ, вы лучше лишите меня, чего хотите, но не лишайте видѣть вашей чудной улыбки и ласковаго взгляда...

Какъ бы то ни было, но подобныя выходки привели къ тому, что аппетитъ этого страшнаго минотавра разыгрался, и теперь его „здраву не препятствуй“.

Если же нѣкоторыя танцовщицы находятъ для себя подобный путь лести слишкомъ унизительнымъ и тяжелымъ, а впередъ идти все-таки хочется—тогда прибѣгаютъ къ игрѣ на его алчность.

Минотавръ „жретъ“ все: и пару запонокъ съ брилліантами, и пару серебряныхъ подсвѣчниковъ, и даже не брезгаетъ сотнею сигаръ, не изъ очень дорогихъ. Но все это берется съ разборомъ: если та, которая можетъ дать цѣлый сервизъ, посылаетъ пару подсвѣчниковъ, то она получаетъ строгій выго-

воръ: „я подобную дрянь у себя на кухнѣ только держу“, и „не хотите ли, посему, прислать серебряную люстру?“

Когда же какая-нибудь маменька, выведенная слезами дочери изъ терпѣнія, обращается къ нему съ вопросомъ, за что онъ систематически преслѣдуетъ ея дочь, онъ нахально отвѣчаетъ:

— Я когда-то обратилъ вниманіе на вашу дочь, она была слишкомъ дерзка со мной и горда. Теперь я ее больше не желаю, но всѣ тѣ, которыя вступаютъ со мной въ борьбу горько раскаются.

— Въ такомъ случаѣ я пойду искать защиты у высшихъ властей, отвѣчаетъ оскорбленная и огорченная мать.

— Идите, отвѣчаетъ минотавръ, но я васъ долженъ предупредить, прежде чѣмъ вы до кого либо дойдете, ваша дочь будетъ исключена.

— Вы не смѣете это сдѣлать, такого закона нѣтъ, надо имѣть причину, чтобы исключить...

— Ха, ха, ха, гогочетъ минотавръ, законъ, причина! Развѣ вы еще не знаете, что теперь *я* законъ, *я* причина? Ступайте жалуйтесь.

Къ кому дѣйствительно обратится танцовщица? Какъ только она обратится въ высшую инстанцію, тамъ отвѣчаютъ, что это ихъ не касается, они ничего не знаютъ, и въ концѣ концовъ дѣло опять съ режиссеромъ. А не странно ли это, дѣйствительно? неужели-же эти власть имущіе для того только и поставлены, чтобы получать огромные оклады да смотрѣть изъ ложи на танцовщицъ? Занятіе легкое, но дорого оплачиваемое.

Репетиціи самое тяжелое въ службѣ танцовщицы. Съ половины перваго до четырехъ часовъ, а иногда и позже, она безвыходно сидитъ или въ залѣ училища, гдѣ душно и тѣсно, или въ театрѣ, гдѣ холодно и дуетъ изъ всѣхъ щелей.

Въ училищѣ напримѣръ былъ ремонтъ: выстроили цѣлый отдѣльный домъ для уборныхъ танцовщицамъ и танцовальной залы. Старое помѣщеніе слишкомъ тѣсно, да и воспитанницамъ не дѣло имѣть какое-либо общеніе съ танцовщицами, такъ какъ онѣ всѣ „будущія монахини и сестры милосердія“.

И въ силу всего этого на постройку новаго роскошнаго

помѣщенія выданы были солидные куши. А въ концѣ концовъ оказалось, что танцовщицамъ приходится одѣваться на полу или въ мѣстахъ, неудобныхъ для описанія. Залъ одинъ, ни курительной, ни читальни, конечно, не полагается. И когда бываютъ репетиціи всей труппѣ, то положительно некуда дѣваться отъ духоты и табачнаго дыма. Между тѣмъ зданіе настолько велико, что вышло бы не четыре уборныхъ и не одна зала. Да объ величинѣ зданія можно судить по тому, что, кромѣ залъ и уборныхъ, есть нѣсколько роскошныхъ квартиръ, которыми пользуются отнюдь не балетные, а вообще личности, далеко стоящія отъ него. Для нихъ-то собственно и строилось это зданіе, а никакъ не для удобства балетныхъ, о нихъ менѣе, чѣмъ о комъ-либо заботились въ то время. На ту сумму, которая была ассигнована, можно было дѣйствительно устроить нѣчто лучше этихъ клѣтушекъ. Не говоря уже о томъ, что слѣдовало бы кромѣ залы устроить нѣсколько гостинныхъ съ порядочной мебелью, а то танцовщицамъ приходится или стоять у стѣнъ, какъ египетскимъ муміямъ, или сидѣть на окнахъ, изъ которыхъ нестерпимо дуетъ. Не мѣшало бы также устроить читальню, хотя бы съ новыми журналами и газетами, не говоря уже про книги— это большая роскошь. А то сидятъ бѣдныя танцовщицы и танцовщики иногда три-четыре часа въ душной, прокопченой дымомъ залѣ и даже не могутъ газеты прочесть. Или уже въ самомъ дѣлѣ всѣ эти великіе администраторы и власть имущіе думаютъ, что „балетные“ не имѣютъ потребности читать, а слѣдовательно и вообще объ нихъ, какъ о людяхъ, заботиться нечего; стойло есть, ну, и чего еще тамъ толковать; эка важность, если и простоитъ какая-нибудь корифейка три-четыре часа въ испорченной атмосферѣ. Репетиціи въ театрѣ немного лучше, тамъ если и холодно иногда, и дуетъ, за то воздуху больше и вообще просторнѣе, есть, хотя и не всегда, на чемъ сѣсть. Уборныя гораздо лучше, въ небольшихъ комнатахъ помѣщаются отъ одной и до пяти-шести танцовщицъ, въ большихъ по нѣсколько, но въ общемъ каждая имѣетъ свой столъ или одинъ на двоихъ. Балерина и солистки имѣютъ почти каждая отдѣльную уборную, покрытую коврами и съ большими зеркалами.

Репетиціи въ театрѣ вообще предпочитаются танцовщицами. Во-первыхъ, потому, что ближе, такъ какъ большин-

ство ютится близъ театра, во-вторыхъ, удобнѣе, а въ третьихъ, веселѣе! На эти репетиціи приходятъ чиновники, служащіе при театрѣ, артисты другихъ театровъ, а также почти всегда присутствуетъ „опера“, пѣвцы которой сильно ухаживаютъ за балетными. Это какой-то обязательный цензъ. Каждый вновь поступающій пѣвецъ считаетъ своимъ долгомъ начать ухаживать за какой-нибудь танцовщицей, а иногда и за нѣсколькими; они ухаживаютъ „безъ чиновъ“ какъ за первой танцовщицей, такъ и за послѣдней, но безусловно хорошенькой.

Есть, впрочемъ, нѣсколько танцовщицъ, которыя спеціально „занимаются“ кто оперой, кто драмой, а кто и оркестромъ, т. е. первыми музыкантами оркестра, вообще артистами, но только непремѣнно выдающимися, и съ гордостью объявляетъ, что отъ такого-то баритона имѣетъ сына, а отъ такого-то драматическаго любовника дочь. Другая съ неменьшей гордостью хвалится, что ни одинъ пѣвецъ не обошелъ ее своимъ вниманіемъ. Это своего рода снобизмъ.

Пѣвцы же дѣйствительно „не зѣваютъ“, и гдѣ и когда только можно, срываютъ цвѣты. Дѣйствуютъ они всегда смѣло, скоро и съ налета.

Насколько первые персонажи оперной труппы относятся къ балету симпатично, настолько оперный хоръ—враждебно; между хористками и балетными танцовщицами происходитъ вѣчная непримиримая, глухая борьба. Хористки ненавидятъ балетныхъ за ихъ красоту, изящество, умѣнье всегда одѣться эффектно и къ лицу и, наконецъ, просто завидуютъ, такъ какъ балетнымъ во всемъ, всегда и всѣми дается преимущество передъ хористками. Балетныя въ отместку безпощадно смѣются надъ дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ неуклюжими и неизящными хористками. Послѣ репетиціи танцовщицъ развозятъ по домамъ въ каретахъ; впрочемъ, теперь это почти совсѣмъ вывелось, стали понемногу отбирать кареты и танцовщицамъ приходится въ большинствѣ случаевъ понтировать или пѣшкомъ или на извозчикахъ. А кареты предоставляютъ опять-таки начальствующимъ, не смотря на то, что имъ даютъ изрядныя разъѣздныя. Пріѣзжая съ репетиціи домой, танцовщица всегда не въ духѣ, нервы разстроены, она чувствуетъ усталость, а иногда послѣ какой-нибудь грандіозной исторіи съ кѣмъ-нибудь изъ начальствующихъ, пріѣзжая до-

мой вся въ слезахъ, доходитъ до нервнаго припадка, приходится посылать за докторомъ и много надо времени, чтобы все это улеглось и успокоилось.

Домашніе съ трепетомъ ждутъ прихода съ репетиціи, стараются ничѣмъ не раздражить, угождаютъ, предупреждаютъ малѣйшее желаніе, и когда „репетиціонное расположеніе“ проходитъ, вздыхаютъ свободно. До спектакля или до слѣдующей репетиціи танцовщица совсѣмъ почти забываетъ о театрѣ и его дрязгахъ, развѣ прибѣжитъ кто-нибудь изъ подругъ и начнетъ разсказывать о томъ, что то-то случилось, та-то съ тѣмъ поссорилась и пр. Участіе въ спектакляхъ распредѣлено страшно неравномѣрно. Однимъ приходится буквально не выходить изъ театра, другимъ же совсѣмъ въ него не заглядывать. Къ первымъ принадлежатъ всѣ, пользующіяся благосклоннымъ вниманіемъ начальниковъ, ко вторымъ всѣ находящіяся въ немилости. Въ первые годы по выходѣ танцовщицу ставятъ всюду, нѣтъ оперы, балета, даже драмъ, гдѣбы ея не было, но если она не съумѣла удержаться на этой высотѣ, то понемногу ее начинаютъ „отставлять“, и въ концѣ концовъ, прослуживъ пять-шесть лѣтъ, она совершенно выбываетъ изъ труппы... фактически, но получаетъ жалованье почти не служа. Конечно, многіе скажутъ: „отлично не служить и получать жалованье“, но въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ-то отлично получать жалованье и не служить. Во первыхъ, къ такимъ начинаютъ приставать: онѣ въ труппѣ безполезны, нигдѣ не бываютъ заняты, ничего не танцуютъ. Когда онѣ спрашиваютъ, почему-же ихъ никуда не ставятъ, имъ отвѣчаютъ, что или слишкомъ толсты, или слишкомъ худы, или очень велики, или очень малы, или слишкомъ вялы, или черезчуръ бойки. Или же прямо отвѣчаютъ: „вы, матушка, состарились, дайте дорогу молодымъ“, и говорится это не въ самые послѣдніе годы службы, а 25—26-лѣтней танцовщицѣ. Выслушивать подобные комплименты, конечно, не легко, особенно видя, что есть и постарше, и потолще, которыя продолжаютъ занимать прежнія мѣста.

Во вторыхъ, переставъ всюду участвовать, танцовщица теряетъ право получить прибавку и даже иногда рискуетъ быть исключена изъ труппы „за ненадобностью“, какъ старая негодная ветошь.

Положимъ, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что балетъ не

богадѣльня. Но во первыхъ, вѣдь нельзя-же исключить всѣхъ толстыхъ, худыхъ, маленькихъ и большихъ. Кто-же тогда останется? Во вторыхъ, толстыхъ въ балетѣ нѣтъ, есть нѣсколько полныхъ, которымъ всегда найдется подходящее мѣсто въ любомъ балетѣ, если только захотятъ его дать. Слишкомъ худыхъ всегда можно сдѣлать полнѣе на видъ, особенно на сценѣ. Наконецъ, маленькихъ и большихъ тоже можно распредѣлять по росту и по группамъ. Слѣдовательно, все это лишь пустая отговорка. Особенно подобная разборчивость совсѣмъ не идетъ къ кордебалету. Еще для первой танцовщицы важно быть не слишкомъ грузной, не слишкомъ большой и пр., ну, а для массы этого совсѣмъ не нужно.

Спектакли гораздо легче для танцовщицъ, нежели репетиціи. Онѣ приходятъ только къ тому времени, когда надо выходить на сцену, т. е. расчитавъ время на переодѣваніе; во время антрактовъ сидятъ у себя въ уборныхъ, сплетничаютъ, спорятъ, иногда переругиваются между собой. У большинства въ залѣ театра сидятъ поклонники, знакомые, иногда въ уборныя присылаются конфекты, цвѣты и просто письма.

Балетные спектакли отличаются всегда страшной шумливостью: портнихи снуютъ съ вѣчной передѣлкой костюмовъ. Танцовщицы ужасно капризны, угодить портнихѣ на нихъ не легко. Есть такія, которыя доводятъ портнихъ до слезъ и вызываютъ ихъ на грубость. Въ уборныхъ вѣчный хохотъ, болтовня, возня, безпорядочная суетня. Танцовщицы не могутъ ни одной минуты посидѣть молча, даже во время дѣйствія, на сценѣ вѣчный неумолкаемый говоръ. Сколько разъ всѣ онѣ подвергались штрафамъ и все же молчать для нихъ— выше силъ. Перемигиваніе, улыбки съ публикой тоже ихъ любимое занятіе, и несмотря на строжайшіе выговоры, онѣ не могутъ отвыкнуть отъ разглядыванія публики и даже иногда переговариваются съ нею. Танцовщицы ужасно легкомысленны, вѣтрены, но добросердечны. Вчерашній штрафъ, сегодняшній выговоръ, все скоро забывается. Увидитъ знакомаго въ партерѣ и ну ему кивать, улыбаться, что-то показывать мимикой и иногда такъ увлечется, что и не слышитъ, какъ режиссеръ шипитъ ей изъ-за кулисъ, что поставилъ ее „на рапортъ“, т. е. штрафъ.

Вечеромъ въ спектаклѣ танцовщицы всегда почти веселы, беззаботны. Разговоры вертятся все около театра, поклонни-

ковъ. Заботы, горе какъ будто сбрасывается; звуки музыки, ослѣпительный свѣтъ, суматоха, не даетъ времени останавливаться надъ своими горестями. Рампа даетъ всему забвеніе. Послѣ спектакля, всѣ спѣшатъ домой. Костюмы срываются, цвѣты мнутся; въ эту минуту какъ-то забывается, что вѣдь опять скоро придется все это надѣвать. Чудныя жрицы Терпсихоры не заботятся о завтрашнемъ днѣ. Завтра хоть потопъ, а сегодня надо спѣшить, спѣшить—куда? зачѣмъ? къ чему? развѣ онѣ знаютъ? Впрочемъ это даже пожалуй чисто нервное настроеніе. Поскорѣе избавиться отъ этихъ узкихъ туфелекъ, отъ шпилекъ, румянъ, бѣлилъ. Поскорѣй домой, вымыться, надѣть капотъ и пить чай. Или же мчаться на тройкѣ куда-нибудь туда на острова, на морозный чистый воздухъ, подальше отъ этой духоты.

Танцовщицъ почти всѣхъ всегда ждутъ на подъѣздахъ или мужъ, или поклонникъ или же даже просто кто-нибудь изъ знакомыхъ, считающихъ своимъ долгомъ, будучи въ театрѣ, ждать на подъѣздѣ свою знакомую балетную танцовщицу,

На подъѣздахъ стоятъ и ждутъ выхода танцовщицъ не одни знакомые и явные поклонники, но ждутъ и незнакомые, какъ-то: гимназисты, юнкера и прочая молодежь, издали любующаяся на своихъ кумировъ, а на подъѣздѣ ревниво слѣдя, какъ этотъ кумиръ упорхнулъ съ кѣмъ-нибудь посолиднѣе его.

Сколько разъ полиція принимала мѣры и просила публику не стоять на подъѣздахъ, но все оставалось тщетнымъ. По прошествіи нѣкотораго времени опять на подъѣздахъ накапливался народъ, и танцовщицы, подъ пристальными критическими взглядами, проходятъ тоже сквозь строй.

Въ каретахъ ѣдутъ очень мало, только тѣ, которыя живутъ далеко отъ театра и тѣ, что не имѣютъ средствъ ѣздить на извощикахъ. Вѣдь стояніе на подъѣздѣ представляетъ своего рода пытку! Измученная, усталая, стоитъ, стоитъ танцовщица на подъѣздѣ, дожидаясь очереди, пока пьяный курьеръ отправитъ ее; уже другія давно дома, уже можетъ быть спятъ, а она стой и жди... Такова, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ жизнь танцовщицы на сценѣ, на которой она служитъ двадцать лѣтъ, переходя за тѣмъ „на пенсію“. Объ этихъ отставныхъ я поговорю въ слѣдующій разъ.

Вѣра Балетоманова.

Изъ исторіи русскаго общества

(Первый публичный курсъ лекцій Т. Н. ГРАНОВСКАГО).

Медленно движется время, —
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ!

Никитинъ.

Бываютъ времена, когда цѣлый народъ стоитъ на распутьи, когда неизвѣстно, что ждетъ въ будущемъ наши идеалы и стремленія. Тогда невольно оглядываешься назадъ, вспоминая дѣятелей прошлаго и выдающіеся моменты исторической жизни общества. Объ одномъ изъ такихъ моментовъ мы и напомнимъ читателямъ.

Тимофей Николаевичъ Грановскій (род. 9 марта 1813 г., ум. 5 окт. 1855 г.) началъ чтеніе лекцій въ московскомъ университетѣ немедленно по возвращеніи изъ-за границы, осенью 1839 г., и быстро завоевалъ прочныя симпатіи своихъ постоянныхъ слушателей. Московское общество также скоро начало интересоваться молодымъ лекторомъ. Онъ сразу сошелся съ кружкомъ Бѣлинскаго и съ самимъ Бѣлинскимъ, уже руководившимъ «Отеч. Записками» въ Петербургѣ. Къ тому же кружку примкнули и другіе профессора университета, Рѣдкинъ, Крюковъ, Крыловъ, и нѣсколько позднѣе, благодаря главнымъ образомъ Грановскому, кружокъ слился съ кружкомъ Герцена и Огарева, образовавъ знаменитую въ исторіи русскаго просвѣщенія группу «западниковъ» сороковыхъ годовъ. Въ то же время Грановскій былъ лично близокъ съ представителями «славянофильства». На нейтральной почвѣ свѣтскихъ салоновъ Елагиной, Свербѣевыхъ и друг. сходились съ западниками такіе защитники «оффиціальной народности» и status quo, какъ проф. Погодинъ и Шевыревъ;

Герценъ здѣсь велъ ожесточенные философскіе споры съ Хомяковымъ и другими славянофилами, но наконецъ должно было дойти дѣло до разрыва, какъ съ оффиціальною народностью, такъ и со славянофилами. Нѣкоторыми темами послѣднихъ, напр. положеніемъ народа, общиною и т. п., прекрасно воспользовались сами западники, такъ что долговременное общеніе съ противниками оказалось для нихъ очень полезно.

Первый публичный курсъ лекцій, прочитанный Грановскимъ въ концѣ 1843 г. и началѣ 1844 года, былъ, на ряду съ критикою Бѣлинскаго, однимъ изъ первыхъ рѣшительныхъ заявленій новаго умственнаго теченія о своемъ существованіи.

Нѣтъ, конечно, надобности распространяться о важномъ значеніи въ новѣйшей исторіи Россіи «западнаго» направленія. Замѣтимъ лишь, что въ наши дни все живое въ литературѣ и обществѣ, какъ и прежде, обращается къ тѣмъ же общечеловѣческимъ «западническимъ» идеаламъ, которые впервые высказали учители нашихъ «отцовъ», поколѣнія 60-хъ годовъ.

* * *

Ни университетскія занятія, ни разсѣянная временами свѣтская жизнь, ни оживленный обмѣнъ мыслей въ дружескомъ кругу, ни тихое семейное счастье — на долго и всецѣло не удовлетворяли Грановскаго. Онъ искалъ чего-то большаго и не находилъ.

Чтобы какъ-нибудь наполнить свое существованіе, дать исходъ стремленіямъ къ дѣятельности, Грановскій уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву задумываетъ изданіе журнала. «Наука строгая, но въ формѣ доступной каждому истинно образованному человѣку. Педантскія разсужденія о подробностяхъ, неимѣющихъ общечеловѣческаго интереса—вонъ. Распространеніе Humanität — вотъ цѣль. Дрянной публикѣ мы угождать не станемъ: лучше имѣть 600 подписчиковъ. Болѣе и не желаемъ на первый разъ... Ежегодно отъ 4 до 6 книжекъ». Такъ Грановскій объяснялъ Станкевичу характеръ предполагаемаго изданія; оно не осуществилось за недостаткомъ денежныхъ средствъ, да вѣроятно, не было бы и разрѣшено, какъ не разрѣшили ему издавать журналъ въ 1845 г.

«Что-жъ дѣлать при видѣ этой ужасной дѣйствительности? писалъ Бѣлинскій въ концѣ 1840 г.:—не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе лучше могли потомъ жить, если намъ никакъ нельзя было жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства: каѳедра и журналъ—все остальное вздоръ». Стать во главѣ журнала, о чемъ Грановскій мечталъ постоянно, ему не пришлось. Оставалась каѳедра—и на

ней онъ явился такимъ-же дѣятелемъ, какими его друзья были въ критикѣ и публицистикѣ.

Письмо Грановскаго къ его берлинскому другу, проф. Вердеру, писанное осенью 1843 года, рельефно рисуетъ тогдашнее тоскливое настроеніе его; вмѣстѣ съ тѣмъ оно интересно, какъ матерьялъ для сравненья взглядовъ Грановскаго на его положеніе съ взглядами другихъ дѣятелей. «Никогда не понималъ я такъ хорошо того, что вы мнѣ тогда говорили,—писалъ Грановскій: *работать и отрекаться* (arbeiten und entsagen). Въ концѣ концовъ не остается дѣлать ничего другого. Я уже отказался отъ столькихъ надеждъ моей юности; мнѣ остается только отказаться и отъ самой юности, и я скоро принесу и эту жертву, потому что сердце мое, я это чувствую, старѣетъ и устаетъ. Печально наше время, и особенно въ моемъ отечествѣ. До дѣла не достигаешь, и однако-жъ желаешь внутренняго міра. Напряженная дѣятельность истомила бы меня гораздо менѣе, чѣмъ это стремленіе безъ имени и цѣли. Испытали-ли вы то же? Есть люди, которые легко примиряются; для меня примиреніе едва ли возможно. Друзья мои называютъ меня мечтателемъ, но я думаю, что болѣзнь моя иная, а не мечтательность. Для послѣдней у меня нѣтъ ни времени, ни склонности. Я работаю впрочемъ, насколько возможно работать въ Россіи, и твердо вѣрю въ лучшую будущность, не для меня лично, но для тѣхъ, которые явятся на свѣтъ позднѣе. Имъ все дастся дешево и хорошо» *).

Заключительныя слова этого письма близко совпадаютъ съ только что приведенными словами Бѣлинскаго. Съ внѣшней стороны положеніе Бѣлинскаго и Грановскаго въ массѣ общества, равнодушной къ какимъ-бы то ни было умственнымъ интересамъ, представляется совершенно одинаковымъ. Сколько приходилось Бѣлинскому жаловаться на равнодушіе «россійской» публики къ литературѣ и на отчужденность людей его кружка отъ общества! «Человѣкъ—великое слово, великое дѣло,—писалъ онъ 8 сент. 1841 г.: — но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе-ли мы?... Нѣтъ, общество смотритъ на насъ, какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ; а мы на общество смотримъ, какъ на... **). Общество право, мы еще правѣе». Всякое общество живетъ извѣстною суммою общихъ убѣжденій и интересовъ; въ европейскомъ обществѣ каждый чувствуетъ, что онъ неисчислимыми нитями связанъ и ра-

*) *А. В. Станкевичъ*, Т. Н. Грановскій, біограф. очеркъ. Москва, 1869 г. Въ этой книгѣ, прекрасно характеризующей личность Грановскаго, собрано едва-ли не все существенное изъ писемъ его.

**) Слѣдуютъ рѣзкія обличительныя направленія.

зумно соединенъ съ интересами всѣхъ членовъ своей общественной группы. Оглядываясь на отношеніе своего кружка къ русскому обществу, Бѣлинскій долго не видѣлъ живой связи между ними и приходилъ къ пессимистическому выводу: «Мы—люди безъ отечества,—нѣтъ, хуже чѣмъ безъ отечества! мы люди, которыхъ отечество призракъ, и диво-ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность—призракъ».

Въ дневникѣ автора «Кто виноватъ» найдемъ не мало такихъ же изліяній. «Взглянулъ-бы на тебя, дитя — юношею, — записываетъ Герценъ, обращаясь мысленно къ русскому народу:—но мнѣ не дождаться, благословляю же тебя хоть изъ могилы. Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни. Сверхъ всего повтореннаго много разъ, отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки, да и они на нашего брата смотрятъ какъ на безумнаго, а православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать,—если не въ открытой войнѣ, въ которой онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и недовѣряетъ, нисколько не довѣряетъ — я это испытываю очень часто». Это писано въ Новгородѣ, а вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ же пишетъ: «Поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? — А между тѣмъ наши страданія почка, изъ которой разовьется ихъ счастье. Поймутъ-ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и проч.?... Отчего руки не поднимаются на большой трудъ! Отчего въ минуты восторга не забываемъ тоски?... О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ, мы заслужили ихъ грусть!.. Насъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ—отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ».

Подобнымъ же образомъ Грановскій вскорѣ по пріѣздѣ писалъ объ отношеніи университета къ обществу: «Окружающее меня здѣсь—нерадостно. Въ университетѣ у насъ есть движеніе, жизнь, но въ этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ положительныхъ интересовъ. Ихъ губитъ матеріализмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ почему университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ остальнаго русскаго быта»

Въ тонѣ письма Грановскаго къ Вердеру чувствуется, однакоже, нѣчто такое, что совершенно чуждо друзьямъ его, Бѣлинскому и Герцену. «Работать и отрекаться» — говоритъ Грановскій, т. е. безропотно нести свой крестъ, какъ говорится. Такое самоотреченіе и покорность были чужды друзьямъ Грановскаго, мягкаго идеалиста, чуждавшагося всякой крайности, по натурѣ своей больше художника и созерцателя, чѣмъ борца. Все, что сдерживало страстную рѣчь Бѣлинскаго или блестящую и неистощимую діалектику Герцена, было для нихъ только шпорою: печатное слово ихъ получало сдержанно-гнѣвливый и тѣмъ болѣе властный характеръ. Грановскій лишь привлекалъ къ себѣ и увлекалъ за собою неотразимымъ обаяніемъ всей своей личности, которой ничто человѣческое не было чуждо. Бѣлинскій и Герценъ не только увлекали, но и покоряли себѣ своихъ читателей, не только пробуждали въ нихъ тѣ или другія стремленія, но и направляли ихъ въ совершенно опредѣленную сторону. Они были по преимуществу публицистами, Грановскій, по природному складу, въ силу впечатлѣній дѣтства (вліяніе матери), вслѣдствіе воздѣйствія со стороны благодушныхъ Станкевича и Фроловой — былъ всегда до нѣкоторой степени «человѣкомъ не отъ міра сего».

Это различіе между друзьями впослѣдствіе было причиной охлажденія между ними, когда оказалось, что въ воззрѣніяхъ ихъ есть существенныя разногласія. Пока что, о послѣднихъ не было и рѣчи. Только что были выяснены лишь самые общіе идеалы жизни и дѣятельности: они оказывались у всѣхъ «западниковъ» совершенно схожими, кое въ чемъ совпадавшими со взглядами и славянофиловъ. Шла рѣчь лишь о заявленіи обществу этихъ идеаловъ. Грановскій явился первымъ выразителемъ ихъ на каѳедрѣ. Всѣми своими личными качествами онъ какъ разъ подходилъ для этого.

К. Д. Кавелинъ прекрасно объясняетъ и то, почему Грановскій встрѣтилъ всеобщее сочувствіе своей дѣятельности со стороны всего образованнаго меньшинства, и то, чѣмъ знаменательно было самое появленіе Грановскаго на каѳедрѣ для публичныхъ лекцій. «Въ то время, какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій въ цвѣтущую пору своей дѣятельности принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными и слабыми сторонами своими Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ дру-

гихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались-бы мы увидѣть въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ; ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли. какой вслѣдъ за тѣмъ начался и во внутренней жизни Россіи, Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой либо изъ враждовавшихъ между собою партій». (Вѣст. Евр. 1886 г. іюль). Въ этихъ словахъ Кавелина нѣсколько странно звучитъ лишь выраженіе, что еще не приспѣло время формулировать мнѣнія и взгляды; во всякомъ случаѣ очень справедливо указано, почему Грановскому пришлось играть первенствующую роль. Стремленія и идеалы, выразителемъ которыхъ онъ явился, были тѣмъ дѣйствительнѣе, тѣмъ сильнѣе будили общество, чѣмъ сдержаннѣе и мягче былъ самъ Граповскій.

Желаніе сблизить университетъ и общество путемъ публичныхъ лекцій явилось у Грановскаго естественно потому, что онъ всегда считалъ науку—какъ и всѣ друзья его—предметомъ первой необходимости для общества, а вовсе не роскошью. Онъ не былъ способенъ развлекать праздную скуку салоновъ легкою болтовнею объ ученыхъ предметахъ; такъ, онъ однажды на отрѣзъ отказался прочесть курсъ исторіи для дамъ, вообще чрезвычайно интересовавшихся молодымъ доцентомъ. Задумавъ прочесть публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ въ стѣнахъ университета, онъ менѣе всего предполагалъ принести въ жертву занимательности строго-научный характеръ чтеній: содержаніе ихъ должно было говорить само за себя. Чуждый намѣренія спускать науку до публики, онъ надѣялся поднять публику до науки, и всегда держался мнѣнія, что «одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исторіи на общественное

мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастью, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своею исключительностью наука не вправѣ разсчитывать на его сочувствіе». (Соч. Гранов. т. I, 26).

Готовясь къ публичнымъ лекціямъ, Грановскій писалъ Н. Х. Кетчеру, который былъ въ то время въ Петербургѣ, что собирается высказать слушателямъ en masse такія вещи, которыхъ не рѣшился-бы сказать по одиночкѣ, что хочетъ полемизировать, ругать и оскорблять своихъ враговъ (т. е. славянофиловъ). Но полемика, къ которой готовился Грановскій, была совсѣмъ особаго рода. И въ обыденной жизни лишь въ минуты крайняго раздраженія срывалось у него оскорбительное слово. Часто слышали отъ него характеристики противниковъ его, которыя восторженный біографъ послѣднихъ не задумался-бы внести въ свою работу. Тѣмъ болѣе немыслимо было сколько-нибудь оскорбительное отношеніе Грановскаго къ противникамъ — на каѳедрѣ. Дѣло шло лишь о признаніи важности западно-европейскаго историческаго развитія и для русской мысли. Грановскій собирался такимъ образомъ полемизировать не столько со славянофилами—собственно, т. е. съ Хомяковымъ, К. Аксаковымъ, Кирѣевскими, сколько съ реакціонными стремленіями защитниковъ «оффиціальной народности», Погодиныхъ, Шевыревыхъ и Давыдовыхъ.

Славянофилы и не сочли себя въ чемъ-либо задѣтыми и оскорбленными въ лекціяхъ Грановскаго. Наравнѣ со всею сколько-нибудь интеллигентною Москвою не пропускали ни одной лекціи Грановскаго, наравнѣ съ другими восторженно встрѣчали и провожали лектора.

«Одно только явленіе истинно оживило нынѣшнюю московскую зиму,—писалъ, напр. Хомяковъ Д. М. Валуеву (см. книгу Пыпина о Бѣлинскомъ):—лекціи Грановскаго объ исторіи среднихъ вѣковъ. Профессоръ и чтеніе достойны лучшаго европейскаго университета и, къ крайнему моему удивленію, публика оказалась достойною профессора. Я не ожидалъ ни такого успѣха, ни такого глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума. Ты видишь, что я не

пристрастенъ къ Москвѣ». Въ другомъ письмѣ онъ же сообщаетъ: «Лучшимъ проявленіемъ жизни московской были лекціи Грановскаго. Такихъ лекцій, конечно, у насъ не было со временъ самого Калиты, основателя первопрестольнаго града, и безспорно мало во всей Европѣ. Впрочемъ, я его хвалю съ тѣмъ большимъ безпристрастіемъ, что онъ принадлежитъ къ мнѣнію, которое во многомъ, если не во всемъ, противоположно моему. Мурмолка (вѣроятно ты знаешь, что это такое) не мѣшала намъ, мурмолконосцамъ, хлопать съ величайшимъ усердіемъ краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго. Даже П. В. Кирѣевскій, прославившійся, какъ онъ самъ говоритъ, неизданіемъ русскихъ пѣсенъ и прозвищемъ великаго печальника земли русской, даже и онъ хлопалъ не меньше другихъ. Ты видишь, что крайности мысли не мѣшаютъ какому-то добродушному русскому единству. Все это безстрастно. Не то, что у васъ въ Питерѣ, гдѣ мысль, если когда проявится, гнѣвлива, какъ практическій интересъ».

Трудно допустить, что увлеченіе публичными лекціями Грановскаго было «безстрастно», какъ это говоритъ Хомяковъ. Оно во всякомъ случаѣ было совершенно единодушно. И въ этомъ единодушіи не совсѣмъ несправедливо видѣли важное событіе въ жизни русскаго общества. «Лекціи Грановскаго имѣютъ историческое значеніе»,—сказалъ извѣстный своими «философскими письмами» Чаадаевъ, выходя съ одной изъ нихъ. Здѣсь впервые публика собиралась по собственной склонности съ цѣлью, которая съ обычными поводами для сборищъ и восторговъ, поощряемыхъ оффиціально, ничего общаго не имѣла. Впервые ученый собиралъ вокругъ себя «не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ восторженныхъ своихъ слушателей—молодежь университета, но и весь образованный классъ города, отъ стариковъ, только что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ, и отъ губернаторскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ». (Анненковъ, Воспом. и Крит. очерки, т. III).

О первомъ публичномъ курсѣ Грановскаго Герценъ, сюрпризомъ для друга, написалъ двѣ восторженныхъ статьи; одна изъ нихъ была напечатана еще во время чтеній въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», при чемъ попечитель графъ С. Г. Строгановъ поставилъ условіемъ, чтобъ въ статьѣ не упоминалось о Гегелѣ; вторая была помѣщена значительно позднѣе въ славянофильскомъ «Москвитянинѣ». Эти статьи и даютъ главнымъ образомъ понятіе, чѣмъ были лекціи Грановскаго по своему содержанію. (См. «Изъ дальнихъ лѣтъ» Пассекъ, т. II, или біографія Погодина, сост. г. Барсуковымъ, т. VII).

Лекціи начались 23 ноября 1843 года. Въ первой Грановскій излагалъ развитіе науки исторіи, во второй—современное состояніе философіи исторіи. Къ третьей лекціи онъ всецѣло владѣлъ уже симпатіями слушателей и слушательницъ, которыя занимали половину залы.

Ничего бьющаго на эффектъ не было ни въ наружности лектора, ни въ его манерѣ говорить, такъ важныхъ для успѣха оратора. «Черты лица его были крупны и неправильны: носъ и губы толстые,—лицо это не имѣло той вульгарной внѣшней красоты, которая поражаетъ съ перваго раза; но его большіе глубокіе темные глаза съ меланхолическимъ оттѣнкомъ, съ надвинутыми густыми и широкими бровями, его открытый лобъ, почти черные волосы, зачесанные назадъ и доходившіе до плечъ, его грустная, добродушная кроткая улыбка,—все это вмѣстѣ поражало той внутренней красотой, въ которую чѣмъ больше вглядываешься, тѣмъ болѣе она кажется привлекательною... Въ его движеніяхъ, взглядахъ, голосѣ, манерѣ говорить (онъ нѣсколько пришепетывалъ, что нисколько не портило его) было что-то неотразимо симпатичное. Всѣ женщины были отъ него въ восторгѣ; всѣ мужчины, даже враждебные его убѣжденіямъ, не могли не питать къ нему личной симпатіи». (Панаевъ, Литер. Воспоминанія, ч. II, гл. V). Каковъ онъ былъ въ частной жизни, такимъ же былъ онъ и на каѳедрѣ, дѣйствуя на слушателей столько же тономъ, который дѣлаетъ музыку, какъ говорятъ французы, и всею своею обаятельною личностью, сколько изяществомъ и художественностью своей рѣчи. «Въ манерѣ его изложенія — говоритъ Панаевъ:—было столько простоты, увлекательности, пластичности и внутренняго сосредоточеннаго жара, который выражался въ его прекрасныхъ и грустныхъ глазахъ; въ его тихомъ голосѣ было столько симпатіи, что, смотря на него и слушая его, я не удивлялся тому всеобщему энтузіазму, который производилъ онъ своими лекціями». «Органъ его бѣденъ,—писалъ Герценъ: — но какъ богато искупается этотъ физическій недостатокъ прекраснымъ языкомъ, огнемъ, связующимъ его рѣчь, полнотою мысли и полнотою любви, которыя очевидны не только въ словахъ, но и въ самой благородной наружности доцента. Въ слабомъ его голосѣ есть нѣчто, проникающее въ душу, вызывающее вниманіе. Въ его рѣчи много поэзіи и ни малѣйшей изысканности, ничего для эффекта; на его задумчивомъ лицѣ видна внутренняя добросовѣстная работа».

«Въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивилизаціи къ нашему историческому развитію,—писалъ Герценъ:—занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается

противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего университета на каѳедрѣ, чтобъ передать живымъ словомъ исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра германо-католическаго, котораго самобытно развивающаяся Россія не имѣла. Г. Грановскій выходитъ передъ московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ среднихъ вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда событій въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества... Онъ вправѣ требовать, чтобы, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества — выслушали по крайней мѣрѣ симпатическій разсказъ о ней». Цѣлью такого разсказа для Грановскаго, какъ и цѣлью не состоявшагося журнала — была Humanität—гуманность. «Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ, ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ—но не оскорблялъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества — далека была отъ его наукообразнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ... Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовью родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ-бы они рубищѣ ни были, въ какомъ-бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть, сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т. е. вѣчной цѣли—великое дѣло для историка»... «Въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающаго назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному—верхъ побѣды... Грановскій (не смотря на упреки, дѣланные ему въ началѣ курса) прекрасно понялъ, каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ, не для того взята была имъ въ руки запыленная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвеститура, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю полноту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи; событія, несгнетаемыя никакой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно оживившими. Мнѣ случалось много разъ слышать нелѣпые вопросы, почему онъ

не высказывается яснѣе, что онъ хочетъ доказать, какая цѣль его? Онъ и любитъ феодализмъ и радъ его паденію — и пр... Многосторонность живаго наводитъ страхъ и уныніе на односторонніхъ людей, они требуютъ du positif!.. Но Грановскій слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность... Грановскій миновалъ другой подводный камень, опаснѣйшій нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія. Знакомый съ писаніями великихъ германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе философіи исторіи во второмъ чтеніи, но не подчинилъ живого развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ... Принимая исторію за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенною мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и разгулъ жизни».

Обратившись къ сочиненіямъ Грановскаго (третье дополненное изданіе вышло въ 1892 г. въ Москвѣ), мы убѣдимся, что характеристика лекцій, дѣлаемая Герценомъ, вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что найдемъ мы тамъ.

Дневникъ Герцена еще живѣе передаетъ ту сенсацію, какую возбуждали чтенія Грановскаго.

«*24 ноября.* Вчера Грановскій началъ свои публичныя лекціи. Превосходно! Какой благородный, прекрасный языкъ, потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи въ самомъ дѣлѣ событія, какъ говоритъ Чаадаевъ; слыханное-ли дѣло, чтобы на лекціи безъ опытовъ физики или химіи сошлось множество людей... И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ... *28 ноября.* Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна. Какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе! Были минуты, когда рѣчь его подымалась до вдохновенія... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена... Когда кончилась лекція, все порядочное въ аудиторіи съ восторгомъ изъявляло свою благодарность профессору. Это одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Грановскаго. И какъ счастлива, съ горящимъ лицомъ и со слезами на глазахъ сидѣла его жена. *1 декабря.* Вчера Грановскаго встрѣтили страшными рукоплесканіями; онъ не ждалъ и смѣшался. Долго не могъ прійти въ себя. Лекціи его дѣлаютъ фуроръ. Мода-ли, скука-ли, что-бы ни вело большинство въ аудиторію, польза очевидна, —

эти люди пріучаются слушать. Публичныя чтенія пойдутъ въ ходъ, sui generis публичность».

Однако враги, съ которыми, какъ видно изъ вышесказаннаго, Грановскій полемизировалъ столь ѣдко, рѣзко и оскорбительно, не дремали. Шевыревы и Давыдовы ругали Грановскаго наповалъ (его собственное выраженіе), намекая весьма прозрачно на направленіе его лекцій, и запугивали попечителя. Многіе опасались, что лекціи будутъ прекращены. Шли дѣятельныя интриги противъ положенія Грановскаго въ университетѣ, такъ что въ самый разгаръ публичныхъ лекцій онъ писалъ Кетчеру, что ему придется идти въ отставку или перемѣнить службу (14 янв. 44 г.). Наконецъ, въ послѣдней книжкѣ «Москвитянина» за 1843 г. появилась ядовитая статья Шевырева (сокращенная однако Погодинымъ) съ указаніями на односторонность лектора, который при отсутствіи безпристрастія, какого слѣдовало-бы ожидать отъ русскаго ученаго, приковалъ себя къ одному чужому знамени и все принесъ въ жертву одной книгѣ (философіи исторіи Гегеля). Грановскій отвѣтилъ на этотъ вызовъ.

Въ дневникѣ Герцена читаемъ: «21 декабря. Вчера Грановскій публично съ каѳедры оправдывался въ гнусныхъ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Шевыревымъ и Погодинымъ, и наконецъ, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ». Оканчивая чтеніе, онъ сказалъ: «Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу: я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно-бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается даромъ,—какое-же право не любить его? Если-бы я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее я принесъ-бы ту же любовь. Далѣе, меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было-бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія. Да, я ихъ имѣю, и только во имя ихъ явился я на этой каѳедрѣ,—разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моею цѣлью. Проникнуть ихъ мыслью...» и тутъ еще нѣсколько словъ, которыхъ я не разобралъ. Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo! окончили его рѣчь; съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодисментъ, проводившій Грановскаго до самыхъ дверей аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ! Такія проявленія, сколько они ни бѣдны, какъ они ни рѣдки—радуютъ».

Остановимся еще немного на томъ, что говоритъ объ этомъ курсѣ Анненковъ. Слова его очень хорошо объясняютъ, почему

сдержанныя, спокойныя, полныя достоинства лекціи Грановскаго выводили нѣкоторыхъ изъ себя. «Самъ знаменитый профессоръ постоянно держался съ тактомъ и достоинствомъ, никогда его не покидавшими, на той узкой полосѣ, которая была отведена ему для преподаванія. Онъ сдѣлалъ изъ нея цвѣтущій оазисъ науки, какой только могъ. Въ мастерскихъ его рукахъ, эта узкая полоса изслѣдованія получила довольно большіе размѣры и на ней открылась возможность дѣлать опытъ приложенія науки къ жизни, морали и идеямъ времени... На этомъ-то замиренномъ нейтральномъ клочкѣ твердой земли подъ собой, имъ-же самимъ созданномъ и обработанномъ, Грановскій чувствовалъ себя хозяиномъ; онъ говорилъ все, что нужно и можно было сказать отъ имени науки, и *рисовалъ* все, чего еще нельзя было сказать въ простой формѣ мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо. Такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ, на которую и я попалъ. Образъ возстановителя цивилизаціи въ Европѣ былъ въ одно время и художественнымъ произведеніемъ мастерской кисти, подкрѣпленной громадною, переработанною начитанностью, и указаніемъ на настоящую роль всякаго могущества и величества на землѣ. Подобныя указанія чувствовались въ каждой его лекціи. Самая сдержанность Грановскаго, полная достоинства, какъ-бы подчеркивала рѣзкую разницу его нравственнаго и общественнаго идеала («личность и сообразное ея требованіямъ общество») и традиціонныхъ заскорузлыхъ представленій черни въ обществѣ, университетѣ и литературѣ, черни, вскормленной крѣпостнымъ правомъ. Противники Грановскаго, Шевыревы и Давыдовы, могли лишь скрипѣть зубами въ безсильной злобѣ: въ тѣхъ положительныхъ идеалахъ дѣятельности человѣка, которые ощущались въ безобидныхъ по формѣ, но богатыхъ содержаніемъ рѣчахъ Грановскаго, какъ ни общи и пожалуй неопредѣленны еще они были, въ этихъ идеалахъ былъ смертный приговоръ «оффиціальной народности».

Публика выказывала готовность принять эти идеалы. Между ученымъ и его слушателями установились тѣсная связь, горячая симпатія, взаимное пониманіе. Какъ тогдашніе читатели достигали виртуозности въ чтеніи между строкъ, такъ что извѣстному публицисту въ 60-е годы приходилось открещиваться отъ «проницательнаго» читателя, такъ слушатели Грановскаго читали между фразъ тихой теплой рѣчи его. Сердце ученаго подавало вѣсть сердцу слушателей. Музыка краснорѣчія, которою онъ владѣлъ въ совершенствѣ, оставляла глубокіе слѣды въ многихъ и многихъ душахъ. Впечатлѣнія дѣйствительности и литература, принявшая опредѣленныя направленія въ противоположность преж-

нимъ столь недавшимъ безцвѣтности и безъидейности, продолжали развивать въ умахъ многихъ и многихъ слушателей то, что было заложено незлобивымъ гуманнымъ словомъ Грановскаго. И самъ онъ «видимо развивался читая,—говорилъ Герценъ во второй своей статьѣ:—онъ росъ, крѣпнулъ на каѳедрѣ. Слушатели не отстали отъ него: аудиторія и доцентъ разстались друзьями, глубоко-тронутые, глубоко уважающіе другъ друга, они разстались со слезами на глазахъ».

Разсказы современниковъ согласно описываютъ трогательное восторженное прощаніе аудиторіи съ лекторомъ по окончаніи послѣдней лекціи (21 апрѣля). Страстный взрывъ благодарнаго восторга совершенно нарушилъ казенную гармонію казенныхъ стѣнъ университета, когда Грановскій закончилъ свой курсъ слѣдующими словами: «Благодарю тѣхъ, которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!» Вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трескъ, шумъ, слезы; дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, наперерывъ жали руки Грановскаго, требовали его портрета, всѣми овладѣла какая-то лихорадка. Грановскій хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, ему заслоняли дорогу. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ и... не могъ. Все неистовство одобренія удвоилось; студенты построились на лѣстницѣ, предоставивъ аудиторію остальной публикѣ. Измученный Грановскій съ трудомъ пробрался, наконецъ, въ другія залы университета, гдѣ въ той-же лихорадкѣ ждали его друзья...

* * *

Съ этого времени имя Грановскаго на всегда сливается съ представленіемъ о московскомъ университетѣ сороковыхъ годовъ; между университетомъ и обществомъ устанавливается прочная и живая связь. Это само по себѣ составляетъ огромную историческую заслугу. Вмѣстѣ съ тѣмъ первый публичный курсъ Грановскаго былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій стремленія, зародившагося въ это время среди немногочисленнаго кружка, къ дѣятельности, къ распространенію идей, которыми жилъ кружокъ и которыя подготовили почву для реформъ 60-хъ годовъ.

В. Ревелинскій.

ВЪ МОРОЗЫ.

На сердцѣ у меня крещенскіе морозы.
Желанья и мечты покрыты цѣпкимъ льдомъ;
И только нѣжный сокъ изъ виноградной лозы
Еще живитъ меня подчасъ своимъ огнемъ
И, вызвавъ прошлое изъ ледяной могилы,
Все хочетъ обмануть таинственной игрой.
Безсильному — опять почувствовать дастъ силы,
Какъ было нѣкогда цвѣтущею весной.
Тревоги юности, и ненависть, и страсти,
Желаніе добра, все воскресаетъ вновь.
Я вижу снова ту, которая на части
Разбила сердце мнѣ, — забытую любовь.
Какъ рыцарь скованный, за каменной стѣною...
Въ минуту свѣтлыхъ сновъ... свободенъ онъ опять
И въ тѣсные ряды, быть можетъ, рвется къ бою,
Удары звонкіе стремясь отражать.
Такъ сохранилися и въ капляхъ нѣжныхъ сока
Отъ лѣта знойнаго тревоги и мечты,
Когда мы падали подъ грозной бурей рока,
Какъ падаютъ безсильные цвѣты.
И капля каждая несетъ воспоминанья
О позабытыхъ дняхъ, когда любили мы,
Когда и безъ вина кипѣли въ насъ желанья
И въ сердцѣ не было ни стужи, ни зимы.

С. Р—въ.

ВЕЛИКІЙ УРОКЪ.

(философско-историческая замѣтка).

Разрушеніе и пагуба на путяхъ
ихъ; они не знаютъ пути мира.
(Послан. къ Римлянамъ. III, 16—17)

Недавнія событія во Франціи даютъ, мнѣ кажется, отвѣтъ на одинъ старый и все еще спорный вопросъ о томъ, что въ природѣ человѣческой обусловливаетъ и держитъ юридическій строй общества? Я говорю здѣсь объ анархистскомъ движеніи во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ—всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, несущихъ знамя отрицанія и разрушенія — не выражаютъ-ли черты ихъ страннаго и въ исторіи невиданнаго еще сочетанія ненависти къ жизни и тяготѣнія къ смерти, сознательнаго отвращенія отъ первой и сознательной любви послѣдней? И то, что выражаютъ ихъ черты—не есть-ли это именно сила, которая отвергаетъ общественное бытіе человѣчества и которая слѣдовательно діаметрально противоположна той, о которую оно держится, на которую опирается? Отвѣтъ данъ! Только сознательная любовь къ жизни, сопряженная съ сознательнымъ отвращеніемъ отъ смерти, укрѣпившись въ обществѣ, обезпечитъ ему твердость и силу дѣйствія юридическихъ нормъ, которыми оно живетъ! Падаетъ сознательная любовь къ жизни, падаетъ сознательная ненависть къ смерти, — и падаютъ съ нимъ юридическія основы общества: бѣднякъ, въ которомъ нѣтъ желанія жить и нѣтъ боязни умереть—онъ не только игнорируетъ *преступленіе*, онъ игнорируетъ и *наказаніе*. Онъ не боится наказанія, потому что не боится смерти.

Это фактъ, который мы наблюдаемъ нынѣ въ одной изъ наиболѣе цивилизованныхъ и сильныхъ странъ Европы. *Великій урокъ*! Великій урокъ, который, очевидно, еще разъ призываетъ насъ къ любви, къ справедливости, къ добродѣтели и братству. Только отсутствіе любви между людьми порождаетъ въ нихъ

это отвращеніе къ жизни, это taedium vitae и это сознательное хотѣніе смерти. *Всякій бездушный, всякій холодный, черствый сердцемъ и эгоистичный несетъ поэтому вину разрушенія общества, въ которомъ живетъ.*

Это онъ — сѣятель индифферентизма къ жизни въ своихъ окружающихъ и ближнихъ; это онъ—по отношеніямъ къ грядущимъ поколѣніямъ — сѣятель смерти и ненависти ко всему, что есть развитіе, гармонія, миръ и благо!

Любовь къ ближнему должна быть возведена въ политическій и экономическій принципъ!

Любить должно не только въ силу этическихъ, но и въ силу общественно-политическихъ основаній! Такъ какъ всякое добро, которое я дѣлаю своему ближнему, даетъ ему *жизнерадостность* (и въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова), а жизнерадостность дѣлаетъ его другомъ общества, его работникомъ и защитникомъ. А всякій эгоистическій поступокъ мой, всякое зло, которое я дѣлаю, — сѣетъ въ ближнихъ моихъ отвращеніе отъ жизни и дѣлаетъ ихъ врагами общества и разрушителями его. То преступное и кощунственное, что пришлось намъ видѣть,— оно есть результатъ долгой, можетъ быть, вѣковой работы омертвѣвшихъ чувствомъ поколѣній, которыхъ, если и нельзя назвать виновниками самихъ совершившихся событій, то и можно и должно назвать *виновниками этихъ виновниковъ*, что еще позорнѣе для нихъ! И наконецъ, любовь къ ближнему должна быть возведена въ экономическій принципъ! То зло, которое я вношу въ жизнь, не будетъ-ли оно отомщено на моихъ дѣтяхъ дѣтьми тѣхъ, въ сердца которыхъ я посѣялъ taedium vitae и что наслѣдственно передали его (отвращеніе отъ жизни) своимъ потомкамъ?

А эти, *слѣпые до жизни и смерти* отвергнутъ формы общественной жизни и въ погибель свою увлекутъ и тѣхъ, которыхъ я любилъ и лелѣялъ, и такъ мало, такъ мало *умѣлъ* любить.

Въ исторіи никто не убѣгаетъ отъ возмездія: и съ тѣхъ, что *отъ моей кости и плоти*, возьмется то, что должно бы быть взято съ моей кости и плоти!

Духъ уныній, духъ отвращенія и ненависти къ жизни есть сѣмя, посѣянное злымъ человѣкомъ, и оно же сѣмя отрицанія и разрушенія всего, что творитъ человѣкъ и чѣмъ живъ онъ. Духъ жизненной бодрости и жизнерадостности, напротивъ, есть сѣмя, посѣянное добрымъ человѣкомъ, и оно же есть сѣмя утвержденія и признанія всего, что творитъ человѣкъ и чѣмъ живъ онъ...

Ѳедоръ Шперкъ.

Оксфордскія впечатлѣнія.

Поля Бурже.

ДРУГУ.

I.

Вспоминаешь-ли ты, дорогой товарищъ юныхъ дней моихъ, наши прогулки по Люксембургскому саду? Счастливое то было время, когда подъ предлогомъ приготовленія къ экзаменамъ, мы бесѣдовали о литуратурѣ, между мраморными группами, изображеніями давно умершихъ принцессъ. Статуи эти были очень посредственными произведеніями скульптуры, но имена королевъ, начертанныя на цоколѣ, вызывали въ насъ неопредѣленныя мечтанія. Въ послѣобѣденномъ осеннемъ и весеннемъ воздухѣ, въ тѣ годы, носились передъ нами мечты возвышенной и чистой жизни. Впечатлѣнія искусства доставляли намъ въ то время величайшее счастье; неопредѣленность метафизическихъ и религіозныхъ истинъ была источникомъ нашей печали. Много-ли существовало студентовъ, подобныхъ намъ, съ тѣмъ же рвеніемъ къ идеалу, много-ли ихъ теперь въ этомъ старинномъ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ преподавалъ Мишле, гдѣ работалъ Бальзакъ? Конечно ихъ много, и имъ, этимъ неизвѣстнымъ братьямъ по духу, я посвятилъ бы эти замѣтки туриста о почтенномъ англійскомъ университетѣ и его студентахъ, если-бы они не принадлежали тебѣ по праву, другъ мой, потому что въ тебѣ олицетвореніе моей молодости со всѣмъ тѣмъ, что въ ней было наиболѣе искренняго и плѣнительнаго, моихъ годовъ студенчества, со всѣми ихъ наиболѣе благородными и серьезными сторонами... Но къ чему повторять то, что тебѣ и такъ хорошо извѣстно? Парижъ далекъ, и Булонь, и Фолькстонъ, и Лондонъ. Я сижу за рабочимъ столомъ, въ маленькомъ салонѣ. Въ выступающемъ окнѣ я вижу нѣжно-голубое вечернее небо. Я слышу крикъ птицы, отдаленный сухой звукъ молотка, который ударяетъ въ дверь одного изъ коттеджей улицы, и я начинаю писать тебѣ эти замѣтки.

II.

Парижъ далекъ... Тебѣ, конечно, хорошо знакомо чувство, которое испытываешь, распростившись въ одно прекрасное утро съ его обычной жизнью, съ его заботами и развлеченіями, съ его привязанностями и антипатіями. Какое удовольствіе сѣсть на отходящій поѣздъ или опереться на перила парохода, разсѣкающаго зеленую воду, имѣя возлѣ себя спутникомъ только свою мысль. Какое удовольствіе покинуть любимую женщину, и ея улыбки и кокетства, которыя причиняютъ страданія. Наконецъ, какое удовольствіе чувствовать нѣжность къ ней, на разстояніи, потому что эта нѣжность не граничитъ, по крайней мѣрѣ, съ какимъ-нибудь жестокимъ разочарованіемъ. Ахъ, это опьяненіе свободы, на половину суровое, на половину полное тоски по родинѣ, я переживалъ во всей его полнотѣ въ эти первые дни своего пріѣзда въ Оксфордъ! Это была одна изъ чудныхъ недѣль англійскаго мѣсяца мая, съ его чуть подернутымъ дымкой, ласкающимъ свѣтомъ, какимъ онъ долженъ быть на постройкахъ готической архитектуры, чтобы оттѣнить всю ея грацію. Прозрачный туманъ обхватываетъ и разрѣзы колоколенъ, и кресты стрѣльчатыхъ оконъ, и зубчатыя кружева амбразуры. Этотъ дрожащій, вѣчно юный свѣтъ, пробуждаетъ старинные камни, которыхъ длинная и холодная сѣверная зима какъ бы одѣла влажнымъ чернымъ плащемъ. И это пробужденіе весны составляетъ такой поэтическій контрастъ съ средневѣковымъ характеромъ города, сохранившимъ свою неприкосновенность, каковъ Оксфордъ. Венеція и Оксфордъ единственные два города, видъ которыхъ перенесъ мое воображеніе туриста на далекое разстояніе отъ современной эпохи. Они представляютъ, съ своими предмѣстьями, цѣлый рядъ древнихъ зданій, куполовъ и башенъ, каланчей и колоколенъ, обозначающихся профилями на всѣхъ углахъ горизонта. Нѣкоторыя улицы съ начала до конца вьются между высокими стѣнами монастыря и въ отверстіи порталовъ, украшенныхъ колоннами, нерѣдко виденъ большой садъ: зеленая лужайка, гигантскія деревья и цвѣты на краяхъ оконныхъ крестовъ. Даже современные дома, тѣснящіеся около древнихъ коллежей и церквей, эти англійскіе дома, такъ похожіе другъ на друга отъ одного конца обширнаго острова до другаго, со своими оконными стеклами и выступающими окнами, здѣсь принимаютъ живописный и устарѣлый видъ, гармонирующій со всей остальной физіономіей города. Мѣстами посреди улицы и въ тѣни часовни располагается кладбище, но такое уютное, такое мирное и чистенькое. Надъ широкими плитами сирень дрожитъ своими вѣтвями, усыпанными фіолетовыми

кистями, ракитникъ сыплетъ дождь золотистыхъ своихъ цвѣтовъ. Бѣлыя звѣздочки мелькаютъ въ густомъ газонѣ. Если бы мертвецы, которые покоятся за молчаливой оградой, пробудились отъ своего вѣчнаго сна и присоединились къ толпѣ, проходящей около рѣшетки, то они, конечно, не нашли бы никакихъ перемѣнъ во внѣшнемъ видѣ 29 коллежей. Чудесная башня Магдалины все такъ же возвышается на берегу рѣки и съ ея вершины привѣтствуютъ, по обычаю, кантатой утреннюю зарю перваго дня мая. Но съ изъ позолоченной бронзы такъ же украшаетъ дверь de Brasenose. Большой колоколъ, фамильярно прозванный Томомъ, продолжаетъ звонить на колокольнѣ Христовой церкви. Древній Экзетеръ стоитъ по прежнему визави Линкольна, и сады С.-Джона шлютъ привѣтъ восходящему солнцу тысячами листочковъ своихъ столѣтнихъ деревьевъ. Воскресшимъ мертвецамъ нечего было бы и спрашивать дорогу на своемъ пути къ мѣсту, гдѣ протекла изъ жизнь. А мы, другъ мой, сколько видимъ перемѣнъ въ тѣхъ улицахъ, которыя были нѣмыми свидѣтелями мрачныхъ и веселыхъ дней нашей юности? Сколько тамъ новыхъ домовъ и новыхъ лицъ! Они намъ какъ бы доказываютъ, что мы уже не новички на этомъ свѣтѣ, хотя мы такъ мало прожили.

По этимъ улицамъ Оксфорда, окруженнымъ готическими постройками, проходятъ учащіеся, которыхъ можно узнать и по возрасту и по костюму. Одни изъ нихъ спѣшатъ на экзаменъ или на какую-нибудь занимаемую ими оффиціальную должность. На этихъ маленькіе аббатскіе плащи, развѣвающіеся по плечамъ, и на головахъ токъ страннаго покроя. Представь себѣ настоящую каску изъ черной матеріи, которая обхватываетъ черепъ, и оканчивается квадратнымъ кускомъ того-же цвѣта. Другіе студенты пользуются досугомъ и идутъ либо въ клубъ, либо въ гости. Они имѣютъ тотъ корректный и традиціонный видъ, который составляетъ мечту каждаго молодого парижанина съ 1883 г., желающаго прослыть джентельменомъ. Въ дополненіе къ сѣрому костюму, на нихъ открытая куртка, обтягивающая тѣло, прямой воротникъ, галстухъ съ булавкой, шляпа, глубоко надѣтая на лобъ, такъ что ни одна прядь волосъ не вылѣзаетъ, ноги въ удобныхъ зашнурованныхъ башмакахъ съ плоскими каблуками. Въ одной рукѣ пара красноватаго цвѣта перчатокъ, въ другой тросточка, которую они носятъ за середину и на нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣла. Эта безупречная строгость въ костюмѣ еще больше оттѣняется небрежностью костюма тѣхъ, которые возвращаются съ партіи въ мячъ или съ лодочной гонки. Эти послѣдніе надѣваютъ камзолъ изъ бѣлой или голубой фланели, съ вышитыми на груди гербами ихъ коллежа. Панталоны также фланелевыя, на головѣ легкая фуражка, въ рукѣ отбойникъ,

они курятъ короткую трубку изъ корня вереса, и эта единственная подробность, напоминающая, что мы въ латинскомъ англійскомъ кварталѣ... Вспоминаешь-ли ты необычайныя и причудливыя отступленія въ костюмахъ, которыя позволяли себѣ наши товарищи изъ окрестностей Пантеона? Но этотъ Парижъ, гдѣ намъ было двадцать лѣтъ, съ его вѣчно голубой рѣкой, съ теплымъ небомъ, съ весельемъ его улицъ, съ безпечностью его фланеровъ, не является-ли онъ уже югомъ, въ сравненіи съ туманной Англіей, югомъ живымъ и солнечнымъ, югомъ легкомыслія и фамиліарности, такъ счастливо соединенной съ галантнымъ добродушіемъ, югомъ, всегда немножко вольнымъ въ своихъ внѣшнихъ движеніяхъ? И знаешь-ли когда-нибудь сѣверъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда фактъ существованія самъ по себѣ составляетъ наслажденіе?

III.

Ты навѣрное нахмурилъ бровь при словѣ коллежъ? Оно такъ дурно звучитъ по-французски и вызываетъ цѣлый рядъ самыхъ отвратительныхъ воспоминаній. Ты былъ приходящимъ и только съ внѣшней стороны знакомъ съ этими ненавистными темницами. Для меня же протянулись въ скукѣ цѣлыхъ десять лѣтъ моего дѣтства и моей юности—и изъ нихъ я не хотѣлъ бы пережить снова ни одной минуты. Я какъ сейчасъ вижу тотъ узкій дворъ, на которомъ у насъ не было мѣста для игръ, вижу учебную залу, въ которой мы работали локоть къ локтю, въ полной тишинѣ и неподвижности; вижу мрачный дортуаръ, въ которомъ мы пробуждались при звукѣ барабана; я снова переживаю всѣ мученія этой казарменной жизни. Но Оксфордскій коллежъ не похожъ на наши, равно какъ не похожъ блѣдный и неуклюжій лицеистъ въ своей старой туникѣ на ловкаго, мускулистаго молодого атлета, котораго я вижу проходящаго по противоположной сторонѣ тротуара въ своемъ матросскомъ кителѣ. Коллежъ англійскій нѣчто довольно необъяснимое, нѣчто среднее между богатымъ монастыремъ и аристократическимъ клубомъ, равно какъ англійскій студентъ напоминаетъ заразъ и спортсмена, и гуманиста, и джентельмена. Помнишь-ли ты особенную поэму Тениссона «Принцесса». Это романтическая исторія дочери королевской, которая основываетъ на границѣ владѣній своего отца дѣвичій университетъ для себя и для своихъ избранныхъ подругъ. Въ этой поэмѣ передъ глазами англійской читательницы развертывается весь декорумъ восхитительныхъ архитектуръ и цвѣтущихъ розами лужаекъ, мѣстечки самой очаровательной идиліи. Тениссону достаточно было воспроизвести въ поэмѣ одно изъ зданій Оксфорда, гдѣ встрѣтишь болѣе двадцати подобныхъ. Мер-

тонъ ли коллежъ или Тринити, Ворчестеръ или Водгамъ,—всѣ они представляютъ сѣтчатое сплетеніе древнихъ каменныхъ лѣстницъ, которыя вращаются въ башенкахъ или упираются въ углы. На эти лѣстницы выходятъ комнаты студентовъ. Каждый Оксфордецъ пользуется двумя обширными кельями, изъ которыхъ нѣкоторыя украшены сводчатымъ плафономъ, окна же всѣхъ окружены свинцовыми пластинками. Кому здѣсь не придетъ на память образъ доктора Фауста, погруженнаго въ бездны метафизическихъ сомнѣній? Но меблировка этихъ старинныхъ комнатъ современная и иногда даже роскошная. Средину учебной комнаты занимаетъ обыкновенно квадратный столъ, служащій и для завтрака (lunch) и для занятій. Нѣсколько креселъ, диванъ, разнообразные стулья, библіотечный шкафъ и нѣсколько гравюръ придаютъ этой холостой комнаткѣ очень уютный и комфортабельный видъ. Спальня значительно меньше. Походная кровать и обязательная кадка главные предметы обзаведенія. Студентъ вполнѣ у себя хозяинъ. Дощечка, прибитая къ двери съ выгравированнымъ именемъ, свидѣтельствуетъ, кому принадлежитъ этотъ уголокъ громаднаго улья. Англійскій коллежъ напоминаетъ и домъ, и монастырь; но домъ, подчиненный нѣкоторымъ строгимъ правиламъ, какъ наприм. всегда ночевать у себя, и монастырь, гдѣ царитъ почти абсолютная свобода уходить и возвращаться, выбирать часы досуга и часы труда.

Студентъ встаетъ незадолго до восьми часовъ. Если онъ очень набоженъ, то отправляется на богослуженіе въ часовню, потомъ, къ 9 часамъ, онъ уже сидитъ за многочисленными блюдами завтрака въ общей залѣ, — въ hall'ѣ, напоминающей обширную монастырскую трапезную, стѣны которой украшены портретами основателей коллежа, знаменитыхъ учениковъ или щедрыхъ благотворителей. Серебряная кружка, изъ которой студентъ пьетъ пиво и сидръ, часто является подаркомъ коллежу отъ бывшаго ученика. Старинный подарокъ, гербы и цифры давнихъ лѣтъ, напоминаютъ сегодняшнему владѣтелю, что онъ только хранитель благосостоянія и богатства, которыя ему предшествовали и которыя его переживутъ. Всякая мельчайшая подробность содѣйствуетъ такимъ образомъ къ усиленію впечатлѣнія старины, вѣющей уже отъ камней стѣнъ. А имена этихъ бывшихъ учениковъ составляютъ гордость націи! Пять или шесть столѣтій англійской славы витаютъ во всѣхъ коридорахъ этихъ свѣтскихъ монатырей. Въ университетскомъ коллежѣ показываютъ комнату, гдѣ жилъ поэтъ Шелли; въ Ворчестрѣ тѣ, въ которыхъ имѣлъ свое мѣстопребываніе Томасъ Квинсей, потребитель опіума и великій экспериментаторъ. Швейцаръ, сопровождающій посѣтителей, разсказываетъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ срубили тополь, листва котораго закрывала весь видъ изъ

этого окна. Въ Мертонъ коллежѣ, который основанъ въ 1264 г., обучался и искусснный докторъ Скотъ, противникъ св. Ѳомы, и Жанъ Д'Оккамъ, и реформаторъ Жанъ де-Виклефъ. Одинъ изъ дворовъ этого коллежа, совсѣмъ мрачный между окружающими его постройками, вызываетъ призраки угасшихъ временъ, когда споръ номиналистовъ и реалистовъ волновалъ школы Европы. Въ Оріель воспитывался сэръ Вальтеръ Ралей, герой всевозможныхъ необычайныхъ экспедицій, который находилъ досугъ во время своего заточенія написать всемірную исторію infolia. Въ королевскомъ коллежѣ учился таинственный и ужасный черный принцъ; въ Новомъ коллежѣ—Вилльямъ Питтъ. Въ Христовой церкви—герцогъ Веллингтонъ. Въ саду Магдалины показываютъ аллею, гдѣ прогуливался и слагалъ свои остроумные латинскіе стихи Аддиссонъ. Съ Пемброкомъ связано имя извѣстнаго доктора Самуила Джонсона, этого ожесточеннаго тори, который говорилъ о Руссо: «я желалъ бы видѣть его сосланнымъ на работы въ плантаціяхъ». Въ другомъ мѣстѣ учились и философъ Гоббсъ, теоретикъ деспотизма, и деканъ Свифтъ, врагъ человѣческой надежды... Вся старая Англія имѣетъ здѣсь своихъ представителей, она вся какъ будто живая отражается на современной Англіи. Послѣ Рима, никакой народъ, кромѣ англичанъ, не практиковалъ тяжелаго искусства вѣчнаго существованія...

Но вотъ студентъ отзавтракалъ. Онъ работаетъ до часу пополудни. Тутъ слѣдуетъ небольшой lunch, состоящій изъ маленькаго куска холодной говядины и варенья изъ плодовъ; затѣмъ сейчасъ же онъ отправляется или на рѣку, или на партію лоунъ-тенниса или крокета. Къ 5 часамъ упражненія спорта кончаются и студентъ идетъ въ клубъ, гдѣ читаетъ журналы. Онъ блуждаетъ по главнымъ улицамъ городка или присутствуютъ на вечерней службѣ въ одной изъ часовенъ. Если онъ пойдетъ въ Ново-Коллежскую и Магдалиненскую, при которыхъ существуетъ школа хороваго пѣнія, то насладится свѣжими чудными голосами, поющими подъ древними сводами что-нибудь изъ Шумана или Мендельсона. Въ 7 часовъ онъ снова облекается въ развѣвающійся плащъ и отправляется въ hall на обѣдъ. Обѣдъ происходитъ подъ предсѣдательствомъ старшихъ коллежа, fellows или dous на оксфордскомъ нарѣчіи, которые обѣдаютъ на эстрадѣ, въ концѣ обширной залы. Послѣ обѣда студентъ со своими друзьями собирается въ чью-либо комнату, чтобы пить портеръ, шерри, курить папиросы и сигары, играть на піанино или въ карты. Слѣдовательно, коллежъ англійскій, какъ ты видишь, не мѣсто одиночнаго заключенія.

Самой трудной задачей является умѣнье предохранить цвѣтъ молодыхъ людей богатаго класса отъ посѣщеній дѣвушекъ. При

всей видимой свободѣ студенты Оксфорда очень стѣснены въ главномъ удовольствіи молодого возраста. Они считаютъ себя независимыми, и дѣйствительно они свободны грести или кататься на лошади, когда вздумается, боксировать или опоражнивать бутылки шампанскаго; но во всемъ остальномъ они стѣснены. А въ этомъ остальномъ наши студенты вполнѣ свободны. Но злой геній природы, который, какъ говорятъ пессимисты, колышетъ хвостомъ юбокъ во всѣхъ 22-лѣтнихъ мозгахъ, старается и здѣсь не терять своихъ правъ. Мнѣ разсказываютъ, что иногда Оксфордскій поѣздъ привозитъ въ маленькій сосѣдній городокъ Д'Абиндонъ молодого человѣка и молодую женщину, которые останавливаются въ отелѣ, чтобы напиться чаю въ отдѣльномъ кабинетѣ. И этотъ молодой человѣкъ одинъ изъ добродѣтельныхъ студентовъ ученаго коллежа, а молодая женщина гризетка добродѣтельнаго университетскаго города. Но послѣобѣденное время такъ коротко, переѣздъ такъ стѣснителенъ, и спутница сомнительнаго изящества; надо вернуться домой до полуночи. Но демонъ любви не дремлетъ. Онъ, переодѣтый въ самыя грубыя и самыя нѣжныя одежды, любитъ пить нашу силу и нашу мысль. Прелестное личико, круглая талія, живой складъ ума и шелковые ажурные чулки парижанки или свѣжія краски, мужественныя формы и невыразительные глаза англійской дѣвушки,—это-ли не соблазнъ переодѣтаго врага человѣческаго рода? Но первый изъ этихъ соблазновъ болѣе опасенъ, чѣмъ второй... Увы!

IV.

А какія уютныя мѣстечки представляютъ зеленые и обширные сады коллежей. Въ нихъ бы только проводить время въ обществѣ женщины съ прекрасной улыбкой, сидя у ея ногъ. А они служатъ лишь для партій лоунъ-тенниса или для уединенныхъ чтеній греческихъ и латинскихъ томовъ! Эта женщина съ чудными глазами улыбалась бы вамъ и видъ этого граціознаго созданія на фонѣ древней готической архитектуры возбуждалъ бы чувство меланхолическое и прекрасное. Она являлась бы символомъ вѣчно юной и возобновляющейся жизни между этими символами давно угасшихъ временъ. Эта улыбка кокетливаго ребенка была бы высшей пропѣей по адресу докторовъ прежнихъ временъ, которые посѣдѣли за фоліантами въ уединеніи этихъ монастырей труда. Эти ученые, съ ихъ кропотливыми старинными изслѣдованіями узнали о суетѣ міра и тайнахъ природы, не болѣе того, что узнаетъ въ нѣсколько минутъ тотъ, кто любитъ эту женщину съ хорошенькимъ личикомъ... Она слушаетъ въ сумеркахъ вечера шопотъ фразъ, настолько же пустыхъ, насколько ея глаза глубоки, настолько же

фривольныхъ, насколько ея улыбка нѣжна... Сколько разъ я вызывалъ любимый образъ, въ часъ умирающаго дня, въ садахъ Нью-Коллежа, которые я посѣтилъ прежде всѣхъ другихъ. И видъ этихъ садовъ самый старинный. Когда членамъ коллежа поручено было содержать въ порядкѣ часть городскаго мѣста, на которое выходятъ ихъ постройки, то линія амбразуры уцѣлѣла и ея зубчатая рѣзьба закрываетъ весь горизонтъ. Плющъ вьется вокругъ старыхъ камней, на которые сыпались пули и ядра во время междоусобныхъ войнъ. Гигантскіе дубы, вязы, сосны, ростутъ вдоль скудныхъ аллей и посреди густаго газона. Все вмѣстѣ производитъ такое нѣжное и почтенное впечатлѣніе. Какъ будто бы между этими деревьями бродитъ невидимая душа различныхъ мертвыхъ вещей, которыя не совсѣмъ исчезли. Всякій сантиментальный разговоръ среди этого стариннаго пейзажа составляетъ такой восхитительный парадоксъ. Звуки колоколовъ носятся въ воздухѣ. Какое наслажденіе очутиться вдвоемъ въ этомъ цвѣтущемъ уединеніи и слышать изъ устъ близкой подруги слова любви и ласки, хвалить новое посредственное произведеніе литературы или разсказывать объ успѣхахъ какого-нибудь молодаго щеголя, въ которомъ женщины съ восторгомъ узнаютъ свое собственное изображеніе. Какое наслажденіе! Если только спутница этой прогулки въ садахъ стараго коллежа не принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ, которыя любятъ молчать и позволяютъ любоваться собой.

О! Женщина, которая молчала бы и вмѣстѣ съ тѣмъ воплощала бы въ своей личности вѣчную, божественную красоту, женщина, которая молчала бы и вмѣстѣ съ тѣмъ любила бы, и глаза которой были бы полны нѣжности и невѣдѣнія, какъ и глаза газели съ человѣческимъ выраженіемъ, — это была бы изумительная женщина для любви, въ садахъ-ли Нью-Коллежа или въ садахъ Магдалины. Легкая, какъ видѣніе, она скользила бы подъ арками монастыря, подъ колоннами, окруженными газономъ съ золотыми цвѣточками. Птицы, сидящія въ травѣ, пѣли бы во время ея прохода. Скульптурныя чудовища на рыльцахъ водосточныхъ трубъ слѣдили бы за ней своими каменными глазами. Ручныя лани парка задѣвали бы ея руку своей густой шерстью. Столѣтнія деревья вдоль бульвара Д'Аддиссона обвѣвали бы ея чело листьями своихъ вѣтвей. Синіе барвинки мелькали бы въ кустахъ. Тишина нарушалась бы шажками маленькой полевой мышки, бѣгущей черезъ аллею. Ручеекъ парка журчалъ бы такъ нѣжно. Низкое солнце освѣщало бы блѣднымъ свѣтомъ стволы старыхъ вязовъ и очертанія молодаго тѣла молчаливой спутницы. Бываютъ часы и уголки на землѣ, гдѣ такъ легко вѣрится въ возможность счастья и гдѣ эти призраки счастья такъ обольстительно-опасны. Какъ только весенній

вѣтерокъ заколышетъ листву деревьевъ, такъ всѣ опыты и рѣшенія человѣка, вся его философія падаетъ на землю, разбитая на тысячу кусковъ, какъ чашка, уроненная ребенкомъ. Однажды, когда я по обыкновенію замечтался въ саду Ворчестера, гдѣ вокругъ фонтана стояли въ полномъ цвѣту сирень и ивы, каштаны и всѣ майскія деревья, то я выразилъ свою мысль въ поэтической формѣ. Садъ находится по сосѣдству съ вокзаломъ желѣзной дороги, свистокъ отходящаго поѣзда доходилъ до меня урывками, свидѣтельствуя, что за стѣнами этого тихаго убѣжища идетъ неутомимая жизнь своимъ неизмѣннымъ ходомъ, и—да проститъ мнѣ тѣнь fellows прошлаго столѣтія—я ходилъ по аллеѣ, выражая свое настроніе въ риѳмахъ. Я жаждалъ покоя души, полный желанія вѣчнаго поцѣлуя...

Но нѣтъ на землѣ вѣчнаго поцѣлуя, другъ мой, равно какъ нѣтъ вѣчной весны. Эти цвѣты майскихъ деревьевъ облетятъ также, какъ пропадетъ моя мечта, а тамъ настанетъ очередь дерева и послѣ многихъ лѣтъ, очередь построекъ, между стѣнами которыхъ зеленѣетъ этотъ обширный садъ и, наконецъ, очередь народа, духъ котораго сказался въ этихъ зданіяхъ, языкъ котораго раздается между этими древними сводами. И послѣ безконечно долгихъ лѣтъ, земля, которая поддерживаетъ эти стѣны, это дерево, эти цвѣты, которая поддерживаетъ насъ самихъ, подвергается той-же самой участи, предназначенной каждому предмету, какъ и каждому созданію. Лишенная атмосферы и охлажденная, какъ луна, земля будетъ вращаться въ пространствѣ, подобно неподвижному и пустому шару. Основываясь на этихъ предположеніяхъ, угрюмый Шопенгауеръ, а до него Будда освободитель, — оба, не вѣрящіе въ личнаго Бога,—были правы, предлагая душѣ погрузиться въ нирвану. Къ чему? зачѣмъ? слышится во вздохѣ каждаго вечера, а на утро снова звучитъ слово возрожденія и надежды, и такъ будетъ до послѣдняго издыханія послѣдняго человѣка.

V.

Природа удивительно ловко очаровываетъ даже самыхъ ярыхъ пессимистовъ, причудливой игрой своего свѣта и тѣней и обманчивой поэзіей своихъ картинъ. На слѣдующій-же день вечеромъ, послѣ того, какъ я предавался въ саду Ворчестеръ меланхолическимъ изліяніямъ, ты улыбнулся бы, увидѣвъ меня сидящимъ на кормѣ легкой лодки вмѣстѣ съ товарищемъ студентомъ и отправляющимся на Изиду. Я былъ счастливъ, вдыхая свѣжій воздухъ и любуясь природой, какъ будто бы прежде я никогда не предавался философскимъ измышленіямъ. Таинственнымъ именемъ Изиды

называютъ одинъ изъ двухъ рукавовъ Темзы, окружающихъ Оксфордъ, а именно самый широкій изъ нихъ. Другой называется Червель.—Рѣка! Вотъ что составляетъ прелесть стараго университетскаго города и его гордость. Молодой дикарь, который, по предположенію Матью Арнольда, живетъ въ каждомъ молодомъ англичанинѣ 25 лѣтъ, въ управленіи лодкой находитъ исходъ той физической энергіи, которая сжигаетъ его кровь. На Изидѣ и въ концѣ обширныхъ луговъ Христовой церкви расположенъ вдоль берега рядъ понтонныхъ мостовъ, принадлежащихъ различнымъ коллежамъ. Во внутреннихъ залахъ студенты, принимающіе участіе въ гонкѣ, приготовляются, а терраса полна зрителями, любителями гонокъ. Тутъ привязаны гребныя лодки самыхъ различныхъ формъ, начиная съ утлой пироги, которою управляетъ одинъ человѣкъ весломъ, до лодки восьмивесельной, не говоря о парусныхъ ялботахъ, назначенныхъ для вѣтренныхъ дней. Ловкіе и сильные молодые гребцы, въ бѣлыхъ фланелевыхъ курткахъ и въ трико, обтягивающемъ ихъ мускулы, отвязываютъ какую-нибудь изъ этихъ лодокъ. Каждый носитъ на себѣ знаки своего коллежа. Вотъ три оленя коллежа Іисуса, орелъ Христовой церкви, открытая длань Ворчестера. Нѣкоторые изъ гребцовъ, прежде чѣмъ взяться за весло, бросаются въ воду, чтобы участвуя въ продолжительной гонкѣ, быть свѣжимъ и не обливаться потомъ. Чудный видъ представляетъ эта рѣка въ хорошій весенній день послѣ обѣда. Она протекаетъ, полная и темная, вровень съ широкими лугами, желтѣющими отъ бутонъ д'оровъ. На лѣвомъ берегу Оксфордъ, съ своими готическими постройками, зубцами выступаетъ на голубомъ небѣ, всегда слегка подернутомъ дымкой. Прелестная богиня Магдалина, колокольня Христовой церкви, куполъ библіотеки Родкинфъ, владычествуютъ надъ остальными зданіями и вдали нѣжно синѣетъ рядъ горъ, окружающихъ городъ. На этой рѣкѣ безпрерывно снуютъ взадъ и впередъ легкія лодки. Паруса ялботовъ мягко надуваются, весла весело колышутъ утлыя пироги. Восемь веселъ большихъ лодокъ поднимаются и опускаются съ правильностью, какъ автоматичныя. Иногда сзади сидитъ женщина, одѣтая въ бѣлое, и держитъ румпель. Мой спутникъ показываетъ мнѣ новый понтонный мостъ, который служитъ лѣтней виллой одному экцентричному англичанину и всей его семьѣ. И все это движеніе на рѣкѣ освѣщено молодымъ и яснымъ свѣтомъ, подобнымъ веселой человѣческой улыбкѣ.

Веселая Темза катитъ свои волны до церкви д'Иффлей, древней норманской часовни, расположенной на возвышенности, между кладбищемъ, полнымъ цвѣтущихъ розъ, и домикомъ священника, кончающимся садикомъ,—уединеннымъ и благочестивымъ убѣжищемъ

гдѣ кажется и жизнь должна быть свѣтлой и веселой, какъ и самъ пейзажъ! Но, какъ ни очаровательна Темза, въ которой продолжаются слившіеся Изида и Червель, — самъ Червель, этотъ меньшій изъ обоихъ рукавовъ рѣки, мнѣ показался еще болѣе очаровательнымъ. Онъ извивается, узкій и не глубокій, вдоль луговъ Христовой церкви и окружаетъ паркъ Магдалины. Блѣдная листва ивъ волнуется надъ его сонными и извилистыми водами. Тутъ уже не встрѣтишь большихъ ялботовъ, ни гоночныхъ лодокъ, а только самыя маленькія лодочки съ двумя товарищами и однимъ гребцомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣтви деревьевъ рѣки опускаются и образуютъ природную колыбель, увидишь иногда такую привязанную лодочку. Въ глубинѣ ея лежитъ студентъ, перелистывая книгу. Онъ нѣсколько часовъ подрядъ то опускаетъ глаза на печатную страницу, то поднимаетъ ихъ на колыхающуюся зелень, на синее небо, на рѣку. Свѣжій воздухъ необходимъ этому мужественному юношѣ подобно тому, какъ онъ необходимъ растеніямъ и животнымъ, и въ этомъ оксфордскомъ студентѣ не находимъ-ли мы немного животной красоты молодыхъ грековъ, гармонической силой которыхъ мы любуемся въ Луврѣ, выраженной въ мраморѣ скульптора? Статуи интеллигентныхъ атлетовъ античныхъ музеевъ кажутся намъ еще болѣе вѣрными дѣйствительности, когда явишься сюда и собственнымъ опытомъ убѣдишься въ плодотворности совмѣстныхъ умственныхъ и физическихъ упражненій.

У насъ французовъ второй половины столѣтія мысль очень часто выростаетъ на небогатой и недостаточно сильной почвѣ, такъ что корни разбиваютъ вазу и деревцо (мысль) заболѣваетъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго своего развитія. Это таинственное деревцо, каждый листъ котораго есть мысль человѣческая, здѣсь, въ Оксфордѣ, выростаетъ на надлежащей почвѣ, а каждый изъ этихъ юныхъ атлетовъ и ученыхъ могъ бы сказать, подобно мудрецу: «Все въ гармоніи со мной, природа, которая въ гармоніи съ тобой!» Но для насъ, французовъ, имѣетъ-ли какое-нибудь практическое значеніе это слово величайшаго изъ римскихъ императоровъ?

VI.

Между нашими общими вкусами, другъ мой, можно указать на странное удовольствіе проникновенія нашего «я» въ различные предметы, — французскій языкъ даже не имѣетъ одного термина для опредѣленія и резюме этого особеннаго удовольствія. Ты, подобно мнѣ, любишь погружаться въ жизнь природы до потери въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ сознанія своего индивидуальнаго существа. Въ продолженіи этихъ секундъ сліянія съ природой, ка-

жется, что душа покидаетъ тѣло и что она дѣлается текущей рѣкой вмѣстѣ съ водой, сонной волной съ озерами, дрожащей листвой, съ вѣтвями дерева, растительнымъ благовоніемъ, съ ароматами цвѣтовъ, вибрирующимъ свѣтомъ съ солнечнымъ лучемъ. Иногда это отреченіе отъ нашей личности выражается не въ сліяніи съ предметами, а въ воплощеніи нашемъ въ другихъ людяхъ, и тогда мы со всѣми мельчайшими подробностями переживаемъ существованіе, отличающееся отъ нашего, посредствомъ внутренней галлюцинаціи удивительной быстроты. Свѣтость монастыря, мимо котораго мы случайно проходимъ, вызываетъ въ насъ рядъ соотвѣтствующихъ мыслей: мы мысленно облекаемся въ грубое платье священника и съ этимъ платьемъ воспринимаемъ всѣ его привычки, его чувства и даже его мысли. Видъ чистой и блестящей залы фермы, съ ея деревянной мебелью тщательно вытертой, съ ея широкимъ каминомъ, гдѣ приготовляется супъ въ широкомъ котлѣ, вызываетъ въ насъ чувства и мысли терпѣливаго и экономнаго крестьянина. Такого рода фантазіи посѣщали меня въ Оксфордѣ, по десять разъ въ день, и въ особенности въ тѣ минуты, когда я сидѣлъ за столомъ адъюнктъ-профессоровъ коллежа, этихъ любезныхъ и ученыхъ fellows. Я удивлялся, что на моей спинѣ не развѣвается ихъ длинная черная тога и на моей головѣ не сидитъ ихъ квадратный чепецъ. Я погружался въ мечтанія и мысленно создавалъ съизнова весь романъ своей жизни. Я соединялъ въ одно цѣлое всѣ разбросанныя наблюденія надъ жизнью оксфордскихъ учителей, я воображаю себѣ, что я одинъ изъ нихъ, и меня посѣщаетъ галлюцинація, которую я постараюсь тебѣ описать.

. . . Я видѣлъ себя въ возрастѣ около двадцати лѣтъ, только что поступившимъ новичкомъ—freshman, на ихъ языкѣ,—этого почтеннаго оксфордскаго университета. Городъ сразу очаровалъ меня, Этотъ пейзажъ окружалъ меня атмосферой ученыхъ мечтаній, и четыре года студенчества, въ концѣ которыхъ я долженъ былъ получить званіе Maitre es Arts, пролетѣли, какъ одинъ день. Закутанный пылью старыхъ книгъ, я едва подозрѣвалъ о существованіи современнаго міра. Напротивъ, сидя за своимъ квадратнымъ столомъ, при яркомъ огонькѣ камина, я отчетливо видѣлъ Діану языческихъ легендъ, купающую свое прекрасное тѣло въ свѣжей водѣ источника, и сверкающіе сквозь листву дерева глаза Актеона. Стихи Гомера доносили до моего уха коварную и нѣжную пѣсню сиренъ. Съ Дидоной Виргилія я блуждалъ въ мрачной аллеѣ преступныхъ любовниковъ. Всѣ вымыслы древней литературы были для меня реальными существами, среди которыхъ я двигался, какъ между деревьями лужайки моего коллежа. Дни идутъ. Я дѣлаюсь совершеннымъ гуманистомъ, я пишу греческія стихотворенія ради

своего удовольствія, и на греческомъ же языкѣ я выражаю свои чувства къ сестрѣ одного изъ своихъ друзей. Эта молодая дѣвушка пріѣхала навѣстить брата въ нашемъ дорогомъ Оксфордѣ, я ей и брату предложилъ безконечный lunch, въ продолженіи котораго я влюбился въ нее. Сидя на концѣ этого самаго стола, за которымъ я пишу, со спиной повернутой къ окну, она нѣжно мнѣ улыбалась. Немезида—врагъ счастья смертныхъ—захотѣла, чтобы шесть мѣсяцевъ спустя она вышла за другаго и отправилась въ Индію. Я утѣшился, выразивъ свое страданіе въ самыхъ трогательныхъ строфахъ, благодаря этому случаю увлекаюсь элегіями Катула и намѣреваюсь перевести ихъ для полнаго изданія.

Но годы студенчества окончились. Я пріобрѣлъ званіе fellow въ коллежѣ, основанномъ королемъ Эдуардомъ съ цѣлью ежедневныхъ молитвъ за упокой души рыцарей, убитыхъ въ походѣ противъ Шотландіи. Въ молитвѣ я не участвую, потому что путемъ размышленія дошелъ до невѣрія въ личнаго Бога и сильно сомнѣваюсь въ безсмертіи человѣческой души. Тѣмъ не менѣе я присутствую на службахъ въ часовнѣ съ той совершенной выдержкой, которая подобаетъ члену столь респектабельнаго коллежа. Званіе fellow даетъ мнѣ ежегодно немного болѣе 7 т. франковъ въ теченіи всей моей жизни. Но если прибавить къ нимъ то, что я могу пріобрѣсти трудами по изданію, то мое существованіе вполнѣ независимо и обезпечено. Я занимаю въ коллежѣ три хорошенькихъ комнатки. Моя рабочая комната, вся заваленная книгами, присылаемыми мнѣ со всѣхъ концовъ Европы, самая широкая изъ нихъ. Рядомъ мой салонъ, а дальше спальня. Въ то время, какъ я, погруженный въ науку, сижу на любимомъ креслѣ, на ручкѣ котораго прикрѣпленъ небольшой подвижной пюпитръ, мнѣ достаточно только поднять глаза, чтобы увидѣть черезъ стрѣльчатое окно профиль монастыря, безмолвіе котораго доставляетъ мнѣ наслажденіе. Я вижу узкій и длинный монастырскій дворъ, направо часовню. Квадратная башня, украшенная статуями, возвышается въ углу, съ обширной внизу лѣстницей. Остальныя постройки этого двора содержатъ комнаты учащихся. На каждомъ окнѣ видны цвѣты, и вершина зданія вся зубчатая. Я разсматриваю эти старинные камни и думаю о fellow'ѣ, который занималъ эту комнату до меня. Онъ провелъ здѣсь пятьдесятъ лѣтъ своей жизни. Я иду дальше и забавляюсь счетомъ лицъ, которыя пользовались моимъ помѣщеніемъ со дня основанія коллежа. Въ 1326 г. король водворилъ сюда ректора—это титулъ нашего начальника—и десять fellows. Между этими десятью первыми fellows и сегодняшними было не болѣе 16. Только 16 человѣкъ состарились въ этомъ укромномъ уголкѣ, хозяиномъ котораго меня сдѣлалъ случай.

Въ этой учебной комнатѣ между книгами я охотно провожу дни своего пребыванія въ Оксфордѣ. Воздухъ Оксфорда является для меня роднымъ воздухомъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ я себя чувствую чужимъ. Съ наступленіемъ шести часовъ я облекаюсь въ вечерній туалетъ, набрасываю сверху маленькій черный плащъ, на голову надѣваю квадратный чепецъ и сажусь съ другими fellows коллежа за нашъ столъ, возвышающійся на эстрадѣ, въ концѣ общей столовой. Послѣ обѣда мы удаляемся въ отдѣльную нашу залу полакомиться дессертомъ и запить его виномъ. Изъ рукъ въ руки, церемоніально, переходятъ фляжки, содержащія блѣдный шерри, красное вино, коричневый портеръ. Въ большомъ пролетѣ окна виденъ газонъ съ большими на немъ деревьями. Особенно хорошъ этотъ фонъ яркой зелени въ весенніе вечера, когда заходящіе лучи солнца его торжественно освѣщаютъ. Научные разговоры смѣняются вокругъ меня анекдотами изъ оксфордской жизни. Мягкая теплота, вызванная портеромъ, разливается по моему лицу тѣмъ спеціальнымъ румянцемъ, который становится обычнымъ цвѣтомъ лица многихъ англичанъ, и я веду своихъ друзей въ свой салонъ курить и пить чай.

Этотъ салонъ не обширенъ, но какъ уютно онъ меблированъ и какъ располагаетъ къ бесѣдѣ. Нѣсколько гравюръ украшаютъ стѣны. Въ моемъ библіотечномъ шкафу, тщательно запертомъ, найдешь коллекцію избранныхъ книгъ. Въ тѣсномъ кружкѣ товарищей испытываешь наслажденіе чисто интеллектуальнаго разговора. Насъ собралось трое или четверо—не болѣе. Мы громко и горячо мѣняемся нашими мнѣніями и наиболѣе близко волнующими сердце вопросами. Одинъ изъ насъ не вѣритъ въ существованіе матеріи. Другой позитивистъ, для котораго вопросы метафизики кажутся безсмыслицей, что однако не мѣшаетъ ему всегда возвращаться къ этой темѣ. Третій эстетикъ, объясняющій съ точки зрѣнія высшей философіи произведенія искусства всѣхъ странъ. Я же обуреваемъ универсальной любознательностью, но дорогой Катулъ не перестаетъ быть любимымъ моимъ авторомъ. Я почти покончилъ съ возстановленіемъ текста его стихотвореній. Мы разговариваемъ и о Неизвѣстномъ, и о Леонардѣ де-Винчи и о политикѣ, и когда я разстаюсь со своими друзьями, то чуть вспоминаю, что когда то я ласкалъ другія химеры. Я вижу улыбку той, которая теперь въ Индіи, потомъ я говорю себѣ, слѣдуя модному выраженію, что у нея волосъ дологъ, а умъ коротокъ, что она рылась бы въ моихъ бумагахъ, опекала бы мои отношенія и знакомства. Словомъ, я благословляю судьбу, предохранившую меня отъ угрожавшей мнѣ опасности, и мечтаю о продолженіи счастливаго своего существованія до конца своей жизни. И тогда проповѣдникъ произнесетъ

съ высоты трибуны надъ моей могилой надгробную похвалу въ прекрасной латинской прозѣ, въ день праздника поминовенія усопшихъ.

— Читали ли вы Шопенгауера?—спросилъ я у товарища fellow'a.

— Къ чему? зачѣмъ?—спросилъ онъ меня съ горькой улыбкой:—онъ весь прочитанъ!..

Этими словами онъ хотѣлъ сказать, что собственный опытъ вполнѣ достаточенъ, чтобы показать все несовершенство жизненной машины и всю мірскую суету.

— Надо быть довольнымъ судьбой, говорило намъ когда-то одно изъ главныхъ правилъ латинской грамматики.

VII.

Доволенъ своей судьбой!.. Хорошее это слово; но само искусство довольствоваться тѣмъ, чѣмъ обладаешь, трудно дается человѣчеству. Вѣчное, неустанное исканіе счастья бѣднымъ человѣчествомъ въ продолженіи тысячи столѣтій доказываютъ всю трудность его достиженія. Если бы народы и отдѣльные индивиды были довольны своей судьбой, то исчезли бы всѣ разговоры о непріятельскихъ нашествіяхъ, о войнахъ, о религіяхъ, о литературѣ, о порокахъ и преступленіяхъ, объ опіумѣ и о водкѣ, о развлеченіяхъ и объ искусствѣ. Вся исторія съ самаго своего начала ничто иное, какъ громадная и мучительная попытка смѣняющихся другъ другомъ поколѣній, имѣющая единственной цѣлью измѣнить во что бы то ни стало свою судьбу. «Быть инымъ», это высшая мечта отдѣльныхъ и коллективныхъ существованій. Мечта навсегда обманчивая, недостижимая, потому что по свойству нашей натуры мы окружаемъ предметы и личности поэтическимъ ореоломъ, который разрушается обладаніемъ. Наиболѣе мудрымъ является тотъ, который, зная эту банальную истину, предается жизни, никогда вполнѣ не отдаваясь ей, проходитъ чрезъ всѣ чувства, не углубляясь въ нихъ, кокетничаетъ со своими мечтами, не заключая съ ними крѣпкаго союза. Глаголъ «быть счастливымъ» не имѣетъ ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго времени. Онъ только спрягается въ сослагательномъ наклоненіи... Я былъ бы счастливъ... Я могъ бы быть счастливъ... Женщина, которую мы считаемъ за любимую, пейзажъ, вліянію котораго мы приписываемъ смягченіе нашихъ страданій, можетъ ли быть что нибудь лучшее въ этой юдоли плача, гдѣ всякое осуществленіе желанія—страданіе? Но этой самой причинѣ городъ Оксфордъ сохранитъ на всегда высшую прелесть въ моемъ воспоминаніи; я въ теченіи всей своей жизни

буду любить его старинныя улицы, потому что я въ нихъ прогуливался, не имѣя намѣренія остаться тамъ навсегда; я буду любить его древнія стѣны, потому что онѣ вызывали во мнѣ рядъ иллюзій и поэтическихъ видѣній. Я положительно убѣдился въ необходимости постояннаго путешествія, потому что стремленіе проникнуть въ нравы и души другаго народа составляетъ своеобразную прелесть, а углубленіе въ собственныя чувства причиняетъ величайшее страданіе.

Изъ поэтическихъ уголковъ прелестнаго города я поставилъ бы на первомъ планѣ читальную галлерею Бодленовской библіотеки, названной такъ по имени своего основателя, сэра Тома Бодлей, жившаго въ концѣ XVI столѣтія. Эта галлерея состоитъ изъ цѣлой серіи маленькихъ келій, выходящихъ въ центральный коридоръ. Всякій работающій заключенъ въ такой кельѣ, съ in-folio передъ собой, за высокимъ пюпитромъ. Въ окно открывается видъ внутренняго двора стараго зданія. Всѣ стѣны и ограды этой древней постройки изъ дерева и построены въ стилѣ эпохи конца Возрожденія. Религіозная тишина наполняетъ его. Послѣобѣденное время англійскаго городка, чуть подернутаго дымкой, такъ мирно проходитъ здѣсь. Мнѣ нравилось запереться въ одной изъ этихъ учебныхъ тюремъ и отыскивать пѣсни любви въ старинныхъ изданіяхъ англійскихъ поэтовъ временъ Шекспира. Перелистывая пожелтѣвшія страницы, я слегка испытывалъ почти осязательную меланхолію, которую переживаешь передъ портретами красавицъ былыхъ временъ.

Но гдѣ невозвратное?

Я облокотился на драгоцѣнную книгу и говорилъ себѣ, что всѣ эти келіи были такими же во времена старинныхъ поэтовъ. И тогда, можетъ быть, какой-нибудь молодой человѣкъ, которому семья назначила будущность священника, увлекался въ уединеніи кельи этой же самой книгой, вмѣсто того, чтобы перелистывать свои богословскіе тома. Часы проходили за часами... Что дѣлали тогда наши предки, тѣ, отъ которыхъ мы ведемъ свое происхожденіе? Дворяне ли мы или мѣщане, у насъ у всѣхъ есть предки, кровь которыхъ течетъ въ настоящее время въ нашихъ жилахъ. Они ходили, двигались, думали, чувствовали, и значительная доля этихъ мыслей и чувствъ живетъ неразрушимо въ насъ, ихъ потомкахъ. Страшная эта тайна, что нить нашей жизни соткана еще въ столь отдаленную и вмѣстѣ съ тѣмъ въ столь близкую отъ насъ эпоху. Мы тогда уже существовали въ извѣстномъ смыслѣ, потому что элементы, изъ которыхъ состоитъ наша современная личность, всѣ уже сформированные находились въ нашихъ предкахъ. Мысли, волнующія меня въ настоящую минуту,

зародились, можетъ быть, въ головѣ одного изъ невѣдомыхъ мнѣ предковъ, котораго я не увижу никогда и который однако вліяетъ на меня. Точно также улыбки любимой женщины уже порхали на губахъ теперь разложившихся, взгляды, которыми она насъ очаровываетъ, уже скользили по щекамъ теперь поблекшимъ. Чувства, которыя влекутъ насъ къ ней, уже волновали сердца теперь неподвижныя. Въ каждомъ современномъ живомъ существѣ видепъ призракъ прошлаго. Всѣ наши страсти и всѣ наши радости ничто иное, какъ одежды, которыя уже служили другимъ. Мы ими пользуемся впродолженіи небольшаго числа дней, чтобы ихъ передать другимъ, и такъ пойдетъ безпрерывно до конца вѣка.

Анализируя такимъ образомъ начало жизни, поневолѣ придешь къ заключенію, что любовь, этотъ всѣми поэтами прославленный богъ, ничто иное, какъ чудовищный агентъ несправедливости, котораго только можно себѣ представить. Въ теченіи нѣсколькихъ секундъ наслажденія мы дѣлаемся соучастниками этой ужасной передачи не только всѣхъ своихъ пороковъ, но даже и пороковъ нашихъ предковъ, дремлющихъ въ насъ. Это всѣмъ хорошо извѣстный фактъ, что наслѣдственность перескакиваетъ черезъ 2—3 столѣтія и выводитъ на свѣтъ характеры, которые можно было считать исчезнувшими. Какіе чудные діалоги, перемѣшанные нѣжными поцѣлуями и жгучими вздохами, нашептываются во всѣ часы дня и ночи, во всѣхъ законныхъ и незаконныхъ свиданіяхъ. Право, жаль, что всѣ нѣжности и весь жаръ любви двухъ любящихъ сердецъ накладываютъ на существо, о которомъ эти влюбленные палачи не думаютъ, бремя всѣхъ слабостей, всѣхъ недостатковъ, а также страданій нѣсколькихъ поколѣній... Не даромъ злой геній природы, какъ вчера, такъ и теперь, хранитъ въ своемъ запасѣ цѣлый арсеналъ обольщеній: мелодіи ручейковъ, ласкающіе вздохи лѣтнихъ ночей, мерцаніе звѣздъ, благоуханіе цвѣтовъ... Жизнь коротка, и та, о которой ты мечтаешь, прекрасна, какъ восторгъ. Жизнь коротка, и тотъ, о которомъ ты мечтаешь, молодъ и одинокъ,—и вотъ въ одинъ прекрасный день дѣло сдѣлано: подъ властью очарованія переходятъ отъ отцовъ къ сыновьямъ преступленіе и страданіе, порокъ и смерть. Это напоминаетъ престидижатора, подъ ловкими руками котораго бѣгаетъ мускатный орѣхъ... Я былъ погруженъ въ свою философію, когда библіотекарь нѣжно тронулъ меня за плечо. Четыре часа, сказалъ онъ мнѣ... библіотека сейчасъ закрывается.

VIII.

Во всѣхъ странахъ существуютъ библіотеки и во всѣхъ странахъ любовь одинаково даетъ рядъ кратковременныхъ восторговъ и продолжительныхъ страданій. Ты, конечно, скажешь, другъ мой, что не стоило ѣхать въ Оксфордъ ради открытія тѣхъ банальныхъ истинъ, которыми я только что подѣлился съ тобой. Но, можетъ быть, вдаваясь въ такого рода пессимизмъ, мы дѣлаемся болѣе способными къ наслажденію жизнью? Суровая жизнь кажется намъ тогда болѣе смягченной, все равно какъ въ театральной пьесѣ: мы являемся ея свидѣтелями, не принимая въ ней слишкомъ близкаго, непосредственнаго участія, и все насъ тогда интересуетъ, потому что ничто не затрогиваетъ нашихъ страстей. Но такое счастливое состояніе такъ непродолжительно! Покончивъ со своими мечтаніями и разставшись съ Бодленовской библіотекой, я съ удовольствіемъ дошелъ до улицы Corn Market и оттуда вышелъ въ узенькую улицу, въ концѣ которой возвышается новая постройка готическаго стиля, со входомъ, напоминающимъ входъ въ православный храмъ или въ банкъ. Это обычное мѣсто свиданія праздныхъ студентовъ, клубъ Союза, въ которомъ можетъ участвовать каждый оксфордецъ, заплатившій фунтъ стерлинговъ за входъ и фунтъ пять шиллинговъ залога. Это чисто англійское учрежденіе, не имѣющее ничего подобнаго во Франціи. Въ этомъ зданіи широкомъ, какъ дворецъ, пять или шесть большихъ комнатъ приспособлены къ различнаго рода чтеніямъ. Вотъ зала ежедневныхъ газетъ, другая зала еженедѣльныхъ. Дальше зала ежемѣсячныхъ журналовъ и зала иностранныхъ обозрѣній. Обширная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ коллекцію старинныхъ и новыхъ книгъ, есть чѣмъ удовлетворить самые ненасытные аппетиты литераторовъ. Есть зала депешъ, гдѣ наклеены всѣ новости соединеннаго королевства и всего свѣта, зала корреспонденцій, зала для куреній и всевозможныхъ напитковъ, гдѣ студенты пьютъ, смотря по сезону и часу, кофе или прохладительное, содовую воду или лимонадъ, и наконецъ зала дебатовъ, гдѣ по четвергамъ происходятъ публичные диспуты, съ обычнымъ церемоніаломъ парламентскаго засѣданія: президентъ, секретари и окончательное рѣшеніе. Садъ съ большими деревьями, украшенный газономъ, занимаетъ центръ двора, вокругъ котораго расположены эти постройки со всѣми залами. Помнишь ли ты кафе латинскаго квартала, гдѣ наша молодежь проводила вечера въ наше время и гдѣ она проводитъ ихъ и теперь?

Убогія, мрачныя кафе! Я ихъ какъ сейчасъ вижу, проходя по компатамъ этого оксфордскаго клуба; вижу вокругъ столовъ этихъ

кафе измученныя лица молодыхъ людей, съ которыми я бесѣдовалъ о вопросахъ эстетики въ тѣ отдаленные дни. Въ глубинѣ кафе играли въ карты будущіе медики и будущіе адвокаты, дѣти провинцій, сохранившіе свой акцентъ. До насъ долетали торжественные возгласы традиціоннаго пикета; на мраморныхъ столикахъ валялись толстые журналы, бульварные листки или памфлеты немилосердной полемики. Эта убогость обстановки не исключала въ насъ обилія общихъ идей, болѣе возвышенныхъ чѣмъ тѣ, которыми владѣетъ большинство оксфордскихъ студентовъ. Но за то они превосходятъ насъ въ умѣньи распредѣлять свой трудъ и свои удовольствія. Сколько здѣсь богатствъ всякаго рода! Какую массу документовъ найдетъ желающій изучить движеніе соціальныхъ идей въ Англіи и Франціи. Каждый изъ студентовъ чувствуетъ себя въ этой атмосферѣ, какъ дома, а не какъ въ кабачкѣ сомнительнаго свойства, между себѣ равными, а не въ средѣ праздныхъ и обездоленныхъ.

Придя сюда изъ древняго коллежа, въ которомъ все производитъ впечатлѣніе жизни солидной и могущественной корпораціи, студентъ здѣсь находитъ ту же атмосферу ученую и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканную. Всякая малѣйшая деталь, какъ въ коллежахъ, такъ и въ клубѣ, поднимаетъ въ студентѣ чувство личнаго достоинства; во всѣхъ уголкахъ этихъ зданій съ нимъ обращаются, какъ съ джентельмэномъ и слѣдовательно вызываютъ его на дѣйствія такого же рода.

Самый поверхностный наблюдатель можетъ оцѣнить вліяніе всей совокупности этихъ условій, присутствуя хотя бы только на одномъ изъ четверговыхъ вечернихъ засѣданій, о которыхъ я говорилъ сейчасъ. По стѣнамъ залы дебатовъ развѣшены портреты тѣхъ, которые были президентами общества во время своего студенчества. Нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ Союза стали извѣстными въ политикѣ, такъ напр. Гладстонъ. Эти примѣры рельефнѣе, нежели всѣ рѣчи моралистовъ, доказываютъ ту связь, которая существуетъ между занятіями ранней молодости и тріумфами зрѣлаго возраста. Въ тотъ вечеръ, въ который я присутствовалъ на засѣданіи, предметомъ дебата были способы управленія въ Ирландіи. Слушатели университета постоянно обсуждаютъ вопросы такого рода, на которые ихъ наводятъ сами преподаватели. Я самъ видѣлъ тэму, наклеенную подъ сводомъ входа de Balliol: обсудить мысль Юма о необходимости двухъ палатъ: верхней и нижней въ системѣ представительнаго образа правленія. Молодые люди встаютъ одинъ за другимъ и говорятъ со своихъ мѣстъ. Каждый, уходя, записываетъ свое мнѣніе въ заведенной для этого случая тетради. Но, какъ и слѣдовало ожидать, даже въ серьезномъ Оксфордѣ сказывается на-

ивность, свойственная молодости: за вопросомъ объ Ирландіи слѣдуетъ рядъ ученическихъ диспутовъ и заявленій. Одинъ изъ присутствующихъ предлагаетъ устроить трибуну для оратора выше президентскаго стола, съ цѣлью придать большую торжественность дебатамъ. Другой жалуется на недостатокъ прохладительныхъ напитковъ въ буфетѣ. Эти маленькіе инциденты доказываютъ, что молодежь чувствуетъ себя вполнѣ независимой въ домѣ, въ которомъ они являются хозяевами. Мальчишество здѣсь отсутствуетъ, а также и педантичная важность нашихъ адвокатскихъ конференцій. Здѣсь всегда услышишь непринужденныя рѣчи, веселые взрывы молодаго хохота, и въ то же время поднимаются вопросы общественной важности, подготовляющіе умы къ политикѣ. И въ этомъ выражается одна изъ прямыхъ задачъ оксфордскаго воспитанія: пополнять ряды будущаго парламентскаго персонала страны.

Я слышу рѣчи этихъ будущихъ ораторовъ палаты общинъ, и невольно мнѣ приходитъ въ голову старинное сравненіе государства съ кораблемъ. Теперь, когда паръ является двигателемъ корабля; надо основательно знать его конструкцію и способъ управленія имъ. Сколько требуется людей съ техническими знаніями, чтобы пароходъ тронулся съ мѣста. Даже истопникамъ мало умѣть пыхтѣть въ трюмѣ вокругъ печи. Сколько времени и рабочихъ требуется на установку и приспособленіе стальныхъ частей, приводящихъ въ движеніе колеса. И цѣлью всего этого труда является безопасность нѣсколькихъ праздныхъ пассажировъ, меланхолически зѣвающихъ отъ скуки. Наиболѣе счастливы изъ нихъ тѣ, которые способны любоваться игрой морскихъ волнъ, необъятно раскинувшимся небомъ и далью горизонта. Но многіе изъ артистовъ и философовъ склонны думать, что гигантскій корабль несется къ землѣ, которой ему никогда не достигнуть—и они завидуютъ тѣмъ, которые работаютъ въ трюмѣ и у паровой машины съ вѣрой, что ихъ работа не безцѣльна. Изъ всѣхъ тщеславій этого міра самое высокомѣрное это признаніе, что все—суета.

IX.

На одной изъ стѣнъ библіотечной залы этого университетскаго клуба, я часто разсматривалъ линіи поблѣднѣвшаго фреска, мѣстами замаскированнаго книгами. Онъ изображаетъ «Видѣніе Св. Граля Ланселоа». Этотъ поблѣднѣвшій фрескъ въ особенности привлекалъ мое вниманіе тѣмъ, что является произведеніемъ художника Данте Габріеля Россетти. Въ наше время мало найдется такихъ художниковъ, которые питали бы большое уваженіе къ своему искусству и хранили бы культъ возвышенной, строгой красоты. Въ

1856 г. 18 лѣтнимъ юношей написалъ онъ это видѣніе св. Граля и увлекъ своимъ эстетическимъ вдохновеніемъ двухъ оксфордскихъ студентовъ того времени, одного по имени Burne Jones и другаго Карла Algernon Swinburne. Первый изъ нихъ сдѣлался наиболѣе извѣстнымъ художникомъ современной Англіи. Второй писалъ поэмы и баллады и сталъ во главѣ школы молодыхъ поэтовъ. Стѣны этихъ залъ являлись безмолвными свидѣтелями безконечныхъ разговоровъ, происходившихъ между этими тремя носителями идеала, равно одаренныхъ присутствіемъ генія. Но кто угадалъ ихъ геній въ тѣ времена и кто въ него вѣрилъ? Лучшая часть жизни артистовъ часто проходитъ въ тѣни и безъ свидѣтелей. Этотъ возрастъ юности и начинающейся мужественности, когда цвѣты фантазіи и энтузіазма пышно разцвѣтаютъ, какъ лиліи чистой воды, этотъ возрастъ цѣломудрія и пробужденія таланта есть въ то же время возрастъ уединенія, презрительной молчаливости и часто даже враждебности. Тогда великій артистъ въ уединеніи своей рабочей комнаты произведетъ въ одинъ вечеръ большій потокъ мыслей или плодовъ фантазіи, чѣмъ позже въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ: яркія краски его молодаго лица современемъ замѣнятся непзгладимыми морщинами. Сокровища молодости утрачены, но не становятся ли онѣ болѣе поэтичными отъ того, что онѣ утрачены?

Загадочный и исключительный по характеру своего идеала, въ которомъ соединялись тѣснымъ образомъ вкусъ къ символизму и кропотливое изученіе дѣйствительности, Россетти былъ еще болѣе исключителенъ по двойственности своего генія. Онъ былъ въ одинаковой степени поэтомъ и художникомъ, затрагивая очень часто одни и тѣ же сюжеты кистью и перомъ. Въ одномъ человѣкѣ рѣдко совмѣщаются поэтическое творчество съ талантомъ живописца. Но въ картинахъ Россетти художники видятъ качества, присущія истинному художнику, а читатели его сонетовъ, его поэмъ de Lilith, de la Demoiselle bénie, de sa Dernière Confession, не могутъ отказать ему въ чисто поэтическихъ красотахъ. Слѣдуетъ упомянуть, что его воспитаніе было довольно исключительное, отсюда и исключительность его натуры. Россетти былъ старшимъ сыномъ итальянца, который, изгнанный изъ Неаполитанскаго королевства послѣ событій 1820 г., нашелъ убѣжище въ Англіи и тамъ сдѣлался комментаторомъ Божественной комедіи. Въ знакъ своего восторга къ этой поэмѣ изгнанникъ далъ имя Данте своему сыну. Легко представить себѣ, въ какой мистической атмосферѣ росъ этотъ ребенокъ, а также какой рѣзкій контрастъ представлялъ этотъ мистицизмъ въ сравненіи съ здоровой и трезвой англійской жизнью. Еще въ раннемъ возрастѣ Данте Россетти испыталъ всю трудность приспособленія къ современнымъ требованіямъ жизни.

Влюбленный въ свое искусство и во всеобъемлющую красоту, съ мечтой о которой онъ всегда носился, страдая нервными припадками, такъ что малѣйшая критика была для него ударомъ кинжала, нетерпѣливый при противорѣчіи и убѣжденный въ томъ, что враги изобрѣтали противъ него злокозненныя махинаціи, онъ жилъ въ кругу вѣрныхъ и преданныхъ друзей. Онъ выставилъ передъ публикой лишь небольшое число своихъ картинъ, и только въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни издалъ сборникъ своихъ стихотвореній и поэмъ, балладъ и сонетовъ. Однажды ему захотѣлось, чтобы его стихотворенія исчезли навсегда съ лица земли. Онъ только что потерялъ, послѣ двухлѣтняго брака, свою молодую жену, которая была его ученицей по живописи и лицо которой поразительнымъ образомъ осуществляло типъ женской красоты, повторяющейся на всѣхъ его полотнахъ.

Эта молодая женщина страдала сильными невральгическими болями, принимала экстрактъ опіума, и чрезмѣрная доза этого лекарства была причиной ея смерти. Обезумѣвъ отъ горя, поэтъ требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ ней похоронили собраніе его поэмъ, находившихся еще въ рукописи и которыя онъ переписывалъ для нея въ тщательно переплетенную книгу. «Я сочинялъ эти стихи для тебя и они не должны оставаться тамъ, гдѣ тебя нѣтъ», говорилъ онъ, рыдая. Онъ положилъ драгоцѣнный томъ между щекой и волосами умершей, уже лежавшей въ своемъ гробу. Гвоздями заколотили послѣднюю доску, и бѣдная женщина была похоронена на кладбищѣ de Highgate. Казалось, что самъ Россетти отказался отъ жизни. Онъ могъ бы повторить за поэтомъ Армандомъ Сильвестромъ:

Съ твоихъ розовыхъ устъ я пилъ забвеніе
И въ твоихъ глубокихъ очахъ я видѣлъ презрѣніе солнца.

Я вижу улыбку на твоихъ устахъ, другъ мой, и ты не въ первый разъ напоминаешь мнѣ давно извѣстную намъ обоимъ истину что литература всегда является первой и послѣдней любовницей литератора. Но мы съ тобой лишь наполовину правы!.. И Россетти мало по малу дошелъ до этого убѣжденія, но оно его не утѣшило, а заставило лишь пожалѣть о своемъ романтическомъ рѣшеніи. Похоронивъ всѣ свои поэмы, черновиковъ съ которыхъ у него не сохранилось, и чувствуя себя неспособнымъ написать что-нибудь подобное, онъ какъ будто похоронилъ лучшую часть своей славы. Онъ былъ искрененъ, посвятивъ эту славу своей любви. Онъ былъ еще болѣе искрененъ въ своемъ противорѣчіи. Черезъ $7^1/_2$ лѣтъ послѣ погребенія на кладбищѣ à Highgate, въ темную ночь, могильщики приступили къ мрачной работѣ. Они откопали гробъ жены Россетти. Она лежала въ немъ, сохранившая вслѣдствіе на-

бальзамированія всю прелесть своей былой красоты, и между ея похудѣвшей щекой и прекрасными волосами хранился маленькій томикъ. Онъ былъ вынутъ другомъ Россетти, который взялся за исполненіе этой печальной миссіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появились въ продажѣ эти поэмы и имѣли выдающійся успѣхъ. Но Россетти никогда не могъ утѣшиться, совершивъ, по собственному признанію, такое святотатство... Не будемъ смѣяться надъ этой исторіей, потому что въ ней таятся слезы. Но не будемъ и слишкомъ плакать, потому что она вызываетъ улыбку. Часто въ артистѣ видѣнъ тщеславный ребенокъ, который пускаетъ мыльные пузыри своими слезами, чтобы показать собравшимся вокругъ него прохожимъ всѣ цвѣта призмы, но не мало въ немъ найдется и настоящихъ слезъ, пролитыхъ надъ настоящимъ горемъ.

Въ этой исторіи есть поэзія, какъ и въ ароматѣ цвѣтка, и въ звукѣ голоса, и въ выраженіи глазъ. Ее нельзя ни передать, ни описать. Нужно самому видѣть глаза, слышать голосъ, нюхать цвѣтокъ и читать стихи. Стихи Россетти, въ стилѣ самой рѣдкой и нѣжной красоты, изысканнымъ языкомъ ученаго, обнаруживаютъ необыкновенную чуткость и страстность души, тогда какъ точный и чистый рисунокъ образовъ выдаетъ въ немъ воображеніе художника. Россетти охотно употребляетъ въ своихъ поэмахъ заключительную рифму: одинъ или два стиха онъ повторяетъ въ концѣ каждой строфы. Они, давая сами по себѣ ясную картину, образуютъ мечтательный фонъ ко всему стихотворенію. Такъ въ одномъ стихотвореніи классическая Елена предлагаетъ богинѣ Венерѣ сдѣлать уколъ на ея груди и проситъ дать ей способность любить и быть любимой. Тутъ въ каждой строфѣ, подобно набатному звону, повторяется слѣдующій стихъ: «О, городъ Троя! О, Троя поверженная! Великая Троя въ огнѣ!» И тутъ же трагически появляются бѣлокурыя косы дочери Леды, алтарь Афродиты, протянутая чаша и разграбленныя троянскія поля. Также охотно Россетти выбиралъ легендарные сюжеты, которые онъ трактовалъ на современный ладъ. Такимъ образомъ, онъ напр., онъ заставляетъ говорить Lilith, первую женщину перваго человѣка до сотворенія Евы, эту Lilith, которая, прежде чѣмъ получить образъ женщины, была змѣей: «I was the fairet snake in Eden»... Онъ также любитъ выразить какую-нибудь возвышенную мысль сжато и кратко, и этотъ пріемъ ему всегда удается. Какая грандіозная, меланхолическая поэзія слышится въ началѣ одного изъ сонетовъ: «Посмотри на меня прямо, меня называютъ Тотъ, который могъ-бы быть.—Я называюсь также Никогда болѣе, Слишкомъ поздно, Прощай!»... Но въ чемъ Россетти, по моему мнѣнію, несравненъ, такъ это въ лирическихъ пьесахъ, короткихъ по размѣру, и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно длинныхъ,

какъ сновидѣніе, такъ напр., въ стихотвореніи озаглавленномъ «Увы, такъ давно!»—первая строфа котораго звучитъ такъ музыкально: «Ахъ, милая, мы были молоды, такъ давно!... Казалось, что молодость никогда не пройдетъ—намъ пѣли небеса и деревья, и волны быстрыхъ водъ, въ продолженіи тѣхъ дней, которые болѣе не повторятся. Увы! такъ давно! Ахъ! не продолжалась-ли въ то время вѣчная весна?—Нѣтъ, но мы были молоды и всегда вмѣстѣ!»... И вторая строфа повторяетъ: «Ахъ, милая, я была стара такъ долго!» И третья говоритъ: «Ахъ, милая, вы были мертвы такъ долго!»... Не слышится-ли въ этихъ строфахъ голоса умершей, которая выходитъ изъ своей гробницы, съ закрытыми глазами, съ растрепанными волосами и съ блѣднымъ лицомъ? Она какъ будто пришла требовать залога безконечной нѣжности, томикъ стиховъ, спутника своего уединеннаго сна. Какая преступная рука дерзнула нарушить молчаніе, въ которомъ покоилась усопшая? Отвѣтствуй же, граціозный призракъ, отвѣтствуй теперь, когда твой возлюбленный, виновный въ святотатствѣ, соединился съ тобой, простила-ли ты ему, что онъ въ погонѣ за славой преступилъ уваженіе къ твоей гробницѣ? Или вы оба вошли въ царство, гдѣ нѣтъ болѣе мѣста ни прощенію, ни ненависти, ни даже святотатству, гдѣ царятъ лишь холодный мракъ и разрушеніе, гдѣ нѣтъ воспоминаній. «Ахъ, милая, вы были мертвы такъ долго!»

X.

Lazy longhing languid Jenny
Fond of a kiss and fond of a guinea.

«О лѣнивая, веселая, томная Женни,—ты хочешь поцѣлуя, ты хочешь гинею»... Эти два стиха составляютъ начало удивительно трогательной поэмы Россетти объ англійской дѣвушкѣ. Эти два стиха мнѣ приходили на память всякій разъ, когда я, послѣ обѣда между Теймсомъ и бутылкой краснаго въ отдѣльномъ салонѣ маленькаго отеля временъ Шекспира, прогуливался по троттуарамъ улицъ High и Corn и встрѣчалъ гризетокъ Оксфорда, идущихъ парами подъ руку. Эти два стиха такъ вѣрно передаютъ мечтательность глазъ и веселость улыбки, и въ то же время лѣнивое и разсчетливое выраженіе этихъ полудѣтскихъ 19-лѣтнихъ физіономій. Онѣ одѣты, какъ по шаблону, въ одинаковыя немного короткія платья, на головахъ шляпы, надвинутыя на лобъ, на рукахъ черныя перчатки, на ногахъ черные чулки и черные башмаки. Ихъ нѣжнорозовый цвѣтъ лица и ихъ бѣлокурые волосы блестятъ при свѣтѣ исчезающаго дня. Онѣ останавливаются, болтая то съ однимъ, то съ другимъ встрѣчнымъ, рѣдко со студентомъ, потому что ни-

спектора, слѣдящіе за чистотой университетскихъ нравовъ, могутъ внезапно появиться изъ за угла улицы. Но рядомъ съ университетскимъ населеніемъ въ городѣ живетъ полубуржуазное, полукупеческое общество, и эти дѣвушки, уроженки города, хорошо знакомы со всѣми здѣшними молодыми людьми, съ которыми онѣ обмѣнивались публичнымъ рукопожатіемъ, какъ это практикуется и теперь часто маленькими мальчиками и дѣвочками, моложе десяти лѣтъ. Такія крѣпкія рукопожатія при встрѣчахъ характеризуютъ нравы англійской улицы, чѣмъ былъ крайне шокированъ одинъ изъ моихъ друзей, воспитанный во Франціи. Но я въ качествѣ чужестранца люблю всѣ явленія этой уличной жизни и слѣжу съ любопытствомъ даже за тѣмъ, какъ она мало по малу приготовляется ко сну.

Лавки запираются одна за другой—прежде всего книжная лавка, гдѣ продаются произведенія поэтовъ, тамъ-то я купилъ Россетти въ прекрасномъ зеленомъ переплетѣ, украшенномъ золотыми цвѣточками; затѣмъ запирается лавка сапожника, гдѣ продаются такъ называемые анатомическіе ботинки, и двойной рисунокъ показываетъ ногу въ удобной обуви съ широкимъ носомъ и ту же ногу въ узкой обуви съ острымъ носомъ. Также запертъ и магазинъ портного, въ которомъ можно видѣть тоги баккалавровъ и maitres es arts между Гладстоновскими мѣшками и дорожными ремнями. Закрыта и витрина фотографа, гдѣ на-ряду съ портретами главныхъ докторовъ коллежей встрѣчаются портреты знаменитыхъ актрисъ, исполнительницъ ролей Офеліи, Дездемоны, Джульетты. Закрылъ свою лавочку и букинистъ, за стекломъ котораго наклеены непочтительныя каррикатуры перомъ на недавнія церемоніи въ университетѣ. Только продавцы табака и вина торгуютъ еще въ своихъ лавочкахъ. Гуляющіе все рѣже и рѣже встрѣчаются около домовъ со сводчатыми окнами и причудливыми архитектурными украшеніями различныхъ эпохъ. За однимъ изъ этихъ оконъ слышатся звуки фортепіано и хоръ студенческихъ голосовъ, поющихъ сатирическій романсъ на «эстетическаго молодого человѣка». Изъ другого открытаго окна въ первомъ этажѣ раздается шумъ. Это тоже студенты, собравшіеся, очевидно, на большой обѣдъ. Они въ парадномъ платьѣ при бѣлыхъ галстухахъ. По очертаніямъ тѣней, мелькающихъ въ окнахъ, можно видѣть, какъ они поднимаются по очереди и произносятъ тосты. Судя по шуму, сухое шампанское и мозельвейнъ сдѣлали свое дѣло, но это не мѣшаетъ пирующимъ затянуть le God save the Quen въ концѣ ужина. Почти ни одного экипажа не встрѣтишь въ пустынныхъ улицахъ. Въ послѣдній разъ проѣхалъ трамвай или пронесся какой-то запоздалый велосипедистъ, спѣшащій

изъ Лондона въ Шотландію. Остаются только на улицахъ нѣкоторыя изъ сестеръ Женни, которыя улыбаются такъ лѣниво и томно,

Fond of a kiss and fond of a guinea.

Жалкія созданія продолжаютъ прогуливаться парами даже и тогда, когда улицы High и Corn почти совсѣмъ пусты: онѣ жаждутъ получить не одну гинею, а нѣсколько монетъ, въ которыхъ нуждаются. У нѣкоторыхъ изъ нихъ тупыя лица женщинъ, одержимыхъ вѣчнымъ пьянствомъ, у другихъ совсѣмъ молодыя нѣжныя личики съ дѣтскимъ выраженіемъ, съ тонкими миловидными чертами. Мало-ли я видѣлъ на своемъ вѣку этихъ жрицъ наслажденія, блуждающихъ по улицамъ Парижа и Лондона, въ звѣздныя или туманныя ночи, при свѣтѣ луны или въ темное ненастье. Мало-ли я видѣлъ ихъ улыбающахся мнѣ своимъ ярко краснымъ ртомъ и подведенными глазами? И теперь при этихъ встрѣчахъ я испытываю то же самое чувство неизъяснимой меланхоліи и впечатлѣніе отъ грубаго скотства соціальной жизни, какъ и въ то время, когда я, будучи совсѣмъ юнымъ, былъ увѣренъ, что добро—законъ этого міра. Я хорошо знаю, что большинство этихъ дѣвушекъ совсѣмъ не несчастно. Я знаю, что онѣ въ концѣ концовъ практикуютъ свое ремесло, подобно всякому рабочему, вполнѣ машинально. Даже въ маленькомъ англійскомъ городкѣ, многія дѣвушки честныхъ семействъ зарабатываютъ себѣ такимъ образомъ деньги, безъ вѣдома своихъ родителей, для удовлетворенія своихъ фантазій. И какихъ фантазій! Въ извѣстныхъ кабачкахъ онѣ сохраняютъ за собой маленькія уединенныя залы, посѣщаютъ ихъ и черезъ окошечко въ стѣнѣ хозяинъ подаетъ имъ стаканы водки... Не смотря на все это, какъ самыя скверныя, такъ и наиболѣе граціозныя изъ нихъ, вызываютъ во мнѣ непреоборимое чувство состраданія. На глазахъ прохожаго невольно навертываются слезы, которыя эти женщины должны бы были проливать надъ своей долей. Невольно приходитъ въ голову, что онѣ когда-то были невинными, хорошенькими дѣвочками, съ прекраснымъ чистымъ взглядомъ дѣтскихъ глазъ, отражавшихъ ихъ чистыя души. Это чувство жалости близко граничитъ съ мечтой объ ихъ очищеніи посредствомъ любви. Такого рода сантиментальности похожи на глупость... Будь лѣнива, Женни, будь томна и весела, племя глупцовъ еще не намѣрено оставить этотъ міръ.

XI.

Быть глупцомъ, впрочемъ, это скоро сказано; но развѣ бываешь глупымъ, испытывая чувство? И какъ бы разумно это чувство ни было, много-ли найдется глупцовъ, способныхъ возвести его въ правило своихъ дѣйствій и жить сообразно ему?... Продолжая свою

прогулку по пустынной улицѣ и углубляясь въ эту проблему нравственности, я прошелъ мимо величественной линіи университетскаго коллежа, и мнѣ вспомнился образъ великаго поэта, учившагося въ этомъ коллежѣ въ дни своей молодости и исключеннаго за то, что послушался голоса своего искренняго сердца и выразилъ свои религіозные взгляды въ публичной брошюрѣ. Благородный и несчастный Шелли! До конца своей жизни онъ чувствовалъ непреодолимую потребность сообразовать свою внутреннюю жизнь со своей внѣшней. «Мнѣ кажется», писалъ онъ Горацію Смиту за мѣсяцъ до своей кончины, «что нашъ міръ дошелъ до кризиса, требующаго, чтобы всякій человѣкъ провозгласилъ свои чувства по поводу безсилія религіозныхъ и политическихъ системъ управлять человѣчествомъ. Какова бы ни была Истина, посмотримъ на нее...» И онъ прибавляетъ съ меланхоліей: «Если бы каждый громко выражалъ то, что онъ думаетъ про себя, соціальный міръ не существовалъ бы ни одного дня. Но всѣ, болѣе или менѣе, приспособляются къ окружающимъ ихъ условіямъ и по своему безконечному лицемѣрію поддерживаютъ зло, на которое жалуется...» На основаніи этой доктрины Шелли, еще ученикъ Оксфордскаго университета, напечаталъ трактатъ о необходимости атеизма, вслѣдствіе чего долженъ былъ покинуть коллежъ. Это было въ 1812 г. Поэту едва минуло двадцать лѣтъ. Онъ умеръ черезъ 10 лѣтъ трагической смертью, проведя самую романтическую и бурную жизнь, и какъ извѣстно, нѣкоторые изъ его друзей, между прочими лордъ Байронъ, сожгли его тѣло на пустынномъ итальянскомъ берегу.

Великій поклонникъ природы, какимъ былъ Шелли, былъ похороненъ согласно своему желанію, по обычаямъ временъ поэтическаго Виргилія. Иногда судьба даритъ удачей лишь послѣ смерти человѣка и въ томъ звучитъ ироніа надъ умершимъ.

Недавно я посѣтилъ обѣ комнаты въ первомъ этажѣ, которыя когда-то занималъ поэтъ. Онѣ теперь похожи на всѣ комнаты, въ которыхъ живутъ Оксфордскіе студенты; но въ то время, если вѣрить воспоминаніямъ одного изъ друзей Шелли, на полу и на мебели лежали въ хаотическомъ безпорядкѣ самыя несовмѣстимыя вещи: «Тутъ были книги, сапоги, физическіе приборы, одежды, пистолеты, бѣлье, посуда, мѣшки, чемоданы, и на столахъ и коврахъ всевозможныя пятна отъ кислотъ». Шелли въ эту эпоху былъ увлеченъ революціонными утопіями и научными изслѣдованіями. Его душа не была чужда ни отвлеченнымъ идеямъ, ни идеямъ чистаго идеализма. Для Шелли, также какъ и для Спинозы, и для Гегеля, никогда не существовало различія между идеей и фактомъ, между разумомъ и дѣйствительностью. Развѣ въ дѣйствительности

нѣтъ тѣсной связи между мыслью и природой? Одна и та же сила сказывается и въ нашей личности и въ явленіяхъ внѣшняго міра: въ насъ она проявляется рефлексіей, внѣ насъ—формами. Мы бы не постигали ни малѣйшаго явленія внѣшняго міра, если бы законы нашего разума не были подобны законамъ его существованія. Такое пониманіе идеальнаго и реальнаго привело Шелли къ протесту противъ установившихся общественныхъ формъ. Съ точки зрѣнія своего идеала справедливости онъ понялъ, что организація нашей старой Европы основана на вѣковыхъ несправедливостяхъ. Но придерживаясь этого идеала въ своей личной жизни, онъ испыталъ всевозможныя несчастья. «Я падаю на шипы жизни, я исхожу кровью», восклицаетъ онъ въ своей прекрасной одѣ къ восточному вѣтру. «I fall upon the throns of life! I bleed». Но этотъ же самый идеализмъ оказалъ величайшую услугу музѣ поэта: онъ сказался въ его произведеніяхъ высшей красотой, такой свѣжей и восхитительной, что всякое искуство кажется грубымъ въ сравненіи съ нимъ, равно какъ всякая другая жизнь кажется прозаической и ничтожной въ сравненіи съ его жизнью, полной возвышенныхъ иллюзій и безконечныхъ нѣжностей.

На первой страницѣ собранія стихотвореній Шелли можно бы было написать странную и глубокую фразу нѣжнаго Аміеля: «Пейзажъ—это состояніе души». Высшимъ свойствомъ его воображенія является его способность одухотворять и гуманизировать всѣ предметы, но это одухотвореніе не является результатомъ ни символизма, ни сравненія. Шелли видитъ между нашей душой и природой не аналогію, но идентичность. Всеобъемлющая мысль сказывается въ малѣйшей части обширной вселенной, и эта мысль ничѣмъ не отличается отъ нашей мысли. Чувствительность видна въ предметахъ внѣшняго міра и эта чувствительность отличается отъ нашей, только по степени. Сравнивая эмоцію нашего сердца съ видомъ внѣшняго міра, мы замѣчаемъ единство, связывающее одно съ другимъ всѣ проявленія всемірной жизни. И та живая связь, соединяющая нашу личность съ природой, такъ точна и ярка, что Шелли невольно измѣняетъ порядокъ поэтическихъ сравненій и создаетъ новый рядъ метафоръ. Вмѣсто того, чтобы уподоблять, по традиціи, впечатлѣнія человѣка явленіямъ внѣшней жизни, онъ уподобляетъ эти явленія впечатлѣніямъ человѣка, слѣдуя въ этомъ порядку самой природы, потому что вся вселенная цѣликомъ зависитъ отъ нашей души, посредствомъ которой она завершается и доходитъ до нашего сознанія. Шелли сказалъ: Our boat is asleep in Serchio's stream —its sails are folded like thoughts in a dream... Нашъ корабль отдыхаетъ въ потокѣ Serchio — его паруса сложены, какъ мысли въ сновидѣніи...» Онъ также сказалъ о бла-

гоуханіи цвѣтка во время ночи, что оно ослабѣваетъ «like sweet thoughts in a dream... какъ нѣжныя мысли во снѣ...» Ему такъ свойственна идея, что мысль, запрятанная внутри природы, похожа на нашу мысль во снѣ, что это слово «во снѣ» часто попадается подъ его перомъ, когда онъ хочетъ описать растительный или минеральный міръ. Онъ сказалъ о руладахъ соловья, что онѣ примѣшиваются къ его мечтамъ. Онѣ вызываютъ въ молчаніи зимы дни, когда весна трубитъ въ свой рогъ на землѣ, которая мечтаетъ...» И обращаясь къ самой землѣ, онъ говоритъ: «Too hapy Earth, over thy face shall creep — the wakening vernal airs, until thou leaping —from unremembered dream. Слишкомъ счастливая земля, по лицу твоему будетъ скользить дыханіе весны, которая тебя пробудитъ отъ твоихъ сновидѣній, о которыхъ ты не вспомнишь...» Читая долгое время произведенія его пера, въ мысли происходитъ странное перемѣщеніе: перестаешь замѣчать людей и вещи съ ихъ индивидуальнымъ характеромъ. Во всѣхъ существахъ и явленіяхъ внѣшняго міра замѣчается одна общая душа. Это обширное сердце вселенной одержимо безконечнымъ желаніемъ, котораго оно не въ состояніи никогда удовлетворить. Это мучительный, обширный разумъ, проявляющійся въ реальномъ мірѣ, и мы только тѣни сновидѣнія, въ этой жизни, гдѣ все только одна призрачность «where nothing il but all things seem—anet we the shadows of the dream».

XII.

Но вотъ клерикальный и молчаливый Оксфордъ, полный мечтательныхъ дней и вечеровъ, пробуждается отъ своего очарованія и волнуется. Наступаетъ годовой праздникъ поминовенія усопшихъ, и мирныя улицы городка уже полны пестрой толпой. Въ это время сюда пріѣзжаютъ въ гости семьи студентовъ и присутствуютъ на университетскихъ празднествахъ. Они состоятъ между прочимъ изъ нѣсколькихъ большихъ баловъ, даваемыхъ двумя или тремя коллежами, изъ безпрерывнаго движенія по тротуарамъ High и Corn толпы пріѣзжихъ молодыхъ дѣвушекъ, сестеръ или кузинъ студентовъ, съ той пестротой туалетовъ, характерныхъ для всякого собранія англійскихъ женщинъ. Съ наступленіемъ ночи эти улицы иллюминуются. Ракеты взвиваются надъ головами гуляющихъ. Флаги развѣваются во всѣхъ окнахъ. Фонарики на фронтонѣ домовъ освѣщаютъ инииціалы королевы: Victoria Regina: V.... R...., а у дверей отелей толкаются дѣти, чтобы увидѣть молодыхъ женщинъ въ бальныхъ туалетахъ, усаживающихся въ наемное ландо.

Изъ всѣхъ оффиціальныхъ празднествъ этой веселой недѣли наиболѣе поражаютъ меня два изъ нихъ, какъ спеціально англійскія.

Достаточно при этомъ упомянуть о наиболѣе характерныхъ сторонахъ оксфордскаго воспитанія, въ которомъ любовь къ атлетизму смѣшивается съ любовью къ классическимъ знаніямъ и культъ традицій съ привычкой самой широкой независимости, чтобы понять, въ чемъ состоятъ эти спеціально англійскія удовольствія. Первое изъ нихъ это дефилированіе лодокъ коллежа въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были поставлены на послѣднихъ гонкахъ. Изида омываетъ съ одной стороны луговой берегъ съ мягкими зелеными лугами, а съ другой выступаютъ граціозныя зубчатыя постройки готическаго города. На обоихъ берегахъ рѣки собралась громадная толпа. Понтоны коллежей, построенные вдоль высокаго берега, кишатъ народомъ. Отцы, матери и сестры студентовъ,—my people, какъ ихъ тутъ называютъ,—наполняютъ террасы этихъ понтоновъ, занимая стулья или скамейки. Другіе, чтобы лучше видѣть, сидятъ въ маленькихъ лодкахъ. Оркестръ, спрятанный подъ деревьями Христовой церкви, играетъ модныя аріи на духовыхъ инструментахъ и надъ этой рѣкой, надъ этими головами и деревьями разстилается прекрасное нѣжно голубое лѣтнее англійское небо. Головы и туловища наклоняются. Дальнозоркій можетъ уже увидѣть лодки, идущія съ Иффлей, откуда онѣ вышли съ четверть часа тому назадъ... Но вотъ первая изъ нихъ приближается съ восьмью гребцами и рулевымъ. Ее встрѣчаютъ криками восторга. Она останавливается передъ понтономъ, гдѣ находятся представители университета. Восемь гребцовъ встаютъ со своихъ мѣстъ, поднимаютъ весла совершенно вертикально, испускаютъ троекратное «ура», снова садятся и ѣдутъ дальше. Затѣмъ слѣдуетъ очередь второй лодки и такъ проходятъ онѣ одна за другой. Костюмъ гребцовъ измѣняется сообразно коллежу. Тѣ, которые изъ коллежа Магдалины, въ розовомъ, изъ Brasenose въ черномъ съ желтымъ шарфомъ, другіе въ бѣломъ и синемъ. На нѣкоторыхъ лодкахъ фуражки гребцовъ подъ цвѣтъ ихъ костюму, на другихъ круглыя соломенныя шляпы съ разноцвѣтными лентами. Съ какимъ совершенствомъ поднимаются эти восемь веселъ за-разъ! По одной этой ловкости можно узнать долгіе дни упражненій при пищѣ, доведенной до минимума. Только свыкшимся съ рѣкой въ продолженіи многихъ лѣтъ можетъ придти въ голову тотъ фокусъ, который продѣлываютъ нѣкоторые гребцы, перекувырнувъ свою лодку въ моментъ прохода передъ трибуной властей. Восемь гребцовъ и рулевой мигомъ падаютъ въ воду. Лодка снова переворачивается и надъ поверхностью воды показываются девять головъ пловцовъ, улыбающихся толпѣ, которая имъ апплодируетъ. Они доплываютъ до понтона своего коллежа, тогда какъ лодка продолжаетъ колыхаться на рѣкѣ, гдѣ ее приберутъ, когда толпа въ сумеркахъ разойдется по лугамъ

Христовой церкви, съ которой слышится звонъ тонкихъ колоколовъ. Сколько древняго благочестія въ голосахъ этихъ серебристыхъ колоколовъ! Какая трогательная и нѣжная вибрація проносится въ воздухѣ послѣ криковъ энтузіазмовъ, которые поднимались зрителями при дефилированіи лодокъ. А на затуманившемся небѣ поднимается серпъ луны въ поэтическомъ траурѣ. Послѣ десяти путешествій по Англіи мои глаза не притупились къ очарованію этой туманной природы, гдѣ всегда ко всему присоединяется феерія тумана, чтобы исправить позитивизмъ практической жизни. Здѣсь послѣ зрѣлища физической силы увидишь свѣтъ луны, ласкающій и неопредѣленный, какъ воспоминаніе.

Это первая часть программы, гдѣ дѣйствующими лицами являются гребцы. На третій день празднество происходило въ Scheldonia Theatre въ честь гуманистовъ. Внѣшій видъ этой постройки, напоминающей ротонду, кажется оригинальнымъ вслѣдствіе полукруглаго ряда колосальныхъ бюстовъ,—каменныхъ каррикатуръ, претендующихъ на изображеніе цезарей и греческихъ мудрецовъ. Внутри зданія проходитъ галлерея, окружающая партеръ съ мѣстами для стоянія. На концѣ этого партера приспособлена эстрада. Двѣ трибуны, похожія на церковныя каѳедры, возвышаются тутъ же и служатъ мѣстомъ для произнесенія рѣчей. Къ 11 часамъ утра партеръ и галлерея наводнены толпой. Только эстрада еще пуста. Тамъ займутъ мѣста жены представителей Оксфорда и ихъ гости, тогда какъ первые ряды креселъ назначены для вице-канцлера и его ассесоровъ. Студенты, занимающіе верхнія части галлереи, по обыкновенію, дѣлаютъ вслухъ всякаго рода замѣчанія по поводу малѣйшаго инцидента. Появляется дама въ желтомъ туалетѣ. «Ура! за желтую даму»,—кричитъ одинъ голосъ и сотни голосовъ подхватываютъ троекратное ура. «Ура! за свояченицу вдовца»,—кричитъ другой голосъ, намекая на проектъ закона, предложенный Палатой Общинъ, чтобы разрѣшался бракъ между вдовцомъ и сестрой его умершей жены. И снова раздается троекратное ура! «Ура, за доктора N...» Этотъ старый добродушный докторъ иногда слишкомъ долго задерживаетъ журналы въ клубѣ Союза, и студенты обвиняютъ его въ томъ, что онъ дремлетъ за чтеніемъ. Теперь онъ на эстрадѣ въ одеждѣ профессора, однако, это не мѣшаетъ одному голосу выкрикивать каждыя четверть часа во все время продолженія церемоніи: «Докторъ N... спитъ опять...» Безпрерывный шумъ и насмѣшки продолжаются до тѣхъ поръ, пока органъ не заиграетъ God save the Quen и не появится вице-канцлеръ въ парадномъ костюмѣ въ сопровожденіи своего кортежа. Сторожа въ расшитыхъ одеждахъ расчищаютъ имъ дорогу. Ура не умолкаетъ ни на минуту, но оно теперь относится къ извѣстнымъ лицамъ, и особамъ этого кор-

тежа достаются онѣ по очереди, тогда какъ съ высоты своего президентскаго мѣста вице-канцлеръ начинаетъ латинскую рѣчь. Отовсюду раздаются всевозможныя замѣчанія, а по временамъ поднимается хохотъ. Можно было бы назвать это собраніе политическимъ митингомъ, если бы эта не была полная непринужденность. Вице-канцлеръ и не думаетъ сердиться на нарушителей порядка, а послѣдніе не думаютъ сдѣлать ему непріятность. Въ этомъ, конечно, сказывается черта чисто національная: уваженіе къ установленнымъ авторитетамъ и абсолютная свобода личности въ ея дѣйствіяхъ и жестахъ.

Рѣчь вице-канцлера кончена. Наступаетъ моментъ пріема чужестранныхъ уважаемыхъ лицъ, которымъ университетъ въ текущемъ году преподноситъ званіе почетнаго доктора. Эти церемоніи Мольеръ осмѣялъ въ своемъ «Больномъ». Будущихъ докторовъ подводятъ къ подножію эстрады. На нихъ черныя тоги съ аксельбантами изъ краснаго шелка. Тотъ, кто ихъ вводитъ, произноситъ въ честь ихъ похвальное слово на латинскомъ языкѣ и говоритъ въ заключеніе, что кандидатъ долженъ быть возведенъ въ званіе доктора, honoris causâ. Вице-канцлеръ затѣмъ произноситъ родъ вступительной рѣчи, которая кончается honoris causâ, повторяемая всей залой, и новый членъ университета садится на отведенную для него скамейку, тогда какъ изъ глубины галлереи снова слышится восклицаніе: «Докторъ N... опять заснулъ...» И снова раздается сильный и серьезный голосъ; это голосъ публичнаго оратора, который съ высоты трибуны произноситъ на латинскомъ языкѣ похвальное надгробное слово членамъ коллежа, умершимъ въ текущемъ году. Онъ только что сошелъ съ кафедры, какъ его мѣсто занимаютъ два лауреата, которые одинъ за другимъ читаютъ нѣсколько страницъ изслѣдованій, увѣнчанныхъ преміями на одномъ изъ конкурсовъ. Одно изъ этихъ изслѣдованій имѣетъ предметомъ «Жизнь университетовъ въ средніе вѣка», другое «Морская торговля въ Англіи». На этотъ разъ шутники снова возвышаютъ голосъ и голоса лауреатовъ часто заглушаются. Если «докторъ N... снова заснулъ», какъ это предполагаютъ нѣкоторые шутники, то значитъ онъ глухъ. Дождь бумажныхъ стрѣлъ падаетъ съ высоты. Физическая веселость и непринужденность свободно царятъ и въ то время, какъ другіе лауреаты читаютъ греческіе, латинскіе и англійскіе стихи. Наконецъ, вице-канцлеръ поднимается съ своего мѣста, органъ снова играетъ God save the Queen и толпа расходится подъ взглядами гигантскихъ бюстовъ, безконечные носы которыхъ, неправильные подбородки и комическія бороды видѣли въ теченіи многихъ лѣтъ такую массу студентовъ и учителей. Были между ними извѣстные, были и неизвѣстные,—и бюсты всегда смѣются.

XIII.

Такъ проходило время среди чтенія и наблюденія, среди мыслей и прогулокъ. Такъ проходило время, и я мимоходомъ писалъ тебѣ эти замѣтки. Составляя ихъ, я не претендовалъ на полное изображеніе древняго англійскаго городка, на документальную живопись, какъ говорятъ сегодня. Прелесть мѣстечекъ, подобныхъ Оксфорду, гдѣ прошедшее такъ тѣсно соединяется съ настоящимъ и которыя въ одно и тоже время полны традицій и жизни, заключается въ томъ, что онѣ доставляютъ матеріалъ для размышленій самаго различнаго рода. Всевозможные люди тамъ найдутъ пищу для своихъ наблюденій. Политикъ можетъ здѣсь на мѣстѣ изучить воспитаніе молодыхъ людей, которые современемъ составятъ правящій классъ націи, въ роли членовъ духовнаго сословія или членовъ свѣтской аристократіи. Архитекторъ въ деталяхъ этихъ построекъ различныхъ эпохъ, этихъ коллежей и часовень, найдетъ для себя предметъ безконечныхъ созерцаній. Педагогъ найдетъ наглядное подтвержденіе своей теоріи о благотворномъ вліяніи классическихъ наукъ и о преимуществахъ или вредѣ одновременнаго развитія духовныхъ и физическихъ силъ человѣка. Помимо этихъ спеціальныхъ наблюденій, было бы любопытно прослѣдить, какія впечатлѣнія вызываются въ душѣ французскаго литератора въ атмосферѣ этого литературнаго города, гдѣ въ каждомъ камнѣ виденъ духъ и трудъ умершихъ поколѣній...

Теперь студенты разъѣхались, коллежи пусты; иногда только встрѣтишь на улицѣ запоздалаго fellow, который еще не уѣхалъ въ деревню. Какъ только прошла недѣля Поминовенія Усопшихъ, такъ наступаютъ каникулы до осени. Я также покину тихое убѣжище, гдѣ я провелъ два мѣсяца, какъ во снѣ, благодаря успокаивающему вліянію этихъ древнихъ монастырей, этихъ зеленыхъ садовъ, этого ученаго и прелестнаго горизонта—и долго изъ оконъ вагона я буду слѣдить глазами за убѣгающими отъ меня зданіями и домами Оксфорда, въ которомъ я жилъ такъ недолго. Мнѣ всегда будутъ вспоминаться стихи мечтательнаго Мильтона, которые такъ часто цитировалъ одинъ изъ моихъ оксфордскихъ гостей: «But le my due feet never fail,—to walk the studions cloisters pale». «Пусть мои шаги блуждаютъ всегда вдоль научныхъ монастырей», говорилъ великій пуританинъ. Неосуществимое желаніе, потому что мнѣ надо вернуться въ безпокойный и суровый Парижъ. Но если бы мы не жили постоянно въ этомъ движеніи и въ этой суровости, понимали бы мы всю прелесть этихъ монастырей и этихъ садовъ?

Поль Бурже,
членъ Французской Академіи.

КРИТИКА

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ—РЕАЛИСТЪ.

(Евгеній Александровичъ Баратынскій 1800—1844).

(Окончаніе).

X.

Мы уяснили въ предыдущей статьѣ, что Баратынскій смотритъ на жизнь то свѣтло, то мрачно, смотря по качеству тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ слагалась его жизнь. Къ темнымъ фактамъ изъ его жизни относится исключеніе изъ корпуса, военная служба, оторвавшая его отъ родныхъ; наконецъ, просто кратковременность тѣхъ наслажденій, которые доступны человѣку на землѣ. Къ фактамъ свѣтлымъ относится вѣрный другъ, любимая женщина, поэзія, нерѣдко природа и пиръ съ друзьями.

Въ молодости Баратынскій болѣе склонялся къ пессимизму, и потому его первыя произведенія, писанныя во время пребыванія въ Финляндіи, отличаются элегическимъ тономъ. Поэту грустно, онъ разочарованъ въ жизни. Отчего же онъ грустенъ, чѣмъ онъ разочарованъ? Прежде поэтъ наслаждался жизнью: пиры, любовь, бесѣды съ друзьями, все это составляло для него источникъ счастья. Объ этихъ прошедшихъ дняхъ счастья онъ вспоминаетъ въ стихотвореніи „Дельвигу“ (VII).

Ты помнишь-ли тѣ дни, когда, рука съ рукой,
Пылая жаждой слодострастья,
Мы жизни ввѣрились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?
„Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!“
За полной чашей мы твердили,
И весело, въ струяхъ блестящаго вина
Забвенье сладостное пили.

Отъ этихъ общихъ воспоминаній поэтъ переходитъ къ болѣе конкретнымъ. Онъ рисуетъ картину прошлой счастливой любви, которую, впрочемъ, понимаетъ болѣе въ физическомъ смыслѣ, нежели духовномъ.

Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ.
„Пусть дремлетъ труженикъ усталый!
Проснися, юноша, отвергни“, шепчетъ онъ,
„Покой безчувственный и вялый“.
„Взгляни, ты видишь-ли: покинувъ ложе сна,
Передъ окномъ, полуодѣта,
Томленья страстнаго въ душѣ своей полна,
Счастливца ждетъ моя Лилета!“

Предвидя возраженья противъ такого сорта любви, поэтъ даже пытается защищать ее:

Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блаженъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою:
Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
И, равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладій мигъ
И наслажденья мигъ крылатый!

Но все это было въ прошломъ. Теперь же объ этомъ весельи остались одни только воспоминанія. Поэта, участника въ этомъ весельи, начинаетъ забывать его лучшій другъ—Дельвигъ.

И гдѣ-жъ берега Невы? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочный,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!
И я, пѣвецъ утѣхъ, пою утрату ихъ,
И вкругъ меня скалы суровы,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
И на ногахъ моихъ оковы.

Къ новымъ радостямъ поэтъ неспособенъ. Его грусть и разочарованіе столь велики, что ихъ теперь не можетъ разогнать даже предстоящее свиданіе съ другомъ (V):

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи, восторгомъ ожиданья
Что жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; по дни печали,
Быть можетъ поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,

Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.

Пиры съ товарищами, прежде разгонявшіе его тоску, теперь не помогаютъ. Напрасно поэтъ и его товарищи „съ веселъемъ буйнымъ осушали пѣнистые бокалы“; тщетно порывался онъ „жить внѣ себя“:

Вино и Вакха мы хвалили:
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были
Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано·
Рокъ злобный въ насъ ревниво злобенъ:
Одну печаль свою, уныніе одно
Унылый чувствовать способенъ (XII).

Поэта не трогаетъ даже любовь женщины (XXV):

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣряньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!

Въ своемъ горестномъ одиночествѣ поэтъ начинаетъ думать даже, что ему не добиться счастья на землѣ, что ему суждено погибнуть на чужой сторонѣ, не свидѣвшись съ родными, съ друзьями и съ „вѣтренной Лилой“ („Пѣсня“ XV, „Бдѣніе“ XVI, „Паденье листьевъ“ XXX). Чувствуя себя столь несчастнымъ, поэтъ задается вопросомъ о возможности счастья вообще. Ему кажется, что счастье недоступно не для него только, но и для всѣхъ („Дельвигу“ XXIV); что людямъ даны Провидѣньемъ на выборъ двѣ доли: „или надежду и волненіе иль безнадежность и покой“; что надежду и волненье испытывать дано только неопытнымъ юношамъ,

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!
Гоните прочь ихъ рай прельстительный.
Такъ!.. доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

XI.

Но на ряду съ полною безнадежностью и разочарованіемъ мелькаютъ и минуты противоположнаго настроенія. Поэтъ иногда снова начинаетъ чувствовать себя способнымъ къ счастью. Такъ, онъ ожидаетъ, что на него благодѣтельно подѣйствуетъ пріѣздъ сестры (XXVII):

Какъ чистая роса живитъ своей прохладой
Среди нагихъ степей, спасительной усладой
Такъ оживишь мнѣ чувства ты!

Подъ вліяніемъ Дельвига, который ввелъ его въ „семейство добрыхъ Музъ“, поэтъ начинаетъ даже чувствовать въ себѣ приливъ мужества и радости. Онъ проситъ Дельвига вѣрить тому, что никакія жизненныя невзгоды не измѣнятъ души нашего поэта (XXIX):

Такъ, милый другъ! позволятъ ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда нибудь
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
По прежнему ль ко мнѣ пребудутъ строги, —
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро, и въ ненастье;
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Не полное безъ раздѣленья счастье,
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
Чего жъ робѣть на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой

Жажда жизни въ поэтѣ еще столь сильна, что на него начинаетъ дѣйствовать даже любовь, отъ которой онъ прежде такъ грустно-поэтически отказывался. Онъ вспоминаетъ о томъ, какъ еще недавно „жалѣлъ и плакалъ своенравно о наслажденьяхъ прежнихъ дней“; какъ онъ думалъ, что его обмануло все, „чѣмъ сердце пламенно жило, что восхищало, что томило, что было цвѣтомъ бытія“, какъ онъ „наставленный истиной угрюмой“, собирался замѣнить „живыхъ восторговъ легкій рой“ холодной думой и сердца мертвой тишиной (IX).

Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ вневанно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
О чемъ грустишь, неблагодарный?
Забудь печальныя мечты:
Я вѣчно юнъ, и я съ тобою!

Воскреснуть сердцемъ можешь ты.
Не вѣришь мнѣ? взгляни на Хлою:

Наконецъ, жажда жить до такой степени овладѣваетъ поэтомъ что онъ обращается къ Коншину съ совѣтомъ „мечтать, любить, пировать и пѣть, пока можно“.

XII.

Жажда счастья пробудилась, поэту снова хочется „любить, мечтать, пировать и пѣть“. Но оказывается, что предаться этому счастью поэтъ уже не можетъ такъ, какъ это онъ дѣлывалъ прежде. Поэтъ слишкомъ много пережилъ, и выжитый опытъ сдѣлалъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ прежде былъ („Б-ну“ XVIII):

Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пѣли счастье шалуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ!
Межъ тѣмъ летѣла наша младость:
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ,
Въ душѣ, больной отъ пищи многой,
Въ душѣ усталой пламень гасъ,
И за стаканомъ, въ добрый часъ,
Засталъ насъ какъ-то опытъ строгій.
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли.
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

Безусловнаго счастія нѣтъ на землѣ; по крайней мѣрѣ, самъ поэтъ, если и счастливъ, такъ только *похожимъ на счастье* отдыхомъ („Безнадежность“ XXXIV). Другой, можетъ быть, не захочетъ удовольствоваться подобнымъ счастьемъ, только похожимъ на счастье. Этому „другому“ поэтъ отвѣчаетъ, что счастье—понятіе относительное, что „въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ, другой страдаетъ на престолѣ“ (LIII):

На высотѣ земныхъ судьбинъ,
И въ незамѣтной, низкой долѣ
Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ.

Каждому человѣку отъ рожденья предопредѣлено свое индивидуальное счастье. Эту теорію счастья Баратынскій основываетъ на идеѣ о неизмѣнности законовъ природы и человѣческаго естества („Гнѣдичу“ LXXXVIII):

Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

На основаніи того, что люди такъ же отличаются другъ отъ друга, какъ дубъ отъ осины, на основаніи того, что люди не могутъ нравственно перерождаться или измѣнять свою участь, Баратынскій доходитъ въ стихотвореніи CXXIV до явнаго абсурда: если ты попалъ въ рабство, то ты не только не долженъ стремиться къ свободѣ, но даже не смѣешь и мечтать объ этомъ, потому что твоя неволя для тебя предопредѣлена и никакія усилія не освободятъ тебя отъ оковъ.

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла,
Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
Невластная сойти. Небесныя свѣтила,
Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила
Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханію положенъ:
Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.

Самъ поэтъ идеалъ своего счастья видитъ въ жизни съ любимой женщиной. „Пресытясь ласками Цирцей“, поэтъ часто „шепчетъ умиленьемъ въ тоскѣ задумчивой своей“ („Коншину“ XXI):

Нельзя-ль найти подруги нѣжной
Съ кѣмъ могъ бы, въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ бы я,
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьѣ бытія?

Не только любимая женщина входитъ въ идеалъ счастія нашего поэта, но также преданные друзья и занятія поэзіей („Деревня“ XIII „Н. И. Гнѣдичу“ XXXVI):

...Мнѣ тягостно отсутствіе друзей,
Лишенье тягостно бесѣды мнѣ твоей,
То наставительной, то сладостно-отрадной;
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадный
И сердцу, и уму я пищу находилъ.
. . . . . .
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, поэзію, ученье
Призвалъ я украшать свое уединенье.

Для такого мирнаго счастья поэтъ отказывается отъ кутежей („Товарищамъ“ LXXXIV). Во имя такого счастья, предопредѣленнаго ему судьбой, поэтъ прославляетъ свое одинокое житье съ ней („Родина“ XCII, „Гдѣ сладкій шопотъ“ CXXXIX, „Бокалъ“ CLV) и прекомично жалуется на нарушителей своего уединенія, гостей, которыхъ называетъ „двуногими комарами“ (XCIV).

Но увы! Баратынскій, какъ человѣкъ умный, не могъ не почувствовать всей скудости подобнаго счастья. Въ стихотвореніи „Когда исчезнетъ омраченье“ (CXXVIII) поэтъ горько спрашиваетъ себя:

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
. . . . . .
Вотще! Я чувствую, могила
Меня живого приняла
И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

По мѣрѣ того, какъ поэтъ приближается къ старости, скорбь объ утраченныхъ Богь-вѣсть какъ силахъ начинаетъ звучать все сильнѣе и сильнѣе (CLVI):

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!
Въ день ненастный, часъ гнетучій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій;
Бойкой пѣснью разольется:
Скорбь-невзгода распоется!
А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старый
Обручится съ лютой карой;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалый:
Не положишь ты на голосъ
Съ горькой мыслью бѣлый волосъ!

Полнымъ разочарованіемъ проникнуто также и стихотвореніе „Осень“ (CLXV), въ которомъ сравнивается съ земледѣльцемъ, пожинающимъ осенью обильные плоды, „вступившій въ осень дней оратай жизненнаго поля“. Что же выросло на „жизненномъ полѣ“? Какія пріобрѣтенія сдѣланы оратаемъ? вотъ эти пріобрѣтенія:

Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!
Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушенъ.

XIII.

Таково основное настроеніе Баратынскаго. Первыя стихотворенія его большею частью проникнуты грустью по утраченнымъ наслажденіямъ жизни, хотя возможность счастья все еще представляется вѣроятной. Въ средпнѣ своего поприща Баратынскій признаетъ неизбѣжность и даже необходимость страданія: благодаря послѣднему, человѣкъ пріучается умѣрять свои желанія и довольствоваться малымъ, т. е. любимой женщиной, другомъ, поэзіей и т. д. Наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ узкій горизонтъ своихъ симпатій Баратынскій возводитъ въ окончательный идеалъ. И этотъ идеалъ, обрекающій его на полное бездѣйствіе, противъ котораго всегда возмущалась его мятежная натура, способствуетъ развитію въ немъ полной грусти, отчаянія и тоски.

По своему идеалу Баратынскій логически вынужденъ былъ придти къ окончательному пессимизму. Его пессимизмъ былъ обусловленъ двумя причинами. Во первыхъ, Баратынскій цѣль жизни видитъ въ с ч а с т ь и, а такъ какъ счастье, т. е. не-

прерывная цѣпь наслажденій, довольно рѣдкая гостья на землѣ, то отсюда вполнѣ понятно, что жизненный опытъ долженъ былъ очень скоро убѣдить нашего поэта въ его невозможности. Во вторыхъ, самое счастье Баратынскій понимаетъ очень узко. Если даже допустить, что счастье — цѣль человѣческой жизни, то нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ тѣмъ обширнѣе и прочнѣе, чѣмъ изъ большаго круга явленій оно будетъ извлекаться. Счастливъ, конечно, тотъ, кто имѣетъ любящую женщину, преданнаго друга и т. д. Но вѣдь этого мало. Преданный другъ, любимая женщина сегодня есть, а завтра могутъ отправиться туда, откуда нѣтъ возврата, и вотъ все счастье погибло [1])! Между тѣмъ, кромѣ друга и любимой женщины есть на свѣтѣ другіе, болѣе могущественные источники счастья. Есть на свѣтѣ общество, членами котораго мы состоимъ; кромѣ общества есть церковь, государство, нація, наконецъ, человѣчество, которое прочнѣе „преданнаго друга“ и „любящей женщины“. Мы—отдѣльные атомы этихъ обширныхъ организмовъ. Между общественными организмами и отдѣльною личностью существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, должно существовать постоянное взаимодѣйствіе. Вотъ это взаимодѣйствіе и обязываетъ каждаго изъ насъ, если только мы желаемъ жить сознательно, не закрывая глазъ на жизнь, становиться въ опредѣленныя отношенія къ обществу, націи, церкви, государству и т. д. Это отношеніе выражается прежде всего теоретически въ опредѣленныхъ общественныхъ и нравственныхъ идеалахъ. Вслѣдствіе того, что уже законы жизни побуждаютъ отдѣльную личность къ солидарности съ общественными принципами, вслѣдствіе того, что жизнь отдѣльной личности находится въ связи и даже въ зависимости отъ нихъ, мы подъ страхомъ нравственной смерти обязаны выражать свои отношенія къ нимъ не только теоретически, но и практически, перестраивая свою жизнь согласно нравственнымъ и общественнымъ идеаламъ. Только такое стремленіе къ нравственнымъ и общественнымъ идеаламъ можетъ служить источникомъ высшаго, прочнаго счастья, если ужъ упоминать это слово.

---

[1]) Не задолго до смерти Баратынскаго заболѣла его жена. Это причинило ему большое безпокойство, которое, вѣроятно, главнымъ образомъ и сгубило его.

XIV.

Воззрѣнія Баратынскаго на жизнь отличаются такою же оригинальностью, какъ и его настроеніе. Главная идея, преслѣдовавшая Баратынскаго, это непрочность существующаго, разрушаемость явленій. Эта идея, находящаяся въ тѣсной связи съ личнымъ опытомъ поэта, выражена имъ уже въ такомъ раннемъ стихотвореніи, какъ „Финляндія“ (X). Баратынскій описываетъ въ этомъ стихотвореніи природу Финляндіи, этого „отечества Одиновыхъ дѣтей“, наводившихъ нѣкогда ужасъ на европейскія государства. Отъ природы Финляндіи Баратынскій переходитъ къ ея современному состоянію. Онъ указываетъ на то, что теперь „умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ“, что „сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ“. Набросавши картину исчезнувшей жизни, поэтъ восклицаетъ:

О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!

Изъ того историческаго факта, что могучіе „Одиновы дѣти“ исчезли, Баратынскій дѣлаетъ выводъ, что и наше „вѣтренное племя“ постигнетъ та же участь.

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Эта же мысль объ исчезновеніи всего развивается и въ стихотвореніи „Коншину“ (XX):

Равно исчезнутъ въ безднѣ лѣтъ
И годы шумные побѣдъ,
И мигъ незнаемой забавы!
Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна:

Всѣхъ чередомъ поглотитъ Лета,
И философа болтуна,
И длинноусаго корнета,
И въ молдаванкѣ шалуна
И въ рубищѣ Анахорета.

Въ виду такой участи нашей мы должны, по мнѣнію поэта, пользоваться жизнью, „любить, мечтать, пировать и пѣть“. По сходству мотивовъ къ этому стихотворенію примыкаетъ и другое (CXXIII), также рекомендующее наслажденіе во имя того, что „все проходитъ“.

Въ стихотвореніи „Послѣдняя смерть“ (XCI) Баратынскій рисуетъ картину человѣческаго прогресса, заканчивающуюся гибелью всего живого. Сначала міръ представляетъ дивный садъ „весей“ и городовъ; вездѣ дворцы, театры; человѣкъ подчинилъ своей волѣ земныя стихіи; все на землѣ дышетъ движеніемъ, все ликуетъ. Проходитъ время: человѣчество сдѣлало огромные успѣхи на землѣ; земледѣльцы по своей волѣ призывали „вѣтра, дожди, жары и холода“ и потому урожаи всегда удавались; истреблены были всѣ хищные звѣри и „во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ, и въ безднѣ водъ“; повсюду царствовалъ миръ. И эта эпоха проходитъ, наступаетъ новая: что же находитъ въ ней поэтъ? Полное вырожденіе человѣчества! Привыкши къ обильнымъ благамъ, они спокойно стали взирать на все то, что волновало страсти ихъ отцовъ; они забыли земныя желанья, они стали чуждаться ихъ грубаго влеченія; страсти и желанія уступили мѣсто фантазіи и уму; живая мысль уносила ихъ на крыльяхъ своихъ въ Эмпирей и въ хаосъ,

Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли еще вѣка, и тутъ глазамъ поэта открылась ужасная картина:

Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!

Съ исчезновеніемъ людей стали гибнуть и животныя. Наконецъ, погибли всѣ живыя существа, и въ мірѣ воцарилась глубокая тишина.

По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло,
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

XV.

Въ связи съ общимъ характеромъ поэзіи Баратынскаго находятся и его воззрѣнія на отношенія науки къ жизни. Въ наукѣ Баратынскій видитъ разрушительницу человѣческаго счастія. Такое представленіе о наукѣ было у Баратынскаго уже въ дѣтствѣ (см. гл. VIII). Почему же наука разрушаетъ счастье человѣка? До сихъ поръ мы знали, что наука—провозвѣстница истины, разрушительница обмановъ, ложныхъ представленій, призраковъ, но не счастья. Баратынскій смѣло идетъ противъ такого мнѣнія.

Въ стихотвореніи „Истина“ (XXXVII) поэтъ указываетъ на то, что съ младенчества тоскуя о счастіи, онъ все-таки счастьемъ бѣденъ. Опытъ показалъ безуміе желаній и стремленій поэта, и онъ отвергъ свои лучшія мечты. Пока поэтъ обдумываетъ свой горькій жребій, является Истина, которая обѣщаетъ исцѣлить его отъ горя:

Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) захочу
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

То, что Истина (или наука) возвѣстила поэту, дѣйствительно страшно. Въ самомъ дѣлѣ, наука искореняетъ въ человѣкѣ страсти, или, лучше сказать, стремленія; наука губитъ жаръ сердца; наука представляетъ намъ людей въ ихъ подлинныхъ чертахъ, а эти черты такого сорта, что можно навсегда разлюбить и людей, и ближнихъ; наука разрушаетъ всѣ прелести бытія; она обливаетъ душу суровымъ холодомъ,

сообщаетъ ей безстрастность и этимъ даетъ покой... Обѣщанія науки столь страшны для жизни, что поэтъ рѣшительно отворачивается отъ ея помощи:

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой мужъ, увы! могилы мужъ печальный,
И страшенъ для живыхъ.
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду,
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Такой отвѣтъ поэта вполнѣ естественъ, если принять во вниманіе тѣ качества, съ которыми она является поэту. Но спрашивается, такова ли наука, на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее поэтъ? Наука вообще, или истина, не можетъ противорѣчить жизни. Полная истина именно и состоитъ въ полномъ признаніи всѣхъ дѣйствительно существующихъ элементовъ бытія, въ число которыхъ входятъ и страсти, и жаръ сердца, и прелести бытія; истина о человѣкѣ въ томъ и состоитъ, что человѣкъ не звѣрь, а человѣкъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ: слѣдовательно, истина ни въ коемъ случаѣ не можетъ уничтожать нашей любви къ нему. То же самое необходимо сказать и о прелестяхъ бытія: полная истина потому и называется истиной, что признаетъ, какъ ихъ существованіе, такъ и законность наслажденія ими. Откуда-же Баратынскій взялъ свою характеристику науки? На это имѣются указанія въ другомъ стихотвореніи Баратынскаго, „Примѣты“ (CXLVII):

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
По дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала.
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Не чуждая жизнь въ ней дышала..
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Итакъ, вотъ преступленія науки, или истины: она мѣшаетъ людямъ „дѣтски внимать вѣщаніямъ природы“ и „ловить ея знаменія съ вѣрой“; природа полна дружелюбной заботы о человѣкѣ, предостерегаетъ его въ опасностяхъ и прорицаетъ ему удачу... Не смѣшно ли, читатель, возражать что-нибудь противъ такихъ обвиненій, возводимыхъ на науку? Не состоитъ-ли сила и достоинство науки именно въ томъ, что она разсѣиваетъ подобныя представленія объ отношеніи природы къ человѣческой жизни? Такъ можетъ возразить современный читатель, основываясь на тѣхъ частныхъ возраженіяхъ, которыя дѣлаетъ Баратынскій наукѣ. Но если мы отвлечемся отъ его частныхъ возраженій и постараемся вникнуть въ мысль поэта, то, пожалуй, придемъ къ другимъ заключеніямъ, оправдывающимъ враждебное отношеніе Баратынскаго не къ наукѣ, а къ тому направленію, которое приняла наука въ XIX ст. Баратынскій думаетъ, что между природой и человѣкомъ существуетъ нѣкоторая тѣсная связь не только физическая, но и духовная. Эта тѣсная связь признавалась человѣкомъ всегда, современная же наука отрицаетъ ее. Около того времени, когда жилъ Баратынскій, наука стала принимать позитивно-матеріалистическое направленіе, которое видитъ въ мірѣ бездушную машину, которое даже психическую сторону человѣка пытается свести къ явленіямъ чисто матеріальнымъ. Противоположность между живымъ человѣкомъ и механической природой очень хорошо выражена извѣстнымъ Штраусомъ *): „Человѣкъ видитъ себя среди громадной міровой машины, въ которой свистя вертятся желѣзныя зубчатыя колеса, оглушительно падаютъ тяжелые молоты и песты,— человѣкъ видитъ, что онъ брошенъ безъ защиты и помощи въ круговоротъ всей этой страшной работы, и каждую минуту долженъ бояться, что при неосторожномъ движеніи его схва-

*) См. Н. Страховъ. „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“. Вып. I. Спб. 1882 г.

тить и разорветъ какое-нибудь колесо, раздавитъ и сотретъ какой-нибудь молотъ. Это чувство беззащитности дѣйствительно есть ужасное чувство. Но развѣ поможетъ, если мы станемъ обманывать себя? Наше желаніе не передѣлаетъ міръ, а нашъ разумъ показываетъ намъ, что онъ есть дѣйствительно такая машина" (352). Нужно согласиться, что если истина такова, какою она изображается Штраусомъ, то возраженія Баратынскаго противъ науки окажутся не только законными, но даже очень слабыми. Что человѣкъ организмъ не только физическій, но и психическій, это несомнѣнно. Несомнѣнно также и то, что всѣ попытки матеріализма и позитивизма устранить духовное начало, или, по крайней мѣрѣ, свести его къ матеріи потерпѣли неудачу. Духовное начало оказалось не только не сводимымъ на явленія матеріальнаго порядка, но даже необходимымъ для объясненія многихъ фактовъ въ человѣкѣ. Если же духовное начало самостоятельно, если оно проявляется съ особенною силой въ человѣкѣ, съ меньшей—въ животныхъ, то нѣтъ никакой нужды останавливаться здѣсь и не предполагать его существованія и въ прочей органической и неорганической природѣ. Въ такомъ случаѣ можетъ оказаться, что между человѣкомъ и природой даже въ духовномъ отношеніи нѣтъ безусловной противоположности. Признаніе духовнаго родства человѣка съ природой, теперь большею частью непризнаваемое, ведетъ за собой многія неожиданныя послѣдствія и, какъ главное изъ нихъ,—возможность взаимодѣйствія между человѣкомъ и природой въ духовномъ отношеніи. Теперь гипнотизмъ, т. е. духовное внушеніе и воздѣйствіе между людьми, сталъ научной истиной. Многими не оспаривается даже внушеніе на большихъ разстояніяхъ. Почему же не предположить, что кромѣ психическаго воздѣйствія человѣка на человѣка существуетъ психическое воздѣйствіе природы на людей и наоборотъ? А въ такомъ случаѣ, почему не допустить въ жизни, если не то, что „воронъ, почуя надъ головой человѣка бѣду, каркаетъ ему въ опасанье", то нѣчто очень близкое этому?...

XVI.

Механическое міросозерцаніе, отрицая духовное начало, отрицаетъ и нѣкоторыя убѣжденія, связанныя съ признаніемъ

этого начала. Эта черта, которую приняла въ себя наука извѣстнаго направленія, отталкивала отъ нея людей, у которыхъ хватило настолько здороваго смысла, чтобы не подчиниться даже авторитету науки, когда послѣдняя посягаетъ на самыя дорогія убѣжденія человѣка. Къ числу такихъ людей относится и Баратынскій. Видя, что „наука“ относится къ этимъ убѣжденіямъ, какъ къ фантазіямъ, Баратынскій считаетъ знанія источникомъ страданій и потому отказывается отъ нихъ, хотя у нашего поэта есть природное стремленіе къ познанію. Такъ, найдя черепъ, онъ восклицаетъ („Черепъ“ XLVII):

Когда-бъ она (голова) цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Но дальше поэтъ спохватывается; онъ припоминаетъ, какія „истины“ возвѣщаетъ намъ наука, и говоритъ:

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.
Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ, увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Отказываясь отъ знанія, поэтъ прибѣгаетъ къ вѣрѣ, на которой опирается его надежда на безсмертіе, одно изъ важнѣйшихъ чаяній человѣческаго духа. Эта вѣра выражена въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ стихотвореній Баратынскаго, „Отрывокъ“ (CVI). Созерцая всеобщее разрушеніе явленій, отлично зная, что и человѣкъ подлежитъ закону смерти, Баратынскій приходитъ къ той мысли, что человѣкъ долженъ быть безсмертенъ. Стихотвореніе написано въ формѣ бесѣды между „нимъ“ и „ней“. „Онъ“ любуется природой, которая своими красотами настраиваетъ его на высокій ладъ. Природа, присутствіе любимой женщины наполняетъ его сладкими чувствами, выражающимися слезами благодарности Творцу. „Она“ сочувствуетъ ему, и желала бы только одного—не пережить его. Желаніе „ея“ наводитъ его на грустную мысль о неизбѣжности смерти. Эта мысль нѣсколько омрачаетъ его радостное настроеніе:

Ты грустной мыслію меня
Смутила. Такъ! сегодня зрѣнье
Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
Плѣняетъ Божіе творенье;
Теперь въ рукѣ моей твою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,..
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю...
А завтра... завтра... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный!... Лучъ дневной
Въ глаза ударитъ мнѣ напрасно;
Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь!
Я не проснусь!...

„Она“ утѣшаетъ „его“ и указываетъ на то, что Творецъ обѣщалъ намъ бытіе и за могилой, „гдѣ намъ не будетъ разлученья“, что безъ вѣры въ это невозможно и любить. Отвѣтъ „ея“ наводитъ поэта на новый строй мыслей:

Такъ, Всемогущій безъ нея
Насъ искушалъ бы выше мѣры:
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубитъ
Во мнѣ Онъ то, что мыслитъ, любитъ,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ съ горделивымъ наслажденьемъ
Міръ повторилъ Онъ отраженьемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?.. Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ, достойный
Поникъ гонимою главой,
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
Какъ! не терпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не броситъ мудрость Божества?
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И превзойденъ дѣтьми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?..
Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Тамъ за могильнымъ рубежомъ,

Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

XVII.

Любимая тема прежнихъ поэтовъ—любовь. Отдавая дань своему времени, Баратынскій и этой темѣ посвятилъ порядочное число стихотвореній. Любовь къ женщинѣ въ началѣ понимается Баратынскимъ довольно грубо. Въ гл. VI и X приведены отрывки стихотвореній, изъ которыхъ видно, что любовь онъ понимаетъ въ физическомъ смыслѣ. Такой же взглядъ на любовь выраженъ и въ стихотвореніи „Возвращеніе“ (LXXVII):

На кровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы летѣли какъ мгновенья!
Лель, улыбнись, когда изъ ней
Случилось дѣвицѣ моей
Унесть во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листокъ нескромный.

Такая любовь, по мнѣнію Баратынскаго, одно изъ условій человѣческаго счастія: такъ, въ стихотвореніи „Подражаніе Лафару“ (IX) мрачное настроеніе поэта разгоняется взглядомъ на Хлою; въ стихотвореніи „Къ Коншину“ (XI) поэтъ утверждаетъ, что съ „чувствительной подругой“ можно забыть и свѣтъ, и рокъ суровый, что въ ея дыханьи можно „пить цѣлебный воздухъ жизни новой“. На этомъ основаніи Баратынскій полагаетъ вполнѣ естественнымъ перепархивать отъ Хлои къ Деліи, отъ Деліи къ Аглаѣ и наслаждаться жизнью; по крайней мѣрѣ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ воспѣваетъ это перепархиванье. При этомъ нужно замѣтить, что поэтъ въ своихъ стихахъ не вымаливаетъ любви у прекраснаго пола. Напротивъ, въ любви онъ обнаруживаетъ необыкновенное самообладаніе: онъ требуетъ за любовь любовь и играть собою не позволяетъ. Любимая тема его — отказъ мужчины отъ такой женщины, которая или слишкомъ разборчива, или же для удовлетворенія своего женскаго самолюбія окружаетъ себя многочисленными поклонниками. Въ стихотвореніи „Цвѣтокъ“ (XXIII) поэтъ разсказываетъ, какъ

Людмила, сорвавъ рано утромъ цвѣтокъ, шла и спрашивала себя, кому отдать его. Всякій встрѣчный восхищается цвѣткомъ и проситъ его себѣ. Людмила не даетъ, приговаривая, что цвѣтокъ предназначенъ другому. Ужъ полдень наступаетъ: цвѣтокъ все еще у Людмилы. Наконецъ, подъ вечеръ она встрѣчаетъ красавца Услада:

„Ты милъ!—она ему сказала,—
Возьми же мой цвѣтокъ!“
Онъ что же дѣвѣ? Онъ спѣсиво:
На что мнѣ твой цвѣтокъ?
Ты мнѣ даришь его; не диво:
Увянулъ твой цвѣтокъ.

Въ стихотвореніи „Къ Делiи“ (XXVI) поэтъ развиваетъ ту же тему. Вокругъ Делiи толпа молодыхъ поклонниковъ, „полуизсохшихъ въ страсти жадной“. Но Делiя нисколько не трогается страданіями своихъ поклонниковъ. Лишь только она достигаетъ ихъ любви, какъ только съ ихъ устъ срываются любовныя клятвы, которыхъ она добивалась, она бросаетъ свое кокетство и слушаетъ поклонника съ улыбкою холодной. Поэтъ за это обращается къ ней съ предостереженьемъ. Онъ напоминаетъ Делiи о томъ, что и ей придется когда-нибудь извѣдать очарованье роковое; но избранный ею быть можетъ не ввѣрится огню ея любви и не тронется ея тоской. Когда же съ лѣтами ея красота увянетъ и она снова захочетъ приманить кого-нибудь, то будетъ уже поздно!

Въ замѣну сновъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады:
Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивыя досады!

Отсутствіе любви въ женщинѣ нисколько не обезкураживаетъ поэта. Въ одномъ стихотвореніи („Дельвигу“ LI) представляется, какъ Дельвигъ предостерегаетъ поэта противъ Делiи и совѣтуетъ ему не вѣрить „прелестницѣ лукавой“, потому что

Самолюбивою забавой
Твои восторги служатъ ей.

Поэтъ готовъ вѣрить Дельвигу. Коварство Делiи приводитъ его сначала въ грустное настроеніе; но потомъ поэтъ овладѣваетъ собою и рѣшаетъ, что самое лучшее быть „плутомъ съ плутовкой, шутить любовью, какъ она“:

Ужель обманщицу другую
Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?

Но это перепархиваніе въ любви, наконецъ, надоѣдаетъ поэту, да и любовь, или, по крайней мѣрѣ то, что онъ разумѣетъ подъ любовью, начинаетъ казаться „отравой", хотя и сладкой (XLI). Вслѣдствіе этого и въ отношеніяхъ Баратынскаго къ любви сказывается тотъ пессимизмъ, который присущъ его поэзіи. Полное разочарованіе въ любви выражается въ стихотвореніяхъ „Разувѣренье" (XL) „Признанье" (LXIV).

Разочарованіе въ любви составляетъ въ поэтѣ переходный моментъ, послѣ котораго онъ начинаетъ понимать, что истинно-счастливая любовь можетъ быть только къ одной. О любви къ одной подругѣ жизни поэтъ говоритъ уже очень рано. Такъ, въ стихотвореніи „Коншину" (XXI) поэтъ говоритъ, что „пора покинуть знамена вѣтренной Киприды" для „подруги нѣжной", съ которой можно было бы „въ счастливой глуши предаться нѣгѣ безмятежной и чистымъ радостямъ души". Въ стихотвореніи „Звѣзда" (XLVIII) поэтъ говоритъ о выборѣ подруги, которую сравниваетъ со звѣздой. Выбирать поэтъ совѣтуетъ не ту звѣзду, которая ярче всѣхъ горитъ на небѣ, а ту, „что съ думою глядитъ, и взору шлетъ отвѣтный взоръ и нѣжностью горитъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ женщинѣ начинаетъ понемногу у поэта одухотворяться. Поэтъ понемногу начинаетъ понимать, что любить въ женщинѣ можно не красоту, не тѣло, а ея духовную личность. Въ стихотвореніи „Она" (XC) хорошо выраженъ идеальный взглядъ поэта на любовь.

Есть что-то въ ней, что красоты прекраснѣй,
Что говоритъ не съ чувствами,—съ душой;
Есть что-то въ ней надъ сердцемъ самовластнѣй
Земной любви и прелести земной.

Такую возвышенную любовь поэтъ нашелъ въ своей женѣ, которой посвятилъ нѣсколько задушевныхъ стихотвореній (напр., „Н. Л. Баратынской" CLXXIV).

XVIII.

Поэзія съ ранней юности была любимымъ предметомъ Баратынскаго. Поэзіи онъ также посвятилъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ съ разныхъ сторонъ разсматривается любимый предметъ.

Баратынскій смотритъ на поэзію, какъ на нѣчто серьезное и возвышенное, хотя серьезность эта понимается не столько въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія поэзіи на людей, котораго онъ не согласенъ признавать (см. стихотвореніе „Гнѣдичу“ LXXXVIII), сколько въ томъ, что „служенье Музъ не терпитъ суеты“. Въ стихотвореніи „Лидѣ“ (XIV) Баратынскій отказывается исполнить ея просьбу—написать ей стихотвореніе, потому что, съ одной стороны „немногимъ избраннымъ понятенъ языкъ поэтовъ и боговъ“, а съ другой, поэту не подобаетъ „вѣтренно безславить плоды возвышенныхъ трудовъ и легкомыслію забавить игрою гордою стиховъ“. Во имя серьезности поэзіи Баратынскій требуетъ въ другомъ стихотвореніи („Языкову“ CXXVI), чтобы Языковъ, „Камена (Муза) котораго пѣла вѣтренныя пѣсни“, перешелъ, наконецъ, къ болѣе серьезному содержанію и этимъ доказалъ бы, что воспѣваніе „вожделѣнія“ было только одной изъ многихъ идей его поэзіи.

Въ стихотвореніи „Скульпторъ“ (CLXIV) Баратынскій поэтически изображаетъ процессъ творческаго воплощенія идеала: художникъ видитъ въ предметахъ нѣчто такое, что недоступно взору обыкновеннаго смертнаго; все творчество художника сводится къ тому, чтобы освободить предметъ отъ тѣхъ элементовъ, которые мѣшаютъ обыкновеннымъ смертнымъ разглядѣть его сущность.

Въ стихотвореніи „На смерть Гете“ (CXX) изображено значеніе и характеръ поэтическаго творчества Гете, откликавшагося своимъ сердцемъ „на все, что проситъ у сердца отвѣта“:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна,
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!

Поэзія исцѣляетъ горести поэта, что выражено въ стихотвореніи CXXXI; „таинственная власть гармоніи искупаетъ тяжелое заблужденіе и укрощаетъ бунтующую печаль“; душа поэта, „согласно излитая“, разрѣшается отъ всѣхъ своихъ скорбей.

Поэту Баратынскій ставитъ извѣстныя требованія. Поэтъ

прежде всего долженъ быть даровитъ. Если нѣтъ природнаго дарованья, то не поможетъ никакой трудъ („Къ—ву“ LXXXIX): „напрасно до поту лица Фофановъ хлопочетъ: ему отказанъ даръ пѣвца; трудится онъ, а Фебъ хохочетъ“. Въ поэзіи можно воспѣвать все: побѣды, красоту, „души своей царицу“, „стукъ мечей“, „вражды царей;“ всѣ Музы равны красотой.

Старайся нравиться любой,
Но полюби ты Феба прежде.

Другое требованіе отъ поэта—самобытность. Основываясь на этомъ требованіи, Баратынскій порицаетъ Мицкевича за его подражаніе Байрону (С).

Не подражай, своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ,
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творитъ себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю, поклонникъ униженный!
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

На этомъ же основаніи Баратынскій нападаетъ на тѣхъ поэтовъ, которые воспѣваютъ грусть не потому, что „постигли таинства страданья“, не потому что они „познали мѣру вышнихъ силъ въ борьбѣ съ тяжелою судьбою“, а изъ подражанія. Музу такихъ поэтовъ-подражателей Баратынскій сравниваетъ съ „нищей развращенной, молящей лепты незаконной, съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ („Подражателямъ“ CXI).

Истинный поэтъ долженъ бояться не осужденій, а похвалъ, потому что „въ чаду ихъ не разъ мощный геній сномъ разслабленья засыпалъ“ („А. Н. М.“ LXX):

Когда по ребрамъ крѣпко стиснутъ
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыснутъ
Его критическимъ хлыстомъ.

Хотя въ этомъ стихотвореніи Баратынскій, подобно Пушкину, отказывается отъ похвалъ, однако въ другомъ онъ съ грустью указываетъ на то, что поэтовъ никогда не цѣнятъ. Въ стихотвореніи „Память поэту“ (CLXIX) Баратынскій спрашиваетъ, кого трогаетъ смерть поэта, кто вздохнетъ по немъ стѣсненной грудью, кто посѣтитъ его тихій гробъ, кто почтитъ его пепелъ „нелицемѣрной панихидой“? И отвѣчаетъ:

Никто! но сложится пѣвцу
Канонъ намеднишнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

Баратынскій думаетъ, что поэты никогда и не будутъ цѣнимы человѣчествомъ. Эту идею онъ выразилъ въ стихотвореніи „Послѣдній поэтъ“ (CXLIV). Подъ вліяніемъ просвѣщенія исчезли „поэзіи ребяческіе сны“; въ сердцахъ людей „корысть“; общая мечта „часъ отъ часу отчетливѣй и безстыднѣе насущнымъ и полезнымъ занята“. Среди такого развращеннаго времени является поэтъ, который идетъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ эпохи.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомыслiемъ цѣня,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.
Поклонникамъ Уранiи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей...

Въ отвѣтъ на свою проповѣдь страстей, легкомыслія, красоты и т. д. поэтъ услышалъ суровый смѣхъ. Смѣхъ поклонниковъ Уранiи холодной (т. е. богини возвышенной, чистой любви) такъ поражаетъ бѣднаго поэта, что онъ ищетъ скрыться куда-нибудь отъ людей. Вотъ передъ нимъ скала, Левкада, откуда Сафо бросилась въ морскія волны. Не послѣдовать-ли ея примѣру и не похоронить ли здѣсь свои мечты, „свой безполезный даръ“?

Но въ смущенiе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ „послѣдняго поэта“ Баратынскій изобразилъ себя, такъ какъ онъ вполнѣ подходитъ подъ изображенный портретъ: Баратынскій воспѣвалъ любовь и красоту, пустоту и суету науки, презирающей будтобы красоту, спасительность страстей и т. д. Баратынскій правъ отчасти, полагая, что именно за это современники отвѣтили ему холоднымъ смѣхомъ. Но онъ неправъ, обвиняя во всемъ свою эпоху: Пушкинъ и Лермонтовъ жили въ одно время съ

нимъ; они также не потакали „промышленному духу“, „корысти“ и т. д., однакоже они были оцѣнены еще при жизни. Ясно, слѣдовательно, что причина равнодушія къ Баратынскому лежала не въ „промышленномъ духѣ“ эпохи, а въ міросозерцаніи самого поэта и въ нѣкоторыхъ формальныхъ недостаткахъ его поэзіи. На это мы указывали уже въ гл. VI и VII. Въ статьѣ Бѣлинскаго, появившейся въ 1842 г., ясно изложены нѣкоторые мотивы, по которымъ порицался Баратынскій. Въ этой статьѣ Бѣлинскій правильнѣе, нежели въ первой, оцѣниваетъ с т и х ъ Баратынскаго. Теперь онъ уже не рѣшается утверждать, что Баратынскій—не поэтъ. Напротивъ, онъ часто указываетъ на энергію, силу и своеобразную красоту его стиховъ. Но зато Бѣлинскій неумолимо борется съ в з г л я д а м и и и д е я м и Баратынскаго. Онъ, какъ и слѣдуетъ, защищаетъ науку отъ притязаній поэта, который не хотѣлъ или не умѣлъ дѣлать различіе между наукой вообще и извѣстнымъ направленіемъ науки въ частности. Баратынскій отворачивается отъ истины и науки, потому что истина кажется ему ужасной для человѣческой жизни. Бѣлинскій, ударяясь со свойственной ему страстностью въ другую крайность, выбираетъ истину, какъ бы горька она ни была для нашего земного существованія, хотя лучше было бы, если бы Бѣлинскій понималъ, что и с т и н а вовсе не исчерпывается тѣмъ механическимъ воззрѣніемъ, которое пробиралось въ то время въ науку; что истина не только не противорѣчитъ красотѣ, страстямъ, но даже составляетъ ихъ основу. Во всякомъ случаѣ Бѣлинскій долженъ быть оправданъ здѣсь потому, что было бы съ его стороны очень неполитично громить вмѣстѣ съ Баратынскимъ науку вообще въ то время, когда на нее смотрѣли, какъ на разрушительницу всякихъ основъ...

О поэмахъ Баратынскаго скажу только, что вполнѣ согласенъ съ оцѣнкой Бѣлинскаго, который, признавая въ нихъ великолѣпныя частности, отрицаетъ ихъ общее значеніе.

К. Р—довъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

«На озерѣ». Повѣсти и разсказы *П. Н. Краснова.*

Выпускомъ настоящей книжки авторъ разоблачилъ свой псевдонимъ, подъ которымъ онъ сотрудничалъ въ нашемъ журналѣ очень дѣятельно. Наши читатели, конечно, достаточно знакомы съ повѣстями, разсказами и очерками *П. Чернова*, который, въ дѣйствительности, и есть *П. Красновъ*, авторъ еще очень молодой и весьма недавно начавшій свою литературную карьеру.

Мы ей предсказываемъ хорошую будущность, хотя вообще распространяться о талантѣ своего постояннаго сотрудника не находимъ удобнымъ, и тѣмъ болѣе, что въ изданную имъ книжку вошли преимущественно произведенія, появившіяся въ «Новомъ Словѣ». Заглавная и самая крупная повѣсть въ этой книжкѣ «На озерѣ» также была помѣщена у насъ.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не радоваться тому факту, что новые литературные таланты на Руси нарождаются, и какъ ни трудно въ настоящее время имъ прокладывать пути къ извѣстности,—все-же публика, интересующаяся литературою, не можетъ ихъ не замѣтить.

Наши читатели, конечно, обратили вниманіе, что среда, изъ которой П. Н. Черновъ, т. е. г. Красновъ, почерпаетъ свои сюжеты для разсказовъ, преимущественно военная, какъ близкая ему и хорошо извѣстная. Въ этой средѣ, повидимому, наиболѣе обезличивающей человѣка, есть также свои старыя и новыя вѣянія, старыя и новыя поколѣнія, быть которыхъ не одинаковъ. Талантливые военные разсказы Л. Толстого уже не отражаютъ новаго военнаго быта, сложившагося иначе, нежели это было въ севастопольскія времена.

Въ частности г. Красновъ близкій знатокъ казацкой жизни, ему родной. Его «Очерки донскаго казачества»—лучшая дань родному краю, къ которому авторъ проникнутъ чувствами горячей любви и поистинѣ казацкой преданности.

Думается, мы не ошибаемся, предполагая, что разсказы г. Краснова доставляли нашимъ читателямъ такое-же удовольствіе, какъ и намъ. Изданы они изящно и нѣкоторыя сцены иллюстрированы прекрасными рисунками г. Бакмансона.

О. Б.

Повѣсти и разсказы *Н. П. Стахевичъ* (изд. Ледерле).

Почти тоже самое приходится сказать и объ этой книжкѣ, такъ какъ авторъ близкое лицо нашей редакціи. Два разсказа изъ этого сборника «Симочка» и «Лакей» были напечатаны въ нашемъ журналѣ; другіе появлялись въ «Русской Мысли» и прочихъ изданіяхъ.

Разсказы г-жи Стахевичъ всегда проникнуты свѣтлою идеею и сочувствіемъ честнымъ порывамъ и борьбѣ. Психологическій анализъ выходитъ у нея реальнымъ и тонкимъ вездѣ, гдѣ она играетъ на его стрункѣ. Достаточно это видно уже изъ одного разсказа «Симочка», гдѣ такъ удачно схвачена психологія старой дѣвы, жаждущей сдѣлать себѣ карьеру.

Что касается до внѣшности изданія, то г. Ледерле могъ-бы о ней побольше позаботиться. Нынѣшній читатель, къ сожалѣнію, не скоро вникаетъ во внутреннее содержаніе, а подкупается внѣшностью: ему товаръ надо лицомъ показать...

О. Б.

Стихотворенія *Л. Н. Трефолева*, изд. 1894 г. До сихъ поръ не было ни одного изданія стихотвореній Л. Н. Трефолева, а между тѣмъ это одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ поэтовъ-шестидесятниковъ, да при томъ изъ серьезныхъ поэтовъ. Отъ времени до времени онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ нашихъ журналахъ, но въ общемъ писалъ довольно рѣдко, и благодаря этому обстоятельству наше общество мало знакомо съ нимъ, какъ съ поэтомъ, часто даже впервые слышитъ его имя. Между тѣмъ, кто напр. не знаетъ его пѣсни о камаринскомъ мужикѣ?

Стихотворенія его, вышедшія лишь недавно въ отдѣльномъ сборникѣ, относятся къ 1864 — 1893 г. Промежутокъ времени очень большой и физіономія стихотвореній поэта можетъ вполнѣ опредѣлиться; но стихотворенія г. Трефолева, даже самыя первыя, давно уже заслужили себѣ репутацію хорошихъ, идейныхъ, серьезныхъ стихотвореній, и эта репутація сохранилась за ними во всѣ времена. Можно сказать, что г. Трефолевъ ни на іоту не измѣнилъ своему направленію и въ теченіи болѣе цѣлой четверти вѣка остался ему вполнѣ вѣренъ. Направленіе это именно и характеризируетъ его

стихотворенія, отличаетъ ихъ отъ массы другихъ, и придаетъ имъ оригинальную, неувядаемую свѣжесть. Г. Трефолевъ—народническій поэтъ, поэтъ гражданской скорби. Онъ одной плеяды съ Некрасовымъ, хотя и не такая крупная величина, и съ Жемчужниковымъ. Музы ихъ сродны по напѣвамъ. Будучи типичнымъ шестидесятникомъ и свято служа идеаламъ шестидесятыхъ годовъ, онъ воспѣваетъ народъ, его жизнь, его горе и радости. Почти каждое его стихотвореніе взято изъ народной жизни, или имѣетъ прямое отношеніе къ народу.

Рѣзче всего это направленіе выражается въ стихотвореніяхъ: Пошехонскіе лѣса, На бѣднаго Макара и шишки валятся, Деревенская школа, Дубинушка и др. Стихотворенія эти написаны звучнымъ, легкимъ и правильнымъ языкомъ, очень напоминающимъ эпическій языкъ стихотвореній гр. Алексѣя Толстого; изложеніе всегда простое, остроумное, а эти особенности свидѣтельствуютъ о талантѣ, о дарованіи поэта, и дарованіе это очень симпатично. Языкъ стихотвореній и размѣръ всегда строго соотвѣтствуютъ содержанію, рифмы правильны и звучны, а содержаніе всегда интересно. Въ наше время такихъ стихотвореній не пишутъ; пишутъ, можетъ быть, лучше, или хуже, но такъ именно никто не пишетъ. По языку г. Трефолевъ стоитъ ближе всего именно къ А. Толстому.

Приведемъ для примѣра образецъ языка стихотворенія «Пошехонскіе лѣса».

Охъ, лѣсочки безконечные,
Пошехонскіе, родимые!
Что шумите, вѣковѣчные
И никѣмъ не проходимые?

* * *

Вы стоите исполинами,
Будто небо подпираете,
И зелеными вершинами
Съ непогодушкой играете.

* * *

Люди конные и пѣшіе
Посѣтить васъ опасаются:
Заведутъ въ трущобу лѣшіе,
Насмѣются, надругаются...

. . . . . .

* * *

Отвѣчаютъ сосны дикія,
Поклонившись отъ усердія:
Къ намъ пришли бѣды великія,
Рубятъ насъ безъ милосердія.

И т. д.

Или, вотъ образецъ изъ другого стихотворенія, называющагося «Буйнымъ вѣчемъ»:

„Гой еси, читатель! Слушай, человѣче,
Нѣкое сказанье о недавнемъ вѣчѣ....
. . . . . .
За столомъ сидѣли умныя „особы"
И рѣшали плавно, чинно и безъ злобы
О хозяйствѣ сельскомъ хитрые вопросы.
Это были „наши". Это были „Россы",
Люди съ головами, все экономисты.
Помыслы ихъ были радужны и чисты,
Какъ душа младенца; взоры—не свирѣпы;
Ибо, разсуждая о посадкѣ рѣпы
Или о горохѣ самымъ важнымъ тономъ,
Трудно быть Маратомъ, трудно быть Дантономъ.
Даже самъ картофель, скажемъ для примѣра,
Можетъ ли изъ земца сдѣлать Робеспьера?
Но на всякій случай, средь экономистовъ
Важно помѣстился мѣстный частный приставъ,
Ради ли порядка, или ради страха,
Это предоставимъ вѣдѣнью Аллаха.

И т. д.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ кромѣ собственныхъ, оригинальныхъ произведеній помѣщено нѣсколько переводовъ (стихотворныхъ) съ сербскаго и польскаго языковъ, главнымъ образомъ изъ Владислава Сырокомли. Переводы эти очень хороши, даже скажемъ, лучше собственныхъ стихотвореній г. Трефолева, разумѣется, по языку; нѣкоторыя изъ нихъ очень поэтичны. Но какъ въ переводныхъ, такъ и въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ вездѣ поэтъ выступаетъ защитникомъ гражданскихъ, общественныхъ интересовъ и искреннимъ другомъ народа. Усердно рекомендуемъ эту книгу нашимъ читателямъ.

Сказки, преданія и легенды всѣхъ народовъ. Состав. Е. Владимірова (Европеусъ), изд. 1894 г.

Здѣсь собраны плоды творчества народовъ всѣхъ странъ, здѣсь мы находимъ легенды и преданія французскія, нѣмецкія, венгерскія, скандинавскія, польскія и сербскія. Но нельзя сказать, что выборъ этихъ легендъ сдѣланъ удачно. Каждая легенда, можетъ быть, и хороша сама по себѣ, но она не передаетъ особенностей, психологіи и міросозерцанія народа данной страны, чего, казалось бы, мы вправѣ были бы требовать отъ такой книги. Самыя лучшія въ этомъ отношеніи, самыя содержательныя—преданія скандинавскихъ и славянскихъ народовъ, преимущественно польскія и

сербскія, хотя, опять таки надо сказать, что у этихъ народовъ есть гораздо лучшія народныя сказки и преданія, болѣе характерныя для самого народа.

Изъ сербскихъ сказокъ самая лучшая о смышленномъ парнѣ, умѣющемъ благодаря своей смышленности надуть и провести всякаго и всюду извлечь свои выгоды. Хотя это въ сущности безнравственная сказка, тѣмъ не менѣе въ ней видно народное остроуміе и смѣтливость. Изъ польскихъ преданій хороши: Перстень Кунигунды, въ которомъ объясняется въ легендарной формѣ зарожденіе Велички и ея соляныхъ копей, этого блага Галиціи и вообще человѣческаго. Недурна также легенда о Силачѣ Христофорѣ.

Преданія и легенды другихъ народовъ, какъ мы уже сказали, менѣе интересны, можетъ быть, благодаря плохому ихъ подбору и неимѣнію лучшаго матеріала.

По внѣшности книжка очень изящна, иллюстрирована нѣсколькими хорошо исполненными рисунками, но цѣна ея, сравнительно съ достоинствомъ, по нашему мнѣнію, очень высока.

М. К.

НАШИ ЖУРНАЛЫ.

Журналистика наша за истекшее полугодіе не обогатила русской литературы никакими выдающимися произведеніями, ни по беллетристикѣ, ни въ области научнаго знанія. Есть нѣсколько крупныхъ романовъ: „Друзья“ ром. Шабельской, „Смертный бой“ Потапенко, „Весеннія иллюзіи“ В. Дмитріевой и другіе болѣе или менѣе извѣстныхъ авторовъ, но все это мало имѣетъ значенія и цѣны, и не составляетъ того, чего мы желали бы въ идеалѣ отъ подобнаго рода литературныхъ произведеній. Это не выдающіяся произведенія, да впрочемъ такихъ въ послѣднее время почти и не встрѣчается. Нельзя также сказать, чтобы наша общественная жизнь, наши современныя теченія были изображены нашей литературой съ какой-нибудь новой, незнакомой стороны, получили бы какое-нибудь другое освѣщеніе и т. д., нѣтъ: жизнь, событія идутъ своимъ чередомъ, никѣмъ не подмѣчаемыя и отразятся въ литературѣ по обыкновенію, вѣроятно, тогда лишь, когда получатъ значеніе совершившихся фактовъ. П. Боборыкинъ напр. въ своемъ „Перевалѣ“ хотѣлъ было изобразить нѣчто современное, животрепещущее, но изъ усилій его ничего не вышло: получилось какое-то измышленіе будто бы самой современной жизни; настоящая-же жизнь, настоящее общество, живая дѣйствительность ускользнули отъ его наблюденій и описанію его не поддались.

Только иногда въ мелкихъ разсказикахъ найдешь что-нибудь интересное, живое и отдохнешь отъ тѣхъ длинныхъ, монотонныхъ произведеній, отъ которыхъ наши журналы становятся тяжеловѣсными. Но и такихъ хорошихъ мелкихъ произведеній далеко не такъ много, и приходятся они на долю одного-двухъ нашихъ журналовъ.

На первомъ планѣ стоитъ имѣющая свою опредѣленную физіономію „Русская Мысль“. Беллетристическій отдѣлъ ея по обыкновенію богаче, нежели въ другихъ журналахъ. Въ іюльской книгѣ помѣщено продолженіе записокъ объ островѣ Сахалинѣ А. Чехова и окончанія еще до сихъ поръ нѣтъ. Редакція словно придерживается купеческаго правила: давать хорошенькаго по немножку—и помѣщаетъ статьи г. Чехова на разстояніи нѣсколькихъ книжекъ одну отъ другой. Статьи эти начались печататься въ „Русской Мысли“ еще осенью прошлаго года и тогда-же обратили на себя вниманіе. Содержаніе ихъ дѣйствительно цѣнно. Со свойственнымъ г. Чехову талантомъ, онъ даетъ картину жизни ссыльно-каторжныхъ на о. Сахалинѣ, рисуетъ ихъ общественный и семейный бытъ, ихъ нравы, понятія, и отношеніе къ нимъ начальства и ихъ къ начальству. Разумѣется, разсказано это не въ беллетристической формѣ, а въ видѣ замѣтокъ-корреспонденцій, написанныхъ съ талантливостью и наблюдательностью г. Чехова.

Кромѣ острова Сахалина въ „Русской Мысли“ тянется безконечная переписка Герцена съ Натальей Александровной Захарьиной и, кажется, этой перепискѣ никогда не будетъ конца. Читатели „Русской Мысли“ прежнихъ годовъ достаточно знакомы съ характеромъ этой переписки, поэтому распространяться о ней и не стоитъ, тѣмъ болѣе, что ничего новаго къ характеристикѣ личности Герцена она не прибавляетъ. Это ужъ какая-то манія собирать записочки знаменитыхъ людей, которые, благодаря имъ, становятся иногда такъ малы, не интересны и заурядны.

Но за то обращаетъ на себя вниманіе повѣсть К. С. Баранцевича „Побѣда“. Баранцевичъ принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ писателей и каждое его новое произведеніе (а пишетъ онъ очень много въ послѣднее время), отличается все большими и большими достоинствами. „Побѣда“ и по замыслу, и по исполненію стоитъ того, чтобы на нее обратить серьезное вниманіе. Честный и въ высшей степени интеллигентный человѣкъ, докторъ Бѣлавенскій является жертвой затхлыхъ взглядовъ общества на семейныя отношенія и лишается семьи. Женился онъ по любви; но въ жизни онъ и жена оказались несродными душами. Она была дочерью своей мамаши, унаслѣдовала отъ нея, да и отъ отца ложные взгляды

на отношеніе людей другъ къ другу и на семейную жизнь. Согласно этимъ взглядамъ мужъ долженъ держать жену въ строгости, на вѣчно натянутой веревочкѣ, которая никогда не должна ослабѣвать. И если вдругъ женѣ кто-нибудь понравится, то мужъ долженъ не допускать до разрыва и принимать самыя крупныя мѣры. Наталья Яковлевна, жена Бѣлавенскаго, устраивавшая разные вечера и танцы и кокетничавшая съ молодыми людьми, вдругъ влюбилась въ друга мужа Мятлина, и Бѣлавенскаго всѣ—и теща, и тесть, и сама Ната обвиняютъ въ томъ, что онъ не предупредилъ этой любви, не выгналъ Мятлина въ шею, не устранилъ скандала; и, ужъ если пошло на скандалъ, то надо было устроить его какъ можно п р и л и ч н ѣ е: пусть бы Ната жила съ мужемъ, такъ сказать фиктивно, а Мятлинъ состоялъ при ней, какъ вообще это принято дѣлать во всякомъ приличномъ обществѣ, а между тѣмъ вышло такъ, что Ната ушла отъ мужа совсѣмъ и весь городъ узналъ о скандалѣ.

Честный и справедливый Бѣлавенскій ведетъ нравственную борьбу съ родственниками и съ самимъ собой и одерживаетъ побѣду.

Это была вторая его побѣда надъ самимъ собой, и досталась она ему дорого.

Блѣдный, тяжело дыша, онъ лежалъ на диванѣ и по его блѣдному, но запечатлѣнному восторженнымъ выраженіемъ лицу текли безмолвныя, благодатныя слезы духовнаго обновленія...

Въ жизни такіе идеально честные, симпатичные люди, какъ Бѣлавенскій, пожалуй, и не существуютъ, несомнѣнно—это слишкомъ исключительный типъ глубоко интеллигентнаго человѣка, но что за бѣда! Вѣдь тѣмъ рѣзче выступаетъ и обрисовывается пошлость другихъ, тѣмъ сильнѣе почувствуютъ они свое ничтожество. А что личность Бѣлавенскаго дѣйствительно исключительная, идеальная, это мы можемъ видѣть напр. изъ его письма къ о. Іоанну Кронштадтскому, которое уже само по себѣ достойно того, чтобы его привести. Письмо это навѣяно было ему зрѣлищемъ цѣлой толпы несчастныхъ арестантовъ, мимо которыхъ проѣхалъ о. Іоаннъ въ каретѣ и которымъ не помогъ ничѣмъ. Письмо это писалъ Бѣлавенскій въ одну изъ самыхъ драматическихъ минутъ своей личной жизни и это указываетъ на то, что онъ никогда не отдѣлялъ своей личности отъ всѣхъ явленій общественной жизни.

Повѣсть г. Баранцевича написана очень хорошо. Вообще онъ всегда подкупаетъ читателя своей задушевностью, вдумчивостью, а художественность изложенія усиливаетъ достоинство его произведеній.

Изъ другихъ произведеній обращаетъ на себя вниманіе повѣсть г. Потапенко „Смертный бой“, но только не по качеству, а по объему. Нашумѣвшій въ послѣдніе годы количествомъ своихъ произведеній, г. Потапенко въ послѣднее время какъ-то стушевался, уменьшился, изъ колосса превратился чуть-ли не въ лилипута, однимъ словомъ, оправдалъ изрѣченіе: отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. О только что упомянутой повѣсти „Смертный бой“ мы считаемъ лишнимъ распространяться, во-первыхъ, потому что она еще не кончена, а изъ того, что напечатано, нельзя сдѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ, во-вторыхъ, въ самомъ короткомъ времени мы надѣемся дать болѣе подробную критическую статью вообще о произведеніяхъ г. Потапенко, въ которую войдетъ и „Смертный бой“.

Разсказъ г. Мамина Сибиряка „Не мама“ (въ октябрской книжкѣ) составляетъ прямое продолженіе его разсказовъ „Дѣтскія тѣни“, вышедшихъ недавно изъ печати отдѣльной книгой, о которой мы уже имѣли случай говорить. Содержаніе разсказа „Не мама“ таково. Одна хористка подъ вліяніемъ своей знакомой барыни - семьянинки вдругъ вздумала вернуть изъ деревни своего ребенка; ребенокъ этотъ — дѣвочка прожила тамъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, никогда не знала родной матери и вполнѣ свыклась съ чужой женщиной - крестьянкой, которая ее выкормила и выростила. Всѣ материнскія ласки, любовь, всѣ старанія вызвать въ сердцѣ своей дѣвочки любовь къ себѣ, были напрасны, такъ какъ ребенокъ не могъ забыть другую деревенскую „мамку“, а эту мать считалъ „не мамой“. Усумнившаяся въ своемъ умѣньи вызвать любовь въ ребенкѣ, испытывая сильныя нравственныя страданія, не чувствуя возможности вернуться къ прежнему разгулу и не находя ни нравственнаго удовлетворенія, никакого исхода или утѣшенія въ той трудовой жизни, которую она повела ради ребенка, несчастная мать кончаетъ самоубійствомъ. Разсказъ написанъ трогательно, правдиво и производитъ сильное впечатлѣніе.

Въ научномъ отдѣлѣ „Русской Мысли“ мало интереснаго

и содержательнаго. Вообще этотъ отдѣлъ въ нашей журналистикѣ обреченъ на то, чтобы представлять изъ себя балластъ, и этой-же участи подверглась и „Русская Мысль“, можетъ быть болѣе, нежели какой-нибудь другой журналъ. Изрѣдка лишь найдешь въ этомъ балластѣ въ видѣ исключенія хорошую вещь, такъ сказать каплю чистой воды.

Такимъ хорошимъ исключеніемъ является статья В. Вахтерова „О всеобщемъ начальномъ обученіи“, въ которой онъ путемъ статистическихъ данныхъ и сравненія съ другими европейскими странами доказываетъ необходимость и возможность введенія у насъ всеобщаго начальнаго обученія. Между прочимъ, онъ приводитъ цифры, изъ которыхъ видно, насколько мы мало расходуемъ на это первостепенной важности дѣло и какъ мало прогрессируемъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Такъ, напр., Франція въ 1870 г. свой бюджетъ по народному образованію опредѣляла въ 24 мил. фр., а теперь онъ равняется громадной для насъ цифрѣ 175 мил. франковъ, тогда какъ нашъ современный бюджетъ не достигаетъ 15 мил. руб. Такимъ образомъ мы слишкомъ отстаемъ въ дѣлѣ народнаго образованія отъ другихъ культурныхъ народовъ, между тѣмъ, по справедливому выраженію Жюля Симона, „народъ, у котораго лучшія школы — первый народъ: если онъ не таковъ теперь, то онъ станетъ имъ завтра“.

Переводная беллетристика занимаетъ мѣсто въ журналѣ въ ущербъ оригинальной, изъ нея выдѣляется по своимъ достоинствамъ романъ г. Сенкевича „Семья Полонецкихъ“, переводы котораго печатаются, кажется, во всѣхъ русскихъ журналахъ. Отдѣлъ критики и публицистики въ „Русской Мысли“ со смертью Шелгунова и съ уходомъ оттуда Н. Михайловскаго, М. Протопопова, вообще хромаетъ и не содержитъ въ себѣ ничего выдающагося.

Если въ „Русской Мысли“ мы встрѣчаемъ нѣсколько болѣе или менѣе хорошихъ вещей, на которыхъ можно остановиться, то въ „Вѣстникѣ Европы“ нѣтъ ничего подобнаго. Этотъ журналъ вообще бѣденъ беллетристикой, а въ этомъ году какъ-то особенно бѣденъ. Послѣ Боборыкинскаго „Перевала“, который былъ разнесенъ нашей критикой въ пухъ и прахъ, и о которомъ въ журналахъ писались цѣлыя статьи, „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ повѣсть г-жи Дмитріевой „Весеннія иллюзіи“. Эта новинка существенно отличается отъ

тѣхъ повѣстей г-жи Дмитріевой, которыя взяты изъ народной жизни, въ большинствѣ случаевъ съ драматическимъ содержаніемъ и помѣщены въ первомъ томѣ ея сочиненій подъ названіемъ „Деревенскіе очерки“. Ни содержаніе этой повѣсти, ни выведенные въ ней герои, ни отношенія ихъ, не представляютъ чего-нибудь новаго и интереснаго. Знаменитый художникъ, нѣкто Селищевъ, вдругъ влюбился въ молодую пріѣзжую провинціалку, — ему показалось, что онъ еще можетъ любить; дѣвушка ему отвѣчала тѣмъ-же, и такимъ образомъ завязался романъ. Но на другой-же день послѣ признанія художникъ увидѣлъ, что онъ слишкомъ изжившійся человѣкъ, что онъ не способенъ на продолжительное чувство, и пришелъ къ тому убѣжденію, что все это были лишь „весеннія иллюзіи“. Такимъ образомъ, онъ спасовалъ и отказался отъ любви. Однако, разрывъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на дѣвушку, вѣрнѣе, произвелъ совершенно другое впечатлѣніе. „Все то, что было до этой ночи,—ея пріѣздъ въ Петербургъ, ея мечты, знакомство съ Селищевымъ, любовь, его письмо, отчаяніе—казалось ей дѣтскимъ сномъ, фантастической сказкой, призрачной иллюзіей. Взошло солнце — и призракъ исчезъ; съ нынѣшняго дня для нея начиналась настоящая жизнь—борьба, и Ганя радостно, съ надеждой и любовью, расширявшей ея сердце, всматривалась въ загорѣлыя лица встрѣчавшихся ей рабочихъ. Да, она знаетъ теперь, что надо ей дѣлать и куда идти... И она пойдетъ, несмотря ни на что; она ничего не боится и ни передъ чѣмъ не остановится. Прощай мечты и сны, и сумрачные призраки пробуждающейся души! Здравствуй, солнце — свѣтъ, борьба и трудъ! Впередъ на встрѣчу къ вамъ!“

Такъ окончился для Гани ея первый романъ и, какъ видитъ читатель, на пользу ей. Но не все вниманіе автора занято исключительно любовью художника и Гани и на нашъ взглядъ не въ этомъ вся суть произведенія. Не столько главные герои играютъ здѣсь роль, сколько второстепенные, вводные. Среди нихъ мы находимъ нѣсколько правдиво очерченныхъ типовъ и между прочимъ типы современныхъ литераторовъ, увы! не всегда въ удобномъ для нихъ освѣщеніи. Въ особенности, продажность убѣжденій—столь часто встрѣчающаяся въ современной литературной средѣ и завоевываю-

щая себѣ права гражданства — сильно возмущаетъ автора и заставляетъ широко распространяться на эту тему.

Въ общемъ повѣсть написана не совсѣмъ безукоризненно, не безъ маленькой утрировки и не безъ нѣкоторыхъ сантиментальностей, но, какъ мы уже сказали, это единственное болѣе или менѣе выдающееся произведеніе на страницахъ „Вѣстника Европы".

Въ статьѣ „Изъ командировки" г. И. Б. студента медика, мы находимъ нѣкоторыя интересныя замѣтки и наблюденія изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Авторъ этихъ замѣтокъ, какъ дѣйствующее лицо, говоритъ, напр., объ отношеніяхъ народа къ докторамъ и вообще къ медицинѣ, о такихъ отношеніяхъ, при которыхъ не только нельзя интеллигенту работать, но прямо надо бѣжать съ поля дѣятельности. Во-первыхъ, народъ предубѣжденъ противъ больницъ, отчасти боясь, что отъ другихъ больныхъ и заразныхъ можетъ пристать и увеличиться болѣзнь, отчасти думая, что разъ попалъ въ больницу—не выйдешь оттуда живымъ. Во-вторыхъ — недовѣріе къ врачамъ выражалось въ разныхъ неправдоподныхъ легендахъ, сказочныхъ слухахъ, благодаря которымъ врачи превращались въ какихъ-то вампировъ. Въ одной легендѣ, напр., говорилось, что за каждаго русскаго отравленнаго и умершаго, докторъ получаетъ 30 руб., за хохла, которыхъ большинство въ той мѣстности, 40 руб. Въ концѣ концовъ, несмотря на то, что сначала существовали самыя лучшія, дружескія отношенія съ народомъ, автору пришлось бѣжать отъ разъяренной толпы съ чувствомъ нравственной обиды въ сердцѣ. Еще болѣе горькія чувства пришлось пережить земскому доктору, безкорыстно и честно работавшему 10 лѣтъ, съ самой студенческой скамьи. Больница была разгромлена, разрушена до основанія, а самъ докторъ, съ револьверомъ въ рукахъ, скрывался отъ безумной толпы, которой онъ въ качествѣ врача отдалъ лучшіе годы своей жизни. Въ общемъ эти замѣтки интересны, такъ какъ наглядно иллюстрируютъ жизнь народа, его безпросвѣтное невѣжество, его отношеніе къ рабочей деревенской интеллигенціи и наоборотъ отношенія этой интеллигенціи: земскихъ начальниковъ, врачей и пр. къ народу.

Что касается научнаго отдѣла „Вѣстника Европы", то статьи, помѣщаемыя въ немъ, отличаются сухостью и акаде-

мичностью. Обращаетъ лишь на себя вниманіе статья Н. Карѣева „Экономическій матеріализмъ въ исторіи“, помѣщенная въ 7, 8 и 9 книжкахъ и посвященная вновь выплывшему модному вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ; недурно ведется „Внутреннее обозрѣніе“ журнала, но больше не на чемъ остановиться.

„Сѣверный Вѣстникъ“ еще безличнѣе и безсодержательнѣе. Здѣсь мы найдемъ неизмѣннаго, вездѣсущаго г. Немировича-Данченко (ром. „На разныхъ дорогахъ“) и г-жу Марію Крестовскую, какъ извѣстно, впервые дебютировавшую на страницахъ „Нивы“ и „Русскаго Вѣстника“, а теперь печатающую въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ свою повѣсть въ письмахъ „Женская жизнь“. Это произведеніе ничего не представляетъ изъ себя выдающагося и интереснаго настолько, чтобы стоило о немъ распространяться; два-три стихотворенія гг. Минскаго и Мережковскаго и неизмѣнная критическая статья г. Волынскаго—кажется всего этого достаточно, чтобы составить себѣ общее понятіе объ этомъ журналѣ. Въ прежнее время интересны были въ немъ статьи-корреспонденціи г. Макъ-Гаханъ изъ Америки; но по какому-то недоразумѣнію съ редакціей г. Макъ-Гаханъ ушла и теперь работаетъ, кажется, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Единственная обращающая на себя вниманіе вещь послѣдняго времени это повѣсть г. Нефедова—„Тайна рѣки“. О характерѣ произведеній г. Нефедова мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ журналѣ не такъ давно, объ этомъ же новомъ его произведеніи скажемъ, что оно написано не хуже прежнихъ: г. Нефедовъ рисуетъ народную жизнь Прикамья и по обыкновенію рисуетъ ее живо и занимательно. Отъ этого произведенія, какъ и вообще отъ произведеній г. Нефедова, вѣетъ оригинальностью и свѣжестью. Н. Лѣсковъ въ назиданіе редакціи „большой и самой вліятельной теперь петербургской газеты“, напечатавшей съ полнымъ довѣріемъ и наивной патріотической восторженностью одну изъ такъ называемыхъ „удалецкихъ скасокъ“ приводитъ нѣсколько такихъ „скасокъ“ и дѣлаетъ изъ нихъ совершенно другіе выводы. Статья его называется „Вдохновенные бродяги“. Заглавіе совсѣмъ во вкусѣ г. Лѣскова и ничего намъ не говоритъ; но мы находимъ въ этой статьѣ нѣсколько примѣровъ, когда въ прежнія времена разные шелопаи, не желая покоряться общественнымъ законамъ,

стѣснявшимъ ихъ, отправлялись въ чужія страны, затѣмъ, пройдя рядъ мытарствъ, возвращались на родину, разыгрывали изъ себя героевъ и разсказывали или писали о себѣ такъ называемыя „удалецкія скаски“. Возвращались они окруженные нѣкоторымъ ореоломъ подвижничества и славы, и общество не только прощало имъ ихъ прежнія, старыя преступленія противъ закона, но даже иногда поддерживало ихъ, не смотря на то, что поступки этихъ бродягъ, хотя и совершенные въ другихъ странахъ, отличались низменностью и пройдошествомъ, возведеннымъ въ удаль.

Въ новѣйшее время стала оказывать свои услуги печать для возвеличенія этихъ народныхъ удальцовъ. Къ такимъ напр. удальцамъ принадлежитъ пресловутый Ашиновъ, и въ свое время Катковъ распинался за него, прославляя его народнымъ героемъ. Пріѣхалъ Ашиновъ въ Петербургъ и рядъ редакторовъ ходилъ за нимъ, какъ за святыней, а поэтъ славянофилъ генералъ Розенгеймъ, скоропостижно скончавшись за обѣдомъ, покатился подъ ноги Ашинову, и вызвалъ съ его стороны слѣдующія слова:

— Эхъ, ты! Нашелъ гдѣ умирать, дурашка!

Объ этихъ-то холопскихъ проявленіяхъ печати, расточающей хвалы всякому заурядному бродягѣ, объ этомъ наивномъ самовосклицаніи и говоритъ г. Лѣсковъ въ назиданіе самой сильной петербургской газеты и т. д.

Остальныя статьи „Сѣвернаго Вѣстника“ слишкомъ безличны и здѣсь ровно не на чемъ остановиться. Если каждый журналъ къ концу года старается дать побольше и получше матеріала, то „Сѣверный Вѣстникъ“, очевидно, этого взгляда не придерживается: онъ или безкорыстнѣе другихъ или ближе—что вѣроятнѣе, не богатъ чѣмъ-нибудь болѣе содержательнымъ и выдающимся. „По Самаріи“ путевыя замѣтки Б. Корженевскаго, „Записки“ А. Смирновой, „Связка писемъ Герцена“ ст. Некрасовой, „Изъ дневника Герцена“, „Исторія и ея причины“, „Въ окрестностяхъ Вахръ-Мута“ и прочій неинтересный балластъ, который остается обыкновенно неразрѣзаннымъ,—вотъ весь тотъ матеріалъ, о которомъ можно лишь упомянуть, но писать о которомъ нѣтъ ни времени, ни мѣста, ни причины.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ тянется нескончаемый романъ г. А. Шабельской „Друзья“. Въ этомъ романѣ много разныхъ

эффектныхъ сценъ и положеній, много лицъ, но достоинства его отъ этого не увеличиваются. Содержаніе его относится къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, но мало характеризуетъ это время. Эта эпоха составляетъ лишь фонъ, на которомъ разыгрывается исторія одной злой и мстительной молодой женщины, жены старика, которую авторъ, очевидно, приведетъ въ концѣ концовъ къ нравственному перерожденію и обновленію. Вѣроятно, тогда и роману будетъ конецъ.

Несравненно интереснѣе и содержательнѣе „Черты изъ жизни Пепко“ г. Мамина-Сибиряка. Это отрывочные, незаконченные очерки изъ жизни двухъ студентовъ, вынужденныхъ искать себѣ средства къ существованію въ мелкой литературной работѣ, репортерствѣ, писаніи грошевыхъ романовъ для хищныхъ издателей мелкой прессы. Благодаря такому труду и своимъ экономическимъ условіямъ, они не имѣютъ возможности ни учиться, ни жить болѣе или менѣе нормально, ни вращаться въ интеллигентномъ обществѣ, ни устроить свою будущую жизнь и семью. Очерки эти любопытны и тѣмъ еще, что приподнимаютъ завѣсу надъ нравами литературной богемы, рисуя всѣ мытарства и неприглядныя стороны первой стадіи литературнаго труженичества въ мелкихъ безымянныхъ журналахъ. У этихъ литературныхъ тружениковъ, число которыхъ легіонъ, существуетъ даже свой клубъ-Академія—трактиръ, съ его вѣчно пьяными посѣтителями, представителями подворотной литературы, знавшими когда-то и лучшіе дни. Этихъ любопытныхъ нравовъ литература до сихъ поръ не затрагивала, а между тѣмъ они заслуживаютъ того, чтобы говорить о нихъ.

Содержанія очерковъ передать невозможно, такъ какъ они не представляютъ изъ себя ничего цѣлаго; можно лишь въ общихъ чертахъ указать на достоинства, интересъ и новизну ихъ. Написаны они очень живо и ярко, но вызываютъ въ читателѣ пессимистическое настроеніе и горькія мысли объ этой учащейся молодежи, принужденной вращаться въ литературныхъ трущобахъ.

Н. К. Михайловскій по прежнему продолжаетъ писать свои статьи „Литература и жизнь“ въ каждомъ № журнала. Всѣ онѣ находятся болѣе или менѣе въ связи и касаются вновь выплывшихъ вопросовъ экономическаго матеріализма, которому г. Михайловскій противопоставляетъ свои соціальныя теоріи.

Какъ извѣстно, экономическій матеріализмъ считаетъ на своей сторонѣ большую группу современной интеллигенціи, съ которой г. Михайловскому и приходится вести ожесточенную полемику. Эти статьи его, какъ касающіяся важныхъ вопросовъ текущей жизни и общественной литературы, представляютъ несомнѣнный интересъ.

Въ статьѣ Б. Брандта, составленной на основаніи серьезныхъ американскихъ источниковъ и книги Вариньи „Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ Америки“ Парижъ 93 г.,— и озаглавленной „Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и Америки“, мы находимъ историческія свѣдѣнія и факты о томъ, какъ и почему американская женщина въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ счастливѣе своей европейской подруги. Съ самого перваго момента переселенія изъ Стараго Свѣта въ Новый, говоритъ намъ исторія, женщина на ряду съ мужчинами приняла самое горячее, дѣятельное участіе въ устройствѣ своего новаго пепелища, какъ ни суровы были условія жизни этихъ американскихъ піонеровъ. Чѣмъ больше тамъ развивалась жизнь націи, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось въ ней вліяніе женщины, и когда наступила борьба за освобожденіе, то женщина приняла въ ней самое горячее, активное участіе, продавала свои драгоцѣнности, чтобы имѣть возможность купить оружіе, переливала домашнюю утварь въ пули, кроила и шила аммуницію для арміи и пр. Въ войнѣ съ южанами изъ-за уничтоженія рабства женщины явились такими же дѣятелями и ярыми защитниками гуманности. Такимъ образомъ женщина нигдѣ не отставала отъ мужчины и иногда даже превосходила его. Благодаря этимъ историческимъ условіямъ, а также благодаря своей личной энергіи и дѣятельности, собственной иниціативѣ и желанію, женщина сама создала тамъ свое юридическое и высокое соціальное положеніе, которое не оставляетъ желать ничего лучшаго. Она широко пользуется свободой, участвуя не только въ фабричномъ, ремесленномъ и въ различныхъ видахъ профессіональнаго труда, но и въ разныхъ либеральныхъ профессіяхъ, въ медицинѣ и юриспруденціи, въ литературѣ и журналистикѣ, въ педагогикѣ и церковной службѣ, въ государственной и общественной службѣ, въ торговой и предпринимательской дѣятельности. Такое разнообразное участіе женщины во всѣхъ сферахъ соціальной жизни возможно только

потому, что онѣ находятъ въ школѣ достаточную подготовку для всѣхъ этихъ занятій, что двери всѣхъ образовательныхъ учрежденій открыты для нихъ въ такой же степени, какъ и для мужчинъ. Затѣмъ, что дѣйствительно важно и заслуживаетъ вниманія во взаимныхъ отношеніяхъ между обоими полами въ Сѣверной Америкѣ,—это полное уваженіе къ человѣческой личности женщины, полное признаніе ея интеллектуальныхъ способностей, ея духовнаго равенства съ мужчиной. Это признаніе равноправности составляетъ въ Америкѣ аксіому, вошло въ плоть и кровь народа, сдѣлалось составною частью его міросозерцанія. Въ этомъ-то и заключается глубокая пропасть, отдѣляющая старую Европу отъ современной Америки. Только въ одномъ отношеніи женщины не уравнены съ мужчинами—въ обладаніи избирательнымъ правомъ, какъ активнаго, такъ и пассивнаго, но уже около 40 лѣтъ ведутъ борьбу для пріобрѣтенія этихъ правъ и много достигнуто на этомъ пути.

Что сказать о „Наблюдателѣ“? Этотъ журналъ и раньше далеко не процвѣталъ, а теперь о немъ совсѣмъ мало кто слышитъ, мало кто интересуется имъ.

Нѣсколько произведеній второстепенныхъ и большею частью совершенно незнакомыхъ авторовъ, неизмѣнный и незамѣнимый г. Ясинскій и г. Немировичъ-Данченко,—столпы, на которыхъ покоится журналъ, масса научнаго балласта, въ которомъ не выловишь ни одного живаго слова, ни одной болѣе или менѣе интересующей васъ оригинальной мысли, наконецъ множество переводной беллетристики—все это дѣлаетъ журналъ сухимъ и безсодержательнымъ.

Въ послѣдней книжкѣ мы находимъ статью г. К. „Наша журналистика“. Въ началѣ г. К. полемизируетъ съ нашими журналами о либерализмѣ, толкуетъ очень много и подробно, достается отъ него даже и г. Михайловскому, на котораго, кажется, всѣ шишки валятся и которымъ, какъ крупной величиной, пользуется всякая бездарность, вылавливая изъ его сочиненій темы и матеріалы для бесѣдъ и обвиненій его же самого. Но какъ всѣ эти разглагольствованія мало интересны и содержательны! Какъ много словъ истрачено на всѣ эти пререканія и какъ мало сказано!

Въ этомъ журналѣ мы находимъ рядъ завѣдомо плохихъ произведеній, какъ „Жизнь сызнова“ ром. Бажина, „Жертва иллюзіи“ г-жи Назарьевой, „Фальсификація пищи и напит-

ковъ“ Швецова, „Европейцы въ Пекинѣ“ И. Коростовца, „Подъ русскимъ скипетромъ“ замѣтки В. Зотова и проч. и проч.

Наконецъ, „Міръ Божій“ журналъ, посвященный юношеству и саморазвитію. Этотъ журналъ очень богатъ переводной беллетристикой, но зато оригинальной бѣденъ настолько, что не на чемъ остановиться. Но недостатокъ оригинальной беллетристики искупается научнымъ матеріаломъ, помѣщеннымъ въ журналѣ. Здѣсь находимъ, напримѣръ, статью Кривенко „Очеркъ жизни крестьянъ Тарскаго округа Тобольской губерніи“. Такая статья для юношества, пожалуй, покажется слишкомъ спеціальной и научной, но она имѣетъ то значеніе, что даетъ полную картину экономическаго состоянія и быта крестьянъ и незнакомымъ съ народною жизнью этого края даетъ о ней довольно полное понятіе. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кривенко, послужатъ къ изученію родины, изученію, въ особенности необходимому въ наше время, и могутъ дать въ руки молодежи какую-нибудь руководящую нить.

Изъ другихъ статей укажемъ на „Отношенія къ бѣднымъ и несчастнымъ у первобытныхъ народовъ“ и затѣмъ статью г. Скабичевскаго „Начало и развитіе русской критики“. Послѣдняя статья написана очень скучно, водянисто, растянуто и не столько въ ней говорится о нашей критикѣ, сколько о самихъ критикахъ. Сообщается въ ней нѣсколько новыхъ и старыхъ свѣдѣній о Бѣлинскомъ и другихъ, эти біографическія свѣдѣнія и составляютъ всю суть такъ громко названной статьи.

М. Круковскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„La ligue de la Confédération balkanique“ въ Парижѣ.—Турецкія звѣрства въ Арменіи.—Мадагаскарская экспедиція Франціи.—„Publicité“ парижской печати и крупный шантажъ.

Въ Парижѣ существуетъ общество объединенія балканскихъ народностей («La ligue de la Confédération balkanique») основанное въ прошломъ году, на данныя греческимъ министромъ Трикуписомъ средства, натурализованнымъ французскимъ подданнымъ грекомъ Аргиріадисомъ, адвокатомъ по профессіи. Какъ ни громко названіе этого общества, оно въ сущности пока еще ничего общаго съ Балканскимъ полуостровомъ, за исключеніемъ собственно Греціи, не имѣетъ. Всѣ члены его, не считая членовъ комитета лиги мира, съ которыми, для приданія себѣ большаго значенія, вошло въ сношеніе общество объединенія балканскихъ народностей, или греки, или армяне. Центральный комитетъ весь состоитъ изъ однихъ только грековъ съ предсѣдателемъ Аргиріадисомъ во главѣ. Одиннадцатаго ноября въ залѣ des fêtes du grand Orient состоялась «международная» конференція общества. Международнаго въ этой конференціи ничего не оказалось, залъ былъ почти пустой, балканскія народности отсутствовали и сама конференція могла быть названа скорѣе греко-армянской, нежели международно-балканской. На эстрадѣ появились: одинъ португалецъ, одинъ членъ швейцарскаго союзнаго общества, нѣсколько грековъ и предсѣдатель армянскаго общества; не было ни одного серба, болгарина, румына или албанца. Курьезными представляются также и пренія, какъ и принятая резолюція этой оригинальной международной конференціи общества объединенія балканскихъ народностей. «Ораторы» все время говорили на тему «восточнаго вопроса», который-де волнуетъ европейскую дипломатію каждыя 10—15 лѣтъ и составляетъ источникъ постоянныхъ опасеній для державъ и международныхъ отношеній. Администрація султана является, по заявленію нѣкоторыхъ членовъ конференціи, анахронизмомъ въ современной цивилизаціи, доказатель-

ствомъ чему должно-де служить недавнее «ужасное» избіеніе турецкими солдатами неповинныхъ армянъ въ малой Азіи. Принятая резолюція гласитъ: «Единственнымъ исходомъ въ интересахъ справедливости и насущныхъ нуждъ европейскихъ государствъ является образованіе союза народностей, населяющихъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію». На этомъ основаніи «конференція» постановила обратиться къ прессѣ балканскихъ государствъ и всѣхъ странъ Европы съ просьбою поддержать и распространить идею союза и начать кампанію въ пользу освобожденія народовъ, страдающихъ еще подъ турецкимъ игомъ. Нѣкоторыя газеты уже откликнулись на этотъ призывъ и начали кампанію уловленія Россіи въ сѣти англійской и австрійской дипломатіи. «Daily Telegraph» и «Neue Freie Presse» вышли застрѣльщиками въ этомъ дѣлѣ. Англійская газета приглашаетъ насъ освободить совмѣстно съ Англіею турецкихъ армянъ, а нѣмецкій официозъ любезно предлагаетъ воспользоваться начавшимся (?) движеніемъ въ Македоніи, чтобы путемъ поддержки его получить признательность (!) болгаръ. Слѣдуетъ удивляться чрезмѣрной наивности, какъ приведенныхъ органовъ европейской печати, такъ и лицъ, засѣдавшихъ въ парижской «грекоармянской конференціи». Неужели «Daily Telegraph» и «Neue Freie Presse», обращаясь со своими приглашеніями къ Россіи, вѣрили, что можно дѣйствительно и теперь еще втянуть Россію на службу подъ знаменемъ освобожденія страдающихъ подъ турецкимъ игомъ народовъ чужимъ и преимущественно англійскимъ и австрійскимъ интересамъ? Если это такъ, то жестоко-же они ошиблись. Мы достаточно на себѣ самихъ узнали цѣну всей этой признательности освобождаемыхъ братушекъ различныхъ наименованій и впредь освобожденіемъ ради одного освобожденія врядъ-ли займемся. Что же касается до союза балканскихъ народностей, какъ единственнаго средства къ разрѣшенію «восточнаго вопроса», то вся химерность пресловутаго союза балканскихъ народностей видна изъ того уже одного, что на этомъ полуостровѣ каждое государство только и думаетъ, какъ бы отхватить у другого чуть не половину его территоріи. Такъ перепутались между собою этнографическія границы каждой народности, подѣлить которыя мирнымъ путемъ является дѣломъ положительно невозможнымъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что каждое изъ балканскихъ государствъ: Болгарія, Сербія, Румынія, Греція и Черногорія считаютъ себя единственнымъ и исключительнымъ наслѣдникомъ Турціи въ балканскихъ ея земляхъ.

Кстати о послѣднихъ «турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи». Вся эта исторія, о которой шумитъ исключительно одна только

англійская пресса, да и то консервативнаго больше лагеря, представляется и до сихъ поръ еще весьма темной. Англійскія газеты увѣряютъ, что въ Малой Азіи, между Битлисомъ и Мушемъ, около озера Вана и недалеко отъ Эрзерума, въ дикой и гористой мѣстности, которая тянется между Чернымъ моремъ и Месопотаміей, мѣстное армянское населеніе отказалось платить подати. Администрація оказалась безсильною заставить населеніе внести причитающіеся съ него налоги и донесла въ Константинополь съ просьбою выслать регулярныя войска. Порта отправила къ мѣсту «мятежа» отрядъ подъ начальствомъ Цикри паши, но его предупредилъ прибывшій на театръ мятежа съ войсками ближайшій губернаторъ. При появленіи войскъ населеніе изъявило полную покорность, но губернаторъ все-таки приказалъ «наказать» населеніе. Войска открыли огонь по безоружному населенію и прекратили его только тогда, когда двадцать пять армянскихъ деревень были разрушены до основанія и было убито десять тысячъ армянъ. Газеты передаютъ такія сцены, какъ убійство въ одной деревнѣ штыками и сабельными ударами четырехсотъ женщинъ; дѣтей жгли и рубили на глазахъ ихъ родителей, шестьсотъ молодыхъ дѣвушекъ были заперты въ церкви, гдѣ ихъ подвергали самымъ ужаснымъ истязаніямъ, а затѣмъ убили. Изъ дверей храма кровь лилась широкими потоками. Прибывшій къ мѣсту безпорядковъ британскій консулъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія султана о варварской расправѣ губернатора, но послѣдній, видя себя скомпрометированнымъ и желая оправдаться, обвинилъ британскаго консула въ подстрекательствѣ населенія къ бунту. Таковы свѣдѣнія изъ англійскихъ источниковъ. Впрочемъ, фактъ нѣкотораго избіенія армянъ признается и турецкимъ правительствомъ, только объясненія этого во всякомъ случаѣ грустнаго явленія иныя. Турецкое правительство утверждаетъ, что армянскіе разбойники, снабженные оружіемъ изъ-за границы (намекъ на Англію), присоединились къ курдскимъ инсургентамъ для совершенія разбоевъ, сожгли и опустошили мусульманскія деревни, расположенныя въ приведенной выше мѣстности. Чтобы дать понять о звѣрствѣ этихъ шаекъ, турецкое правительственное сообщеніе приводитъ, между прочимъ, тотъ утверждаемый имъ фактъ, что одного мусульманина сожгли живьемъ, введя ему предварительно въ брюшину воспламеняющіяся вещества. Регулярныя войска были посланы для огражденія мирныхъ жителей отъ всѣхъ безчинствъ и, вопреки извѣтамъ, которые расточали по поводу этой военной экспедиціи, турецкія войска, по оффиціальному увѣренію Порты, не только защитили и взяли подъ свое покровительство мирную часть населенія, женщинъ и дѣтей, но и выполнили добросовѣстно свой долгъ, возстановивъ, къ общему удовольствію, об-

щественный порядокъ и спокойствіе. Кромѣ того, продолжаетъ дальше это оффиціальное опроверженіе Порты, увѣряли, будто курды захватили скотъ и всѣ пожитки бѣжавшихъ армянъ, но въ дѣйствительности сами армянскіе разбойники унесли пожитки и угнали скотъ съ собой въ горы. Столь же неосновательны увѣренія, что курды будто похитили многихъ армянскихъ женщинъ; эти армянки, принадлежа къ семействамъ упомянутыхъ разбойниковъ, по собственному желанію присоединились къ курдскимъ инсургентамъ. Что касается армянскихъ деревень, будто-бы разграбленныхъ, то сами армяне, передъ поступленіемъ въ разбойничьи шайки, увезли изъ нихъ всѣ свои пожитки.

Послѣ послѣдней русско-турецкой войны 1877 — 78 годовъ лордъ Биконсфильдъ, еще до берлинскаго конгресса, заключилъ съ Портою договоръ, по которому за Англіею Турція признала права покровительства надъ Малою Азіею, Сиріею и Месопотаміею, а стало быть и надъ турецкою Арменіею. По Берлинскому трактату, Порта обязалась ввести въ этой Арменіи улучшенія и преобразованія и обезпечить безопасность армянъ отъ безчинствъ черкесовъ и курдовъ. Порта вмѣстѣ съ тѣмъ приняла на себя обязательство представлять подписавшимъ берлинскій трактатъ державамъ ежегодный на ихъ контроль отчетъ по управленію Арменіей. Словомъ, выходитъ такъ, что Арменія должна была получить автономію. Очевидно, что Биконсфильдъ руководствовался въ своемъ покровительствѣ армянамъ не гуманными цѣлями, а намѣреніемъ создать, по примѣру Авганистана, изъ Арменіи новый «буферъ» противъ Россіи въ пользу англійскихъ стремленій въ Азіи. Планъ этотъ неудался и мало-по-малу «армянскій вопросъ» заглохъ. Порта и не думаетъ вводить въ Арменіи обязательныя для нея реформы. Между тѣмъ, сами армяне не могутъ забыть тѣхъ надеждъ на автономію, которыя вдохнули въ нихъ берлинскій трактатъ и отдѣльныя англо-турецкія соглашенія, и среди армянскаго народа появились «революціонеры», а затѣмъ и эмигранты, образовавшіе въ Лондонѣ «армянскій союзъ», отъ поры до времени подогрѣвающій «армянскій вопросъ». Эти эмигранты составляютъ также большій контингентъ и парижскаго общества de la confédération balkanique. Султанъ Абдулъ-Гамидъ весьма подозрительно смотритъ на всякое революціонное движеніе и принимаетъ противъ своихъ революціонеровъ крутыя мѣры. Это въ свою очередь ведетъ къ различнымъ взаимнымъ обвиненіямъ, въ которыхъ всякія преувеличенія найдутъ всегда значительное мѣсто.

При такомъ положеніи вещей весьма возможно, что англійскія извѣстія о турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи, составленныя частью и по извѣстіямъ «лондонскаго армянскаго союза», сильно страда-

ютъ преувеличеніемъ. По крайней мѣрѣ, трудно какъ-то вѣрится, чтобы турецкій губернаторъ, какимъ бы звѣремъ онъ ни былъ, желавшій показать примѣръ строгости, убилъ около десяти тысячъ мирныхъ обывателей, въ томъ числѣ и до четырехсотъ женщинъ, чтобы ради «примѣра строгости» жгли дѣтей и рубили ихъ на глазахъ родителей, чтобы рѣзня продолжалась трое сутокъ, при чемъ нѣкоторые турецкіе солдаты, по ихъ собственному признанію, успѣвали убивать въ день по сто человѣкъ, и чтобы шестьсотъ молодыхъ армянскихъ дѣвушекъ были заперты въ церковь, гдѣ ихъ послѣ насилія убивали и что кровь лилась изъ дверей церкви широкими потоками. Но съ другой стороны по той же причинѣ обостренія взаимныхъ отношеній между армянами и турками и по понятному побужденію оффиціальной Турціи скрыть по возможности печальную истину, нельзя также относиться съ большимъ довѣріемъ и къ турецкимъ правительственнымъ сообщеніямъ, будто армяне сами себя высѣкли и всей исторіи объ армянскихъ разбойникахъ, и что турецкія войска, посланныя на мѣсто безпорядковъ, не только защитили и взяли подъ свое покровительство мирную часть населенія, женщинъ и дѣтей, но и выполнили добросовѣстно свой долгъ, возстановивъ къ общему удовольствію общественный порядокъ и спокойствіе. Нѣкоторые иностранные представители въ Константинополѣ взялись за подробное выясненіе печальнаго событія и можно имъ пожелать полной удачи.

Мадагаскарская экспедиція, какъ сообщаетъ телеграфъ, рѣшена уже французскою палатою депутатовъ, хотя и не безъ оппозиціи. Королева гавасовъ уже издала прокламацію, въ которой сообщаетъ жителямъ о войнѣ съ Франціею. Экспедиція будетъ состоять изъ 15,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 4,000 обыкновенныхъ пѣхотинцевъ, 8,000 колоніальныхъ и африканскихъ войскъ и 3,000 артиллеристовъ, кавалеріи и инженеровъ. Въ Тулонъ уже посланъ приказъ нанимать частные пароходы для перевозки на Мадагаскаръ войскъ, оружія и припасовъ. Такъ какъ у мадагаскарцевъ нѣтъ флота, то перевозка французскихъ войскъ на частныхъ судахъ не представляетъ никакой опасности. Предполагается также отправить на островъ вмѣсто лошадей муловъ (5,000 штукъ), болѣе удобныхъ для перевозки тяжестей въ гористыхъ мѣстахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мадагаскарская экспедиція вообще не пользуется особою популярностью во Франціи. Многіе находятъ, что она обойдется гораздо дороже, чѣмъ стоитъ самый протекторатъ надъ островомъ; особенно считаютъ экспедицію несвоевременной въ настоящую минуту, когда событія японско-китайской войны могутъ не сегодня завтра заставить Францію вмѣшаться въ дѣла Китая и

отправить туда военныя силы. Существуетъ даже мнѣніе, что обще-европейское положеніе, наступившее послѣ смерти императора Александра III, непозволяетъ Франціи употреблять часть арміи на дальнія экспедиціи безъ крайней къ тому необходимости. Даже лица стоявшія за эту экспедицію допустили ее лишь въ силу того что положеніе французовъ въ Мадагаскарѣ сдѣлалось дѣйствительно невыносимымъ, вслѣдствіе коварства гавасовъ, и Франціи представлялся выборъ только изъ двухъ положеній: или отказаться немедленно же отъ всѣхъ правъ на островъ, или также немедленно положить предѣлъ дерзкимъ выходкамъ мадагаскарскаго правительства. Во время парламентскихъ преній по этому вопросу выяснилась вся трудность предпринимаемой Франціею экспедиціи въ страну почти совершенно безъ дорогъ, съ желтыми, убійственными для нетуземца лихорадками, съ множествомъ ядовитыхъ растеній и съ особымъ распространеннымъ повсемѣстно паразитомъ «каранатъ», размножающимся подъ кожею муловъ и лошадей и быстро убивающимъ ихъ. Одинъ изъ депутатовъ, Пьеръ Алинъ, находилъ, что гораздо полезнѣе было бы поступить такъ, какъ поступалъ консулъ Ларрони во всѣхъ возникавшихъ между Франціей и мадагаскарскимъ правительствомъ затрудненіяхъ: Ларрони обыкновенно запасался, вмѣсто артиллеріи, нѣсколькими ящиками шампанскаго и приглашалъ королеву Мадагаскара къ себѣ на обѣдъ. Вино лилось рѣкой; королева напивалась и послѣ десерта консулъ отзывалъ подгулявшую королеву на пару словъ и предупреждалъ ее уступить требованіямъ Франціи подъ угрозой высадки французской арміи. Королева обыкновенно уступала. И это средство всегда дѣйствовало отлично, обходясь не болѣе 200—300 франковъ.

Поимка различныхъ шпіоновъ во Франціи обратилась, повидимому, въ какую-то манію, которой ловко пользуются парижскія газэты для произведенія сенсацій въ пользу уличной продажи своихъ нумеровъ. Со времени возникновенія громкаго дѣла капитана изъ евреевъ Дрейфуса, тоже пока весьма еще темнаго, поставившаго всѣхъ парижскихъ евреевъ на ноги, всѣ парижскія газеты и не однѣ только принадлежащія къ такъ называемой уличной прессѣ, но и серьезныя, почти ежедневно возвѣщаютъ все о новыхъ пойманныхъ шпіонахъ. Обыкновенно всѣ эти шпіоны оказываются плодомъ досужей фантазіи газетныхъ репортеровъ, но напуганное воображеніе французовъ возбуждается и газеты раскупаются на расхватъ, что въ дѣйствительности только и требуется. Дѣло капитана Дрейфуса служитъ парижскимъ газетамъ благодарною темою и оно оцѣняется ими на всѣ лады. Одни представляютъ это дѣло въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что просто страшно становится за

бѣдную Францію, другія и преимущественно еврейскія, напротивъ представляютъ все дѣло Дрейфуса въ безобидномъ видѣ, чуть не милою и невинною шалостью французскаго капитана. Вотъ почему сообщеніе, появившееся въ парижской газетѣ «Eclair», встрѣчено французскимъ общественнымъ мнѣніемъ съ особымъ удовольствіемъ и ему придаютъ значеніе офиціозное, какъ исходящее отъ военнаго министра. По словамъ этого сообщенія, военный министръ, убѣдившись въ полной виновности Дрейфуса, приказалъ одному изъ состоящихъ при министерствѣ офицеровъ доставить капитана въ тюрьму военнаго вѣдомства улицы Cherche Midi. Здѣсь начато было дознаніе двумя офицерами, которые, если прибѣгали къ помощи начальника сыскной полиціи, то только при домовомъ обыскѣ у заподозрѣннаго офицера. Захваченныхъ бумагъ оказалось такое количество, что только къ концу мѣсяца производившіе дознаніе офицеры получили возможность сдѣлать письменный докладъ военному министру, который, въ свою очередь и увѣдомилъ о случившемся оффиціально парижскаго губернатора генерала Сосье. Послѣдній рѣшилъ предать капитана Дрейфуса суду и передалъ все дѣло для составленія обвинительнаго акта. Дрейфусъ будетъ обвиняться въ государственной измѣнѣ.

Обозрѣвая политическо-общественную жизнь иностранныхъ государствъ, нельзя пройти молчаніемъ скандальныхъ разоблаченій, касающихся мошенничествъ части парижской прессы.

Читатели не забыли, вѣроятно, надѣлавшую въ свое время столько шуму «французскую панаму», въ которой обнаружилось между прочимъ, на сколько часть парижской прессы легко смотритъ на взятки съ разныхъ темныхъ частныхъ лицъ и обществъ, попавшихся въ неблаговидныхъ и преступныхъ поступкахъ, въ замѣнъ обѣленія ихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Это такъ называемое «publicité», дающее французскому журналисту право брать взятки съ каждаго мошенника за статьи въ его пользу, и составляющее у нѣкоторыхъ газетъ главную приходную статью бюджета. Теперь это «publicité» снова выплыло наружу и въ чрезвычайно скандальномъ видѣ. Дѣло началось съ парижской фирмы жестяныхъ издѣлій Аллэ, попавшейся при поставкѣ жестяныхъ фляжекъ военному министерству въ мошенничествѣ. «Обѣлять» проворовавшуюся фирму взялись главные редакторы пяти столичныхъ газетъ, устроившіе съ этою цѣлью «синдикатъ». «Гонораръ» за обѣленіе былъ назначенъ въ 100,000 фр. и фирма Аллэ внесла синдикату часть этой суммы «авансомъ». Все дѣло открылось и по Парижу пошелъ ходить грандіозный скандалъ, скоро, впрочемъ, смѣнившійся другимъ, еще болѣе значительнымъ, раскрываемымъ ежедневно все болѣе

и болѣе шантажемъ парижскихъ журналистовъ. Это новое дѣло, дѣйствительно, обставлено неслыханнымъ безстыдствомъ, передъ которымъ совершенно стушевывается скандалъ съ фирмой Аллэ. Исторія этого новаго дѣла, въ которомъ Портелисъ, редакторъ-издатель газеты «XIX Siècle», вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ de-Клеркомъ и другими журналистами, предпринялъ грандіозный шантажъ, слѣдующая: долгое время во Франціи и въ смежныхъ странахъ подвизался одинъ грекъ, по профессіи игрокъ и шуллеръ. Во многихъ клубахъ, казино и игорныхъ домахъ, онъ многократно былъ битъ; наконецъ его никуда не стали пускать. Тогда шуллеръ-грекъ явился въ редакцію «XIX Siècle» и заявилъ, что можетъ сообщить скандальныя вещи о множествѣ клубовъ, казино и пр. Тѣмъ временемъ произошла исторія съ ростовщичествомъ директора Беттингъ-клуба Бертранъ. Портелисъ воспользовался услугами шуллера и началъ свои разоблаченія, направленныя сначала, какъ противъ этого клуба, такъ и Cercle Franco-Américain, директоромъ котораго состоялъ братъ Бертрана. Съ авторитетомъ спеціалиста своего дѣла, шуллеръ-грекъ помѣстилъ въ «XIX Siècle» рядъ статей, гдѣ объяснилъ всѣ тонкости мошеннической игры Беттинъ-клубъ и франко-американскаго. Къ этой компаніи присоединились и другія парижскія газеты. Братья Бертранъ испугались, созвали синдикатъ директоровъ клубовъ и во имя «общаго блага» предложили зажать ротъ Порталису и нѣкоторымъ другимъ журналистамъ, для чего и учредить фондъ «publicité» въ 150.000 фр., но большинство высказалось противъ и сдѣлка не состоялась.

Впрочемъ, одинъ изъ братьевъ Бертранъ заплатилъ Порталису 40,000 фр. и обѣщалъ еще дать 30,000 франковъ, и клубы обоихъ братьевъ оставлены были въ покоѣ, но за то нападки начались противъ другихъ клубовъ. Получивъ 40,000 фр., Портелисъ имѣлъ неосторожность выдать росписку. Но всѣ другіе директора клубовъ выдержали характеръ и не дали ни копѣйки. Наконецъ, одинъ изъ директоровъ клуба обратился къ суду; помощника Порталиса Деклерка пригласилъ къ себѣ судебный слѣдователь, и онъ во всемъ сознался, заявивъ, что дѣйствовалъ по порученію своего патрона. Портелисъ, узнавъ о грозящей ему опасности, бѣжалъ, какъ говорятъ, въ Америку. Французскія газеты примѣшиваютъ къ этому дѣлу и парижскаго префекта полиціи, передавшаго, будто бы, при посредствѣ своего подчиненнаго, Порталису полицейскіе документы о лицахъ, противъ которыхъ можно было дѣйствовать шантажемъ. Администраторъ «XIX Siècle» Жираръ, бывшій администраторъ газеты «La Paix» Фрокаръ, баронъ Гофтлеръ и многіе другіе арестованы и судъ обѣщаетъ много пикантныхъ разоблаченій.

П. М. Н—ъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мѣстные кредитные органы.

Недавно опубликованы правила для производства кредитныхъ операцій агентами Государственнаго банка. Учрежденіе цѣлой сѣти мѣстныхъ кредитныхъ органовъ для выдачи мелкихъ промышленныхъ ссудъ крестьянамъ, ремесленникамъ и кустарямъ имѣетъ очень серьезное значеніе. На необходимость расширенія дѣятельности Государственнаго банка давно уже указывалось. Отсутствіе доступнаго и дешеваго кредита для мелкихъ производителей представляетъ въ нашей промышленной жизни очень печальное, очень вредное явленіе. Къ услугамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ собственниковъ, къ услугамъ крупныхъ торговцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ существуютъ государственный, общественные и частные банки. Двадцать же милліоновъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ, главная масса производительнаго населенія страны, была совершенно обойдена кредитными учрежденіями. Банкамъ нѣтъ дѣла до этихъ производительныхъ силъ, до этой основы всѣхъ основъ на Руси. Двадцать милліоновъ крестьянскихъ семей отданы во власть жадныхъ ростовщиковъ, взимающихъ страшные проценты. Между тѣмъ полтораста милліоновъ десятинъ земли, которыми владѣютъ крестьяне и не менѣе 50 милліоновъ десятинъ, арендуемыхъ тѣми же крестьянами, затѣмъ различные кустарные промыслы, дополняющіе крестьянскіе заработки, могли бы составить прекрасное обезпеченіе, вполнѣ солидную гарантію. Подъ такое обезпеченіе давно пора создать кредитъ на выгодныхъ и доступныхъ началахъ, ограждающихъ крестьянъ отъ сельскихъ ростовщиковъ, безжалостно разоряющихъ свои жертвы и высасывающихъ изъ сельскаго населенія всѣ соки. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне кредитуются за 300—400 процентовъ въ годъ. Милліоны рублей, выжимаемые изъ сельскаго населенія паразитами, пользующимися крестьянской нуждой въ деньгахъ, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, почему наше сельское хозяйство находится на очень низкой ступени культуры, такъ какъ все, что крестьянинъ достаетъ, все, что у него

остается за уплатой повинностей, все отбирается «благодѣтелями», въ интересы которыхъ вовсе не входитъ что-нибудь оставить земледѣльцу на улучшеніе хозяйства, на улучшеніе обстановки, на улучшеніе условій, среди которыхъ крестьянинъ мается всю жизнь.

Положимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданъ законъ, до нѣкоторой степени обуздывающій ростовщиковъ. Но законъ этотъ менѣе всего ограждаетъ малограмотныхъ, обездоленныхъ крестьянъ, которымъ на Руси добиться законной защиты гораздо труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Народъ твердо помнитъ правило: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись». Законы, стѣсняющіе ростовщиковъ, еще далеко не устраняютъ раздачи денегъ въ ростъ, такъ какъ не уничтожаютъ главной причины, порождающей ростовщичество. Какъ бы ни были суровы постановленія и преслѣдованія ростовщиковъ, но если только для населенія, нуждающагося въ деньгахъ, не организованъ на доступныхъ и выгодныхъ началахъ кредитъ, ростовщики всегда совьютъ себѣ гнѣздо, раскинутъ паутину и будутъ опутывать ею нуждающееся населеніе. Совмѣстно съ обузданіемъ ростовщиковъ необходимо принимать мѣры и къ устраненію причинъ, вызывающихъ, поощряющихъ ростовщичество, иначе всѣ мѣры къ его обузданію не приведутъ къ намѣченной цѣли.

Изъ деревень постоянно раздаются жалобы на громадную задолженность крестьянъ, на ужасную кабалу, въ которой находится нашъ земледѣлецъ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьянское хозяйство разстроено до послѣдней крайности. Между тѣмъ кредитованіе крестьянъ является весьма прибыльнымъ занятіемъ, и лица разныхъ сословій и положеній пускаются въ эти позорныя операціи. Указываются уѣзды, гдѣ села и деревни кишатъ ростовщиками и никакая власть съ ними ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ крестьяне, находясь въ полной зависимости, въ полной кабалѣ, всячески выгораживаютъ своего «благодѣтеля». Бывали случаи вмѣшательства земскихъ начальниковъ, которые приказывали волостнымъ правленіямъ не взыскивать съ крестьянъ разомъ долговъ по искамъ ростовщиковъ, а раскладывать на нѣсколько лѣтъ, такъ чтобы взысканія не разоряли бы крестьянскихъ хозяйствъ. Однако, и такое распоряженіе не спасало крестьянъ. Ростовщики поднимали страшный шумъ, начинали дѣлать своимъ кліентамъ страшныя прижимки и добивались отъ губернскаго начальства внушенія земскому начальнику за превышеніе власти и отмѣны его распоряженія.

Отсутствіе дешеваго и доступнаго кредита для крестьянъ очень отражается и на хозяйствахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Разоренный крестьянинъ имѣетъ очень дурной рабочій скотъ, слабосильную лошаденку, имѣетъ очень жалкій хозяйственный инвентарь, вслѣдствіе чего такой крестьянинъ очень дурно обрабаты-

ваетъ и свои земли и земли, снятыя въ аренду у крупныхъ землевладѣльцевъ. Многія же крупныя хозяйства ведутся исключительно раздачею земель въ аренду или задѣльно окрестнымъ крестьянамъ, и дурная обработка, уменьшая производительность земли, отражается на крупновладѣльческихъ хозяйствахъ пониженіемъ доходности имѣній. Еще очень недавно полагали, что для крупныхъ землевладѣльцевъ крайне выгодно имѣть подъ руками обѣднѣвшихъ крестьянъ, за безцѣнокъ продающихъ свой трудъ. Считалось непреложной истиной, что только при дешевыхъ рабочихъ рукахъ хозяйства станутъ давать большіе доходы. Дѣйствительность не оправдала такихъ разсчетовъ. Возрастаніе крестьянской несостоятельности влечетъ паденіе цѣнъ на землю, влечетъ разстройство крупныхъ хозяйствъ. Обѣднѣвшіе крестьяне дѣлаются очень невыгодными съемщиками окрестныхъ владѣльческихъ земель, становятся очень невыгодными и непріятными сосѣдями; они не только сбиваютъ арендную цѣну, но даже оставляютъ владѣльцевъ безъ рабочихъ рукъ, такъ какъ требуется рабочій съ лошадью, съ хозяйственнымъ инвентаремъ и вовсе ненужны безлошадные крестьяне, какихъ за послѣднее время развелось очень много. Потери землевладѣльцевъ должны быть очень чувствительны, если принять въ соображеніе, что крестьяне арендуютъ не менѣе 50 милліоновъ десятинъ земли.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, обѣднѣніе крестьянъ дѣйствуетъ разорительно и на мелкое и на крупное землевладѣніе. Поэтому въ интересахъ всего русскаго сельскаго хозяйства, въ интересахъ какъ крестьянъ, такъ и крупныхъ землевладѣльцевъ долженъ быть организованъ для народа на выгодныхъ началахъ доступный и дешевый кредитъ. Крайне странно, крайне ненормально оставлять на произволъ кровопійцъ двадцать милліоновъ самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ, отъ благосостоянія которыхъ зависитъ благосостояніе цѣлаго государства.

Земскія учрежденія, близко стоящія къ населенію и хорошо знакомыя съ его нуждами, съ первыхъ дней своего возникновенія обратили должное вниманіе на вопросы о доставленіи населенію кредита на выгодныхъ для него условіяхъ. Во многихъ земскихъ губерніяхъ были созданы ссудосберегательныя товарищества. Существуютъ уѣзды, гдѣ каждая деревня входитъ въ районъ котораго-нибудь изъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Тѣмъ не менѣе названныя товарищества мало помогаютъ дѣлу. Заимствованныя изъ Германіи, гдѣ они устраивались для ремесленниковъ, товарищества оказались непригодными для крестьянъ, занимающихся обработкою земли. Для земледѣльцевъ требуется кредитъ на иныхъ началахъ. Ссудосберегательныя товарищества вовсе не оградили крестьянъ

отъ ростовщиковъ; незначительный размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ изъ товариществъ, недоступность ихъ для наиболѣе нуждающейся части населенія сдѣлали товарищества безвредными для сельскихъ ростовщиковъ, которые даже нашли товарищества выгодными для себя, присоединялись къ нимъ и за хорошее вознагражденіе ссужали членовъ товарищества деньгами на короткій срокъ, необходимый для погашенія прежней ссуды и взятія новой. Слишкомъ двадцатилѣтняя дѣятельность ссудосберегательныхъ товариществъ вполнѣ выяснила, что товарищества вовсе не могутъ оградить крестьянъ отъ тѣхъ разбойничьихъ условій кредита, который господствуетъ въ деревнѣ. Цифры, относящіяся къ дѣятельности ссудосберегательныхъ товариществъ, свидѣтельствуютъ о крайне жалкомъ положеніи этихъ кредитныхъ учрежденій. Такъ въ послѣднемъ отчетѣ комитета о ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ мы находимъ, что къ первому январю 1893 года насчитывалось 782 товарищества, а къ первому январю слѣдующаго 1894 года число ихъ сократилось до 764. Отчеты комитету были доставлены лишь изъ 662 товариществъ, которыя имѣли всего 211,400 членовъ, съ паевымъ капиталомъ въ 6½ милліоновъ, съ запаснымъ—въ 1.645.843 руб, съ суммой вкладовъ въ 7 милліоновъ руб., съ займами въ 5⅓ милліоновъ. Общая сумма долговъ за заемщиками превышаетъ немного 18 мил. Для населенія 63 губерній и 280 уѣздовъ цифры оказываются весьма мизерными. Потребность въ кредитѣ такими жалкими суммами далеко не могла быть удовлетворена. Для сравненія приведемъ соотвѣтствующія свѣдѣнія объ оборотахъ учрежденій мелкаго кредита въ Германіи за послѣдній отчетный годъ. Эти учрежденія насчитываются въ Германіи тысячами. Къ началу отчетнаго года ихъ было 4.791, а къ концу года—5.489, т. е. въ теченіи только одного года вновь возникло 698 кредитныхъ учрежденій. Обороты ихъ выражаются въ сотняхъ мил. рублей. Такъ, только въ 1.038 учрежденіяхъ, составляющихъ менѣе ⅛ общаго числа ихъ, число членовъ составляло 502.184; размѣръ открытаго имъ кредита достигалъ милліарда пятьсотъ восемнадцати марокъ, т. е. около 750 милліоновъ на наши деньги. Если такую же мѣрку приложить къ потребности въ кредитѣ и русскаго населенія, то для двадцати милліоновъ крестьянскихъ семей понадобилось бы открыть кредитъ въ тридцать милліардовъ. Насколько такая страшная сумма превышаетъ жалкія средства ссудосберегательныхъ товариществъ, настолько еще по сравненію съ Германіей мы недоразвились въ промышленномъ отношеніи. Министерство финансовъ пробовало устранять недостатки ссудосберегательныхъ товариществъ изданіемъ нормальнаго устава сельскихъ банковъ. Въ теоріи министерскій нормальный уставъ обладаетъ многими достоин-

ствами, но на практикѣ онъ оказался совсѣмъ непригоднымъ, оказался намъ совсѣмъ не ко двору и не вызвалъ къ жизни сельскихъ банковъ. Выработанный министерствомъ нормальный уставъ ничто иное, какъ канцелярская работа, совершенно ни для кого не нужная.

Потребность въ кредитѣ среди сельскаго населенія все возрастала. Земскія собранія стали останавливаться на устройствѣ для крестьянъ кассъ, выдающихъ ссуды подъ залогъ движимости. Устройство подобныхъ кассъ для городскихъ бѣдняковъ представляется совершенно умѣстнымъ, но въ деревняхъ пріемъ отъ крестьянъ въ залогъ ихъ движимости свидѣтельствуетъ лишь о крайней степени обѣднѣнія нашихъ земледѣльцевъ. Для нихъ нуженъ далеко не такой кредитъ. Залогомъ движимаго имущества можно нѣкоторое время перебиться, переждать какую-нибудь бѣду, но онъ не замѣнитъ оборотнаго капитала, необходимаго для веденія хозяйства, не дастъ поправиться хозяйству, не дастъ возможности въ хозяйствѣ сдѣлать необходимыя улучшенія. Крестьянинъ, ведущій самостоятельное хозяйство, долженъ пользоваться кредитомъ не подъ залогъ вещей. Если въ глазахъ ростовщика онъ является кредитоспособнымъ, то такая же кредитоспособность его должна быть признана и кредитными учрежденіями, выдающими ссуды на сельскохозяйственныя и промышленныя нужды. За послѣднее время указывалось, что въ дѣлѣ организаціи народнаго кредита, въ дѣлѣ огражденія сельскаго населенія отъ ростовщиковъ, мы сдѣлали ошибку, воспользовавшись не тѣмъ образцомъ. Мы заимствовали ссудосберегательныя товарищества изъ Германіи, но тамъ они устраивались для рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Между тѣмъ, русское крестьянское населеніе, имѣющее собственное хозяйство, собственный надѣлъ и дворъ, находится совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ заводско-фабричные рабочіе и ремесленники. Что хорошо, что пригодно для рабочихъ и ремесленниковъ, то оказывается вовсе не пригоднымъ для крестьянъ-хозяевъ. Другими словами, все бѣда въ томъ, что у насъ не съ того нѣмца копировали. Въ виду таковой допущенной ошибки, совѣтуютъ перемѣнить образецъ для подражанія. Надо снова обратиться къ той-же Германіи и вмѣсто товариществъ Шульце-Делича воспользоваться практикою райфейзеновскихъ банковъ, удовлетворяющихъ германскихъ крестьянъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужны деньги для производительныхъ затратъ въ хозяйствѣ. Различіе между товарищества Шульце-Делича и банкомъ Райфейзена довольно значительны. Участники райфейзеновскаго банка не имѣютъ въ немъ паевъ и размѣръ кредита, открываемаго участнику, не находится поэтому въ зависимости отъ величины его пая. Принимается во вниманіе лишь кре-

дитоспособность каждаго участника. Въ силу всѣхъ этихъ условій при разрѣшеніи ссудъ крестьянину, главный вопросъ состоитъ лишь въ томъ, чтобъ опредѣлить, какую сумму долга можетъ вынести этотъ крестьянинъ и сколько процентовъ онъ можетъ уплачивать при указываемомъ имъ способѣ употребленія испрашиваемой ссуды. Выдача ссудъ производится и на долгіе и на короткіе сроки, но непремѣнно на производительныя цѣли. Для непроизводительныхъ въ хозяйствѣ затратъ кредитъ не допускается даже и при полной обезпеченности заемщика.

Мы указывали на отличительную черту райфейзеновскаго банка, состоящую въ томъ, что отъ поступающихъ въ банкъ членовъ не требуется паеваго взноса. Это дѣлается на основаніи очень простаго и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно вѣрнаго соображенія, признающаго крестьянское хозяйство болѣе надежнымъ обезпеченіемъ, чѣмъ небольшая сумма денегъ въ видѣ пая, вносимая наличными деньгами. Признается не разумнымъ потребовать отъ крестьянина, нуждающагося въ деньгахъ, уплаты пая для того только, чтобъ дать право немедленно взять въ ссуду большую сумму. Райфейзеновскимъ банкамъ приходится дѣйствовать на весьма небольшихъ районахъ, и это понятно почему: банкъ, открывая кредитъ для производительныхъ цѣлей, долженъ хорошо знать имущественное положеніе, нравственныя качества, репутацію и способъ веденія хозяйства каждаго заемщика. Въ силу тѣхъ же соображеній членами банка могутъ быть только мѣстные жители извѣстнаго района. Расходы на управленіе банкомъ весьма не велики, такъ какъ управленіе назначается изъ почетныхъ мѣстныхъ жителей; вознагражденія имъ не полагается ни въ видѣ жалованья, ни въ видѣ участія въ прибыляхъ. Исключеніе сдѣлано лишь для бухгалтера, работа котораго вознаграждается опредѣленнымъ жалованьемъ. Должно прибавить, что райфейзеновскіе банки не теряютъ связи другъ съ другомъ, а поддерживаютъ другъ друга и стараются составить какъ бы одно цѣлое. Въ видахъ чего, у нихъ имѣется центральный банкъ, который беретъ изъ банковъ, гдѣ есть свободныя суммы, и снабжаетъ тѣ банки, гдѣ недостаетъ денегъ. Въ Германіи райфейзеновскіе банки распространились въ значительной степени; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они насчитываются цѣлыми сотнями. Эти учрежденія имѣютъ весьма симпатичныя черты. Такъ, райфейзеновскіе банки, кромѣ доставленія на выгодныхъ условіяхъ кредита сельскому населенію, поддерживаютъ и способствуютъ образованію разнаго рода общественныхъ союзовъ для поднятія матеріальнаго и умственнаго состоянія крестьянъ, какъ, напримѣръ, устройствомъ сберегательныхъ кассъ, потребительныхъ обществъ, союзовъ для покупки и продажи продуктовъ, обществъ для страхованія скота, крестьянскихъ

клубовъ и т. п. Конечно, видѣть нѣчто подобное и у насъ было бы весьма желательно. Въ публичныхъ лекціяхъ объ организаціи народнаго кредита извѣстный Е. И. Ламанскій тоже рекомендовалъ создать у насъ сельскій кредитъ, руководствуясь уроками Западной Европы. Онъ совѣтовалъ организовать кредитъ на системѣ Райфейзена, предостерегая, впрочемъ, отъ буквальнаго копированія. Е. И. Ламанскій требовалъ осмысленнаго отношенія и потому совѣтовалъ внести измѣненія, соотвѣтственно духу страны. Почтенный финансистъ предлагалъ: 1) кредитъ ограничить небольшими территоріями, такъ какъ крестьяне, кредитующіеся въ одномъ товариществѣ, должны другъ друга знать; 2) товарищества основываются на принципѣ сосѣдства, съ правомъ для товариществъ свободнаго выбора и исключенія членовъ; 3) полная отвѣтственность и круговая порука всѣхъ членовъ другъ за друга; 4) наблюденія и заботы о томъ, чтобы ссуды пошли на дѣло.

Нельзя не согласиться съ Е. И. Ламанскимъ, что не слѣдуетъ буквально копировать райфейзеновскіе банки. Какъ они ни хороши, какъ они ни пригодны, но они созданы для болѣе культурныхъ земледѣльцевъ, чѣмъ наши крестьяне. Если предположить, что достаточно близко знаютъ другъ друга члены одного и того-же сельскаго общества и потому районъ банка можно опредѣлить однимъ сельскимъ обществомъ или самое большое нѣсколькими сосѣдними небольшими обществами, то спрашивается, гдѣ-же найдется въ такомъ незначительномъ районѣ достаточное число почетныхъ лицъ, которые безвозмездно заправляли бы банкомъ, гдѣ найдется въ такомъ незначительномъ районѣ бухгалтеръ и въ состояніи-ли сельское общество содержать бухгалтера. Не надо забывать, что имѣются сельскія общества, раскинутыя на большое разстояніе, и крестьяне этихъ обществъ другъ друга знаютъ далеко не достаточно. Товарищества придется устраивать изъ одного большаго или нѣсколькихъ сосѣднихъ небольшихъ селеній. Гдѣ-же въ нихъ найдутся нужные люди и средства? Ссудо-сберегательныя товарищества охватываютъ районы и въ одну, и въ нѣсколько волостей, и даже въ цѣлый уѣздъ, и тѣмъ не менѣе влачатъ жалкое существованіе за неимѣніемъ людей, способныхъ вести дѣло какъ слѣдуетъ. Товарищество-же, подобное райфейзеновскому банку, не можетъ имѣть района въ цѣлую волость, а непремѣнно меньше, если только волость не состоитъ изъ одного селенія, что иногда бываетъ. Такимъ образомъ на товариществахъ, устроенныхъ по образцу райфейзеновскаго банка, недостатокъ въ способныхъ для управленія людяхъ еще болѣе, еще сильнѣе отразится, чѣмъ это испытываютъ существующія въ настоящее время у насъ ссудосберегательныя товарищества. Съ нашимъ безлюдьемъ, съ нашимъ невѣжествомъ и

бѣдностью, всегда приходится считаться. Низкая ступень культуры, на которой находится нашъ народъ, вѣчно напоминаетъ о себѣ, вѣчно является тормазомъ во всѣхъ задуманныхъ улучшеніяхъ нашей общественной жизни.

Остановимся еще на оригинальной попыткѣ расширить дѣятельность ссудо-сберегательныхъ товариществъ и примѣнить ихъ къ потребностямъ сельскаго населенія. Такую попытку произвелъ г. Пленъ, бывшій предсѣдатель опочецкой уѣздной земской управы. Г. Пленъ устроилъ въ г. Опочкѣ, Псковской губерніи, ссудо-сберегательное товарищество, назвавъ его народнымъ банкомъ. Министерство финансовъ противъ такого названія ничего не имѣло, но оно не понравилось тогдашнему псковскому губернатору, который настоялъ на перемѣнѣ названія. Народный банкъ былъ переименованъ въ Гребеновское ссудо-сберегательное товарищество. Районъ его дѣятельности распространяется на цѣлый Опочецкій уѣздъ; отличіе отъ другихъ товариществъ заключается въ выдачѣ ссудъ въ большихъ размѣрахъ. Г. Пленъ задался цѣлью посредствомъ своего банка освободить мѣстное населеніе отъ ростовщиковъ, и онъ даетъ ссуды не только на удовлетвореніе мелкихъ хозяйственныхъ нуждъ, а даже на покупку земли, на покупку отрѣзовъ отъ надѣльныхъ земель, иногда для крестьянъ крайне необходимыхъ. Первоначально въ товариществѣ былъ пріемный комитетъ, состоящій изъ выборныхъ членовъ, но замѣчены были злоупотребленія, рекомендаціи за угощеніе, за взятку, что привело г. Плена на мысль завести особую книгу, куда записывается подробно имущественное положеніе каждаго члена товарищества. Сообразно съ этимъ имущественнымъ положеніемъ, открывается кредитъ. Конечно, при этомъ собираются свѣдѣнія и о нравственныхъ качествахъ заемщика. Значительный размѣръ ссуды достигается тѣмъ, что выдается она не только главѣ семейства, но и остальнымъ членамъ семейства, если только оно заслуживаетъ довѣрія и ссуда берется дѣйствительно на дѣло. Къ 1 августа 1894 г. товарищество состояло изъ 9,064 членовъ, ведущихъ 6,003 хозяйствъ на 57,570 десятинъ надѣльной земли и на 30,022 дес. земли, принадлежащей имъ на правѣ частной собственности. Кредитъ открывается товариществомъ на веденіе хозяйства, на наемъ земли для обработки, на пріобрѣтеніе въ собственность поземельныхъ участковъ. До 1 августа 1894 года на полученную ссуду пріобрѣли въ собственность землю, большею частью цѣлыми селеніями, 1,792 члена. Куплены преимущественно бывшіе отрѣзы отъ надѣловъ. Если иногда по какимъ-либо случайностямъ членъ товарищества впадаетъ въ несостоятельность, то, чтобы окончательно не раззорять такихъ обѣднѣвшихъ членовъ, товарищество имѣетъ особый капиталъ на погашеніе просроченныхъ ссудъ. Когда

же случайно обѣднѣвшіе члены товариществъ поправляются, то свой долгъ они уплачиваютъ и вновь кредитуются въ товариществѣ.

Такой пріемъ многихъ предохранилъ отъ окончательнаго раззоренія и помогъ встать снова на ноги. Главный недостатокъ товарищества заключается въ сравнительно высокихъ процентахъ, взимаемыхъ за ссуды, что объясняется высокимъ процентомъ, платимымъ товариществомъ по займамъ. Товарищество взимаетъ со своихъ членовъ двѣнадцать годовыхъ процентовъ, такъ какъ само платитъ для привлеченія капиталовъ по 10 процентовъ.

Таково прошлое попытокъ организовать у насъ кредитъ для народа. Въ настоящее время мы присутствуемъ при приведеніи въ дѣйствіе болѣе грандіознаго плана, присутствуемъ при попыткѣ создать организацію народнаго кредита посредствомъ агентовъ государственнаго банка. Эти агенты распространятся по всему лицу Русской земли и будутъ искать крестьянъ, мелкихъ промышленниковъ и кустарей, которымъ можно помочь выдачею незначительныхъ ссудъ. При удачномъ подборѣ лицъ, способныхъ, знающихъ, преданныхъ дѣлу, можно достигнуть значительныхъ успѣховъ. Задача атентовъ — сдѣлать доступнымъ государственный банкъ для главной массы русскаго производительнаго населенія, для двадцати милліоновъ крестьянскихъ семей, занимающихся земледѣліемъ и различными промыслами. Насколько подобная задача можетъ быть выполнена и насколько она будетъ выполнена, покажетъ будущее.

Нашъ крестьянинъ нуждается въ кредитѣ для прикупки земли къ своему надѣлу, нуждается въ кредитѣ подъ залогъ полученныхъ имъ, но еще не проданныхъ продуктовъ его хозяйства. Крестьянинъ нуждается въ организаніи сбыта продуктовъ. Крестьянинъ нуждается въ хорошихъ посѣвныхъ сѣменахъ, въ улучшенныхъ орудіяхъ, въ искусственныхъ удобреніяхъ. Земледѣльцу часто нужна бываетъ лошадь, корова и другой домашній скотъ. Крестьянину нуженъ кредитъ и натурою въ видѣ сѣмянъ, орудій, скота и т. д. Очевидно, организацію всего этого нельзя возложить на проектируемыхъ агентовъ государственнаго банка. Одинъ агентъ всего этого не сдѣлаетъ. При совмѣстной же работѣ агентовъ государственаго банка съ земствами, съ земскими управами и земскими агрономами всѣ намѣченные нами виды кредита могли-бы быть легко достигнуты. Полагаемъ, было бы полезно въ каждомъ уѣздѣ земскихъ губерній имѣть по агенту государственнаго банка и возложить на этихъ агентовъ организацію цѣлой сѣти небольшихъ товариществъ, кредитующихъ крестьянъ, кустарей и ремесленниковъ. Существующія учрежденія мелкаго кредита агенты поддержали бы, помогли имъ расширить дѣятельность и открывали членамъ кредитъ за возможно меньшій процентъ. Затѣмъ въ мѣст-

ностяхъ, гдѣ нѣтъ кредитныхъ учрежденій, агенты, составивъ списки крестьянъ, кустарей и ремесленниковъ, съ обозначеніемъ ихъ имущественнаго положенія, кредитуя ихъ, наводили бы на мысль группироваться въ небольшія товарищества, которыя станутъ кредитовать своихъ членовъ и на веденіе хозяйства и подъ залогъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, на покупку земли, и на различныя сельско-хозяйственныя улучшенія. Каждый уѣздъ долженъ покрыться такими товариществами, которыя въ агентѣ государственнаго банка будутъ имѣть лицо, ими руководящее, направляющее и контролирующее. Вотъ основаанія, на которыхъ должна и можетъ быть создана организація народнаго кредита. Въ каждомъ уѣздѣ государственный банкъ будетъ имѣть десятки отдѣленій, служащихъ для народа, содѣйствующихъ возрастанію его благосостоянія.

Андрей Пыпинъ.

Голосъ московскаго купца.

(*Письмо въ редакцію*).

Отношеніе русской печати къ купцу и купца къ печати.—Въ чемъ именно обвиняетъ печать купца и промышленника? — Есть ли разница между капиталистомъ кущомъ и капиталистомъ не—купцомъ?—Послѣдніе обвинительные акты печати, включая статьи „Новаго Времени".

Говорить въ печати о купцахъ враждебно теперь въ модѣ. Въ особенности за послѣдніе два-три года это настроеніе печати такъ окрѣпло и усилилось, что все, что можетъ до нѣкоторой степени свидѣтельствовать, что купецъ созданъ по образу и по подобію Божію, стало считаться гоненію не подлежащимъ; и, напротивъ того, все, клонящееся къ доказательству, что купецъ вовсе не принадлежитъ къ роду «*hominis sapientis*, такъ какъ у него есть обезьяній хвостикъ, и что сердце его не изъ четырехъ полостей, а только изъ двухъ, и что питается онъ не хлѣбомъ, мясомъ и овощами, а червями и мышами и толченымъ стекломъ — все это съ радостію принимается и печатается.

Словомъ, отношеніе русской печати къ купцу совершенно такое же, какъ отношеніе иностранныхъ газетъ къ Россіи, изъ которыхъ можно узнать, что по Невскому ходятъ медвѣди, что русскіе ѣдятъ сальныя свѣчи и т. п.

И купецъ къ такому отношенію къ нему печати привыкъ и терпитъ его съ замѣчательнымъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣло касается не его, а кого-то, живущаго гдѣ-то за тридевять земель.

Казалось бы, что ему, какъ члену сословія, доставляющаго правительству болѣе половины всей суммы государственныхъ доходовъ, можно бы иной разъ сказать кое-что въ свою защиту, но не тутъ-то было: молчитъ онъ, какъ безсловесная тварь: «полаютъ, молъ, полаютъ, да и отстанутъ».

Или, быть можетъ, онъ такъ кругомъ виноватъ, что и рта разинуть въ свою защиту ему не приходится?.. Но если это такъ, то что же его еще терпятъ на лицѣ земли и не замѣнятъ кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь—хоть, напримѣръ, гороховой чучелой?..

Что его до сихъ поръ не изженили,—не сжили со свѣта—это очень понятно, такъ какъ печать, не представляя собою предержащей власти, не имѣетъ права ни возводить, ни низводить кого бы и куда бы то ни было, а она можетъ только настраивать эту власть въ томъ или другомъ направленіи и, такимъ образомъ, вліять на судьбу смертныхъ, но не рѣшать ея; и поэтому понятно, почему право *Чумазаго* существовать на лицѣ земли еще не уничтожено.

Въ чемъ же именно провинился купецъ? и за что печать составляетъ обвинительные акты на несчастнаго *Чумазаго*?

Главныхъ обвинительныхъ пунктовъ три:

Во-первыхъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ *безсердечный капиталистъ-эксплоататоръ* (а не пролетарій, столь, повидимому, любезный сердцу печати).

Во-вторыхъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ свои капиталы никому зря не отдаетъ, а бережно ихъ хранитъ.

Въ третьихъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ вездѣ, гдѣ можно, отстаивалъ и отстаиваетъ statu quo, и поэтому дерзаетъ не сочувствовать многимъ мѣропріятіямъ многихъ вѣдомствъ, и при этомъ лѣзетъ съ своимъ «неумытымъ рыломъ въ калачный рядъ» и тамъ еще смѣетъ свое сужденіе имѣть, тогда какъ его право и обязанность, по мнѣнію печати, выражается словами: «*сколько, кому, куда и когда прикажете*»? и затѣмъ «*слушаю-съ*».

И такъ, первая его вина заключается въ томъ, что онъ *безсердечный капиталистъ-эксплоататоръ*. Но если онъ не просто капиталистъ, а *безсердечный эксплоататоръ*, то, слѣдовательно, предполагается существованіе *капиталистовъ сердобольныхъ?* И дѣйствительно, такая категорія капиталистовъ оказывается на лицо, и ея представителями являются сановники, чиновники, помѣщики, лица духовныя, доктора, инженеры, архитекторы, адвокаты, военные, художники, актеры и журналисты; само собою разумѣется, не всѣ, а только тѣ изъ нихъ, кои стяжали трудами праведными капиталы.

Посмотримъ, въ чемъ же именно заключается разница между *капиталистомъ-купцомъ и капиталистомъ не-купцомъ*?

Купца и промышленника обвиняютъ, что помѣщенія его рабочихъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ гигіены, тогда какъ онъ самъ живетъ въ палатахъ; его обвиняютъ, что уснащая себя куринымъ супомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, онъ не даетъ этой же пищи и рабочимъ, а кормитъ ихъ щами, кашей, да чернымъ хлѣбомъ; его обвиняютъ, что онъ платитъ рабочимъ мало жалованья, торгуясь при рядѣ съ ними до послѣдней копѣйки; его обвиняютъ, что онъ прижимаетъ поставщиковъ сельскихъ продуктовъ, давая

такую цѣну за нихъ, ниже которой давать нельзя; его обвиняютъ, что онъ взыскиваетъ за вредъ и убытки съ виновныхъ рабочихъ; его обвиняютъ, что онъ пускаетъ по бѣлу свѣту калѣкъ и убогихъ...

Соглашаюсь, что все это такъ, но укажите мнѣ капиталиста изъ категоріи *сердобольныхъ*, который бы самъ помѣщался въ комнатахъ, выходящихъ на дворъ, а прислугѣ отвелъ бы аппартаменты на Невскій, и который бы кормилъ прислугу рябчиками, швейцарскимъ сыромъ и ананасами, а самъ бы питался щами да кашей. Гдѣ то счастливое вѣдомство, гдѣ бы чиновники, курьеры и прочая прислуга зарабатывали больше, чѣмъ лица, снискивающія хлѣбъ свой на торгово-промышленномъ поприщѣ? Гдѣ то вѣдомство, которое, покупая дрова, песокъ, глину и другіе предметы отъ подгородныхъ крестьянъ, давало бы имъ больше, чѣмъ они запрашиваютъ! Гдѣ тотъ сановникъ, который бы простилъ своему кучеру пропажу сбруи или горничной пропажу дюжины серебряныхъ ложекъ? Гдѣ тотъ военоначальникъ и полководецъ, который, *по винѣ своей*, искалѣчивъ воиновъ, далъ бы имъ соотвѣтствующій пріютъ? Такихъ оказій на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ, а если иногда мѣстами и временами оказываются, то онѣ представляютъ собою исключительное явленіе, именуемое *филантропіей* или *человѣколюбіемъ*. А если ихъ нѣтъ, то къ чему же въ купца метать стрѣлы, возводить его чуть не въ санъ мошенника, а другихъ миловать?

Но, быть можетъ, средства и способы веденія купцами дѣлъ своихъ не оправдываются закономъ Божіимъ, законами уголовными и законами гражданскими?.. Допустимъ, что это возможно, но вмѣстѣ съ этимъ припомнимъ судебныя дѣла: матери игуменіи Митрофаніи, Гулакъ-Артемовской, того казначея *), что, помолившись предъ иконою Иверской Богоматери, укралъ 300,000 руб., дѣла о пріемкахъ и поставкахъ на армію во время послѣдней Турецкой войны, дѣло д-ра Буша,—корнета Савина, — графа Соллогуба, — князя Эристова,—княгини Гагариной, кормившей своихъ людей *чиной*, отчего многіе изъ нихъ умерли, дѣло ялтинской полиціи по случаю смерти извѣстнаго фабриканта Т. С. Морозова, и если припомнить наконецъ Панаму и печать, то является сомнѣніе, кому отдать на подержаніе листъ пальмы, имѣющій изображать первенство?

Второй пунктъ обвиненія также едва-ли основателенъ. Прежде всего, почему купцу надо обязательно предоставлять свои карманы всякому, къ нимъ приближающемуся или имѣющему на нихъ поползновеніе, а лицамъ другихъ званій и сословій это не обязательно? Почему ни одинъ редакторъ газеты или журна-

*) Мельницкаго. Авторъ.

ла не допускаетъ сотрудниковъ распоряжаться своей кассой? Почему ни одинъ антрепренеръ не предложитъ того-же актерамъ? Почему казначей монастыря имѣетъ желѣзный сундукъ, къ коему братія не допускается? Зачѣмъ Государственный Банкъ продаетъ съ аукціона крестьянскія имущества, а Государственное Казначейство взимаетъ подати съ неимущихъ недоимщиковъ и взыскиваетъ при этомъ 12 процентовъ годовыхъ? Почему въ голодный годъ помѣщики не продавали хлѣбъ дешево? Почему почтальонъ взыскиваетъ за недоплаченное письмо вдвое, а телеграммы не будутъ отправлены, если подаватель не довнесетъ одной копѣйки? Почему городскія думы не только мѣста, но даже воду стали продавать? Почему таможни не принимаютъ бумажнаго рубля за рубль настоящій? Почему, наконецъ, клочекъ земли для погребенія тѣла задаромъ никому не дается?

Почему все это такъ?

Всякій обыкновенный смертный, не парящій орломъ по поднебесью, скажетъ безъ обиняковъ: «*Что за глупые вопросы! Да если не брать денегъ, а все отдавать задаромъ, такъ самому-то, кто бы онъ ни былъ, чѣмъ же расплачиваться? Вѣдь за такое веденіе дѣлъ, или въ тюрьму попадешь, или въ Сибирь упекутъ, или подъ старость Христовымъ именемъ придется побираться*». Не дадутъ, конечно, такого отвѣта только тѣ люди, которые, хотя и не парятъ по поднебесью, но считаютъ собственность синонимомъ краденой вещи, и которые питаютъ ко всякому труду непреодолимое отвращеніе и поэтому живутъ, яко птицы небесныя — гдѣ день, гдѣ ночь—т. е. приблизительно такъ, какъ дикари, и то только тѣ, которые стоятъ на низкой ступени развитія.

Если образъ дѣйствій купца и промышленника и въ этомъ случаѣ аналогиченъ съ образомъ дѣйствій всѣхъ его коллегъ по роду *hominis sapientis*, то почему же не всѣ, а онъ одинъ поставленъ въ качествѣ мишени, а другіе призваны въ эту мишень стрѣлять, или по крайней мѣрѣ считать *попаданія?*

Третій пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что *Чумазый* съ своимъ неумытымъ рыломъ лѣзетъ туда, гдѣ ему быть не подобаетъ, и мало того что лѣзетъ, но иной разъ позволяетъ себѣ «свое сужденіе имѣть», тогда какъ его прямая обязанность заключается съ трепетомъ вопрошать: «*Что прикажете*»? и затѣмъ немедленно исполнять приказанія.

Но какъ же *Чумазому* быть и какъ ему молчать, когда онъ ежегодно долженъ вносить въ государственную казну свыше 500,000,000 рублей. Доведись такая оказія до безгласныхъ рыбъ, и тѣ бы возглаголали, а какъ-же ему, хотя и *Чумазому*, но все-таки же обладателю драгоцѣннаго манифеста императора Александра I-го,

коимъ торжественно засвидѣтельствованы его, *Чумазаго*, заслуги передъ Престоломъ и Отечествомъ, и дарованы ему *на вѣчныя времена* особыя права—какъ-же ему молчать и благодарить?!

Хотя и говорятъ мудрые нѣмцы, что *говорить—серебро, а молчать—золото*, но у нихъ это, можетъ быть, и такъ, а у насъ это не всегда такъ—бывали такія времена, что молчаніе становилось преступленіемъ, и поэтому *Чумазый* заявлялъ, какъ могъ, о своемъ существованіи и о своей принадлежности къ роду *hominis*. Какъ его обвинять, что онъ говорилъ и говоритъ и будетъ говорить, что *съ одного вола не только трехъ, но даже и двухъ шкуръ содрать нельзя*. А, между тѣмъ, его за это винятъ и именуютъ даже чуть-ли не предателемъ отечества?

Словомъ, *Чумазый* виноватъ во всемъ, и характеристика, данная ему въ 1847 году покойнымъ О. М. Бодянскимъ, до сихъ поръ пребываетъ во всей силѣ. Дать эту характеристику вынуждало профессора плачевное матеріальное положеніе Общества Исторіи и Древностей. «Будемъ искренни, писалъ онъ, имъ деньги ничто, давайте ихъ сюда, но не какіе-либо 700 рублей, что для вашихъ Ротшильдовъ то же, что для меня голаго 700 денежекъ, а не угодно-ли, если хотятъ и щегольнуть и сдѣлать доброе дѣло, прибавить сюда еще одинъ нуль хоть на ассигнаціи, и тогда каждый изъ нихъ получитъ титло *Соревнователя*; а кто пожертвуетъ 3,000 руб. сер.—*Благотворителя*; удвоитъ—выставится въ залѣ засѣданія Общества и личина его съ приличною подписью. Вотъ такса для вашихъ честолюбцевъ... Входъ въ Общество для подобной братіи долженъ быть только чрезъ подобныя приношенія, а не какіе-либо лоскутки и обрывыши съ толкучаго рынка; потому и уставляется, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, отнынѣ: для купца, желающаго быть членомъ Общества, двери въ него открываются только значительнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, ни въ какомъ случаѣ не менѣе означенной выше суммы. Дорого? Не набиваемся никому: вольному воля: кто сможетъ, тотъ несетъ. Не будетъ охотниковъ? Имъ же хуже! Общество не ими держалось и держится; а если хотятъ содержать его они, то не преміями и приношеніями, хотя бы и въ 700 р. с. Купцы мнѣ насолили *до-еле*; и тутъ думаютъ видѣть своего божка и нельзя-ли какъ подешевле... Надо однажды навсегда имъ показать, что это не рынокъ. Хотятъ? Столько-то безъ торгу. Не хотятъ? Туда имъ и дорога!.. Пускай ихъ предаютъ меня анаѳемѣ и всѣмъ силамъ чернымъ! Скажутъ: да и другіе-то члены не лучше купчиковъ... *Неправда, какъ сословіе—въ милліонъ разъ лучше...* *) Купчики развѣ что дѣлаютъ въ обществѣ? Не говорю—головой: они не на то призваны, и требовать отъ нихъ

*) Курсивъ нашъ.

о ловы было бы смѣшно; но карманомъ, матеріально вообще... Нѣтъ, повторяю, отнынѣ купецъ и подобные ему, коли хотятъ чваниться нашими дипломами, просимъ получать ихъ, а не прелазити инуду. Обществу нужны, при теперешнемъ его положеніи, деньги, деньги и деньги: это первое и послѣднее его желаніе и потребность» *).

Это письмо писано было почтеннымъ профессоромъ въ 1847 году, т.-е. до освобожденія крестьянъ; и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что баринъ, (хотя и имѣющій въ своемъ гербѣ паникадилу со свѣщами), такъ аттестуетъ этого *хама*—это *быдло*, хотя и откупившееся отъ своего барина за большія деньги, но тѣмъ не менѣе все-таки же продолжающее оставаться, въ существѣ своемъ, *быдломъ*... Но теперь, когда нѣтъ ни душевладѣльцовъ, ни рабовъ, таковое отношеніе печати къ бывшему *хаму* и *быдлу*, по меньшей мѣрѣ, странно и объяснить его можно только тѣмъ, что контингентъ представителей печати почти чуждъ торгово-промышленному люду, который, въ свою очередь, держитъ себя совершенно обособленно и къ представителямъ печати относится не лучше, чѣмъ къ разнымъ доброй памяти квартальнымъ. На сколько онъ въ этомъ отношеніи виноватъ, это другой вопросъ; но кто имѣетъ счастіе личнаго знакомства съ *интервьюеромъ* мелкой прессы, кто знаетъ только ему, этому интервьюеру, свойственныя замашки и наклонности, тотъ не рѣшится упрекнуть купца, что онъ не высокаго мнѣнія о печати. Да если оставить даже въ сторонѣ милыхъ *интервьюеровъ*, а принять во вниманіе, что сами люди печати обозвали самихъ себя *разбойниками печати* и *мошенниками пера*, то стало быть есть что-нибудь такое, за что они себя всенародно самобичуютъ. Правда, несправедливо взваливать на печать то, что свойственно только нѣкоторымъ изъ ея представителей, но если это такъ, то почему же справедливо составлять мнѣніе о купцахъ-промышленникахъ по нѣсколькимъ частнымъ примѣрамъ и обобщать ихъ въ формулы?!

Въ истекающемъ году *Чумазый* претерпѣлъ уже четыре приступа печати, пятый же еще не оконченъ, а шестой только начинается:

Первый при заключеніи русско-германскаго договора; *второй*—при внесеніи въ Госуд. Совѣтъ законопроекта о распространеніи дѣйствія закона о фабричной инспекціи на 18 губерній; *третій*—при внесеніи въ Госуд. Совѣтъ законопроэкта объ отвѣтственности фабрикантовъ за увѣчья и смерть рабочихъ; *четвертый* при возникновеніи слуховъ о повышеніи пошлины на заграничный хлопокъ; и, наконецъ, *пятый* по поводу проекта о новомъ промысловомъ обложеніи. *Шестой* же приступъ начатъ «*Новымъ Временемъ*» 10 ноября 1894 года.

---

*) Письма А. М. Бодянскаго. Москва 1893. Изданіе А. А. Титова.

Кто былъ правъ въ первомъ случаѣ, печать-ли съ радужными надеждами на нѣмецкій договоръ, или Московск. Биржевой Комитетъ, рѣзко высказавшійся противъ него въ ноябрѣ минувшаго года, теперь стало ясно для всѣхъ, кромѣ, конечно, тѣхъ господъ, для которыхъ *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.* Гдѣ тѣ радужныя картинки, которыя рисовали себѣ хлѣбопроизводители, что наступаетъ новая эра, когда недоимки въ земельные банки отойдутъ въ вѣчность, и когда барыши, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлѣбъ, будутъ такъ велики, что и закладывать имѣнья будетъ не зачѣмъ? Московскій Биржевой Комитетъ, зная, что витіеватыя фразы и мудрствованія финансистовъ-теоретиковъ не много стоютъ, предвидѣлъ то, что теперь совершается и будетъ совершаться въ теченіи 10 лѣтъ, и предостерегалъ, но кто же его послушалъ? «*Требовать отъ него головы*, скажу словами пр. Бодянскаго, *было бы смѣшно*».

Вторая аттака—по поводу распространенія закона о фабричной инспекціи на 18 губерній—была совершенно безсмысленная. Въ чемъ заключалось недовольство промышленниковъ этимъ закономъ? Въ томъ именно, что этотъ законъ, будучи частію очень плохо переведенъ съ иностранныхъ источниковъ, частію очень плохо по нимъ же компилированъ, могъ быть примѣняемъ къ нашей фабрично-заводской жизни съ величайшимъ трудомъ, тѣмъ болѣе что инспекторы, большая часть которыхъ не имѣла понятія, что называется колесомъ, что—осью, мудрствовали на фабрикахъ по своему усмотрѣнію съ полнѣйшимъ произволомъ, возбуждая неудовольствіе не только въ хозяевахъ, но и рабочихъ, и такое ихъ самоуправство обусловливалось тѣмъ, что имъ не было дано никакой инструкціи, которая бы болѣе точно опредѣляла ихъ права и обязанности. Быть недовольными существовавшими порядками промышленники тѣмъ болѣе имѣли право, что, по ст. 64 закона 3 іюня 1883 года, министромъ финансовъ, по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, инструкція должна была быть издана. Виноваты-ли промышленники, что вмѣсто 1883 года онъ появилась на свѣтъ Божій только въ 1894 года, т.-е. чрезъ одинадцать лѣтъ? Нельзя при этомъ однако же не замѣтить, что не смотря на ея появленіе, не всѣ еще инспекторы возвысились до высоты пониманія своихъ обязанностей, но гг. губернаторы, само собою разумѣется, не преминутъ существующія неровности устранить, такъ какъ законы издаются не для того, чтобъ ихъ обходить, и не для того, чтобъ ихъ топтать.

Третій приступъ — по поводу отвѣтственности фабрикантовъ за увѣчья рабочихъ, былъ самый безшабашный. Сколько было написано бумаги! сколько избито шрифту! сколько выручено гривенничковъ и пятачковъ, и все понапрасну... Если бы застрѣльщики знали, что

Московскій Биржевой Комитетъ еще въ 1881 г. представилъ финансовому вѣдомству проектъ положенія объ обезпеченіи рабочихъ, пострадавшихъ на фабрикахъ, и что этотъ проектъ удостоился милостиваго одобренія почившаго Государя, то не стали бы они попусту стрѣлять въ миражъ, а разузнали бы лучше, гдѣ этотъ проектъ могъ залежаться, да почему? Поступивъ такимъ образомъ, они бы оказали рабочему услугу непомѣрно большую, чѣмъ своими аттаками совершенно неосновательными на *Чумазаго*. Куда и кто замуровалъ этотъ проектъ Московскаго Биржеваго Комитета, никому изъ купцовъ не извѣстно, но это не уменьшаетъ ихъ недоумѣнія, какъ могло статься, что начинаніе ихъ, удостоившееся столь высокой милости, двѣнадцать лѣтъ лежитъ безъ движенія. Но время, впрочемъ, еще не ушло и печать могла бы въ этомъ отношеніи посодѣйствовать, если она искренно желаетъ рабочему блага.

Четвертый приступъ на купца не имѣлъ генеральнаго характера, а скорѣе видъ развѣдки: наши среднеазіатскіе хлопководы, вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлопокъ, оказались вынужденными ходатайствовать предъ министерствомъ финансовъ, объ огражденіи ихъ производства отъ конкурренціи американскихъ и египетскихъ хлопкопроизводителей... Министерство приняло ихъ ходатайство во вниманіе... И печать обрушилась на *Чумазаго*.

За что... про что... почему???

Вѣдь хлопководъ — сельскій хозяинъ; такъ при чемъ же тутъ *Чумазый*-то?

Если фритредеры съ величайшимъ удовольствіемъ отказались бы отъ драгоцѣнныхъ услугъ фабрикантовъ, имѣя возможность получать все необходимое изъ-заграницы, дешевле чѣмъ въ Россіи, то ужъ надо бы имъ поспѣшить отказаться отъ нашего хлѣба, и покупать его въ Германіи, такъ какъ тамъ онъ теперь дешевле нашего, да не только онъ, но и всѣ его продукты. Если-же поклонники свободной торговли отъ своего хлѣба покуда не отказываются, то почему-же отказываются отъ своего льна, пеньки и хлопка? Что бы теперь было, еслибъ отворить нашу границу для американскаго и австралійскаго хлѣба? По этому вопросу—т. е. по вопросу о хлопкѣ, повторяется въ печати теперь то же, что было лѣтъ десять тому назадъ, когда правительство, съ цѣлью оградить наше винодѣліе, рѣшилось возвысить пошлину на ввозимое вино и виноградъ. Теперь, по истеченіи десятилѣтія, стало ясно, были-ли правы винодѣлы, ходатайствуя о повышеніи пошлины, и имѣли-ли основаніе фритредеры кричать о спасеніи отечества.

Пятый приступъ охарактеризовалъ себя измышленіемъ новаго термина для *Чумазаго* толстосума — «*Лжеминина*». Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ «Новому Времени».

Но неужели-же эта газета забыла, что Мининъ жилъ въ ту эпоху, когда наше царство пропадало, казна была частью разворована, частью растрачена, и что по этому именно и возстали великіе мужи—купецъ Мининъ и князь Пожарскій, объединившіе и спасшіе Россію?

Но развѣ теперь наше отечество находится въ состояніи, близкомъ къ эпохѣ Минина? Къ чему-же тревожить его кости и дразнить его великимъ именемъ и его подвигомъ современниковъ? Это немного странно и загадочно! Тѣмъ болѣе, что это изобрѣтеніе «Новаго Времени» пріурочено къ вопросу о проектированномъ финансовымъ вѣдомствомъ промысловомъ обложеніи, такъ какъ, по мнѣнію этого вѣдомства, взимаемые съ купечества 500.000,000 рублей недостаточны, а требуется еще!

Чѣмъ кончится этотъ пятый приступъ, покажетъ будущее, но промысловый налогъ не можетъ расти безконечно, тѣмъ болѣе, что число пьяныхъ дней въ Россіи не уменьшается, а годъ отъ году увеличивается и должно увеличиваться, такъ какъ смѣшно возлагать надежды на платоническія общества трезвости, когда кабакъ находится подъ самой сильной охраной. Вѣдь въ Россіи, можно безъ преувеличиванія сказать, бываетъ до 1.000,000,000 пьяныхъ дней въ годъ, а если прибавить къ этому случаи преждевременныя смерти, болѣзни, обмораживанья, пропитія добра, семейныхъ раздоровъ, то это число надо по меньшей мѣрѣ удвоить *). Предполагая, что отъ каждаго пьянаго дня казна теряетъ по гривеннику, убытокъ ея достигаетъ 2.000,000,000 руб. въ годъ, а развѣ пьяные дни можно считать только по гривеннику?

Поступленія отъ промысловаго налога годъ отъ году растутъ абсолютно и въ пропорціональномъ отношеніи къ общей суммѣ государственнаго прихода, и это-то послѣднее обстоятельство заставляетъ Чумазаго крѣпко задуматься о своей будущности. Онъ съ величайшею тревогою спрашиваетъ, гдѣ же предѣлъ обложенія торговли и промысловъ? И судя по тому, что за послѣдніе годы въ этомъ отношеніи совершалось, онъ справедливо полагаетъ, что предѣла торгово-промышленному обложенію не предвидится. И что плачевнѣе всего, такъ это фальшивое положеніе его, какъ плательщика или, лучше сказать, какъ сборщика податей, въ отношеніи къ вѣдомству финансовъ, призванному, съ одной стороны, способствовать торговлѣ и промышленности, а съ другой сбирать съ нихъ сколь возможно больше податей, пошлинъ и сборовъ, т. е. дѣлать какъ разъ противуположное тому, что называется содѣйствіемъ. Нѣсколько лѣтъ

*) Если правительство получаетъ отъ вина 250.000,000 рублей, то считая приблизительно, что каждый рубль опьяняетъ 4 человѣка, получится 1,000,000,000 пьяныхъ дней.

тому назадъ возникалъ вопросъ объ обособленіи вѣдомства финансовъ отъ вѣдомства торговли и промышленности и встрѣтилъ въ мірѣ промышленномъ величайшее сочувствіе; но не суждено ему было осуществиться. Если мысль объ обособленіи вѣдомства земледѣлія теперь осуществилась, то почему-бы не осуществить и мысли объ организаціи Министерства торговли и промышленности? Интересы финансоваго вѣдомства по существу своему совершенно противоположны интересамъ промышленности и торговли, и поэтому существующая у насъ организація финансоваго вѣдомства ставитъ его въ положеніе неестественное; оно является то прокуроромъ, то защитникомъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Промышленникъ же при такомъ порядкѣ не знаетъ, когда оно его защитникъ и когда прокуроръ?

Шестой приступъ начатъ минувшаго 10 ноября *Новымъ Временемъ* въ № 6718. Пункты обвиненія суть:

1) полная неподвижность и спячка московскаго купечества,
2) изумительный этого купечества непотизмъ,
3) недобросовѣстность, дескредитирующая русскіе товары,
4) выпрашиваніе новыхъ льготъ и выгодъ,
5) срываніе кушей за гнилье и
6) недобросовѣстное ожирѣніе московскаго купца, вслѣдствіе того, что онъ *запился*.

Всѣ эти обвиненія поставлены въ строчку только потому, что *Вѣстникъ Финансовъ* не доволенъ вывозомъ русскихъ товаровъ на Востокъ. Доброхотный радѣтель русской (не жидовской-ли?) промышленности и торговли, повидимому, ни уха ни рыла не понимающій ни въ той, ни въ другой, ополчился ни съ того, ни съ сего на московское купечество, сидящее на своей землѣ и ведущее свои дѣла со временъ боярина Кучки, т. е. съ тѣхъ поръ, когда не только не было города Петербурга, но когда даже то болото, на которомъ онъ плаваетъ, по всей вѣроятности, представляло собою дно морское... И доброхотный радѣтель учитъ, уподобляясь яйцу, учащему курицу!.. Дай ему Богъ успѣха, но мѣры, имъ предлагаемыя касательно кредита, кажутся Москвѣ сшитыми бѣлыми нитками: московскіе купцы имѣютъ привиллегіи и преимущества только предъ евреями.

Не лучше-ли бы автору говорить безъ обиняковъ?

Время и мѣсто не позволяютъ распространиться обширнѣе по этому послѣднему приступу.

К—въ.

Москва, 15 ноября 1894 г.

ГАННА

Романъ **Берты Сутнеръ.**

Переводъ съ нѣмецкаго Э. Л. Зильберберга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIV.

Письму Ганны къ мужу не суждено было дойти по назначенію, а также онъ никогда ничего не узналъ о ея письмѣ къ крестной. Въ то время Эвальда уже не было въ городѣ, онъ уѣхалъ, неизвѣстно куда; за отсутствіемъ адресата письмо было отправлено обратно въ Вѣну, и такъ какъ изъ содержанія не видно было отъ кого оно, то его уничтожили вмѣстѣ съ тысячью другими.

Потеря жены была для Эвальда ужаснымъ ударомъ, и связанный съ этой утратой стыдъ казался ему особенно невыносимымъ. Какъ показываться въ своемъ кругу, преподавать молодымъ людямъ, зная, что имъ хорошо извѣстно его положеніе,—о чемъ же больше говорить, въ теченіе нѣкотораго времени, всѣмъ кумушкамъ этого падкаго до сплетень городишка, какъ не о бѣгствѣ красивой Ганны Бальманъ?

Онъ все еще не могъ въ себя придти. Весь міръ обрушился на него, съ его спокойно-мѣщанскими привычками, врожденной домовитостью и понятіями о свѣтскихъ приличіяхъ.

На слѣдующій день послѣ побѣга жены, Эвальдъ сказался больнымъ, и дѣйствительно онъ былъ боленъ. Его трясло какъ въ лихорадкѣ, къ тому же и голова болѣла, какъ будто распадалась пополамъ. Крестная, ничего не подозрѣвая, зашла за Ганной, чтобы вмѣстѣ отправиться на прогулку.

— Гдѣ ваша жена, милѣйшій?—спросила она, входя въ комнату, но замѣтивъ его растерянный видъ:—Ужъ не больны ли вы?—воскликнула она.

Вся испытанная за эту ночь боль концентрировалась теперь въ вспышкѣ гнѣва и ненависти противъ этой женщины. Вѣдь ей онъ довѣрилъ свою Ганну, и подъ ея надзоромъ испортили ее. Съ дико блуждающимъ взоромъ приблизился онъ къ генеральшѣ, которая, испугавшись, отступала и дрожащимъ голосомъ повторяла:

— Гдѣ-же ваша жена?

— У меня жены больше нѣтъ, ее погубили...

— Не сошли ли вы съ ума?

— Нѣтъ, не сошелъ, во всякомъ случаѣ не теперь, а тогда, когда довѣрилъ свою молодую, неопытную жену...—страшно жестокое слово вертѣлось у него на языкѣ, но онъ черезъ силу подавилъ его,—довѣрилъ свѣтской женщинѣ, — закончилъ онъ.

— Да объясните ли вы, наконецъ...

— Тутъ нечего объяснять... я безконечно несчастливъ... къ чему еще копаться въ моемъ позорѣ? Мнѣ нечего вамъ сказать, кромѣ того, что я ненавижу васъ и желаю остаться одинъ.

Съ пылающимъ взоромъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, указалъ онъ рукой на дверь. Генеральша поспѣшила скрыться, охваченная страхомъ, и столкнулась въ передней съ прислугой.

— Бетти, скажи, что такое у васъ случилось? Твой баринъ боленъ, что ли, и гдѣ барыня?

— Ахъ, сударыня, наша барыня ушла вчера вечеромъ.

— Что ты говоришь?

— Дворничиха видѣла, какъ она крадучись ушла, и съ тѣхъ поръ она не возвращалась. Баринъ проплакалъ всю ночь въ гостиной, только къ утру онъ бросился на кровать въ спальнѣ, и тогда я увидѣла открытые ящики и разбросанныя бумажки,—бѣдный баринъ, онъ даже не дотронулся до завтрака.

Генеральша слушала, оцѣпенѣвъ отъ ужаса. Подозрѣніе ея упало сейчасъ-же на Эдельберга, ухаживаніе котораго не скрылось отъ ея взоровъ, но она смотрѣла на него сквозь пальцы, не воображая, что это кончится подобнымъ скандаломъ. Быть можетъ она чувствовала себя не совсѣмъ безу-

пречной въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ сильнѣе проснулся ея гнѣвъ противъ молодой женщины. Единственное, что, по ея мнѣнію, ей оставалось дѣлать, это—открыто выразить свое презрѣніе и осужденіе, и этимъ убѣдить весь свѣтъ въ ея строго-нравственныхъ правилахъ. Въ ней Ганна никогда не найдетъ защитницы—это она должна своему собственному достоинству. Только о своей личной репутаціи думала генеральша, стоя у обломковъ этого разрушеннаго очага, который та несчастная покинула, и который обманутый мужъ оплакивалъ горькими слезами. Какое непріятное, компрометирующее происшествіе!

Бальманъ сказывался нѣсколько дней подрядъ больнымъ; время проходило въ мрачныхъ размышленіяхъ; ему казалось невозможнымъ взяться снова за исполненіе прежнихъ обязанностей. Но нежданно-негаданно явилось спасеніе. Тотъ старый дядя, единственнымъ наслѣдникомъ котораго онъ состоялъ, котораго онъ даже не зналъ, и поэтому не могъ жалѣть, умеръ внезапно, оставивъ значительное состояніе, превосходящее вдесятеро всѣ ожиданія. Это извѣстіе вырвало несчастнаго изъ его оцѣпенѣнія, такъ какъ этимъ рѣшалась сразу тяжелая задача, какъ избавиться отъ прежнихъ условій жизни и отъ прежней среды, въ которой его позоръ былъ всѣмъ извѣстенъ. Онъ рѣшилъ исполнить теперь свое всегдашнее завѣтное желаніе—предпринять большое путешествіе, увидѣть дальнія страны, чувствуя, что это будетъ самымъ цѣлебнымъ средствомъ для его наболѣвшей души.

Вслѣдъ за полученіемъ сказаннаго письма Эвальдъ отправился къ директору гимназіи, предупредить о своемъ выходѣ изъ состава учителей. Ни съ кѣмъ больше не простясь, даже не оставляя своего адреса, онъ на слѣдующій-же день уѣхалъ навсегда изъ городишка. Ближайшей цѣлью его былъ сперва Франкфуртъ, гдѣ его дядя скончался и гдѣ онъ долженъ былъ войти въ права наслѣдства, состоящаго изъ двухъ громадныхъ домовъ на самой фешенебельной улицѣ города. Приведя всѣ свои дѣла въ порядокъ, онъ отправился черезъ нѣсколько недѣль въ Гамбургъ, а оттуда съ первымъ пароходомъ въ Нью-Іоркъ, прощаясь „навсегда“ со Старымъ свѣтомъ.

XV.

Между тѣмъ Ганна проводила тяжелое время: одинокая, оставленная всѣми, она билась въ тяжкой борьбѣ за существованіе. Отъ ея маленькаго денежнаго запаса давно уже

ничего не оставалось, роскошный медальонъ и несессеръ были также проданы, и послѣ уплаты счета въ гостинницѣ, у нея осталось всего двадцать гульденовъ, но хватитъ-ли ей этого на долго?

Видя, что всѣ попытки получить гдѣ либо мѣсто учительницы безуспѣшны, она обратилась въ различные магазины съ вопросомъ, не нуждаются-ли въ продавщицѣ, но и тутъ встрѣтила вездѣ отказъ. Но отъ времени до времени блисталъ лучъ надежды между этими разочарованіями, въ видѣ начатыхъ переговоровъ, или разныхъ обѣщаній,—однако все кончалось ничѣмъ.

Однажды—Ганна уже совершенно измучилась постоянными безполезными странствованіями—она напала на слѣдущее объявленіе въ „Листкѣ для иностранцевъ“:

„Ищутъ продавщицу. Требуется: представительная внѣшность и знаніе французскаго языка“.

Дальше слѣдовалъ адресъ извѣстнаго магазина дамскаго платья.

Она отправилась немедленно туда, и приказчикъ, узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ ей подождать хозяина.

Ждать, и снова ждать — положимъ, Ганна къ этому за послѣднее время привыкла. Она присѣла на скамейку у стѣны, сплошь завѣшанной платьями, пальто и капотами, и стала глядѣть на молодыхъ дѣвушекъ, показывающихъ товаръ покупателямъ, или драпирующихся въ разныя sorties de bal и накидки, чтобъ ихъ лучше выставлять въ глазахъ все критикующихъ покупательницъ. Неужели и ей предстоитъ подобная же участь? Правда, что перспектива была неособенно соблазнительна, но еще менѣе вѣрна: по всей вѣроятности, и тутъ ей откажутъ, и скоро она будетъ обречена на голодъ и холодъ, она—эта талантливая и когда-то балованная красавица.

Такъ просидѣла она молча, углубленная въ безотрадныя думы, пока приказчикъ снова не подошелъ, и не позвалъ ее къ хозяину. Пройдя черезъ нѣсколько комнатъ, наполненныхъ товарами, Ганна очутилась въ конторѣ, гдѣ какой-то полный, пожилой мужчина, оказавшійся хозяиномъ, стоя работалъ у пюпитра.

— Извините, хозяинъ, тутъ явилась опять одна особа относительно мѣста.

— Хорошо; прошу васъ немного обождать, не отрываясь отъ работы, отвѣтилъ онъ.

Ганна стала снова ждать, пока онъ наконецъ не кончилъ своихъ счетовъ, и, облокотившись на пюпитръ, сдѣлалъ Ганнѣ знакъ приблизиться.

— Вы уже служили?

— Нѣтъ еще, никогда, но такъ какъ я владѣю французскимъ и англійскимъ языками...

— Ага, и англійскимъ? это хорошо. Что касается вашей внѣшности, то она ничего—подходитъ. Стройная, элегантная фигура... мы пожалуй и сговоримся. Но мнѣ нуженъ человѣкъ сейчасъ же, такъ какъ у меня нѣтъ порядочной примѣряльщицы.

— Я бы могла сейчасъ-же вступить въ должность, если вамъ угодно.

Послѣ этого, заключили условіе; Ганна была принята, и служба ея начиналась съ слѣдующаго же утра; жалованья ей назначили сорокъ гульденовъ въ мѣсяцъ и обѣдъ. За квартиру, завтракъ, бѣлье и платья — за исключеніемъ чернаго шелковаго, которое она должна будетъ утромъ одѣвать въ магазинѣ и вечеромъ оставлять тамъ-же—ей придется платить изъ жалованья. Она должна приходить въ половинѣ восьмаго утра, и оставаться до половины восьмаго вечера, примѣрять различные костюмы, говорить по французски и по англійски съ иностранной публикой и съ помощью посыльнаго носить имъ на домъ туалеты для примѣрки и просмотра.

Съ облегченнымъ сердцемъ вышла Ганна изъ магазина.

Найденное мѣсто было хотя не блестяще—для женщины съ ея талантами и былымъ общественнымъ положеніемъ, оно было даже довольно унизительнымъ — но оно обезпечивало по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время вѣрный и честно заработанный кусокъ хлѣба. А тамъ мало-ли какія еще удачи ждутъ ее въ жизни? подсказывала съ дѣтства взлелеянная тайная надежда.

XVI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня поступленія Ганны на службу. Товарищи и товарки по магазину не взлюбили ее за скрытность и грусть и называли ее въ насмѣшку „заколдованной принцессой“. Таковой она и сама себя чувствовала. Если ее не скоро освободятъ,—думала она,—то она

погибнетъ, до того задыхалась она въ окружающей атмосферѣ. Изъ гостинницы она, экономіи ради, переѣхала въ меблированную комнату и, не имѣя средствъ платить за нее дороже десяти гульденовъ въ мѣсяцъ, должна была довольствоваться мизерной каморкой гдѣ-то въ дальнемъ предмѣстьи. Вообще найти комнату было не такъ-то легко; нигдѣ не желали принять одинокую даму, къ тому же такую молодую и красивую; ей отказывали большею частью самымъ обиднымъ и подозрительнымъ тономъ.

Чтобы попасть въ ея комнату, надо было пройти черезъ маленькую кухню и черезъ комнату, служившую спальней хозяйкѣ, ея сестрѣ и тремъ дѣтямъ. Съ противуположной стороны имѣлась еще одна комната, которую занималъ восемнадцатилѣтній хромой сынъ хозяйки. Вся эта семья жила на офицерскую пенсію, получаемую вдовой, и на скудный заработокъ другой, незамужней женщины, проспиживавшей цѣлые дни надъ швейной машинкой. Это была каторжная жизнь. Ганна, почти не бывая дома, видѣла далеко не все, но даже и отъ того немногаго, что она видѣла, у нея больно сжималось сердце; охотнѣе всего она бы отдала все свое жалованье, чтобъ облегчить нищету хозяекъ, но у нея самой еле-еле хватало на самый скромный бюджетъ. Вотъ какъ она распредѣлила свое жалованье:

Квартира	10	гульденовъ.
Завтракъ—и какой завтракъ: жиденькій кофе со снятымъ молокомъ .	5	„
Ужинъ: стаканъ пива и немного колбасы или сыра	6	„
Прачка и освѣщеніе	5	„
Прислуга	1	„
Сапоги, платье	10	„
Всего . . .	37	гульденовъ.

Оставалось еще три гульдена въ мѣсяцъ, изъ которыхъ два предназначались на „непредвидѣнные расходы“, а одинъ на единственную ея роскошь: абонементъ въ библіотекѣ для чтенія. Когда не было кліентовъ въ магазинѣ, то, сидя въ углу, она читала; вечеромъ у себя въ комнатѣ она опять читала, а по воскресеньямъ она читала весь день. Она держалась вдали отъ своихъ хозяевъ и еще больше отъ товарищей по службѣ. Въ началѣ приказчики попробовали было за ней

поухаживать, но, встрѣтивъ гордый, ледяной отпоръ, никто больше не подходилъ близко къ „заколдованной принцессѣ“. Товарки ея, веселыя, пикантныя вѣнскія продавщицы, изъ зависти къ ея благороднымъ манерамъ, смѣялись и дразнили ее, но это не дѣйствовало на нее.

Ганна чувствовала себя глубоко несчастной. Съ острой болью въ сердцѣ просыпалась она по утрамъ и засыпала вечеромъ со слезами. Брошенная въ совершенно чуждую стихію, она чувствовала себя точно въ тюрьмѣ. То же самое, что испытываетъ осужденный въ Сибири, плѣнникъ въ вражьей странѣ, или птица въ клѣткѣ, то же чувствовала и Ганна, примѣряя въ магазинѣ накидки и капоты! Надежда на большой выигрышъ въ жизненной лотереѣ стушевывалась понемногу, слишкомъ ужъ долго заставлялъ онъ себя ждать. Теперь ей стало ясно, что ей суждено искупить свою вину; молодые люди вѣрятъ вѣдь такъ охотно въ предназначеніе. Съ особеннымъ удовольствіемъ называла она себя „великой грѣшницей“ и подвергала постоянному самобичеванію. Все рѣже и рѣже вспыхивала въ ней жажда наслажденій, единственной и неотвязчивой ея мыслью сдѣлалось: умереть бы съ горя. Не безъ нѣкотораго удовлетворенія замѣчала она, что стала худѣть и часто подвержена сухому кашлю. Она не знала, что худобу слѣдуетъ приписать неудовлетворительному питанію, а кашель постоянному нервному раздраженію, и считала себя добычей начинающейся чахотки. Настроеніе ея стало все болѣе и болѣе унылое, щеки поблѣднѣли и бѣдная „заколдованная принцесса“ стала похожа на тѣнь.

Бѣдная Ганна несла по истинѣ тяжкое наказаніе за свое прегрѣшеніе, и если страданіемъ ихъ можно искупить, то она ими вернула порядочную долю своего нравственнаго достоинства. Теперь она только мечтала о прощеніи Эвальда: когда болѣзнь на столько подвинется, что ей останется всего нѣсколько дней жизни, тогда рѣшила она призвать мужа—и хотя онъ оставилъ послѣднее письмо ея безъ отвѣта, но разъ она будетъ на смертномъ одрѣ, то онъ не откажется придти. Дальше она рисовала въ умѣ трогательную сцену: какъ онъ, стоя возлѣ нея на колѣняхъ, будетъ плакать и произносить чудныя, полныя любви слова прощенія, какъ онъ потомъ закроетъ ей глаза и осыплетъ печальные останки бѣлыми розами...

Служба Ганны была не тяжелая, но становилась ей съ каждымъ днемъ противнѣе. Быть живымъ манекеномъ, при чемъ ея собственная личность имѣла несравненно меньше значенія, нежели драпировочныя на нее одежды, было для нея, привыкшей быть центромъ всеобщаго вниманія, въ высшей степени унизительно. Только и приходилось слышать:

— Повернитесь на-право, мадемуазель... Пройдитесь нѣсколько шаговъ, чтобъ посмотрѣть, эффектно ли падаютъ складки... нѣтъ, это не граціозно, помѣрьте еще разъ предъидущее... А какъ выглядитъ сзади бантъ? Обернитесь... Такъ, а сколько это стоитъ?.. Нѣтъ, это слишкомъ дорого, покажите еще разъ то, прежнее...

При этомъ, глядя черезъ лорнетку, дама замѣчаетъ только показываемый предметъ. Чѣмъ красивѣе продавщица выглядитъ въ немъ, тѣмъ красивѣе представляетъ себя покупательница въ немъ же; живой манекенъ вертится на-право и налѣво, ходитъ взадъ и впередъ; надѣваетъ двадцать разъ одинъ и тотъ же костюмъ, повторяетъ цѣны, расхваливаетъ товаръ и—завидуетъ покупательницѣ, которая въ этомъ платьѣ отправится на балъ, въ театръ, въ общество. Къ тому же эти шикарныя дамы, пріѣзжающія въ собственныхъ экипажахъ, выглядятъ такими счастливыми и достойными зависти. Судя по вниманію и важности, съ которой онѣ выбираютъ туалеты, онѣ горя не знаютъ и преисполнены исключительно одной заботы: быть красивыми и изящными; хотя это сужденіе не всегда вѣрно: не разъ скрывается подъ богатой, беззаботной внѣшностью глубокое горе.

Но еще непріятнѣе примѣриванія въ магазинѣ, было для Ганны показываніе туалетовъ на дому у покупательницъ. Тутъ ее заставляли ждать въ передней, иногда по получасу, пока горничная наконецъ не поведетъ ее въ будуаръ барыни черезъ цѣлый рядъ роскошныхъ комнатъ. Тутъ снова начинается безконечное примѣриванье принесенныхъ вещей, при чемъ то поваръ зайдетъ, узнать, на сколько персонъ приготовить обѣдъ, то передадутъ письмецо и букетъ, то войдутъ члены семьи, разговаривая о всякой всячинѣ, даже не замѣчая присутствія продавщицы; и ничто не отзывается съ такой болью въ сердцѣ безпріятнаго, одинокаго существа, какъ эти короткіе взгляды, бросаемые имъ на кажущуюся такой интересной и счастливой семейную и общественную жизнь,—точно также

и озябшему кажется холодъ и мракъ вдвойнѣ чувствительнымъ, когда изъ полуоткрытой двери до него доносится свѣтъ и тепло, музыка и смѣхъ.

Былъ конецъ масляницы, и поэтому множество работы. Магазинъ былъ почти всегда переполненъ, да и большинство служащихъ веселилось, посѣщая маскарадные балы и повѣряя другъ другу свои разныя маленькія приключенія. Не разъ предлагали и „сказочной принцессѣ“ принять въ нихъ участіе, увѣряя ее въ томъ, что „это расшевелитъ ее немного“. Но Ганна молча качала головой въ отвѣтъ.

— Ахъ, оставь ее,—бывало вмѣшивалась другая,—развѣ ты не видишь, что эта барышня слишкомъ горда для нашей компаніи?

— Я не горда, и у меня нѣтъ основанія быть гордой; но у меня много заботъ, и поэтому я не расположена ходить на балы.

— Полноте, заботы надо отгонять, горе надо убивать...

Ганна промолчала, но думала про себя: „Я не умѣю убивать горе, но надѣюсь, что скоро оно убьетъ меня“.

XVII.

— Фрейлейнъ Анна,—раздался голосъ хозяина,—подите сюда.

Ганна удержала за собой имя Анны Мейеръ.

— Что угодно?

— Готовы-ли картонки для графини Пальмъ?—обратился хозяинъ къ прикащику.

— Да, все въ порядкѣ.

— Такъ позовите посыльнаго, а вы, фрейлейнъ Анна, пойдете сейчасъ къ графинѣ. Посыльный покажетъ вамъ, гдѣ ихъ дворецъ. Цѣны вещей вамъ извѣстны, не уступайте ничего — и постарайтесь сбыть что-нибудь... уговаривайте побольше, это помогаетъ.

Позванный посыльный взялъ обѣ картонки, и они отправились въ Геренгассе, вѣнское Сенъ-Жерменское предмѣстье, куда дорога вела по самымъ оживленнымъ улицамъ, на которыхъ постоянная сутолока отъ пѣшеходовъ и несмолкаемый шумъ отъ экипажей, конокъ и фіакровъ; вмѣстѣ съ богатыми и блестящими витринами, это представляетъ очень веселую,

оживленную картину, но Ганна ненавидѣла все это, и особенно мучительно бывало для нея проходить мимо Hôtel Impérial'я и дворца Эдельберговъ.

— Вотъ и домъ Пальма,—проговорилъ, останавливаясь у подъѣзда роскошнаго зданія, посыльный. Ганна только-что собралась подняться по широкой, уставленной цвѣтами лѣстницѣ, какъ ее круто остановилъ внушительной наружности швейцаръ:

— Эй, куда вы?

— Я принесла бальныя платья для молодыхъ графинь.

— Постойте, это парадная лѣстница для господъ,—строго проговорилъ онъ, и указалъ выразительнымъ жестомъ во дворъ. Нечего дѣлать, пришлось послушаться строгаго приказанія. Поднявшись въ первый этажъ, лакей повелъ ихъ черезъ разные корридоры и людскія въ комнату первой камеристки, которая съ своей стороны повела ее въ спальню двухъ молодыхъ графинь, опять черезъ цѣлую вереницу гардеробныхъ, бѣльевыхъ и ванныхъ комнатъ.

Очевидно, графини были вчера на балу, такъ какъ передъ кроватями лежали еще рядомъ съ шелковыми чулками бѣлыя атласныя туфельки въ томъ же положеніи, въ которомъ уставшія ножки ихъ сбросили. На столѣ валялись разной величины котильонные букеты, полузавядшіе, въ перемежку съ измятыми гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, украшавшихъ вчера ихъ волосы и платья. Одна изъ графинь лежала полуодѣтая на кровати; другая, кутаясь въ бѣлый фланелевый пеньюаръ, сидѣла передъ каминомъ.

Ганна начала распаковывать вещи, камеристка носила ихъ отъ одной графини къ другой, но обѣ нашли туалеты совершенно не по своему вкусу.

— Ахъ, какой ужасъ! нѣтъ, дѣйствительно, только у madame Francine или Вернеръ возможно одѣваться.

— Или у Gindreau... развѣ тотъ сдѣлаетъ что-либо подобное?

Ганна продолжала молча показывать; хотя она никакого участія не принимала въ созданіи этихъ предметовъ, все же ей было непріятно слышать рѣзкое осужденіе того, что она показывала, какъ нѣчто красивое. Но наконецъ нашлось бѣлое воздушное sortie de bal, изъ атласа, кружевъ и лебединаго пуха, пришедшееся имъ по вкусу.

— А, это красиво! нѣтъ-ли двухъ одинаковыхъ?

— Готовыхъ нѣтъ, но можно сдѣлать на заказъ.

— Нетти,—обратилась графиня къ камеристкѣ, попросите мамашу сюда, посмотрѣть на принесенныя вещи, а вы—обратилась она къ Ганнѣ, не трудитесь больше показывать до прихода графини.

Молодыя графини принялись за болтовню, не обращая больше вниманія на отошедшую въ оконную нишу Ганну, какъ будто она не существовала.

— Ты танцовала вчера опять котильонъ съ Лихтенштейномъ... что на это скажетъ Антонъ Шварценбергъ?

— О, тотъ ухаживаетъ теперь за Рези Вальдбургъ.

— Ну, къ ней тебѣ нечего ревновать, она порядкомъ увяла...

— Но какъ она чудно одѣвается! кажется, у Ворта, въ Парижѣ.

— Замѣтила-ли ты, какъ весела была Лори, такъ называемая „божественная Лори“?

— Да, не видно по ней, что она такъ недавно потеряла своего жениха.

— Ахъ, да, бѣдный Эдельбергъ! Умереть за мѣсяцъ до свадьбы...

Ганна навострила уши; при имени „Эдельбергъ“ сердце ея забилось сильнѣе.

— И умереть такой ужасной смертью,—продолжала графиня,—упасть такъ неловко съ козелъ!

— А можетъ, тѣмъ лучше для Лори; онъ былъ вѣдь ужасный mauvais sujet—имѣлъ постоянно по двѣ и по три связи за-разъ, съ танцовщицами и актрисами...

— Ну, это ничего не значитъ. Тѣмъ онъ отказалъ-бы всѣмъ передъ свадьбой. Если обращать вниманіе на подобныя вещи, то въ концѣ концовъ нельзя было бы сдѣлать порядочной партіи, это нужно просто не принимать близко къ сердцу.

— Эта Лори вообще ничего не принимаетъ къ сердцу... все-таки неприлично, что она опять танцуетъ, разъ день свадьбы былъ уже назначенъ.

Графиня мать вошла и разговоръ прекратился. Блѣдная, взволнованная Ганна должна была снова показывать и примѣрять накидку, отвѣчать на вопросы и принимать заказъ на

такую же. „Онъ былъ женихомъ, женихомъ!“ вертѣлось у нея въ головѣ.

— Сто двадцать гульденовъ, графиня.—(Боже, какъ меня обманули!) — Черезъ три дня накидка будетъ готова.

Съ почтительнымъ поклономъ, на который ни одна изъ дамъ не отвѣтила, вышла Ганна изъ комнаты.

Она бѣдная провела теперь нѣсколько еще болѣе грустныхъ дней и безсонныхъ ночей. Нечаянно подслушанный ею разговоръ сильно подѣйствовалъ на нее; у нея, и безъ того такой бѣдной, точно отняли что-то безконечное дорогое. Вѣдь о настоящемъ она не хотѣла думать: оно было такъ безотрадно; въ будущемъ ей чудилось лишь предчувствіе смерти, и такъ оставалось одно убѣжище ея мыслямъ: это прошлое. И тутъ она неохотно вспоминала ни время своей невинности, ни обманутаго ею мужа, ни оттолкнувшую ее крестную; единственное свѣтлое воспоминаніе—это былъ тотъ человѣкъ, который ей выказалъ такую страстную любовь и сулилъ ей столько хотя и запрещеннаго счастья. И теперь вдругъ оказывается, что та страстная любовь была только капризъ, послѣдній эпизодъ холостой жизни шалопая; всѣ клятвы вѣчно любить ее были лишь обманомъ и ложью; наканунѣ свадьбы ей дали-бы отставку вмѣстѣ съ другими любовницами.

Оплакиваемая ею до сихъ поръ безвременно погибшая любовь была сразу свергнута съ своего пьедестала; значитъ, не со смертью графа потеряла она все онъ; и будучи живъ, не сдѣлалъ-бы ее счастливой, такъ какъ никогда не любилъ ее. Эта мысль осѣнила вдругъ измученную Ганну и успокоила ея страданія. Не будетъ-ли при крушеніи золотомъ нагруженнаго парохода утѣшеніемъ узнать, что золото было фальшивое?

XVIII.

Спустя нѣкоторое время, Ганна была снова послана съ товаромъ, на сей разъ въ Grand-Hôtel къ одной англичанкѣ.

— Здѣсь-ли живетъ госпожа Эджкомбъ?

— Въ первомъ этажѣ, номеръ 12-ый.

Ганна поднялась въ указанный номеръ и попросила встрѣтившуюся горничную доложить, что она принесла кружевныя наколки. Горничная, доложивъ о ней, велѣла Ганнѣ немного обождать въ элегантномъ салонѣ.

По истеченіи приблизительно десяти минутъ, къ ней вышла пожилая дама.

— Извините, фрейлейнъ, что заставила васъ такъ долго ждать... принесли-ли вы наколки?

Ганна, отвыкшая отъ такого вѣжливаго обращенія, взглянула на говорившую съ благодарностью. Передъ ней стояла женщина лѣтъ пятидесяти, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, прикрытыми черной кружевной косынкой, концы которой были завязаны на груди. Изъ этой черной рамки выглядывало нѣжное, добродушно-привѣтливое лицо, съ парой большихъ темныхъ глазъ, такъ ласково блестѣвшихъ, что не смотря на отсутствіе юношеской свѣжести, обладательницу ихъ смѣло можно было назвать красавицей.

Такъ какъ госпожа Эджкомбъ заговорила по нѣмецки, то Ганна отвѣтила такъ-же, хотя хозяинъ именно ее послалъ изъ-за знанія ею англійскаго языка:

— Да, сударыня, вотъ наколки, въ родѣ той, которая на васъ.

Ганна взглянула при этомъ съ чувствомъ восхищенія на старую даму; давно уже не видала она такого симпатичнаго лица, которое, казалось, тоже заинтересовалось красивой, молодой продавщицей.

— Сколько стоятъ эти кружева, милая барышня?

— Пятьдесятъ гульденовъ... не хотите-ли ихъ примѣрить передъ зеркаломъ, сударыня?

— О, нѣтъ, въ моемъ возрастѣ не такъ охотно глядятъ въ зеркало, какъ въ вашемъ,—смѣясь проговорила госпожа Эджкомбъ.—Сколько вамъ лѣтъ? прибавила она съ участіемъ.

— Уже двадцать.

— Уже? Вѣдь это только начало жизни, милое дитя.

— Это смотря по тому, сударыня; я не чувствую себя молодой, ибо быть молодой значитъ надѣяться на будущее.

— Нѣтъ, быть молодой значитъ имѣть передъ собой будущность, съ тысячью возможными случайностями; что же касается надежды, то она присуща всякому возрасту и человѣку.

— Только не мнѣ,—отвѣтила Ганна взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ; вѣдь въ первый разъ за все послѣднее время она могла говорить о себѣ съ видимо сочувствующимъ ей человѣкомъ, хотя и видѣннымъ ею впервые; но симпатія, внушаемая этой женщиной, подѣйствовала на нее

какъ согрѣвающій солнечный лучъ, она бы охотно бросилась къ ея ногамъ и выплакала-бы свое горе. Но отогнавъ эти мысли и вспомнивъ про свои обязанности продавщицы, она достала изъ картонки нѣсколько разныхъ косынокъ.

— Вотъ извольте, сударыня, наколку того же фасона, но бѣлаго цвѣта, въ ту же цѣну. Госпожа Эджкомбъ, обращавшаяся раньше къ Ганнѣ съ веселой и ободряющей улыбкой, приняла серьезное лицо. Она обладала той изысканной душевной деликатностью, которая чувствуетъ извѣстное уваженіе передъ всякимъ горемъ, какъ-бы оно ей ни было чуждо. Слѣдуя этому чувству, установился прекрасный обычай снимать шляпу на улицѣ передъ покойникомъ, будь это послѣдній бѣднякъ. И не только смерти подобаетъ этотъ признакъ сочувствія, но истинно благородные, деликатные люди воздадутъ его всякому глубокому горю.

Молча перебирала старая дама разложенныя кружева, будто выбирая между ними, но мысли ея были далеко. „Какія заботы могутъ быть у этого бѣднаго, красиваго ребенка? Не могу-ли я ей помочь... но, быть можетъ, это какое-нибудь любовное горе... Эти страданія молодости — точно весеннія грозы. Впрочемъ часто бываетъ и весною жестокій морозъ отъ котораго погибаютъ почки на деревьяхъ... бѣдная крошка!“, вотъ приблизительно о чемъ она думала, разглядывая наколки.

Въ это время вошла горничная.

— Сударыня, тамъ пришла какая-то барыня изъ конторы Берга, и желаетъ васъ видѣть.

— Изъ конторы? Ахъ, да, хорошо, веди ее сюда.

Вошла какая-то старая дѣва.

— Виновата, милое дитя, можете-ли подождать минуточку? обратилась госпожа Эджкомбъ къ Ганнѣ и, идя на встрѣчу вошедшей, сказала:

— Вы вѣрно желали поговорить относительно мѣста компаньонки?

— Точно такъ; меня прислала госпожа Бергъ.

— Садитесь, пожалуйста. Вы англичанка или нѣмка?

— Я съ Рейна, но владѣю англійскимъ языкомъ.

— Это мнѣ какъ разъ подходитъ. Такъ какъ я сама родомъ изъ Германіи, то хотѣлось-бы имѣть компаньонкой землячку; но черезъ свое замужество я на половину англичанка и въ особенности люблю англійскую литературу. Мнѣ тре-

буется главнымъ образомъ хорошая чтица англійскихъ книгъ; у меня слабые глаза, поэтому я сама долго читать не могу, но охотно слушаю часами чтеніе. Это васъ не пугаетъ?

— Нисколько, я бы могла хоть цѣлый день читать. Я умѣю и платья шить.

— Это очень полезное искусство, но я имъ не воспользуюсь, такъ какъ мои камеристки слѣдятъ за моими туалетами. Музыкальны-ли вы?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію.

— Жаль, и вообще, откровенно говоря, я бы предпочла компаньонку менѣе солиднаго возраста, я чувствую особенную слабость къ цвѣтущей молодости... взглядъ ея скользнулъ по Ганнѣ, занятой складываніемъ кружевъ. Она прислушивалась съ интересомъ къ разговору, вѣдь не разъ бывала она также въ положеніи искательницы мѣста и вела подобные же переговоры.

Госпожа Эджкомбъ взяла книгу съ камина и, передавая ее своему vis-à-vis, сказала:

— Не будете-ли любезны прочесть отрывокъ?

Посматривая на заглавіе: — Little Dorrit? произнесла та громко.

— Да, кивнула утвердительно госпожа Эджкомбъ, Дикенсъ—это мой любимый писатель.

Та начала читать, но спотыкаясь, останавливаясь, къ тому же съ отвратительнымъ произношеніемъ.

Госпожа Эджкомбъ прервала ее очень скоро.

— Благодарю, мадемуазель. Ваше произношеніе не безупречно. Положимъ, для нѣмки очень трудно вполнѣ усвоить англійское произношеніе...

— Мнѣ говорили часто, что у меня прекрасное произношеніе... я только немного отвыкла и взволнована... очень жалѣю, что я не удовлетворяю васъ...

Пожилой дамѣ стало жалко растерявшейся дѣвушки. Протягивая ей руку, она проговорила:

— Я также очень сожалѣю, что мы не подходимъ другъ къ другу—но это такъ ужъ водится: ко мнѣ явились дюжина кандидатокъ, и вы вѣроятно тоже выбираете между дюжиной мѣстъ. До свиданія, и bonne chance.

Госпожа Эджкомбъ проводила дѣвушку до двери и, вернувшись къ Ганнѣ, улыбнулась.

— А теперь давайте рѣшать вопросъ относительно на-

колки; это будетъ легче, чѣмъ найти подходящую компаньонку. Я бы желала видѣть хоть у одной изъ представлявшихся мнѣ дамъ ваше милое, симпатичное личико...

Внезапная мысль осѣнила Ганну.

— Вы ищете англійскую чтицу, сударыня?

— Да, чтицу и товарища въ путешествіяхъ, музыкантшу, подругу, которая дѣлила-бы со мною одиночество, прогоняла-бы тоску, завѣдывала-бы домомъ—однимъ словомъ, восьмое чудо. Не думаю, чтобъ нашлось все это вмѣстѣ... не знаете-ли вы случайно кого-нибудь?

— Я осмѣливаюсь предложить себя самое... Только благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, я сдѣлалась продавщицей... происхожденіе и воспитаніе даютъ мнѣ право на иное положеніе. Я довольно хорошая музыкантша.

Госпожа Эджкомбъ посмотрѣла на нее радостно.

— Вы можетъ быть и по англійски говорите?

Вмѣсто отвѣта Ганна взяла ту же, еще открытую книгу и стала читать, ясно, съ выраженіемъ, но безъ афектаціи; мягкій голосъ ея звучалъ, какъ музыка; къ тому еще превосходное правильное произношеніе—госпожа Эджкомбъ была въ восторгѣ.

— Вотъ гдѣ мое восьмое чудо,—воскликнула она, я васъ ангажирую тутъ же.

Лицо Ганны залилось отъ радости яркой краской, но въ слѣдующую секунду оно снова поблѣднѣло: ей вспомнился роковой вопросъ о рекомендаціи. Опять ее спросятъ о ея семьѣ, о прошломъ, обо всемъ томъ, о чемъ ей говорить нельзя. Она грустно покачала головой.

— Нѣтъ, это было-бы слишкомъ хорошо. Не думаю, чтобъ вы меня приняли, сударыня.

— Почему же?

— Потому что я занимаю теперешнее мѣсто подъ чужимъ именемъ, никто меня тамъ не знаетъ, и я ни на кого не могу вамъ указать, кто-бы за меня поручился...

Госпожа Эджкомбъ посмотрѣла на нее удивленно и съ грустью.

— Это странно, но еще болѣе странно, что вы все это мнѣ говорите, даже не будучи еще допрошены мною.

— Итакъ правда, вы меня вѣдь не возьмете? Ахъ, какое я бѣдное, несчастное существо!

— Не волнуйтесь такъ, милое дитя! Идите, сядьте сюда.

Взявъ Ганну тихо за руку, старая дама привлекла ее на диванъ, рядомъ съ собою и спросила:

— Что это за страшныя тайны у васъ, бѣдняжка?

— Ахъ, это такъ трудно разсказать.

— Ну, такъ не разсказывайте. Я могу себѣ представить... Тутъ вѣрно любовная исторія?

Ганна кивнула утвердительно головой.

— А соблазнитель?

— Умеръ.

— А ваша семья?

— Для нея я умерла.

— Такъ что вы совмѣмъ одиноки на бѣломъ свѣтѣ?

— Одинока, покинута и несчастна!

Госпожа Эджкомбъ все еще держала руку Ганны въ своей. Подумавъ немного, она пожала ее крѣпко, какъ при заключеніи условія.

— Я остаюсь при своемъ рѣшеніи, я беру васъ.

Ганна чуть не вскрикнула отъ радости. Она хотѣла заговорить, благодарить, но отъ волненія не находила словъ.

— Я беру васъ, повторила госпожа Эджкомбъ, и отказываюсь отъ рекомендацій. Еслибы я искала воспитательницу для своей дочери, или будь я сама еще молодая женщина то я должна была-бы изъ предосторожности и приличія настаивать на этихъ формальностяхъ—но чѣмъ я, старая женщина, рискую? Что вы изъ хорошей семьи, тому мнѣ порукой ваше воспитаніе; въ пользу вашей нравственности говоритъ то обстоятельство, что, при вашей красотѣ, вы, чтобъ прокормить себя, выбрали честное положеніе труженицы, а сверхъ всего у васъ такое милое, симпатичное личико. Я немножко влюбилась въ васъ съ перваго взгляда, и особенно рада предложить такому одинокому существу теплый уголокъ въ моемъ—къ сожалѣнію, тоже одинокомъ—старомъ сердцѣ.

Ганна нагнулась, чтобъ поцѣловать руку говорившей, при этомъ она опустилась медленно на колѣни.

— О, во истину милостивая, великодушная женщина, какъ я васъ буду любить и чтить!

XIX.

Госпожа Эджкомбъ подняла стоящую на колѣняхъ, поцѣловала ее въ лобъ и весело сказала:

— Ну, теперь покончимъ съ дѣловой стороной нашихъ переговоровъ; я охотнѣе всего уѣхала-бы изъ Вѣны послѣ завтра. Могли-бы вы сейчасъ же ко мнѣ переселиться?

— Не знаю, нужно спросить у хозяина, я обязана о своемъ отказѣ отъ мѣста предупредить за мѣсяцъ впередъ.

— Это легко уладить; ѣдемте со мною, я переговорю съ нимъ. Маленькая неустойка и...

— Ахъ, у меня нѣтъ ничего скопленнаго, перебила ее Ганна.

— Это дѣло мое. Я васъ похищаю, и слѣдовательно должна нести и убытки. Кстати, такъ какъ мы уже говоримъ о деньгахъ, то скажите, какое желаете вы получать содержаніе?

— Милостивая государыня изволитъ шутить. Что вы мнѣ назначите, то...

— Хорошо-же. Я предназначила моей чтицѣ жалованья сто гульденовъ въ мѣсяцъ, но это не лишаетъ меня права помочь ей въ ея расходахъ на туалеты, такъ какъ я люблю видѣть хорошенькихъ женщинъ въ красивыхъ нарядахъ.

Госпожа Эджкомбъ позвонила.

— Экипажъ,—приказала она появившемуся лакею. Затѣмъ, взявъ отъ горничной шляпу и накидку, обратившись къ Ганнѣ, сказала:

— Видите, какая я энергичная, сейчасъ-же ѣдемъ къ вашему хозяину.

— А что-же будетъ съ этимъ?—указала улыбаясь Ганна на принесенную съ собой картонку.

— Ну, эти пять или шесть кружевныхъ косынокъ мы оставимъ за собою и это навѣрное расположитъ его въ нашу пользу.

— Кто знаетъ, онъ можетъ быть тогда найдетъ, что я образецъ продавщицы,—пошутила Ганна.

— О, если онъ васъ сейчасъ-же не отпуститъ, то я верну ему всѣ эти вещи обратно и вообще перестаю быть его покупательницей.

Онѣ сѣли въ поданный экипажъ и отправились въ магазинъ, гдѣ хозяинъ былъ не мало удивленъ, увидѣвъ ихъ входящими вмѣстѣ.

— Я пріѣхала разсчитаться за присланныя мнѣ сегодня кружева. За одно я бы хотѣла съ вами поговорить и по другому дѣлу...

— Къ вашимъ услугамъ.

Госпожа Эджкомбъ объяснила ему въ чемъ дѣло, и купецъ, не сдѣлавши на это никакого возраженія, немедленно освободилъ Ганну отъ ея обязанностей.

— И такъ, я васъ похищаю, ѣдемте сейчасъ-же со мной,

Распрощавшись съ хозяиномъ и сослуживцами, Ганна послѣдовала за своей покровительницей.

Когда экипажъ тронулся, госпожа Эджкомбъ заговорила:

— Теперь, милое дитя, вы, быть можетъ, желаете отправиться къ себѣ домой проститься съ своими друзьями и забрать свои вещи, такъ дайте кучеру адресъ и мы туда отправимся, если же вамъ это желательно сдѣлать самой—тогда высадите меня у дверей гостинницы; поѣзжайте однѣ, съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе вернуться въ свое новое обиталище.

— У меня нѣтъ друзей, съ которыми мнѣ бы нужно было проститься, я живу у чужихъ людей, и я, въ вашемъ предложеніи съѣздить одной къ себѣ, только вижу новое доказательство вашей деликатности, но не желая казаться вамъ такой таинственной, прошу васъ сопутствовать мнѣ туда.

— Очень охотно. Скажите только кучеру, куда.

Ганна назвала кучеру улицу и номеръ дома.

— Вы очень, очень добры ко мнѣ.

— Надѣюсь, мы будемъ добрыми друзьями,—отвѣтила на это улыбаясь госпожа Эджкомбъ.

— Любите-ли вы путешествія?

— Да, я всегда мечтала о нихъ.

— Тогда ваша мечта исполнится, я предполагаю путешествовать цѣлый годъ; мы объѣздимъ Италію, Испанію, побываемъ, быть можетъ, и въ Капрѣ и Константинополѣ и еще въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ, пріобрѣтемъ въ какомъ-либо чудномъ мѣстѣ уголокъ, гдѣ проведемъ остатокъ нашихъ дней... если къ тому времени вы не выйдете замужъ.

Ганна покачала головой.

— Этого не случится.

— Il ne faut jurer de rien.

— О, въ этомъ могу васъ увѣрить. Мы пріѣхали; угодно вамъ, сударыня, меня подождать, или-же подняться въ третій этажъ?

— Если вамъ безразлично, то я пойду съ вами.

Поднявшись наверхъ, Ганна постучалась въ дверь, которую ей отворила служанка, мывшая въ эту минуту кухонный полъ, такъ что входъ былъ загроможденъ. Но храбро поднявъ свой шлейфъ, госпожа Эджкомбъ обошла лужи, и вошла вслѣдъ за Ганной въ комнату за кухней, въ которой находились двѣ пожилыя женщины, занятыя одна за швейной машиной, другая разборкой сундука.

— Извините,—сказала госпожа Эджкомбъ,—я вамъ не помѣшаю, я иду только въ комнату этой барышни.

— Вотъ и моя комната, сударыня,—проговорила Ганна, закрывая за собою дверь.

— Бѣдное дитя, вы ужъ очень скромно и неуютно жили, да и хозяйки ваши, кажется, находятся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ?

Ганна разсказала о нихъ все, что знала; про ихъ бѣдность, про болѣзнь старшаго сына, про всѣ прорѣхи и лишенія ихъ хозяйства.

— Мой отъѣздъ будетъ большимъ ударомъ для нихъ,—прибавила она,—на эту комнату не скоро найдется охотникъ, и такъ, онѣ теряютъ со мною хотя и маленькую, но вѣрную подмогу.

Госпожа Эджкомбъ вздохнула.

— Да, на свѣтѣ много горя. А гдѣ-же ваши вещи, милое дитя; укладывайтесь, вашъ сундукъ сейчасъ снесутъ внизъ.

Ганна покраснѣла.

— У меня имѣется только сумка для бѣлья... единственное мое платье на мнѣ...

— Тѣмъ скорѣе вы уложитесь. Я васъ оставляю и поговорю съ хозяйкой о вашемъ отъѣздѣ.

Госпожа Эджкомбъ вернулась въ рядомъ расположенную комнату.

— Не можете-ли выслушать меня нѣсколько минутъ?—обратилась она къ разбиравшей сундукъ женщинѣ.

— Вы вѣрно хотите поговорить о нашей жиличкѣ? Она славная, честная дѣвушка.

— Я только хотѣла сообщить вамъ, что она уѣзжаетъ отъ васъ, я беру ее съ собою.

— Ахъ, какъ жаль!

— Но въ виду внезапнаго отказа, вы позволите мнѣ заплатить за слѣдующій мѣсяцъ?

— Принимаю съ благодарностью ваше предложеніе.

— Тогда мы это сейчасъ-же покончимъ.—Госпожа Эджкомбъ вынула изъ кошелька двѣ кредитныхъ бумажки, но не по пяти гульденовъ каждая, какъ предполагали бѣдныя женщины, а по сто гульденовъ, и завернувъ ихъ въ лоскутокъ бумаги, положила пакетикъ въ рабочую корзинку.

Ганна вошла съ сумкой въ рукѣ.

— Я готова,—сказала она.

Госпожа Эджкомбъ встала со стула:

— Такъ проститесь съ своими хозяйками и ѣдемте.

Ганна расцѣловалась съ обѣими дамами.

— Прощайте, благодарю васъ за все,—проговорила она растроганнымъ голосомъ. А эту книгу передайте отъ меня вашему бѣдному сыну, въ ней вы найдете абонементную квитанцію на три мѣсяца; я вѣдь знаю, что онъ обожаетъ чтеніе.

— Ахъ, какъ я рада, сердечно благодарю васъ, барышня, я только что, но напрасно, искала для него книгу.

— И такъ, до свиданія,—сказала госпожа Эджкомбъ,—и простите за похищеніе вашей жилицы.

Онѣ вышли, а за ними послѣдовала съ сумкой въ рукѣ служанка, которой Ганна успѣла сунуть нѣсколько гульденовъ, единственное свое достояніе.

Усѣвшись въ экипажѣ, Ганна спросила:

— Куда прикажете ѣхать, въ гостинницу?

— Нѣтъ еще, мы сперва сдѣлаемъ нѣкоторыя покупки, потрудитесь дать адреса модныхъ магазиновъ, такъ какъ я чужая въ Вѣнѣ...

— Хорошо. На площадь Стефана!—крикнула Ганна кучеру.

— Я хочу купить маленькое приданое для путешествующей дамы,—сказала ея спутница немного погодя.—Большой сундукъ съ различными отдѣленіями для шляпъ, платьевъ, обуви, перчатокъ и всякихъ мелочей...

— Это довольно сложная задача,—улыбнулась Ганна;—но я видѣла въ вашей комнатѣ столько сундуковъ, что считала всѣ покупки уже сдѣланными.

— О, да, у меня за глаза довольно всего этого; но я говорю не о себѣ, а объ одной прелестной молодой дѣвушкѣ, у которой имѣется случайно только одна сумочка.

— О, госпожа Эджкомбъ!

— Это будетъ настоящимъ удовольствіемъ для насъ обѣихъ, неправда-ли? И такъ, давайте, весело примемся за дѣло. Когда представляется въ жизни случай невиннымъ образомъ повеселиться, или просто пріятная минута, подобно настоящей, то надо ею воспользоваться. Погодите, вы еще узнаете, какой я старый философъ.

XX.

— Я должна вамъ во всемъ признаться, госпожа Эджкомбъ, я иначе не могу...

— Въ чемъ-же, милое дитя?

Обѣ дамы сидѣли на балконѣ гостинницы въ Люцернѣ. Только что убрали завтракъ и лакей подалъ газеты, которыя Ганна ежедневно читала своей благодѣтельницѣ. Кромѣ нихъ лежалъ на столѣ еще не открытый англійскій романъ и рабочая корзинка съ начатымъ вязаньемъ. Госпожа Эджкомбъ любила слушать чтеніе съ работой въ рукахъ.

Ганна занимала уже шесть мѣсяцевъ свою новую должность, и была ею чрезвычайно довольна. Кажущаяся чахотка уступила мѣсто цвѣтущему здоровью. Обоюдная симпатія, притягивавшая съ первой минуты обѣихъ женщинъ другъ къ другу, усиливалась съ каждымъ днемъ. Разностороннее образованіе Ганны, ея музыкальный талантъ и интересныя бесѣды дѣлали ее рѣдкой компаньонкой. Что-же касается госпожи Эджкомбъ, то она была всегда въ ровномъ, веселомъ настроеніи, всегда одинаково ласкова и снисходительна.

Попутешествовавъ съ полгода, согласно заранѣе составленной программѣ, по Франціи, Италіи и Греціи, госпожѣ Эджкомбъ захотѣлось провести нѣкоторое время въ Швейцаріи. Люцернъ нравился ей преимущественно.

— Отдохнемте тутъ нѣсколько недѣль, — сказала она Ганнѣ. —Давайте любоваться, но не утомляться Швейцаріей. Незачѣмъ намъ взбираться на горы и лазить по ущельямъ. Отсюда намъ видны Альпы, озера, а швейцарскія коровы и англійскіе туристы и тутъ въ изобиліи.

Она никогда не распрашивала свою спутницу про ея прошлое. Зная, что оно покрыто облакомъ, ея врожденная деликатность мѣшала ей напрашиваться на откровенность. Но за

то она много и откровенно разсказывала про свое прошлое и настоящее положеніе.

Госпожа Эджкомбъ была дочерью нѣмецкаго ученаго. Въ домѣ отца она испытала всю горечь бѣдности, но научилась также философски относиться ко всѣмъ житейскимъ превратностямъ. На двадцать пятомъ году отъ роду ей сдѣлалъ одинъ путешественникъ, страшно богатый англичанинъ, предложеніе, на которое всѣ, не исключая и самой невѣсты, дали съ радостью свое согласіе.

Господинъ Эджкомбъ повезъ жену въ свои помѣстья въ Кентѣ. Тутъ жизнь ея, хотя и была скрашена богатствомъ и роскошью, но потекла однообразно и скучно. Семья мужа и сосѣди смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, присущимъ англійской аристократіи, на иностранку. Къ тому-же и пуританская набожность ихъ не согласовалась съ либеральнымъ воспитаніемъ дочери философа. Слишкомъ гордая чтобъ навязываться, госпожа Эджкомбъ предпочла уйти въ себя и жить исключительно для своихъ дѣтей и для своего дома. Мужъ ея былъ страстнымъ охотникомъ и хозяиномъ; къ женѣ относился сердечно и ласково, но она не была центромъ его жизни; она составляла только часть его дома, пожалуй украшеніе его, когда предсѣдательствовала за столомъ.

Госпожѣ Эджкомбъ было суждено пережить еще много горя. Дѣти ея умерли одинъ за другимъ отъ дѣтскихъ болѣзней; мужъ, охваченный вдругъ политическимъ честолюбіемъ, чуть не раззорился, чтобъ добиться выбора въ парламентъ. Онъ не былъ выбранъ, но долги все росли, такъ какъ онъ, не смотря на мольбы жены сократить домашніе расходы, объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Чтобъ покрыть долги, господинъ Эджкомбъ пустился, наконецъ, въ спекуляціи и раззореніе было неизбѣжно. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, ихъ старинный домъ былъ даже уже назначенъ въ продажу, еслибъ неожиданное наслѣдство не дало ему возможности расплатиться съ долгами и начать снова прежній образъ жизни. Отъ политическихъ и спекулятивныхъ стремленій онъ былъ разъ навсегда излеченъ, и отдался весь охотѣ и хозяйству.

Послѣ двадцати шести лѣтней супружеской жизни, господинъ Эджкомбъ умеръ, оставивъ женѣ все свое значительное состояніе. Она искренно горевала по немъ и жила еще нѣ-

сколько лѣтъ одиноко въ имѣніи. Родители ея давно умерли, а другихъ близкихъ родственниковъ у нея не было. Но вдругъ въ ней заговорила любовь къ родинѣ, захотѣлось закончить свои дни въ Германіи, а раньше попутешествовать и лично увидѣть знакомыя по книгамъ страны. Съ этой цѣлью она ликвидировала всѣ дѣла, разсчитывая оставить Англію навсегда.

Вотъ приблизительно про какіе воспоминанія и планы Ганна узнала изъ разговоровъ своей покровительницы. И ей уже давно хотѣлось разсказать о себѣ и, ничего не скрывая, отвѣчать на всѣ ея вопросы. Но госпожа Эджкомбъ ни о чемъ не спрашивала.

Тогда, не въ силахъ больше сдержать свое страстное желаніе высказаться, она воскликнула:

— Я должна вамъ во всемъ признатсья!

— Въ чемъ, милое дитя?—сказала госпожа Эджкомбъ,— вы меня пугаете.

— Даже рискуя быть вами оттолкнутой, даже презираемой и ненавистной вамъ...

— Милая, вы только не кидайте такихъ громкихъ словъ! „ненавистной—презираемой!“ многое нужно для того, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ право питать такія чувства къ другому, особенно послѣ самообвиненія. Вы только преувеличиваете...

— А вы ангелъ доброты, великодушія и снисходительности... однако, я должна вамъ все разсказать, но какъ это тяжело, не знаю, съ чего и начать...

— Конечно, тяжело исповѣдываться, и большею частью при этомъ обвиняешь себя больше чѣмъ слѣдуетъ. Хотите, я вамъ помогу? Ваша вина состояла въ томъ, что вы повѣрили обольстительнымъ клятвамъ любви...

— Это не все.

— Оставили родительскій домъ?

— Нѣтъ, не то, у меня родителей нѣтъ. Я покинула мужа...

— Мужа! такъ вы замужемъ, дитя?

— Да, госпожа Эджкомбъ. Я нарушительница брачнаго союза, хотя собственно никогда мужу не измѣняла, и теперь я потеряла на вѣки свой домъ, свое имя и достоинство, и хотя я сама и не испытала грѣховнаго счастья, тѣмъ не менѣе сдѣлала человѣка несчастнымъ.

Ганна закрыла лицо руками и зарыдала.

Госпожа Эджкомбъ была замѣтно тронута и разстроена.

— Я васъ не вполнѣ понимаю, вы должны мнѣ разсказать всѣ подробности, только не сразу, а постепенно; а то, что вы при воспоминаніи о сдѣланномъ мужу злѣ плачете, это мнѣ больше говоритъ въ вашу пользу, чѣмъ длинныя рѣчи...

XXI.

Мало по малу, искусно выпытываемая почтенной дамой, Ганна сообщила ей все свое прошлое. Когда она закончила свой разсказъ, госпожа Эджкомбъ погрузилась въ глубокое раздумье. Наконецъ, Ганна прервала молчаніе.

— Что-же, вы, которая навѣрное безгрѣшны, строго меня осуждаете, и имѣете право бросить въ меня камень...

— Право? Какъ можно такъ искажать смыслъ Христова изреченія! Нѣтъ, милая, я не хочу бросить въ васъ камнемъ— но тѣмъ не менѣе вы очень виноваты и несчастны, и мнѣ васъ крайне, крайне жаль. Какъ вы изломали и исковеркали свою жизнь... Я раздумывала о томъ, что можно сдѣлать, и полагаю, не думаете-лы и вы также, что самое лучшее было бы вамъ вновь сойтись съ вашимъ мужемъ.

— Съ моимъ мужемъ? Нѣтъ, онъ оттолкнетъ меня, и имѣлъ бы на это полное право.

— Кто знаетъ, не тоскуетъ-ли онъ по васъ, не былъ ли бы онъ счастливъ найти васъ вновь и притомъ не виновной?

— Нѣтъ, я уже была виновна, когда только задумала измѣну.

— Да, въ нравственномъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ для него будетъ большимъ утѣшеніемъ сознаніе, что вы остались чистой и незапятнанной.

Ганна разсказала ей про два письма, которыя она написала домой, изъ которыхъ на одно Эвальдъ совсѣмъ не отвѣтилъ, а генеральша дала на другое такой рѣзкій, безсердечный отвѣтъ.

— Знаете, что мы съ вами предпримемъ, Ганна? Ѣдемте въ городъ, который вы покинули, я хочу переговорить съ вашимъ мужемъ.

— Ахъ, я боюсь, и мнѣ такъ совѣстно.

— Васъ никто не узнаетъ. Вы останетесь въ гостинницѣ, пока я буду розыскивать вашего мужа, я выдамъ васъ за дочь или племянницу, и никто въ васъ не предположитъ бѣглянки.

— Я такъ извѣстна въ городишкѣ...

— Ну, тогда выкрасьте вашу бѣлокурую головку въ черный цвѣтъ и вы будете неузнаваемы. Если господинъ Бальманъ не протянетъ вамъ руки примиренія, тогда мы уѣдемъ оттуда, но онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, что вы не блуждаете одинокой въ свѣтѣ, не падаете все ниже и ниже; только я думаю, продолжала она, онъ будетъ очень счастливъ найти свою потерянную заблудшую жену и взять ее изъ подъ моей опеки и будетъ ее любить больше прежняго а также онъ увидитъ, что часть вины падаетъ на него самого, не съумѣвшаго уберечь свое сокровище.

— Такъ вы дѣйствительно думаете, что примиреніе возможно? Самое тяжелое при этомъ, какъ для него, такъ и для меня, были бы вызванные этимъ толки и пересуды.

— И объ этомъ я подумала. Оставаться жить въ городѣ, гдѣ это случилось—неудобно, но онъ, какъ учитель, можетъ устроиться въ любомъ мѣстѣ, и я думаю, что при моихъ связяхъ, мы этого легко достигнемъ, а пока, до пріисканія чего-либо подходящаго, мой домъ для васъ всегда открытъ... а затѣмъ, милая Ганна, вы устроитесь своимъ домомъ на новомъ мѣстѣ, и для меня ваше отсутствіе будетъ не малымъ лишеніемъ.

— А я-то сударыня, думаете-ли вы, что мнѣ легко былъ бы васъ оставить?

— Конечно, но во всякомъ случаѣ для васъ нѣтъ лучшаго убѣжища, какъ подъ супружескимъ кровомъ, и повѣрьте мнѣ— свѣтъ уже такъ устроенъ, да и вы сами это испытали, нѣтъ ничего тяжелѣе для женщины, какъ не легальное положеніе. Ужъ на что вы считали себя спокойной и увѣренной въ объятіяхъ возлюбленнаго — вдругъ неожиданный случай, смерть, и вы очутились безпомощной и потерянной. И если бы даже онъ и не умеръ, то любовь его къ содержанкѣ, простите за рѣзкое, но правдивое слово, могла бы легко умереть и положеніе ваше было бы не лучше.

— Я это знаю, слишкомъ скоро содержанкѣ пришлось бы

уступить мѣсто невѣстѣ,—и Ганна разсказала ей о слышанномъ ею разговорѣ въ домѣ графини Пальмъ.

— Ну, вотъ видите, милый другъ, вамъ надо вернуться въ оставленную вами такъ легкомысленно пристань и постараться бросить тамъ якорь. Я беру на себя всѣ переговоры, вѣдь господинъ Бальманъ вамъ не противенъ, не невыносимъ и тому подобное?

— Нѣтъ, нѣтъ—напротивъ!

— Вы любите его?

— Любить? Я этого не могу сказать, но я къ нему очень привязана.

— Это самый прочный видъ супружеской любви, всѣ же остальные только отголоски медоваго мѣсяца. Не было-ли между вами несходства характеровъ?

— Это точно. Эвальдъ относился ко всему такъ сухо, такъ холодно, и я не могла быть съ нимъ вполнѣ естественна, между нами было точно постоянное недоразумѣніе.

— Все это очень печально, я это тоже испытала. Но полное счастье вѣдь такъ рѣдко на землѣ. Впрочемъ, довольно объ этомъ, вы и такъ находите меня вѣрно очень странной моралисткой?

— Нѣтъ, улыбнулась Ганна, но я вижу, что вы очень осуждаете забывшихъ свой домъ.

— Не осуждаю, а глубоко сожалѣю.

XXII.

Уже черезъ нѣсколько дней госпожа Эджкомбъ привела рѣшенную поѣздку въ Австрію въ исполненіе. Ганна сама не знала каково у нея на душѣ: будетъ-ли она рада свиданію и возможному соединенію съ мужемъ или нѣтъ. Но для нея былъ слишкомъ ясенъ путь долга, на который ее хотѣла направить почтенная дама, чтобы она могла сопротивляться.

Была уже ночь, когда обѣ дамы прибыли къ цѣли своего путешествія. Зданіе вокзала было новое, и поэтому Ганна была избавлена отъ слишкомъ тягостныхъ воспоминаній того, какъ она годъ тому назадъ отсюда бѣжала съ смѣшанными чувствами раскаивающейся жены и жаждущей свиданія любовницы. Выйдя изъ вагона, старая дама взяла Ганну подъ руку и нѣжно шепнула ей:

— Смѣлѣе, другъ мой, все будетъ хорошо, не дрожите такъ, не холодно-ли вамъ?

— Нѣтъ, не холодно, но меня пробираетъ дрожь. Какъ все здѣсь перемѣнилось, я здѣсь ничего не узнаю.

— Хорошій признакъ: старое исчезло и забылось.

Носильщикъ помогъ имъ внести вещи, и онѣ отправились въ гостинницу.

На другое утро, послѣ завтрака, часовъ около одиннадцати, госпожа Эджкомбъ собралась ѣхать и велѣла подать экипажъ.

— Боже, что изъ этого только выйдетъ! —вздохнула Ганна.

— Вѣроятно, я вернусь черезъ часъ вмѣстѣ съ вашимъ супругомъ. Вы другъ другу кинетесь въ объятія, а я наслаждусь самымъ упоительнымъ зрѣлищемъ—раскаянія и прощенія. Что это будутъ за слезы, за поцѣлуи, я просто буду вамъ завидовать, особенно ему, потому что онъ найдетъ потерянное.

— Кто знаетъ, не ошибаетесь-ли вы, не всѣ люди умѣютъ прощать.

—Однако, я ѣду, ждите насъ, или вѣрнѣе, жди, поправилась она; разъ я выдамъ васъ здѣсь за свою племянницу, то я не должна говорить вамъ „вы“, и надѣюсь, вы противъ этого ничего не будете имѣть?

— Ахъ, это мое искреннее желаніе, зовите меня только всегда „ты“.

— Хорошо, милая, такъ будетъ гораздо естественнѣе. И такъ до свиданія, крѣпись и помни, что бы ни случилось — я буду всегда съ тобой.

— Какъ должна я васъ за это благодарить, сударыня!

— Зови меня „тетей“.

— Дорогая, милая тетя!

Госпожа Эджкомбъ простилась и уѣхала. Ганна осталась одна и глядѣла въ окно на уѣзжавшую. Квартира Эвальда— когда-то ея квартира — была недалеко; ея судьба должна скоро рѣшиться. Ее охватила дрожь, остановилось дыханіе. Она отошла отъ окна и вошла въ спальню; тутъ она опустилась у кровати на колѣни, и такъ собиралась провести все время ожиданія.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулась госпожа Эджкомбъ. Ганна вскочила.

— Однѣ, воскликнула она, что-же, онъ не хочетъ меня видѣть?

— Господинъ Бальманъ уѣхалъ и его мѣстопребываніе на прежней квартирѣ неизвѣстно.

— Уѣхалъ? Какъ могъ онъ уѣхать... его положеніе не позволяло ему этого. Не случилось-ли съ нимъ какого несчастія... скажите, Бога ради, мнѣ все... не щадите меня,—я не заслуживаю пощады.

— Успокойся, я тебѣ говорю правду, твой мужъ уѣхалъ и неизвѣстно куда, но мы это узнаемъ. Вернулась-же я только для того, чтобы сократить твое напряженное ожиданіе, и сейчасъ-же я отправляюсь въ путь, чтобы узнать пребываніе нашего бѣглеца. Прежде всего заѣду къ директору гимназіи, да кстати, гдѣ живетъ твоя крестная: проще всего справиться у нея.

— Генеральша фонъ-Орфальви живетъ на Главной площади № 12, но вы знаете, какъ холодно и сурово она ко мнѣ отнеслась. Не говорите ей, что я здѣсь... мнѣ было бы тяжело съ нею встрѣтиться.

— Будь спокойна, я тебя навѣрное избавлю отъ всякаго униженія; разъ твоего мужа нѣтъ, совершенно лишнее, чтобы кто-либо зналъ о твоемъ присутствіи здѣсь, а пока до свиданія, экипажъ меня ждетъ, ты же въ ожиданіи меня успокойся... я вѣроятно привезу его адресъ и, быть можетъ, мы еще сегодня уѣдемъ отсюда.

XXIII.

— Извините, ваше превосходительство, какая-то незнакомая дама желаетъ васъ видѣть, — докладываетъ госпожѣ фонъ-Орфальви вошедшая горничная.

— Ахъ, это вѣроятно какая-нибудь попрошайка;—я тебѣ неоднократно запрещала докладывать мнѣ о незнакомыхъ.

— Дама очень элегантная, не думаю, чтобъ это была попрошайка.

— Ну, такъ проси ее сюда, только подай мнѣ прежде мой чепчикъ съ красными лентами.

Едва успѣла генеральша принарядиться, какъ дверь отворилась и въ комнату вошла госпожа Эджкомбъ.

— Извините, госпожа фонъ-Орфальви, что, не имѣя чести

быть съ вами знакомой, я позволяю себѣ васъ безпокоить, но это по дѣлу и для васъ не безъинтересному... оно касается близкой вамъ семьи Бальманъ.

Генеральша отступила шагъ назадъ.

— Названное семейство мнѣ не близко.

— Вотъ какъ? А я думала, что молодая женщина ваша крестница и вышла замужъ изъ вашего дома?

— Это точно, я заинтересовалась молодой осиротѣвшей дѣвушкой, дальней родственницей, дочерью моего кузена, вступившею въ неравный бракъ, но такъ какъ она пошла по слѣдамъ своей матери, то я и отказалась отъ нея, да и не знаю даже, что съ нею сталось.

— Я знаю, молодая женщина совершила проступокъ, быть можетъ, она и до этого дурно себя вела...

— Нѣтъ, до той минуты, когда она оставила своего мужа, она вела себя образцово, и я думала, что мой примѣръ, преподаваемыя ей мною правила и моя строгость сдѣлаютъ изъ нея порядочную женщину... но что вы хотите? дочь искательницы приключеній, американки...

— Конечно, Америка — страна испорченная, въ европейской аристократіи развѣ бываютъ невѣрныя жены?—проговорила съ проніей госпожа Эджкомбъ.—Но вотъ о чемъ я хотѣла васъ спросить: извѣстно ли вамъ пребываніе покинутаго мужа, и какія онъ чувства питаетъ къ своей женѣ?

— Онъ, бѣдный, былъ страшно удрученъ обрушившимся на него несчастіемъ. Адреса его я не знаю; знаю только, что отсюда онъ отправился во Франкфуртъ, гдѣ, говорятъ, ему досталось наслѣдство. Но для чего собственно вы меня разспрашиваете объ этихъ людяхъ? Встрѣтились-ли вы случайно съ ними гдѣ-нибудь?

— Такъ точно, я видѣла молодую Бальманъ въ Вѣнѣ.

— Неужели? Когда и какъ? Что сталось съ нею?—спросила генеральша съ любопытствомъ.

— Ахъ, Боже, на той дорогѣ, на которую бѣдняжка попала, изъ нея могло выйти самое худое.

Генеральша вздохнула.

— Да, вы правы,—сказала она,—кто разъ сталъ порочнымъ, тому помочь уже нельзя, можно только съ сожалѣніемъ отвернуться отъ него.

— То есть, вѣрнѣе, съ отвращеніемъ... сожалѣніе не отворачивается.

— Да, именно съ отвращеніемъ. Я вижу, мы сходимся во мнѣніяхъ. Итакъ, она окончательно пала?

— Еслибъ она пала окончательно, то тѣмъ больше отвѣтственности падало бы на безсердечно оттолкнувшихъ ее людей, которыхъ она умоляла о помощи. Но къ счастью, ваша крестница не погибла.

— О, прошу васъ, не называйте эту особу моей крестницей, я знать не хочу бѣжавшую отъ мужа женщину.

— Какъ вы однако строги...

— Что дѣлать—у всякаго свои принципы. Но вы мнѣ все еще не сказали, при какихъ обстоятельствахъ вы встрѣтили госпожу Бальманъ?

— Простите меня, сударыня, если я вамъ на это не отвѣчу. Я вижу, у васъ сохранилось мало симпатій къ ней бѣдной, поэтому нахожу совершенно излишнимъ разсказывать вамъ про ея судьбу. Вы, быть можетъ, немного любопытны, но несчастнымъ нужно участіе, а не любопытство.

Съ этими словами госпожа Эджкомбъ встала со стула.

— Мнѣ остается только просить у васъ извиненія за непріятную помѣху и поблагодарить за любезный пріемъ и данныя свѣдѣнія.

Генеральша поднялась также. Она не знала, ни что сказать, ни какъ понять все это, но ей чувствовалось нѣчто обидное въ обращеніи съ нею чужой дамы.

— Сдѣлайте одолженіе, я съ большимъ удовольствіемъ...

Госпожа Эджкомбъ поклонилась съ холодной вѣжливостью и вышла, но генеральша была весь день не въ духѣ.

Ганна ожидала возвращенія своего друга въ напряженномъ состояніи. Что она услышитъ о старомъ другѣ ея дѣтства? А вдругъ обѣ женщины войдутъ сейчасъ вмѣстѣ?..

Но госпожа Эджкомбъ пришла одна.

— Милая Ганна, рѣшено: мы сегодня-же уѣзжаемъ изъ этого противнаго города; твоего мужа надо прежде всего искать во Франкфуртѣ, гдѣ ему досталось наслѣдство.

— А крестная? она вѣрно все еще сердится на меня? о чемъ вы говорили съ нею?

— Къ чему повторять? Я даже сама хорошенько не помню. Она хотѣла узнать о твоей судьбѣ, но я ей ничего не сооб-

щила. Прошу тебя, не будемъ больше говорить о генеральшѣ; я провела у нея тяжелыя четверть часа — мнѣ стоило большаго труда не сказать ей нѣсколько грубыхъ словъ. Черезъ часъ идетъ поѣздъ, насъ ничто тутъ больше не удерживаетъ. Ни за что на свѣтѣ не желала бы я получить отвѣтный визитъ генеральши и чтобъ она встрѣтилась у меня съ тобою. Бѣжимъ. Наше путешествіе становится все сложнѣе, это уже не простая прогулка. Гнаться за мужемъ и бѣжать отъ крестной!

XXIV.

Во Франкфуртѣ, куда обѣ женщины направились, онѣ узнали, что получивъ наслѣдство, Бальманъ уѣхалъ въ Гамбургъ и оттуда въ Америку. Такъ далеко онѣ не захотѣли отправиться безъ болѣе точныхъ свѣдѣній, и поэтому поручили агенту разыскиваніе Бальмана. Но уже въ Нью-Іоркѣ слѣды его терялись; въ консульствѣ, въ полиціи, въ гостинницахъ, вездѣ были сдѣланы запросы, но безуспѣшно, такъ что агенту осталось только передать дѣло американскому товарищу по профессіи, который обѣщался извѣщать отъ времени до времени о ходѣ дѣла.

— Наша земля слишкомъ кругла и мала, чтобъ не встрѣтиться больше съ нашимъ бѣглецомъ,—утѣшала госпожа Эджкомбъ Ганну.

— Но, дорогая тетя, откровенно говоря, я вовсе не жажду найти своего обиженнаго мною мужа. Онъ теперь богатъ, путешествуетъ—что было всегда его мечтой—онъ вѣроятно счастливъ; и еще вопросъ, захочетъ-ли онъ снова ради меня пожертвовать своею свободой?..

— Глупости, онъ былъ бы очень счастливъ получить тебя обратно. Но ты сама развѣ не любишь его больше?

— Я не знаю,—вздыхая отвѣтила Ганна.—Я его люблю, да, но мы не понимаемъ другъ друга.

— Это конечно несчастье. Но обождемъ. Пока ты остаешься моею племянницей. Сохрани также свои черные волосы, они отлично къ тебѣ идутъ, и пусть никто тебя не узнаетъ, даже... даже твой мужъ, если мы его случайно встрѣтимъ.

Ганна чувствовала себя такъ хорошо, такъ уютно около своей старой подруги, что другаго желанія у нея не было, какъ продолжать жить въ этомъ мирномъ домѣ, подъ новымъ

именемъ, съ новой внѣшностью, однимъ словомъ, новое существо ничѣмъ не напоминающее прежнюю Ганну.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ послѣ ихъ прибытія во Франкфуртъ. Послѣдняя телеграмма изъ Америки сообщала, что розыски продолжаются усердно, но пока безуспѣшно.

Въ одно утро госпожа Эджкомбъ объявила желаніе отдохнуть отъ путешествій и изъявила свое намѣреніе приступить къ пріобрѣтенію какой-нибудь осѣдлости.

— Ганна,—сказала она,—возьми большой листъ бумаги и карандашъ. Мы будемъ строить планы и подводить итоги. Это будетъ гигантская работа, ты удивишься.

Ганна взяла требуемое и съ веселой улыбкой—она вѣдь тоже когда-то любила строить планы—сѣла противъ госпожи Эджкомбъ.

— Я готова, съ чего мы начнемъ?

— Съ бюджета. Это весьма важно при устройствѣ; отъ этого зависитъ, будетъ-ли человѣкъ бѣденъ или богатъ.

— Я думаю, послѣднее зависитъ отъ размѣра состоянія, замѣтила Ганна.

— Ты думаешь? Такъ ты, значитъ, раздѣляешь общую ошибку? Быть богатымъ — это вѣдь понятіе относительное. Одинъ называетъ богатствомъ ежегодный доходъ въ восемьсотъ марокъ, другой въ восемьдесятъ тысячъ марокъ, а одинъ молодой человѣкъ увѣрялъ меня, что онъ совершенно удовлетворится доходомъ герцога Норфолькскаго, въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.—Но положительно богатъ только тотъ, у котораго доходъ превышаетъ расходъ. Но я не только относительно, но и положительно богата, такъ какъ двѣ трети моего дохода я собираюсь вписать въ рубрику „непредвидѣнные расходы“. Итакъ, пиши: Доходу десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, это составляетъ около двухъ сотъ тысячъ марокъ.

Ганна вскочила.

— Но это вѣдь ужасно много. На это можно имѣть дворецъ и въ городѣ, и за городомъ, и экипажи, и...

— Да, да, продолжай только: и дворецкаго, и напудренныхъ лакеевъ, повара француза и картинныя галлереи и балы, и—непріятности и мученія всякаго рода—и при нѣкоторомъ безпорядкѣ, даже долги и раззореніе. Нѣтъ, мы иначе устроимся, чтобы быть невѣроятно богатыми: купимъ маленькую, хорошенькую виллу. Запиши это. Обстановку сдѣлаемъ изъ

сбереженій перваго же года. Кромѣ того у меня есть въ Англіи много изящныхъ вещей, семейныхъ сувениpовъ, портретовъ и художественныхъ предметовъ и цѣлые ящики пріобрѣтенныхъ въ путешествіяхъ рѣдкостей. Какъ только у меня будетъ вилла, я выпишу всѣ эти предметы. Затѣмъ пиши дальше. Служебный персоналъ будетъ состоять изъ двухъ камеристокъ, кухарки, судомойки, двухъ лакеевъ, кучера.

— Такъ все-таки будетъ экипажъ?—спросила Ганна.

— Да, но намъ достаточно имѣть коляску и купе и пару хорошихъ лошадей на конюшнѣ, и одну верховую лошадь для тебя.

— Для меня? верховую лошадь? Какой восторгъ!.. Объ этомъ я всегда мечтала... Какъ вы добры, божественная тетушка!

— Вотъ видишь, какую я радость тебѣ доставила этимъ пустяшнымъ обѣщаніемъ. И такъ, прибавь еще конюха. Остается еще размѣръ ихъ жалованья. Наши лакеи будутъ получать по двѣнадцати марокъ въ мѣсяцъ, одна горничная столько же, а другая полтораста...

Ганна прервала свое записываніе.

— Но, дорогая тетя, простите за замѣчаніе: это, быть можетъ, англійскія цѣны, но въ Германіи прислугѣ не такъ много платятъ...

— Это мои цѣны, милое дитя, и онѣ основаны на извѣстномъ принципѣ; какъ видишь, я старая провинціальная педантка. Я плачу прислугѣ вдвое дороже, чѣмъ она того требуетъ, но за то замѣтила ли ты, съ какимъ рвеніемъ они исполняютъ мои приказанія?

— Откровенно говоря, я еще не слыхала таковыхъ изъ вашихъ устъ. Только и слышишь за каждый поданный стаканъ воды вѣжливое „спасибо“, за всякую удавшуюся работу ласковую похвалу и даже за сдѣланныя неловкости улыбку прощенія. Это, также вашъ принципъ, тетя?

— Нѣтъ, это только естественно. И такъ, мы покончимъ съ вопросомъ о прислугѣ. Остается еще столъ, отопленіе, освѣщеніе, туалеты, удовольствія, леченіе и много другихъ вопросовъ.

Еще нѣсколько часовъ ушло на пополненіе бюджета.

— Теперь остается еще рубрика „непредвидѣнные расходы“,—сказала Ганна.

— Да, сосчитай записанныя цифры и разница отъ итога до цифры моего дохода предназначается на эту знаменитую рубрику, которая въ большинствѣ хозяйствъ оставлена слишкомъ въ обрѣзъ и составляетъ поэтому источникъ всякихъ заботъ, между тѣмъ какъ для насъ это будетъ источникъ высшихъ радостей.

Ганна сосчитала.

— Сорокъ пять тысячъ марокъ,—проговорила она.

— Значитъ, остается сто пятьдесятъ пять тысячъ марокъ. Дѣйствительно, милое дитя, я богата, какъ Крезъ.

XXV.

Госпожа Эджкомбъ остановила свой выборъ на Висбаденѣ. Прелестный курортъ представляетъ смѣсь городскихъ, деревенскихъ и свѣтскихъ удовольствій.

Тутъ мы находимъ обѣихъ женщинъ восемь лѣтъ спустя. Время ихъ еще больше сблизило; онѣ любили другъ друга, какъ мать и дочь. Мысль о Бальманѣ стала для обѣихъ страшилищемъ. Что еслибъ онъ вдругъ вернулся и захотѣлъ отискать жену, чтобъ взять ее обратно? У Ганны воспоминаніе о мужѣ стушевывалось все больше и больше; его возвращеніе внушило бы ей одинъ только страхъ, въ родѣ воскресенія неоплакиваемаго мертвеца. Уже при жизни, то-есть во время ихъ брачной жизни, онъ былъ ей чуждъ; на сколько болѣе это было бы теперь, когда она такъ много пережила и видѣла, когда она даже не могла понять, какъ тотъ скромный учитель съ своимъ узкимъ кругозоромъ могъ быть ея мужемъ!

Но страшное видѣніе не показывалось. Вѣроятно,—думала Ганна,—Эвальдъ живетъ подъ чужимъ именемъ въ далекой Америкѣ и не намѣренъ болѣе возвращаться. Эта мысль успокаивала ее.

У госпожи Эджкомбъ, „женщины съ принципами“, какъ она себя называла, былъ и принципъ для воспитанія. Она поставила себѣ цѣлью сдѣлать изъ своей компаньонки настоящаго друга въ душевномъ отношеніи, и для этого она предприняла систематическое развитіе и возвышеніе ея душевныхъ качествъ; но дѣлала это не путемъ скучныхъ лекцій эстетики и морали, а при помощи единственно только чтенія

и ученія. Двадцатилѣтняя Ганна, съ ея поверхностными знаніями, считала себя высоко образованной, она и понятія не имѣла объ ограниченности своего міровоззрѣнія. Читая своему старому другу различныя научныя сочиненія и очерки о современныхъ спорныхъ вопросахъ и про политическія событія нашихъ дней, она находила это чтеніе вначалѣ очень сухимъ и смотрѣла на это, какъ на исполненіе своихъ обязанностей. Но понемногу она стала понимать нѣкоторые изъ прочитанныхъ ею вопросовъ, и вмѣстѣ съ пониманіемъ явился интересъ, который госпожа Эджкомбъ съумѣла еще развить разными вопросами, спорами и нарочно высказываемыми сомнѣніями. Нѣкоторое время спустя Ганна сама не понимала, какъ можно было такъ долго жить, не подозрѣвая даже ничего о всѣхъ этихъ вопросахъ. Въ музыкальномъ отношеніи госпожа Эджкомбъ также заставила ее перейти отъ безсмысленнаго диллетантизма въ область настоящаго искусства. Успѣхи ея были тутъ поразительны и такъ какъ они все возрастали, то она часто сама себя спрашивала: до чего же я дойду, наконецъ, если это такъ будетъ продолжаться?

Жизнь, которую вели обѣ женщины, была полна интереса и разнообразія; ихъ небольшое жилье представляло изъ себя идеалъ комфорта и изящества. Три мѣсяца въ году онѣ проводили въ путешествіяхъ. Госпожа Эджкомбъ любила также и общество; въ ея домѣ собирались ученые, художники, чѣмъ либо выдающіеся иностранцы и т. п. Всѣ проѣзжающія черезъ Висбаденъ знаменитости считали за честь быть ей представленными. Такъ называемую свѣтскую жизнь, проходящую въ балахъ, маскарадахъ и визитахъ, она не любила; чувствовала себя слишкомъ старой, а Ганну она держала отъ такой жизни подальше, считая ее неудобной въ ея положеніи. Конечно, красота Ганны привлекала къ ней много поклонниковъ, но она, наученная горькимъ опытомъ, умѣла всегда во время отклонить и остановить ихъ ухаживанія.

Что еще болѣе отталкивало ее отъ ухаживателей, это мысль, что цѣль ихъ ухаживаній ея предполагаемое богатство; она все еще слыла незамужней племянницей баснословно богатой госпожи Эджкомбъ, и въ ней видѣли главную ея наслѣдницу.

Такъ прожила Ганна, безъ борьбы и сердечныхъ порывовъ, цѣлыхъ восемь лѣтъ, заботясь только о расширеніи своихъ знаній и развитіи своего таланта. Изъ пустой, легкомысленной,

только ищущей удовольствій, она превратилась въ спокойную, разумную женщину. И наружность ея также сильно, почти до неузнаваемости, измѣнилась: ея формы округлились, выраженіе лица сдѣлалось болѣе серьезнымъ и осмысленнымъ.

XXVI.

Были сумерки, когда госпожа Эджкомбъ съ Ганной возвратились послѣ одной увеселительной поѣздки къ себѣ на дачу. Въ открытую балконную дверь съ терассы врывался чудный ароматъ розъ и доносились звуки отдаленной музыки. Вошедшій лакей собирался зажечь лампы.

— Нѣтъ, еще рано, я позвоню, когда будетъ нужно, и еслибы кто пришелъ, то скажите, что насъ дома нѣтъ.

Когда лакей удалился, она, обращаясь къ Ганнѣ, сказала:

— Мнѣ бы хотѣлось сегодняшній вечеръ провести съ тобою вдвоемъ, если ты противъ этого ничего не имѣешь?

— Напротивъ, я очень рада, что мы останемся однѣ, мы можемъ кое-что почитать.

— Нѣтъ, читать мы сегодня не будемъ, я имѣю тебѣ нѣчто сообщить, и очень рада это сдѣлать въ полумракѣ, по крайней мѣрѣ не увижу того, какъ ты покраснѣешь.

— Покраснѣю? что-же я такое сдѣлала?

— Сдѣлала, не знаю, но, быть можетъ, думала, испытывала...

— Однако, тетя, я въ васъ никакъ не предполагала такой инквизиторши.

— Ну, инквизицію-то мы пока оставимъ въ сторонѣ, а дѣло въ томъ, что баронъ Текенъ просилъ у меня твоей руки.

— Вотъ какъ? И что-же вы ему на это отвѣтили?

— То, что мы обыкновенно отвѣчаемъ въ такихъ случаяхъ, что ты не желаешь выходить замужъ; но мнѣ было очень жаль оскорбить его отказомъ и тѣмъ нажить себѣ недруга. Ты не подавала ли ему надежды, не кокетничала съ нимъ?

— Нѣтъ, никогда, и вотъ причина, почему онъ помимо меня обратился прямо къ вамъ, я дала ему даже разъ понять, что не могу располагать своей рукой и сердцемъ...

— Рукой, это правда, но сердцемъ, такъ ли это, Jane? Я

сама часто объ этомъ думала и тебѣ это говорила, но за послѣднее время въ моей совѣсти возникъ вопросъ: не требую-ли я этимъ отъ тебя чего-нибудь сверхъестественнаго? Я была всегда холодная, разсудительная, поэтому мнѣ, можетъ быть, не хватаетъ пониманія того, что происходитъ въ душѣ страстной, въ полномъ цвѣтѣ красоты и силъ, молодой женщины... и я задаю себѣ вопросъ: что еслибы въ тебѣ вновь заговорило чувство, имѣю ли я право препятствовать ему?

— Тетя, вы меня удивляете! Ужъ не хотите ли мнѣ посовѣтовать... взять любовника? И откуда у васъ подобныя мысли, кажется я не давала вамъ повода своимъ поведеніемъ такъ думать?..

— Любовника? Нѣтъ, дитя, я говорила о чувствѣ, которое не слушается ни совѣтовъ, ни добрыхъ намѣреній, а очертя голову бросается въ бездну. И не поведеніе твое вызвало во мнѣ подобныя мысли, а перемѣна, произошедшая вообще съ тобой. Съ нѣкоторыхъ поръ ты разсѣяна, больше того, ты безпокойна, взволнована. То ты краснѣешь вдругъ и также безпричинно блѣднѣешь, то ты вздыхаешь, то грустно смотришь въ даль... Все это бросилось мнѣ въ глаза, и мнѣ захотѣлось заглянуть въ глубь твоей души... Скажи мнѣ свои самыя сокровенныя мысли, Jane, ты имѣешь во мнѣ настоящаго друга. Ужъ не любишь ли ты кого-либо?

— Благодаря вамъ, дорогая тетя, я нахожусь вѣдь въ самомъ беззаботномъ положеніи; оглядываясь на послѣдніе восемь лѣтъ, я должна считать себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ и благодарить васъ день и ночь за вашу доброту. Такъ и было до послѣдняго времени, когда на меня вдругъ стала нападать то безпричинная грусть, то страстное желаніе испытать неизвѣданное, бурное счастье. Откуда взялись эти порывы, когда я стала вполнѣ разсудительной, приближаясь къ тридцати годамъ?

— Въ томъ-то и дѣло, Jane. Ты чувствуешь себя въ полномъ цвѣтѣ красоты и силъ, и боишься, что пора любви исчезнетъ для тебя, не давъ тебѣ желаннаго счастья. Но, скажи, кого именно любишь ты, не барона ли Текена?

— Нѣтъ, тетя, онъ для меня совершенно безразличенъ. Нѣтъ, то, чего жаждетъ мое сердце, для меня недостижимо. Это любви, да, но не игры въ любовь. Мнѣ не хватаетъ супружеской, дѣтской любви, однимъ словомъ: семейнаго счастья.

Я вижу теперь въ немъ такія радости, которыя были недоступны моему пониманію въ юности. Меня мучаетъ то, что теперь я никому не нужна, никто ко мнѣ не привязанъ...

— А я, Jane? Конечно, я на много лѣтъ старше тебя, и когда-нибудь ты останешься одинокой. Но подумай только, это вѣдь участь множества людей. И я безъ семьи, всѣ мои малютки были у меня отняты. Семейное счастье конечно чудная вещь, но къ чему мечтать о невозможномъ, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться всѣми доступными и возможными прелестями жизни?

— Да, вы правы, какъ всегда. Впрочемъ этотъ разговоръ облегчилъ меня. Я понимаю теперь, какъ безсмысленна моя хандра и мое тоскливое настроеніе, и они уже наполовину исчезли.

— Поди, поцѣлуй меня, моя мечтательница. А потомъ, позвони, чтобъ зажгли лампы, и мы за чаемъ докончимъ нашу интересную книгу: „The mill on the floss“.

XXVII.

На слѣдующій день, до обѣда, госпожа Эджкомбъ сидѣла одна въ своей роскошной, съ большимъ вкусомъ обставленной гостинной. Ганны не было дома, она отправилась навѣстить пріятельницу. Вошедшій лакей доложилъ о приходѣ домашняго врача, или вѣрнѣе друга дома, доктора Шеренберга, при видѣ котораго лицо госпожи Эджкомбъ просіяло.

— Какъ я рада васъ видѣть, милый докторъ, вы меня совсѣмъ забыли.

— Какъ видите, не совсѣмъ; но прежде всего, позвольте вамъ представить одного пріѣзжаго, рекомендованнаго мнѣ съ самой лучшей стороны,—и докторъ назвалъ фамилію, которую, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, хозяйка не разслышала.

Представленный такимъ образомъ незнакомецъ низко поклонился госпожѣ Эджкомбъ, и она съ общепринятымъ „очень рада“ просила ихъ садиться.

— Вы откуда къ намъ пріѣхали?

— Я изъ Филадельфіи, гдѣ проживалъ послѣдніе четыре года.

Госпожа Эджкомбъ вперила любопытный взоръ въ пріѣхав-

шаго такъ издалека. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти стройный, съ благородными чертами лица, хорошими манерами и безукоризненно одѣтый.

Между тремя собесѣдниками завязался разговоръ, вращавшійся все больше около литературныхъ и общественныхъ интересовъ, и прерванный только вопросомъ доктора:

— Что-же не видно вашей племянницы miss Jane?

— Она поѣхала къ пріятельницѣ, но, если не ошибаюсь, я слышу грохотъ въѣзжающаго во дворъ экипажа, она вѣроятно вернулась. Да вотъ и она сама.

— А, вы здѣсь, добрѣйшій докторъ,—сказала вошедшая, крѣпко пожимая доктору руку, и въ то же время бросая взоръ на незнакомца, поднявшагося со стула съ низкимъ поклономъ пристально глядѣвшаго на нее. Ее тоже поразило какое-то отдаленное сходство; гдѣ то видѣла она подобныя черты?

— Представляю тебѣ, милая Jane, господина... ахъ, простите, забыла вашу фамилію—у меня такая скверная память на имена...

Незнакомецъ вынулъ изъ изящнаго porte visite свою визитную карточку и съ поклономъ передалъ ее госпожѣ Эджкомбъ, положившей ее на столъ, не разобравъ, за наступившей темнотой, напечатанную на ней фамилію Бальманъ.

Супруги же все глядѣли другъ на друга, взволнованные, возбужденные, не узнавая одинъ другаго. Какое сходство!—промелькнуло только у обоихъ въ головѣ.

Разговоръ возобновился; на вопросъ госпожи Эджкомбъ долго-ли онъ еще пробудетъ въ Висбаденѣ, вопрошаемый отвѣтилъ:

— Все зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Или отъ того, сколько времени вамъ здѣсь будетъ нравиться...

— Что касается этого, то до сихъ поръ я только выношу самое лучшее впечатлѣніе... и при этомъ онъ невольно взглянулъ на Ганну.

— Ахъ, не поддавайтесь первымъ впечатлѣніямъ,—сказала та. Мы съ тетей очень много путешествовали и обыкновенно, мѣста, которыя намъ съ перваго раза очень нравились, впослѣдствіи намъ надоѣдали.

Тутъ поднялся небольшой споръ по поводу высказанныхъ взглядовъ, и нашъ незнакомецъ изложилъ съ такимъ пафосомъ

и въ такихъ поэтическихъ образахъ свои воззрѣнія на этотъ вопросъ, что докторъ Шеренбергъ съ комическимъ ужасомъ его упрекнулъ въ томъ, что онъ скрылъ отъ него свое поэтическое дарованіе.

— Да развѣ вы такой врагъ поэзіи?—обратилась Ганна къ доктору.

— Успокойтесь, докторъ,—сказалъ улыбаясь Бальманъ;—я никогда въ жизни не сочинялъ стиховъ. Когда-то я даже, можно сказать, боялся поэзіи, но съ тѣхъ поръ утекло много воды, и время и обстоятельства сильно измѣняютъ человѣка.

— Какъ вы правы въ этомъ!—подтвердила Ганна.

— Ну, ужъ едва-ли вамъ, сударыня, пришлось это испытать на себѣ. Ваша жизнь вѣроятно протекала всегда ровно и безмятежно. Но я могъ бы многое разсказать о перемѣнахъ, могущихъ произойти съ человѣкомъ.

— Такъ разскажите намъ,—попросила хозяйка,—это будетъ вѣроятно очень интересно въ психологическомъ отношеніи.

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ Бальманъ.—Только вы мнѣ позволите быть краткимъ: въ молодости я былъ врагъ людей; и не потому, чтобъ я ихъ зналъ съ дурной стороны, нѣтъ, а оттого, что я ихъ совсѣмъ не зналъ. Но вдругъ на меня обрушилось большое семейное несчастье, въ которомъ я, быть можетъ, больше всѣхъ былъ виноватъ, и оно мнѣ открыло сразу глаза на людскія отношенія и сдѣлало болѣе воспріимчивымъ къ человѣческимъ страданіямъ. Обычныя сухія занятія потеряли сразу для меня свою прелесть; чтобъ заглушить горе, я долженъ былъ ринуться въ водоворотъ жизни. Только тамъ я нашелъ забвеніе—все тутъ было для меня ново, и я самъ сталъ новымъ. Я набросился съ жадностью на чтеніе, увлекался театромъ и музыкой, и отдыхалъ душой въ этомъ мірѣ поэзіи и звуковъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, буря во мнѣ улеглась, но интересъ ко всему прекрасному остался. Все это конечно очень трудно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ...

Тутъ раздался звонокъ. Докторъ поднялся.

— Однако мы засидѣлись, вотъ уже и звонокъ, призывающій васъ къ обѣду, mesdames, позвольте намъ съ вами раскланяться.—Бальманъ поднялся также.

— Вамъ нечего и думать объ уходѣ, милый докторъ, я

васъ оставляю обѣдать. И васъ также... если вы не распорядились иначе своимъ вечеромъ...

Бальманъ сталъ отказываться, но докторъ не далъ ему договорить:

— Совѣтую вамъ послѣдовать моему примѣру и принять приглашеніе... Нигдѣ во всемъ мірѣ не ѣдятъ лучше, и еслибъ хозяйка была намъ не рада, то какъ я ее знаю, она не стала бы насъ удерживать.

— Браво, докторъ, воскликнула Ганна.

— Докторъ правъ, прибавила хозяйка. Оставайтесь безъ церемоній. Мы съ Jane только переодѣнемся къ обѣду.

Обѣ дамы оставили гостиную.

— Какія прелестныя женщины!—воскликнулъ Бальманъ въ полголоса.

— Вѣдь я вамъ говорилъ, что это самый пріятный домъ въ городѣ; я большой поклонникъ этой чудной женщины...

— Племянницы?

— Нѣтъ, тетки.

— Она напоминаетъ мнѣ мою первую... несчастную любовь.

— Кто, тетка?

— Нѣтъ, племянница. Она очень хороша.

— Но очень жестока. Берегитесь ее.

Черезъ полчаса звонокъ раздался вторично, и обѣ дамы вернулись, перемѣнивъ свои короткіе утренніе костюмы на вечернія платья. Докторъ подъ руку съ хозяйкой, а Бальманъ—съ своей женой, направились въ столовую. Обѣдъ былъ прекрасно сервированъ и маленькое общество болтало непринужденно за столомъ; докторъ Шеренбергъ по обыкновенію острилъ и громилъ человѣческіе недостатки, и его остроумныя замѣчанія вызывали сердечный смѣхъ со стороны хозяйки Ганна же была серьезнѣе и сосредоточеннѣе обыкновеннаго, ея новый знакомый производилъ на нее какое-то особое впечатлѣніе своимъ отдаленнымъ сходствомъ съ Эвальдомъ Бальманомъ, отъ котораго онъ впрочемъ выгодно отличался своей внѣшностью и увѣренными манерами. Ей вспомнился вчерашній разговоръ съ госпожей Эджкомбъ о возможности для нея влюбиться, и ей стало очень жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно, когда она замѣтила на себѣ пристальный, почти нѣжный взглядъ своего сосѣда. Послѣ обѣда всѣ перешли въ ку-

рительную комнату, куда подали душистый черный кофе, и мужчинамъ было разрѣшено курить.

Вечеръ закончился также мило и непринужденно въ обществѣ еще нѣсколькихъ, послѣ обѣда прибывшихъ знакомыхъ, какъ и начался. Ганна артистически сыграла на роялѣ нѣсколько Шумановскихъ пьесъ и затѣмъ сѣла за чайный столъ разливать чай. Бальманъ очутился за ея стуломъ.

— Никакъ не вѣрится,—сказалъ онъ,—что я нахожусь въ домѣ, въ который я вступилъ сегодня въ первый разъ, и что я познакомился съ вами всего только нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Мнѣ тоже кажется, что мы какъ будто съ вами давнишніе знакомые, отвѣтила Ганна.

— Кто знаетъ, не были-ли мы друзьями въ другомъ мірѣ,—замѣтилъ на это задумчиво Бальманъ.

Ганна усмѣхнулась:

— Или въ другой, давно прошедшей, эпохѣ...

— Что для насъ прошедшее—было-бы будущимъ нашимъ, сказалъ онъ со вздохомъ.

— Съ какимъ тяжелымъ вздохомъ вы это говорите, точно приговоренный въ послѣдніе дни своего существованія.

Такъ разговаривали они между собой, переходя отъ одной темы къ другой, при этомъ взоры ихъ часто встрѣчались и у обоихъ сейчасъ возникалъ въ памяти знакомый образъ, хотя она не могла дать себѣ отчета, въ чемъ они видятъ сходство и въ чемъ разницу. Ни у одного изъ нихъ однако не промелькнула мысль о тождествѣ.

Около полуночи общество разошлось и обѣ дамы остались однѣ.

— Какъ уже поздно, замѣтила госпожа Эджкомбъ, подавляя зѣвоту, и затѣмъ: Какой милый человѣкъ нашъ новый знакомый.

Ганна утвердительно кивнула головой.

— Ты устала, милая, пойдемъ спать.

— Нѣтъ, я не устала, — и Ганна при этомъ глубоко вздохнула.

— Что съ тобой, Jane? Ты какая-то особенная?

— Я и сама не знаю... что если то, о чемъ мы съ вами вчера говорили...

— О чемъ?

— Да о томъ, что еслибы я была свободна...

— Jane, развѣ этотъ незнакомецъ произвелъ на тебя такое впечатлѣніе?

Ганна въ это время приблизилась къ столику, на которомъ лежала данная незнакомцемъ карточка; ей хотѣлось узнать его фамилію,—но взглянувъ на нее, она упала съ пронзительнымъ крикомъ возлѣ столика на колѣни.

— Бога ради, что съ тобой, Jane?

Ганна поднялась; но отъ волненія не могла говорить; одной рукой она какъ-бы удерживала хотѣвшее выскочить изъ груди сердце, въ другой судорожно сжимала визитную карточку.

— Да что съ тобой, наконецъ?

Она подала госпожѣ Эджкомбъ карточку, и прерывающимся голосомъ сказала:

— Эвальдъ Бальманъ.

— Какъ, фамилія твоего мужа?

— Да, онъ самый, мой мужъ... мой дорогой возлюбленный супругъ...—и Ганна, припавъ головой къ груди стараго друга, не выдержавъ такого сильнаго потрясенія, истерически зарыдала.

Долго еще сидѣли обѣ женщины въ гостинной и разсуждали о случившемся. Ихъ тихое, мирное существованіе было этимъ совершенно нарушено; гдѣ же тутъ спать, да и случай-то какой: найти мужа и быть въ него влюбленной! и онъ также казался не совсѣмъ равнодушнымъ!

— Ахъ, какъ это хорошо случилось, что вы такимъ образомъ находите другъ друга, но почему же по твоимъ описаніямъ я представляла себѣ твоего мужа совершенно инымъ?

— Онъ, какъ это самъ разсказывалъ, въ эти восемь лѣтъ, какъ видно, совершенно измѣнился, поэтому я его и не узнала.

— Да и ты за это время значительно перемѣнилась.

— Это вѣрно, онъ поэтому меня также не узналъ. Что осталось отъ насъ обоихъ? Почти ничего. — Мы теперь встрѣчаемся какъ два совершенно другъ другу незнакомыхъ человѣка, сладкое чувство любви охватило насъ обоихъ, и мы оказываемся давно женатыми. Развѣ это не сказка, тетя? Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ хорошо. Я боюсь, что, если онъ узнаетъ, кто я, то онъ меня оттолкнетъ...

— Ты должна его влюбить въ себя — побѣдить.

— А если онъ связанъ теперь съ другой?

Такъ проболтали онѣ еще до двухъ часовъ ночи и затѣмъ разошлись по своимъ комнатамъ. Ганна долго еще не могла уснуть отъ волновавшихъ ее чувствъ и будущее рисовалось ей въ самыхъ ярыхъ краскахъ.

Для Ганны началась новая жизнь, ни за что въ мірѣ не желала бы она ее измѣнить. Бальманъ сдѣлался ихъ ежедневнымъ гостемъ, участвовалъ съ ними въ загородныхъ прогулкахъ, провожалъ ихъ въ концерты и театры и все больше и больше увлекался Ганной, которой онъ тоже становился съ каждымъ днемъ дороже и дороже. Она съ наслажденіемъ и не унижая своего достоинства женщины отдавалась сладостному чувству, къ тому же имѣющему всю прелесть тайнаго и запрещеннаго, такъ какъ онъ вѣдь не зналъ, что ухаживаетъ и добивается любви своей собственной жены.

Госпожа Эджкомбъ слѣдила съ живѣйшимъ любопытствомъ за развитіемъ этого романа и часто спрашивала Ганну:

— Итакъ, ты счастлива теперь?

— И какъ еще, какъ хороша жизнь, дорогая тетя!

— Когда же ты, наконецъ, откроешься ему?

— Ахъ, нѣтъ еще пока. Я хочу прежде увѣриться въ его любви.

— Увѣриться? да развѣ ты этого не видишь въ каждомъ его взглядѣ?..

Такъ прошло двѣ недѣли; нашимъ влюбленнымъ до сихъ поръ не удавалось оставаться на единѣ, когда имъ вдругъ улыбнулся случай: послѣ обѣда, за которымъ кромѣ доктора Шеренберга и Бальмана не было чужихъ, госпожа Эджкомбъ предложила доктору сыграть партію, другую въ шахматы; молодые же люди отправились черезъ открытую балконную дверь въ садъ и нѣсколько минутъ молча любовались послѣднимъ отблескомъ заходящаго солнца.

— Какой чудный, тихій вечеръ,—замѣтилъ Бальманъ.

Ганна кивнула утвердительно головой, и вновь наступило молчаніе,—молчаніе краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе любовнаго шопота и признаній.

Какъ это случилось?—привлекъ-ли онъ ее къ себѣ, сама-ли она приникла къ нему? этого они оба не знали, только головка ея склонилась къ нему на грудь, а его рука обняла

ея трепетный станъ; издали доносились къ нимъ звуки оркестра, игравшаго пѣснь Маргариты изъ Фауста:

„Люблю тебя такъ искренно, я вся твоя,
Готова умереть за тебя—умереть—умереть".

Съ послѣднимъ звукомъ оркестра, долетѣвшимъ до нихъ сквозь ночную тишину, уста ихъ слились въ долгій, сладкій поцѣлуй. Сердца ихъ соединились во едино.

XXVIII.

На слѣдующій день Ганнѣ подали письмо; она конечно сейчасъ же догадалась, отъ кого оно, и быстро, дрожащими руками, сорвавъ обложку, стала его читать:

Безконечно дорогая и любимая!

Чувствую себя крайне виноватымъ передъ вами, почти преступнымъ. То, что я долженъ былъ сообщить вамъ въ первый день нашего знакомства, скажутъ вамъ эти строки:—я женатъ, и не имѣлъ права добиваться вашей любви. Но развѣ любовь думаетъ о правахъ? Я не хочу оправдываться, хочу только сказать вамъ, что я вмѣстѣ одинокъ, жена моя покинула меня тому назадъ десять лѣтъ, чтобы послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ. Съ той поры я объ ней не имѣю никакихъ свѣдѣній. Жива-ли она? Я вспоминаю ея образъ какъ во снѣ... она была хороша, такъ хороша, что походила на васъ, чудная Jane. Это сходство и было первое, что меня поразило въ васъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница между вами! То было пустое, легкомысленное дитя, а вы—серьезная, развитая женщина. Что мнѣ теперь дѣлать? У вашихъ ногъ вымаливаю прощеніе за свое преступное молчаніе и жду вашего приговора. Не могу допустить мысли, что намъ необходимо разстаться, должны же быть какіе-нибудь пути и способы насъ соединить, я ни передъ чѣмъ не остановлюсь... или, быть можетъ, любовь наша такъ велика, что она не остановится передъ препятствіями и переступитъ всѣ преграды? Какъ быть, дорогая? Рѣшайте. Моя жизнь, все мое существованіе—въ твоихъ рукахъ!

Эвальдъ.

Какъ бы удивился авторъ письма, если бы онъ увидѣлъ улыбку, съ которой его читала та, которой онъ предполагалъ нанести имъ такой ужасный ударъ.

— Теперь, мнѣ кажется, — сказала Ганна, прочитавши госпожѣ Эджкомбъ письмо,—пора ему открыться; мнѣ почти жаль превратиться изъ серьезной, развитой женщины въ пустое, легкомысленное дитя.

— Совѣтую тебѣ еще обождать; такое внезапное срываніе маски можетъ вызвать въ немъ извѣстнаго рода разочарованіе. Я, на твоемъ мѣстѣ, привязала бы его еще больше... впрочемъ сама не знаю, что тебѣ присовѣтовать — положеніе небывалое.

Вошедшій лакей доложилъ о приходѣ доктора Шеренберга. Ганна направилась въ свою комнату, чтобы отвѣтить на письмо.

Докторъ Шеренбергъ вошелъ съ торжественной, нѣсколько недовольной физіономіей.

— Простите, добрый другъ мой, что я долженъ вамъ сдѣлать крайне непріятное сообщеніе, — нашъ американецъ, котораго я вамъ представилъ, сознался мнѣ во всемъ и даже въ томъ, что онъ женатъ, и я считаю себя невольной причиной того, что онъ, быть можетъ, разбилъ сердце вашей племянницы. Во всякомъ случаѣ онъ не долженъ больше переступать порогъ вашего дома.

— Успокойтесь, милый Шеренбергъ, не принимайте все это такъ близко къ сердцу, я васъ еще больше удивлю.

— Чѣмъ же?

— Jane также замужняя.

У бѣднаго доктора опустились руки, онъ могъ только пролепетать:

— Замужняя—она замужняя!

— Это еще не все, васъ еще больше поразитъ, если вы узнаете, что она не моя племянница, и что мужа ея зовутъ: Эвальдъ Бальманъ.

Тутъ она передала ему все намъ уже извѣстное, и только просила его не сообщать этого Бальману и предоставить развязку самой Ганнѣ.

Пока въ гостиной происходилъ этотъ разговоръ, Ганна, измѣненнымъ почеркомъ, написала Бальману, что, желая съ нимъ переговорить безъ свидѣтелей, она проситъ его немедленно придти къ нимъ въ садъ и ожидать ее въ уединенной бесѣдкѣ, находящейся въ самомъ концѣ сада, куда она и сама отправилась. Не прошло и десяти минутъ, какъ она заслы-

шала его шаги, и ей стоило немалыхъ усилій, чтобы удержаться и не броситься ему въ объятія. Одной рукой она оперлась на стоящій возлѣ нея столъ, другую же, когда онъ завидя ее, бросился къ ней, она подняла съ жестомъ, удержавшимъ его сразу на мѣстѣ.

— Вы меня отталкиваете? Развѣ для этого вы меня призвали?

— Я думаю, что между нами возможны только слова прощанія... Вѣдь вы не свободны...

— Прощаніе?—повторилъ онъ, и, взявъ обѣ ея руки въ свои:—да развѣ можно говорить о прощаніи, когда слова любви такъ и срываются съ устъ. Неужели вы такъ ненавидите, такъ презираете меня?

— Я не имѣю права васъ ненавидѣть, такъ какъ и сама не была съ вами откровенной... Я не то, за что вы меня принимаете,—я замужемъ...

— Вы? Замужемъ?

— Да, и мое положеніе хуже вашего; не мужъ мой бросилъ меня, а я покинула его десять лѣтъ тому назадъ...

— Что же, вы не были съ нимъ счастливы?

— Мы не подходили другъ къ другу, онъ былъ нелюдимъ, мрачный, сухой, какъ бы вамъ его описать, ну да такой, какимъ были вы въ молодости, какъ вы сами это разсказывали.

— Да, я понимаю, какъ мало такой человѣкъ подходилъ къ вамъ... и такъ вы бѣжали отъ него? Однѣ?

Ганна молчала.

— Однѣ?—повторилъ Бальманъ,—или же съ счастливцемъ, съумѣвшимъ васъ лучше оцѣнить? Отвѣчайте же!..

— Я не отвѣтственна за далекое прошлое предъ человѣкомъ, котораго только вчера полюбила.

— Только вчера, но котораго еще любишь сегодня, и всегда будешь любить, неправда ли, дорогая? — и онъ горячо сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.—Ты права, прошедшаго не существуетъ, намъ принадлежитъ настоящее, и такая, какъ ты теперь, такой я тебя люблю и обожаю.

— Теперь, да,—а въ будущемъ, что будетъ съ нами въ будущемъ?

— Посмотримъ будущности прямо въ глаза, бѣжимъ! Отправимся вмѣстѣ въ мою вторую родину—Америку. Тамъ насъ

никто не знаетъ, и мы заживемъ счастливо безъ заботъ и нужды. Ты согласна, Jane?

Не успѣла послѣдняя отвѣтить, какъ они услышали приближающіеся къ павильону шаги и голоса. Не подозрѣвая, что Ганна тутъ назначила своему мужу свиданіе, госпожа Эджкомбъ, прогуливавшаяся съ докторомъ по саду, захотѣла отдохнуть въ павильонѣ.

— Ты здѣсь, Jane? А, съ добрымъ утромъ, господинъ Бальманъ!

Докторъ вошелъ вслѣдъ за своей спутницей и подалъ руку Ганнѣ. Ея и безъ того пылающія щеки вспыхнули еще больше отъ мысли о томъ, что докторъ можетъ подумать объ этомъ накрытомъ свиданіи; больше всѣхъ растерялся Эвальдъ, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

Маленькое общество обмѣнялось нѣсколькими, ничего не значащими фразами, и направилось обратно въ комнаты. По дорогѣ Бальману удалось шепнуть Ганнѣ:

— Да, или нѣтъ?

— Уходите теперь,—отвѣтила она также шопотомъ. — Я хочу обдумать все наединѣ. Отвѣтъ вы получите потомъ.

— Jane, я тебя не отдамъ. Ты моя, я это чувствую.

— Я и сама думаю, что это такъ... но теперь уходите.

Проводивъ дамъ до самой террассы, мужчины раскланялись и ушли.

Оставшись однѣ, Ганна разсказала своей подругѣ все происшедшее въ павильонѣ.

— Значитъ, онъ тебя уговариваетъ бѣжать?—спросила та съ улыбкой.—Развязка приближается. Я чувствую, ты скоро улетишь изъ моего гнѣзда, и бѣдная тетка останется совсѣмъ одна.

Ганна бросилась ей на шею.

— Да ты меня задушишь, дитя! Ты только не думай, что я настолько эгоистична, что желала бы измѣнить или уничтожить все случившееся. Не омрачай своего счастья подобной мыслью. Я вѣдь пошутила насчетъ своего одиночества. У меня остается много друзей—и тебя я вѣдь тоже не совсѣмъ теряю, наоборотъ, у меня будетъ однимъ другомъ больше, въ лицѣ твоего мужа, котораго я и теперь отъ всей души люблю.

Вечеромъ того же дня Бальманъ былъ снова у госпожи Эджкомбъ, но у нихъ собралось такое большое общество, что

ему не удалось поговорить наединѣ съ любимой женщиной и онъ успѣлъ ей только незамѣтно передать письмо, въ которомъ онъ на восьми страницахъ умолялъ объ одномъ: о побѣгѣ.

На слѣдующій день Ганна вошла въ комнату госпожи Эджкомбъ, держа два письма въ рукахъ.

— Тетя,—сказала она,—я пришла сообщить вамъ, что сегодня я васъ тайкомъ оставлю, я бѣгу сегодня отъ васъ. Когда стемнѣетъ, я крадучись выйду изъ дому, а вы, ничего не подозрѣвая объ этомъ, не найдете больше своей Jane.

— Что ты собираешься дѣлать?

— Прочтите письмо Эвальда и затѣмъ мой отвѣтъ, и скажите: отправить ли его?

Отвѣтъ Ганны заключалъ въ себѣ одну только строчку: „Да, я приду“.

Госпожа Эджкомбъ молча заклеила конвертъ и, позвонивъ, велѣла сейчасъ же снести письмо по адресу.

Ганна бросилась опять ее обнимать.

— А теперь пойди, сдѣлай свои приготовленія къ отъѣзду, да смотри, потихоньку, чтобы я ни о чемъ не догадывалась. Мнѣ также нужно приготовить кое-что. Я дамъ тебѣ съ собой запечатанное письмо, которое прошу тебя открыть только тогда, когда твой соблазнитель узнаетъ въ тебѣ свою жену. Когда ты ѣдешь?

— Въ четыре часа. Эвальдъ уѣдетъ съ предъидущимъ поѣздомъ и будетъ меня ждать въ Вестэндъ-отелѣ во Франкфуртѣ.

— Такъ свиданіе произойдетъ тамъ? А помнишь ли, какъ мы жили въ той же гостинницѣ и собирали свѣдѣнія объ Эвальдѣ черезъ разныхъ агентовъ и полицейскихъ? Кто бы подумалъ, что онъ тамъ же будетъ ожидать тебя, какъ „счастливѣйшій изъ смертныхъ?!“

Въ половинѣ четвертаго экипажъ былъ поданъ, и лакей снесъ чемоданъ Ганны.

— Ты уже готова, дорогое дитя?—обратилась госпожа Эджкомбъ къ вошедшей.—Какъ я вижу, побѣгъ удается тебѣ на славу.

— Я пришла проститься съ вами.

— Такъ до свиданія, Jane.

Молодая женщина была глубоко взволнована.

— Прощайте, единственный мой, дорогой мой другъ... Теперь, когда я иду на встрѣчу новому счастью, я должна васъ благодарить за все, что вы для меня сдѣлали... Вы были моей защитницей и спасительницей. Вамъ я обязана всѣмъ, всѣмъ!..

Ганна опустилась на колѣни и, рыдая, цѣловала руки госпожи Эджкомбъ.

— Jane, Jane, дорогая! Вѣдь ты мнѣ тоже доставила не мало радостей. Встань, голубчикъ мой, еще опоздаешь къ поѣзду. Вотъ и письмо, которое ты прочтешь вмѣстѣ съ своимъ мужемъ.

Ганна взяла письмо и, крѣпко расцѣловавшись со старой дамой, поспѣшила къ экипажу. Взглянувъ еще разъ на окна госпожи Эджкомбъ, она увидѣла послѣднюю на балконѣ, весело махавшую платкомъ „тайно бѣжавшей“.

XXIX.

— Приготовлена ли комната для госпожи Эвальдъ?—спросила Ганна у швейцара гостинницы во Франкфуртѣ.

— Точно такъ, сударыня. Господинъ Эвальдъ уже пріѣхалъ. Потрудитесь подняться въ двѣнадцатый номеръ.

Сердце громко стучало у Ганны, когда она поднималась по лѣстницѣ. Лакей открылъ дверь и, впустивъ ее, снова ее закрылъ.

Ее встрѣтилъ восторженный крикъ: Jane! двѣ руки страстно ее обняли, и долго влюбленные не находили словъ для выраженія обуревавшихъ ихъ чувствъ.

— Мое счастье неизмѣримо, счастлива ли и ты вполнѣ?— заговорилъ наконецъ Эвальдъ.

— Еще не совсѣмъ, отвѣтила Ганна. Мнѣ необходимо съ тобой поговорить, и отъ этого разговора будетъ зависѣть, суждено ли оно намъ вполнѣ.

Ганна сѣла въ кресло, Бальманъ, опираясь о каминъ, любящимъ взоромъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Позволь мнѣ предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ и отвѣчай всю правду.

— Охотно. Что тебѣ угодно знать?

— Во первыхъ: не чувствуешь ли ты въ эту минуту нѣ-

которыхъ угрызеній совѣсти? вѣдь то, что ты сдѣлалъ, не совсѣмъ безупречно...

— Я обѣщалъ тебѣ быть искреннимъ. Да, я чувствую, что мой поступокъ не безусловно честенъ... но мучаетъ ли меня это сознаніе? Нѣтъ. Я не былъ бы человѣкомъ, не кровь текла бы въ моихъ жилахъ, еслибъ я испытывалъ мученія въ подобныя минуты. Представь себѣ умирающаго отъ жажды путешественника въ пустынѣ, который наконецъ послѣ многихъ дней достигаетъ источника,—будь въ немъ даже вѣрная смерть, онъ, не колеблясь, приложитъ къ нему свои запекшіяся губы. Такъ и я, Jane, не отдамъ блаженство этого часа за всѣ блаженства загробной жизни.

Онъ хотѣлъ нагнуться и запечатлѣть свою рѣчь поцѣлуемъ, но Ганна воспротивилась.

— Оставь меня... Я не хочу больше ни одного поцѣлуя, который бы не былъ предназначенъ именно мнѣ.

— Что ты, я тебя не понимию...

— Сядь тамъ, Эвальдъ, противъ меня, и дай собраться съ мыслями...

Онъ покачалъ улыбаясь головой и послушался. Ганна была прекрасна: щеки ея пылали, глаза блестѣли, и все ея подвижное лицо отражало всѣ ея думы и чувства.

— Такъ выслушай меня серьезно, Эвальдъ,—заговорила она немного погодя. — Прежде всего я предложу тебѣ еще одинъ вопросъ. Вспоминаешь ли ты иногда свою жену и съ какими чувствами?

— Ты боишься, что воспоминаніе о ней будетъ стоять между нами?

— Не думай о причинахъ моего вопроса, а отвѣчай на него.

— Изволь. Я скажу тебѣ всю правду. Мысль о женѣ— это единственный диссонансъ въ моемъ теперешнемъ настроеніи. Мнѣ кажется, я виноватъ передъ нею. Не слишкомъ ли жестоко я поступилъ, не стараясь ее отъискать и считая ее умершей? Кто знаетъ, не погибла ли она оттого, что была лишена возможности вернуться и испросить прощеніе? Да, каюсь: я былъ жестокъ. Но теперь поздно, я люблю другую, и никто не отниметъ ее у меня...

— Она очень провинилась передъ тобою?

— Да, тогда она нанесла мнѣ страшный ударъ, но могу

ли я сегодня на нее сердиться? Что она такого сдѣлала, бѣдное дитя? въ сущности, она поступила немногимъ хуже насъ. Она не любила меня, и была мною не такъ любима, какъ желала того... другой далъ ей, быть можетъ, полное счастье... Но, зачѣмъ намъ говорить о ней, о потерянной, поговоримъ лучше о тебѣ. Что собственно ты хотѣла мнѣ сказать?

— Я хотѣла тебѣ разсказать про себя, про свое прошлое. Пока мы еще не связаны съ тобой, я могу вернуться въ свою прежнюю обстановку... если, послѣ моего покаянія, ты меня не прижмешь къ своей груди... то я уѣду еще сегодня въ Висбаденъ... никто ничего не узнаетъ объ этомъ приключеніи, и мы будемъ оба снова свободны.

— Неужели, Jane, ты это считаешь еще возможнымъ? Лучше не разсказывай мнѣ про старый, давно забытый грѣхъ. Я знаю и люблю тебя, какой ты есть, не желаю знать, какой ты была. Приблизительно я вѣдь знаю, что ты оставила нелюбимаго мужа, чтобъ послѣдовать за другимъ. Не будь напрасно моей ревности описаніемъ той потухшей любви... вѣрно онъ оказался недостойнымъ ея? Сегодня ты любишь меня, на сегодня довольно съ меня этого. А впредъ ты будешь меня вѣчно любить, это будетъ моей постоянной заботой.

— Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ хорошо отъ твоихъ словъ!

— Но все-таки слушай меня. Ты угадалъ, въ чемъ я тебѣ хотѣла сознаться: девять лѣтъ тому назадъ я покинула своего мужа, чтобы броситься въ объятія возлюбленнаго... но я никогда не отдыхала въ нихъ. Онъ умеръ въ тотъ самый часъ, когда я его ожидала... Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, клянусь нашей любовью, вѣришь ты моимъ словамъ, Эвальдъ?

— Да, я вѣрю.

— А теперь, мнѣ нужно испросить твое прощеніе за прошедшее. И кажется, ты мнѣ дашь его отъ всего сердца... О, Эвальдъ, дай цѣловать себя... дай отдохнуть на твоей груди... Какъ тутъ хорошо и спокойно...

— Дорогая, ненаглядная, отчего ты такъ дрожишь, отчего плачешь?

— Не отъ страха, не отъ сознанія своей вины, нѣтъ. То, въ чемъ я раньше клялась: что никогда никому я не принадлежала, кромѣ мужа... въ этомъ я могу поклясться и завтра и всегда, до конца жизни моей. Я вѣдь твоя—возьми меня!

— Что ты тамъ говоришь?

— Ты меня не понимаешь, Эвальдъ? Взгляни на меня... не смотри на мои волосы... посмотри мнѣ въ глаза... неужели ты меня не узнаешь?

Оба какъ будто окаменѣли на одну минуту, затѣмъ раздался крикъ—и онъ прижалъ узнанную къ своему сердцу:

— Ганна, жена моя!

* * *

Только на другое утро Ганна вспомнила про письмо госпожи Эджкомбъ. Доставъ его изъ чемодана, она сказала:

— Эвальдъ, вотъ письмо отъ моего стараго друга, которое она мнѣ поручила прочесть вмѣстѣ съ тобой послѣ нашего примиренія. Вѣдь мы примирились? прибавила она, улыбаясь.

— Такъ, на половину, шутилъ онъ.

Вскрывъ печать, Эвальдъ прочелъ громко: Дорогіе дѣти мои! Теперь былъ бы самый подходящій моментъ, произнести очень торжественную рѣчь—но мнѣ самой слишкомъ весело, чтобы быть серьезной. Но чувствуя себя въ нѣкоторомъ родѣ. посаженной матерью невѣсты, я хочу также участвовать въ вашемъ праздникѣ; вѣдь совершенно естественно, что я хочу дать маленькое приданое своей Jane, бывшей мнѣ столько лѣтъ дорогой дочерью, поэтому я присылаю вамъ чекъ на тоскующіе въ лондонскомъ банкѣ сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Купите на эти деньги все, что вамъ вздумается, это меня не касается.

Полагаю, что вамъ не зачѣмъ бѣжать по ту сторону океана; быть можетъ, у васъ есть желаніе увидѣть своего стараго друга. Имѣя эту возможность въ виду, я васъ буду ждать завтра, въ четвергъ, къ обѣду. Мы будемъ веселиться, какъ дѣти. Я пригласила только одного доктора, который не мало посмѣется надъ вами. Я разсказала ему о вашемъ бѣгствѣ и вообще весь вашъ романъ.

Васъ обнимаетъ и благословляетъ ваша вѣрная

Аделанда Эджкомбъ.

Старые новобрачные уѣхали съ первымъ же поѣздомъ въ Висбаденъ.

КОНЕЦЪ.

Редакторъ-Издатель И. А. Баталинъ.

1835.—БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ—1895.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 3—4-хъ листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и копіями съ картинъ выдающихся художниковъ.

КРОМѢ 52-ХЪ НУМЕРОВЪ ЖУРНАЛА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТНО

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. 12 КНИГЪ ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Романы, повѣсти и разсказы: Додэ, Диккенса, Бретъ-Гарда, Золя, Кеплинга, Мопассана, Свифта, Сервентеса, Сенкевича, и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ.—II. 40 НУМЕРОВЪ «Романы и повѣсти (съ иллюстраціями).—III. 24 НУМЕРА «Новѣйшихъ модъ».—IV. 40 НУМЕРОВЪ игръ, задачъ и ребусовъ.—V. 15 НУМЕРОВЪ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій».—VI. 12 НУМЕРОВЪ ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину.—VII. 12 НУМЕРОВЪ «НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ».—VIII. ЧЕТЫРЕ НУМЕРА «Образцовъ для выпиливанія».—IX. СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи), отпечатан. въ ПЯТЬ красокъ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) «НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ».

Эта новая оригинальная книга и весьма цѣнная премія состоитъ изъ большаго фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплетѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя свѣдѣнія, въ особенности эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

II) ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) «Возвращеніе изъ гостей», 2) «Сокольничій на охотѣ», худ. Н. Каразина. 3) Какъ началась живопись», Н. Матвѣева. 4) «Нападеніе волковъ», Н. Оболенскаго.

Кромѣ ПЯТИ безплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длина 22½ вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина—

«ЖЕРТВА ВОЛГИ»

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ и КОМПОЗИТОРОВЪ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ III (въ Бозѣ почившій). 2) Е. И. В. Гос. Имп. МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. 3) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій и 10) Графъ Л. Толстой. Цѣна бюста: для подписчиковъ ЧЕТЫРЕ руб. Неподписчиковъ 5 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ СПБ. и по Имперіи) 8 р. **НА ПОЛГОДА** 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб.—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Ежедневная политическая и литературная газета
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Выходитъ съ художественными иллюстраціями въ текстѣ, а именно: портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также рисунками, относящимися къ историческимъ и современнымъ событіямъ.

Въ 1895 году **ВТОРОЕ** изданіе газеты „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“ вступаетъ въ **ТРЕТІЙ ГОДЪ** существованія, представляя собою въ Россіи **ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.** Наше желаніе дать читателямъ за скромную подписную цѣну **ЕЖЕДНЕВНУЮ** политическую и литературную газету, отражающую въ сжатыхъ описаніяхъ, статьяхъ, фельетонахъ и замѣткахъ весь ходъ общественной, государственной и международной жизни, съ дополненіемъ сообщеній, посвященныхъ интереснымъ событіямъ — художественными иллюстраціями, встрѣтило общее сочувствіе. Поэтому, въ будущемъ, мы намѣрены еще болѣе расширить отдѣлы газеты.

НА ГОДЪ

4 Р.

ВТОРОЕ изданіе газеты „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“ **выходитъ въ свѣтъ ЕЖЕДНЕВНО** листами, даже въ дни, слѣдующіе за праздниками (**въ годъ 360 полныхъ НУМЕРОВЪ.**

Въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщаются передовыя статьи, обсуждаются различныя выдающіяся событія, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, а также вопросы столичной и провинціальной жизни, съ точки зрѣнія интересовъ и пользы всего населенія; затѣмъ сообщаются всѣ новости дня изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой и общественной жизни, рецензіи, судебные отчеты (интересные въ бытовомъ отношеніи), спортъ, торговые и биржевые бюллетени, телеграммы и корреспонденціи.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газета даетъ оригинальные романы, повѣсти, разсказы, историческіе анекдоты, мемуары, стихотворенія, а также разные, полезные въ сельской жизни, научные, врачебные и хозяйственные совѣты, календарныя, хронологическія, метеорологическія, справочныя свѣдѣнія, загадки и шарады.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“, какъ дешевое ежедневное изданіе, имѣетъ громадное и неоспоримое преимущество передъ другими подобными потому, что каждый нумеръ его составляется со строгимъ выборомъ спеціально газетнаго „злободневнаго“ матеріала, включая и ночныя извѣстія. Такимъ образомъ каждый нумеръ этого изданія вполнѣ знакомитъ читателя со всѣми государственными и другими важными новостями дня—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Р. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:** **4 Р.**

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи)—4 р.
На полгода—2 руб. На три мѣсяца—**ОДИНЪ** рубль.

Годовые подписчики, выславшіе сполна подписную сумму по адресу Главной Конторы, получатъ безплатно, воспроизведенный въ 27 красокъ, портретъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

НОВОСТЬ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ. Съ 1 января 1895 г., при газетѣ „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“, будетъ выходить **НОВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ**, въ видѣ самостоятельнаго литературнаго журнала подъ названіемъ:

«ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ),

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (историческіе и современные) русскихъ и иностранныхъ писателей. Книжки будутъ выходить ежемѣсячно въ форматѣ „Вѣстника Европы“ отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ»:** **2 Р. 50 К.**

На годъ (за 12 большихъ книгъ) съ доставкою—4 р.
На полгода (за 6 книгъ)—2 р. 50 к.

Съ подпискою на оба изданія просятъ обращаться исключительно въ Главную контору: С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина м., д. № 68—40.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

1812. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

Ежедневная политическая, ученая и литературная газета

Годъ изданія 83-й. — (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) — Годъ изданія 83-й.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШАГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Рядъ реформъ и постепенныхъ улучшеній въ газетѣ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», произведенныхъ съ переходомъ ея къ нынѣшнему издателю и при новомъ составѣ редакціи, съ сохраненіемъ прежней ея скромной подписной цѣны, способствовали тому, что газета, въ настоящее время, даетъ своимъ читателямъ въ ежедневныхъ нумерахъ всегда **своевременно** руководящія политическія, научныя, экономическія и др. статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ общественною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, а также телеграммы, корреспонденціи со всѣхъ мѣстъ Россіи, биржевыя свѣдѣнія, судебные отчеты, литературныя, театральныя и музыкальныя новости, рецензіи, спортъ и проч. **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ**, а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ, вполнѣ замѣняетъ собою

ДОРОГОЕ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, подписчики получатъ:

1) Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора НИКОЛАЯ II.

Воспроизведенный въ 27 красокъ съ портрета, писаного извѣстнымъ художникомъ В. И. Думитрашко.

2) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА: гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

3) **СОРОКЪ НУМЕРОВЪ: «РОМАНЫ и ПОВѢСТИ»** (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составитъ въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.

4) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ»**, замѣняютъ «МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ».

5) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи). Разсылается при первомъ нумерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

НОВОСТЬ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ: Съ 1 января 1893 г. при газетѣ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, будетъ выходить НОВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ, въ видѣ большаго литературнаго журнала:

«ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ „Вѣстника Европы“, отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою): **4 Р.**

На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р., 50 к.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ могутъ получить при подпискѣ новыя художественныя изданія:

1) **«ЖЕРТВА ВОЛГИ»** (историческій эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина). Воспроизведена въ 28 красокъ съ картины извѣстнаго художника С. ВЕРЕЩАГИНА. (Размѣръ картины: длина 22½ вершка, вышина 16 вершковъ). 2) „БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ“, профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на съемкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

СЪ ПОДПИСКОЮ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЕЮ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЕЮ.

БОЛЬШАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ

газета.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“—безусловно независимый и самостоятельный органъ печати со строгой выдержанностью направленія, стойкостью и послѣдовательностью взглядовъ. Свободная отъ мѣстныхъ вліяній эта газета является наиболѣе полнымъ ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій, и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Съ цѣлью еще большаго расширенія всѣхъ ежедневныхъ отдѣловъ, съ ноября форматъ ЕЖЕДНЕВНОЙ газеты УВЕЛИЧЕНЪ до теперешняго его большаго объема, причемъ цѣлый рядъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ, вошелъ въ составъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сгруппировавъ около нашего изданія лучшія силы отечественной литературы, редакція увеличиваетъ съ декабря с. г. ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕРЪ газеты до размѣра десяти страницъ, изъ коихъ восемь (печатаемыя на бѣлой глазированной бумагѣ) будутъ всецѣло посвящены беллетристикѣ, художественной, научной и литературной критикѣ, бесѣдамъ, касающимся дома и семьи. Въ концѣ года будетъ данъ особый заглавный листъ съ перечнемъ помѣщеннаго въ воскресныхъ номерахъ газеты литературнаго матеріала.

Каждый подписчикъ втораго изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей» получаетъ, такимъ образомъ, за нѣсколько лѣтъ, безъ всякой добавочной платы цѣнную библіотеку новѣйшей русской беллетристики.

Втеченіе наступающаго года появятся на столбцахъ нашей газеты спеціально написанныя для «Биржевыхъ Вѣдомостей» новѣйшія русскія беллетристическія произведенія слѣдующихъ, хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ, художниковъ слова: Н. П. Аксаковъ, М. Н. Альбовъ. Сергѣй Атава (С. Н. Терпигорьевъ), К. С. Баранцевичъ, проф. Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка), П. П. Гнѣдичъ, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линевъ, Н. С. Лѣсковъ, А. А. Луговой, К. В. Лукашевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Н. А. Соловьевъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО при газетѣ выпускаются, какъ безплатное приложеніе, поочередно одинъ изъ трехъ журналовъ: 1) «земледѣльческій листокъ», 2) „фабрично-промышленный вѣстникъ», 3) «страховой сборникъ».

Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ 2-го изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей “высылаемъ за 14 коп. (почтовыми марками) номера за одну недѣлю включительно съ пробнымъ воскреснымъ номеромъ.

Новые годовые подписчики (безъ разсрочки), внесшіе до 15 декабря деньги непосредственно въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербургѣ, получатъ газету БЕЗПЛАТНО въ декабрѣ 1894 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на второе изданіе

„Биржевыхъ Вѣдомостей“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи: на годъ 4 руб., на полгода 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб., на 1 мѣсяцъ 35 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Невскій пр., 28.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

въ 1895 году.

ГАЗЕТА политическая, экономическая и литературная, самая большая и распространенная на югѣ Россіи между РУССКИМЪ населеніемъ

(годъ двадцать седьмой).

„Новороссійскій телеграфъ“, по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (не менѣе 330 №№ въ годъ)

Въ 1894 г. „Новороссійскій Телеграфъ“ отпраздновалъ двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія.

Газета наша была первою частной газетой въ Одессѣ и теперь она старѣйшая газета въ Одессѣ. Выходя двадцать первый годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, „Новороссійскій Телеграфъ“ принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Никакихъ интересовъ, кромѣ русскихъ, наша газета никогда не защищала. Она всегда поддерживаетъ идею: «Россія для русскихъ».

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ, что и въ прежнее время. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей приметъ- участіе извѣстный Петербургскій фельетонистъ Буква (г. Васплевскій), украшающій страницы „Нов. Телеграфа“ семнадцать лѣтъ. Извѣстный писатель П. П. Гнѣдичъ, Лепта (г. Стечькинъ). и др. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Наручевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу) бывшій редакторъ „Одесскаго Вѣстника М. М. Арнольдъ, (политическій отдѣлъ) и др.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ. Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты. Въ текущемъ году редакція по прежнему помѣщаетъ рисунки, касающіеся современныхъ событій. портреты выдающихся дѣятелей и пользуется услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, доставляющихъ намъ ежедневно важнѣйшія свѣдѣнія по внутреннимъ вопросамъ законодательнымъ, административнымъ экономическимъ, финансовымъ и пр.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ 2 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ. Кромѣ телеграммъ «Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, втеченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ. „Новороссійскій Телеграфъ,“ по своей программѣ, имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда, а также отдѣлъ Юридическій хроники, представляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній. Этими правами не пользуется теперь ни одна изъ остальныхъ мѣстахъ газетъ. Подписка принимается; въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіи газеты; при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова. Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекѣ А. Т. Гришенко (Губернская улица, домъ Шилькреда). въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха въ Николаевѣ; въ книжномъ магазинѣ г. Шаха; въ Херсонѣ; въ магазинѣ П. Н. Михайловой.

Условія подписки:

Безъ доставки и пересылки.						Съ доставкой и пересылкой.					
На 1 мѣсяцъ		1 р.	на 7 мѣсяцевъ		7 р.	На 1 м.	1 р.	20 к.	на 7 м.	8 р.	40 к.
„ 2	„	2 „	„ 8	„	8 „	„ 2 „	2 „	40 „	„ 8 „	9 „	60 „
„ 3	„	3 „	„ 9	„	9 „	„ 3 „	3 „	60 „	„ 9 „	10 „	80 „
„ 4	„	4 „	„ 10	„	10 „	„ 4 „	4 „	80 „	„ 10 „	12 „	— „
„ 5	„	5 „	„ 11	„	11 „	„ 5 „	6 „	— „	„ 11 „	13 „	— „
„ 6	„	6 „	„ 12	„	12 „	„ 6 „	7 „	20 „	„ 12 „	14 „	— „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменныхъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ. съ условіемъ высылки денегъ втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1895 года.

Редакторъ-издатель Ш. Озмидовъ.